

П.А. Сорокин

Питирим Сорокин
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Редакционная коллегия:

А.К. Конюхов, П.П. Кротов, В.П. Марков, В.В. Сапов

ЦЕНТР «НАСЛЕДИЕ» ИМЕНИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ ФНИЦС РАН

PITIRIM A. SOROKIN FOUNDATION

Питирим Сорокин

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ
ТЕОРИИ ПРАВА, СОЦИОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

*Издано при поддержке
Правительства Республики Коми*

Сорокин П. А.

Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова.

В настоящий том собрания сочинений всемирно известного социолога П. Сорокина (1889–1968) вошли три научно-популярные книги, написанные в 1919–1923 гг.: «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве», «Общедоступный учебник социологии» и «Популярные очерки социальной педагогики и политики». С момента их первого издания прошло уже почти сто лет, тем не менее они не утратили своей актуальности и научно-педагогического потенциала. Кроме того, в совокупности они представляют собой первый набросок грандиозной социологической системы, созданной П. Сорокиным в последующие десятилетия. «Популярные очерки социальной педагогики и политики» в России издаются впервые.

Издание будет полезно и тем, кто только начинает изучение права, социологии и социальной педагогики, и тем, кто интересуется жизнью и творчеством П. Сорокина.

ПИТИРИМ СОРОКИН – ПОПУЛЯРИЗАТОР СОЦИАЛЬНОГО ЗНАНИЯ

1918 г., безусловно, оказался самым трагическим в жизни Питирима Сорокина. Год начался с ареста и почти весь прошел в тюрьме, в ожидании тюрьмы или попытках избежать тюрьмы и весьма вероятной по тем временам казни. Хотя впереди у него была еще бóльшая часть жизни, таких «приключений» (необходимости скрываться в лесах, в течение нескольких месяцев ожидать смертной казни и внутренне готовиться к ней) у него, к счастью, никогда уже не будет. Неудивительно, что 1918 г. оказался в научном плане и самым непродуктивным. Библиография за этот год состоит всего из нескольких наименований. Каким-то чудом Сорокину удалось передать на волю поздравление журналу «Русское богатство» по случаю его 25-летия. Журнал издавался с 1876 г., он неоднократно переходил из рук в руки, менялся состав его редакции и круг публиковавшихся в нем авторов, но в 1892 г. его, наконец, возглавили Н.К. Михайловский и В.Г. Короленко, и он стал почти официальным органом «народников» (с этого года они и повели свое «летоисчисление»), тех самых «друзей народа», с разоблачения которых начал свою литературную деятельность молодой Владимир Ульянов. Фактически же этот юбилей журнала превратился в тризну: большевики закроют его в сентябре 1918 г., как, впрочем, и бóльшую часть остальных «буржуазных» изданий.

В разгар лета 1918 г. в местной газете на родине Сорокина была напечатана его речь «О текущем моменте», вызвавшая бурную реакцию со стороны как пробольшевистских, так и антибольшевистских кругов¹. Впрочем, в газете была опубликована не дословная речь Сорокина, а краткое изложение. Таких газетных отчетов о речах и выступлениях Сорокина наберется, наверное, целый том, но считать ли их публикациями в подлинном смысле слова – это еще большой вопрос.

Тем же летом по просьбе (или по заказу) зырянского национально-культурного общества «Коми котыр» Сорокин написал 12-страничную «Программу по изучению зырянского края» (Яренск: Издание союза «Коми котыр», 1918),

¹ Известия Яренского уездного совета крестьянских депутатов. 1918, 17 июня. См. также: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 201–203; *Сорокин П.А.* Дальняя дорога. М., 1992, с. 284.

и, видимо, только эту небольшую брошюру следует считать его единственной научной публикацией за весь год².

И, конечно же, знаменитое письмо-«отречение», прославившее Сорокина на всю Россию и, по большому счету, спасшее ему жизнь³. Стоит напомнить здесь тот «мотив личного характера», которым заканчивается письмо Сорокина: «Он состоит в моем горячем желании вернуться к прерванной чисто научной работе и к работе по культурному просвещению народа. Истекший год революции научил меня одной простой истине: политики могут ошибаться, политика может быть общественно-полезной, но может быть и общественно-вредной, работа же в области науки и народного просвещения – всегда полезна и всегда нужна народу, в особенности же в эпохи коренного переустройства всей государственной и общественной жизни.

Этой работе, от которой на год с лишним я был оторван событиями и которую всегда считал делом моей жизни, я и отдаю отныне все свои слабые силы».

Статья Ленина по поводу этого письма⁴ (кстати говоря, более чем в десять раз превышающая по своему объему само письмо) содержит одну чрезвычайно интересную и пророческую (по крайней мере, для автора «отречения») мысль, которой Сорокин, по-видимому, сначала не придавал никакого значения, но реализация которой – а к ней большевики приступили не сразу, а лишь через несколько лет – в конце концов и привела к высылке его из Советской России (чему он, надо сказать, немало поспособствовал и сам). Мысль эта такова: «Питирим Сорокин неправ, когда пишет, что работа в области науки “всегда полезна”. Ибо ошибки бывают и в этой области, примеры упорной проповеди реакционных, скажем, философских взглядов людьми, заведомо не реакционными, есть и в русской литературе».

Что в науке бывают ошибки – с этим, конечно, спорить невозможно. Если бы в науке ошибок не было, это было бы что-то другое, а не наука. Но вот новейшее изобретение Ленина и большевизма – классовый характер науки и, соответственно, деление наук на буржуазные и пролетарские. Более или менее четкая линия между ними начнет проводиться лишь через несколько лет, когда возникнет институт «красной профессуры», а профессуре старой, дореволюционной будет предложено либо «перековаться», либо отправиться в бессрочную ссылку на Запад или даже в такие страны, откуда возврата нет. Правда, все это в будущем, хотя и совсем недалеко. А пока, в 1919 г., на просветительском и идеологическом «фронтах» наступило странное затишье. Свобода слова, про-

² См.: Социологические исследования. 1990, № 2, с.139–141. Об обществе «Коми котыр» как о «детище Сорокина» см.: *Жеребцов И.Л., Таскаев М.В.* Коми национальное движение: от эсеров до наших дней. Сыктывкар, 2016, с. 20.

³ Письмо в редакцию // Крестьянские и Рабочие Думы. Великий Устюг, 1918, № 75, 29 октября, с. 4; перепечатка: «Отречение» Питирима Сорокина. Петербург, 19 ноября // Правда. 1918, № 251, 20 ноября, с. 3.

⁴ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд., т. 37, с. 188–197.

декларированная в феврале 1917 г., еще не была отнята, даже Н.А. Бердяев читал такие лекции, за которые в более поздние времена... Впрочем, в поздние времена их и представить себе нельзя.

Что касается Сорокина, то он свое слово не участвовать в политической борьбе честно сдержал. Когда читаешь его «Листки из русского дневника», то не сразу понимаешь, что в них полностью проигнорирована такая важная тема, как гражданская война, которая полыхала в России вплоть до 1922 г., т. е. до самой высылки Сорокина. Судя по его дневнику, никакой гражданской войны в России словно бы и не было. Объяснить эту загадочную лауну можно только одним: именно так понимал Сорокин свой отход от политической деятельности и возвращение в лоно «чистой науки». Но это вовсе не означало его идеологического примирения с большевиками. Поэтому он нисколько не кривил душой, когда в тех же «Листках» писал: «Так как я не давал никаких обещаний, то чувствовал себя вправе поступать так, как велит мне совесть. Поэтому если моя деятельность после возвращения к жизни пришлось большевикам не совсем по душе – это уж их дело, а не мое»⁵.

Сразу же после возвращения в Петроград, решив основные бытовые проблемы (каких к тому времени накопилось немало), Сорокин развил бурную научно-преподавательскую деятельность. «Покончив со сбором своей карточной коллекции, – пишет он (т. е. получив хлебные, продуктовые, вещевые и прочие карточки), – я отправился в университет и Психоневрологический институт, чтобы дать знать своим коллегам, что я жив, а заодно разведать, что случилось с моей университетской должностью. Большевики, будучи заняты гражданской войной, еще не до конца уничтожили университетскую жизнь. Мне предложили вернуться на старую профессорскую должность в университете, и это значило, что после Рождества я должен был опять читать лекции и вести семинары. Я также был избран профессором социологии в Сельскохозяйственной академии и Институте народного хозяйства. Я согласился работать и там, и там, поскольку совершенно необходимо было иметь дополнительный заработок. В то же время ко мне обратились два крупных кооперативных издательства, еще не национализированных, с предложением написать учебник права и учебник социологии»⁶.

Одно из этих издательств – издательство Ярославского кредитного союза кооператоров. История кооперативного движения в дореволюционной и особенно послереволюционной России до его разгрома большевиками – еще не написанная страница нашей истории. Кооператоры почти все были социалисты-народники, эсеры (и правые, и левые) и в этом смысле – злейшие враги советской власти (хотя иногда враги неосознанные, не понимающие, почему они враги но-

⁵ Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции. Сыктывкар, 2015, с. 171.

⁶ Там же, с. 175.

вой рабоче-крестьянской власти, враги с искренним желанием помочь). В 1922 г. в ходе высылки интеллигенции из России кооператоры проходили особой и, если так можно выразиться, жирной строкой. Особенно раздражала большевиков их деятельность в сфере помощи голодающим Поволжья. Комитет помощи голодающим (Помгол), который возглавили С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова и Н.М. Кишкин, в советской печати не называли иначе как издевательски: «Прокукиш». Задним числом выяснилось, что и все кооператоры были не что иное, как «прокукиш». Но, пока шла гражданская война, было не до них. И с 1917 г. примерно по 1920 г. и никак не позже 1922 г. кооперативное движение процветало. Как ни странно это звучит, но каким-то чудом пышно расцвели и «цветы запоздалые» русской духовной жизни. На самом деле это, выражаясь высоким штилем, было ее «пышное увяданье», но в первые годы после Октябрьской революции никто об этом еще не догадывался. А бурный всплеск наблюдался во всем: в поэзии, философии, театре, экономической и философской мысли, в том числе и социологии.

Б.П. Вышеславцев (тоже высланный из Советской России в 1922 г.) в одной своей мало известной рецензии писал: «Русская философия в настоящее время снова нашла свой самобытный путь. Ей надоела беспредметность всяких логических изысканий, всяких методологий и гносеологий. Щитом “научности” нельзя защитить голову, лишенную мудрости. Трагические переживания требуют предметных мыслей, требуют мудрости, прозрений, а не рефлексий над данным и установленным. Довольно смотреть назад, систематизировать и анализировать; ритм жизни не тот, сейчас нужна мудрость Прометея, а не Эпиметея, который, в изображении Платона, задним умом крепок»⁷. В той же рецензии, высоко оценив статьи Л.П. Карсавина («О свободе») и Н.О. Лосского («Конкретный и отвлеченный идеал-реализм»), опубликованные в журнале «Мысль», Вышеславцев отмечает, что «здесь действительно закладывается фундамент русской национальной философии». «Обзор новинок западно-европейской философии и отчет о философском конгрессе в Оксфорде, помещенные в конце журнала, – пишет он далее, – лучше всего показывают нам самобытность и глубину русской философской мысли. Сразу ясно, что на этом конгрессе не было ни одного доклада, который по важности проблемы и новизне ее трактования мог бы сравниться со статьей Карсавина»⁸.

Ему, по сути дела, вторит и Сорокин: «Для русских условий то, что делают русские ученые сейчас, очень много. Выходит, несмотря на рогатки цензуры, ряд трудов, печатается ряд журналов, начали работать научные общества, устраиваются съезды – словом, научная работа не замерла... И не замрет... Не замерло и книгоиздательство. Вопреки всем препятствиям книги все же выходят, и среди них немало антикоммунистических. Если в них и не все сказано *expressis*

⁷ *Вышеславцев Б.П.* Рецензия на журналы «Мысль», «Начала», «Свиток» // Феникс. М., 1922, кн. 1, с. 178.

⁸ Там же, с. 179.

verbo, то читатель понимает теперь и намеки. И что удивительно! Книги стоят несколько миллионов экземпляров, но раз книга дельная, а не набившие оскомину творения Маркса и гг. коммунистов, она раскупается нищей страной... Многие голодают телесно, чтобы не голодать духовно...»⁹

Этот духовный голод и призвано было утолить издательство Ярославского кредитного союза кооператоров. Вообще говоря, Ярославль как место издания первых «советских» книг Питирима Сорокина – место знаковое и символическое. В июле 1918 г. здесь вспыхнуло одно из первых антисоветских восстаний, поднятое и руководимое Союзом защиты родины и свободы. Восставшие продержались всего 17 дней, а подавлявшие восстание большевистские части нанесли городу колоссальный ущерб (против повстанцев использовалась не только артиллерия, но и авиация): сгорело 20 фабрик и заводов, были разрушены 2 147 домов (без крова остались 28 тыс. жителей), уничтожен Демидовский юридический лицей с его знаменитой библиотекой (уступавшей по численности томов только библиотеке Московского университета), часть торговых рядов, десятки храмов и церквей, 67 зданий правительственного, медицинского, культурного назначения. Расстреляно было более 5 тыс. человек. Уничтожение Демидовского юридического лица следовало бы считать катастрофой общенационального масштаба. Это уникальное учебное заведение, основанное в 1803 г., в течение более 100 лет готовило юридические кадры России, которые по уровню подготовки ничуть не уступали своим западноевропейским коллегам. Соответствующим был и педагогический состав лица, что отражает и список его директоров, открывает который профессор К.И. Яниш (отец поэтессы Каролины Павловой), незадолго же до революции (в 1906–1909 гг.) директором лица был М.П. Чубинский, знавший Сорокина еще в бытность того студентом Психоневрологического института. В 1917 г. он стал вместе с Сорокиным помощником Керенского по министерству юстиции, а в 1920-ом в Белграде основал ложу «Максим Ковалевский»¹⁰. Из громких социологических имен следует назвать еще Б.А. Кистяковского, который после «разгрома» Московского университета министром народного просвещения Л.А. Кассо в 1911 г. некоторое время преподавал в Демидовском лицее¹¹.

Очевидно, что большевистский разгром не смог до конца уничтожить высокий научно-интеллектуальный дух города, поскольку уже на следующий год

⁹ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994, с. 474.

¹⁰ См.: Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2009, с. 112.

¹¹ Всего было уволено или подало в отставку около 130 преподавателей и сотрудников Московского университета, в том числе около 30 профессоров и около 80 приват-доцентов. Подробнее см.: Вернадский В.И. 1911 год в истории русской умственной культуры. СПб., 1912. О Демидовском лицее см.: Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее (под ред. С.А. Егорова, А.М. Лушникова, Н.Н. Тарусиной). Ярославль, 2009.

Ярославский кредитный союз кооперативов продолжил издание пособий для кооперативных школ и курсов, начатое в 1918 г. Помимо двух книг Питирима Сорокина в этой серии были изданы следующие брошюры:

Огановский Н.П. Русский крестьянин и мировое хозяйство (1918, № 2)¹²;

Чаянов А.В. Организация северного крестьянского хозяйства (1918, № 3);

Бах А.Н. История народного хозяйства (1919, № 4);

Кильчевский В.А. Техника общественных организованных собраний (1919, № 5);

Николаев А.А. Николай Гаврилович Чернышевский, знаменитый ученый и родоначальник русского социализма. Его жизнь и труды (1919, № 6).

Кроме пособий для кооперативных школ и курсов Кредитный союз кооперативов издавал и другие научные и научно-популярные книги. Вот некоторые из них: *Рождественский А.А.* Положение третьего сословия в «Государстве» Платона (1919); *Муратов М.В.* Продажа книг как культурная работа (1919); *Полянский Н.Н.* Идея и идеал кооперации. Общее образование и кооперативная работа (1920); *Золотарев С.* Писатели-ярославцы (1920); *Кильчевский В.А.* Какая разница между банком и кредитным товариществом (1920); Наука для всех. Обще-доступная энциклопедия (1919; четыре полутома).

Книги, как видим, посвящены весьма разнообразной тематике, но общее, что их объединяет, – это жанр, жанр научно-популярной и учебной литературы. И – угадываемое даже в их названиях – желание авторов этих книг принести пользу народу, делу народного просвещения. Недаром на обложке книги Сорокина красуются старые народнические лозунги: «В единении – сила», «Знание – свет».

Следует сказать несколько слов и о редакторе книжной серии, в рамках которой была издана первая послереволюционная книга П. Сорокина. Владимир Агафонович Кильчевский (1873–1941) окончил историко-филологический факультет, работал земским статистиком, преподавал в Коммерческом институте в Москве. Член партии эсеров. В феврале 1917 г. – член Исполкома Всероссийского Совета КД, Всероссийского совета кооперации, член бюро фракции партии эсеров. Типичная биография русского народника и социалиста-революционера: при царизме – аресты и ссылки, после победы пролетарской революции – тоже аресты и ссылки. Более чем вдвое он превзошел рекорд самого П. Сорокина по арестам и отсидкам: Кильчевский семь раз подвергался аресту и тюремному заключению при старом режиме и столько же раз – при режиме новом. В 1922 г. он был одним из кандидатов на высылку за границу, но вместо заграницы был сослан в Туркестан¹³. Четырнадцать арестов и посадок! А по местам его административ-

¹² К сожалению, мне не удалось найти книг, изданных в рамках этой библиотеки под номерами 1 и 7.

¹³ См.: Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М., 2005 (по указ. имен).

ных ссылок можно изучать географию России: Владимир, Туркестан, Краснококшайск¹⁴, Ташкент, Новосибирск. В 1934 г. он наконец-то вернулся в Москву, где и умер в конце 1941 г. (по другим сведениям – дата его смерти неизвестна). Реабилитирован – оптимистично сообщает «Мемориал» – в 2000 г. То есть спустя почти 60 лет после смерти его оправдали вчистую! Вот уж поистине ухмылка истории.

Но пока, в 1919 г., все это – в неведомом будущем, и герои наши полны надежд и оптимизма. Оптимизм объясняется тем, что в 1919 г. и даже в более поздние годы почти никто не верил, что большевики продержатся у власти долго. Еще неясен был и исход гражданской войны. Но даже если продержатся, то по «законам революции» (читай: по законам Французской революции) вынуждены будут переродиться, перейти из фазы разрушительной в фазу восстановления и частичной реставрации, и тогда все написанное и созданное в эти нелегкие годы очень даже пригодится. Действительно, многие книги, изданные в те годы в Ярославле, не утратили актуальность и поныне. Например, работа Муратова о продаже книг до сих пор читается и цитируется всеми, кто занимается этой проблемой (или историей вопроса). Не утратила актуальность и книга Сорокина о праве. И в наше время ее можно рекомендовать всем, кто интересуется общей теорией права, будущим государства и права, соотношением права и морали и т. д. И, несмотря на трудности того времени, книга не осталась незамеченной: по крайней мере две рецензии – и обе в целом положительные – были опубликованы¹⁵.

Слова, которыми заканчивается вторая из этих рецензий, кажется, не потеряли актуальность и в наше время: «Учебник П. Сорокина, заставляя читателя задуматься над целым рядом вопросов, сам, несомненно, сыграет серьезную воспитательную роль». Больше всего, наверное, заставит читателя задуматься последний параграф – «Будущее права». Здесь Сорокин повторяет, слегка видоизменив, конечный вывод своей первой книги «Преступление и кара, подвиг и награда»: «Если верны были установленные выше исторические тенденции, то спрашивается, каков же тот предел, к которому они ведут? Ответ на этот вопрос дают сами тенденции.

Таким пределом, очевидно, будет полное уничтожение кар и наград».

«Подобно тому как было сказано: “Война нужна была для того, чтобы уничтожить войну”, – точно так же можно сказать: “*Кары и награды нужны были для того, чтобы уничтожить кары и награды*”»¹⁶.

¹⁴ Не каждый знает, где это такое – Краснококшайск. Любопытным сообщаю: это бывший Царевококшайск. Тоже непонятно? А ларчик просто открывается: ныне это город Йошкар-Ола, столица Республики Марий Эл.

¹⁵ См. наст. изд., с. 533–534.

¹⁶ *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. Сыктывкар, 2015, с. 378, 379.

Теперь он этот свой вывод распространяет на всю область права: «*Предельном развитии права является упразднение права. ...Право нужно было для того, чтобы уничтожить право и сделать его излишним*»¹⁷.

Идея эта не нова, и Сорокин не первый, кто ее высказывает. Сам он при этом ссылается на своего учителя Л.И. Петражицкого, распространявшего идею «упразднения» не только на сферу права, но и на сферу нравственности. В статье «К вопросу о социальном идеале» «Лев науки» (как звали его студенты) писал: «Право существует из-за невоспитанности, дефектности человеческой психики, и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным... С течением времени вся нравственность отойдет в область преданий, как воспоминание о былой некультурности людей и необходимости держать их психику в тисках нравственности... Идеал людей есть не только сверхправный, но и сверхнравственный идеал»¹⁸.

Соблазнительно провести параллель между этой мыслью Сорокина и его учителя с марксистским учением об отмирании государства (и неизбежным отмиранием права, которое, по Марксу, есть не что иное, как воля господствующего класса, возведенная в закон). Ф. Энгельс заканчивает свою книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» таким пророчеством: «Государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»¹⁹.

Пропагандист и популяризатор марксизма Август Бебель облек эту мысль в поистине поэтические одежды: «В будущем, – писал он о грядущей эпохе коммунизма, – не будут знать никаких политических и уголовных преступлений и проступков. Воры исчезнут, так как не станет больше частной собственности и каждый в состоянии будет в новом обществе с легкостью и удобством удовлетворять свои потребности трудом. Точно так же не будет более “босяков и бро-

¹⁷ Наст. изд., с. 192 (курсив П.А. Сорокина).

¹⁸ *Петражицкий Л.И.* К вопросу о социальном идеале // Юридический вестник. 1913, кн. II, с. 48, 50, 51. Сорокин приводит эту цитату в конце своей первой книги (*Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. Сыктывкар, 2015, с. 380).

¹⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд., т. 21, с. 173.

друг”, они – продукт общества, основанного на частной собственности, и исчезнут вместе с последней. Убийства? Из-за чего? Никто не может обогатиться за счет другого; даже убийство из ненависти или мести находится в прямой или косвенной связи с современным социальным положением общества. Клятвопреступление, подделка документов, обман, присвоение чужого наследства, злостное банкротство? Но ведь нет частной собственности, по отношению к которой и против которой можно было бы совершать эти преступления. Поджог? Но кто станет искать в нем радости или удовлетворения, раз общество лишает его всякого повода к ненависти? Фабрикация фальшивых денег? “Ах, деньги – только химера”, и весь труд был бы напрасен. Религиозные преступления? Предоставим “всемогущему и всеблагому” богу самому наказывать того, кто его оскорбляет, предполагая, что и тогда еще будут спорить и о существовании бога.

Так все основы существующего “порядка” станут мифом. Родители будут рассказывать о них детям как о старых сказочных временах. И рассказы о преследованиях и гонениях, которым ныне подвергаются представители новых идей, будут звучать в их устах так же дико, как теперь для нас – рассказы о сожжении еретиков и ведьм»²⁰.

Безусловно, в 1919 г., несмотря на пережитый мировоззренческий кризис, несмотря на «отречение», Сорокин все еще придерживался социалистической ориентации²¹. Но сложность проблемы заключается в том, что именно в этом пункте социалистический идеал максимально приближается к идеалу христианскому. Сказано в Книге пророка Исайи: «Он будет судить бедных по правде, и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст Своих поразит землю, и духом уст Своих убьет нечестивого. И будет препоясанием чресл Его правда, и препоясанием бедр Его – истина. Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козленком; и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев, как вол, будет есть солому. И младенец будет играть над норою аспида, и дитя протянет руку свою на гнездо змеи. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море. И будет в тот день: ... который станет, как знамя для народов...»²²

Не будет большого противоречия, если эту подборку цитат увенчает высказывание В.И. Ленина: «Только коммунизм создает полную ненадобность государства, ибо некого подавлять, – “некого” в смысле класса, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения.

Мы не утописты и нисколько не отрицаем возможности и неизбежности эксцессов отдельных лиц, а равно необходимости подавлять такие эксцессы.

²⁰ *Бабель А.* Женщина и социализм. М., 1959, с. 512–513.

²¹ Социалистической! – необходимо здесь подчеркнуть, – а не большевистской.

²² Ис. 2, 4–10.

Но... для этого не нужна особая машина, особый аппарат подавления, это будет делать сам вооруженный народ с такой же простотой и легкостью, с которой любая толпа цивилизованных людей даже в современном обществе разнимает дерущихся или не допускает насилия над женщиной»²³.

Вся история XX и начавшегося XXI в. развивается вопреки этим прогнозам, можно даже сказать, осуществляет их с точностью до наоборот. Нравственных регуляторов человеческого поведения становится все меньше, а те, что еще остаются, становятся все менее эффективными. Зато правовая составляющая разрастается наподобие раковой опухоли, угрожая окончательно поглотить или вытеснить составляющую нравственную.

Над этой проблемой Сорокин будет биться до конца своих дней²⁴, но следует признать, что так и не решит ее. Может быть, она пока неразрешима, а может быть, неразрешима и вообще. Но открывающееся здесь поле для дальнейших размышлений и исследований – необъятно.

В 1920 г. в Ярославле вышла вторая популярная книга Сорокина – «Общедоступный учебник социологии». Предисловие к этой книге датировано августом 1919 г., а под предисловием к первому тому «Системы социологии», вышедшей в том же 1920 г., стоит сдвоенная дата (именно сдвоенная, т. е. через запятую): «Петроград, февраль 1919 г., январь 1920 г.». Это дает все основания предполагать, что эти книги писались практически одновременно, что в общем-то подтверждается и их содержанием: «Общедоступный учебник...», по сути дела, представляет собой сокращенное популярное изложение «Системы социологии».

С одной стороны, это снижает научную ценность «Общедоступного учебника...», поскольку желающему ознакомиться с социологическим учением Сорокина тех лет рациональнее будет обратиться именно к «Системе» (к тому же и «Система» – следует это признать – тоже написана весьма популярно). И вместе с тем снижает популяризаторскую значимость учебника, так как на поверку оказывается, что автор популяризирует не социологию вообще, а именно свое социологическое учение. Надо сказать, что и в течение всей дальнейшей жизни Сорокин поступал точно так же, о чем свидетельствуют такие его книги, как «Кризис нашего времени», «Главные тенденции нашего времени» и др. Вообще популяризация социологического знания, социологическое просветительство народных масс были неотъемлемым свойством Сорокина-теоретика, так что его недостатки как популяризатора оказываются оборотной стороной его достоинств как серьезного теоретика, ведь практически любой его крупный научный труд можно рассматривать в том числе и в качестве своеобразных «пролегомен» в мир

²³ Ленин В.И. Государство и революция. ПСС, 5-е изд., т. 33, с. 91.

²⁴ См.: Sorokin P.A. Sociology and Ethics // The Social Sciences and Their Interrelations. Ed. by A. Goldenweiser, W.F. Ogburn. New York – Boston, 1927, p. 311–318.

социологии вообще. Трудности, которые подстерегают автора популярной книги по социологии, Сорокин хорошо осознавал. В предисловии к «Общедоступному учебнику...» он писал: «В нашей стране социология как учебный предмет вводится впервые. Наша потребность в социологических познаниях – огромна. В ряду многих причин, вызывающих наши нестроения и плохую общественную жизнь, немалую роль играло и играет наше социологическое невежество. Если нам суждено быть гражданами великой культурной страны, если нам суждено быть настоящими сообщественниками, а я в это продолжаю верить, то одним из средств, ведущих к этой цели, является распространение знаний вообще и социологических знаний в частности. Посильно помочь достижению этой великой задачи, содействовать превращению русского в гражданина-сообщественника – такова практическая цель учебника»²⁵.

С другой стороны, «Общедоступный учебник...», будучи сокращенным вариантом «Системы социологии», дает читателю возможность познакомиться со второй частью задуманной Сорокиным «Системы», которая так и не была написана. Однако именно благодаря «Общедоступному учебнику...» у нас есть возможность познакомиться с кратким изложением «социальной механики» – второй частью теоретической социологии, как представлял ее себе П. Сорокин. Третьей частью теоретической социологии должна была стать «социальная генетика», а все это в совокупности: теоретическая социология плюс социология практическая (или социальная политика) – и должно было составить то, что Сорокин называл «Системой социологии».

Повторим еще раз: «Система социологии» так и не была завершена автором. Что ему помешало осуществить этот грандиозный замысел – трудно сказать со всей определенностью. Но уж, конечно, не внешние обстоятельства жизни. Живя еще в Чехословакии, Сорокин подготовил сокращенное (до 120 страниц) издание первой части первого тома «Системы»²⁶. Можно предположить, что он планировал издать сокращенное издание и второй части, а за ним – возможно – и третьей, и всех последующих частей. Тем более что третья часть фактически была уже готова, а в «Популярных очерках социальной педагогики и политики», изданной в Ужгороде в 1923 г., отчетливо просматриваются контуры будущей заключительной части «Системы». Но и этот замысел не осуществился. Если рассуждать формально, то вывод этот не вызывает никаких сомнений. Но если рассматривать научное творчество П. Сорокина в целом, не разделяя его на «российский» и «американский» периоды, то окажется, что и формально, и фактически он этот свой замысел все-таки осуществил. Имеется в виду фундаментальный труд социолога, написанный на английском языке и изданный

²⁵ Наст. изд., с. 196.

²⁶ См.: *Сорокин П.* Система социологии. 2-е изд., сокращ. Прага: Хутор, 1923, т. 1. Социальная аналитика: ч. I. Учение о строении простейшего (родового) социального явления.

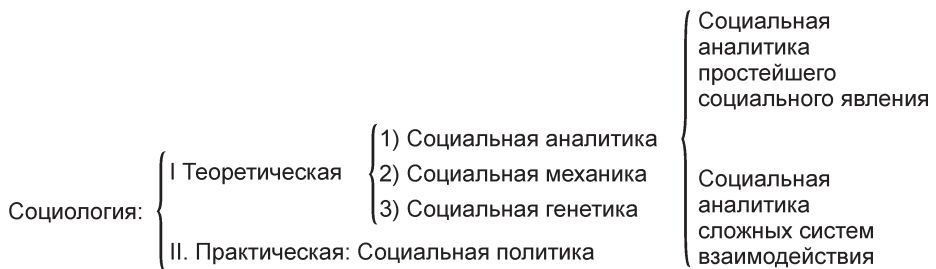
в США в 1947 г., – «Общество, культура и личность»²⁷. По сути дела, именно эту книгу и следует считать окончательной формулировкой «Системы социологии» Сорокина²⁸. Косвенным доказательством тому служит тот факт, что многие страницы «Общества, культуры и личности» являются чуть ли не дословным переводом обширных фрагментов из «Системы социологии». Конечно, этот «перевод» сделан с учетом и новейших достижений социологии за истекшую четверть века, и сложной мировоззренческой эволюции автора (от умеренного бихевиоризма к интегрализму, что можно рассматривать как разновидность хорошо известной в России формулы «от марксизма к идеализму» – конечно же, с некоторой долей условности), и его научных достижений, главным из которых является четырехтомная «Социальная и культурная динамика», и тех последствий, которые эти достижения оказали на академическую карьеру автора, и многого-много другого. В целом же, повторим еще раз, монографию 1947 г. вполне можно рассматривать как завершение и окончательную формулировку «Системы социологии» П. Сорокина, первый набросок которой представлен в «Общедоступном учебнике социологии».

Но не всей «Системы социологии». Увенчать все «здание» должна была «социальная политика»²⁹. С некоторой долей условности «Популярные очерки

²⁷ Sorokin P.A. Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics: A System of General Sociology. New York – London: Harper & Brothers, 1947.

²⁸ Ср. с мнением Н.Ф. Зюзева: «Именно “Общество, культура и личность” является наиболее полным и подробным – и фактически итоговым – изложением социологической системы П. Сорокина» (Зюев Н.Ф. Свобода и несвобода глазами Питирима Сорокина // Наследие. 2017, № 1/10, с. 119).

²⁹ Во избежание путаницы с «томами» и «частями» воспроизведем здесь «смутный абрис» того «великого здания социологической науки», которое, по словам Сорокина, «возводит будущее»:

(Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993, т. 1, с. 101).

Социальная аналитика, составляющая лишь первую часть теоретической социологии, была издана в Петрограде в двух томах под названием «Система социологии». «Популярный учебник социологии», изданный в Ярославле в том же 1920 г., обнимает две части теоретической социологии – социальную аналитику и социальную механику. Ненаписанной осталась социальная генетика (соответствующая в основных чертах социальной динамике О. Конта),

социальной педагогики и политики» можно считать заключительной частью всего этого грандиозного социологического проекта. К сожалению, о написании и издании этой книги (по-видимому, последней книги, написанной Сорокиным на русском языке) практически ничего неизвестно. Судя по ее оглавлению, Сорокин действительно прочитал цикл лекций для «карпатороссов», но это, пожалуй, и все, что можно о ней сказать. В самой подробной книге о жизни Сорокина на сей счет сказано тоже немного: «Летом 1923 г. Сорокин выезжал в Ужгород, центр Подкарпатской Руси в составе Чехословакии, с чтением докладов для карпатороссов и эмигрантов. Для них же он написал книгу “Лекции о социальной педагогике и политике” (Ужгород, 1923)»³⁰. Ужгород в то время входил в состав Чехословакии (с 1919 г. по Версальскому договору; до этого он входил в состав Австро-Венгрии; в 1938 г. после раздела Чехословакии отошел к Венгрии, в 1944 г. вошел в состав СССР), но, вопреки заверениям центрального правительства, местное население (карпатороссы, т. е. русины) широкой обещанной им автономией не пользовалось³¹. Тем не менее в каком-то смысле Ужгород в те годы мог считаться для русских эмигрантов сохранившимся осколком утраченной родины. Как бы то ни было, но именно здесь Сорокин впервые обнаружил свои самые заветные мечты о социальной педагогике и идеальном устройстве общества. «Для процветания любого общества, – пишет он в конце своей книги, – основными необходимыми условиями являются: 1) хороший фонд наследственных свойств народа, 2) благоприятная географическая среда, 3) надлежащая социальная среда, которая в виде институтов семьи, школы, церкви, государства, профессии и всей общественной обстановки, с одной стороны, тормозила бы развитие антисоциальных склонностей человека, с другой – снабжала бы его всеми знаниями, привычками и навыками, необходимыми для успешной борьбы за жизнь, с третьей – ежеминутно и ежечасно стимулировала бы развитие индивидуальности человека, его природенных свойств и талантов, его энергии и инициативы». А последнее (оно же и первое) «из основных условий здорового развития народа... заключается в том, чтобы *каждый индивид в общественном*

которая в ходе дальнейшей эволюции П. Сорокина преобразовалась в «социальную мобильность» и «социально-культурную динамику». Что касается «практической социологии» (или «социальной политики»), то ее первые наброски были сделаны Сорокиным еще в 1915 г. в ряде статей, посвященных «социальной педагогике». Дальнейшее развитие этот комплекс идей получил в научно-фантастическом романе «Прачечная человеческих душ», но и все эти статьи, и роман Сорокин подписывал псевдонимами, что свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в то время он еще не был готов представить эти свои идеи на суд научной общественности. Впервые он сделал это в 1923 г., будучи уже за пределами России – в Чехословакии.

³⁰ Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 2 (1922–1968 годы). Архангельск, 2009, с. 37–38. (Отметим, что в названии книги Сорокина автор допускает ошибку.)

³¹ Подробнее см.: Широкопад А. Великий антракт. М., 2009, с. 150 и сл.

организме мог попасть и попадал на место, соответствующее его талантам и способностям»³².

Вывод бесспорный, но вместе с тем и не новый. О необходимости соответствия каждого гражданина государства занимаемому им месту писал еще Платон. А после Сорокина о «здоровом обществе» писал Эрих Фромм, согласно которому «здоровое общество – это общество, в котором такие качества, как алчность, склонность к эксплуатации и обладанию, самолюбование, невозможно использовать для достижения материальной выгоды и роста личного престижа. Это общество, где действовать по совести считается основным и необходимым качеством и где оппортунизм и беспринципность считаются качествами асоциальными; где индивид занимается общественными проблемами так, что они становятся его личным делом; где его отношение к ближнему не отделено от всей его системы отношений к частной жизни. Более того, здоровое общество – это такое общество, которое позволяет человеку оперировать обозримыми и поддающимися управлению величинами, быть активным и ответственным участником жизни общества, а также хозяином своей жизни. Это такое общество, которое благоприятствует человеческой солидарности и не только позволяет своим членам с любовью относиться друг к другу, но содействует такому отношению; здоровое общество способствует производительной деятельности каждого в его работе, стимулирует развитие разума и позволяет человеку выразить свои внутренние потребности в коллективном творчестве и обрядовых действиях»³³.

Но как всего этого достичь? Поскольку идеальное, или, если угодно, «здоровое», общество предполагает не только правильное («справедливое», по Платону, и «здоровое», по Э. Фромму) социальное устройство, но и правильного («здорового») гражданина, рано или поздно вопрос упирается в природу человека. И все мыслители, которые когда-либо занимались этой проблемой, занимались своеобразной «подгонкой» государственного устройства к так или иначе понимаемой природе человека и именно в ней пытались найти тот «рычаг», с помощью которого можно начать и осуществить соответствующие социальные преобразования. Пройдет много лет, прежде чем П. Сорокин начнет искать и найдет такой рычаг, им окажется «любовь», которая, по словам великого поэта, «движет Солнце и другие звезды».

Но это в будущем. А пока перед нами – три популярных учебника Питирима Сорокина, в которых, если так можно выразиться, дан карандашный набросок будущего грандиозного живописного панно. Это – семена, посеянные еще на российской почве, взойти которым предстоит – и к счастью, и к сожалению – на почве другой страны. И даже на другом материке.

В.В. Санов

³² Наст. издание, с. 517 (курсив П.А. Сорокина).

³³ Фромм Э. Здоровое общество. М., 2005, с. 348–349.

**ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИК
ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА
В СВЯЗИ С УЧЕНИЕМ
О ГОСУДАРСТВЕ**

ПОСОБИЯ ДЛЯ КООПЕРАТИВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ И КУРСОВ
под редакцией В. А. Кильчевского.

№ 7.

ПИТИРИМ СОРОКИН.

Приват-доцент Петроградского университета и
преподаватель Психо-неврологического института.

Элементарный учебник
общей теории права в связи с уче-
нием о государстве.

ЯРОСЛАВЛЬ

Издание Ярославского Кредитного Союза Кооперативов

1919.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие об общей теории права

Под научной дисциплиной, носящей название общей теории права, понимается наука, занимающаяся изучением определенного вида общественных явлений – явлений правовых.

Дисциплин, изучающих право, много: есть наука или теория гражданского права, уголовного, государственного и т. д.

Каждая из этих дисциплин изучает специальный *вид* права – право как *видовое*, а не как *родовое* явление.

В отличие от этих дисциплин, *общая теория права* ставит своей задачей изучение права как *родового* явления, т. е. наиболее общих родовых признаков права, которые свойственны всем правовым явлениям: праву гражданскому, и праву уголовному, и праву государственному, и всем другим видам права.

Сообразно с этим в задачу общей теории права входит: 1) определение правового явления; 2) описание основных его признаков; 3) классификация видов права; 4) очерк происхождения и развития права; 5) исследование основных законов правовой эволюции в связи с учением о правовом идеале и 6) учение о влиянии права, его основных общественных функциях и его социальной роли.

До недавнего времени общая теория права часто называлась «*энциклопедией права*».

В настоящее время это название перестает употребляться. Оно не точно, не соответствует сути дела и неудачно характеризует научную дисциплину, изучающую право как родовое явление. Вот почему название «энциклопедия права» чаще и чаще начинает заменяться более удачным и правильным названием «общая теория права».

Глава I. ЧТО ТАКОЕ ПРАВО

§ 1. Главнейшие теории права

В обычной жизни мы постоянно слышим от других и постоянно употребляем сами слова «право», «правовое явление», «я не имею права»; столь же часто мы пользуемся выражениями «против права», «не по закону», «по справедливости» и т. п. Однако, если бы нас спросили, что такое «право», едва ли бы многие из нас сумели дать точный и толковый ответ на этот вопрос. Если бы мы захотели найти этот ответ в книгах юристов, специально написанных на эту тему, то, прочтя десяток таких книг, мы узнали бы, что единодушного и одинакового ответа на этот вопрос не существует.

Вот почему нам необходимо подробнее остановиться на нем, рассмотреть главные ответы и решить, какой же из этих ответов правилен.

Право как правила поведения, данные божеством. Одним из наиболее ранних ответов на вопрос, что такое право, был ответ, который гласил: право — это веления, заповеди божества, указывающие людям, как люди должны жить, чтобы исполнять волю божества, что они должны делать и чего они должны избегать. Так в старину думали многие. Из Библии вы знаете, что первичным правом для евреев были десять заповедей, начертанных на скрижалях завета и врученных Моисею самим Богом на горе Синайской. Если вы раскроете древние правовые кодексы других народов, напр. весьма древние «Законы Вавилонского царя Хаммурапи» или столь же древние «Законы Ману» индусов, то и здесь вы встречаетесь с подобными же преданиями, рассматривающими право как заповеди божества.

Критика. В наше время едва ли нужно подробно критиковать такое представление о праве. Во-первых, земные дела и явления нужно объяснять земными же причинами, а не вмешивать сюда божескую волю и делать ее ответственной за многие земные подлости и мерзости. Во-вторых, наука может и должна все объяснить естественными, а не сверхъестественными причинами, каковой является воля божества. Ссылка на последнюю ровно ничего не объясняет, ибо каждый под этой волей будет понимать то, что ему нравится: дикарь искренне

верит в то, что его бог приказывает ему убивать всех чужеродцев и закалывать жен на могиле мужей. Современный христианин не может считать такие «заповеди» заповедями бога. Короче – определение права как заповедей божества ничего не дает и в корне антинаучно.

Право как официальный закон государства. Более правильным, по-видимому, является то понимание права, которое под ним разумеют *официальные законы государства, сформулированные в действующем «своде законов» каждого государства.* Для сторонников такого понимания «право» и «закон» означают одно и то же. Правом для граждан России с этой точки зрения являются те правила, которые сформулированы в статьях 16-ти томов «Свода законов Российской империи», для подданных Франции, Германии и т. д. – то, что сформулировано в своде законов Франции, Германии.

Право как веления или обязательные правила поведения, издаваемые или признаваемые государством. В более общем виде это определение права понимает под ним *обязательные правила поведения подданных государства, издаваемые государством в лице его верховной государственной власти.* Эти правила обязательны. Если они добровольно не исполняются, то государственная власть заставляет осуществлять и соблюдать их принудительно. Без государства нет права – гласит это речение. Только то, что создано государством и им предписано, является правом. Все остальное, т. е. все другие виды правил поведения, не является и не может быть правовыми нормами. Такова сущность этого понимания права. Нет надобности говорить, что оно более правильно, чем предыдущее, и, несомненно, включает в себе часть истины. Но часть, а не всю истину.

Критика. Ошибочность его заключается в следующем. Прежде всего, неверно, что без государства нет права. Государство в качестве определенной формы общества появилось сравнительно поздно в истории человечества. До него были другие, более ранние формы общежития: таков тотем (группа людей, связанных в одно целое определенной формой религиозных верований, признающих своим общим предком то или иное тотемическое животное или растение). Таково родовое общество, составляющее одно целое по кровному происхождению от одного предка; таково еще не вполне оформленное территориально-племенное общество и т. д.

В средние века существовало особое право горожан, право крестьян, право цехов и гильдий, право, устанавливаемое церковью. Все эти виды права создавались помимо государства и государственной власти. Если бы правильно было положение, что без государства нет права, то это значило бы, что люди целые века жили без права, что в тотемических и родовых обществах не было совсем права. Такое предположение совершенно неверно. Ниже мы увидим, что во вся-

ком постоянном человеческом обществе право, в виде определенных правил поведения, существует. Вот почему нельзя говорить, что без государства нет права. Больше того, *само государство, чтобы быть государством, уже предполагает право*. Под государством обычно понимают *организованный народ*. Для этой организованности требуется наличие законов (т. е. права), определяющих устройство государства, его верховную власть, его территорию и его подданных.

Без определенных законов невозможно было бы установить, кто является законной властью в государстве, какие распоряжения законны, какие противозаконны и т. д. А все это предполагает уже данность права.

Без такой правовой организации государства нет и быть не может. Значит, правильным будет положение: *без права нет государства, а не наоборот*.

Неверно это определение и потому, что, с точки зрения самих его сторонников, существует ряд видов права, созданных не государством. Таковы международное право, право церковное, право обычное.

Нельзя говорить и того, что правом являются только веления высшей государственной власти: монарха – в монархиях, парламента – в парламентарных государствах и т. д.

История развития права показывает нам, что сплошь и рядом право создавалось не *высшей* государственной властью, а ее подчиненными органами. Так, в Риме масса правовых предписаний была создана судьей – претором. То же было и у мусульман. Так же было и остается до сих пор в Англии, где каждое решение судьи по вопросу, не предусмотренному законом, превращается в закон.

Нельзя отождествлять право и с писанным законом, заключенным в «своде законов». Очевидно, что то или иное постановление делается правом не в силу того, что оно попадает в том «свода законов». Если было бы так, то мы должны были бы предположить, что большинство людей совсем живет без права, ибо большинство людей совсем не знакомы с тем, что написано в «своде законов», и едва ли когда-нибудь раскрывали его. В этом случае «свод законов» был бы правовым трупом, стоящим вне жизни, а жизнь – вне его. Такое «мертвое право» равно было бы несуществующему праву и не заслуживает ни названия закона, ни имени права.

Сказанного достаточно, чтобы признать, что если доля истины и есть в государственной теории права, то только доля, а не вся истина. Взятая в целом, она ошибочна и неприемлема.

Право как принудительные правила поведения. Многие из исследователей права видят основную черту его в принудительности. *В отличие от других правил поведения, говорят эти ученые, правовые предписания характеризуются тем, что они принудительны – исполнение их вынуждается*. Нравственные предписания, напр. «люби ближнего, как самого себя», или предписания моды: «носи

костюм такого-то покроя», – не обязательны. Исполнение их предоставляется доброй воле человека. Правовые же предписания обязательны. Человек, убивший другого, должен будет отбыть наказание независимо от его желания и воли. Если должник добровольно не хочет уплатить долг, его принудят это сделать.

Критика. Хотя часть истины есть и в этом определении права, однако целиком принять его нельзя. Если бы принудительность была основным признаком права, то пришлось бы высшим правом признать голую силу. Принуждать может тот, кто силен, тот оказывался бы и правым. В таком случае пришлось бы признать правовым поступком акт разбойника, принуждающего свою жертву отдать ему имущество; акт насильника, принудительно изнасиловавшего попавшую в его руки девушку, и т. д. Дальнейшая критика этого определения излишня.

Право как общая воля. *Пытались определить право и как выражение общей воли, или «воли всего народа».* Это определение очень популярно и до сих пор. Однако его популярность не мешает ему быть неверным.

Критика. Если бы право было общей волей, то для издания каждого закона должны были бы опросить каждого человека. На деле такого опроса нет; большинство законов издается не только без ведома большинства населения, но последнее даже обычно не знает большей части издаваемых законов. Если бы верно было такое определение права, то из него следовало бы, что рабы в древности, составлявшие большинство в государстве, сами накладывали на себя цепи рабства путем издания законов о рабстве; что закон, дававший помещику право владеть крестьянами, был принят с согласия и доброй воли крестьян; что право жизни и смерти, которым в древности обладал муж над женой, родитель над детьми, было «общей волей» не только мужей и родителей, но и жен и детей; что закон, лишавший помещиков их земли, есть выражение общей воли не только крестьян, но и помещиков.

Такие предположения невероятны. Сказать, что человек отдает себя в рабство безвозмездно и добровольно, – значит сказать нечто нелепое и непонятное. Сказать то же самое про целый народ – значит предположить народ безумцев: сумасшествие не создает права; сказать, что закон, присуждающий преступников к виселице, есть выражение общей воли, в том числе и воли преступников, – это абсурд.

Правда, выражение «общая воля» весьма популярно. На «общую волю», или «всенародную волю», постоянно ссылаются и ссылались деспоты, издавая законы против этого же народа; на нее же ссылаются демагоги и тираны, подменяя волю народа своими капризами и желаниями. Тысячи преступлений против народа оправдывались ссылкой на общую волю, сотни нарушений народных прав прикрывались словами «такова народная воля». Но теперь мы знаем подлинную цену этих выражений.

Право как охрана свободы. Неудача этих определений права вызвала попытку определить право по его внутреннему содержанию и по его цели. Одни видели основную роль права *в охране и в согласовании свободы одного лица со свободой всех других.*

Право как защита и разграничение интересов. Другие ту же мысль выражали несколько иначе. Они главную *цель права усматривали в разграничении и защите интересов,* в определении области интересов каждого человека и в поддержке порядка, создавшегося таким путем.

Критика. Нетрудно видеть всю двусмысленность таких определений. Закон, предоставляющий неограниченные права деспоту над народом, господину над рабом, крепостнику над крепостным, несомненно, защищает свободу и интересы деспота, крепостника и рабовладельца. Но защищает ли он свободу и интересы раба, народа, крепостного? Не правильнее ли будет сказать, что он отнимает свободу и нарушает интересы этих последних? Бесспорно, закон, предоставлявший римским кредиторам разрубать на части их должника и получать часть его, пропорциональную долгу, хорошо защищал и свободу, и интересы кредитора. Но защищал ли он интересы и свободу разрубаемого на части должника?

Всякий закон, предоставляющий те или иные привилегии определенной группе лиц, защищает и охраняет интересы и свободу этих привилегированных, но едва ли можно говорить, что он то же самое делает и по адресу тех, за счет которых даются эти привилегии. Вот почему говорить о праве как о защите свободы и интересов всех людей по меньшей мере странно. Вот почему все подобные определения ошибочны и неприемлемы.

Рассмотрев кратко главные определения права и указав, что в целом ни одно из них неприемлемо, теперь попытаемся очертить право с той точки зрения, которая нам кажется наиболее правильной.

§ 2. Понятие правовой нормы

Право как совокупность правил поведения. Если внимательно вдуматься во все предыдущие определения права, то мы увидим, что они, при всем их несходстве, имеют и нечто общее между собою. Это общее заключается в том, что все они *понимают под правом, прежде всего, правила поведения.*

Эта часть обща всем теориям права. Разногласия между ними начинаются дальше, при определении, какие же именно правила поведения являются правовыми нормами или правилами.

Право – это совокупность правил поведения:

- 1) данных божеством, гласит первая из изложенных теорий;

- 2) созданных и признанных государством, гласит другая теория;
- 3) принудительных и обязательных, говорит третья;
- 4) являющихся выражением общей воли, гласит четвертая;
- 5) охраняющих свободу и разграничивающих интересы, гласит следующая.

Из этой схемы мы видим, что в первой половине своих определений права все эти теории сходны.

И действительно, какое бы правовое предписание мы ни взяли (кроме чисто определенных статей), каждое из них прежде всего является определенным правилом поведения. Это правило поведения указывает, как человек должен вести себя в тех или иных случаях, что и как он должен делать и чего не должен делать.

Правила «должник должен платить свой долг кредитору в определенный срок», «не убий», «не укради», «собственник вещи имеет право продать или подарить ее», «дети должны почитать родителей», «граждане обязаны исполнять законные распоряжения властей» – эти и тысячи других правил, составлявших и составляющих в своей совокупности правовые кодексы или своды законов, все они представляют из себя прежде всего нормы или правила поведения. Каждое из них похоже на дорожный столб с надписью, указывающей, куда и как следует идти, чтобы достигнуть той или иной цели, и куда и как не следует идти, чтобы избежать тех или иных нежелательных последствий. Любой свод законов с этой точки зрения похож на дорожную карту путешественника, которая указывает ему, какого направления и способа действий он должен держаться в тех или иных случаях жизни, чтобы поступать согласно праву данного государства.

Из сказанного видно, что *правовая норма есть, прежде всего, определенное правило поведения, а право – совокупность таких норм.*

Но ограничиться таким определением права – это значило бы сказать слишком мало. Слишком мало потому, что *область правил поведения шире области правовых норм.* Не только правовые нормы поведения, но и правила нравственности, и предписания моды, и технические правила, и предписания религии, и целый ряд других предписаний являются правилами поведения. Положения «носи брюки с клешем», «не кушай с ножа», «раздай все свое имение нищим», «посещай заключенных», «люби врагов», «в случае простуды пей хинин», «каждый день ходи в церковь», «в среду и в пятницу не вкушай мяса», «перед едой мой руки» – эти и подобные рецепты являются также правилами поведения. Следует ли отсюда, что и они представляют из себя правовые или юридические нормы? А если да, то чем же в таком случае предписания права отличаются от предписаний нравственности, моды, религии и чисто технических рецептов?

Сказанное означает, что должны быть указаны какие-то добавочные признаки, которые позволяли бы правовые нормы поведения отличать от других правил поведения.

§ 3. Основные отличительные черты юридических норм как правил поведения

Спрашивается: каковы же эти отличительные признаки правовых норм поведения?

Их несколько. Здесь укажем лишь главные из них. *Первая и основная черта правовой нормы поведения заключается в том, что она является нормой, наделяющей одно лицо (субъекта права) тем или иным полномочием (правомочием), а другое лицо (субъекта обязанности) – той или иной обязанностью.* Иными словами, правовая норма всегда устанавливает определенную связь между двумя правовыми центрами (субъектом права и субъектом обязанности) и указывает, что может требовать один и что может сделать другой. Возьмем пример. «Покупатель вещи обязан заплатить условленную сумму денег продавцу вещи, а продавец вещи имеет право требовать от покупателя эту условленную сумму». Согласно со сказанным здесь, мы имеем правовую норму, которая уполномочивает продавца (субъекта права) требовать и получить от покупателя цену вещи, а покупателя (субъекта обязанности) обязывает уплатить первому эту цену.

Эта черта правовой нормы обычно выражается словами: *«Субъект права имеет право на то-то, субъект обязанности обязан, должен сделать то-то».*

Этот признак, состоящий в распределении полномочий (прав) одним и обязанностей (должного) другим, составляет основную, неизбежно присущую черту правовой нормы. Поэтому *всякое правило поведения, которое обладает этим признаком, будет нормой права.* Выражения «дети обязаны почитать родителей, а родители имеют право требовать повиновения детей», «гражданин имеет право на жизнь, и все обязаны воздерживаться от убийства», «кредитор имеет право на получение своего долга, а должник обязан этот долг уплатить» – все эти и тысячи других правил поведения, где дана указанная связь прав и полномочий с обязанностями, где одни наделяются первыми, а другие – вторыми, все подобные правила поведения будут правовыми нормами, или нормами права. Все же остальные правила поведения, где такой связи и такого наделения правами и обязанностями не дано, такие правила поведения не могут быть и не будут юридическими нормами. Они стоят вне права и не являются его проявлениями.

Указанная черта норм права станет более ясной, если мы обратимся к рассмотрению тех психических переживаний, которыми сопровождается правовое переживание в психике каждого из нас.

Предположим, что вы снимаете комнату с услугами за определенную плату. Правовая норма поведения в данном случае будет гласить: «Вы имеете право на комнату с услугами и обязаны в определенное число месяца платить комнатную плату хозяину квартиры. Хозяин квартиры обязан предоставить в ваше пользование комнату с услугами и имеет право требовать от вас комнатной платы». Меж-

ду вами и хозяином квартиры устанавливаются, таким образом, определенные отношения, регулируемые приведенной юридической нормой. Характерным здесь с психической стороны является то, что акты получения с вас денег хозяином и акты пользования вами комнатой вы рассматриваете как нечто «должное», как нечто принадлежащее ему и вам «по праву». С другой стороны, вы чувствуете себя «обязанным» не только внешне, но и внутренне к уплате денег, как признаете и хозяина обязанным к предоставлению комнаты и условленных услуг в ваше пользование.

Переживание вашей правомочности неразрывно связано с сознанием вашей обязанности. Уплачивая хозяину плату, вы не делаете ему милости, а только исполняете свой долг, свою обязанность, равным образом пользуясь комнатой и услугами хозяина, вы также пользуетесь ими не из милости, а по праву.

Поведение ваше и поведение хозяина вы рассматриваете как нечто нормальное, не являющееся ни милостью, ни какой бы то ни было услугой. Акты уплаты квартирной платы с вашей стороны и предоставления вам комнаты и услуг со стороны хозяина вы воспринимаете как нечто *обязательное*, не терпящее нарушения. Неисполнение этих обязанностей будет восприниматься вами как нечто *недозволенное*, как поступок *недопустимый*, а в некоторых случаях – *преступный*.

Совсем иными будут психические переживания в том, напр., случае, когда кто-либо предоставил вам комнату из гостеприимства. В этом случае за собой вы не сознаете права на эту комнату и услуги, не считаете, что хозяин «обязан» вам предоставить их. Действия хозяина вы будете воспринимать как «милость» или «любезность», за которую вы можете быть благодарным, но на которые вы претендовать не можете. В первом случае хозяин был обязан предоставить вам комнату и услуги, во втором – такой обязанности нет. Предоставление их – дело доброй воли гостеприимного хозяина. В первом случае, если бы хозяин не исполнил своей обязанности и попытался бы лишить вас комнаты и услуг, за которые вы заплатили, вы стали бы негодовать и рассматривать его действия как «возмутительные», «недопустимые», «преступные». Во втором случае переживание будет иным: не считая хозяина обязанным предоставлять вам комнату, вы не можете и считать его действия – отказ в гостеприимстве – недопустимыми и преступными. Вам, может быть, неприятно, но это неприятное переживание не будет правовым возмущением, ибо права на комнату в этом случае у вас нет и вы за собой его не признаете. Короче говоря, *с психической стороны правовая норма поведения отличается от других норм поведения тем, что она всегда двусторонняя: ее сознание или переживание всегда сопровождается приписыванием тех или иных полномочий (прав) одним и тех или других обязанностей другим.*

Поступки, состоящие в выполнении этих полномочий, рассматриваются нами как нечто дозволенное, что субъект права может делать, на что он уполномочен, против чего никто не может возражать; поступки, состоящие в испол-

нении обязанности, в свою очередь, рассматриваются нами как нечто должное, от исполнения которых «обязанное» лицо не может отказываться, исполнение коих уполномоченное лицо может требовать от лица обязанного; в случае же неисполнения таких поступков лицом обязанным его поведение воспринимается как нечто недозволенное, запрещенное, недопустимо преступное.

Лицо обязанное чувствует себя не свободным, а связанным или обязанным исполнить свой долг. По личному опыту каждый из нас знает, что сознание нашей обязанности действует на нас как некоторая принудительная сила, которая властно побуждает нас исполнить свой долг, которая подталкивает нас к выполнению обязанности и как некий таинственный голос («голос совести») требует от нас этого выполнения. Мы в этом случае чувствуем себя действительно «связанными». Иными переживаниями сопровождается сознание нашего права или правомочия. В этом случае мы чувствуем в себе внутреннюю правоту, дающую нам силу требовать и осуществлять наши правомочия, делающую ненужными какие бы то ни было оправдания для наших актов осуществления права и превращающую наши действия в нечто вполне дозволенное, справедливое, против чего никто не может возражать.

Такова основная характерная черта *правовых норм поведения*. Отсюда следует, что *правовой нормой будет всякое двустороннее правило поведения, указывающее, на что (на какие поступки) уполномочиваются одни и что (какие поступки) обязаны делать другие*.

Каждая такая норма в сознании переживающего ее человека сопровождается приписыванием прав одним и обязанностей другим и особым переживанием чувства правоты уполномоченным и чувства связанности (обязанности) лицом обязанным.

Все правила поведения, обладающие такими свойствами, будут правовыми нормами совершенно независимо от их конкретного содержания.

Отличие норм права от норм нравственности. После сказанного нетрудно будет отличить юридические правила поведения от других правил поведения, и прежде всего от нравственных. Нравственные нормы – тоже нормы поведения, но *отличие их от правовых норм в том, что они нормы не обязательные, а только рекомендуемые*. С логической стороны они никого не наделяют полномочиями и никого не обязывают, а только рекомендуют, советуют следовать тому или иному завету. Исполнение их не обязательно, а предоставляется доброй воле каждого. Если человек будет следовать нравственным заповедям, он поступит хорошо, а если нет – никто не может требовать от него исполнения их, ибо он не «обязан» к этому. Приведем пример: с точки зрения христианства брак допускается и половая жизнь в браке дозволяется. Правовая норма христианства гласит: «Человек *имеет право* вступать в брак и обязан это сделать, раз он

не может быть девственником». Половая жизнь вне брака – блуд, грех, преступление. Такова правовая норма поведения. Нравственная же норма христианства в этом вопросе гласит: «Будьте безбрачными девственниками». «Девственность» – вот что рекомендуется нравственным предписанием; рекомендуется, но не предписывается как нечто обязательное: «Могий вместит, да вместит», – говорит Христос^{1*}. Эта рекомендательная сторона нравственных предписаний прекрасно видна из слов апостола Павла: «*Безбрачным же и вдовам говорю, – пишет он, – хорошо им оставаться, как я, но если не могут воздержаться – пусть вступают в брак. Если и женишься – не согрешишь.* Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо (правовая норма), а не выдающий – поступает лучше»^{2*} (нравственная норма).

Отсюда видно, что *нравственность дает не обязательные правила, а правила рекомендуемые, исполнение коих предоставляется доброй воле человека.* Психологически здесь нет предписания права одним и обязанности другим. Я могу дать рубль нищему и, если дам, поступлю хорошо; но никто, в том числе и нищий, не может от меня *требовать* этого рубля, и я не чувствую себя *обязанным* дать его нищему.

Наблюдая за своим поведением, мы легко можем видеть, что множество наших поступков сопровождается сходными переживаниями и множество правил поведения воспринимаются нами не как обязательные, а как рекомендуемые. «Люби врага», «если ударят в правую щеку – подставь и левую», «отдай все свое имущество бедным» – все эти правила большинством людей воспринимаются именно как нравственные правила. Они советуют, рекомендуют, указывают идеал поведения, но не обязывают.

Если люди будут их исполнять, они поступят хорошо, если нет – ничего недозволенного они не совершат, ибо нравственное геройство – дело доброй воли и нельзя его от всех требовать. Иначе обстоит дело с правовыми предписаниями. Они обязательны. Неисполнение их оценивается как нечто недозволенное и запрещенное. Они являются минимумом морали, которая требуется от всякого человека. Исполнение же нравственных предписаний – нечто сверхнормальное, стоящее выше этого минимума, рекомендуемое, но не обязательное.

Из этого основного различия между правовыми и нравственными нормами вытекает ряд частных отличий между ними.

а) Поскольку право является нормой обязывающей, там возможно принудительное исполнение этой нормы. Обязательное лицо, не исполняющее своей обязанности, может быть принуждено к ее выполнению. Вот почему право в истории выступает с принудительным аппаратом (угроза, насильственное исполнение, наказание и т. д.), посредством которого обязанное лицо вынуждается к исполнению своей обязанности.

Нравственная норма – норма добровольная, рекомендуемая. Она никого не обязывает и никому не дает права требовать исполнения рекомендуемого ею поведения. Поэтому ей *чужд принудительный характер*. Последний несовместим с нею.

б) Раз право наделяет одних полномочиями, а других обязанностями, то для лица уполномоченного *в ряде случаев* (но не всегда) не важно, кто исполнит причитающееся ему требование: сам ли обязанный или кто-либо другой. Управомоченному важно лишь, чтобы его правопритязание было исполнено, напр., долг уплачен, а кто уплатит этот долг – сам ли должник или его родные, – это не важно. Вот почему *право мирится в ряде случаев с исполнением обязанности не самим обязанным, а третьими лицами*. Подобно замене обязанного лица, право в ряде случаев допускает и замену управомоченного лица (правовое представительство). *Такой замены обязанных лиц не может быть в нравственности*. Вся ценность нравственного поступка в том и состоит, что он доброволен. Здесь не может быть замены; человек, спасающий другого, рискуя собственной жизнью, не может передавать свой подвиг другому; он принадлежит ему и больше никому. Нельзя быть нравственным и святым за чужой счет.

в) В связи с этим находится и дальнейшая черта различия права и нравственности: *их отношение к мотивам исполнения правовых и нравственных предписаний*. Управомоченный заинтересован, прежде всего, в получении причитающегося ему по праву требования; по каким мотивам обязанное лицо исполняет свою обязанность – из страха ли наказания, или из корысти, или из чистого сознания долга, – это имеет второстепенное значение, сплошь и рядом ничтожное.

Иначе обстоит дело в нравственности. Ценность нравственного поступка в том и состоит, что он доброволен «бескорыстными» мотивами. Если человек дает другому рубль, рассчитывая за это получить 10 рублей, это будет уже «коммерцией», а не нравственным подвигом. Следовательно, *в области нравственных явлений, в противоположность праву, мотив исполнения нравственных норм имеет громадное значение*.

г) Дальнейшим различием права и нравственности является *неодинаковое отношение и неодинаковая оценка исполнения правовой обязанности и исполнения нравственной нормы*.

В случае исполнения обязанным лицом своей обязанности у нас нет по отношению к нему *особой благодарности или признательности*. Мы не считаем его поступок подвигом. Он сделал то, что должен был сделать. Должник, уплативший долг, полицейский, охраняющий безопасность граждан, делают то, что должны делать. Иначе обстоят дела в нравственности. Здесь нет обязанности. Поэтому лицо, совершившее тот или иной поступок нравственный, *вызывает к себе особое чувство признательности, благодарности*, особенно со стороны тех, в пользу кого он его совершил. Человек, добровольно и бескорыстно предло-

живший нам помощь в трудную минуту; благотворитель, жертвующий сотни тысяч в пользу общества; человек, рискующий собой для спасения погибающих, – все они возбуждают в нас чувство благодарности, уважения, восхищения.

д) Из самого существа нравственных и правовых явлений вытекает и дальнейшая черта различия между ними. Поскольку правовая норма двусторонняя, она должна иметь точные границы, точное содержание и объем того, что имеет право требовать управомоченное лицо и что должно исполнить лицо обязанное. Иначе бы право породило только взаимные недоразумения. Вот почему *правовая норма и ее требования всегда ограничены и не могут быть беспредельными*.

Иное наблюдаем мы в нравственной области. Так как здесь никто не имеет права требовать исполнения нравственных предписаний и так как это исполнение здесь предоставляется доброй воле человека, то всякие точные границы содержания и объема нравственной нормы здесь не имеют смысла. Больше того – они здесь вредны. «Могий вместити, да вместит» – такова природа нравственных правил. Они никого не обязывают, но раз человек добровольно хочет следовать нравственной заповеди, пусть он следует до тех пределов, до коих он может и хочет. Границы здесь неуместны. Чем дальше он пойдет по этому пути, тем лучше... *Вот почему нравственные предписания и требования не имеют ни границ, ни точного объема*.

Таковы второстепенные различия права и нравственности.

Вывод из сказанного таков: *все правила поведения, рекомендуемые то или иное поведение в качестве сверхнормального, хорошего, идеального поведения, но предоставляющие исполнение его доброй воле человека, будут нравственными правилами*.

Как и юридические правила, нравственные нормы по своему содержанию чрезвычайно различны и меняются в зависимости от времени и народа.

Отличие норм права и нравственности от недозволенных и безнравственных правил поведения. После сказанного легко понять, что *все правила поведения, противоречащие правилам поведения, указываемым нормами права, будут правилами недозволенными, антиправовыми и преступными, а правила поведения, противоречащие нравственным предписаниям, будут правилами антинравственными или безнравственными*. Если правовые нормы гласят «не убий», «не укради», то нормы «убий» и «укради» будут антиправовыми нормами.

Отличие права и нравственности от чисто технических правил поведения. Хотя нормы права и нравственности являются главными видами правил поведения, однако помимо них есть еще ряд правил поведения, которые не входят в их область. Для примера возьмем один из рецептов «Поваренной книги», указывающих, как должно готовиться то или иное блюдо, напр. сдобный ку-

лич. В этом рецепте подробно указывается, как его надо готовить, чего и сколько надо положить и т. д. Такой рецепт является правилом поведения. Но может ли оно относиться к области права или нравственности? Так как это предписание нормально, необязательно и так как в нем нет наделения одних правами, а других обязанностями, то очевидно, что такое правило поведения не относится к области права. Но не относится ли оно к области нравственных предписаний? Так как оно *рекомендует* следовать определенному рецепту, то, казалось бы, «да, относится»; однако такой ответ был бы поспешным. И правовые, и нравственные предписания, как увидим ниже, регулируют взаимное поведение людей и прямо или косвенно указывают *должные* взаимоотношения людей друг к другу. Во-вторых, психологически они сопровождаются особым сознанием правового долга и нравственной ценности. Ни того, ни другого элемента в данном рецепте нет. Он не окрашен никаким моральным цветом, он не рассматривается как долг, он не регулирует взаимные отношения людей, а представляется чисто техническим рецептом, таким же, как рецепт «сначала надо обувать левую, а потом правую ногу» и сотня подобных.

Короче говоря, такой рецепт нормально стоит вне области морали. И правовое, и нравственное сознание относится к нему безразлично. *Совокупность таких чисто практических рецептов, лишенных моральной окраски, нейтральных по отношению к правовому и нравственному сознанию, может быть выделена в особую область и названа группой чисто технических правил поведения.*

Само собой разумеется, что любой из этих чисто технических рецептов при надлежащих условиях может стать нравственной или правовой нормой, если только кто-либо воспринимает их так, как воспринимается правовая или нравственная норма.

Так, для ряда людей правило «по средам и пятницам следует есть постную, а не скоромную пищу» является простым техническим правилом. Для других же людей, напр. для многих православных, это правило является правовой нормой, данной Богом и обязывающей верующих поститься в среду и пятницу. Несоблюдение этого правила рассматривается или как грех, т. е. нечто недозволенное, или как преступление. Для третьих лиц то же правило является нравственной, т. е. рекомендуемой, нормой, соблюдение коей угодно Богу, хотя и не обязательно.

Сказанное применимо и к другим техническим нормам. Любая из них может сделаться правовой или нравственной нормой, раз воспринимается в качестве таковой тем или иным лицом. Любая из них остается чисто технической нормой до тех пор, пока не приобретет указанные признаки нравственных и юридических норм.

Правовые и религиозные нормы поведения. Правила поведения даются и религией. Спрашивается, какое же различие между правовыми нормами по-

ведения и религиозными заповедями вроде «аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии разве мене»^{3*}, «не укради», «не прелюбы сотвори», «ходи в церковь», «крестное знамение делай тремя, а не двумя перстами» и т. д.?

Многие исследователи религиозные правила поведения принципиально отличают от правовых и нравственных норм. Такое различие ошибочно.

Правила поведения, даваемые любой религией, в огромном своем большинстве представляют либо правовые, либо нравственные, либо чисто технические нормы. Как приведенные нормы поведения, так и сотни других религиозных норм, даваемых любой религией (10 заповедей Старого Завета, «заповеди блаженства», множество правил поведения, даваемых Библией, Евангелием, Кораном, «Законами Ману» и другими религиозно-правовыми сводами), все они для верующих являются либо правовыми нормами, т. е. обязательными нормами поведения, наделяющими их определенными правами и обязанностями, нарушение коих не дозволено; либо нравственными, т. е. рекомендуемыми, правилами поведения, угодными Богу, хотя и необязательными. Запрет Магомета вкушать свинину звучит так же повелительно для магометанина, как и норма христианства «не убий», «люби врага». Завет Евангелия является для христианина подлинным нравственным предписанием. Лишь небольшая часть религиозных правил поведения может быть рассматриваема как техническое правило.

Различие религиозных норм поведения от обычных правовых и нравственных норм заключается лишь в том, что они считаются данными Богом, а не светской властью и регулируют они взаимоотношения не только между людьми, но и божеством. Но это различие частичное. По своей же природе большинство религиозных предписаний представляет подлинные правила и нравственные нормы. Это следует и из того, что первичные правовые и нравственные нормы даны были религией и появились в виде религиозных заповедей. И до сих пор фактически религиозные нормы поведения, наряду с официально-правовыми нормами, составляют значительную часть правового сознания людей. Вот почему ошибочным приходится признать часто встречающееся мнение, что религиозные правила поведения не являются правовыми или нравственными нормами.

Правовые нормы и правила поведения «моды» и «житейского этикета». Юридическим нормам поведения и нормам нравственности часто противопоставляют правила поведения, даваемые «модой», и правила житейского этикета. В качестве таковых указывают, напр., нормы: «нехорошо есть с ножа», «нельзя громко сморкаться», «на балу мужчинам полагается быть во фраке, а дамам в бальном платье», «при встрече с знакомыми необходимо кланяться» и т. д.

Спрашивается: каково различие правовых норм от подобных норм «моды» и «житейской вежливости»? Ответ должен быть условным: для одних лиц, которые рассматривают их как простые технические правила, *они будут чисто тех-*

ническими рецептами, нейтральными для нравственно-правового сознания; для других, которые воспринимают их в качестве рекомендуемых правил, хороших и желательных, но необязательных, они будут правилами *нравственности*, наконец, третьи, те лица и круги, которые рассматривают их как нечто обязательное и считают, напр., что «воспитанное общество имеет право требовать, чтобы каждый мужчина, присутствующий на балу, был одет во фраке, а последний обязан быть в таком костюме», – такие лица сознательно или бессознательно признают *таковые правила за правовые нормы*. Отсюда видно, что все эти правила «моды» и «приличия» не есть что-то по своей природе отличное от правил нравственности и права, а могут быть и теми, и другими – и большею частью и бывают действительно таковыми, – раз они воспринимаются как нечто обязательное или как нечто рекомендуемое.

Древние рыцари нарушение правил этикета рассматривали как недозволенное, преступное поведение. У многих дикарей отклонение от некоторого ритуала при тех или иных обрядах, в частности от этикета одежды, часто влечет суровое наказание. Появление человека в спальном белье на улице большинством людей считается недозволенным поступком и вызывает негодование. Ряд фешенебельных клубов ставит обязательным условием допущения в число своих членов фрачный костюм на обедах.

Эти примеры показывают, что едва ли верно обычное мнение о большей мягкости правил «вежливости» по сравнению с нормами права. Ошибочным является и попытка рассматривать правила моды и этикета как что-то цельное, отличное от правил нравственных и юридических. Как видим, они могут быть и чисто техническими рецептами, и нравственными и правовыми нормами, в зависимости от того, каково их содержание и как воспринимаются они теми или другими людьми.

Глава II. РЕАЛЬНОСТЬ ПРАВА И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ЕГО ВНЕШНЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ

§ 1. Правовая норма как психическое явление (правовое убеждение)

Теперь, когда установлено отличие правовой нормы от других норм поведения, мы можем поставить вопрос: *где и в каких формах проявляются правовые нормы в жизни?*

Прежде всего, такие нормы даны *в сознании каждого из нас, в нашей психике*. Здесь они существуют в виде правовых убеждений, известных всем людям (кроме моральных идиотов) по собственному опыту.

Вдумчиво взглядевшись в наше сознание, мы видим, что наша психика буквально кишит такими правовыми убеждениями. Они руководят оценкой наших собственных и чужих поступков, они дают нам ответ, как должны мы поступать в том или ином случае и как мы должны относиться к различным поступкам других. Вольно или невольно мы постоянно соотносимся с ними в наших действиях. Когда мы действуем «с сознанием своего права», когда мы «выполняем свои обязанности» и «свой долг», когда мы негодуем и возмущаемся подлостью X и мерзостью Y, когда мы говорим про правовой строй, когда мы критикуем те или иные общественные реформы и события и т. д. и т. д., – мы делаем не что иное, как «обнаруживаем», «выявляем вовне» эти правовые убеждения или нормы, «написанные в нашем сознании». Эти убеждения даны в нашей психике и существуют в ней независимо от того, будем ли мы высказывать их вовне или нет. К таким убеждениям относятся все убеждения, состоящие в признании тех или иных прав за одними или тех или иных обязанностей за другими, короче – убеждения, указывающие нам дозволенно-должное поведение.

§ 2. Объективные проявления правовых убеждений

Право или правовая норма дана не только в виде объективного психического явления, правового убеждения, но она проявляется и во множестве других объективных форм, именно – *во множестве поступков человека*.

Правовое убеждение редко остается чисто психическим явлением, скрытым в душе человека. Напротив, оно почти всегда в той или иной форме проявляется и выходит наружу. Основными формами его проявления служат *поступки или поведение людей в широком смысле этого слова*.

Речь как способ выявления правового убеждения. К таковым относится, прежде всего, *речь человека*. Человек обычно не только думает про себя, что он имеет право или обязанность, но и постоянно *высказывает* эти убеждения. Выражения «я имею на это право», «я обязан это сделать», «Х поступил не по праву», «У не соблюдает своих обязанностей», «рабы были бесправными», «бесправный народ», «вопиющая несправедливость» и т. д. – все эти и подобные выражения мы употребляем на каждом шагу и постоянно слышим от других.

Символические акты как способ выявления и закрепления правового убеждения. Вторым основным способом выявления правового убеждения служат *символические жесты человека*. Образцом может служить рукобיתье, употребляемое до сих пор многими при заключении договоров. Обряд «ударить по рукам» есть символический обряд, говорящий о том, что лица, заключающие правовую сделку, взаимно договариваются об определенных правах и обязанностях. В старину эти символические жесты были гораздо распространеннее. Обряды «курения трубки мира», «обмена и смешения каплями крови», наложения повязки на обязанного, удара палкой по спине человека, попадающего в рабство, удара мечом по человеку, посвящаемому в рыцари, передача горсти земли человеку, покупающему землю, в знак того, что он становится хозяином последней, и т. д. и т. д. – все эти и тысяча других актов означали и означают не что иное, как внешнее выражение внутренних правовых убеждений.

Вместе с речью эти символические жесты до появления писаных законов составляли распространенные способы выявления правовых убеждений первобытных народов. Немало таких правовых обрядов имеется и теперь.

Письменность как способ выявления и закрепления правовой нормы. Более поздним по времени средством проявления или внешнего обнаружения правовых убеждений является *письменность*. Потребность в письменном закреплении правовых норм в каждом обществе огромна. С появлением письменности правовые убеждения данного общества неизбежно должны быть записаны. Из истории Рима, Спарты и Афин мы знаем, что в раннем периоде их истории зародилась борьба за писаные законы. Итогом этой борьбы явились Законы XII таблиц в Риме^{4*}, Законы Ликурга и Солона^{5*} в Греции. Так же происходило дело и в других странах. Теперь писаные законы являются нормальным способом закрепления и проявления правовых убеждений людей, общества и государств.

«Свод Законов» любого государства – не что иное, как совокупность правовых убеждений данного общества, официально признанных государством в качестве обязательных норм поведения.

Поведение людей как выявление правовых убеждений. Право или правовые убеждения (правовые нормы) проявляются не только в речи, в символических актах и в писаных законах, но и в других поступках человека.

Все поступки людей, совершаемые или в силу сознания своего права, или обязанности, все поступки каждого из нас, являющиеся осуществлением наших прав или обязанностей, – все они представляют объективную реализацию или внешнее проявление правовых норм.

Мы живем и действуем, рождаемся и умираем, радуемся и страдаем, окруженные «воздухом права»; в этом смысле право проникает во все поры общественной жизни. Оно, подобно бесплотному духу, всюду сопровождает нас и управляет нами. Благодаря ему мы негодуем при виде той или иной подлости, благодаря ему мы возмущаемся несправедливостью и бросаемся в борьбу за право, оно вызывает в нас восхищение «высокими актами исполнения долга», оно дает нам указание, как поступать в том или ином случае, оно дает нам уверенность в пользовании нашими полномочиями, короче – все эти разнообразные поступки, чувства и переживания, вызванные нашими правовыми убеждениями, согласные с ними и осуществляющие их, суть не что иное, как *формы проявления и реализации права или правового убеждения.*

Общественные институты и организация общества как проявление правовых убеждений. Формы проявления или «объективирования» правовых убеждений или норм не ограничиваются перечисленными явлениями. Не только отдельные поступки людей, но *все их взаимоотношения, весь уклад общества или государства являются застывшими овеച്ചествившимися правовыми нормами или убеждениями.* Из совокупности поступков человека складывается его поведение, из совокупности поведения отдельных членов общества складывается жизнь данного общества и общественные взаимоотношения, а совокупность прочных и постоянных общественных взаимоотношений составляет то, что называется социальной и политической организацией данного общества и государства. Для того чтобы любое общество или государство могло существовать, в нем должен быть известный устойчивый порядок. Иначе общества нет, и вместо него мы получили бы стихийно-анархическую борьбу всех против всех. Такой устойчивый порядок, или организация, создается тем, что члены общества ведут себя установленным, определенным образом в тех или иных случаях; ведут себя так, как указывают правовые нормы или законы данного общества.

В итоге такого определенного поведения, диктуемого правовыми убеждениями, складывается определенная организация данного общества, его социальная и политическая физиономия. Если наиболее сильная часть общества считает лучшим политическим устройством монархию и приписывает монарху право на неограниченное господство, а подданным – обязанность повиновения, то в таком обществе неизбежной формой правления будет монархия.

Монархическая форма правления в этом случае будет простой «материализацией» монархических правовых убеждений, «застывшим видом» последних. Если же эта часть общества имеет республиканские правовые убеждения или сменит монархические убеждения республиканскими, эта смена неизбежно приведет к низвержению монархии и к установлению республики как политической организации общества. «Республиканские правовые убеждения» в этом случае «застынут в форме республиканской формы правления». Если более сильная часть общества обладает рабовладельческими правовыми убеждениями, то в итоге таких убеждений будет и соответствующее правовое поведение, а в итоге такого поведения неизбежно возникнет и институт рабства. Если такое правовое убеждение сменится обратным, признающим рабство противным праву и справедливости, то в результате неизбежным станет падение рабства и его уничтожение.

Все сказанное о политической форме правления и рабстве применимо и к любому общественному учреждению: к форме семьи, брака, собственности, к форме управления, к организации суда, наказания, образования и т. д.

Как определенное общественное учреждение, так и весь уклад общественной жизни, закрепленный в его законах, есть не что иное, как застывшие правовые убеждения данного общества или его наиболее сильной части. Все они представляют «материальное», «вещественное» выражение невещественных правовых убеждений и норм. Вот почему каждое общество имеет такую организацию, какая требуется его правовыми убеждениями или убеждениями наиболее сильной его части. Вот почему правильно изречение: «Всякий народ имеет такое правительство, какого он заслуживает»^{6*}, т. е. какое соответствует его правовым убеждениям. Вот почему с изменением правовых убеждений общества или сильнейшей части последнего изменяется и общественно-политическая организация государства: монархии становятся республикой или обратно; изменяется сообразно сдвигу правовых убеждений положение рабочих, крестьян и других классов; отменяются старые законы, вводятся новые и т. д.

Вот почему, наконец, социально-политическая организация общества или государства может быть названа материализовавшейся или кристаллизовавшейся формой правовых убеждений или норм.

Подведем итог сказанному:

1. Право есть совокупность правил поведения, указывающих дозволенно-должное поведение путем распределения полномочий и обязанностей.

2. Такие правила или нормы даны в психике людей в виде правовых убеждений, указывающих должное поведение путем признания и разграничения определенных прав и обязанностей за теми или иными лицами в различных случаях жизни.

3. Эти правовые убеждения реализуются или объективируются: 1) в правовых устных суждениях; 2) в символически-правовых обрядах; 3) в писаных законах; 4) в поведении и поступках людей, вызванных к жизни этими убеждениями и представляющих осуществление их; 5) во всей социально-политической организации общества и в укладе его отдельных институтов и учреждений.

Право – сила. Отсюда видно, в какую ошибку впадают те, кто под правом привык понимать только мертвые, застывшие статьи официальных кодексов или «безжизненные измышления юристов»; вопреки мнению таких лиц мы видим, что право – живая реальность, окружающая нас со всех сторон. Оно в виде убеждений – в нас и в виде словесных и письменных формул, в виде поступков и общественно-правовых институтов – вне нас. Подобно электричеству, оно невидимо, но двигает людьми, вызывает к жизни акты борьбы и мира, ненависти и любви, оно создает и свергает троны, возводит и разрушает государственные и общественные организации. Короче, право – социальная сила, и сила могучая.

Глава III. АНАЛИЗ ПРАВОВОЙ НОРМЫ

§ 1. Диспозиция и санкция правовой нормы

Установив общее понятие права, теперь перейдем к более подробному анализу правовой нормы, рассмотрим ее строение и составные части.

Большинство правовых норм обычно делится на две основные части: а) на часть *определяющую*, указывающую определенное обязательное поведение (*диспозиция*), и б) часть *санкционирующую*, указывающую те последствия, которые наступят в случае нарушения определяющей части нормы (*санкция*). Пример: «виновный в краже приговаривается к 6 месяцам тюрьмы».

Виды санкций. Здесь первая часть правовой нормы кратко говорит, что кража запрещена, воздержание от нее обязательно; вторая часть указывает на правовое последствие, которое постигнет лицо, совершившее кражу, т. е. нарушившее определяющую (диспозитивную) часть правовой нормы. Здесь санкцией служит *наказание* в виде тюрьмы. Такой вид санкции является обычным в нормах уголовного права. Другим видом санкции является *принудительное исполнение* требования определяющей части нормы. Так, лицо, отказывающееся уплатить долг, принуждается к уплате через судебного пристава, накладывающего арест на его имущество и распродающего последнее с аукциона с целью удовлетворения кредитора. Третьим видом санкции служит *возмещение ущерба*, к которому принуждается, напр., лицо за клевету, причинившую ущерб репутации того или иного человека. Четвертым видом санкции является санкция *ничтожности*, состоящая в том, что при несоблюдении условий, указанных в определяющей части правовой нормы, юридический акт объявляется ничтожным, не имеющим силы. Если, напр., закон для действительности завещания требует двух свидетелей, то духовное завещание, составленное без свидетелей, будет юридически ничтожно, недействительно.

Таковы основные виды санкций, побуждающих к исполнению определяющей части правовой нормы. Рядом с такими нормами, однако, есть нормы права или законы, не имеющие санкций. Такие законы называются несовершенными законами или правовыми нормами (*leges imperfectae*).

В каждой полной правовой норме далее следует различать понятие: 1) *субъекта права*; 2) *субъекта обязанности*; 3) *объекта права*; 4) *объекта обязанности*.

сти; 5) ссылку на «источник права»; 6) дополнительные условия: времени, места и способа действия; 7) адресата (или дестинатора^{7*}) правовых действий.

§ 2. Понятие субъекта права

Под субъектом права разумеется понятие того лица, которому причитается то, что указано в правовой норме. В норме «кредитор имеет право требовать уплаты долга» субъектом права будет понятие кредитора.

Субъекты права бывают лицами: а) индивидуальными (Иван, кредитор, покупатель и т. д.) и б) коллективными (государство, церковь, университет, акционерная компания, учреждения, кооперации и т. д.).

Индивидуальные субъекты права. В настоящее время под индивидуальными субъектами права обычно разумеются *физические лица*. Не так было в прошлом. Тогда субъектами права часто выступали воображаемые существа (бог, дьявол, души предков и т. д.), которым приписывались те или иные права и с которыми даже заключали сделки, напр., сделку продажи души дьяволу, в силу коей дьявол получал после смерти право на душу; часто субъектами права выступали также *животные, растения и неодушевленные предметы*, которым и приписывались те или иные правомочия. Так, напр., древние египтяне считали своей обязанностью приносить жертву быку, а ему приписывали право требовать таких жертв. Подобное обоготворение тех или иных животных и растений было свойственно большинству народов, поэтому же у большинства последних некогда животные, растения и даже неодушевленные предметы выступали в роли субъектов права. *С ростом культуры и знания воображаемые существа, животные, растения и предметы постепенно перестают быть субъектами права, им перестают приписывать как права, так и обязанности.* Пережитки этих предыдущих обычаев, однако, сохранились и до сих пор.

Нормальным видом индивидуального субъекта права были и остаются люди как *физические лица*. Историческая линия правового развития в этом вопросе заключается в постепенном признании субъектом права всех людей. В прошлом целые группы лиц не могли быть субъектами права. Такими лицами, напр., были рабы, за которыми не признавалось никаких прав, все иностранцы-чужеродцы, частью дети малолетние и женщины, частью побежденные по отношению к победителям, частью преступники, объявленные «вне закона», и т. п. С ходом истории, однако, это вопиющее неравенство постепенно сглаживалось, и теперь в принципе признается, что *субъектом права может быть всякий человек*.

Правоспособность. Это выражается словами *«всякий человек правоспособен, т. е. способен иметь право»*. Этот момент правоспособности всякого человека начинается с момента его рождения, отчасти даже в утробном периоде его жизни. Однако и теперь правовое равенство, торжественно возглашаемое законом («равенство всех перед законом»), далеко еще не осуществлено и остается по-прежнему больше желаемым и ожидаемым идеалом, чем осуществленной реальностью.

Фактически и теперь есть категория лиц, за которыми отрицаются все права, даже право на жизнь. Таковы присуждаемые к смертной казни и лица, «лишенные всех прав состояния» за преступления.

Таковы далее лица, «объявляемые вне защиты и покровительства законов».

То же правовое неравенство проявляется и *в различном объеме права и дееспособности*, которыми обладают различные группы лиц.

Дееспособность. Не все лица как субъекты права обладают одинаковой правоспособностью и дееспособностью, т. е. способностью лично выступать субъектом права и совершать лично юридические сделки, приобретать права, принимать обязательства и т. д.

Условия, влияющие на объем права и дееспособности. Главнейшие условия, от наличности или отсутствия которых зависит объем права и дееспособности, таковы:

1) *Безумие, сумасшествие и расстройство физического и психического здоровья.* Эти группы лиц признаются обычно правоспособными, но не дееспособными лично совершать правовые сделки вообще или отдельные сделки в частности.

2) *Возраст.* К числу правоспособных, но недееспособных лиц принадлежат люди, не достигшие правового совершеннолетия. В древности дети были неправопособны и недееспособны. Старшие и родители имели над ними право жизни и смерти, могли их продавать в рабство, бить, убить и т. д. Дети не могли иметь никакого имущества. С течением времени это рабство детей пало. Теперь все они считаются правоспособными. Ограничивается нормально лишь их дееспособность. Считая необходимым для разумного и сознательного пользования своими правами достаточную умственную и нравственную зрелость, право обычно устанавливает определенный возраст, требуемый для осуществления дееспособности в тех или иных правовых взаимоотношениях. Таким возрастом в сфере имущественных отношений по русским законам был 21-летний возраст, в сфере политических отношений – 25-летний (право участия в выборах членов Г. Думы, право быть судьей, гласным и т. д.), в сфере брачных отношений – 18 лет для мужчин, 16 лет – для женщин и т. д.

3) *Пол.* Принадлежность к тому или иному полу до сих пор также влияла на объем права и дееспособности. В древности женщины были совершенно бесправны, как и дети, не имели ни личных, ни имущественных прав и отданы были во власть старших – отца семейства или мужа. С ходом истории пало рабство и бесправие женщин. Однако права их до сих пор не уравнены с правами мужчин как в политической области (в большинстве стран женщины не могут быть членами парламента, занимать высшие посты в государстве, быть судьями и т. д.), так и в имущественной (напр., у нас замужняя женщина не могла без согласия мужа выдавать векселя, наниматься в услужение и т. д.).

Нет сомнения, что будущее уничтожит эти пережитки прошлого и уравниет права обоих полов.

4) *Подданство.* В древности всякий чужеземец признавался врагом, который был бесправен и с которым можно было делать все что угодно. История человечества постепенно привела к сознанию, что все люди «братья», и упразднила это позорное явление. Однако различие между «своими» и «чужими» дает знать о себе и до сих пор. Проявляется оно в некотором: 1) различии прав гражданина своего государства и подданного чужого государства, 2) в праве безнаказанно убивать иноземцев-неприятелей в момент войны.

5) *Религия.* До сих пор религия также влияет на степень, право и дееспособность лица. В древности это влияние было огромно. Теперь в передовых странах это влияние исчезло, в остальных – существует. Так, у нас до революций 1905 г. и 1917 г. принадлежность к еврейской, раскольнической или к ряду сектантских вероисповеданий влекла за собой ограничение как публично-правовых и политических прав, так и имущественных («черта оседлости», неправоподобность евреев приобретать имения, запрет для раскольников публично отправлять свой религиозный культ и т. д.). Можно думать, что пережитки, уничтоженные революцией, больше не воскреснут.

6) *Национальность.* Сходную с религией роль играла и принадлежность к национальности. Теперь этот источник неравенства также исчезает.

7) *Преступление.* Совершение преступления также влечет за собой ограничение и потерю прав в большей или меньшей степени, смотря по тяжести преступления. В государствах, где еще существует смертная казнь, некоторые преступления влекут за собой даже потерю права на жизнь; другие преступления влекут или «лишение всех прав состояния», или только некоторых прав: политических, семейных, имущественных и т. д.

8) *Сословие.* В государствах, где сохранились еще сословия, как у нас до 1917 г., принадлежность к различным сословиям влекла за собой и различие в правах. Раньше, в период кастового строя, это различие было колоссально. Права брамина господствующей касты были абсолютно несравнимы с правами бесправного шудры^{8*}.

Касты пали и сменились сословиями. Теперь почти повсюду пали и сословия, а потому исчезло и исчезает сословное неравенство.

В числе других условий правового неравенства можно упомянуть далее: 9) *Чин* или государственную должность и 10) *Имущество*. Величина имущества играет в наше время значительную роль в пользовании публичными и политическими правами. В ряде государств до сих пор имеется имущественный ценз для занятия должностей судьи, члена парламента, права участия в выборах и т. д. То же было и у нас до 1917 г.

С ходом истории исчезает и этот источник правового неравенства.

Таковы основные условия, от которых зависит правовое неравенство в наши дни. Если некоторые из них неустранимы для уравнивания всех в дееспособности (таковы возраст и здоровье), то остальные должны рассматриваться как пережитки прошлого и не могут быть признаны целесообразными. Немудрено поэтому, что они вымирают и что нормальным пределом исторического развития становится положение: *субъектом права может и должен быть всякий человек, и всякий человек должен обладать всей полнотой прав, т. е. быть действительно равным по своей право- и дееспособности перед законом.*

Коллективные субъекты права. Наряду с индивидуальными субъектами права имеются и коллективные субъекты права. Мы обычно говорим: «государство имеет право требовать», «граждане должны исполнить свой долг перед родиной», говорим о правах города, общества, семьи, казны, университета, о правах человечества и нации, класса, различных учреждений и социальных объединений. Во всех этих формулах, а равно и в нашем сознании ряд коллективных объединений выступают в роли субъектов права, за которыми признаются те или иные правомочия.

Юридическое лицо. В официальном праве современных государств различные виды коллективных субъектов права носят название юридического лица. *Под юридическим лицом разумеется такой коллективный союз или объединение, которое рассматривается правом как самостоятельное лицо, обладающее самостоятельной правоспособностью и дееспособностью.* Такое лицо имеет свое имущество, через своих представителей вступает в договоры с внешним миром, ищет и отвечает на суде; отдельные члены его закрываются его юридической личностью, и оно сохраняет свое тождество, несмотря на смену отдельных членов. Таковы акционерные компании, корпорации, учреждения и т. д. Каждое юридическое лицо имеет свой устав, где обозначаются цель, состав, правление, средства, способы деятельности и объем прав и обязанностей юридического лица.

Для его возникновения необходимо прежде всего соглашение ряда лиц учредителей юридического лица, – соглашение, основные положения которого формулируются в его уставе. Затем это соглашение в виде устава должно быть заявлено государству и признано им. *Способы признания государством* двояки: по законам одних государств необходимо специальное *разрешение* при каждом появлении нового юридического лица. Эта система признания носит название *разрешительной или концессионной*. По законам других государств такого разрешения не требуется, а достаточно простого заявления об образовании юридического лица согласно общим условиям, указанным в законе. Такая система возникновения юридического лица носит название *явочной системы или системы свободного образования*.

Рост общественной роли юридических лиц. В прошлое время преобладающей была разрешительная система, с приближением к нашему времени начинает главенствовать система явочная. Этот процесс является частичным проявлением более общего процесса: роста ценности и независимости личности и освобождения ее от опеки не только рода, семьи, нации, церкви, класса и т. д., но и от опеки государства.

Добровольное образование юридического лица представляет свободное соединение сил отдельных лиц для достижения общей цели, недостижимой усилиями отдельной личности. Такие цели бывают и могут быть имущественными, политическими, научными, моральными, художественными и т. д. *Соединение сил* и образование юридического союза является поэтому продолжением и развитием личностей, юридическое лицо составляющих. Свобода образования юридического лица в силу этого является развитием и ростом свободы отдельной личности. В настоящее время мы имеем ряд юридических лиц, которые по своей силе и могуществу начинают конкурировать с государственной властью и во всяком случае заставляют последнюю серьезно считаться с собой. Таковы партийные союзы, союзы рабочих и синдикалистские профессиональные организации. Их сила и значение растут, и они начинают претендовать на замену государственного регулирования общественной жизни сверху регулированием ее снизу, из среды самих заинтересованных общественных групп, организовавшихся в подобные союзы. Поскольку вхождение и участие в таких союзах добровольно, а принадлежность к государству принудительна, поскольку политика таких общественных союзов является выражением подлинных стремлений личности и освобождением ее от излишней опеки государства, постольку на подобную замену государственной регулировкой общественных союзов приходится смотреть положительно. Если же подобные тенденции представляют простую замену государственного деспотизма деспотизмом юридического союза, то прогресса в такой замене нет.

§ 3. Понятие субъекта обязанности

Вторым основным юридическим элементом юридической нормы является понятие субъекта обязанности. Под субъектом обязанности разумеется то лицо, которое обязано (с которого причитается) выполнить то, что указано в правовой норме. Так, в норме «кредитор имеет право на получение долга, а должник обязан уплатить долг» субъектом обязанности будет должник.

Его виды. Как и субъекты права, субъекты обязанности бывают *индивидуальными и коллективными*. Индивидуальными субъектами обязанности были в прошлом воображаемые существа (боги, духи, черты и т. д.), животные, растения, предметы и физические лица – люди. В настоящее время правовое сознание считает субъектами обязанности только людей. Для современного правового сознания поэтому немыслимы судебные процессы против животных и растений, против предметов и воображаемых существ, процессы, бывшие нередким явлением в прошлом.

Права и обязанности в прошлом и теперь. Точно так же правовое сознание нашего времени не знает людей, которые имели бы только одни обязанности, но не имели бы никаких прав. *«Нет прав без обязанностей и нет обязанностей без прав»*. Вот формула современного правового сознания. Не так было в прошлом. Там были целые группы лиц, которые не могли быть субъектами прав. Таковы были рабы, дети и женщины, чужеземцы, побежденные враги и т. д.

Правовое развитие заключалось в уничтожении такой несправедливой односторонности, превращавшей одних людей в простую вещь, которой по произволу распоряжались другие. Исчезновение этой односторонности означает рост правового равенства людей, иначе – правовое уравнивание личности. Теперь это уравнивание означает: нет прав без обязанностей и обратно; чем больше прав, тем больше обязанностей и обратно. В этом смысле историческая эволюция субъекта обязанности вполне подтверждает указанную выше основную линию эволюции субъекта прав.

Рядом с индивидуальными существуют коллективные субъекты обязанностей. Государство, семья, университет, родина, акционерная компания, научное общество, профессиональный союз, любое юридическое лицо имеют не только права, но и обязанности. Все сказанное о коллективных субъектах прав применимо с надлежащими изменениями и к коллективным субъектам обязанности.

§ 4. Объекты права и объекты обязанности

Третьим элементом правовой нормы являются понятия: а) *объекта права*, б) *объекта обязанности*.

Под объектом права разумеется совокупность действий субъекта права, на осуществление которых он уполномочивается правовой нормой. *Под объектом обязанности* разумеется совокупность действий субъекта обязанности, к выполнению коих он обязывается правовой нормой. Возьмем норму: «Продавец вещи имеет право получить цену проданной вещи от покупателя, а покупатель обязан уплатить продавцу эту цену». Здесь *объектом права* будут совокупность действий продавца (как субъекта права), направленных на получение цены и осуществляющих эту задачу, акты требования уплаты, получение ее, в случае отказа – осуществление своего права судебным порядком и т. д., а объектом обязанности будут действия покупателя (как субъекта обязанности), состоящие в уплате условной цены покупателю (акты передачи денег, векселя или расписки и т. д.), действия, к которым он обязывается правовой нормой.

В одних случаях объекты права и обязанности состоят в одних действиях (напр., если я нанял человека выкопать канаву, то я могу требовать от него только действия, состоящего в рытье канавы). *В других случаях действия как объекты права и обязанности должны сопровождаться передачей или обменом тех или иных вещей* (напр., когда я купил корову, то объектом обязанности будет совокупность действий продавца коровы, осуществляющего передачу мне коровы, плюс сама корова).

В случаях, когда действия как объекты права и обязанности должны сопровождаться передачей или перемещением вещей *недвижимых* (напр., купля-продажа имения, земли и т. п.), в этих случаях реальное перемещение недвижимости заменяется совокупностью действий, символически обозначающих ее переход (передача горсти земли в старину; совершение купчей, нотариальных актов, ввод во владение и т. д. теперь).

Виды объектов права. *Все объекты права как действия можно разделить на три основные группы.* Действия субъекта права могут состоять: или 1) *в принятии чего-либо* (напр., право принять причитающиеся деньги), или 2) *в делании чего-либо* (напр., право начальника сделать выговор подчиненному и право собственника вещи подарить ее), или 3) *в нетерпении чего-либо* (напр., право гражданина не терпеть противозаконных действий власти или ударов насильника).

К этим трем видам действий: 1) принятия, 2) делания, 3) нетерпения – сводятся все действия управомоченного лица, к этим же трем видам действий сводятся и все объекты права.

Виды объектов обязанности. Подобно этому на три основные группы делятся и все объекты обязанности как совокупность действий обязанного лица. Исполнение своей обязанности субъектом обязанности может состоять: или 1) в *делании чего-либо* (напр., в рытье канавы, которую он обязался вырыть, в передаче коровы покупателю продавцом и т. д.), или 2) в *терпении чего-либо* (напр., обязанность подчиненного терпеть выговор начальства, обязанность преступника терпеть заключение и содержание под стражей, обязанность ребенка терпеть колотушки отца, обязанность раба терпеть удары кнута, наносимые хозяином, и т. д.), или 3) в *неделании чего-либо* (обязанность не убивать, не красть, не пользоваться чужой вещью, не рубить лес и т. д.).

К этим трем типам действий сводятся все действия обязанного лица, к этим же трем видам действий сводятся и основные виды объекта обязанности.

Сообразно со сказанным получается такая схема объектов прав и объектов обязанности.

Субъект права уполномочен:

- 1) принять (вещь или услуги);
- 2) делать (выговор, подарить вещь);
- 3) не терпеть (ударов, насилия, брани).

Субъект обязанности обязан:

- 1) сделать (передать вещь, вырыть канаву);
- 2) терпеть (выговор, дарение вещи);
- 3) не делать (не бить, не насиловать, не ругаться).

Иными словами,

акту 1) принять соответствует: акт 1) сделать
(как объекту права)..... (как объект обязанности),
акту 2) делать акт 2) терпеть,
акту 3) не терпеть акт 3) не делать.

Таковы понятия объектов прав и обязанностей и их виды. К этим видам сводятся все действия уполномоченного и обязанного лица, предписываемые правовой нормой.

Таковы основные элементы правовой нормы.

§ 5. Ссылка на источник права

Дальнейшим элементом правовой нормы является ссылка на *тот авторитет или источник, который придает данной норме обязательность или который делает данное правило поведения правовой нормой.*

Пример: «На основании 1521 ст., т. X, ч. I Свода Российских Законов покупатель обязан заплатить продавцу цену проданной вещи». Здесь источником

права является Свод законов, на одну из статей которого и делается ссылка как на источник, делающий данное правило поведения обязательной нормой.

Виды источников права. В истории развития права и в обычной правовой жизни в качестве таких «источников права» выступают самые разнообразные авторитеты. Иными словами, обязательность той или иной нормы поведения различными людьми в различных случаях мотивируется ссылками на самые разнообразные «источники права». Та или иная норма обязательна для одних потому, что «так велел Бог, так заповедал Христос или Магомет» (источником права здесь является Божья воля, данная в Св. Писании, в Библии, Коране и т. д.), для других потому, что «так говорит великий мыслитель», для третьих потому, что «так сказано в Декларации прав», для четвертых потому, что «такого мнения держится знаменитый юрист» (например, Гай, Брактон, Иеринг и др.), для пятых потому, что «так обычно поступают», для шестых потому, что «таково было решение суда по аналогичному делу». Встречаются ссылки и на практику других государств, на «требование справедливости» и вообще на те или иные авторитеты. Дети, напр., часто указывают в качестве такого правового авторитета изречения папы или мамы (так сказал папа или мама), раскольники – старые книги, социалисты – цитаты из Маркса и Энгельса, рабочие – постановления профессионального союза, партийные люди – резолюции своей партии и т. д. и т. д. Иными словами, правовое сознание людей в прошлом и в настоящем в качестве источников права считало и считает самые разнообразные авторитеты.

В истории развития официального права особенно большую роль в качестве «источников права» сыграли религия и религиозно-правовые своды (Библия, Евангелие, Коран, Ригведа, Зенд-Авеста, «Законы Ману», «Учреждения Вишну» и т. д.), обычай, сборники мнений видных юристов, решения судей и, наконец, официальные законы государства.

Источники права современных государств. С точки зрения официального права современных государств основными источниками права являются: 1) *обычай*, 2) *закон*, 3) *судебные решения*.

Обычай как источник права. Под обычаем разумеется такое правило поведения, которое сделалось обязательным вследствие положительного и однообразного его применения. В древности, когда писаных законов не было, когда не было еще специальных верховных законодательных органов государства, обычай был основным источником права. То или иное правило поведения считалось обязательным потому, что «так поступали наши деды и отцы», что так «заповедует обычай». Каждая из таких норм обычая складывалась исподволь малопомалу, постепенно становилась правовым убеждением членов данного обще-

ства и в итоге приобретала характер правовой, обязательной нормы. Согласно с нею решались дела, соответственно с ней выносились судебные решения и т. д. И сами первые писанные законы были ничем иным, как записью, письменным закреплением норм неписаного обычного права. Таковы «Русская Правда» у нас и ряд «Правд» у других народов. Теперь юридически роль обычая как источника официального права считается весьма незначительной. Его место занимает закон. В России по законам до 1917 г. обычай как источник права имел значение лишь в торговых делах, в решении волостными судами споров крестьян и в правовой жизни инородцев. Однако так обстоит дело только с формальной точки зрения. Фактически же обычай и вырабатываемые им правовые убеждения были и остаются той силой, которая изменяет сами писанные законы, часто выводит их из употребления и заставляет вводить новые, соответствующие этим обычным правовым убеждениям. Правотворческая роль обычая, являющегося выражением в действии правовых убеждений, по существу, остается и теперь той же, какой она была раньше. Право Англии в значительной своей части было и остается до сих пор «обычным правом». Образцовая конституционная страна Англия до сих пор не имеет конституции в смысле официального закона. Ее конституция создана обычаями, поддерживается им и существует в виде норм обычного права. Сила обычая и обычно-правовых воззрений проявляется и в том, что закон, противоречащий обычному праву общества, обречен часто на бездействие. Примером этого может служить неудача многих декретов Советской власти (напр., об отмене наследования) или неудача ряда конституций Франции (конституции 1791 г., 1793 г., III года, VIII года, хартии 1814, 1830, 1848 гг.), которые почти не применялись в жизни. Та же сила обычая проявляется в революциях. Революция означает низвержение официальных законов в силу того, что они начали противоречить обычным правовым убеждениям общества, и замену их новыми законами, соответствующими этим убеждениям. Вот почему всякий закон, чтобы быть жизненным законом, должен соответствовать имеющимся правовым убеждениям общества, вот почему легко сочинить хорошую и радикальную конституцию и трудно осуществить ее, если она расходится с обычно-правовым воззрением населения государства.

Вот почему формально ничтожная роль обычая как источника права на деле была и остается громадной.

Судебные решения как источник права. Вторым источником права, признаваемым официальным правом нашего времени, являются судебные решения. Формально, за исключением Англии, роль судебных решений также считается очень ограниченной. Только новейшие гражданские уложения (германское и швейцарское) несколько расширяют эту роль, предоставляя судье в случае отсутствия закона решать дело так, как будто он сам был законодателем. У нас

«источником права» (да и то спорно и не всеми) считались лишь решения Сената. Однако на деле противоречивая роль судебных решений гораздо значительнее.

Судебные решения судьи в истории права были одним из крупных «источников права». Благодаря им обязательное правило поведения становилось обязательной правовой нормой (т. н. «судебный прецедент»); благодаря им часто обрекался на бездействие закон и вводился на его место новый. Так, в Англии едва ли не бóльшая и лучшая часть права создана судьей и его судебными решениями (т. н. «судьей созданное право», а *judgemade law*), там и до сих пор каждое решение судьи по новому вопросу получает силу закона. Право Рима точно так же в значительной степени было создано судьей (претором) и его решениями. То же нужно сказать и о праве мусульман и ряда других народов. Особенно значительна роль судебных решений как источников права была в древности. Здесь поистине судья был законодателем. Правотворческая роль судьи продолжается и поныне, ибо фактически путем толкования, казуистики решений по вопросам, не предусмотренным законом, судья значительно изменяет, дополняет и улучшает положительный закон.

Официальный закон как источник права. Главным источником права, согласно официальному праву современных государств, является закон. *Под официальным законом разумеется правовая норма, изданная верховной государственной властью в определенном обязательном порядке.* Ниже будет дана более подробная характеристика закона и официально-законного права как частного вида правовых норм. Здесь же укажем только, что под официальным законом необходимо понимать такие правила поведения, которые издаются и признаются обязательными *верховой государственной властью в лице законодательных органов государства.* Так, в абсолютных монархиях законом будет правовая норма, изданная от имени монарха и только монарха, а не других подчиненных органов власти. В конституционном государстве законом будет правовая норма, изданная от имени законодательного собрания, т. е. парламента, и главы государства. У нас до революции 1917 г. законом являлась правовая норма, одобренная Гос. Думой и Гос. Советом и утвержденная императором. Все другие акты и правительственные распоряжения, изданные другими органами государственной власти, не являются законом.

Закон в настоящее время является основным и почти исключительным источником официального, т. е. признаваемого государством, права. Все остальные источники права, т. е. обычай и судебные решения, официально играют незначительную роль и имеют значение лишь в тех пределах, в каких допускает их закон, и лишь постольку, поскольку они не противоречат закону. Вот почему для придания правомерности большинству официальных правовых актов обычно ссылаются на закон, на статьи Свода законов как основной источник права.

«В силу такой-то статьи Свода законов», «на основании такой-то статьи», «согласно такой-то статье “Свода законов”» – таковы обычные формы ссылки на закон как источник права, такова иначе правовая мотивировка обязательности того или иного правового акта: судебного приговора, обязательного постановления, правительственного распоряжения и т. д.

Являясь формально почти единственным источником официального права, закон, как уже выше было указано, фактически не всемогущ. Жизненным он может быть лишь тогда, когда соответствует правовым убеждениям населения. В противном случае он будет мертвой буквой, не играющей никакой роли. И в смысле правотворческом закон был далеко не единственным двигателем правовой эволюции. Таковую же роль играли и обычай, и судебные решения, и нравы, и ряд других условий.

Таковы основные виды ссылки на источник права как элемент правовой нормы. Этот элемент бывает далеко не во всякой правовой норме. Есть ряд норм, которые просто гласят: «не убий», «не укради», «ложь запрещена», без всяких ссылок на источник права. Такие нормы звучат, как аксиомы, не требующие никаких доказательств и ссылок для своей значимости. В других нормах ссылка на источник права не приводится потому, что она сама собой подразумевается.

§ 6. Дополнительные условия: времени, места и т. п.

Следующим элементом правовой нормы являются *дополнительные условия*: времени, места и т. д.; напр., «срок уплаты долга: (25 марта 1918 г.), место уплаты: напр., в гор. Торжке»; ряд других условий: напр., «если кто будет заниматься шпионством, то...», «если кто недобросовестным обвинителем был отдан под суд, то...» и т. д.

Эти дополнительные условия: места, времени и другие обстоятельства – в разнообразной форме весьма часто встречаются в правовых нормах.

§ 7. Адресат правовых действий

Последним элементом правовой нормы является понятие адресата (дестинатора) правовых действий. *Под адресатом правовых действий разумеется лицо, не являющееся ни субъектом права, ни субъектом обязанности, в пользу или против которого совершаются правовые действия.* Пример: X и Y заключают договор, согласно которому X получает право требовать от Y уплаты в пользу третьего лица, напр. сына X, 5 000 рублей, а Y обязывается уплатить эти

5 000 руб. сыну X. Здесь сын X не является ни субъектом права, ни субъектом обязанности, а адресатом правовых действий X и Y.

Такие адресаты в той или иной форме довольно часто встречаются в правовой норме.

Полная и сокращенная редакция правовой нормы. *Указанными элементами исчерпываются элементы правовой нормы.* В полной правовой норме всегда легко найти и выделить их. Однако далеко не всегда правовая норма точно формулирует все эти элементы. Часто она имеет сокращенную редакцию. Иногда в ней не бывает указания на источник права, на дополнительные условия или на адресата. Временами в ней не дается полного выражения субъекта права или субъекта обязанности, объекта права или объекта обязанности, а говорится лишь об одном из этих элементов. В таких случаях легко открыть не выраженный словами, но подразумеваемый и легко находимый соответственный элемент нормы. Напр., когда правовая норма говорит только о субъекте права, то в правильно сформулированной правовой норме легко открыть, кто разумеется под субъектом обязанности.

Резюме.

I. Значительная часть правовых норм делится на две части: 1) *определятельную, 2) санкционирующую.*

II. Элементами полной правовой нормы являются понятия: 1) *субъекта права, 2) субъекта обязанности, 3) объекта права, 4) объекта обязанности, 5) ссылки на источник права, 6) дополнительные условия: времени, места и т. п., 7) указание адресатов правовых действий.*

III. Сокращенная, или усеченная, правовая норма содержит в себе указания только на некоторые из указанных элементов, а не на все.

Глава IV. НЕОФИЦИАЛЬНОЕ И ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

§ 1. Общая характеристика официального права

В предыдущем мы определили право как обязательную норму поведения, распределяющую полномочия и обязанности или указывающую, какие действия индивиды имеют право совершать, какие действия им воспрещены и что они обязаны делать. Такие нормы, независимо от их содержания, будут правовыми нормами. Они существуют в виде правовых убеждений в психике каждого индивида. По своему содержанию они могут быть весьма различны у различных индивидов и групп.

Правовые убеждения революционера одни, реакционера – другие. Правовая совесть капиталиста отлична от правовых убеждений рабочего. Первый часто считает требование увеличения заработной платы недопустимым поступком, второй это увеличение считает своим правом. Право землевладельца-помещика отлично от права крестьянина-арендатора. Первый социализацию земли оценивает как грабеж, второй называет ее «святым и Божьим делом».

Не указывая других примеров, мы можем сказать, что *содержание правовых норм у членов одного и того же государства или общества далеко не однородно. Иными словами, правовые убеждения отдельных лиц и групп (классов, сословий, профессий и т. д.) сплошь и рядом бывают различными и нередко противоречащими друг другу.* Часто то, что является «священным правом» для одного (напр., право на революцию для революционера), определяется как бесправие другим (консерватором).

Но каково бы ни было содержание правовых убеждений, каждое из них, раз оно обладает признаками правовой нормы, является правовой нормой.

Наряду с этими правовыми убеждениями, меняющимися по содержанию при переходе от лица к лицу, от класса к классу, от профессии к профессии *в каждом обществе или постоянном союзе людей (тотем^{9*}, род, племя, государство), существует совокупность юридических норм, одинаково обязательных для всех членов данного общества или государства.*

Их соблюдение обязательно для всех граждан, независимо от того, совпадают ли с этими нормами их собственные правовые убеждения или нет. Несоблю-

дение их влечет или наказание, или принудительное исполнение, или другие виды указанных выше санкций. В современных государствах такие нормы даны обычно в «своде законов» государства.

В более ранних общественных соединениях они сформулированы в правовых сводах этих соединений. В древних обществах такие нормы закреплены в обычном праве или в обычаях данных обществ.

В какой бы форме совокупность таких норм ни существовала, важно одно, а именно, что совокупность таких обязательных для всех членов общества норм существовала и существует в любом постоянном соединении людей, называемом тотемом, родом, территориально-племенным обществом или государством.

Совокупность таких юридических норм, обязательных для всех членов данного общества или государства, охраняемых и защищаемых всей силой и авторитетом групповой или государственной власти, может быть названа официальным правом данной группы или государства.

Как сказано, в том или ином виде оно существует в каждом обществе людей. Оно определяет основы социально-политического порядка общества и в этом смысле представляет своего рода скелет организации данной группы. Оно обязательно для всех членов последней, независимо от того, совпадают ли его требования с неофициальными правовыми убеждениями отдельных лиц и групп. Оно признается в качестве обязательных норм официальной властью данной группы или государства и в более позднее время издается от имени верховной власти государства. Попытки его нарушения считаются официально правонарушением или преступлением и влекут за собой или наказание, или другие санкции. Всем аппаратом власти оно защищается от нарушений. Если оно кем-либо не соблюдается добровольно, то заставляют соблюдать его принудительно.

Такова формальная характеристика официального права.

По своему содержанию оно обычно регулирует и определяет все основные взаимоотношения членов данного общества и главные формы организации последнего: экономический уклад его и имущественные отношения, формы семьи, брака и наследования, формы власти и политического строения общества и государства, права власти и подданных; им уже указывается, какие деяния не дозволены и преступны и какое наказание должно накладываться на то или иное преступление; им определяются организация суда и судопроизводства, организация законодательной власти и формы законодательства. Короче, официальное право определяет все основные взаимоотношения членов данного общества (государства), признаваемые последним обязательными для всех.

Взаимоотношение официального и неофициального права. Как видно из сказанного, официальное право не исчерпывает всей области права. Совокупность норм первого является лишь частью правовых норм. Вне его и помимо

в каждом обществе дано и действует множеством норм неофициального права в виде правовых убеждений отдельных членов последнего, отдельных групп, классов, профессий и религиозных соединений, в виде т. н. правил житейского приличия, правил моды, религиозных норм поведения, правил профессии (врачебная, педагогическая, цеховая и т. п.), этики и т. д.

Официальное право не может охватывать и определять все нормы взаимоотношений членов общества (государства). Если бы оно попыталось это сделать, оно должно было бы разрастись до бесконечности. Такая задача непосильна никакому законодателю.

По своему содержанию нормы неофициального права могут совпадать с нормами официального права, могут и противоречить ему. Так, в государстве монархическом, как, напр., в недавней России, правовые убеждения многих членов общества к 1905 г. и особенно к 1917 г. резко расходились с нормами официального права, определявшими политическое устройство государства, право монарха и права подданных.

Неофициальное право по сравнению с официальным обычно более гибко, более подвижно, более индивидуально и касается более интимных сторон человеческих взаимоотношений.

Такие черты его объясняются тем, что официальное право, регулирующее основные формы общественных взаимоотношений, по природе своей не может быть гибким: главные устои общественной организации не могут постоянно меняться. Подобно фундаменту здания они оседают прочно на более или менее продолжительное время. Такие краеугольные камни общественного здания, как семья и форма брака, как собственность, как политическая организация, существуют веками. Сама общественная жизнь требует известного устойчивого порядка. Вне его она была бы невысказима. Никакое общество или государство не может существовать в состоянии непрерывной революции. А непрерывное изменение основных устоев общества и главных форм общественных взаимоотношений означало бы именно состояние непрерывной революции. Поскольку официальное право определяет эти последние, оно также не может непрерывно изменяться. Утвердившись однажды, оно в более или менее неизменном виде существует длительно, впредь до резкого изменения правовых убеждений общества – его большинства или сильнейшей части. Начиная с этого момента оно обречено на смерть и умирает или насильственно, путем революции, или мирно, обычным законодательным путем, отменяющим старые законы и вводящим новые.

Между тем жизнь, в том числе и общественная жизнь, не стоит на месте. Медленно и постепенно, но она ежедневно меняется. Если официальное право не может поспевать за этими незаметными изменениями и выражать их, то эта задача доступна для неофициального права. Для его изменения не требуется при-

водить в действие громоздкий законодательный аппарат государства. Правовые убеждения людей или группы легко могут изменяться, раз существуют поводы для такого изменения. Вот почему неофициальное право гибче и подвижнее, чем право официальное.

По тем же причинам оно более индивидуально, конкретно и интимно. Официальное право определяет условия, общие для всех членов общества. Оно не может вдаваться в регулировку всех частных случаев и особенностей и применяться к специальным условиям и свойствам определенных лиц и моментов жизни. Неофициальное право более способно выполнить эту задачу, ибо оно не претендует давать всеобщие правила поведения, а дает правила поведения только для данного лица или группы лиц в таких же случаях; трудно предписать всем гражданам, как они должны одеваться, угощать гостей, ухаживать и объясняться в любви, держать себя за столом и молиться, экзаменовать учащихся и защищать свою честь и т. п. И гораздо легче это сделать неофициальному праву, претендующему обычно давать правила не всеобщие, а только частичные: для данного круга лиц, в данном городе, в данном слое общества, в данной религиозной секте, в данной школе и т. п.

Отсюда следует, что *официальное право часто должно отставать от жизни, неофициальное может поспевать за ней.*

Влияние неофициального права на официальное. Отсюда же вытекает и взаимоотношение между тем и другим правом. *Идеальным состоянием для общества является то, когда его официальное право и неофициальное право его членов по своему содержанию совпадают.* В этом случае (весьма, впрочем, редко бывающем в жизни) официальное право является наиболее жизненным, действенным и крепким. Оно тогда признается не за страх только, а за совесть. Оно считается справедливым, ибо справедливость есть иное название для неофициального права. Люди подчиняются официальному праву без всякого принуждения, ибо оно совпадает с их собственными правовыми убеждениями. Иначе обстоит дело в том случае, когда неофициальное право значительной части общества или его большинства расходится с официальным правом. В этом случае начинается борьба между ними. В силу того, что официальное право признается в этом случае несправедливым и отжившим, ему перестают подчиняться или подчиняются только за страх, по принуждению, а не по совести. Распоряжения власти и законы на каждом шагу тогда встречаются препятствия, тормозятся, не исполняются, вызывают негодование, протесты и возмущение. В итоге при достаточно резком расхождении того и другого, в случае отказа власти заменить мирно официальное право другим, соответствующим неофициальному праву общества, наступает революция как протест против официального права в форме его насильственного уничтожения. Успешная революция удаляет отжившее

официальное право и заменяет его новым, соответствующим неофициальным правовым убеждениям общества. Это новое право закрепляется и живет до тех пор, пока изменившееся новое неофициальное право снова не окажется с ним в резком противоречии. Тогда вновь повторяется «вечная история»: вновь начинается резкая борьба того и другого, кончающаяся или мирным, или насильственным изменением официального права и общественно-государственного правопорядка. Таков вечный круговорот взаимоотношений того и другого права. Пример: пока неофициальное право допускало существование крепостного права, официальное право, утверждавшее институт крепостничества, существовало. По мере того как неофициальное право изменялось и все более и более отрицательно стало относиться к крепостничеству, начинают расти протесты против него, общество и устно, и в печати начинает требовать его отмены, голоса протеста растут и крепнут, возникают и учащаются крестьянские бунты, в итоге государственная власть принуждается к отмене крепостничества и проводит реформу 1861 г.

Отсюда видно, что официальное право находится под постоянным воздействием права неофициального. Последнее в значительной степени определяет его силу, жизненность и действенность. Поэтому мудрый законодатель обязан постоянно считаться с ним, прислушиваться к его голосу и вовремя удалять противоречие официального права с неофициальным. Иначе – вспыхивает революция и в потоке крови и огня сносит все официальные устои. Сказанное делает ясным и то положение, которое гласит, что необходимым условием всякой революции является революция правовых убеждений общества.

Влияние официального права на неофициальное. Если неофициальное право влияет на официальное, то и последнее воздействует на первое.

Ниже будет посвящена глава этому вопросу. Здесь же укажем, что нормы официального права, непреклонно проводимые в жизнь, в свою очередь способны видоизменить неофициальные правовые воззрения. В тех случаях, когда первое является более передовым (напр., официальное право, вводимое культурным государством для некультурных колоний), оно способствует уничтожению ряда отсталых институтов неофициального права, напр. обычая кровной мести, группового брака, неограниченной власти родителей над детьми, рабской правовой психологии и т. д. В других случаях, действуя частью убеждением, частью принуждением, частью наказанием, то доказывая, то устрашая, официальное право может способствовать и улучшению, и ухудшению неофициальных правовых воззрений общества. Благодаря его влиянию иногда общество довольно быстро изменяет свои нравы и правовые убеждения. Примером может служить эпоха Петра в истории России. Еще чаще оно задерживает рост и проявление неофициальных правовых воззрений. В каждом обществе есть немало лиц, сочувству-

ющих тем или иным прогрессивным стремлениям, но немногие из них из страха репрессий проводят их в жизнь. Сколько людей недовольны существующими законами. Но весьма немногие из них решаются на открытую борьбу с ними. Официальное право давит на них и удерживает их от «противозаконных» поступков.

Говоря коротко, официальное право влияет на неофициальные правовые убеждения общества. Оно, в свою очередь, является силой. Эта сила может быть использована и в хорошем, и в дурном смысле. Все зависит от того, в руках каких лиц находится аппарат официального права и государственной власти, какие цели эти лица преследуют, насколько они сведущи в деле законодательства и управления этим аппаратом. Если они стоят на высоте положения, они могут принести громадную пользу обществу, если они плохие законодатели, они наносят громадный вред общественному целому.

Глава V. УЧЕНИЕ О ЗАКОННОМ ПРАВЕ

§ 1. Понятие закона

В современных государствах нормы официального действительного права носят название «закона». Совокупность норм первого составляет «Свод действующих законов» данного государства. Догматическое учение о современном официальном праве сводится поэтому к учению о законе или законном праве.

Под законом разумеется официальная правовая норма, изданная верховной государственной властью в определенном, законом же установленном порядке.

В государственной жизни действует масса официальных норм: в виде указов и распоряжений власти, в виде всевозможных обязательных постановлений, судебных решений, административных приказов и запретов и т. д. Из этих норм законами будут только те, которые удовлетворяют приведенному определению.

Во-первых, только нормы, изданные *верховой государственной властью*, а не подчиненными органами ее, могут быть законами. В абсолютной монархии законами являются только нормы, утвержденные монархом. В государствах конституционных законом является норма, изданная народным представительством (в республике) и утвержденная монархом (в конституционной монархии).

Так, по нашим «Основным законам» (до 1917 г.) законом нормально являлась норма, одобренная Гос. Думой и Гос. Советом и утвержденная императором. Исключение представляла лишь 87 ст., предоставлявшая в исключительных случаях издание закона одному императору, все остальные нормы, издаваемые другими органами государственной власти, не являются законами. Они представляют из себя или указы, или акты управления, или административные распоряжения. Они подзаконны. Официальную силу они имеют только тогда, когда издаются на основании полномочий, предоставленных законом, и не противоречат ему. В противном случае они являются противозаконными и не могут быть обязательными для граждан. За действия и акты подобного рода виновные представители власти в правовом государстве подлежат суду, гражданским и дисциплинарным взысканиям.

Законы «основные» и «обыкновенные». Законы обычно делятся на основные и обыкновенные. *Под основными законами (или конституцией) разумеются законы, определяющие основное устройство данного государства.*

Формальное различие их от обыкновенных законов состоит в особом порядке изменения или отмены их. Этот порядок направлен к тому, чтобы сделать изменение их более трудным, чем изменение обыкновенных законов. С этой целью в одних государствах для изменения основных законов требуется роспуск законодательных палат и созыв новых, в других – повышенный кворум и повышенное большинство голосов членов палат, в третьих, как, напр., было у нас (ст. 8-я Осн. зак.), инициатива пересмотра их может исходить только от монарха и т. д.

§ 2. Стадии образования закона

Для того чтобы норма стала законом, необходимо, чтобы она была издана не только верховной государственной властью, но и издана в *надлежащем порядке*. Этот порядок издания законов слагается из моментов: 1) *инициативы (почина) закона*, 2) *обсуждения и установления его текста*, 3) *утверждения или санкции закона*, 4) *обнародования*.

Инициатива закона. *Под законодательной инициативой разумеют право внесения в законодательные учреждения проектов законов с тем, чтобы эти учреждения по почину данных лиц могли приступить к их обсуждению.*

Такое право теперь нормально принадлежит главе государства, министрам и членам парламента. Частным лицам оно не принадлежит, т. е. законодательные палаты не обязаны рассматривать законопроекты, внесенные частными лицами. Это означает, что частные лица не могут прямо привести в движение законодательный аппарат государства.

В монархиях такое право обычно принадлежало только монарху. Такое явление объясняется желанием власти держать в своих руках законодательный аппарат и в случае надобности тормозить издание неугодных ей законов.

В России до 1917 г. право законодательной инициативы во всей полноте принадлежало императору и в ограниченной степени – лишь в отношении законов обыкновенных, а не основных – членам Гос. Думы и Гос. Совета. Для осуществления этого права члены Гос. Думы или Гос. Совета должны были внести свой проект в письменной форме, снабженный не менее как 30 подписями членов Г. Думы и Г. Совета. Внесенный проект мог быть принят или отвергнут Г. Думой или Г. Советом. Если он принимался, то его разработка поручалась министру. В случае его отказа – Думской или Советской комиссии.

Такова первая стадия образования закона. Легко понять значение этого права. Предоставление его одному монарху давало бы власти возможность не допускать издание, внесение и обсуждение нежелательных ей законов. Вот почему целесообразно и необходимо предоставление этого права членам парламента. Спрашивается: не нужно ли предоставить право законодательного почина частным лицам? Предоставить его каждому частному лицу было бы нецелесообразно. Тогда в законодательные палаты посыпалась бы такая масса законопроектов, что они не успевали бы даже рассматривать их. Нельзя по капризу каждого лица приводить в действие громоздкий законодательный аппарат государства. Но при известных условиях, напр. при количестве подписей не менее такого-то числа (для примера 30 тысяч), такое право могло бы быть предоставлено и частным лицам. Так до известной степени обстоит дело в Швейцарии. Многочисленность подписей в данном случае гарантировала бы известную серьезность и жизненную необходимость законопроекта.

Обсуждение закона и установление его текста. *Следующей стадией образования закона является его обсуждение законодательными палатами.* Сданный для разработки в комиссию или министру законопроект поступает в парламент и здесь подвергается всестороннему обсуждению. Так как закон является обязательной нормой поведения, то сама собой ясна необходимость детального и внимательного обсуждения не только основной мысли законопроекта, но и каждой его статьи и каждой его формулировки. Существенно важно, чтобы значение, польза и вред его были выяснены. Необходимо, чтобы закон был ясен, не допускал бы противоречий и кривотолков и т. д. Эти цели и преследуются его обсуждением. При свободе слова депутаты имеют возможность выяснить все стороны его значение, вносить поправки и изменения в текст законопроекта, улучшать его редакцию и т. д. В этих видах обычно каждый законопроект подвергается не однократному чтению, а двух- или трехкратному и даже больше. При такой системе каждый депутат может подробно ознакомиться с ним и легче избежать непродуманных решений и вредных пробелов.

В этих же целях полезно и необходимо предоставление печати и общественному мнению права обсуждения и оценки законопроектов. Такая система может только помочь разрешению великой задачи издания социально полезных и точных законов. В ряде стран, где существуют две палаты, законопроект, обсужденный и принятый одной из них, поступает в другую и здесь подвергается тому же процессу всестороннего обсуждения.

В результате такого обсуждения устанавливается окончательный текст закона и законопроект. В согласительной редакции обеих палат (там, где их две) поступает на утверждение главы государства.

Утверждение закона. Это утверждение главой государства законопроекта, обсужденного и принятого парламентом, составляет третью стадию образования закона. В некоторых государствах без такого утверждения законопроект ни в коем случае не может стать законом. В таких государствах глава государства, налагая запрет на законопроект, пользуется принадлежащим ему правом т. н. *абсолютного запрета (veto)*. Так, напр., у нас по основным законам, действовавшим до 1917 г., такое право абсолютного *veto* принадлежало императору, и без его утверждения никакой законопроект не мог получить силу закона.

В других государствах главе государства принадлежит только право *суспензивного* (отлагательного) *veto*. Так, в Сев.-Амер. Соед. Штатах президент имеет право вернуть в палаты препровождаемый к нему для публикации закон, но, если после этого законопроект вновь получит в палатах большинство двух третей голосов, он получает силу закона и без утверждения президента. Приблизительно так же обстоит дело и в ряде других государств (Франция, Норвегия). Вообще право абсолютного *veto* мало-помалу вымирает. В Англии, где оно формально не отменено, фактически оно не применялось уже более 200 лет. Причины этого исчезновения кроются в том, что институт абсолютного *veto* при его фактическом осуществлении может затормозить дело законодательства и нанести государству значительный вред. Все плюсы, какие он может иметь, без его вредных сторон принадлежат праву суспензивного *veto*.

Обнародование закона. Четвертой и последней стадией в образовании закона служит его *обнародование*. Закон, принятый палатами(-ой) и утвержденный главой государства, затем обнародуется или публикуется для всеобщего сведения народа. Необходимость этой стадии следует из того, что закон предназначен быть обязательной нормой поведения. Чтобы он мог быть такой нормой, необходимо, чтобы народ знал о нем. Эта цель и преследуется актом обнародования. Только обнародованный закон может быть обязательной нормой поведения.

Исторически способы обнародования были различны. В XVII и XVIII вв. у нас обнародование производилось путем чтения закона на ярмарках и в церквях с амвона.

Теперь во всех государствах обнародование происходит путем печатания закона в официальном органе, предназначенном для этой цели. Таковым у нас было сенатское издание «Собрание узаконений и распоряжений правительства», рассылавшееся по всем присутственным местам. Со времени такого обнародования предполагается, что закон известен всем, и потому «никто не может отговариваться незнанием закона». Однако это предположение далеко от действительности, ибо громадное большинство населения обычно не читает «Собрания узаконений».

Поскольку знание закона важно для граждан, целесообразно найти добавочные, более действенные способы публикации законов. Большевицкая власть сделала в этом отношении шаг вперед: она обязала все газеты печатать ее декреты. Такой способ более действен и был бы целесообразен, если бы не был связан с узурпацией прав граждан и частных лиц. Последнее обстоятельство делает его негодным. Задача будущего – найти более удачные способы ознакомления населения с издаваемыми законами.

Таковы основные стадии нормального образования закона и издания его «в установленном порядке». Отсюда видно, насколько громоздок и сложен аппарат издания официальных норм права, насколько трудно им быть гибкими и поспевать за жизнью.

В истории народа бывают, однако, моменты, когда официальный закон появляется иначе, без соблюдения этих стадий и порядка.

В эпохи революций и в эпохи переворотов группа, захватившая власть, быстро декретирует официальные нормы без соблюдения этих условий. Такие нормы, поскольку они претендуют на обязательно-государственное значение и приводятся в исполнение силой, также могут быть названы законами. Такова была декларация 1-го Временного правительства в марте 1917 г., таковы были декреты Совета Народных Комиссаров после октябрьского переворота и т. п. Можно спорить о целесообразности таких законов, но, раз они являются обязательными нормами поведения и раз издаются верховной фактически властью в государстве, нет основания отрицать за ними формальный характер закона.

§ 3. Действие закона

Действие закона во времени. Раз закон издан, то весьма важно знать: 1) с какого времени и по какое он вступает в силу и действует, т. е. начинает применяться; 2) на каком пространстве он имеет силу и 3) к кому он применяется. Знание этих вопросов и соответствующих решений необходимо как для органов власти, так и для граждан государства. Не зная, с какого времени и по какое закон действует, на каком пространстве, по отношению к каким лицам, ни власть, ни граждане не могут поступать согласно закону и проводить его в жизнь. Вот почему в самом законе должны быть даны ответы на эти вопросы. Вот почему в учение о законном праве входит составной частью учение *о действии закона во времени, в пространстве и по лицам.*

Всякий закон вступает в действие *с того момента, который указан в самом законе.* Если же в законе такого указания нет, то тогда применяется общее правило вступления закона в силу. Это правило в ряде государств заключается в ис-

течении определенного числа дней после обнародования закона, по прошествии коих закон начинает действовать. Так, в Германии закон вступает в силу по прошествии 14 дней со дня его опубликования, в Бельгии – по истечении 10 дней, в Австрии – 45 дней. В России закон вступал в силу со дня получения на месте «Собрания узаконений и распоряжений правительства». В исключительных случаях закон может быть введен в действие и по телеграфу.

Таков начальный момент действий закона во времени. *Моментом прекращения его действий* служит: а) время, указанное в самом законе (напр., 3 августа такого-то года); б) если время прекращения действий закона в нем не указано, то оно должно считаться наступившим со времени издания нового закона, отменяющего старый закон; в) наконец, закон должен считаться отмененным фактически, когда он не применяется в течение долгого времени. Формально такой закон еще продолжает существовать, но это уже не живой закон, а мертвый – труп закона. Образцом такой фактической отмены может служить право абсолютного veto, не применявшееся английскими королями в течение 200 с лишним лет. Такое мертвое право должно считаться правом прекратившимся.

Нормально всякий вновь изданный закон имеет силу лишь по отношению к *будущему времени*. Это положение выражают словами, что «закон обратной силы иметь не может», т. е. не может применяться по отношению к прошедшему времени. Такое правило имеет глубокий общественный смысл. Если бы вновь изданный закон стал применяться не только к будущему, но и к прошлому времени, всякая устойчивость общественной жизни была бы нарушена и граждане стали бы жертвой произвола законодателей. Предположим, что появляется сегодня закон, карающий тюрьмой за покупку хлеба у частных лиц без разрешения продовольственного комитета. При обратном действии закона пришлось бы посадить в тюрьму множество граждан, которые до издания такого запретительного закона производили такую куплю, не видя в этом нарушения закона. Это значило бы, что граждане должны отбывать наказание за поступки, ранее не запрещенные законом, т. е. дозволенные. Легко понять, что такое явление недопустимо; легко понять и то, что при таких условиях исчезла бы всякая уверенность в правомерности своих действий: нельзя было бы совершить ни одного поступка с уверенностью, что завтра не будет издан закон, запрещающий такие поступки и карающий за их совершение в прошлом. Нельзя было бы совершить с уверенностью ни одного юридического акта, напр. купли-продажи, ибо предмет, купленный с соблюдением всех формальностей сегодня, завтра на основании нового закона с обратным действием мог бы быть отобраным. Короче, обратное действие закона делает общественную жизнь абсолютно неустойчивой, лишает возможности проводить точную границу между правомерными и противоправными действиями и вводит царство произвола законодателя. Единственное целесообразное исключение отсюда, и то как исключение, а не общее правило, допустимо

лишь тогда, когда новый закон смягчает или отменяет наказание, наложенное по старому закону. Если, напр., ряд лиц по старому закону за приверженность к республиканскому образу правления были приговорены к ссылке на поселение и если за время отбывания ими наказания появляется новый закон, отменяющий преступность таких поступков, то целесообразно дать ему обратную силу и освободить этих лиц от отбываемого ими наказания.

В настоящее время общим правилом является положение: закон обратной силы не имеет. Оно с некоторым исключением было признано и нашими основными законами, действовавшими до 1917 г.

Обратную силу закон получает, однако, довольно часто в революционные моменты и в моменты крупных государственных реформ. Если бы русской революции удалось провести законы о социализации земли, о национализации банков, речного флота и т. д., то это означало бы, что новые законы получили действие не только на будущее, но и на прошлое время, ибо декреты о социализации и национализации применялись не только на будущее время, но и прошлое: они аннулировали все предыдущие юридические акты и сделали их ничтожными.

Действие закона в пространстве. Рядом с действием закона во времени необходимо знать, на каком пространстве он имеет силу. Нормальным правилом здесь служит начало территориальное: закон, изданный определенным государством, имеет силу на пространстве его территории и применяется ко всем лицам, своим подданным и иностранцам, живущим на территории данного государства. Это правило – вывод из учения о верховенстве и независимости государства: допустить на своей территории действие иноземных законов значило бы отрицать независимость своего государства.

Вспомогательным принципом к территориальному началу служит *начало подданства*: законы России применимы ко всем подданным России, где бы они ни жили – в России или за границей. В силу этого начала подданный России обязан соблюдать свои законы и за границей. За действия, совершенные во Франции против интересов своего государства, не наказуемые по законам Франции, русский подданный мог быть судим и наказан, раз он попадал в распоряжение русской власти. Брак, заключенный им во Франции без венчания, с точки зрения русского права требовал для своей законности венчания, иначе в России он считался бы недействительным.

Третьим вспомогательным началом является начало универсальное. В настоящее время государства находятся в такой тесной связи друг с другом в области торговли и промышленности, в области борьбы с преступностью и т. д., что абсолютное отрицание действия чужеземных законов на своей территории невозможно было бы по фактическим условиям. Если бы русский суд отрицал значение юридической сделки, совершенной в Англии по английским законам

между русским и английским купцом, то едва ли бы могла процветать торговля между Россией и Англией. Если бы русский суд не признавал законным гражданского брака, совершенного французом во Франции по законам своего государства, то отсюда мог бы произойти целый ряд осложнений для французов, живущих в России, их дети должны были бы признаваться внебрачными, брак незаконным и т. д. Тем же могли бы ответить и французские суды по отношению к русским, живущим во Франции. В итоге подданные обоих государств были бы поставлены в весьма тяжелое положение. Если бы не было частичного признания чужеземных законов на своей территории, то невозможно было бы наказание германца, совершившего в Бельгии преступление против бельгийского государства и скрывающегося в Швейцарии. И здесь в интересах борьбы с преступностью необходимы известное взаимное признание чужеземных законов и взаимная помощь государств друг другу. В силу этих соображений в ряде случаев допускается действие чужеземных законов на территории своего государства и вводится таким образом некоторое ограничение территориального начала и начала подданства.

Действие закона в отношении лиц. Следующим вопросом является вопрос, *по отношению к каким лицам закон имеет силу в пределах данной территории государства и подданства: ко всем лицам или же некоторые группы лиц освобождены от его обязательной силы.*

Раньше в абсолютных государствах монарх был свободен от действия законов. «Монарх выше закона» – так гласило право деспотического государства. Это означало, что для монарха законы не обязательны и он не может быть судим и наказан за их нарушение. В последующее время, однако, некоторые короли в эпохи революции были судимы и наказаны. Так, к смертной казни были приговорены и казнены английский король Карл I и французский Людовик XVI.

В настоящее время действует положение, что *законы обязательны для всех, в том числе и для монарха. Даже в абсолютных государствах, как, напр., в России до 1905 г., монарх не мог быть выше закона, хотя он и считался источником его и источником правосудия. Эта обязательность законов для всех, в том числе и для монарха, отличает правовое государство от деспотического.*

Привилегии. Однако если теперь закон обязателен для всех, то это не значит, что нет ряда лиц, обладающих рядом привилегий, представляющих частью пережиток старого времени, частью вызванных особым политическим положением, занимаемым этими лицами.

К числу таких лиц принадлежат: 1) *главы государств*; 2) *народные представители*; 3) *лица, пользующиеся правом внеземельности: послы и дипломатические агенты иностранных держав.*

1) *Привилегия монарха состоит в его безответственности и неприкосновенности.* Это положение является общим правилом для современных конституционных монархий. Оно не означает, что монарх выше закона, как это было в деспотическом государстве, а означает чисто личную привилегию пережитков старого времени, обосновываемую различными соображениями вроде того, что «король не может желать зла народу», что он, являясь источником правосудия, не может быть судим судами, действующими от его имени, что такая привилегия требуется для поддержания престижа монарха, что если те или иные действия правительства преступны, то ответственны за них министры, а не монарх, почему каждый акт монарха требует скрепы министра в виде подписи последнего и т. п.

В силу этих соображений монархи не подлежат ни политической, ни уголовной ответственности. Гражданские иски к ним могут быть предъявлены, но не лично им, а к казне и то, как, напр., в Англии, с разрешения короля. В силу того же правила монархи не могут сами ни искать, ни отвечать на суде.

Эта привилегия монарха признавалась и нашими «Основными законами», ст. 5-я которых гласила: «Особа Государя Императора священна и неприкосновенна».

Однако в последнее время кое-что изменилось в отношении этих привилегий монарха. В 1911 г. английский король, вопреки установившемуся обычаю, обратился в суд как частное лицо с требованием привлечь к ответственности за клевету некоего Милиуса, обвинявшего английского короля в двоеженстве. Этот процесс, где английский король заочно выступал в качестве частного лица, является новшеством, приближающим положение короля к положению гражданина.

Едва ли можно сомневаться в том, что именно в этом направлении пойдет дальнейшая эволюция привилегий монарха. За это говорит и то, что объем привилегий главы государства в республиках уже и ограниченнее привилегий монарха. Президент Французской республики также безответственен, но за измену подлежит суду. Президент Сев.-Америк. Соед. Штатов может быть судим за измену, взяточничество и другие важные преступления.

2) *Привилегии народных представителей заключаются в безответственности их за правонарушения, совершаемые в парламенте и при исполнении своих обязанностей путем слова, и в их неприкосновенности, состоящей в том, что их арест или возбуждение против них преследования в течение законодательной сессии возможны только с согласия законодательной палаты.*

Как видим, привилегия депутатов более ограничена, чем привилегия монарха. Депутат безответственен лишь за правонарушения, совершенные путем слова при исполнении своих обязанностей. И безответственен условно: он не отвечает перед общими судами, но отвечает перед самой законодательной палатой, которая на основании наказа может применить к нему то или иное дисципли-

нарное наказание: выговор, исключение из заседания парламента и т. д. Точно так же и неприкосновенность депутата условная: он не может быть арестован и судим, если законодательная палата не даст своего согласия на это. Но, если такое согласие последует, неприкосновенность, или иммунитет, народного представителя отпадает.

Легко понять причины появления этой привилегии депутатов. Народный представитель только тогда может успешно исполнять свои обязанности, когда он свободен в своих суждениях и пользуется неприкосновенностью. В противном случае за каждое слово или действие, негодное власти или частным лицам, он рискует быть арестованным и привлеченным к ответственности. Так оно и было в прошлом. Английские короли не раз привлекали и арестовывали негодных им депутатов. Это послужило поводом к борьбе парламента за безответственность и неприкосновенность членов парламента. В XVI и XVII вв. парламента не раз выносил соответственные решения. Но до 1688 г. короли не признавали депутатского иммунитета. Только в этом году был издан «билль о правах», гласивший: «Свобода речи, прений и производства в парламенте не должна влечь за собой возбуждения какого бы то ни было преследования и не может быть предметом рассмотрения ни одного места или суда вне самого парламента».

В настоящее время безответственность и неприкосновенность депутатов является общим правилом. Значились они и в наших законах (в «Учреждении Г. Думы» и в «У. Г. Совета»), но фактически их не было, что подтверждается решением Сената по делу Кузнецова–Гололобова и процессом депутатов Гос. Думы, присужденных без разрешения Г. Думы к каторжным работам и к ссылке на поселение. Нарушены были привилегии депутатов и в революционное время: большевистская власть особенно охотно арестовывала членов Учред. Собрания, и депутатский иммунитет был объявлен ею «буржуазным предрассудком».

Едва ли есть надобность подробно доказывать необходимость этой привилегии. Без нее невозможно честное и плодотворное исполнение своих обязанностей депутатом, без нее немыслима свободная и независимая работа парламента. Об этом говорят история народного представительства, опыт других народов и соображение простого здравого разума.

3) Третьей категорией лиц, пользующихся изъятием от действия законов данного государства, являются лица, пользующиеся правом внеземельности: главы других государств, послы и дипломатические агенты других государств. Они как бы живут вне территории государства. Они не могут быть без сношения с их правительствами подвергнуты ни обыску, ни аресту; равным образом против них не может быть возбуждено и преследование.

Такая привилегия вызвана их общественным положением и той государственной ролью, которую они выполняют. Без этих условий дипломатическое представительство не могло бы существовать. Привилегия представителей дру-

гих государств появилась давно и неуклонно соблюдалась и соблюдается. Редким нарушением ее является арест румынского посла, произведенный по приказу Совета Народных Комиссаров, и убийство Мирбаха в Москве^{10*}.

Таковы главнейшие группы лиц, пользующихся теми или иными привилегиями в смысле изъятия их из-под действия законов.

§ 4. Толкование закона

Понятие. Всякий закон, вступивший в действие, начинает применяться в жизни. Он является обязательной нормой поведения и для власти, и для суда, и для граждан. Это применение закона должно соответствовать его духу и буквальному смыслу. Когда закон точен, ясен и вполне определен, тогда невозможны его различные толкования; тогда каждый может легко определить, чего хочет закон. Но издание такого закона, свободного от всякой неопределенности и неясности, – дело очень трудное. Самые совершенные законы нередко вызывают различное толкование.

В таком случае встает необходимость *толкования закона, т. е. объяснения его точного смысла и содержания*. Цель толкования – вскрыть точное содержание закона согласно его смыслу и букве.

Виды толкований. По органам, от которых исходит толкование, различают обычно толкование *легальное, или аутентическое*, и толкование *нелегальное*.

Под первым разумеется толкование, исходящее от самого *законодателя*, под вторым – толкование, исходящее от частных лиц: ученых юристов, адвокатов и просто от граждан. Толкование ученых юристов иначе называется *ученым*, или доктринальным, толкованием.

а) *По органу, от которого исходит толкование.* Толкование аутентическое, как бы оно ни было неудачно, считается обязательным в силу того, что исходит от законодателя. Толкование нелегальное обязательной силы не имеет, хотя при своей доказательности не лишено значения.

б) *По приемам толкования.* По приемам толкования различают толкование: 1) грамматическое, 2) логическое, 3) систематическое, 4) историческое.

Под грамматическим толкованием разумеют точный грамматический смысл закона: смысл входящих в него слов и их связь. Если, напр., закон употребляет слово «детоубийство», то встает вопрос: разумеется ли под детоубийством и «плодоубийство» (убийство зародыша, изгнание плода)? Грамматическое толкование гласит, что под детьми следует разуметь только родившихся, а не находящихся еще в «утробе матери». Посему под понятие «детоубийство» не может подойти «плодоубийство».

Под логическим толкованием разумеется установление логического смысла закона: содержание его понятий и их логической взаимозависимости. Фактически грамматическое толкование почти всегда соединяется с логическим. Так, закон называет убийством причинение смерти. Следовательно, убийцей будет тот, кто причинил смерть. Теперь встает вопрос: является ли убийцей содержатель оружейного магазина, продавший револьвер убийце, и может ли он быть привлечен к ответственности за убийство? Вопрос должно решить логическое толкование. Оно должно установить, что разумеет закон под причинением смерти. Определив, что для этого причинения в смысле закона необходимо: 1) чтобы действия виновного лица были непосредственной причиной смерти; 2) чтобы это лицо действовало с сознанием последствий своего действия и с сознанием значения совершаемого, т. е. с сознанием противозаконности его поступка, – мы на основании логического анализа приходим к выводу, что содержатель оружейного магазина не есть причинитель смерти и потому не может быть привлечен к ответственности за убийство, ибо он не был непосредственной причиной смерти, ибо, продавая оружие, он не совершал незаконного поступка, ибо, продавая его, он не знал, что убийца воспользуется им для убийства.

Систематическое толкование. В тех случаях, когда грамматическое и логическое толкования не способны вполне ясно решить задачу толкования, приходится обращаться к систематическому, т. е. к сопоставлению данной статьи закона с другими статьями свода законов, имеющими связь с первыми. Если, напр., уголовный закон облагает особенно тяжким наказанием отцеубийство и если в нем не упомянуто, разумеется ли под отцеубийством убийство только законного отца или же убийство отца фактического, хотя и незаконного, то встает вопрос: является ли отцеубийством убийство своего фактического отца? Для решения вопроса необходимо обратиться к другим статьям свода законов, и если из них выяснится, что закон всюду под отцом разумеет только законного отца, то поставленный вопрос должен быть решен отрицательно.

Историческое толкование. Весьма часто уяснению точного содержания закона помогает знакомство с историей его возникновения: изучение мотивов, вызывавших его издание, объяснительных записок, первоначальных проектов и предыдущих норм, замененных данным законом. Такой метод толкования носит название исторического.

с) *По объему.* По объему, который придается толкованием закону, различают толкование *ограничительное*, сужающее объем понятия, употребленного законом, и *расширительное*, расширяющее этот объем. Так, под детоубийством закон разумеет только что родившегося ребенка. Встает вопрос: будет ли дето-

убийством убийство только что родившегося ребенка всяким лицом, или только родителями, или только матерью, или, наконец, внебрачной матерью. Если закон молчит на этот счет, то толкование, признающее детоубийством только убийство своего ребенка внебрачной матерью, может быть названо ограничительным толкованием. Напротив, толкование, признающее детоубийством убийство ребенка *всяким лицом*, будет толкованием расширительным, ибо оно делает гораздо более широким понятие «детоубийство».

Таковы основные виды толкований закона по органам толкования, по методам и по объему.

Судья и толкование закона. Как бы закон ни старался дать ответы на все случаи жизни, однако предусмотреть все явления он не может.

Спрашивается, что делать в таких случаях судьбе, перед которым чаще всего встает такой не предусмотренный законом вопрос: к нему поступило дело, требующее решения, а между тем закона, вполне подходящего для данного случая, нет.

В прошлом судья не мог решать сам такие случаи и должен был каждый раз просить указаний от высших органов, вплоть до главы государства. Понятно, какая волокита получалась при таких условиях.

Теперь положение обстоит иначе. Законы современных государств, в том числе и России со времени 1864 г., предоставляют судье право толкования законов и воспрещают ему останавливать решение дел под предлогом неполноты, неясности, недостатка или противоречия законов. Такой порядок уничтожает в сильной степени судебную волокиту.

Новейшие же кодексы – швейцарский и германский – в этом отношении идут еще дальше: они прямо предписывают судье в таких случаях решать дело на основании указаний обычая, а если их нет, то согласно своей совести, как будто бы сам он был законодателем.

Такая свобода судейского усмотрения и толкования законов наряду с положительными сторонами имеет и отрицательные: различные судьи могут по одинаковому делу дать противоположные решения. Такая пестрота и противоречие нетерпимы. Чтобы избежать их, государства прибегают или к установлению высшего органа толкования законов, решения которого обязательны для всех судов (таким был у нас Сенат, в Германии – Рейхсгерихт^{11*} и т. д.), или к установлению определенных норм, указывающих, какое из различных судейских решений по сходному делу обязательно: напр., более раннее, вынесенное судом высшей инстанции, и т. д. Так обстоит дело в Англии.

Путем таких противоядий в значительной степени обезвреживается это отрицательное следствие свободы судейского усмотрения. Есть и вторая опасность от этой свободы: опасность для личности превратиться в объект судейского произвола. Раз нет точной нормы закона, где гарантия, что судья справедливо

решит ваше дело? Обращение в высшие инстанции не всегда способно исправить причиненный неудачным решением вред. Поэтому, как это ни трудно, но спасение нужно искать не в свободе судейского усмотрения, а в издании точных и ясных законов, предусматривающих все случаи жизни и дающих ответ на все жизненные «казусы».

§ 5. Инкорпорация и кодификация законов

Все действующие законы государства обычно в систематическом виде соединяются в свод действующих законов. Без такой систематизации и соединения законов ни знакомство с ними, ни пользование ими не были бы возможны; в этом случае нельзя было бы найти нужную статью из множества статей, разбросанных без плана и порядка. Соединение норм закона в одно систематическое целое называется инкорпорацией или кодификацией. При *инкорпорации* все нормы закона приводятся во внешний порядок без внутреннего изменения содержания законов. При *кодификации*, напротив, действующее законодательство подвергается переработке согласно определенным началам, положенным в основу последней. В первом случае обычно дается систематический свод законов, при второй – создается совершенно новый кодекс.

Инкорпорация и кодификация русского законодательства. В России кодификация законов была произведена в XVII в. при Алексее Михайловиче в виде «Уложения 1649 г.». С тех пор при каждом последующем царствовании делались попытки новой кодификации, но они оканчивались неудачно.

В итоге при Николае I отказались от составления нового кодекса и решили ограничиться: 1) собранием всех изданных со времени «Уложения 1649 г.» законов, 2) инкорпорацией действующих законов. Эта задача была возложена на Сперанского. Плодом работы Комиссии Сперанского явилось *Полное собрание законов*, расположенных в хронологическом порядке и охвативших время с 1649 по 1825 г. Это первое *Полное собрание законов* составляло 45 томов. Вслед за ним позже появилось *Второе Полное собрание законов* (55 томов), охватившее все законы, изданные с 1825 по 1881 г. Теперь продолжается издание *Третье Полное собрание законов*, охватывающее законы с 1881 г. по данное время.

Кроме собрания законов, куда вошли все (действующие и отмененные) законы, Сперанский выделил и расположил в особом систематическом порядке все действующие законы. Они в своей совокупности составили «*Свод законов Российской империи*». Это не новый кодекс, а сборник, инкорпорировавший в себя все действующие нормы, расположенные в особом порядке. «Свод законов» сейчас состоит из 16 томов. Новые законы издаются в виде «Продолжений к Своду законов».

§ 6. Деление законов по характеру регулируемых ими отношений

Совокупность законов как обязательных норм официального права определяет основы социально-политического устройства данного общества или государства и все важнейшие взаимные отношения его членов. По характеру тех отношений, которые законами регулируются, последние систематизируются в особые группы, и каждая из этих групп получает соответствующее название. От этого названия получают свое наименование и отрасли науки права, изучающие каждую группу таких законов. Из этих групп законов наиболее важными являются: 1) законы, определяющие государственное и политическое устройство данного общества; 2) законы, регулирующие взаимоотношения властей и управляемых и способы охранения безопасности, благочиния и благоустройства общества; 3) законы, определяющие имущественный уклад данного общества и взаимоотношения, возникающие на этой почве; 4) законы, нормирующие организацию семьи и семейных отношений; 5) законы, устанавливающие форму отношений, возникающих на почве торговой деятельности; 6) законы, определяющие совокупность недозволенных деяний и наказаний, налагаемых за совершение последних; 7) законы, указывающие организацию суда, способы судебного производства и формы взаимоотношений между сторонами и судом. Сообразно с этими группами образуются отрасли науки права: 1) государственное право; 2) административное; 3) гражданское, включающее в себя семейное и наследственное право; 4) торговое; 5) уголовное; 6) судебно-процессуальное право (гражданское и уголовное судопроизводство).

Остановимся несколько подробнее на каждой из этих групп.

Государственное право и наука государственного права. Одну из основных групп «Свода законов» составляет группа законов, определяющих устройство данного государства: политическую форму правления, права главы государства, организацию народного представительства и права депутатов, устройство органов верховного и подчиненного управления, их права и обязанности и формы их деятельности, организацию законодательной власти, способы издания законов, особые виды последних и т. д.

Эти законы являются одними из наиболее важных законов, из них составляют конституцию государства или «Основные законы» последнего.

В своей совокупности они составляют *государственное или конституционное право данного государства*. Наука права, изучающая эти законы, носит название *государственного, или конституционного, права*.

Административное или полицейское право и наука административного права. К законам, определяющим государственное устройство, примыкают

и даже составляют их часть законы, регулирующие управление, определяющие права и обязанности органов власти и граждан, формы, задачи и способы административной деятельности. Совокупность таких законов составляет *административное или полицейское право как часть права государственного. Наука, изучающая эти нормы, носит название науки административного, или полицейского, права.*

Гражданское право и наука гражданского права. В жизни общества важна не только его политическая организация. Не менее важным является для него имущественный и семейный уклад. Потребность продолжения рода и удовлетворения своих основных и материальных нужд: голода, одежды, жилища и ряда других имущественно-экономических потребностей – представляет одну из самых главных потребностей человека. На почве их возникли институты: семьи, брака, наследования, с одной стороны, собственность, владение, пользование и распоряжение имуществом, т. е. рядом вещей, движимых и недвижимых, раздельных и нераздельных и т. д. На почве этих потребностей ежедневно возникают, изменяются и оканчиваются тысячи имущественно-экономических и семейных отношений между людьми. Естественно, официальное право не могло и не может не вмешаться в регулировку этих весьма важных отношений. *Совокупность законов, определяющих имущественные и семейные отношения членов данного государства, составляет гражданское право данного государства. Наука, изучающая эти нормы и регулируемые ими отношения, носит название науки гражданского права.*

Торговое право и наука торгового права. Частью гражданского права, выделившейся в самостоятельную отрасль, является торговое право. *Торговое право государства состоит из совокупности законов, определяющих отношения, возникающие на почве торговой деятельности.* Соответствующая наука носит название *торгового права.* Выделение торгового права в самостоятельную отрасль – явление сравнительно недавнее. Оно объясняется развитием капиталистического и менового характера современного народного хозяйства.

Уголовное право и наука уголовного права. Следующей крупной группой законов являются нормы, определяющие недозволенные действия, преступления, совершение которых влечет за собой наказание. Совокупность таких законов составляет *уголовное право данного государства.* Наука, изучающая эти нормы, носит название *науки уголовного права.*

Судебно-процессуальное право и наука судебного права. Наконец, последней из крупных групп законов являются законы, определяющие организа-

цию судов данного государства и формы судебного производства. В общественной жизни постоянно возникают столкновения прав и обязанностей отдельных лиц, с одной стороны, с другой – постоянно происходит нарушение норм права или законов рядом лиц. Так как соблюдение законов обязательно, то, естественно, нарушение их не может остаться без реакции со стороны государства и общества. Но чтобы эта реакция, в свою очередь, не была произвольной, а была согласна с соответствующими нормами закона, необходимы: 1) специальный орган – суд, установленный законом для рассмотрения таких правонарушений; 2) чтобы этот суд рассматривал и решал такие правонарушения не по своему произволу, а согласно букве и духу закона. С этой точки зрения решения суда являются применением закона к данному случаю. Совокупность норм (законов), определяющих организацию суда и формы судебного производства, составляет *судебно-процессуальное право данного государства*.

Наука, изучающая эти нормы, будет наукой судебно-процессуального права. Так как по организации и по форме производства суды, решающие дела, возникающие на почве гражданско-правовых отношений, отличны от судов, решающих уголовные преступления, то судебно-процессуальное право распадается на: 1) гражданское процессуальное право, или гражданское судопроизводство, и 2) уголовно-процессуальное право, или уголовное судопроизводство. Соответственно с этим различают науку гражданского процесса и уголовного процесса.

Таковы основные группы законов, составляющих содержание «Свода законов» государства. Помимо этих групп в последний входит еще ряд законов, регулирующих менее важные стороны государственной жизни и общественных взаимоотношений. Но они имеют сравнительно второстепенное значение. Главные группы законов исчерпываются перечисленными видами групп.

Детальное знакомство с каждой из них необходимо для знания права данного государства и национального характера данного народа, социально-политической организации данного общества. «Свод законов» с этой точки зрения есть наглядная и довольно точная фотография внешней и внутренней жизни народа.

Но это более подробное изучение отдельных отраслей официального права выходит за пределы общей теории права и составляет предмет официальных правовых дисциплин.

§ 7. Деление права на публичное и частное

Помимо деления права на уголовное, гражданское, государственное и т. д., в науке права до последнего времени проводилось деление права на *публичное и частное*.

Деление это появилось давно: уже римские юристы пользуются им. Однако до сих пор науке права не удалось провести точной границы между частным и публичным правом, а равно – указать бесспорный критерий того и другого права.

Материальный критерий различия. А) Многие усматривали критерий такого деления в различии интересов, регулируемых правом. *Под публичным правом понимали то право, которое имеет в виду интересы государства как целого, под частным – то, которое имеет в виду интересы отдельного человека или отдельных лиц.* Так, нормы права, определяющие воинскую повинность, относятся якобы к публичному праву, ибо защита государства составляет публичный интерес, тогда как имущественные и семейные отношения частных лиц составляют интерес только отдельных индивидов. Поэтому нормы, регулирующие семейные и имущественные отношения, относятся якобы к частному праву. Сообразно с этим делением к публичному праву относятся право государственное, административное, уголовное, судебное, к частному – гражданское право, семейное, вещное и наследственное.

Это мнение приходится отвергнуть. В том или ином строении семьи и брака, собственности и наследования государство заинтересовано не меньше, чем в регулировании воинской повинности. Если бы оно не было заинтересовано в первых отношениях, оно не издавало бы законов, определяющих и регулирующих эти отношения. Между тем такие законы существуют в каждом государстве и составляют солидный том «Гражданского Уложения». Всякая норма официального закона в силу того, что она издана и утверждена государством, тем самым составляет норму публичного официального права. Указанная попытка деления публичного и частного права должна быть признана неудачной.

Формальный критерий различия. В) Второй попыткой провести границу между публичным и частным правом была теория, пытавшаяся разграничить их *по формальному признаку, по способу судебной защиты.* Согласно этой теории публичным правом будет то, которое *ex officio*^{12*} защищается властью путем возбуждения преследования органами государственной власти в порядке суда уголовного или административного, частным правом – то, которое охраняется частными лицами в порядке суда гражданского, иными словами, то, где не возбуждается преследования *ex officio*, а зависит от инициативы и воли частного лица.

Но и эту попытку приходится отвергнуть. Есть ряд уголовных преступлений, где возбуждение преследования зависит от частных лиц, напр. при оскорблении чести, и обратно: есть ряд гражданских правонарушений, где иск возбуждается *ex officio*. Следовательно, теория не согласуется с фактами.

Помимо этих теорий было немало других, пытавшихся разрешить вопрос о существовании и границах публичного и частного права. Однако и эти попытки были малоуспешны.

Ошибочность деления права на частное и публичное. В настоящее время проблема деления частного и публичного права должна быть снята. Она была ошибочно поставлена. Всякое официальное право тем самым является публичным правом, независимо от того, какую область человеческих отношений оно регулирует.

Иные способы деления правоотношений. Но если всякая норма закона и все регулируемые им отношения принадлежат к публичному праву и к публичным отношениям, то из этого не следует, что невозможно подразделение этих норм и правоотношений по иным признакам. Способов подразделения может быть много. Одним из них может быть предыдущее деление правовых отношений *по способу их судебной защиты*.

а) *По способу защиты.* С этой точки зрения все правоотношения, независимо от того, регулируются ли они гражданским, уголовным или государственным правом, можно делить: 1) на защищаемые *ex officio* и 2) защищаемые в порядке частной инициативы.

б) *По признаку компетентного суда.* Разновидностью этого деления правоотношений будет деление их по *тому суду*, который компетентен решать конфликты, возникающие в этой области правовых отношений. С этой точки зрения последние могут быть делимы на правоотношения, защищаемые и разрешаемые в порядке: а) суда гражданского, б) уголовного, в) административного, г) международного (третейского) и т. д.

с) *По приему регулирования.* Можно далее различать правоотношения *по способам или приемам их регулирования*. Одни правоотношения могут быть *детально* регулируемы *самим государством* путем юридической централизации, в других государство может отказаться от такой *детальной регулировки*; оно проводит здесь лишь основные линии, определяет основные юридические формулы и *предоставляет дальнейшее инициативе и воле частных лиц*.

Централизованное и децентрализованное регулирование. В первого рода взаимоотношениях, примером коих может служить организация суда и вооруженных сил страны, *частной воле почти нет места*. Здесь государство само определяет, кто, когда и как призывается к воинской повинности, в чем должно состоять военное обучение, какой должна быть дисциплина и т. д. Во второго рода взаимоотношениях, напротив, *частному лицу и его воле предоставлен простор*: государство, напр., не обязывает никого жениться и, женившись, иметь опре-

деленное количество детей; такие отношения оно предоставляет решать воле частных лиц, ограничиваясь со своей стороны лишь определением условий, при которых брак действителен, и формулировкой прав и обязанностей родителей и детей, мужа и жены.

Если первый прием характеризуется признаком *юридической централизации* (где регулирующим центром служит сама государственная власть), то второй тип регулировки правоотношений характеризуется признаком *юридической децентрализации*. Здесь как бы нет единого государственного центра, а налицо множество малых центров – частных лиц, в определенных границах по своей воле определяющих взаимоотношения. Наймусь ли я в услужение к кому-либо или нет – это моя воля. Государство не вмешивается в мои отношения с нанимателем. Ему важно только, чтобы договор личного найма не нарушал общих условий договора и соблюдался обеими сторонами.

Какие именно правоотношения регулируются по типу централизации и децентрализации, это зависит от ряда условий: чего-либо постоянного в этой плоскости нет. Было время, когда, напр., религиозные отношения регулировались централистически: государство заставляло подданных веровать определенным образом, совершать определенные обряды и т. д. Теперь религиозные верования регулируются по типу децентрализации: государство объявляет религию частным делом и ограничивается определением лишь самых основных норм, гарантирующих свободу верования и культа. И обратно: судебная система и правоотношения, возникающие на почве совершения преступлений, теперь регулируются централистически: государство не предоставляет частному усмотрению никакого простора в определении судьбы преступника. В древности было иначе: судьба последнего зависела в значительной степени от воли пострадавшего: он мог ему мстить, мог простить, мог взять с него выкуп и т. д.

Коротко говоря, *характер тех правоотношений, которые регулируются по тому или иному типу, исторически изменчив.* По типу централизации сейчас регулируются преимущественно правоотношения органов государственной власти к гражданам государства, сфера правоотношений, обнимаемых уголовным, административным, государственным и судебно-процессуальным правом. По типу децентрализации регулируются правоотношения, обнимаемые гражданским правом, т. е. одна значительная часть имущественных, семейных и наследственных отношений.

Но такое разделение, конечно, не является вечным. Весьма возможно, что в будущем положение вещей изменится. Это особенно вероятно в применении к *имущественным отношениям.* В современном обществе, *построенном на праве частной собственности, все производство, потребление, обмен и распределение хозяйственных благ регулируется не государством, а усмотрением и волей частных лиц.*

Однако за годы войны и в Западной Европе, и у нас произошли крупные изменения в способе регулировки имущественных отношений, сведшиеся к увеличению государственного вмешательства в эту сферу, т. е. к росту юридической централизации за счет децентрализации. Это выразилось в том, что ряд производств перешел в руки государства, распределение ряда продуктов, особенно хлеба, из частных рук также перешло в руки государства, промышленность была поставлена под контроль последнего и т. д. Весьма поучительные опыты в этом отношении были сделаны в России. «Национализация и социализация промышленности, фабрик и заводов» и т. д., декретированные Советом Народных Комиссаров, были ничем иным, как попыткой заменить частноправовую регулировку имущественных и наследственных отношений волею государства, т. е. способ регулировки по типу децентрализации заменить способом централизации: частное усмотрение членов общества заменить властной волей государства. Этот опыт показывает, что имущественные отношения могут регулироваться и иначе, чем теперь. Признавая практическую нецелесообразность национализации имущественных отношений для нас в данное время, ибо для ее успеха требуется ряд условий, которых в России нет, все же можно думать, что в будущем весьма вероятно замена регулировки имущественных отношений по типу децентрализации регулировкой по типу централизации. К такому порядку и стремится, как известно, социализм.

Не только имущественная сфера, но и другие области общественных взаимоотношений, напр. семейная область, теоретически могут быть регулируемы по типу централизации, как теперь. Можно представить себе, что государство обязывает всех здоровых мужчин определенного возраста вступить в брак с женщинами определенной категории, точно указанной постановлениями государственной власти. Может быть, такая «реформа» нецелесообразна, но для нас важно лишь то, что теоретически такая реформа мыслима.

Оценка обоих приемов. Теоретическая возможность применения обоих приемов юридической регулировки к различным областям общественных взаимоотношений ставит перед нами два основных вопроса: 1) *который из этих способов совершеннее и целесообразнее?* 2) *не наблюдается ли в процессе истории какой-либо закономерности в смысле роста одного способа регулировки за счет другого?*

Антицентралисты и антигосударственники. И в прошлой, и в современной общественной мысли мы находим два противоположных ответа на первый вопрос.

Одни, в лице Спенсера, «анархистов» и других индивидуалистов, категорически высказываются против способа централизации, т. е. против вмешательства го-

сударства в регулировку общественных и междуиндивидуальных отношений. С их точки зрения, государство должно предоставить самим личностям регулировать их взаимоотношения. *Способ децентрализации, следовательно, они объявляют предпочтительным во всех отношениях.* Больше того, многие из них, и в частности Спенсер, думали, что по мере роста прогресса личность все более и более освобождается от деспотизма государственной власти, регулирующие функции последней вымирают и способ централизованной регулировки заменяется способом децентрализованного регулирования правоотношений самими личностями.

В экономической сфере выводом из этой теории была доктрина, требовавшая государственного вмешательства в экономические отношения, и в частности во взаимоотношения рабочих и предпринимателей. Сущность этой доктрины выражается в изречении: *laissez faire, laissez passer*^{13*}, т. е. государственные органы абсолютно не должны вмешиваться в экономическую жизнь и должны все предоставить частным лицам, их воле и усмотрению. Такая свобода усмотрения и инициативы частных лиц дает гораздо лучшие результаты, чем вмешательство государства, – говорит эта теория. Такова сущность первого взгляда.

Централисты и государственники. Второе мнение противоположно данному. Оно развивалось идеологами и представителями просвещенного абсолютизма, с одной стороны, и социалистами – с другой.

Идеалом этой теории является централизованная регулировка всех правоотношений всех сторон общественной жизни государственной властью. Такая замена частной воли волей государства с точки зрения этой теории предпочтительна во всех отношениях. Она кладет конец индивидуальной анархии, в особенности анархии экономических и производственных отношений, она препятствует эксплуатации одних лиц другими, она позволяет все общество двигать по пути улучшения и прогресса и т. д.

Если социалисты, высказываясь в пользу такого централизованного способа юридической регулировки, имеют в виду главным образом область экономических отношений, то идеологи просвещенного абсолютизма доводят свою теорию до конца, высказываясь в пользу полной и всесторонней опеки государством жизни и взаимоотношений людей. Из истории мы знаем, что были эпохи, когда государственная власть пыталась вмешиваться и регулировать до деталей всю жизнь индивида. Не говоря уже о важных сторонах общественной жизни, она предписывала ему и способ верований, и надлежащую одежду, и употребление рыбы в постные дни, и обязанность брить или носить бороду и «не засиживаться подолгу в столице, жить на месте и быть гостеприимными» и т. д.

Таковыми чертами характеризуется политика просвещенного абсолютизма и полицейского государства.

Таковы два основных ответа на поставленный вопрос.

Критика. Спрашивается, кто же прав: *индивидуалисты и антицентралисты или государственники-централисты?*

Мы думаем, что ни те, ни другие.

Спенсер глубоко ошибся, думая, что с ходом истории область государственного вмешательства падает и в будущем совершенно исчезнет. История его не оправдала: *за последние десятилетия государственное вмешательство, особенно в экономической сфере, сильно возросло.* Вопреки совету теории: *laissez faire*, – государство энергично вмешалось во взаимоотношения рабочих и предпринимателей и в интересах уменьшения эксплуатации первых издало ряд законов огромной важности. Законы о недопустимости труда малолетних, о предельном количестве рабочих часов для женщин, о страховании рабочих на случай болезни, несчастья, старости (в Англии), о минимуме заработной платы, о санитарных и гигиенических условиях, которым должны удовлетворять фабрики и заводы и т. д. и т. д.

За годы войны, как указано выше, это вмешательство государства приняло громадные размеры, выразившись в ряде мер государственного регулирования и контроля промышленности, производства, распределения, обмена и потребления. У нас большевистская диктатура пыталась государственной регулировкой заменить всю частную регулировку.

И не только в экономической, но и в других областях, напр. в семейной, область государственного вмешательства растет. «Закон о детях», напр., принятый недавно в Англии (в 1911 г.), представляет знаменательную попытку государственного вмешательства в отношения родителей и детей.

Все эти факты резко противоречат пророчеству Спенсера.

Но значит ли это, что правы централисты-государственники с их идеалом всесторонней государственной регулировки и подавлением индивидуальной инициативы и усмотрения?

Нет. Если в определенной – в экономически-материальной – области государственное вмешательство росло, то в других областях, особенно *в области духовной жизни, в сфере убеждений и верований, государственная опека пала и падает.*

Доказательством этому служит рост неотъемлемых прав личности: свобода мысли, убеждений и верований, свобода слова, печати, союзов и собраний, неприкосновенность дома, корреспонденции и личности и т. д. Все это завоевания последних десятилетий. Современное государство в этом отношении резко отличается от полицейского: в отличие от последнего в эту сферу интимных отношений личности оно перестало вмешиваться. Здесь централизация заменилась децентрализацией. Здесь прав Спенсер и не правы централисты.

Вывод из сказанного таков, что *за последние десятилетия сфера государственного вмешательства в известных областях, преимущественно в области*

материально-экономической, возросла, в других, преимущественно в сфере духовной жизни личности, упала.

Этот факт заставляет думать, что в известных областях централизованная регулировка целесообразна, в других – вредна.

Этот вывод подтверждается и правно-политическими соображениями.

Условия, от которых зависит целесообразность обоих способов регулировки. С точки зрения этих соображений ответ на вопрос о плюсах и минусах обоих способов правовой регулировки зависит от ряда условий: 1) *от высоты разумности самой государственной власти и целесообразности ее политики;* 2) *от культурности и цивилизованности общества;* 3) *от того, какая область правоотношений регулируется и при каких условиях.*

Если государственная власть невежественна и руководствуется в своей политике не благом общества, а узкоэгоистическими соображениями собственной пользы, рост вмешательства таковой власти при прочих равных условиях едва ли будет плюсом, он скорее причинит общественный вред. В обратном случае вероятнее противоположный результат, т. е. социальная полезность вмешательства.

Чем культурнее и солидарнее общество, тем менее оно нуждается в государственном вмешательстве. И обратно, чем оно невежественней и морально невоспитаннее, тем большей может быть польза от вмешательства разумной государственной власти.

Основным же условием, решающим вопрос о целесообразности государственного вмешательства (правовой централизации), являются характер или сфера правовых отношений и то конкретное состояние, в котором эта область находится.

Мы видели, что вмешательство государства в духовную жизнь и в интимные стороны жизни личности пало за последние десятилетия. Такое падение должно быть признано целесообразным. Здесь при современных условиях государственное вмешательство было бы крайне вредным. Современная личность не может пожертвовать своим «святое святых» в угоду государству; она не может согласиться, чтобы ей предписывали, как она должна верить, каких политических убеждений держаться, что говорить и чего не говорить, кого и как любить, вступать ли в брак или нет, заниматься ли земледелием или литературой, какую одежду носить, когда обедать, какие книги читать и т. д.

Эта сторона жизни не может быть по своей природе регулируема государством. Такая попытка ничего, кроме вреда, обществу, личности и самому государству не дала бы; больше того, она вызвала бы прямой бунт личности против государства: личность скорее пожертвовала бы последним, чем своим «святое святых», своим «я». *Вот почему в этой сфере и в будущем нужно ждать дальнейшего падения вмешательства государства.*

Иначе обстоит дело в экономической области. Здесь по природе последней государственная регулировка возможна и при надлежащих условиях целесообразна. Замена современной капиталистической организации и хозяйства, построенного на частной собственности и частной регулировке, национально-государственным хозяйством – социалистическим, построенным на принципе централизованной государственной регулировки, – вполне мыслима. Она имеет за собой ряд плюсов: уничтожает анархию производства, вместо стихии вводит планомерность, уничтожает недопроизводство одних предметов и перепроизводство других, освобождает трудовые классы от эксплуатации предпринимателей и т. д.

Но, чтобы такая замена частнокапиталистического хозяйства социалистическим была целесообразна, необходим ряд условий, без которых она может дать лишь вред, а не пользу. Основным условием является *достаточная социальная воспитанность масс, достаточная степень сознания ими своего общественно-го долга и наличность технически подготовленных людей, могущих быть руководителями государственного хозяйства*. Эти условия необходимы потому, что при национализации и социализации теряется один из главных мотивов хозяйственного прогресса – *личная заинтересованность и личная инициатива*. Эти мотивы в капиталистическом обществе заставляют предпринимателя быть энергичным, изобретательным и совершенствовать свое дело, ибо успех дела сулит ему прибыль, а с ней и все покупаемые блага жизни; неуспех дела, напротив, грозит ему разорением и бедствием. При социализации этого стимула нет: личность ничем не рискует здесь, ибо ей гарантировано жалование, успех не дает ей прибыли, неуспех – разорения, здесь личность не побуждается быть энергичной, изобретательной, она лично не заинтересована, она только чиновник государства. Поэтому, *если нет достаточно сильного сознания общественного долга*, здесь личность будет и менее изобретательной, и менее усердной в работе. Если же большинство граждан будут таковыми, то в итоге социализация даст только общественный дефицит, задержит хозяйственное развитие страны и, в худшем случае, может разрушить ее промышленность. К этому же эффекту ведет и недостаточно технически подготовленный персонал, руководящий государственными предприятиями.

Вот почему «скороспелая» социализация вместо пользы может дать вред. Опыт социализации и национализации, произведенный Советом Народных Комиссаров над Россией, достаточно определенно и убедительно подтверждает сказанное.

Таковы основные условия, решающие вопрос о целесообразности того или иного способа правовой регулировки. Наметившиеся тенденции роста государственного вмешательства в одной области и падение ее в другой, по-видимому, будут развиваться в будущем. В конечном счете судьбы обоих приемов регули-

рования будут решаться, всего вероятнее, их отношением к интересам личности, стремящимся совпасть с интересами общества. *В каждой данной области правовых отношений будущее принадлежит тому из приемов правовой регулировки, который всего лучше обеспечивает интересы личности и интересы всего общества.* Эти интересы будут решающими для будущего каждого из этих способов правовой регулировки человеческих отношений.

Таково вкратце то деление правоотношений, которое сейчас заняло место ошибочного деления последних на правоотношения публичные и частные.

Глава VI. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАВА

§ 1. Теория происхождения права

Выше мы видели, что право есть правило поведения, указывающее обязательное дозволенно-должное поведение, видели, что это правило существует в виде правового убеждения и проявляется в поведении людей и в организации обществ и государств. Теперь необходимо кратко очертить: 1) каким образом появилось указываемое правовой нормой деление поступков на дозволенные и недозволенные; 2) каким обстоятельством оно было вызвано; 3) в силу чего одни поступки правовой нормой считаются дозволенными и обязательными, другие – недозволенными и преступными; 4) каким образом устанавливались официальный порядок и официальное право, *существующие в каждом обществе и государстве*, и каким образом они изменяются.

Ряд вопросов, затрагиваемых в этой главе, более подробно изложены в главах «Влияние права» и «Законы развития права».

Теория божественного происхождения права. В древности на эти вопросы отвечали в том смысле, что право и законы своим происхождением обязаны божеству. Правовые кодексы – это свод божеских велений, открытых божеством людям, для того чтобы они могли жить свято и поступать согласно воле божьей. Дозволенные и обязательные поступки те, которые соответствуют последней, недозволенные те, которые ей противоречат. Пример такой теории дан в Библии, в рассказе о вручении Богом Моисею скрижалей Завета на горе Синай. Аналогичные же рассказы можно найти и в других религиозно-правовых сводах. Нет надобности останавливаться на критике теории божественного происхождения права. Она ровно ничего не объясняет, ибо за научное объяснение нельзя считать ссылку на божью волю.

Договорная теория. Второй ответ на поставленные вопросы дает так называемая *договорная теория*. Сущность этой теории, развитой главным образом Гоббсом, Локком и Руссо, сводится к следующему. В древности люди, согласно этому учению, были совершенно свободны и не знали никакого права, никаких обязательных норм поведения. Пока они были добродетельны и невинны

(как гласит библейское предание), такое «естественное состояние» могло сохраняться. Но, как только они испортились (в силу ли грехопадения, как утверждает Библия, или в силу того, что люди начали жить в обществе себе подобных и приобрели оседлость, как думал Руссо), такая свобода и естественное состояние превратились в войну «всех против всех»^{14*}. Не сдерживаемые ничем, не имея никакой принудительной власти, люди стали друг для друга волками. Всякий порядок исчез. Жизнь превратилась в анархию, при которой жизнь каждого ничем не была гарантирована. Такая война всех против всех не могла долго продолжаться. Чувство самосохранения, здравый рассудок и собственный интерес каждого заставляли покончить с этой анархией. Выход из нее был найден в *общественном договоре*. Люди, собравшись вместе, согласились все отказаться от своих прав и установить порядок и вручили защиту порядка и права единой государственной власти. Такой властью, по учению Гоббса, является монарх. Его слово становится приказом, его речь – законом. По учению Руссо, такой верховной властью является весь народ, олицетворяемый демократически-представительной государственной властью.

Отсюда видно, что согласно этой теории источником права является общественный договор, некогда заключенный людьми. Он дал начало и первым нормам права, и закону, и суду, и государственной власти.

В наше время эта теория признана ошибочной. Мы теперь знаем, что «естественного состояния» в смысле этой теории никогда не было, не было также и общественного договора. Допущение последнего означало бы допущение такой сознательности первобытных людей, какой не только они, но и современные люди едва ли обладают.

Теория естественного права. Под теорией «естественного права» понимается учение, утверждающее, что наряду с изменчивыми нормами официального права есть вечные правовые нормы, свойственные людям всех времен и всех народов. Эти правовые нормы прирождены человеку. Он с ними рождается. Они даются человеку самой природой. Они вечны и неотъемлемы. Сообразно с этим ответ теории естественного права на вопрос о происхождении права сводится к тому, что право, в виде «естественного права», дано вместе с человеком; оно родилось с ним и ему прирожденно, как прирожденно человеку иметь две ноги и две руки.

Ошибочна и эта теория. Прежде всего неверно, что есть какое-то вечное естественное право, неизменяемое, имеющееся у всех народов, – во все времена на свете все меняется. Изменчиво и право. Оно различно у дикаря и у культурного человека. Оно различно у одного и того же народа в различные времена. Раньше наши предки считали долгом сжигать жену на могиле мужа, теперь такой обычай мы считаем преступлением. Раньше всякое уклонение от официальной

религии влекло смертную казнь, теперь свобода религии является требованием нашей совести. Ту же изменчивость мы встречаем и в других областях права. Отсюда понятно, что «естественное право» – утопия, оно не существовало и не существует. Ошибочен поэтому и ответ этой теории на вопрос о происхождении права.

Историческая школа. Больше истины заключается в решении т. н. *исторической школы* (Савиньи и Пухта). По учению этого направления, право возникло и развилось так же, как возник язык народа, его верования, обычаи и т. д. Право – естественный продукт народной души. Оно, подобно языку, создано не искусственно, не усилиями отдельных лиц, а образовалось само собой медленным и постепенным творчеством всего народа. Каков народ – таково и его право. В этом ответе больше истины. Но его грех в том, что он слишком неясен: он дает лишь неопределенные, общие положения, которые можно понимать весьма различно. Грешит он и в том, что слишком «спокойной» рисует историю развития права, он забывает, что развитие права – сплошная борьба, что правовая жизнь – это постоянная борьба за право, что последнее родилось из борьбы и живет борьбою.

Рассмотрев эти теории, теперь перейдем к краткому очерку происхождения права согласно данным современной науки.

§ 2. Жизнь в обществах как основное условие происхождения права

Человек – общественное животное. Если бы человек жил уединенно и вел изолированную жизнь, тогда право едва ли могло бы появиться. Оно было бы излишне. Человек наедине с собой мог бы жить и вести себя так, как ему угодно. В этом случае не имели бы смысла никакие правовые нормы. Но такого человека история не знает. Человек с первых времен своего появления на земле жил и живет в обществах себе подобных. В этом смысле правильно положение, гласящее: «Человек – общественное животное»^{15*}. К общественной жизни вынуждал человека ряд обстоятельств, и прежде всего – инстинкт самосохранения. Человек один был слишком слаб, для того чтобы успешно защищать свою жизнь и удовлетворять свои потребности в суровой обстановке первых веков своего существования. Окруженный дикой природой, подстерегаемый хищными зверями, не обладающий еще хорошими орудиями борьбы и самозащиты, он был бессилен бороться против этих врагов исключительно своими силами. Только соединение сил и жизнь в обществах давали возможность преодолеть эти опасности и успешно вести борьбу за существование. Вот почему человек с первых времен своего появления на земле вел и ведет общественную жизнь.

Общество и порядок. Но жизнь в обществе возможна только при известном порядке. Всякое общество людей может существовать только тогда, когда в нем сохраняется известный порядок. Если все члены общества будут убивать друг друга, красть, насиловать и всячески вредить друг другу, такое общество обречено на гибель; оно не только бессильно было бы бороться против внешних врагов, но оно умерло бы от собственной анархии... Такое общество было бы вычеркнуто из жизни... Общество и известный порядок неразрывны. *Обществом является только такое соединение людей, члены которого соблюдают известные нормы поведения, составляющие в своей совокупности порядок общественной жизни.* Как только этот порядок исчезает и воцаряется анархия, общество, а вместе с ним и его члены обречены на гибель, если это состояние анархии длится продолжительное время. Если человеку удалось выжить, то только потому, что он жил в обществе себе подобных, в которых этот порядок, необходимый для существования общества, имел место. Этим порядком строго указывалась линия поведения каждого члена общества: как он должен вести себя, что делать, как поступать в том или другом случае и т. д.

И действительно, история первобытной культуры свидетельствует нам, что в каждом человеческом обществе такой порядок дан. В каждом примитивном соединении людей, ведущих совместную жизнь, все взаимоотношения его членов строго определены и совершаются по известным шаблонам поведения. Эти шаблоны поведения опутывают всю жизнь первобытного человека во всех ее проявлениях. Соблюдаемые в течение ряда поколений, они путем традиции передаются от отцов детям и в конце концов превращаются в обычай как в юридическое правило поведения.

Бессознательное возникновение порядка в древних обществах. Не нужно думать, что этот порядок в первобытных обществах возник сознательно, что люди его установили преднамеренно, руководствуясь теми или иными соображениями пользы и целесообразности. Дело обстоит иначе. Порядок первобытных обществ и шаблоны поведения, соблюдаемые первобытным человеком, возникли бессознательно в процессе борьбы за существование и по природе своей напоминают инстинкты. Что это так, подтверждается и изучением обществ животных. Общественную жизнь ведет не только человек, но и ряд животных (пчелы, муравьи, ряд позвоночных). Порядок и единообразные шаблоны поведения мы находим и в животных обществах. Здесь уже никак нельзя говорить о сознательном происхождении порядка. Нельзя потому, что самого сознания или разума в форме целеполагания и целевой деятельности у низших животных нет. Общественный порядок животных соединений имеет чисто биологическое происхождение. Он возник в процессе борьбы за существование и вылился в форму *инстинктивных шаблонов поведения.*

Нечто подобное представляли собой и шаблоны поведения, и порядок первобытных обществ. То и другое нельзя еще назвать правовыми нормами в строгом смысле слова, как нельзя назвать правовыми нормами инстинктивные шаблоны поведения пчелы, муравья или другого общественного животного.

Эти инстинктивные шаблоны поведения опутывали жизнь первобытного человека во всех ее проявлениях. Люди соблюдали их не в силу сознания долга или тех или иных целей, а соблюдали в силу того же, в силу чего муравьями и пчелами соблюдаются шаблоны поведения муравьев и пчел, т. е. в силу *повторения инстинкта и подражания*.

Складывались они медленно и постепенно, подобно тому, как складываются инстинкты. Нужно было множество повторений для того, чтобы тот или иной акт стал *привычным шаблоном*. Нужно было, чтобы сочлены общества *подражали* ему и так же повторяли его, чтобы он стал общим для всей группы шаблоном поведения – бессознательной общеобязательной нормой.

Осознание шаблонов поведения. С течением времени, однако, пробуждается и растет сознание человека; его духовная жизнь усложняется; его опыт растет; ряд его актов начинает сопровождаться сознанием. Осознаются мало-помалу и шаблоны поведения. Будучи до этого бессознательными и полуинстинктивными, постепенно они начинают рассматриваться как нечто «должное», «священное», «обязательное». Нарушение их вызывает особое состояние правового возмущения и начинает рассматриваться как «грех», как «преступление». С течением времени на этой почве возникают особая правовая психика и множество идеологических наростов. Нормы поведения начинают рассматриваться как нечто священное, считаются голосом Бога или совести, приобретают таинственный характер и т. д.

Этот-то момент осознания бессознательных шаблонов поведения и превращения их в правовое убеждение, сопровождаемое распределением прав и обязанностей, и должен считаться за момент возникновения права.

Само собой разумеется, такой момент произошел не сразу. Осознание росло постепенно. Правовая психика развивалась лишь исподволь, постепенно приобретая все более и более определенные правовые черты. В первое время вообще не было резкого различия между правовыми, религиозными, нравственными и другими правилами поведения. Всякое обязательное правило поведения было одновременно и религиозным, и правовым, и нравственным предписанием. Различие и отделение их друг от друга – явление позднейшее.

Мы не можем сказать, когда совершилось это *превращение бессознательных шаблонов поведения в обязательные правовые нормы*. Фактически известные науке первобытные народы все уже обладают правовым сознанием и правовыми нормами поведения. Шаблоны поведения, обязательные для всех членов

группы, всюду здесь рассматриваются уже как нечто «священное», «должное», заповеданное предками и божеством, нарушение чего является «грехом», «преступлением» и влечет за собой кару. Всюду здесь мы уже находим целую систему предписаний, определяющих *дозволенные и недозволенные поступки*. Эта система закреплена не в писаном своде законов, а в обычаях «данного» общества, т. е. в сознании и в памяти его членов. Как выше было указано, обычай является основным источником права в древних обществах.

Рост роли сознания в установлении и изменении законов. Раз возникнув, право каждого общества в дальнейшем эволюционирует. *Сознание, вначале принимавшее малое участие в сознании правовых норм, в дальнейшем начинает играть большую роль*. Постепенно вырабатываются в обществе специальные органы, изучающие законы. Таковыми были жрецы, вожди общества, общее собрание членов группы, глава государства, парламент. В настоящее время всякий вновь издаваемый закон является результатом большой работы сознания и разума. *Место древнего бессознательного творчества правовых норм занимает сознательная выработка их, ставящая определенные цели и стремящаяся указать лучшие пути для достижения этих целей*.

Появление писаных законов. Место неписаных законов занимают законы *писаные*, в виде свода законов.

Последние появились не сразу и не без борьбы. В первобытных обществах, где жизнь чрезвычайно однообразна и проста, обычай мог достаточно определенно и точно указать, какие поступки дозволены, какие не дозволены. Но по мере того, как общественная жизнь усложнялась, по мере того, как она изменялась, обычай стал недостаточен для этой цели. Многого он не предвидел, многие новые вопросы не решал, на многие правовые споры не давал ответа. Судьи, решавшие такие споры, часто решали их по произволу. Появились злоупотребления на этой почве. Эти злоупотребления и явно несправедливые решения нельзя было обжаловать, ибо не было писаного закона, на основании которого можно было бы доказать явную незаконность судебного решения. Пользуясь таким положением, многие сильные люди и группы стали притеснять другие классы и других лиц, возводя силу на место права. В итоге таких условий возникла сильная потребность в точных писаных законах. Вспыхнули широкие народные движения с требованием издания и опубликования писаных законов, дающих возможность точно знать, какие поступки дозволены и какие не дозволены. Такие движения были в Риме, в Греции и у ряда других народов.

Результатом таких движений явилось издание первых писаных законов, закреплявших правовые обычаи данного народа... Такими у римлян были «Законы XII таблиц», в Афинах – законы, изданные Солоном, в Спарте – Ликургом. Та-

кими же были различные «Правды» у варварских народов, образцом коих может служить наша «Русская Правда».

Эти первые писанные законы определяли главные обязательные правила поведения и были первичными образцами кодексов и свода законов современных государств.

Возникновение права и борьба за право. В предыдущем мы не касались вопроса, мирно, без борьбы или с громадной борьбой установились и устанавливаются обязательные нормы официального права. Правильным будет последнее положение.

Шаблоны поведения появились не сразу, а кристаллизовались в течение десятилетий в процессе непрерывной борьбы. Человек появился из мира животных и обладал животными свойствами. Для защиты своей жизни он должен был бороться с другими. Каждое нападение на себе подобного вызывало отпор с его стороны. За убийство, за увечье, за грабеж обиженный и его близкие отвечали мстью, т. е. убийством, грабежом, увечьем и т. д. Борьба за существование была неизбежностью и царствовала среди первобытных людей. Кровавая месть была нормой, и часто во взаимной мести погибали целые роды и группы людей. *Только после долгого периода взаимной борьбы мало-помалу устанавливались общие правила, частью принятые с общего согласия, частью принудительно навязанные победителем побежденному.* Эти-то шаблоны поведения и были первыми правовыми нормами. Их совокупность образовала общественный порядок. Говоря образно, нужны были бесчисленные убийства, чтобы люди усвоили правило: «не убий», нужна была безмерная жестокость, чтобы появился зародыш сострадания и правового единства, нужна была жестокая борьба, чтобы в обществе установился мир в виде общественного обязательного для всех порядка. Говоря коротко, право зародилось и сложилось в процессе борьбы, и до сих пор борьба эта за право не умерла. «Цель права – мир, путь к нему – борьба».

§ 3. Какие поступки считались обязательными и дозволенными, какие недозволенными и почему?

Спросим себя теперь, *какие же из поступков правовые нормы первобытных обществ считали дозволенными и какие недозволенными и почему установилось такое деление поступков?*

В общем и целом *дозволенными и обязательными были поступки, содействовавшие существованию и процветанию группы или общества, т. е. полезные группе, недозволенными – те, которые были вредны группе.*

Такой ответ диктуется как общими соображениями, так и изучением права первобытных обществ. Для того чтобы общество могло существовать, оно должно было быть сильным. А сильным оно могло быть только тогда, когда его члены не вредили бы друг другу, не теряли бы сил во взаимной борьбе и не вредили бы своим поведением интересам всего общества. Отсюда следует, что правовые нормы должны были предписывать своим членам поведение, полезное для группы, и запрещать поведение, наносящее вред последней.

Первым подтверждением последнего служит факт так называемой *двойственности первобытного права*. Суть его заключается в том, что право здесь запрещало убийство, насилие, кражу и другие преступления *по адресу членов своей группы* и позволяло или даже рекомендовало такие поступки по адресу *чужеродцев, т. е. членов чужих групп*.

Так, у ряда народов убийство члена своей группы влекло за собой или смертную казнь виновного, или удаление его из группы и поставление его «вне закона», что по тем временам равносильно было косвенному обречению на смерть. Убийство же чужеродца, напротив, не влекло за собой никакой кары; больше того, оно сплошь и рядом считалось делом похвальным.

То же различие проводится, напр., по отношению к воровству. Кража у члена своей группы или совершенная в пределах поселения своего общества влечет обычно суровые наказания. Кража у чужеродца или вне пределов поселения своей группы не считается ни запрещенной, ни позорной.

Подобное наблюдается и в отношении других преступлений. Так, похищение, умычка и посягательство на честь женщин и девушек-чужеродок вполне дозволено. Зато караются смертью подобные преступления по адресу женщин и девушек своего рода.

Эти факты, как и сотни других подобных, вполне подтверждают выставленное положение. Убийство члена своей группы, кража, насилие и другие преступления по адресу своеродцев ослабляют силу группы, вредят ей и делают ее менее способной успешно сопротивляться внешним врагам. Потому-то они и запрещены. Потому-то такие акты признаны преступными и сурово наказываются.

Иной результат дает убийство чужеродца, кража у других племен, похищение женщин и другие преступления по адресу «чужаков». Такие поступки не вредят своей группе, напротив, они часто полезны ей: убивая чужеродца, уменьшают количество врагов своей группы; похищая женщин-чужеродок, увеличивают число матерей для увеличения населения группы и т. д. Такие поступки не вредят своей группе, поэтому они считаются или дозволенными, или похвальными.

То же подтверждается и другими фактами. Например, убийство слабых детей и стариков мы считаем преступлением. Иначе обстояло дело в первобытных обществах. При недостатке питания, при постоянных передвижениях сла-

бые дети и дряхлые старики были грузом для общества. Они не приносили ему никакой пользы, а, напротив, как лишние едоки вредили ему и тормозили его активность. Немудрено поэтому, что во многих первобытных группах убийство стариков и слабых детей считалось делом вполне дозволенным и даже обязательным. Прелюбодейние с чужим человеком считалось обычно тягчайшим преступлением и влекло за собой суровую смерть прелюбодейки-жены и прелюбодей. Эта суровость объясняется тем, что прелюбодейние вело к смешению крови, а смешение крови, по верованиям того времени, вызывало гнев богов и предков – гнев, следствием коего было бедствие всей группы.

Но совсем иное мы видим в том случае, когда прелюбодейние совершается с определенной целью – с целью продолжения потомства. У бездетного мужа, согласно праву многих народов, жена может вступить в половое общение с другим с целью произвести потомство. В этом случае не могут иметь места ни ревность, ни месть: деяние считается вполне дозволенным. У ряда народов на этой почве создался целый обычай, известный под названием левирата, согласно которому жене бездетного мужа допускается половая связь с деверем.

Не приводя других фактов, на основании сказанного приходится заключить, что идея долга, различие дозволенного и запрещенного подсказана была первобытным общественным группам заботой о самосохранении. Порядок и правовые нормы их предписывали поведение, полезное для группы, и запрещали поведение, вредное для последней. Такие обычаи, как сказано выше, создались впервые бессознательно, путем естественного отбора и бессознательно-целесообразного приспособления к условиям жизни, продолжавшегося десятилетиями. С течением времени, по мере роста сознания, разум человека начинает принимать все большее и большее участие в установлении и изменении норм поведения. В настоящее время, когда правовые нормы устанавливаются сознательно, специальными органами государства – законодательными органами, роль разума и сознания весьма значительна. Однако и теперь еще трудно считать законы «голосом одного разума». И теперь еще в их издании и установлении слишком большое значение имеют страсти, чувства и плохо понятые интересы. Вот почему многие из современных законов часто являются неудачными и служат не голосом разума, а голосом неразумения.

Указанная теорема о дозволенности полезных для группы поступков и запрещенности поступков, вредных группе, имеет значение и для последующих времен правового развития. В общем и целом вплоть до настоящего времени правомерными считаются те поступки, которые социально полезны и необходимы для сохранения и развития рода, племени, нации и государства; противоправными или преступными – те, которые вредят и ослабляют род, племя и государство.

Необходимые ограничения общего правила. В предыдущем был указан общий принцип, дающий ответ на вопрос, какие поступки правовые нормы считали дозволенными или обязательными и какие – запрещенными, недозволенными.

Было бы, однако, не совсем правильным, если бы мы стали понимать это общее правило в смысле абсолютном. В общем и целом поведение, требуемое правовой нормой, полезно для общества; поведение, запрещаемое ею, вредно для группы. Но это правило допускает, во-первых, ряд исключений, во-вторых, для своей истинности требует более точной формулировки.

Исключения из него сводятся к тому, что *в числе обязательных поступков, требуемых правом, немало было таких, которые едва ли приносили какую-либо пользу обществу, и обратно: в числе запрещенных поступков было немало таких, которые едва ли причиняли какой бы то ни было вред обществу или группе.*

Так, почти у всех первобытных народов право требовало принесения обильных жертв богам, душам предков и умерших. Во славу их убивались иногда десятки и сотни людей. Неисполнение этих требований считалось одним из величайших преступлений. Между тем теперь мы знаем, что польза от таких жертв едва ли могла быть. Они были простой тратой жизней и богатств, вызванной ошибочными верованиями.

Точно так же трудно считать вредными такие поступки, как переход одного человека по тени другого человека. Между тем за такой поступок у целого ряда народов угрожало суровое наказание. Сомнительно также, чтобы обществу грозил какой-либо вред от того, что член привилегированной касты браминов купит на рынке молоко. И, однако, за такой поступок право кастовой Индии наказывало брамина извержением из касты, наказанием, близким к поставлению вне закона. В Персии закон не считал преступным половую жизнь сына с матерью, тогда как общение с иноверкой признавалось тягчайшим преступлением. Сомнительно, чтобы первое было полезно, а второе вредно для общества. В Моисеевом законе считалось преступным поедание свинины. Вредно ли это действительно, – знает каждый.

Эти примеры можно увеличить большим числом подобных фактов. И в современном праве можно найти немало таких же бесцельных и, скорее, социально вредных норм.

Вывод из сказанного тот, что *указанное выше правило должно считаться правилом с большими исключениями.* Такой факт понятен сам собой. Люди не боги. И теперь еще они далеки от вполне разумных существ. И теперь еще нередко парламентом и другими законодательными органами проводятся и издаются законы, которые вместо пользы дают один общественный вред. Что же сказать о прошлых временах, когда люди были бесконечно невежественнее, когда они еще меньше могли предугадать, какие результаты даст тот или иной закон, когда

ум их был заполнен сотнями предрассудков, суеверий и ошибочных верований? При таких условиях понятны и неизбежны подобные «ошибки», составляющие исключение из общего правила.

Не совсем правильно было бы далее говорить, что поведение, требуемое правовой нормой, *всегда* полезно для *всей* этой группы. Есть ряд норм, которые требуют поведения, полезного для всей группы, и запрещают поступки, вредные для всего общества. Но рядом с этим *едва ли не бóльшая часть поступков, предписывавшихся правом в качестве обязательных, была полезна не столько всему обществу, сколько определенной его части, привилегированной*. Такой частью в древних первобытных обществах были старшие по возрасту, жрец и вожак-предводитель. В кастовом обществе, т. е. в обществе, распадавшемся на ряд каст, друг от друга различавшихся по правам и обязанностям, где переход из одной касты в другую был невозможен, где сын, внук, правнук и следующие поколения «носильщиков» воды из источника А должны были вечно оставаться в этой касте и носить воду из источника А, – в таком обществе привилегированной частью были высшие касты, напр., каста браминов-жрецов в древнеиндусском обществе.

В сословном обществе, распадавшемся на сословия дворян, горожан, крестьян и т. д., такой частью были господствующие благородные сословия. В классовом обществе эта участь выпадает на долю экономически сильного класса, каковым был и остается пока класс капиталистов. Так, в первобытных обществах право предоставляло старшим над детьми, мужчинам над женщинами власть жизни и смерти. Такое право, несомненно, было полезно для первых, но едва ли оно полезно было для детей и женщин. Поэтому правильнее говорить, что правовые нормы часто считали обязательным поведение, полезное *для наиболее сильной, господствующей части общества, а не для всего общества*.

В кастовом обществе большинство норм, предоставлявших громадные преимущества высшим кастам (касте жрецов-браминов и кшатриев-воинов), были полезны этой части общества, но не касте вайшьев и шудр^{16*}, сведенных правом на положение бесправных рабов. Незначительная ругань шудры, направленная по адресу брамина, влекла за собой смертную казнь, тогда как брамин почти безнаказанно мог убить шудру. Здесь право охраняет не интересы всего общества, а только интересы господствующей его части.

То же следует сказать и о рабовладельческом обществе. Право такого общества, предоставляя огромные полномочия рабовладельцу и сводя раба на положение бесправного пса, было полезно не столько всему обществу, бóльшую часть которого составляли рабы, сколько его рабовладельческой части. Норма права, предоставлявшая римским кредиторам право рассечь на части неисправного должника, несомненно, была полезна кредиторам, но едва ли она была полезна должникам.

То же следует сказать и о праве крепостного государства, и о значительной части правовых норм современных государств.

Вывод из сказанного тот, что *значительная часть дозволенных и обязательных поступков, требовавшихся правовой нормой, была полезна не столько всему обществу, сколько его господствующей части, и обратно: значительная часть запрещенных поступков была вредна не столько всему обществу, сколько его господствующей части.*

Как устанавливается, поддерживается и изменяется официальное право группы? Полученный вывод вызывает новые вопросы: в силу чего соблюдается официальное право группы? Каким образом мог установиться и устанавливается общий правовой порядок в группе? Если само собой понятно, почему кредитор, брамин или рабовладелец поддерживают и соблюдают выгодные для них правовые нормы, то совершенно непонятно, почему такие нормы соблюдаются и признаются теми, кого они делают бесправными и отдают в полную власть привилегированных групп общества: почему эти нормы соблюдаются рабами, низшими кастами, крепостными и вообще обездоленными частями общества?

Значение принуждения и признания. Ответ может быть один из двух: 1) или потому, что эти *обделенные в правах части общества признают справедливым такое право, т. е. приписывают привилегированным все их исключительные права вплоть до права жизни и смерти над ними, а себе – обязанности подчиняться приказам «господ»;* 2) или же потому, что *они принуждаются силой к соблюдению невыгодных для них правовых норм.*

Истина лежит посередине. *Официальное право и порядок каждого общества или государства сохраняются благодаря обоим этим условиям: признанию и принуждению.* Если бы это официальное право и этот порядок сохранялись только благодаря признанию, то это означало бы, что правовые убеждения всех членов общества или государства совершенно одинаковы. Это делало бы далее совершенно излишним какое бы то ни было принуждение и насилие для поддержки и защиты права. Ни то, ни другое предположение не верно. И в прошлом, и теперь мы видели и видим, что *правовые убеждения членов одного и того же общества или государства далеко не одинаковы.* То, что считает справедливым капиталист, сплошь и рядом оценивается рабочим как вопиющая несправедливость. Правовая норма, одобряемая реакционером, порицается революционером. Правовые нормы, защищающие интересы землевладельца-помещика, часто противоречат правовым убеждениям безземельного крестьянина, арендующего у первого землю. Так обстоит дело теперь. Так же в значительной степени оно обстояло и в прошлом. Трудно думать, чтобы раб или должник считал спра-

ведливую правовую норму, обрекавшую его на расчленение в случае неисправности. Трудно допускать, чтобы все рабы признавали справедливыми все правовые нормы, отдававшие их в неограниченное распоряжение рабовладельцев. Конфликт и противоположность правовых убеждений были и здесь. Правовая норма, казавшаяся справедливой для одной части общества, была «возмутительным бесправием» с точки зрения другой части...

Предположение, что все члены данного общества или государства имеют одинаковые правовые убеждения, выражаемые в официальных законах государства, не верно и потому, что тогда для защиты права не нужно было бы никаких принудительных правоохранительных средств: если бы все члены общества имели одинаковые правовые убеждения, они без всякого принуждения стали бы исполнять их. Между тем *ни в прошлом, ни в настоящем мы не знаем ни одного общества или государства, в котором официальное право не защищалось бы принудительными мерами, где право не связано было бы с насильственными мерами, принуждающими непокорных соблюдать его*. Наказания: смертная казнь, изувечение, тюрьма, лишение чести, денежная пеня, возмещение вреда, принудительное исполнение и т. п. меры – в той или иной форме были всегда. При помощи их и в прошлом, и теперь непокорные бунтари принуждаются к соблюдению установленного официальным правом общественного или государственного порядка.

Профессионал-вор ворует не только потому, что он голодом вынужден воровать, но часто потому, что искренне признает за собой право воровать, считая «собственность кражей»^{17*}. Многие из убийц также признают за собой право на убийство. Человек, считающий существующее официальное право несправедливым, признает «своим священным долгом» право на революцию и низвержение существующего государственного порядка. А все это обозначает, что правовые убеждения членов одного и того же общества далеко не одинаковы, что они часто противоречат официальным законам группы или государства. *Этим и объясняется необходимость поддерживать официальный порядок группы принудительными мерами*. Непокорных, нарушающих официальное право, принудительно заставляют соблюдать его. Вот почему *нельзя говорить, что существующий в каждом обществе (государстве) установленный официальным правом порядок сохраняется и соблюдается только благодаря тождественности правовых убеждений всех членов с нормами официального права*, т. е. соблюдается только благодаря признанию. Но значит ли это, что официальное право группы поддерживается и сохраняется исключительно принуждению? Значит ли это, как многие думают, что официальный порядок существует только потому, что небольшая кучка правителей и привилегированных насильственно заставляяет подчиняться этому порядку всех остальных членов общества? Такой вывод был бы ошибочным. Чтобы принуждать, нужно иметь силу. Если громад-

ное большинство общества признает этот порядок несправедливым, кучке правителей и привилегированных неоткуда взять силу для принуждения всего общества. Итогом такого положения дел было бы не что иное, как восстание всего общества против официального порядка группы и против той кучки, которая поддерживает его. Так обычно и бывает. В подобных случаях наступает революция, которая сносит весь этот порядок, уничтожает официальное право и его защитников и заменяет его новым. Всякая революция есть внешний символ того, что существующее право перестало удовлетворять правовым убеждениям общества, в силу чего общество восстает против него и разрушает его. Отсюда следует, что *в остальные периоды, когда нет революции, когда официальный порядок и право существуют, они соблюдаются не только в силу принуждения, но и в силу признания его если не всем обществом, то, по крайней мере, его наиболее сильной частью*. Без признания ни одно право не может существовать и никакой порядок немислим. Любое официальное право тем жизнеспособнее и действеннее, чем бóльшим числом членов общества оно признается справедливым и совпадает с их правовыми убеждениями; и обратно: чем большее расхождение между ним и правовыми убеждениями общества, тем оно менее прочно, тем бессильнее, тем скорее будет низвергнуто революцией. Следовательно, *официальное право и порядок любого общества или государства существуют и сохраняются: 1) в силу того, что они совпадают с правовыми убеждениями большей или сильнейшей части общества (добровольное подчинение праву) и 2) в силу принуждения, посредством которого остальная часть общества насильственно заставляется соблюдать и подчиняться этому порядку*.

Если существовало рабство, то оно существовало не только в силу одного насилия, но и в силу того, что правовые убеждения большей или сильнейшей части общества считали этот институт нормальным явлением. Как только эти правовые убеждения изменились, рабство пало. То же следует сказать и о всяком правовом строе. С этой точки зрения правильно положение, что всякий народ имеет то право, какого он или сильнейшая его часть заслуживают. Крепостное право жило до тех пор, пока население, крепостные признавали его справедливым, приписывали себе обязанность работать на помещика, а ему – право владеть ими. Изменились эти убеждения – и начались восстания крестьян. Они росли и в итоге привели к падению крепостничества.

Из сказанного легко понять, что *всякое право для своего существования требует тем больше принудительных мер, чем менее оно соответствует правовым убеждениям общества и обратно*.

Сказанное проливает некоторый свет и на *механизм установления официального права в древних обществах*.

На почве бессознательных шаблонов поведения и в силу общественной жизни между членами первобытных обществ должна была создаваться общность

правовых убеждений. Выражением их явились обязательные нормы официального права. Эти нормы действовали в силу того, что они «признавались». Этому признанию способствовал еще ряд внешних условий: вера в то, что они даны божеством; вера в то, что нарушение их повлечет за собой кару Божию и кару для всего общества, а не только для преступника; восприятие их как чего-то священного, таинственно-ненарушимого и т. д.

Благодаря этим условиям правовые нормы пользовались признанием, и указываемое ими поведение не за страх, а за совесть выполнялось. Но рядом с такой частью в обществе были или появлялись лица и группы с иными правовыми воззрениями.

Племя, покоренное другим племенем, не могло иметь те же убеждения, что и победители. Если победители признавали за собой право обратить в рабство или убить пленников, то маловероятно, чтобы последние считали своей «священной обязанностью» подставлять спину под удары господина или жариться на костре для утоления голода победителей. Право тех и других было различно. Так же обстояло дело и в других областях жизни. Результатом такого различия правовых убеждений должно было быть одно из двух: *или открытая борьба между лицами и группами, обладающими различными правовыми убеждениями, или принудительное подчинение одной части группы другой*. То и другое мы видим в истории права. Борьба в виде взаимных войн одного рода с другим ввиду взаимной мести одних лиц другим наполняет всю жизнь первобытных людей и обществ. Временами она кончается взаимным уничтожением воюющих, временами – *покорением одних другими. Победители принудительно навязывают побежденным свое право и насильственно заставляют соблюдать его*. Таким путем получается замиренное общество, имеющее определенные официальные законы и определенный обязательный строй. Таким образом устанавливаются в каждом обществе обязательный для всех его членов порядок и официальное право данной группы или общества. Это право существует и действует в силу *совпадения его с правовыми убеждениями* большинства или сильнейшей части общества и в силу *принудительного подчинения* несогласных лиц нормам этого права. Так же обстоит дело и теперь. В любом из современных государств существующее право государства покоится, с одной стороны, на признании его частью граждан государства, а с другой – на том, что лиц, имеющих иные правовые убеждения, заставляют путем наказания, устрашения, прямого принуждения и других санкций принудительно исполнять и соблюдать официальные нормы права и законный порядок. Пока правовые убеждения большинства или сильнейшей части общества остаются прежними, установленный порядок и официальное право продолжают существовать. Но правовые убеждения изменчивы. Под спокойной формой правового мира непрерывно идет работа правовой мысли и борьба несогласных с существующим порядком против него. Народные массы

осознают свои права и, осознав, начинают бороться за их осуществление. Рано или поздно наступает момент, когда существующее официальное право оказывается отставшим и расходящимся с новыми правовыми убеждениями общества. Тогда наступает его мирная или насильственная смерть, на его место приходит новое право. Ниже мы увидим, что правовой прогресс человечества в этом отношении стремится к такому состоянию, при котором: 1) *официальное право общества не расходилось бы с правовыми убеждениями всех членов общества;* 2) *основой действенности и соблюдения права было бы не принуждение, а чистое признание, добровольное подчинение праву, диктуемое его справедливостью и целесообразностью содержания правовых норм.*

Глава VII. Социальные функции права. Закон, суд и власть как проявление этих функций

§ 1. Основные социальные функции права

Право возникло благодаря общественной жизни людей. Из этого следует, что судьбы права неразрывно связаны с судьбами общества. Первое одновременно является и продуктом общества, выражением установившегося в обществе обязательного порядка, и средством установления последнего. Оно определяет и указывает каждому члену общества то поведение, которому он должен следовать, и то поведение, которого он должен избегать. Встает вопрос: *каким же образом право способствует установлению этого порядка?* Иными словами: *каковы общественные функции права?*

Ответ на эти вопросы гласит: право способствует установлению общественного (официального) обязательного для всех порядка тем, во-первых, что оно *точно распределяет права и обязанности между членами общества, указывая, кто и на что имеет право и что обязан делать*, во-вторых, тем, что оно *организует общество, создавая власть этого общества как живого представителя последнего, как его руководителя и как блюстителя установленного порядка*. Этими путями право создает общественный порядок и нестройную массу сожителствующих индивидов превращает в стройное общество, представляющее нечто единое, цельное, самостоятельное.

§ 2. Распределительная роль права

Если бы право не распределяло права и обязанности между членами общества, если бы оно не указывало «каждому свое», то едва ли бы какой-нибудь порядок мог установиться в обществе. Индивиды постоянно должны были бы сталкиваться друг с другом, полная неразбериха и неопределенность должны были бы царствовать в их взаимоотношениях. Ибо в этом случае никто бы не знал, что дозволено ему и что запрещено, на что он имеет право и что обязан делать, какие поступки может совершать и каких должен избегать.

Говоря образно, общество людей в этом случае было бы похоже на множество ошалевших мух, бессмысленно и нелепо летающих, сталкивающихся друг с другом, лишенных в своих взаимоотношениях всякого порядка и всякой системы. Каждый член такого общества напоминал бы заблудившегося в лесу путешественника, не знающего, куда ему идти, как идти и что делать.

Право делает такой «беспорядок» невозможным. Точно указывая каждому его права и обязанности, оно сразу вносит полную ясность во взаимоотношения членов общества. «То-то ты можешь делать, то-то обязан, то-то не должен делать», – говорит оно и этим путем упорядочивает взаимные отношения людей.

Такая роль права существенно содействует установлению общественного порядка. Она содействует ему в особенности потому, что *распределение прав и обязанностей есть в то же время и распределение общественных благ и общественных тягот или повинностей*. Право на что-либо обычно обозначает право на то или иное социальное благо. Право собственности означает право на владение, пользование и распоряжение множеством вещей, движимых и недвижимых, представляющих определенную ценность и предоставляющих собственнику множество жизненных удобств или социальных благ: пищу, одежду, жилище, предметы комфорта и роскоши и т. д. Право крепостника на крепостных означало предоставление первому бесплатной рабочей силы, право господства над вторым и т. д. Без распределительной роли права не было бы возможным провести границу между «моим» и «твоим» в пользовании социальными благами. Иначе шла бы бесконечная борьба. Каждый старался бы захватить наибольшее количество социальных благ, материальных и духовных. В итоге общественная жизнь превратилась бы в вечную анархию.

То же следует сказать и о распределении обязанностей. Если предоставление права нормально обозначает наделение субъекта права социальным благом, то наделение кого-либо обязанностью нормально означает *наделение его той или иной общественной повинностью или тяготой*. Без распределительной функции права члены общества не знали бы своих обязанностей, стали бы все уклоняться от их исполнения, и в особенности от исполнения тяжких обязанностей, напр., обязанности быть рабом, обязанности рисковать жизнью для спасения родины от врага, обязанности платить подати и т. д. При таких условиях общественная жизнь была бы невозможна и никакой порядок немислим. Право, распределяя полномочия и повинности, кладет конец такому беспорядку.

Такова вкратце распределительная роль права. Оно, следовательно, точно распределяет порядок взаимоотношений между членами общества, должное и запрещенное поведение, социальные блага и повинности. Этим самым право закладывает фундамент общественного порядка.

Таковую роль может выполнять именно только право, а не нравственность. Последняя указывает только желательное, рекомендуемое и добровольное пове-

дение. Точных границ она не дает. Не устанавливает, где кончаются правомочия индивида и где начинаются его обязанности, что он может требовать и чего не может делать. Право же, наоборот, точно устанавливает эти границы.

Закон как проявление распределительной роли права. Из этой распределительной роли права неизбежно должны возникнуть основные институты общественно-правовой жизни: во-первых, *закон с его характерными чертами и законодательная власть*; во-вторых, *суд и судебная организация общества*.

Раз право распределяет правомочия и обязанности (социальные блага и тяготы) между членами общества, то, чтобы члены знали точно свои права и обязанности, должны быть ясные, вполне определенные, обязательные для всех правила, которые показывали бы всем круг действий, на которые они правомочны и которые обязаны делать.

Эта цель и достигается официальным законом. Закон, как мы видели, является такой нормой, распределяющей права и обязанности.

Отсюда же вытекают и характерные черты самой правовой нормы – закона:

а) Чтобы не было неясности в распределении прав и обязанностей, закон должен быть *точным, не допускающим двусмысленного толкования*. Для этого он должен быть написан, опубликован и иметь вполне ясное содержание. Такую цель закон ставил себе всегда. Эта точность способствовала и способствует лучшему осуществлению распределительной роли права.

б) Далее, в силу той же роли правом должно быть точно указано, *кто имеет право издавать законы* как обязательные для всех правила поведения. Если бы каждый член общества присвоил себе право законодательства, то, очевидно, получилось бы в обществе множество различных законов, противоположных и несогласных между собою. Такой порядок вел бы к анархии и в корне противоречил бы распределительной роли права. Вот почему право каждого общества прямо или косвенно с первых же пор определяло, *кто может издавать законы, т. е. привело к созданию законодательных органов государства*.

в) Той же распределительной ролью права требуется, чтобы норма права – закон – была не только точна по содержанию, но и доказуема, чтобы при ее толковании не возникало разногласий. Вот почему всякая правовая норма, устанавливая права и обязанности, стремится это делать так, чтобы она могла быть контролируемой. Для этой цели она берет в качестве признаков, с которыми связаны права и обязанности, всегда *внешние «твердые» признаки*, которые не допускали бы различных толкований. Напр., правовая норма устанавливает, что невменяемые дети не ответственны за преступления. При каждом преступлении, совершенном малолетним, вставал бы вопрос, вменяем или невменяем данный ребенок. Так как точных признаков невменяемости нет, то в каждом данном случае вставали бы разногласия: одни стали бы говорить, что ребенок вменя-

ем и потому подлежит наказанию, другие стали бы говорить обратное. Чтобы предотвратить эти споры, закон поступает иначе: он устанавливает, что все дети *до 10 лет* невменяемы, а потому неотвественны за преступления. Таким образом, закон дает свой «твердый» и легко доступный проверке признак невменяемости.

То же делают и другие нормы права. Чтобы предотвратить споры о том, имеет ли данное лицо право собственности на недвижимость, закон устанавливает особый порядок приобретения недвижимости – в виде нотариальной купчей записи в нотариальных книгах и обряда ввода во владение. При таких условиях лицо, предъявляющее соответствующий нотариальный акт, является бесспорным собственником.

Как эти, так и другие, твердые и легко контролируемые способы определения правомочий и обязанностей вызваны к жизни распределительной ролью права.

Суд как проявление распределительной роли права. Из той же распределительной роли права возник, наконец, и суд как авторитетный орган для решения правовых споров. Как бы ни ясна была правовая норма, однако предотвратить все правовые споры она не в состоянии. Последние могут возникнуть и на почве спорности ряда фактических отношений, напр., межи, разделяющей два владения, совершения или несовершения данным лицом преступления и т. д. Если бы решение всех этих правовых столкновений предоставлено было самим заинтересованным сторонам, то из этого едва ли бы получилось беспристрастное решение и едва ли обе стороны столковались бы между собой. Распределительная роль права и здесь должна была вызвать к жизни определенный институт, предназначенный для решения правовых конфликтов, институт, который в каждом спорном случае авторитетно и властно говорил бы, кому из спорящих и какое право принадлежит и кто из них к чему обязан.

Такой институт и возник в *форме суда и судебной организации*. Его задача – авторитетное решение правовых споров, требуемое распределительной ролью права.

Таковы в основных чертах распределительная роль права, основные институты, появившиеся на почве этой роли, и тот способ, которым право способствует возникновению и укреплению общественного порядка.

§ 3. Организационная роль права

Второй основной функцией права является его *организационная функция*. Если бы роль права состояла только в распределении прав и обязанностей (со-

циальных благ и тягот), то это не было бы еще гарантией возможности порядка в данном обществе. Объем и содержание прав и обязанностей может быть точно распределен в обществе, но если никто их не будет исполнять, то, очевидно, такое распределение бессильно установить порядок. Чтобы последний был возможен, право должно не только распределить правомочия и обязанности, но еще позаботиться о том, чтобы это распределение осуществлялось, т. е. чтобы члены общества соблюдали правовые нормы, пользовались бы своими полномочиями и исполняли бы свои обязанности. Если бы люди были ангелами, то, быть может, такое добровольное подчинение праву имело бы место. Но мы видели выше, что во всяком обществе правовые нормы нарушаются, что для подчинения всех праву необходимо принуждение.

Власть и право. Это принуждение может иметь место только тогда, когда в обществе есть власть, заставляющая подчиняться праву. *В создании власти общества или государства и проявляется основная организационная роль права.*

Без власти в той или иной форме мы не знаем ни одного общества. Власть является тем центром, который издает законы, судит, управляет, короче – властвует. Власть охраняет законы, побуждает их исполнять, власть, иными словами, охраняет правовой порядок. Без нее распределение прав и обязанностей могло бы остаться бездейственным. Благодаря ей оно осуществляется в жизни. На помощь распределительной роли права приходит его организационная роль в форме *организации власти* и политического устройства группы.

Власть как проявление организационной роли права. *Что же такое власть и в каком отношении она стоит к праву? Всякая власть – из кого бы она ни состояла – есть прямое порождение права.*

Сущность власти. *Власть представляет правовое явление. Это явление состоит в правовом убеждении, что определенное лицо или группа лиц имеют право на властвование в форме управления, законодательствования и суда, а граждане – управляемые – обязаны подчиняться приказам и актам этих лиц.*

Не будь этого признания на властвование за одними и обязанности повиновения за другими, не могло бы быть никакой власти. Секрет ее, как видим, кроется в добровольном рабстве граждан. В этом состоит сущность всякой власти. Власть родителей означает признание за ними ряда прав властвования над детьми, а за детьми – обязанности слушаться и повиноваться родителям. Власть учителя заключается в признании правомочий за ним по отношению к ученикам, а за последними – обязанности повиновения приказам учителя. То же по существу представляет и власть монарха, и власть парламента. Различны только объем и содержание правомочий и обязанностей тех или иных властей.

Раз в таком наделении правами властвования властных лиц и обязанностью повиновения управляемых граждан состоит сущность власти, то, очевидно, право должно точно и ясно разграничить степень полномочий и объем господства различных властей, существующих в любом обществе. Оно должно было установить *власти подчиненные и господствующие, т. е. учредить иерархическую лестницу органов власти*. В противном случае была бы анархия. Каждый издавал бы приказы по своему вкусу, эти приказы неизбежно друг другу противоречили бы, в итоге была бы борьба, и мирный порядок был бы невыносим.

В своей организационной роли право определяет: 1) *Кто является властью?* 2) *Какие полномочия за этой властью признаются?* 3) *Кто является властью верховной, кто подчиненной?* Короче, оно определяет точно и ясно политическую организацию общества и всю иерархию властей.

Этим самым создается власть общества или государства, и последнее приобретает вполне ясную политическую систему и общественный порядок. Этим же самым создается высшая общественная сила, служащая для охраны правопорядка и принудительно заставляющая ему подчиняться непокорных.

Власть часто называют *силой*. Откуда же она черпает эту силу? В чем секрет силы власти? Ответ следует из сказанного: *сила власти заключается в том, что граждане, подвластные, сами наделяют ее полномочиями, признают за ней право на властвование, а за собой – обязанность повиноваться. Не будь этого признания, всякая власть была бы бессильна*. В этом признании секрет власти. Она будет тем сильнее, чем большим признанием граждан она пользуется. Если же этого признания нет, то и власть будет слабой, бессильной и обреченной на гибель и низвержение. Правда, путем организованного насилия она может держаться некоторое время. Но это время не может длиться долго. Рано или поздно власть такая падет.

Таковы основные общественные функции права. *Своей распределительной ролью право достигает распределения прав и обязанностей, социальных благ и повинностей, указывает общественный порядок и линию должного и запрещенного поведения членов общества. На этой почве вырастают закон с его характерными чертами и суд. Своей организационной ролью право создает власть и иерархию отдельных властей как высшую общественную силу, охраняющую правопорядок и управляющую обществом*.

Отсюда видно, что право неразрывно связано с законом, судом и властью, что последние представляют институты, вызванные правом и олицетворяющие право.

Отсюда же видно, что нельзя право выводить из власти или суда или из распоряжения «властвующих лиц». Отсюда же ясно, что нельзя право выводить и из государства. И суд, и власть, и государство логически предполагают уже данность права, фактически же появление и развитие права сопровождалось одновременно появлением и развитием закона, суда, власти и организованных общественных групп.

Глава VIII. Право и основные формы общественной организации

§ 1. Характеристика главных исторических форм общежития

Фактическая история права, с одной стороны, и история обществ, власти, законодательства и суда, с другой, вполне подтверждают сказанное. Остановимся кратко на схематическом очерке каждого из этих институтов.

История человеческих обществ есть в то же время и история права, ибо право каждого общества является продуктом его и в то же время наглядной схемой, показывающей организацию общества.

Тотемическое общество. Наиболее древним видом общества, известным науке, является *тотемическое общество*. Под *тотемическим обществом* разумеется небольшая группа людей в 40–100 человек (совместно живущих), объединенных единством религиозных верований и считающих себя потомками одного и того же обоготворяемого предка, каковым обычно считается животное или растение. Сообразно с этим предком члены тотема называются «людьми кенгуру», людьми «личинки Уитчети» или «травяного семечка» и т. д.

Средства существования такого общества – охота, рыболовство и собирание дикорастущих семян и корней. Земледелия и пастушества оно не знает. Образ жизни кочевой, а не оседлый. Собственности еще нет. Нет и семьи в современном смысле слова. Место временного моногамического брака здесь занимает т. н. «коммунальный брак», регулируемый рядом правовых норм. Несмотря на всю примитивность такого общества, там мы уже находим в форме обычая вполне определенную систему правовых норм, регулиующую все важнейшие стороны общественной жизни и поведения членов тотема: список дозволенных и недозволенных поступков; нормы, регулирующие верования и празднества, совокупную охоту и потребление; нормы, определяющие права различных возрастных групп тотема; нормы, устанавливающие «конституцию» тотема, органы власти и политическую организацию общества; и, наконец, нормы, регулирующие отправление суда и наказания. Короче, здесь уже дано право в его распределительной и организационной функциях и даны вызванные им к жизни институты власти, суда и законодательства. Согласно распределительной функции права

женщины почти совершенно бесправны по сравнению с мужчинами. Сами мужчины пользуются неодинаковыми правами: максимум прав приходится на долю стариков, несколько меньшими правами обладает взрослое мужское население и еще меньшими – неполновозрастные члены группы.

Органом верховной власти является обычно общее собрание взрослых мужчин – членов тотема, в котором главную роль играют старики. Этот орган власти и законодательствует, и судит, и принимает все важнейшие решения вроде объявления войны или мира другим группам и т. д. В периоды войны и религиозных церемоний особенно важную роль играет вожак или чародей. Постановления этих органов власти считаются законом, т. е. обязательными для тотема нормами.

Кроме этой верховной власти существуют подчиненные властвования: мужчин над женщинами, старших над младшими, вожака над войском и т. д.

При совершении кем-либо из членов тотема недозволенного деяния он *судится* своими сочленами. Итогом суда в случае обвинения является *наказание*, чаще всего в виде *смертной казни*, или же «*поставление виновного вне закона*», т. е. изгнание его из своей среды и лишение его защиты тотема.

Верховным органом суда обычно является общее собрание полноправных членов группы. Обвинителем – пострадавший или его заместитель. Ответчиком – виновный. Суд происходит согласно определенным правилам. Обычным видом доказательства вины или невинности служит ряд приемов, основанных на магических и тотемических верованиях: обстановка преступления, клятва, испытание огнем и водой, поединок, суд Божий и т. д.

Так обстоит дело в случае совершения преступления кем-либо из сочленов группы. Рядом с этим судом существуют, так сказать, частные суды: сын судится и наказывается в порядке дисциплинарном отцом, женщины – мужчинами и т. п.

Все это говорит о том, что судебная организация при внутритотемических правовых столкновениях уже существует. Кровная месть одного сочлена по адресу другого также существует. Но она начинает вымирать и регулироваться обычаем.

Иначе обстоит дело тогда, когда преступление совершено членом другого тотема. В этом случае место суда или дисциплинарного наказания занимает кровная месть. Преступлением чужеродца оскорблялся весь тотем, и потому весь тотем считал своей обязанностью отомстить виновному или той группе, к которой он принадлежал. Вспыхивала между группами война. Она тянулась обычно долго и кончалась в древние времена или взаимным уничтожением обеих групп, или завоеванием и порабощением одной группы другой.

Таким образом, межгруппового суда еще не было. Высшим судьей была война, грубая сила. Но мало-помалу и эти межгрупповые столкновения начинают регулироваться. Место *неограниченной мести* занимает закон *талиона*, требующий мести, равной преступлению: «око за око, зуб за зуб, рука за руку» и т. д. Затем вводится обычай примирения путем испрошения прощения ви-

новным и уплаты «кровных денег» – *композиций*. Спор начинает решаться уже не силой оружия, а судом. Враждующие стороны соглашались выбрать *судей-посредников* и предоставить им решение дела. Вначале это решение не было обязательно. Недовольная сторона часто не подчинялась решению и обращалась к силе оружия. Но с течением времени, по мере объединения и слияния обеих групп и по мере выделения и укрепления власти вождя или князя, судебная власть также росла, и судебные решения стали обязательными.

Такова в кратких чертах правовая организация первобытного тотемического общества. Отсюда мы видим: 1) что право здесь уже дано в его распределительной и организационной ролях; 2) что вместе с ним даны политическая организация общества, определенные органы верховной власти тотема, определенная судебная организация и совокупность правовых норм, регулирующих все важнейшие взаимоотношения членов общества.

Родовое общество. Следующей формой общества, исторически идущей за тотемическим обществом, является *общество родовое*. Под ним разумеется *совокупность индивидов, живущих вместе и объединенных кровной связью – происхождением от общих предков по крови*. Основное отличие данного общества от тотемического общества то, что там объединяющей связью была связь религиозная – общность верований, общность почитания тотемического божества, признаваемого предком, здесь же такой объединяющей связью служит *единство крови*; там «своими» считались все, кто держался тех же верований и имел своим «предком» то же тотемическое божество, здесь своим был лишь свой по крови.

Каким образом произошла замена тотемического общества родовым, здесь не место подробно говорить об этом. В этой замене имели свое значение многие обстоятельства, а прежде всего *размножение населения*. Оно заставило тотемическую группу, живущую охотой и рыболовством, делиться на части и расходиться в разные стороны, чтобы пропитать себя. Это расхождение влекло за собой забвение религиозной общности и вместо нее постепенно выдвинуло кровную связь в качестве объединяющей связи. Немалое значение в этом отношении имел и ряд других условий: изобретение земледелия и скотоводства; изменение самих религиозных верований и психики человека; выделение отдельных наиболее сильных лиц и рост их власти; увеличение богатства этих лиц и возвышение вместе с ними лиц, наиболее близких к ним, и т. д.

Как бы то ни было, но тотемическое общество распалось, и на смену ему пришло родовое общество. В укладе и в организации этого последнего произошли существенные изменения.

Способами добывания средств существования здесь являются не только охота, рыболовство и собирание дикорастущих корней и семян, но и пастушество и земледелие. Одни роды от охотничьего периода перешли прямо к первобыт-

ному земледелию, другие – к скотоводству и пастушеству. В силу этих условий кочевой образ жизни хотя и продолжается, но начинает постепенно вымирать. Рядом с этим начинает постепенно исчезать имущественная общность и начинают появляться первые зачатки собственности. Претерпевают существенные изменения и семейный институт, и институт брака. Пережитки коммунального брака остаются, но и брак, и система родства, и взаимоотношения родителей и детей резко изменяются. Центральной идеей, вызывающей многочисленные изменения, является идея родства по крови.

Как и в тотемическом обществе, здесь имеется свой правовой комплекс в виде обычного права, регулирующий поведение членов рода, распределяющий права и обязанности и организующий основные политические институты рода.

Права мужчин и женщин по-прежнему неодинаковы: женщины бесправны. Более взрослые мужчины, как и раньше, полноправнее молодых. *Верховной властью*, одновременно и законодательной, и судебной, и исполнительной, является общее собрание полноправных мужчин рода. Но рядом с ним громадную роль начинает играть *глава рода*, патриарх. Мало-помалу он сосредоточивает в своих руках широкую власть: он становится верховным жрецом рода, он же чаще и чаще выступает в роли судьи своих сородичей и *истолкователем законов и обычаев*, нередко он же становится и *военным вождем рода*. В его же руках начинают сосредоточиваться и *богатства рода* в виде обширных стад или пастбищ и т. д.

Кроме того, в порядке дисциплинарном он имеет «отцовскую власть» над всеми детьми, женщинами и мужчинами рода.

Все это ведет к возвышению главы рода и мало-помалу превращает его в действительного владыку и повелителя.

Частные права власти сохраняются и у других лиц: мужчин – над женщинами, родителей – над детьми, старших – над младшими, победителей – над завоеванными пленниками, которые в этот период начинают обращаться в рабство.

Такова схематично *организация власти в родовом обществе*.

Как и в тотемической группе, здесь еще не произошло выделения специальных органов законодательной, судебной и исполнительной власти. Все они обычно сосредоточиваются в руках родового вече или главы рода. Появляются лишь первые признаки разделения функций. Однако это несколько не мешает существованию целой системы правовых предписаний, указывающих в каждом данном случае должное поведение и запрещающих недозволенное.

Эта система охватывает все основные стороны родовой жизни.

В случае преступления или недозволенного поступка сородича следуют суд и *дисциплинарное наказание*: родителями – детей, мужчинами – женщин, господами – рабов, военачальником – подчиненных, главой рода – сородичей. В особо важных случаях *судьей* выступает собрание полноправных мужчин рода. Но так как число нарушений растет, то суд над всеми виновными стано-

вится весьма затруднительным для всего собрания рода. Поэтому начинают появляться *специальные судьи*: такими обычно являются лица, хорошо знающие традиции и предания рода. Чаще всего им бывает глава рода. Суд опять-таки ведется по установившимся правовым обычаям. Наказания различны: смертная казнь, изгнание из рода, поставление вне закона и т. д.

Месть во внутривидовых отношениях бывает, но является исключением. В междуродовых конфликтах она – обычное явление. С постепенным распадением родов и объединением их в более широкие союзы месть постепенно регулируется, проходит указанные выше стадии вымирания, заменяется системой композиций и с ростом власти главы племени постепенно вымирает.

Не описывая подробно всего правового уклада родового общества, из сказанного мы видим, что система права дана и здесь, что она пропитывает всю организацию родового общества и неразрывно связана с основными институтами права – властью, судом, законодательным собранием и распределением прав и обязанностей между членами рода.

Территориально-племенное общество. На смену родовому обществу пришло *территориально-племенное общество*. Роды, разрастаясь, постепенно ширились. С расширением рода отдельные его семьи или части в поисках средств существования должны были отделяться от рода и идти на новые места. Значительное расстояние и раздельная жизнь влекли за собой постепенное ослабление родовой, кровной связи. Сознание единства рода и общности происхождения при таком раздельном существовании постепенно исчезало.

Родовая организация постепенно распадалась. Рядом с этим части рода на одной и той же территории встречались с другими родами. В первые моменты таких встреч между ними неизбежной была взаимная борьба, вызываемая рядом поводов, и в частности тем, что над этими сталкивающимися родами не было общей единой власти. Чтобы прекратить такую межродовую усобицу, рано или поздно должна была появиться власть верховная, стоящая над родовыми властями. Фактически она могла возникнуть различно; чаще всего возникала путем победы одного рода над другим, уничтожения власти побежденного рода и подчинения его власти рода-победителя. В первое время побежденный род принудительно подчинялся власти победителя и его законам. С течением времени в силу совместной жизни обычаи, нравы и жизнь обоих родов сближались, воспоминания о прошлом исчезали, и на месте отдельных родов появлялось единое общество, жившее на одной территории и объединенное в одно целое общей верховной властью. Такое *общество, где связью между его членами, живущими на одной территории, служит не религиозная и не кровная связь, а связь по единой верховной власти, которой подчинены все члены общества, носит название территориально-племенного общества*.

Такое общество может состоять из лиц с различными религиозными верованиями, из лиц различной крови и родов, но раз оно имеет единую верховную власть, обязательную для всех членов такого общества, мы имеем налицо новый вид общества – *территориально-племенное общество*.

Государство. В обычном словоупотреблении и в науке права такое общество называется *государством*. Из сказанного следует, что *отличительной чертой государства как формы общежития является то, что здесь объединяющей связью выступает подчинение всех его членов одной государственной власти, обязательной для всех членов общества, независимо от их верований и родовой принадлежности*.

Такова характерная черта государства как формы общежития.

Появление государственной формы общежития не означает собою чего-то исключительного, а знаменует лишь возникновение новой формы общежития, где объединяющей связью выступает связь иная, чем в тотемическом и родовом обществах.

Государство и право. Из сказанного ясна вся ошибочность мнения, гласящего, что право обязано своим существованием государству, что оно появляется только с возникновением государства, что правом являются только нормы, изданные государством, и т. д., как это утверждает теория, видящая в праве только официальный закон государства. Подобные теории ставят дело вверх ногами.

История показывает, что право возникло вместе с возникновением человеческого общества, что оно появилось и существовало задолго до возникновения государства как определенной формы общежития, что до государства оно функционировало и в распределительной, и в организационной роли, что до государства возникли определенные правовые явления: закон, власть, суд и регулировка всех важнейших взаимоотношений членов общества.

Вот почему глубокой ошибкой приходится считать все утверждения и теории, подобные указанным, пытающиеся право вывести из государства и силу *права* объяснить силой государственной власти. Правильным будет как раз обратное.

Государство как определенная форма общежития важно для истории права тем, что в эпоху государственной жизни право сделало громадные шаги в своем развитии; за этот период отдельные виды права весьма отчетливо дифференцировались, правовые институты приобрели отчетливые формы, официальное право государства и технически, и по содержанию прогрессировало. Ввиду всего этого общая теория права обязана более подробно остановиться на учении о государстве и праве современных государств.

Глава IX. Учение о государстве

§ 1. Понятие государства

Согласно сказанному выше *государство*, подобно другим формам общежития, *представляет организованный союз людей, объединенных единой верховной властью*. Отличительная черта государства от тотема, рода и других обществ та, что здесь связью членов его выступает связь власти, подчинение которой обязательно для всех членов государства.

Поэтому членами одного и того же государства являются и могут быть не только люди, одинаково верующие, как в тотеме, но люди с различными религиозными убеждениями; не только родные по крови, но люди самых различных родов, крови и племени. Не верование и не кровь объединяют подданных одного государства, а принадлежность их к данному правовому союзу в форме подчинения законам и власти государства.

Остановимся подробнее на анализе понятия государства. Оно складывается из понятий *власти, народа и территории*. Сообразно с этим государство определяют как *организованный народ, живущий на определенной территории и объединенный верховной независимой властью*.

Народ и государство. Как и всякое общество, государство представляет прежде всего *совокупность людей, живущих совместно* и объединенных в одно государственное целое определенной связью. Такой связью является правовая связь *подданства*, означающего: 1) принадлежность лица к данному правовому союзу; 2) обязательность для него официальных норм данного государства; 3) принадлежность ему прав и обязанностей, связанных с подданством; 4) подчиненность его верховной власти государства. Каждое государство обычно точно определяет условия получения и лишения подданства.

Совокупность лиц, объединенных такой связью подданства, составляет народ государства.

В государстве обычно живут и чужестранцы. Но последние не входят в состав подданных. Хотя и для них обязательны законы государства, хотя и они обязаны подчиняться государственной власти, но лишь до тех пор, пока они живут на территории чужого государства. В отличие от подданных, далее, они не име-

ют ряда прав и обязанностей, принадлежащих первым. Все это делает их юридическое положение отличным от положения подданного.

Нормально подданными государства является все коренное население государства.

Принадлежность к государству является принудительной, в отличие от свободных союзов. Без разрешения государственной власти теперь нельзя освободиться от подданства. Без ее разрешения или соблюдения условий, указанных в законе государства, нельзя также приобрести иностранцу права подданства в чужом государстве.

Таким образом, по своему типу государство принадлежит к числу *принудительных* общественных союзов. В отличие от обществ, вход и выход из которых свободен и зависит от доброй воли человека, связь последнего с государством не зависит от его воли.

По объединяющей связи государство резко отличается от других общественных соединений: церкви, свободных союзов, нации, класса и других обществ.

Государство и религиозный союз. *Отличие государственного союза от церкви* заключается в том, что в последней объединяющей связью служит единство верований и культа, в первом – единство правовых норм, подданство и подчиненность общей власти. В церковный союз входят только те, кто верует сообразно учению данной религии и исполняет ее обряды; в государственный союз входят люди различных религиозных убеждений – православные, католики, буддисты, староверы и т. д., все те, которые являются подданными государства, которые объединены его правом и властью.

Если в древних обществах – в тотеме и роде – границы религиозного круга, с одной стороны, и тотемического и родового круга – с другой, обычно совпадали: члены одного тотема и рода веровали обычно одинаково, – то в государстве, в особенности в современном государстве, границы религиозного и государственного союзов далеко не совпадают. Православная церковь есть в России, но она имеется и в Болгарии, и в Сербии, и в Румынии. С другой стороны, в России есть не только православные, но и люди других религий. Если образно представить себе государство и церковь в виде кругов, то из сказанного следует, что эти круги при наложении далеко не совпадают друг с другом, а пересекаются: круг союза православных займет только часть России, а другой своей половиной выйдет за пределы круга, обозначающего Русское государство. Последний будет пересечен, кроме того, рядом других кругов, обозначающих другие религиозные общества: католическое, протестантское, староверское и т. д.

Правда, в прошлом государственная власть неоднократно пыталась ввести одну, обязательную для всех членов государства религию. Это делалось путем принудительного навязывания членам государства официально одобренной

религии и преследования всех инаковерующих. Однако эти попытки никогда не имели успеха, гонение «еретиков» только укрепляло религию последних, усиливало их энтузиазм и увеличивало число их сторонников. Теперь *свобода религии и веротерпимость являются основным положением всякого культурного государства*. Со времени Французской революции 1789 г. свобода вероисповедания считается одним из неотъемлемых прав человека.

Государство и национальность. Государственный союз отличен и от национальности, или национального союза людей. *Под национальностью разумеют обычно общество людей, объединенное единством языка, общностью нравов, обычаев и исторических преданий*. С этой точки зрения в пределах России существуют национальности: великорусская, украинская, еврейская, польская, татарская и т. д. Границы государственного и национального союзов обычно не совпадают.

Украинская и польская национальности входят не только в состав России, но и в состав Австрии и Германии; евреи живут почти во всех государствах и т. д.

Таким образом, государственный и национальный союзы означают явления разнородные и не всегда совпадающие.

Правда, в прошлом были и отчасти теперь есть государства, составленные почти из одной национальности, такова, напр., Германия. Но население большинства государств теперь состоит из ряда национальностей.

В прошлом, а отчасти и теперь положение различных национальностей в государстве было неравноправно: одни были угнетены, другие – господствовали. Эта несправедливость продолжает существовать еще и теперь. Но она постепенно исчезает. *Равноправие национальностей является требованием современной правовой совести*. Оно диктуется и собственными интересами государства; государство, угнетающее национальности, входящие в его состав, ослабляет себя самого: порождает национальное стремление отделиться от него, возбуждает национальную борьбу против государства и т. д. Все это подрывает устои самого государства и мешает образованию *национально-государственного единства*. Под последним разумеется такое государство, в котором различные народности, входящие в его состав, объединены не только правовой и властной связью государства, но связаны единством интересов и культуры, дорожат своей принадлежностью к государству, единством и независимостью последнего. В этих случаях создается особое чувство *государственной национальности*. В состав Сев.-Амер. Соед. Штатов входят различные национальности: англо-саксы, ирландцы, итальянцы, славяне, евреи и др., но каждый гражданин Сев.-Амер. Соед. Штатов прежде всего является американцем и гордится своей принадлежностью к великой республике. Благодаря свободе и равноправию там выработался государственно-национальный патриотизм, постепенно поглоща-

ющий все частные национальные чувства. Обратным примером могут служить Австрия и Россия прошлого.

Выработка такого государственно-национального единства возможна только при условии равноправия национальностей. Без первого всякое государство будет слабо и легко может разложиться при внутренних переворотах и при столкновении с внешним врагом.

Государство и класс. Государство отлично и от класса. *Под последним разумеется совокупность людей, объединенных общностью экономических интересов и занимающих в процессе производства однородное положение.* Таковы классы капиталистов-предпринимателей, класс землевладельцев-помещиков, класс рабочих и т. д.

Границы государственного и классового объединения совершенно различны. Государство объединяет людей, принадлежащих к различным классам; пределы классового союза выходят за границы государства: пролетариат России, Англии, Франции и других государств принадлежит к одному классу и составляет нечто объединенное целое. Выражением его служит интернациональный союз пролетариата, ставящий на своем знамени девиз: «Пролетарии всех стран, соединитесь!» Социалистическое движение идет в значительной степени под знаменем классовой борьбы. Эта борьба по своим стремлениям враждебна государству: она пытается опрокинуть вертикальные государственные барьеры и заменить их международными классовыми границами, делением людей не по государствам, а по классам; люди одного класса всех государств должны составить одну международную организацию, люди другого класса – другую и т. д. Мировая война и русская революция дали любопытную картину борьбы государственности и классового принципа. В России последний одержал временную победу и имел своим последствием временное разрушение государства и создание государства классового. Но в общем и целом в других странах, по крайней мере до настоящего момента, когда пишутся эти строки, государство устояло против классового разъединения. Связь государственная оказалась сильнее связи классовой, что и выразилось во временном прекращении классовой борьбы в Англии, Германии, Франции и т. д. и в объявлении гражданского мира между классами. Это свидетельствует о том, что еще не настало время для замены государственной организации классовой. А пример России, где победа классового мировоззрения, разрушившего государство, повлекла за собой бессмысленную и вредную для всех классов гражданскую войну, говорит о том, что государство еще не изжито, что оно еще нужно для поддержания внутреннего мира и предотвращения бессмысленной и чудовищной войны «всех против всех», одинаково вредной для всех классов. Больше того, есть основания думать, что падение государства и всемирное объединение человечества совершится не в форме замены государственной

организации классовой организацией и не в виде замещения государственного эгоизма классовым эгоизмом, а в форме *сверхклассового и сверхгосударственного объединения всех людей, где каждая личность будет равноправна с другими, без различия подданства, класса, пола, религии, рода и т. д.*

Только такое всемирное общество может быть идеалом грядущего.

Государство и другие общества. Отличие государства от других союзов и обществ заключается в различии той же объединяющей связи: 1) в государстве такой связью является связь подданства, в других союзах объединяющее начало иное; 2) в государстве связь принудительная, но в государственных союзах она в большинстве случаев не принудительна, если она и является таковой, то благодаря тому же государству; 3) другие союзы не обладают верховной властью: их постановления могут быть отменены государственной властью; если они обязательны, то лишь постольку, поскольку признаны или терпят власть государства. Государство же обладает верховной, ни от кого не зависящей властью. Эти признаки достаточно резко отделяют государство от других обществ и союзов.

Государственная власть и ее признаки. *Государством является союз людей, объединенных в одно единство не только связью подданства, но и связью подчинения государственной власти.*

Сущность всякой власти была определена выше. Отличительными чертами государственной власти являются *ее верховенство, самостоятельность и принудительность.*

Государственная власть есть власть верховная и самостоятельная. Это значит, что она ни от кого не зависит, не имеет над собой никакой высшей власти и ни от кого не исходит. Она сама себе довлеет. Этими чертами она резко отличается от других – производных и подчиненных властей. Министр, комиссар, земское самоуправление и т. п. также обладают властью, но их власть является властью подчиненной, производной: она подчинена верховной государственной власти и от нее проистекает.

Этот верховный и самостоятельный характер государственной власти носит название суверенитета.

Всякое самостоятельное государство суверенно. Государство, потерявшее эти черты верховности и самостоятельности, перестает быть государством. Если бы над верховной властью России стала германская государственная власть, это означало бы исчезновение России как государства.

Из сказанного следует, что государственная власть формально не ограничена, что она «имеет право» выносить какие угодно решения и издавать какие угодно законы. Однако эта неограниченность только формальная. Фактически же

пределом каждой государственной власти является правосознание ее граждан. Власть, действующая наперекор этому правосознанию, обречена на падение, ее законы обречены на фактическую неприменимость и бессилие.

Следующей чертой государственной власти является ее *принудительный характер*. За государственной властью признается право принудительно заставлять исполнять свои приказы. Преступник, присужденный к тюрьме, принуждается отбыть положенное наказание. Гражданин, уклоняющийся от исполнения воинской повинности, принуждается к ее отбытию, у неисправного должника распродается имущество и т. д.

Властные отношения существуют и вне государственной жизни; но принудительным характером в современном государстве обладают только те лица, за которыми право принуждения признано государством: родитель может принуждать детей, учитель – учеников, начальник – подчиненных и т. д. лишь в тех пределах, в каких за ним государственной властью признано право власти и принуждения; следовательно, и власть, и право принуждения принадлежат им не в силу собственного права, а в силу признания или предоставления им права принуждения государственной властью.

Итак, верховенство, самостоятельность (суверенитет) и принудительность – таковы свойства государственной власти, отличающие ее от других властей. Следовательно, здесь организационная роль права проявляется в весьма резкой и отчетливой форме. Конкретными носителями прав такой власти, т. е. лицами и группами лиц, за которыми признавалось право верховного, самостоятельного и принудительного управления и властвования над членами государства – подданными, в истории были различные лица и группы лиц.

В абсолютных деспотиях таким носителем власти был деспот-монарх, в теократических государствах – верховный жрец, он же и монарх; такими носителями далее были король, император. В народоправствах властью были собрания граждан государства и выбранные народом вожди, в конституционных государствах – король и народное представительство, в республиках – законодательное собрание и т. д.

Несмотря на пестроту конкретных носителей власти в истории развития государств, все же можно подметить одну основную черту – *это уменьшение пропасти между властью и народом*. Раньше власть выступала по отношению к народу как нечто отличное от него, обладавшее властью «Божиею милостью», народ не считался источником и носителем власти. С конца XVIII в. наступает перелом. *Подлинным носителем власти – сувереном – начинает признаваться весь народ*. Органы государственной власти получают права властвования от него; они властвуют уже не «Божией милостью», а «волею народа»; они суть только исполнители его воли. Сообразно с этим входит в государственную жизнь

институт выборов, всеобщего избирательного права, переход власти в руки народных представителей и т. д.

Такова основная тенденция в понимании носителя власти.

Государственная территория. Выше было указано, что все характерные черты государства имеются у территориально-племенного общества. Последнее обычно представляет общество, осевшее на определенной территории. И государство нормально является обществом, занимающим определенную территорию, на которую и распространяется власть государства. *Под понятием государственной территории разумеется все пространство суши и воды, на котором данная государственная власть господствует.* На одной и той же территории не может существовать двух государственных властей.

Сказанное, однако, не означает, что без территории нет государства. Следует помнить, что государством является определенно организованное общество, а не территория. Общество, обладающее указанными признаками государственной организации, будет государством и тогда, когда оно кочует с места на место. Пример Бельгии, сохранившей государственное бытие при занятии ее территории немцами, – доказательство возможности государства без территории.

Раньше территория государства считалась частной собственностью, вотчиной монарха: за ним признавалось право продать ее, дарить, делить между наследниками и т. д. С ростом воззрения, что живым и подлинным носителем власти является весь народ, такой частновладельческий взгляд на государственную территорию стал невозможен. Сейчас она считается *публично-правовым достоянием всего народа*, неделимым и неотчуждаемым. Случаи вынужденного изменения территории, напр. ее уступка вследствие неудачной войны, если и происходят, то опять-таки в форме публичного правового и международного акта, а не в порядке частноправовой сделки собственника или вотчинника.

Таково в основных чертах содержание понятия государства.

§ 2. Единство государственной власти и ее основные функции

Раз государственная власть есть власть верховная и самостоятельная, то в каждом государстве может быть только *одна* верховная власть. Такая власть тем самым будет властью *единой*.

Перед этой единой властью в каждом государстве стоит множество задач. Властвование требует выполнения самых разнообразных функций. Но все эти функции могут быть сведены к трем основным: *к законодательствованию, к суду и к управлению*. Первая состоит в издании официальных правовых норм – законов, регулирующих жизнь граждан и обязательных для всех членов

государства. Вторая – в разрешении правовых споров, в защите и восстановлении нарушенного права. Третья – в исполнении закона и решений суда, т. е. в управлении государством сообразно нормам его права.

К этим трем функциям сводится деятельность государственной власти.

Исторически в прошлом они часто объединялись в руках одних и тех же носителей или органов власти. Но опыт человечества показал, что такое соединение не всегда целесообразно, что оно ведет к произволу власти, к нарушению свободы и прав граждан, а тем самым – к нарушению законов.

Теория разделения власти. Отсюда появилась теория разделения властей, впервые точно сформулированная Монтескье в XVIII в.

Для того чтобы свобода народа не подвергалась опасности, по мнению Монтескье, необходимо разделение властей друг от друга. «Если в одном и том же лице объединены законодательная и исполнительная власти, – писал он, – нет свободы, ибо можно опасаться, что законодатель издаст жестокие законы для того, чтобы так же безжалостно проводить их в жизнь. Нет также свободы, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если законодатель будет и судьей, то власть над жизнью и свободой граждан превратится в произвол, так как судья станет законодателем. То же получится, если судебная власть будет присоединена к исполнительной, ибо тогда судья может стать угнетателем».

«Все погибло, – восклицал Монтескье, – если один человек или одна группа людей владеют всеми тремя властями: законодательной, исполнительной и судебной»^{18*}.

Чтобы этого не было, Монтескье рекомендовал отделить друг от друга эти власти, чтобы каждая из них сдерживала другую, а все вместе охраняли граждан. Мысли Монтескье по форме были ошибочны: в государстве не может быть разделения властей, ибо государственная власть едина. Но основное содержание их – *необходимость разделения функций единой государственной власти и исполнения этих функций специальными органами власти*, – эта мысль была правильной и вошла в жизнь.

Организация власти Сев.-Амер. Соед. Штатов целиком построена на принципе «разделения властей». В большинстве цивилизованных государств в настоящее время эти функции обособлены и осуществляются специальными органами: законодательная функция выполняется законодательной палатой – парламентом, судебная – независимым судом, исполнительная – главой государства, министрами и другими органами верховного и подчиненного управления.

Такова одна из гарантий правильного и законного функционирования государственной власти.

Опасности, которые Монтескье видел в «смешении властей», подтвердились и в нашей недавней истории. Конституция Советской России была построена на принципе смешения властей, сосредоточения всех функций в Центр. Исп. Комитете. Он был и законодательной, и судебной, и исполнительной властью. Результатом такого смешения явились произвол комиссаров, отсутствие всякой законности и гарантий свободы в управлении, чудовищная пристрастность и несправедливость решений «революционных трибуналов», полное отрицание прав личности; короче – возвращение к деспотизму.

История далее учит, что в периоде мирной и цветущей жизни деление функций власти – обычное явление, и обратно: эпохи войны, внутренней или внешней, эпохи диктатуры, белой или красной, когда всякие права личности начинают попирацца, – такие эпохи характеризуются «смешением властей». Так было во Франции в эпоху Великой революции, так было в Англии в период диктатуры Кромвеля, так обстоит дело и у нас: с прекращением войны, внешней и внутренней, нет сомнения, что принцип разделения властей в той или иной форме осуществится и у нас.

Дальнейшими основными условиями этой правильности, законности и ответственности политики управления народным интересам являются:

1) для органов законодательства – *избрание депутатов путем всеобщего равного, тайного и прямого голосования*. Такой способ избрания гарантирует состав законодательной палаты, правильно отражающий интересы и настроения народа;

2) для суда – *независимость и несменяемость судей*; эти условия способствуют беспристрастности судебных решений. Надлежащая юридическая подготовка судей. Суд гласный, устный, публичный и состязательный;

3) для управления – его *подзаконность*. Это условие достигается установлением: а) судебной ответственности органов исполнительной власти в случае преступлений по службе и других нарушений закона; б) политической ответственности, заключающейся в обязанности кабинета министров уйти в отставку, если ему выражено недоверие народными представителями или если его политика признана нецелесообразной.

§ 3. Формы государства

Государство, будучи союзом совместно живущих людей, объединенных в одно целое связью подданства, определенным правом и общей государственной властью, конкретно в истории выступало в различных видах: были государства большие и малые, с населением, состоящим из людей одной религии и национальности и людей разных религий и национальностей, с населением, рас-

падавшимися на резко различные касты и сословия, и с населением, как теперь, не распадающимся ни на касты, ни на сословия, а только на экономические классы, были государства по преимуществу торговые, земледельческие и промышленные, признающие рабство и не допускающие его, и т. д.

По своей политической организации государства также разнородны. Здесь основным признаком их является организация власти и формы государственного властвования. Обходя историю последних и описание промежуточных форм государственного устройства, остановимся здесь на кратком очерке основных форм правления.

С точки зрения организации власти все государства могут быть разделены на два основных класса: *на монархию и на республику*. Та и другая, в свою очередь, делятся на ряд видов. При описании и оценке этих видов следует помнить, что та или иная форма правления устанавливалась не случайно, не по капризу отдельных лиц. Здесь в особенности правильно положение: «Каждый народ заслуживает свое правительство». Если многие формы правления сейчас кажутся дикими, то они не казались такими в прошлом: они существовали не только в силу принуждения, но и в силу признания их обществом, в силу соответствия их правовым воззрениям большей или сильнейшей части населения. По мере изменения и улучшения правовых воззрений самого народа улучшается и форма организации государственной власти.

Различие монархии и республики. *В чем же главная разница между монархией и республикой? Она заключается в следующем: монархическая форма государства означает, что власть в государстве принадлежит высшему носителю государственной власти на основе его собственного права.*

В монархии монарху предоставлено окончательное решение по всем важнейшим государственным актам. Народ здесь не обладает никакой властью или обладает ею в весьма малой степени. Народ в монархии или вовсе устранен от управления, или участвует в нем лишь в ограниченном объеме. Иначе обстоит дело в республике. *Под республикой разумеется такая форма государства, где власть принадлежит самому народу и только ему.*

Здесь сам народ прямо или через посредство избранных им представителей и управляет государством, и решает все важнейшие государственные дела.

Таково главное различие между монархическим и республиканским государствами. Из этого различия вытекает ряд других.

Раз в монархии монарх обладает властью на основе собственного права, то это означает, что он *царствует «Божьей милостью» и может стоять даже выше закона*. Сам закон здесь прежде всего лишь просто выражение воли монарха. Иначе в республике. Здесь власть принадлежит народу. *Поэтому закон в республике может и должен быть выражением воли народа*. Всякий закон,

не утвержденный самим народом (или его представителями), ничтожен; это – вовсе не закон. Поэтому же и глава республиканского государства управляет государством не на основе собственного права, не «Божьей милостью», а только *«волею народа»*. В монархии власть (престол) – наследственна; она от одного государя переходит к его потомкам помимо воли народа, в силу простого факта наследования. В республике власть от избранного народом главы государства (президента) к другому переходит не по воле президента и не в силу наследования, а в силу народного избрания.

На место одного главы государства в республике становится лишь тот, кого выберет народ.

В монархии короли обладают властью пожизненно; в республике президент выбирается лишь на определенный срок или на определенное количество лет. Во Франции, напр., президент выбирается на семь лет, в Сев.-Амер. Штатах – на четыре года. По истечении этого срока президент должен уступить свое место другому лицу, тому, кого выберет народ.

Раз в монархии король управляет государством на основании своего права, «Божьей милостью», то он и не ответственен перед народом за свои действия. Какие бы преступления он ни совершил, его нельзя предать суду и приговорить к наказанию. Во всех монархиях особа монарха считается «священной», неприкосновенной и безответственной.

Не то в республике.

Если здесь президент управляет лишь волею народа, то он перед народом несет и ответственность за свои действия. За тяжелые преступления вроде измены он может быть предан суду и приговорен к наказанию.

Таковы основные различия между монархическим и республиканским образом правления. Едва ли нужно говорить, которая из этих форм государственного устройства лучше и более соответствует интересам народа. Ответ ясен сам по себе и гласит: для народа лучшей формой правления является республика.

Монархия и ее виды. Монархия (как и республика) распадается на ряд отдельных форм, или видов. Каждый из них, обладая общими указанными выше признаками монархического государства, в то же время имеет добавочные черты, отличающие их друг от друга. Не касаясь подробного описания всех видов монархии, мы остановимся на характеристике трех основных форм монархии: 1) монархии неограниченной, 2) конституционной и 3) парламентарной.

Неограниченная монархия. Под неограниченной монархией разумеется такое государство, когда вся власть сосредоточена в лице одного наследственного монарха. Воля его – закон. Он ничем не связан и ничем не ограничен.

Он даже не ограничен законом: сегодня он может издать один закон, завтра его отменить.

Нет надобности указывать, что эта форма правления – худшая из всех возможных. Жизнь и благо всех подданных вручаются целиком в руки одного человека без всяких гарантий и прав.

Правда, обычно различают два вида неограниченной монархии: *монархию деспотическую* и *монархию самодержавную*. В первой прямо и открыто признается, что «воля монарха выше закона», что он не связан законами. Во второй же признается, что законы обязательны и для монарха. Несмотря на это видимое различие, на деле оно не так уж существенно. В той и в другой монархии фактически все зависит от воли короля, и потому его воля равносильна закону.

Такой порядок мы находим обычно в далеком прошлом. Такие неограниченные монархии существовали у диких народов и в древних государствах, напр. в Ассирио-Вавилонии и Египте. Здесь монарх был равен Богу и почитался божеством. Ему поклонялись, приписывали сверхъестественную силу вроде того, что он по своему произволу может вызвать гром и молнию, дождь и засуху, исцелять больных и т. д. Монарх-деспот объединял в своем лице всю полноту власти: он был и верховным жрецом, верховным военачальником и единственным высшим законодателем и правителем страны. Мудрено ли поэтому, что все подданные его были лишь «псами», с которыми он мог делать все, что ему угодно. И действительно, жизнь и права подданного в таких государствах ставились ни во что. Целыми тысячами приносили их в жертву в разных формах и видах. И сами подданные верили тогда, что так и должно быть. Им запрещено было смотреть в лицо деспоту, как запрещается иногда смотреть в лицо солнцу или божеству: приближаясь к нему, они должны были, подобно собакам, ползти на животе, при появлении его падать ниц на землю и т. д.

Такие порядки мало-помалу исчезли. Однако в ряде государств они еще долго сохранялись. В Китае они существовали вплоть до последней революции. Во Франции еще в XVIII в. епископ Боссюет называл монархов богами, говоря: «Вы боги, и Всевышний послал Вас на землю как своих наместников для того, чтобы обеспечить счастье человеческому роду». До 1905 г. пережитки этого уклада существовали и у нас. И у нас многие почитали царя чуть не за божество. В манифестах он именовался «императором Божию милостью, самодержцем всероссийским». При появлении его снимали шапки, как перед святыней, и т. д. и т. д. Такой строй, естественно, с развитием человечества должен был исчезнуть и уступить место другим, более лучшим формам правления.

Конституционная монархия. Вторым основным видом монархии является монархия *конституционная*. *Конституционная монархия тем отличается от неограниченно-деспотической, что здесь власть монарха уже не безгранична,*

не абсолютна. Хотя монарх и здесь является главой государства, но власть его ограничена: во-первых, законами, во-вторых, *народным представительством.* Здесь монарх не может и не имеет права нарушать законы. Последние обязательны для него так же, как обязательны для любого подданного. Мало того, здесь монарх своею властью уже не может издавать законы. Для того чтобы какое-либо постановление стало законом, нужно не только одобрение его монархом, но и одобрение его народными представителями. *Без воли парламента ни одно желание монарха не может быть законом.*

Весьма близким к этому порядку по закону было наше государство после 1906 г. «Основные законы» наши гласили: «Империя Российская управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке» (ст. 84). Это значило, что законы обязательны были и для царя. Другие статьи говорили: «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думою» (ст. 7); «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора» (ст. 86).

Этими статьями ясно указывается ограниченность власти бывшего императора. Для того чтобы какое-либо положение стало законом, недостаточно одной воли монарха, как это имеет место в неограниченной монархии, а нужно еще одобрение Гос. Думы и Гос. Совета, т. е. народных представителей.

Эта же форма монархии существовала до революции 1918 г. в Пруссии и в Германии.

Отличаясь указанными чертами от неограниченной монархии, конституционная монархия все же оставляет за монархом огромную власть. Ограничение полномочий монарха касается почти исключительно законодательной работы. В деле же управления он, как и в абсолютной монархии, не ограничен. Власть его в общем гораздо больше, чем власть парламента. Власть короля по-прежнему считается «данной от Бога» и независимой от народа. У нас по «Основным законам» 1906 г. царь по-прежнему назывался «самодержавным». Особа его считалась священной и неприкосновенной. Ст. 4-я гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит Верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть “Сам Бог повелевает”. Власть управления во всем объеме принадлежит Государю Императору». Только ему принадлежало право почина в деле пересмотра основных законов. Он же был верховным руководителем наших сношений с иностранными государствами. Только ему принадлежало право объявлять войну и заключать мир. Государь же является и «державным вождем российской армии и флота» и их верховным начальником. Далее, за ним было признано право: объявлять местность на военном и исключительном положении, право чеканки монеты, право издания указов, пожалования

титолов и особенно важное – назначение и увольнение министров. Из этого краткого перечня мы видим, что все управление, как и у нас, так и в других конституционных монархиях, сосредоточивается в руках монарха. Власть народных представителей гораздо меньше, и проявляется она почти исключительно в деле издания законов, как это было у нас, не получая на них никакого ответа.

Из этих прав монарха в конституционной монархии *особенно важно право назначать по своему усмотрению министров*. Эта черта особенно характерна для этой формы правления. *В отличие от парламентарной монархии, в конституционной монарх назначает министрами не тех, кого хочет народное представительство, а тех, кого хочет он сам*. Такое право существовало до революции в Германии и у нас. Ст. 17-я «Основных законов» у нас гласила: «Государь Император назначает и увольняет председателя Совета Министров и главноуправляющих отдельными частями».

Отсюда само собой следует, что министры совершенно не ответственны перед народом, а ответственны только перед монархом. Как бы плохо они ни управляли и как бы народ в лице своих представителей ни хотел сместить их, он не мог этого делать по закону. Все здесь зависело от воли монарха.

Мудрено ли поэтому, что при такой форме правления для произвола и злоупотреблений власти остается широкий простор. Как бы ни хорош был тот или иной законопроект, выработанный народными представителями, стоит монарху не утвердить его – и он не может стать законом. Этим путем монарх может затормозить всякое доброе начинание. Как бы скверно министр ни управлял страной и какие бы злоупотребления он ни делал, народные представители не могут сместить его и заменить желательным для страны лицом. Для этого нужна воля монарха. Не все монархи и не всегда идут навстречу пожеланиям народа. Примеры этого мы видим в нашем дореволюционном прошлом. Далее, в конституционной монархии вождем армии является монарх, и ему одному принадлежит право войны и мира. Он по своему произволу может объявить войну, не спрашивая мнения народа. Жизнь сотен тысяч оказывается в зависимости от воли одного человека.

Вообще в конституционной монархии права народа оказываются плохо защищенными. Страной правят большие и малые бюрократы. Назначаются они не народом, а монархом и его ставленниками. Не завися от народа и не отвечая перед ним, они не имеют побуждений, толкающих их работать на общее благо. Отсюда взяточничество, хищничество, плохое исполнение своих обязанностей, плохая подготовка к своей службе; назначаются люди не по их заслугам, а по протекции и т. д. и т. д.

Короче говоря, хотя конституционная монархия и шаг вперед по сравнению с неограниченной монархией, но все же она является формой правления, плохо защищающей интересы народа.

Отсюда понятно, почему она отживает свой век, почему народ с ростом своей силы и сознания постепенно стремится такой порядок заменить другим – лучшим.

Парламентарная монархия. Третьей формой монархии является *монархия парламентарная*. В ней также власть делится между монархом и народным представительством. Но тогда как в конституционной монархии власть монарха гораздо обширнее прав парламента, здесь наоборот – власть народного представительства и фактически, и, пожалуй, юридически более обширна, чем власть монарха. Известная поговорка «Король царствует, но не управляет» вполне применима к парламентарной монархии. В ней судьбами страны заведует парламент. Управление также сосредоточено преимущественно в руках последнего. Таково общее и главное отличие парламентарной монархии от других видов последней.

Эта общая черта проявляется прежде всего в том, что *в парламентарной монархии министры фактически намечаются самим народным представительством в лице большинства парламента*. Утверждение короля требуется лишь в качестве простой формальности. Этот факт весьма важен. Дело обычно происходит так. Палата депутатов делится на партии. Та партия, которой принадлежит большинство депутатов, обычно намечает своего сочлена в качестве главного министра. Король этому намеченному кандидату предлагает принять на себя пост главного министра и составить весь кабинет министров, т. е. пригласить в качестве остальных министров тех лиц – обычно из той же партии парламентского большинства, – кого главный министр пожелает. Приглашенные, раз они приняли предложенные им министерские портфели, становятся министрами и составляют все вместе *единый согласованный и ответственный перед народом кабинет министров*. Этот-то кабинет, составленный из членов парламентского большинства, и является вместе с парламентом фактическим правителем страны. Король только утверждает для формы то, что делается этими министрами. Из сказанного видно, что здесь положение вещей иное, чем в конституционной монархии. Там министров по своему произволу назначает монарх, не спрашивая согласия народных представителей; здесь министры определяются самим парламентом из тех партий, которые составляют в палате большинство. В конституционной монархии они ответственны перед монархом, в парламентарной – перед парламентом. В первой увольнение министров зависит исключительно от монарха, в парламентарной – от народного представительства. *Ответственность министров здесь двоякая*. Прежде всего, всякий министр подлежит суду за какое-либо преступление. Но помимо этой общей ответственности, существующей и в конституционной монархии, есть иная, *политическая ответственность министров в целом*. Она состоит в том, что весь кабинет министров совокупно, как одно целое, отвечает перед парламентом за целесообразность мер каждо-

го отдельного министра. Парламенту при этой форме правления обычно принадлежит право запросов к правительству. Министры обязаны давать ответы на каждый запрос. Если ответ правительства будет признан парламентом неудовлетворительным, *министерство обязано немедленно подать в отставку*. То же происходит и тогда, когда палата депутатов отвергает тот или иной законопроект, предлагаемый кабинетом министров. Короче говоря, *всякое министерство в парламентарной монархии остается у власти лишь до тех пор, пока за ним имеется большинство палаты депутатов*. Как только этого большинства у него нет, что выражается в форме признания большинством палаты той или иной меры правительства нецелесообразной или в форме отклонения министерского законопроекта, или в виде выражения недоверия палаты министерству, весь кабинет обязан подать в отставку и уступить место новому министерству, составляемому опять-таки из членов большинства палаты и опирающемуся на поддержку этого большинства.

Таковы сущность политической ответственности министров и система назначения и увольнения их в парламентарной монархии. Как видим, роль короля здесь ничтожна. Назначает и увольняет министров фактически не король, но народное представительство. Этот порядок остроумно выразил отец нынешнего короля Бельгии в своем разговоре с императором Александром III.

Рассказывают, что последний просил бельгийского короля указать ему, в чем заключаются положительные стороны парламентаризма. На этот вопрос бельгийский король коротко ответил: «Парламентаризм хорош тем, что, когда у моего министра есть большинство в парламенте, я иду спокойно гулять. Если же этого большинства у него нет, я посылаю его гулять, т. е. он подает в отставку». Таково основное отличие парламентарной монархии от монархии конституционной.

Парламент здесь не только законодательствует, но и *управляет страной*, прежде всего тем, что он сам определяет состав министров и линию их политики, во-вторых, он же целиком ведает и всеми остальными отраслями управления, начиная с вопросов финансовых и кончая вопросами войны и мира. Без его участия, а тем более вопреки его воле, король не может совершить никакой важный государственный акт. Недалеко поэтому от истины изречение одного английского писателя, гласящее: «Парламент может все сделать. Он не может только превратить мужчину в женщину и женщину в мужчину».

Из сказанного ясно преимущество парламентской монархии перед конституционной. В первой народ в лице своих представителей имеет несравненно больше власти, чем во второй. В первой невозможны те злоупотребления монарха и его правительства, которые обычны в конституционной монархии. Здесь при каждом расхождении воли короля с волей парламента последний имеет в своих руках ряд мер, посредством которых он может добиться осуществления своего желания.

Мудрено ли поэтому, что ряд государств, перейдя от монархии неограниченной к монархии конституционной, не останавливаются на последней, а переходят к парламентарной монархии как к более лучшей форме государственного устройства. В настоящее время лучшим образцом парламентарной монархии является Англия. В этой стране путем постепенного развития утвердились описанные черты парламентаризма.

Указывая в предыдущем на огромную власть парламента в таком государстве, нельзя не подчеркнуть, с другой стороны, и того, что кое-какое значение здесь все же продолжает сохранять и король. Отметим из его прав два права, часто встречающиеся в парламентарной монархии. Одно из них заключается в праве роспуска королем парламента и назначении новых выборов. В тех случаях, когда король и его министры предполагают, что их политика, несмотря на неодобрение ее парламентом, не расходится с мнением самого народа, король может распустить парламент и назначить новые выборы. Этот роспуск представляет как бы новый опрос страны: если последняя поддерживает мнение распущенного парламента, она снова выберет тех же депутатов, если же страна согласна с мнением короля, она выберет депутатами новых лиц, которые примыкают к политике короля. Таково это право монарха и таково его общественное значение.

Второе полномочие короля, встречающееся чаще в конституционной, реже – в парламентарной монархии, заключается в *его праве накладывать свой запрет* (вето) на тот или иной законопроект палаты. Для того чтобы какое-либо требование народных представителей стало законом, юридически и здесь требуется согласие монарха. Но если бы монарх имел право без ограничения запрещать законопроекты, то ни одно положение парламента не могло бы получить силу. Чтобы этого не случилось, жизнь установила правило, согласно которому монарх может ставить свое вето (запрет, несогласие) на тот или иной законопроект лишь ограниченное число раз, напр. от одного до трех раз. Если, скажем, палата депутатов одобрит какой-либо проект, то король один раз может его остановить. Но, если палата и второй раз одобрит его, он уже не может быть остановлен королем. Согласен последний или нет, законопроект все равно становится законным.

Такое правило, конечно, весьма важно. Если бы его не было, монарх по-прежнему мог бы тормозить всю работу народных представителей. Чтобы этого не случилось, жизнь и ввела такие ограничения.

Из сказанного видно, что лучшим видом монархического образа правления является так называемая *парламентарная монархия*.

Республика и ее виды. Общее понятие о республике и главное отличие ее от монархии было дано выше. Мы видели, что республика («общее дело») в наше время означает *народоправство*, т. е. такую форму правления, где власть

находится в руках самого народа и принадлежит исключительно ему самому. Ход истории человечества таков, что он постепенно переходит от неограниченной монархии к демократической республике. Не сразу люди пришли к сознанию необходимости и полезности республиканско-демократического политического устройства. Начатки его были даны уже довольно давно, еще в XII и XIII вв., но окончательная идея народоправства создалась лишь в XVIII в. и выразилась в учении ряда мыслителей, главными из которых были Монтескье и Руссо. По мере развития человечества число республиканских государств становится все больше и больше, и нет сомнения, что в конце концов все народы перейдут к этой форме государственного устройства.

Теперь мы имеем *три основных вида демократической республики*. Образцом первого вида является Швейцария, второго – Франция, третьего – Соед. Штаты Северной Америки.

Для того чтобы лучше ознакомиться с существующими формами республики, остановимся на каждом из указанных видов.

Прямая, или непосредственная, республика. Начнем со Швейцарии. Швейцария является образцом так называемого *непосредственного народоправства*. Сущность непосредственной, или прямой, республики (народоправства), в отличие от посредственной, или представительной, заключается в том, что народ всю полноту власти оставляет в своих руках, а не передает ее своим представителям. В прямом народоправстве сам народ в лице каждого гражданина принимает непосредственное участие в законодательстве, управлении и отчасти в суде. В представительном же народоправстве участие народа во власти и управлении лишь косвенно: он по своей воле выбирает членов законодательной палаты и иногда – президента, но параллельно вершат дела государства уже эти выборные представители, а не сам народ непосредственно. Отсюда и название двух видов народоправства: *прямое и представительное*.

В основе прямого народоправства лежит учение французского мыслителя Ж.-Ж. Руссо. Верховная власть в обществе, по учению Руссо, может принадлежать лишь самому народу. Закон должен быть выражением общей воли. И такой волей может быть лишь воля народа, а не отдельных представителей. Народ, как верховный властитель, может сказать: «Я желаю в данный момент того, чего какой-то человек желает или, по крайней мере, выдает за свою волю», – но народ не может сказать: «То, чего пожелает этот человек завтра, будет и моим желанием», – ибо было бы нелепо, чтобы воля связывала себя на будущее время. Если народ раз и навсегда обещает повиноваться раз избранным им властителям, он закабаляет себя и уничтожает свое верховенство. Таковы основные мысли Руссо по этому вопросу. Смысл их тот, что полное народоправство должно быть непременно прямым, народ не может и не должен всю власть передавать пред-

ставителям, а должен непосредственно участвовать в деле законодательства и управления.

Эти-то мысли и легли в основу устройства Швейцарской республики. Основные черты политического устройства Швейцарии таковы. Она состоит из 22 отдельных кантонов (округов). Каждый кантон представляет своего рода маленькое государство, самостоятельно решающее свои дела. Вопросы же, касающиеся всех кантонов, решаются уже правительством Швейцарского союза. Какие дела входят в ведение общешвейцарского правительства, это подробно перечислено в основных законах Швейцарской республики. Это правительство носит название Швейцарского Федерального Собрания. Оно состоит из двух палат: 1) Национального Совета, образуемого из депутатов, выбранных всеобщим голосованием по одному человеку на двадцать тысяч жителей и 2) из Совета Штатов, состоящего из представителей отдельных кантонов – по два человека на каждый кантон. Таковы две палаты Швейцарии, главной задачей которых является издание законов и управление страной. Так как сами палаты не могут ввиду их громоздкости взять на себя управление целиком во всей его технической сложности, то в качестве органа исполнительной власти выбирается здесь так называемый Федеральный Совет. Он состоит из семи членов, выбираемых на три года Федеральным Собранием, т. е. Советом Штатов и Национальным Советом. Эти-то семь лиц и составляют правительство, исполнительную власть в узком смысле. Их положение напоминает положение министров. То же Федеральное Собрание выбирает из этих семи лиц президента и вице-президента республики на один год. Несмотря на громкий титул – президент Швейцарского Союза, фактически этот председатель министров совсем не похож на президента Франции или Америки. Он просто главный министр-председатель, первый между равными семью лицами, и только. Поэтому Швейцарию можно назвать республикой без президента. Вместо него здесь исполнительная власть находится в руках семи лиц, и то не вполне. Все их распоряжения находятся под контролем народного представительства в лице Национального Совета и Совета Штатов. Последние могут отменить любой акт этих семи лиц, а равно предписать им исполнение того или иного постановления народных представителей. Из сказанного видно, что правительство Швейцарии является простым приказчиком, исполнителем воли народных представителей, и только. Отсюда ясно, что при такой ограниченной власти это правительство лишено возможности делать какие-либо злоупотребления и может оставаться у власти лишь до тех пор, пока хорошо правит.

Но мало того, недаром же мы назвали Швейцарию прямым народоправством. Оно заключается в том, что в отдельных кантонах и в Швейцарском Союзе власть не вся передана в руки народных представителей. Она оставлена в распоряжении самого народа, который своим непосредственным участием

в управлении и законодательстве решает все важнейшие дела отдельного кантона и всей республики. В отдельных кантонах это прямое участие народа в управлении выражается в регулярно устраиваемых в определенное время *общих мирских сходках*, на которых выбранные для управления лица дают отчет самому народу, где народ сам решает все главные вопросы, принимает или отвергает законы, определяет величину податей и т. д. Таким образом, выходит, что действительно весь народ непосредственно участвует в управлении страной, в вопросах же, касающихся всего Швейцарского Союза, это прямое народоправство выражается: а) в праве запрета, б) референдума и народной инициативы.

Право запрета, или вето, состоит в том, что гражданам предоставляет в определенной форме и в определенный срок протестовать против закона, выработанного народными представителями. Последние могут издать почему-либо такой закон, который идет вразрез с волей народа. Поэтому весьма важно, чтобы народ мог отвергнуть его, это и достигается путем права народа объявлять свой протест против такого закона. Когда такой протест поступил, закон подвергается голосованию всего народа. И народ сам уже, смотря по большинству голосов, либо принимает, либо отвергает его. Такова сущность права народного вето.

Однако за последние годы это право запрета ввиду некоторых неудобств стало заменяться другим правом, так называемым *референдумом*, т. е. опросом мнений всех граждан. При праве запрета (вето) решению народа подлежит уже готовый закон. Если народ отвергнет его, труды парламента по выработке закона могут пропасть даром. Чтобы этого не было, нашли более удобным подвергать решению народа не вполне выработанный закон. Опрос народа должен дать ответ, желает или не желает он издания такого закона. Если большинство граждан выскажется за издание его, закон будет выработан и издан, если против – закон отвергается. Вместо идеи закона опросу народа может быть предложен и определенный законопроект по простому требованию определенного числа граждан. В некоторых кантонах такому опросу народа подвергается всякий закон, в других – только наиболее важные. Эта идея подвергать народному рассмотрению всякий законопроект, выработанный парламентом, постепенно завоевывает себе все большую и большую симпатию.

Наконец, прямое участие народа в управлении проявляется в праве народа на *законодательный почин*. Суть его заключается в том, что если определенное число граждан находит необходимым издание какого-либо закона, то они имеют право вносить свое предложение, а иногда и прямо законопроект в законодательные учреждения. Последние рассматривают предложение и либо издают такой закон, либо, при их несогласии, должны передать решение вопроса о желательности такого закона народу. Воля последнего решает дело.

Таковы основные формы прямого народовластия в Швейцарской республике и таковы главные черты устройства последней. Из сказанного ясно, что одна общая мысль проходит через все государственные порядки Швейцарии. Эта мысль гласит: «Верховный правитель – народ. Все для блага народа и все через народ». Здесь действительно вся власть остается в руках народа. Правители – только простые приказчики народных представителей и народа. Мало того, сами народные представители обладают очень ограниченной властью, стоят под контролем народа, могут быть до срока смещены народом и помимо воли последнего или вопреки его воле не могут издать никакого закона, вредного и нежелательного народу.

Такова форма непосредственной народной республики.

Парламентарная республика. Вторым образцом республики дает Франция. *Французская республика может быть названа республикой парламентарной.* Основные черты ее устройства таковы. Законодательная власть во Франции сосредоточена в парламенте, состоящем из сената и палаты депутатов. Исполнительная власть находится в руках президента Франции, избираемого на семь лет в соединенном заседании палаты депутатов и сената. Кабинет министров, как и в парламентарной монархии, составляется из членов партии, составляющей большинство в палате депутатов. Подобно монарху в парламентарной монархии, президент поручает составить кабинет министров наиболее влиятельному члену из партии парламентского большинства. Министерство остается у власти только до тех пор, пока за ним есть большинство в парламенте. Если последнего нет – оно уходит в отставку. Таков порядок назначения и увольнения министров. Как видим, здесь решающей силой является палата депутатов.

Что касается положения президента и его отличия от положения монарха, то основные различия были указаны выше. Президент считается главой государства, через него идут сношения с другими государствами. Он считается неприкосновенным, но за измену подлежит суду. Ему принадлежит ряд прав в области управления, суда и законодательства. Не перечисляя их, можно сказать в общем, что полномочия его достаточно обширны и весьма похожи на права монарха при парламентаризме. Но фактически при парламентарных порядках и большой власти палаты депутатов значение и могущество президента Франции значительно меньше, чем может показаться на основании статей закона.

Таково вкратце политическое устройство Французской республики. И здесь в основе его лежит та мысль, что высшим властителем является сам народ. Но вместо того чтобы выразиться в форме прямого народовластия, как в Швейцарии, эта мысль в силу ряда условий, в частности – гораздо большего объема Франции по сравнению с Швейцарией, в ней осуществилась в виде республики, построенной на начале парламентаризма.

Республика, построенная на «разделении властей». Третьей большой республикой являются Соединенные Штаты Северной Америки. *Эта великая страна на народоправства является образцом республики, построенной на разделении властей.* В основу ее устройства положены идеи Монтескье и американских федералистов о разделении властей. «Власти» здесь оказываются действительно разделенными друг от друга. Законодательная власть вручена народным представителям верхней и нижней палаты, судебная – судебным органам, исполнительная – президенту. Каждая из этих властей независима друг от друга и может затормозить в той или иной форме действия остальных.

Президент Американской республики выбирается не народными представителями, а прямо народом, путем двустепенного голосования. Этим подчеркивается его равноправность с народными представителями. В противном случае он, как глава исполнительной власти, поставлен был бы в зависимость от законодательной власти. В тех же целях разделения властей и министры, как высшие представители исполнительной власти в Сев.-Амер. республике, определяются и назначаются не парламентом, а президентом, и ответственны они только перед последним. Таким образом, исполнительная власть, в лице верхней и нижней палаты, независима от президента. Хотя президент имеет право делать народным представителям те или иные законодательные предложения, может даже поставить свой запрет на законопроект, принятом народными представителями, но, во-первых, принятие предложений президента не обязательно для палаты депутатов, во-вторых, если две трети народных представителей второй раз выскажутся за законопроект, опротестованный президентом, этот законопроект становится законом без согласия последнего. Та же независимость законодательной власти от исполнительной проявляется и в акте ответственности президента перед народными представителями. За измену, взяточничество и другие важные преступления президент может быть отдан под суд нижней палатой и судом верхней палатой депутатов. Наконец, и судебная власть здесь независима от законодательной и исполнительной. Эта независимость судебной власти проявляется, во-первых, в несменяемости судей. Ни президент, ни палата депутатов не могут уволить судью иначе, как за преступления, доказанные и подтвержденные судебным приговором. Во-вторых, та же независимость суда проявляется в том, что высший суд Соединенных Штатов имеет право объявить незаконным то или иное постановление законодательных палат, раз оно не согласно с основными законами этой республики. Это право суда основывается на предположении, что «суд является живым голосом конституции».

Все сказанное ясно подтверждает, что политическое устройство Сев.-Амер. Соед. Штатов действительно основано на мысли о разделении властей; понятным делается также, почему власть здесь распределена таким, а не иным образом. Устройство Американской республики направлено на то, чтобы не дать

какой-либо одной власти усилиться чрезмерно и таким образом угрожать свободе народа и его правам. Ввиду этого все власти независимы друг от друга, и в случае нарушения свободы одной властью остальные две всегда имеют возможность пресечь это нарушение и защитить нарушаемую свободу.

При таком устройстве, а также в силу особых условий жизни великой республики не является опасной для нее и та власть, которой наделен президент. Не перечисляя прав последнего, можно сказать, что объем власти президента здесь так велик, что ему мог бы позавидовать любой конституционный монарх. Однако условия американской жизни исключают всякую возможность для президента стать диктатором и угрожать свободе народа. Немало этому способствуют и высокое политическое воспитание американских граждан, и чувство ответственности перед страной, присущее президентам этой республики.

Республика Советская. Особым типом республики является Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Как правильно отмечают ее составители, конституция этой республики представляет конституцию общества, находящегося в состоянии гражданской войны одного класса с другим.

По заданию эта конституция направлена на обеспечение диктатуры трудовых классов крестьян и рабочих над классами нетрудовыми. Из этого задания вытекают все ее характерные черты, делающие ее явлением своеобразным, не совпадающим ни с одним видом республиканской конституции. Она не является республикой прямого народоправства. Во-первых, значительная часть граждан, признанных принадлежащими к нетрудовым классам, и юридически, и фактически не могут принимать участия в управлении: они лишены и активного, и пассивного избирательного права.

Во-вторых, выборы членов «высшей власти» Советской Республики – Всероссийского Съезда Советов – не прямые, а многостепенные; их выбирает не прямо население, а Советы – городские и сельские. Городские советы сами посылают представителя на Всероссийский Съезд Советов, (по 1 депутату на 25 000 избирателей), сельские же советы сначала выбирают представителей на уездные съезды, уездные – на губернские, и только последние выбирают членов Всероссийского Съезда Советов (по 1 депутату на 125 000 жителей).

Отсюда видно, что избрание здесь членов «высшей власти» не только *не прямое*, но и *не равное*: одни граждане вовсе лишены избирательного права, другие, имеющие его, имеют неравный голос: жители городов посылают 1 депутата на 25 000 избирателей, жители сел и деревень на 125 000 жителей.

Само построение органов власти здесь весьма своеобразно. Его основной характерной чертой, как было выше указано, служит *отрицание разделения властей*.

Высшей властью признается Всероссийский Съезд Советов. Он является властью верховной и учредительной: только он может изменить конституцию, только он может утвердить мирные договоры с иностранными государствами.

Его заместителем является *Центральный Исполнительный Комитет*. При отсутствии Съезда Советов его функции переходят к последнему. ЦИК преимущественно орган законодательной власти, но наряду с ней он имеет функции и судебной и исполнительной власти. ЦИК выбирается не прямо народом, а Всероссийским Съездом Советов.

Кроме ЦИК функции законодательной и исполнительной власти принадлежат и Совету Народных Комиссаров, в особенности в случаях, «требующих неотложного исполнения». В других случаях свои декреты Совнарком представляет на утверждение ЦИК. Назначается и смещается он ЦИК.

Судебные функции принадлежат судебным учреждениям во главе с Верховным Судебным Контролем. Но и решения суда могут быть отменены Верховным Судебным Контролем, а решения последнего – органами законодательной власти. Суд, в частности единый кассационный суд, назначается и смещается ЦИК.

Такова организация верховных органов государственной власти.

По тому же типу, приблизительно, построена организация в губернии (Губ. Съезд Советов, Губ. И. Комитет), в уезде и в волости. (Система советов проникает все государство и дает в итоге целое пирамидальное здание Советов, Исполкомов и Совнаркомов, возглавляемое Всероссийским Съездом Советов, ЦИК и Всероссийским Советом Народных Комиссаров.

Фактическая же картина организации советской власти еще сложнее. Сложнее потому, что острая гражданская война, не успевшие еще осесть нормы вызывают к жизни множество комиссаров с «чрезвычайными полномочиями» и обилие всевозможных чрезвычайных комиссий. В итоге картина органов власти и объем прав и обязанностей каждой из них до того запутывается, что нередко вызывает нарекания и протесты самих представителей власти. Далее, практика нередко расходится с конституцией или, наоборот, гипертрофирует ее черты и в итоге дает картину, отличную от той, которая получается на основании изучения одной конституции. Во-первых, фактически до сих пор неизвестно, кто пользуется избирательным нравом: лица, согласно духу и букве конституции имеющие такое право, им не пользуются. Во-вторых, необходимой при выборной кампании свободы агитации и пропаганды нет. В случае агитации нередко следуют суровые репрессии. В-третьих, в ряде случаев упразднено право *тайного* голосования и введено, вопреки иногда желанию избирателей, голосование *открытое*. В-четвертых, в случае избрания кандидата, почему-либо неугодного представителям правящей партии, выборы *кассируются* и назначаются новые, пока не пройдет кандидат, поддерживаемый правительством. В-пятых, Советы,

в силу каких-либо причин имеющие большее число членов-некоммунистов, распускаются и заменяются новыми.

Такая практика, диктуемая интересами принудительного насаждения коммунизма, состоянием гражданской войны и курсом на мировую революцию, грозит превращением республики диктатуры трудовых классов в республику диктатуры партии коммунистов. Диктатура трудящихся нередко превращается, вопреки букве и духу конституции РСФСР, в диктатуру над трудящимися. Многостепенность выборов, терроризирование избирателей, отсутствие тайного голосования, кассация негодных власти выборов, устранение лиц, имеющих по конституции избирательное право, от участия в выборах, неравенство голосов, фактическое отсутствие свободы мысли, слова, печати, собраний и т. п. – все это способствует такому результату и грозит на практике опасностью замены диктатуры трудового народа диктатурой правительственной власти и ее агентов.

Нет сомнения, что многие из этих явлений с водворением мирного порядка исчезнут. Но пока что они существуют, и существование их не может не констатировать всякий беспристрастный исследователь.

Таковы в основных чертах четыре главных вида республиканского устройства государства, существующие в наше время. Как видим, различие между ними очень значительно. Но одна и та же мысль лежит в основе каждой из описанных республик, а именно: «властвование народа для блага народа и через народ»^{19*}.

Не во всех республиках эта мысль осуществляется в одинаковой мере. Причина тому не только характер конституции государства, но и характер, и культурность самого народа. Можно написать прекрасную конституцию, но, если народ темен, дик, не умеет и не хочет отстаивать свои права, прекрасная конституция его не спасет. Она будет существовать на бумаге, а в жизни воцарятся деспотизм, тирания, несправие, рабство. И обратно, если народ культурен, умеет и хочет бороться за свои права, у такого народа весьма плохая на бумаге конституция выльется на практике в формы свободного правового, отвечающего интересам народа республиканского устройства. Пример тому – Англия. Это, пожалуй, одно из наиболее свободных государств, обладающих весьма устарелой на бумаге конституцией. Но устарелость и несовершенство последней не мешает ей быть одним из наиболее передовых государств.

Нет сомнения, что в каждой из указанных республик есть еще много несовершенств и недостатков, но в народоправствах не закрыты пути для уничтожения этих последних. И действительно, с каждым годом эти улучшения растут и недостатки устраняются.

Сложное государство. Политическая организация государства характеризуется не только описанными формами правления, но и рядом других признаков. Из последних упомянем признак *единого и сложного* государства. Примером

первого может служить Франция. Она не только юридически, но и фактически составляет единое государство. Отличны от нее такие государства, как Германия, Швейцария, Австрия, Сев.-Амер. Соед. Штаты.

Последние принадлежат к типу *сложных государственных соединений, образованных путем слияния нескольких простых государств в одно государство*. Так, Швейцария состоит из ряда кантонов, Соединенные Штаты Сев. Америки – из ряда штатов. Эти два сложных государства представляют федерацию, т. е. объединение нескольких самостоятельных раньше государств в одно новое союзное государство с общефедеративной суверенной властью. Входящие в состав федерации государства не суверенны, а подчинены общефедеративной власти и юридически уже не являются государствами. Германия представляет сложное государство, составленное из ряда простых государств, по своему типу весьма близкое к федерации. Она обладает общей союзной суверенной властью. Что касается суверенитета образующих ее простых государств, то одни признают его существующим, другие отрицают. Более правильным должно считаться последнее решение, ибо раз над властью каждого из этих государств стоит суверенная власть германской империи, то власть их уже не верховная, не суверенная власть. А общества, не обладающие такой властью, не являются государством.

Австро-Венгрия не может служить примером сложного государства, объединенного *реальной идеей*, т. е. тем лишь, что связанные здесь государства – Австрия и Венгрия – имеют одного монарха. Эта связь менее прочная, чем связь федеративная. Здесь каждое из государств не теряет своего суверенитета и остается вполне самостоятельным государством.

Заключение. Из этого краткого очерка государства и его правовой организации мы видим, что в эпоху государственной формы общества основные функции права – распределительная и организационная – выявились отчетливо. В государстве нашего времени распределение прав и обязанностей доведено до большой точности, ясности и детальности, институты суда, власти и законодательства имеют отчетливые очертания, круг их деятельности строго определен и т. д. Само право подвинулось вперед в своем развитии: и технически, и по содержанию. Технически прогресс его состоял, с одной стороны, в появлении точно определенных признаков закона, в установлении порядка его издания, в организации специальных законодательных органов, в кодификации и инкорпорации законов, в делении их на гражданские, уголовные, государственные и прочие законы и т. д. и т. д.

Прогресс права по содержанию за время государственной жизни выразился в колоссальных изменениях содержания и характера правовых норм, в улучшении и приближении их к праву идеального общества. Доказательство и изложение этого прогресса права по его содержанию будет дано в последней главе.

Глава X. Влияние права на общественную жизнь и поведение человека

§ 1. Право как фактор.

Влияние права как чистой мотивирующей силы

Ознакомившись с понятием и видами права, теперь позволительно поставить вопрос: имеет ли право какое-либо влияние на общественную жизнь и поведение человека? Является ли оно фактором общественной эволюции?

На этот вопрос, вопреки мнению некоторых теорий, и в частности теории экономического материализма, известной под именем марксизма, следует ответить положительно. Право, несомненно, является *фактором общественной жизни и играет в ее судьбах весьма значительную роль*. Порожденное общественной жизнью, оно, раз появившись, само превращается в силу, определяющую ход общественных событий, общественное и индивидуальное поведение.

Первым способом убедиться во влиянии права является наблюдение за нашим собственным и чужим поведением. Если это наблюдение покажет, что право влияет на наши поступки, это значит, что право влияет и на социальные события, ибо последние складываются из совокупности индивидуальных поступков.

Наблюдение за собственным и чужим поведением позволяет утверждать, что *право, в виде правового убеждения – сознания своих правомочий и обязанностей, – имеет громадное влияние на наше поведение*; благодаря ему мы совершаем ряд поступков, которые без него мы едва ли бы совершили, и обратно – воздерживаемся от ряда актов, от которых при ином правовом сознании или отсутствии такового мы едва ли бы воздержались. Говоря образно, содержание и характер наших правовых убеждений похожи на руль, который своим движением определяет направление судна. Иными словами, влияние права проявляется прежде всего как влияние силы, мотивирующей наше поведение, толкающей нас на одни действия и удерживающей от других.

Поступки, вызываемые сознанием обязанности. А) Прежде всего *влиянию права мы обязаны рядом поступков, представляющих исполнение наших обязанностей*. Сознание своей обязанности непроизвольно толкает нас к поведению, требуемому этим сознанием. Мы не убиваем, не крадем, хотя часто

и нуждаемся; не насилуем; мы воздерживаемся от таких поступков. Спрашивается: почему? Некоторые, быть может, потому, что боятся наказания. Но большинство людей воздерживается от таких «преступлений» не столько за страх, сколько за совесть – вследствие сознания обязанности не делать таких недозволенных действий, вследствие того, что они «противны совести» и вызывают правовое отвращение.

Не будь этого правового сознания или будь оно иным, напр. считающим кражу дозволенным поступком, иным было бы наше поведение: мы бы, вероятно, крали, как это делают многие воры по профессии, по убеждению коих кража вовсе не плохое действие.

Под влиянием этого же правового сознания мы совершаем ряд поступков, платим долги, уплачиваем подати, идем в присяжные, соблюдаем договоры, честно выполняем ряд трудных работ и т. д. и т. д. Еще резче влияние права проявляется в случаях «самонаказания» лиц, нарушивших свою обязанность: в жизни весьма нередки случаи, когда человек, не исполнивший своей обязанности, кончает с собой; так, кончают с собой проигравшие казенные деньги, опозорившие себя люди: офицеры, общественные деятели и т. д. Во всех этих случаях право невидимо и незримо управляет нашим поведением. Последнее было бы весьма отличным, если бы содержание правовых убеждений было иным. Так и было в древности.

Теперь мы считаем недопустимым заклание жен на могилах умерших мужей. Такое действие едва ли бы могли мы выполнить. Наше правовое сознание не позволяет нам этого делать, вызывает в нас чувство отвращения и отталкивает от таких действий. Иначе было в прошлом. У ряда народов такие действия были обычны. Почему? Потому, что их правовое сознание предписывало им делать это: сожжение жен считалось обязанностью. Сознание этой обязанности толкало на такие поступки. Теперь большинство народа не будет добровольно подставлять спину под удары бича господина. Не будет потому, что не считает себя обязанным делать это, а господина – имеющим право избивать кого бы то ни было. Иначе было в прошлом: при рабстве, при крепостничестве массы людей беспрекословно подставляли свои спины под удары бичей и розог. Причину такого повиновения следует искать не только в принуждении, но и в добровольном повиновении, обусловливаемом сознанием своей обязанности подчиняться господину, и в признании за ним права бить рабов и крепостных. С изменением правовых убеждений такой порядок стал невозможен, рабство и крепостничество пали.

Внимательное наблюдение за своим поведением показывает, что весьма значительная часть наших поступков вызвана именно этим сознанием обязанности и без него была бы необъяснима.

Поступки, вызываемые сознанием правомочий. В) *Еще резче мотивирующее влияние права выступает в тех поступках, которые представляют акты осуществления нашего права и правомочий.* В нашей повседневной жизни мы постоянно совершаем ряд актов, которые мы не делали бы, если бы у нас не было сознания своих правомочий. Мы требуем платы за труд, требуем положенного нам жалованья, требуем от А уплаты долга, который он обязан уплатить нам, требуем от прислуги услуг, которые она обязалась выполнять, по своему хотению дарим, пользуемся и распоряжаемся принадлежащими нам вещами, ибо сознаем свое право собственности на них; родители осуществляют ряд прав по адресу детей, начальники постоянно приказывают подчиненным, мы совершенно неоспоримо занимаем принадлежащее нам место на пароходе или в вагоне, считаем себя вправе принять кого-либо или не принять в нашем доме, без колебаний берем в магазине вещь, купленную и оплаченную нами, и т. д. и т. д. Короче, каждый день каждый из нас совершает массу поступков, вызываемых сознанием наших правомочий. Не будь этого последнего – эти акты с нашей стороны не имели бы места. Не будь у нас сознания нашего права требовать уплаты долга от А, мы бы его не требовали от А, как не требуем от лиц, которые нам не должны, и тем менее в этом случае имело бы место обращение к суду с требованием заставить А уплатить долг или распродать его имущество. Не будь у нас сознания нашего права на пользование услугами прислуги, мы не обращались бы к ней с приказами «убрать комнату», «поставить самовар», «вычистить платье» и т. д., как не обращаемся с такими требованиями к другим, не обязанным по нашему адресу лицам. Не будь у нас правомочия собственности, мы не стали бы по своему хотению распоряжаться принадлежащими нам вещами, как не претендуем на пользование, распоряжение и владение чужими вещами, т. е. теми, которые не являются нашей собственностью. То же повторяется и во всех подобных случаях. Общий вывод из них тот, что *сознание наших правомочий заставляет нас совершать ежедневно и ежечасно множество поступков, которые без этого сознания не могли бы иметь места.* Это значит, что право является и здесь силой, мотивирующей наше поведение и определенным образом направляющей его.

Это мотивирующее влияние права станет еще яснее, когда мы обратимся к анализу нашей психики. Сознание нашего права для нас является вполне достаточным основанием для наших требований. Требуя от лиц выполнения тех актов, которые исполнить они обязаны, мы сознаем, что требуем «должное», нечто непререкаемое, чего оспаривать никто не может. Иными словами, мы требуем права, а не милости. Отказать в его исполнении нам никто не может, будь он кто угодно. В случаях осуществления нами своих правомочий и «барин – не барин», «министр – не министр»; раз мы сознаем свое право, мы требуем его осуществления от всех, кто бы он ни был, – будь он монарх, будь он лакей. Здесь это сознание дает нам внутреннюю силу, которая абсолютно оправдывает все выте-

кающие из него требования, властно заставляет нас требовать и настаивать на том, чтобы никто не смел препятствовать нам в пользовании нашими правами.

Поступки, вызываемые нарушением права. С) *Эта мотивирующая сила права особенно резко выделяется тогда, когда мы видим нарушение наших прав или прав другого лица.* В этом случае помимо нашей воли мы негодуем и возмущаемся таким нарушением. В душе каждого из нас возникает убеждение, что нарушено что-то «должное, священное», и вместе с ним вспыхивает непреодолимое желание *бороться за нарушенные права.*

Борьба за право. Ее ценность. Совершенно произвольно в подобных условиях вспыхивает *борьба за право.* Она становится тем острее, чем более важное право нарушено и чем глубже сознание оскорбленного правового убеждения. В древние времена случаи нарушения прав заставляли индивида братья за оружие и мстить виновнику. Нередко бывают и теперь подобные случаи: муж, заставший жену с любовником, часто расправляется с ними на месте, крестьяне, поймавшие конокрада или вора, тут же устраивает над ним самосуд; все случаи «самоуправства» представляют явление этого же порядка. Нормальным реагированием на нарушение права теперь является обращение к суду. Но чем хуже функционирует суд, тем чаще и теперь случается самовольное восстановление права. Индивид, право которого нарушено, не надеясь на помощь суда, произвольно сам расправляется с виновником. Блестящее подтверждение сказанного дала история самосудов в России за время революции. Оскорбленное правовое сознание, не находившее удовлетворения в судах, переставших действовать, принуждено было искать выхода в самоуправстве и в самосуде.

И мы знаем, что число их возросло до небывалой величины; они превратились в «бытовое явление», как «бытовым явлением» Америки были «суды Линча»^{20*}, т. е. те же самосуды.

Образно говоря, *право, в случае его нарушения, превращается в силу, которая заставляет индивида негодовать, возмущаться, вызывает своеобразную боль оскорбленного правового достоинства, пробуждает его сжимать кулаки, братья за оружие, бросаться на виновника и пускаться в борьбу, весьма часто невыгодную, сопряженную с опасностями, с лишением и с экономическим ущербом.*

Подобное явление наблюдается как в индивидуальной, так и в социальной жизни. В последней сознание нарушенного права масс влечет за собой их восстание, борьбу за нарушенные права в виде революции. Представим себе на минуту, что власть решила ввести крепостное право и восстановить институт барщины. Легко понять, что следствием такого акта было бы восстание всего народа. В этом акте народ усмотрел бы нарушение его основного права – пра-

ва свободной личности. Неизбежным следствием этого сознания нарушенного права была бы общая борьба народа за свое право. Вот почему восстановление подобных институтов сейчас невозможно. Вот почему право является громадной силой, определяющей судьбы общественной жизни.

Не будь этого сознания своих правомочий, все бесчисленные акты борьбы за право – индивидуальные и массовые – не имели бы места. Защита прав государства путем войны, сопротивление нации против нарушения ее прав в виде революции, восстания против произвольных актов и нарушения основных законов со стороны правительственной власти, суровые формы самосудов и закона Линча, кулачное право и судебный поединок, пережитком коего является дуэль, дозволенная самозащита в виде необходимой обороны и, наконец, суд – все это разнообразные формы борьбы за право, все это явления, вызванные правом... Они вызваны произвольно, вследствие особого ощущения *правовой боли*. *Защищая нарушенное право, человек защищает свою личность, ее нравственное и общественное достоинство. Вот почему защита права есть защита величайшей общественной ценности.* Человек, не имеющий сознания своих прав, – это раб, это «рабская душа». Весь строй его психики и поведения иной, чем строй человека, сознающего свои права и готового за них бороться. Основное различие между свободным гражданином и рабом, «холопской душой», «лакеем» состоит именно в том, что раб и холопская душа не сознают своих прав и не способны за них бороться, тогда как свободный человек знает свои права и борется за них. Недаром же римляне называли рабов «рабскими душами» (*anima servilis*) и в противоположность этому с гордостью говорили: *civis romanus sum* («я римский гражданин»), что означало: я свободный человек, сознающий свои права. Народ, не имеющий сознания своих прав, – раб, а не свободный народ. Народ, не желающий, не умеющий бороться за свои права, – холопский народ: такой народ не может быть свободным, а раз получив свободу, легко может потерять ее, а вместе с ней и все свои права. Иное представляет народ, сознающий свои права и готовый до конца бороться за них. Такой народ, потеряв свободу, сумеет ее завоевать, а раз завоевав, он сумеет сохранить ее. Примером такого народа может служить английская нация. Едва ли у какой-либо другой нации столь глубоко вошли в плоть и кровь сознание своих прав и готовность бороться за них. Мудрено ли поэтому, что англичане раньше других народов стали свободными; мудрено ли, что они свободы и не потеряли, и не потеряют. Недаром же и в гимне их поется: «Никогда англичанин не будет рабом». Этим правовым сознанием объясняется готовность англичан всюду и везде защищать свое право, как бы оно ни было мало и как бы ни велики были жертвы, сопряженные с этой защитой. Если англичанина надули на несколько рублей, он способен задержаться на неделю и истратить в десять раз больше того, что с него взяли обманом, лишь бы восста-

новить нарушенное право. Это малопонятное для нас поведение имеет громадный смысл: защищая ничтожно нарушенное право, он защищает свою личность, он защищает все право, он исполняет долг перед самим собой. Привыкнув защищать право в мелочах, он с тем большей энергией защищает его тогда, когда дело идет о родине, о свободе и о других важных правах. Понятно поэтому, почему англичанин свободен и почему он «никогда не будет рабом».

Иными словами, влияние права как чисто мотивирующей силы сказывается не только в том, что оно вызывает одни поступки и удерживает от других, но и в том, что оно *облагораживает весь душевный строй людей, всю их психику, превращает ее из «холопской души» в душу свободного гражданина.*

С этой точки зрения *развитие и укрепление правового чувства в народе есть здоровое явление, необходимое для развития его свободы и улучшения жизни. То же относится и к каждому индивиду.* Одной из задач педагога по отношению к детям является воспитание в них здорового правового чувства: развитие в них наряду с сознанием своих обязанностей и сознания своих прав, сопровождаемого готовностью бороться и защищать их всегда и всюду.

Из сказанного следует, что раз право в форме простого сознания своих полномочий и обязанностей столь значительно влияет на поведение индивида, оно тем самым значительно влияет и на поведение всего общества, ибо общественная жизнь складывается из поступков отдельных членов общества. Отсюда следует, что *право, прежде всего в качестве чистой мотивирующей силы, является фактором общественной жизни.*

§ 2. Влияние права как принудительной силы

Влияние права не ограничивается очерченным выше влиянием чистого сознания своих прав и обязанностей. Оно гораздо шире. В предыдущем мы рассматривали поступки, исполняемые в силу чисто правового убеждения, в силу права «за совесть, а не за страх». Но право, и официальное право в особенности, в тех случаях, когда его предписания добровольно не исполняются, прибегает к принуждению в различных формах и насильно заставляет подчиняться его приказам. Очерчивая влияние права, мы должны учесть и эту форму правового действия. Здесь, следовательно, идет речь о *влиянии права как принудительной силы.*

Влияние права как принудительной силы проявляется в тройкого рода фактах. Во-первых, в том, что многие поступки совершаются людьми или от многих поступков люди воздерживаются не за совесть, а в силу желания избежать наказания или получить награду. Во-вторых, в том, что право в ряде случаев физически принуждает людей держаться определенного поведения. В-третьих, в том, что можно назвать прямым и косвенным правовым отбором.

Поступки, вызываемые угрозой кары и обещанием награды. А) *Влияние правовой угрозы наказанием и правовой награды.* Весьма часто в обычной жизни люди, имеющие определенные правовые убеждения, при тех или иных «искушениях» склонны бывают поддаться последним и нарушить правовую норму. Если бы нарушение права не влекло за собой никакого наказания, то такие правонарушения были бы довольно часты. Одни правовые убеждения в силу слабости и несовершенства людей бывают недостаточны для многих, чтобы удержать их от соблазна. В этом случае право проявляет свое влияние *иначе: не силой чистого убеждения, а страхом наказания.* Если многих людей оно бессильно удержать убеждением от преступлений, то удерживает их угрозой кары или обещанием награды. Иными словами, здесь право начинает играть на других струнах души – на боязни наказания и желании награды. Едва ли можно сомневаться в том, что таким путем оно весьма значительно влияет на наше поведение и общественную жизнь. Сколько имеется чиновников, не берущих взятки только потому, что они боятся наказания. Не будь этой угрозы, число взяточников было бы гораздо большим, чем оно есть на самом деле. Сколько имеется лиц, которые были бы не прочь попользоваться чужим добром; и если не крадут, то только потому, что боятся кары. Сколько имеется жен и мужей, верных друг другу «по принуждению», из-за боязни общественного скандала и общественного позора. Как много солдат, которые не пошли бы на военную службу, а тем более в бой, если бы угроза наказанием и расстрелом не висела над ними. Как много в каждом обществе имеется лиц, недовольных властью и «сочувствующих» ее низвержению, однако только единицы из сотен и тысяч осмеливаются вступить в открытую борьбу с властью, остальные же беспрекословно подчиняются ей и воздерживаются от борьбы, ибо боятся наказания.

Коротко говоря, угрозы вообще и угрозы наказанием в частности оказывают значительное влияние на поведение людей, а тем самым и на общественную жизнь. То же следует сказать и о влиянии награды. Право заставляет подчиняться себе не только угрозой кары, но и обещанием награды в виде, напр., повышения по службе, увеличения жалованья, раздачи орденов, почетных знаков и т. д. Каждый знает, что многие чиновники добросовестно исполняют свои обязанности потому, что «делают карьеру»; не будь наградного рычага права, многие из них едва ли бы обнаружили то исключительное рвение, какое они проявляют из желания получить награду. То же следует сказать о людях вообще. Награда в различной форме: в виде популярности, славы, денег, уважения, чинов, орденов, тех или иных вещей, похвалы, Георгиевского креста, «похвального листа», жетона и т. д. – была и остается условием, значительно влияющим на поведение человека. Поэтому оказывает на него влияние и право, пользующееся этим рычагом человеческого поведения. Влияние права в этой форме будет еще

более значительным, если учесть, что оно *пользовалось обещанием не только земных наказаний и наград, но и занебесных, потусторонних*. Сплошь и рядом, в особенности в прошлом, право грозило за нарушение его норм наказанием не только земным, но и небесным: адом, дьяволами, божеским наказанием, вечной мукой, адовым огнем, погибелью души и т. д. – и наградой не только земной, но и небесной: раем, райским блаженством, божьим благословением, спасением души и т. д. Было бы наивно полагать, что такие угрозы и обещания не имели и не имеют влияния на поведение людей религиозных и верующих.

Влияние права путем угрозы наказанием и обещания награды было громадным, оно играло и до сих пор играет огромную роль в общественном поведении и в социальной жизни. Даже теперь, когда, как увидим ниже, кары и награды начинают играть меньшую роль, влияние их огромно. Если бы они были совершенно уничтожены, механизм общественной жизни стал бы значительно иным: преступления возросли бы, исполнение своих обязанностей многие сочли бы ненужным и т. д. Само собой разумеется, чтобы право влияло путем наказания и наград на поведение, оно должно не только «угрожать» ими, но и выполнять свою угрозу. И чем *скорее* оно ее выполняет, чем *неизбежнее* это осуществление, чем, наконец, *больше сама кара или награда*, тем влияние правовой угрозы карой и обещания награды больше и действеннее.

Если же угроза остается на бумаге, тогда она перестает влиять, с ней перестают считаться, и право в этой форме становится бездейственным.

Таков этот способ принудительного влияния права на общественную жизнь и поведение людей.

Поступки, вызываемые правовым принуждением. В) *Принудительное (в узком смысле), физическое влияние права*. Под этим видом правового принудительного влияния понимаются те случаи, когда право физически заставляет людей исполнять его предписания. Так, свидетель, эксперт, виновный, не являющийся на суд, приводятся и насильно принуждаются выполнить обязанности; должник, не уплачивающий своего долга, принуждается к этой уплате путем распродажи его имущества; солдат, уклоняющийся от несения воинской службы, принуждается к ее исполнению; пьяный, не желающий покинуть чужой дом или улицу, арестуется и отводится полицией в участок; лицо, нападающее на другого, физически не допускается к избиванию; толпа, пытающаяся разгромить магазин, физически (пожарными насосами, выстрелами и т. д.) вынуждается прекратить это правонарушение и т. д. Таких физически принудительных актов, обязанных своим существованием праву, ежедневно совершается множество и в индивидуальном и в массовом масштабе.

Не будь права, они не могли бы иметь места.

Право здесь принимает форму настоящей физической силы и властью, чисто физическим путем, заставляет непокорных подчиняться его велениям и тем самым является фактором общественной жизни.

Влияние «правового отбора» на общественную жизнь. С) *Принудительное влияние права в форме прямого и косвенного правового отбора.*

Третьим видом принудительного влияния права на общественную жизнь являются те изменения в последней, которые вызываются изменением народонаселения, производимым действием права.

Это прямое влияние права на народонаселение проявляется прежде всего в удалении правом ряда мест с жизненной сцены. *Речь идет о смертной казни.*

Незначительное с первого раза количество лиц, убиваемых по приговору права, будет весьма значительным, если учесть количество жертв за всю историю человечества. Их придется считать не тысячами, а сотнями тысяч и даже миллионами. Цифра расстрелянных и убитых по приговору суда, при военных положениях на месте преступления, при усмирении бунтов, при индивидуальных правовых конфликтах и т. д. весьма значительна и теперь. В прошлом она была несравненно больше.

Эта цифра станет поистине грандиозной, если учесть войны и их жертвы, жертвы массовых и групповых столкновений, происходящие на почве права и порождаемые правом.

Количество таких лиц за всю историю человечества поистине громадно. *Здесь право выступает в роли фактора, удаляющего из жизни лиц, не подчиняющихся его велениям.* Иными словами, право выступает в роли фактора социального отбора.

Эта роль права станет еще более важной, если учесть результаты не только прямого, но и косвенного правового отбора. На состав и характер народонаселения право действует не только путем прямого удаления преступников из жизни, но и косвенным путем: *другими наказаниями, ссылкой, тюрьмой, каторгой* и т. д.

Сколько лиц преждевременно сведено в могилу ударами розог, палок, пыткой и истязаниями, произведенными по приказу права. Сколько лиц умерло раньше времени, исчехнув в тюрьмах, сырых казематах и на каторге. Сколько лиц погибло в ссылке от лишений, холода, голода и других опасностей. Жертвы надо считать сотнями тысяч. Эти сотни тысяч надо удесятерить, если учесть, что эти наказания влияли не только на самих преступников, но и на лиц, близких к ним, – на их детей, жен и т. д. Часто гибель наказываемого влекла за собой прямо или косвенно и гибель его близких. Если учесть все эти изменения, производимые правом в составе народонаселения, то поистине роль его как фактора социального отбора будет колоссальной.

Эти изменения в народонаселении, в свою очередь, не остаются без влияния на другие стороны общественной жизни; часто, напр., ссылка преступников в дикие страны влекла за собой колонизацию их и превращение в страны культурные.

Так было с нашей Сибирью, так было отчасти и с Австралией и отчасти с Америкой, где основателями Сев.-Амер. Соед. Штатов были изгнанные из Англии люди, преследуемые за религиозные убеждения. В других странах массовое удаление преступников, в особенности политических, людей обычно сильных, полезных и энергичных, способствовало длительному «обескровливанию» страны и остановке ее развития. Так случилось, напр., с Испанией, где, по вычислениям историков, инквизиция вырвала более 300 000 жертв из населения; после такой «работы» инквизиторов Испания стала «обескровленной», ее умственное, экономическое и политическое развитие остановилось; конечно, такой факт вызван не только правовым «отбором», но и другими факторами. Но и первый среди них играл роль.

Прямой и косвенный правовой отбор отражается и на других сторонах общественной жизни: моральной, экономической, политической, религиозной и т. д.

Такова в основных чертах социальная роль права как принудительной силы.

§ 3. Дрессирующее влияние права

Влияние права на поведение человека и общественную жизнь не исчерпывается очерченными формами действия права как чисто мотивационной силы и как силы принудительной; к этим видам необходимо добавить еще *дрессирующую роль права*.

Значение повторения в жизни людей. Это влияние его основано на значении привычки и повторения. Повторение тех или иных действий, как известно, играет громадную роль в жизни человека. Если человек крадет один, другой и третий раз, то в результате такого повторения правовое убеждение его, состоящее в недозволенности кражи, расшатывается, акты кражи становятся для него привычными, и в итоге мы получаем профессионального вора. И обратно: если человек в тяжелых условиях нужды или при соблазнительных случаях находит в себе силу воздержаться от кражи один, другой и третий раз, то повторение воздержания от кражи имеет своим результатом укрепление правового убеждения «кража – преступна», с одной стороны, с другой – создание прочной и сильной привычки отказа от кражи при всяких условиях. Таким образом получается индивид, который ни в коем случае не пойдет на такое преступление. На почве того же повторения вырабатываются типы привычных курильщиков и пьяниц.

Сначала просто «балующийся» табаком индивид после достаточного числа повторений курения превращается, помимо своей воли, в «заядлого» курильщика, которому отстать от курения уже трудно. Курение, благодаря повторению, входит в плоть и кровь и становится насущной потребностью. То же приходится сказать и о привычных алкоголиках.

То же громадное значение играет повторение по отношению ко всему нашему поведению. Человек, солгавший много раз или позволивший несколько раз брать взятки, в силу повторения становится привычным лжецом или привычным взяточником. И обратно: лицо, воздержавшееся от лжи и взятки много раз, приобретает привычку говорить всегда правду и никогда не лгать.

Роль повторения огромна как в жизни животных, так и в жизни человека. У первых в силу повторения при одинаковых условиях создаются автоматические шаблоны поведения, способные превращаться в настоящий инстинкт. То же применимо и к человеку, у которого повторение создает настоящую привычку, властно принуждающую его действовать по шаблону этой привычки.

На этой силе повторения и основано дрессирующее влияние права.

Предположим, что издается закон, карающий годом тюрьмы или штрафом в 10 000 рублей всякого курильщика. Если не все, то значительная часть курильщиков, не желая подвергаться такому наказанию, с одной стороны, с другой – находя полезным бросить курение, не будет курить день, неделю, месяц. Чем больше времени они не курят, тем более слабой становится потребность курить.

Повторение некурения постепенно разрушает привычку курить. После достаточного времени эта привычка может совершенно исчезнуть. Бывшие курильщики, переставшие курить под влиянием правовой угрозы, с течением времени не будут курить и тогда, когда эта угроза будет снята.

Этот схематический пример показывает, что *право на почве повторения может в ряде случаев уничтожить одни привычки – в данном примере привычку курения – и привить новые*. В подобных явлениях оно выступает в роли дрессировщика, который в известных границах способен выдрессировать людей в том или ином направлении.

В истории человечества право действительно играло и играет такую роль. Многие общественные обычаи и привычки созданы таким путем. Больше того, право на почве дрессирующего значения повторения нередко играло важную роль в определении судеб целого народа.

Из истории нам известно, что благодаря дрессирующему влиянию права народ терял свою свободу и из свободного народа становился рабом не только по принуждению, но и рабом по душе.

Это обычно происходило так. Свободный народ покорялся другим, более сильным народам и принудительно обращался в рабство. Покоренная группа вначале мирилась с рабским состоянием только в силу принуждения: благодаря

беспощадным карам и мучительным репрессиям. Но долговременное пребывание в рабском состоянии и многочисленное повторение повиновения и обязанностей раба не проходили даром.

С течением времени правовое сознание свободного гражданина выветривалось, традиции прошлого забывались, привычка повиновения укреплялась, глубже и глубже входила в плоть и кровь рабская психология, в итоге – по прошествии нескольких поколений свободный некогда народ превращался в природного холопа, в раба по своей психике, по своей природе.

Приблизительно таковой и была история возникновения и существования рабства.

Аналогичной была схема и обратных случаев: превращения крепостного народа в свободный народ. Здесь новое правовое сознание, проникшее в душу крепостных, властно заставляло их бороться с порабощением и добиваться своей свободы. Если они в борьбе за свободную жизнь переходили от слов к делу и повторяли борьбу действием многократно, такое повторение уничтожало мало-помалу всю рабскую психологию, укрепляло новое правовое сознание и в дальнейшем еще упорнее заставляло бороться их за свои права. На почве повторения и дрессирующего влияния нового правосознания вместо крепостной группы возникал новый свободный народ; вначале он был свободным только в душе, но упорная борьба, вызываемая новым правосознанием, большей частью делала его свободным и в жизни. Крепостное право – рано или поздно – падало, и на его месте утверждалось право свободного человека.

Быть может, нигде так резко, как в военной службе и в явлениях военной дисциплины, не проявляется дрессирующее влияние права. Военная дисциплина и выправка основаны в значительной степени на этом влиянии. Военная муштровка представляет не что иное, как систематическое пользование дрессирующим влиянием права: путем приказов здесь сначала приучают человека «стоять прямо, держать руки по швам, глазами есть начальство, делать повороты кругом, направо и налево, определенным образом держать ружье, козырять, отвечать “так точно” и “никак нет”» и т. д. Если вначале и командирующему, и солдату нужно прилагать множество усилий для получения надлежащих актов и действий, то потом, после ряда повторений, военная выправка становится привычной, выполняется сама собой и часто, особенно у николаевских солдат, оставалась и остается на всю жизнь.

Из сказанного следует, что дрессирующая роль права играет немалое значение в поведении людей и в общественной жизни. Право и здесь выступает как определенная сила. Эта сила может быть использована и плохо, и хорошо.

Путем дрессирующего влияния права можно привить обычаи, как дурные и общественно вредные, так и хорошие, общественно полезные.

Примером первых может служить прививка рабских привычек и рабской психологии, примером вторых – прививка психологии и поведения свободного человека.

Все здесь зависит от того, в чьих руках находится аппарат официального права и на служение каким целям он посвящен. Дурные правители могут причинить немало вреда обществу путем использования этого аппарата; и обратно, разумный и честный правитель может содействовать развитию и прогрессу общества умелым использованием механизма и влияния права. Право прививало человечеству на протяжении истории нравы и обычаи и дурные, и хорошие. Но число последних было гораздо больше. В общем и целом сила права служила хорошим и общественно полезным целям. Такая роль права является нормой, обратная – исключением.

Резюме. 1) Право является фактором общественной жизни и имеет громадное влияние на поведение человека и ход общественных событий.

2) Это влияние права проявляется в трех основных формах: а) в чисто мотивационном влиянии его; б) во влиянии его как принудительной силы; с) во влиянии его, основанном на роли повторения и привычки (дрессирующая роль права).

Глава XI. Правовой прогресс человечества и основные законы развития права

§ 1. Три основные теории

В предыдущем мы познакомились с понятием права и видели, что по своему содержанию оно изменчиво, оно различно у разных лиц и народов и меняется с ходом истории. Сам собой встает вопрос: *в какую же сторону направлено изменение права, становится ли оно по своему содержанию с поступательным ходом истории лучше, совершеннее или, наоборот, с ходом истории оно становится хуже?*

Этот вопрос равносильен вопросу: улучшится ли в морально-правовом отношении человечество с ходом истории или нет? Есть ли морально-правовой прогресс человечества или таковой отсутствует?

Вопрос этот возник уже давно и получил множество ответов. Все эти ответы можно свести к трем основным решениям.

Теория морально-правового регресса. Одни мыслители утверждали, что никакого морально-правового прогресса человечества нет. *С поступательным ходом истории человечество не только не становится лучше в морально-правовом смысле, но, наоборот, становится хуже.* Идеал морально-правового человека находится не впереди, а позади, на заре истории.

Типичными примерами такого взгляда могут служить древние космогонии, в частности библейская. В последней говорится, что вначале люди были чисты и невинны; как боги, они не знали ни добра, ни зла. Но потом появился искуситель, люди впали в грех и с тех пор испортились. На почве этих преданий некоторые церковные и светские мыслители в противоположность теории Дарвина построили свою, гласящую, что не человек произошел от обезьяны, а, наоборот, обезьяна есть выродившийся человек.

Отрицая нравственно-правовой прогресс человечества, это течение тем самым отрицает и улучшение права с поступательным ходом истории.

Теория круговоротов. Второе решение поставленного вопроса гласит: *с поступательным ходом истории нет ни морально-правового прогресса,*

ни регресса, а есть «топтанье на одном месте», прохождение определенного круга и возвращение к исходному положению. Сообразно с этим и эволюция права сводится к «шагу на месте». Право, подобно белке в колесе, пройдя определенный цикл изменений, снова возвращается к отправному пункту, снова начинает проходить прежний круг.

Эта теория, выраженная рядом мыслителей, чрезвычайно образно и ярко сформулирована в той же Библии. «Род проходит и род приходит, а земля пребывает вовеки, – читаем мы в книге Екклезиаста. – Восходит солнце и заходит солнце и спешит к месту своему, где оно восходит. Что было, то и будет. Что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”, но это было уже в веках, бывших прежде нас».

Теория нравственно-правового прогресса. Третий ответ на вопрос о морально-правовом улучшении человечества и прогрессе самого права решает его *положительно*. Он гласит, что *с поступательным ходом истории человечество в общем и целом (не без временных поворотов и задержек) совершенствуется в морально-правовом отношении, улучшается и право человечества*.

Эта точка зрения выражена весьма многими учеными нашего времени.

Таковы три основные решения поставленного вопроса.

Которое же из них истинно?

Прежде всего приходится отбросить как ложную теорию круговоротов. Право изменяется, но в своем изменении оно не повторяет никаких циклов, наблюдение всей жизни человечества и истории права не дает никакого основания для теории круговоротов. Никакой народ и никакое право в своем изменении не повторяет раз пройденного круга. Остаются, следовательно, теория прогресса и теория регресса.

Для того чтобы решить, которая из них правильна, необходимо, очевидно, предварительно условиться: что мы понимаем под лучшим и что под худшим; иными словами, *необходимо установить критерий морально-правового улучшения и морально-правового ухудшения* (прогресса и регресса).

Только установив такой критерий, можно говорить, улучшается право или нет. Если право в своем развитии приближается к такому критерию или идеалу, напр. к заповеди «любите друг друга», налицо будет правовой прогресс; если удаляется от состояния, указываемого этим идеальным критерием, налицо будет правовой регресс.

§ 2. Правовой идеал и критерии правового прогресса

Следовательно, так или иначе этот критерий или идеал права должен быть установлен. Какое же общественное состояние, какая ценность или какая основ-

ная норма может быть таким идеальным критерием? Является ли им такое общественное состояние, где люди ненавидят друг друга и борются между собою, или же, наоборот, таким критерием является общество людей, беззаветно любящих друг друга и готовых отдать «душу свою за други своя»? Является таким критерием принцип *пользы общества* или же принцип *блага человеческой личности*? Служит ли такой основной нормой норма «люби ближнего» или норма «ненавидь ближнего»? Должны ли нормы права приближаться по содержанию к «заповедям блаженства» Христа или к заповедям Тимона Афинского, гласящим:

О, пусть во мне растет все выше, все сильней
С годами ненависть к породе всех людей!
Ты, девственность цветущая, ступай немедленно
В пристанища разврата! Дитя! Забудь родителей своих.
Матроны, развратитесь! Служители, воруйте у господ!
Как господа воруют по закону и т. д. ^{21*}

В ответ на эти вопросы приходится сказать, что теоретически никакой идеал не доказуем; теоретически в качестве правового идеала можно брать норму «люби ближнего» и «ненавидь ближнего». То и другое будет теоретически одинаково «истинным».

Но теоретический критерий истинности неприменим к норме поведения и к правовому идеалу. Правовая норма отвечает не на вопрос «Какое поведение теоретически истинно или ложно?», а на вопрос «*Каким должно быть поведение, чтобы быть хорошим, справедливым поведением?*». Иными словами, к идеалу правовой нормы применим не теоретический, а *практический* критерий – *критерий блага личности и блага общества, т. е. всех других личностей*.

Таким критерием исторический опыт человечества указывает критерий *действенной любви людей друг к другу*, т. е. норму «*люби ближнего, помогай ему, будь солидарен с ним*», а не норму «ненавидь ближнего, причиняй ему зло» и т. д.

Мораль и право всех народов, всех времен прямо или косвенно, в различных терминах, хорошим и должным поведением по адресу «ближних» считали поведение, совпадающее с заповедью любви и солидарности, поведение, как выше было указано, полезное для группы, а не поведение, руководствующееся заветом ненависти к ближнему, причинения ему вреда, т. е. поведение общественно вредное. Дозволенными и должными актами, как мы видели, были акты общественно полезные, недозволенными, преступными – акты социально вредные.

Таков практический опыт человечества и указываемый им критерий улучшения или ухудшения как самого права, так и морально-правового состояния человечества.

Тот же критерий диктуется и современной морально-правовой совестью человечества. С точки зрения этой совести *идеальным обществом будет такое,*

где всестороннему развитию личности – умственному, нравственному и художественному – предоставлен полный простор, где интересы одной личности не противоречат интересам других, где человек для человека является богом, где люди действительно и самоотверженно любят и уважают друг друга, где они в своем поведении преследуют прежде всего и больше всего общее благо всех и преследуют не по принуждению или по корысти, а по доброй воле – в силу сознания чистого общественного долга. Нет сомнения, что такое, а не противоположное общество, построенное на взаимной грызне и борьбе, на унижении, ненависти одних к другим, является идеалом для современного правового сознания.

Сообразно со сказанным идеалом права по содержанию является право, определяющее поведение и общественную организацию, соответствующую только что очерченному виду общества, основанного на взаимной любви и солидарности и построенного на принципе служения личности.

Такое право для краткости можно определить как право *взаимной солидарности и любви людей друг к другу, как право социально-благожелательного поведения.* Такое право является правом, отданным на служение личности, ибо только в обществе, где люди друг с другом солидарны и во взаимных отношениях руководствуются заветами любви и взаимопомощи, возможны подлинная свобода, развитие и уважение личности. Только в таком обществе личность может быть «самоцелью», высшей ценностью. Во всяком другом обществе она неизбежно будет средством, «навозом», который будет попирааться одними и приноситься в жертву для тех или иных целей.

Только такое право будет правом, подлинно полезным *всему обществу*, а не отдельной его части, ибо общество, где личности не солидарны и не проникнуты взаимной любовью друг к другу, неизбежно распадается на угнетенных и угнетаемых; сообразно с этим и право, полезное для одних, будет вредно для других, т. е. оно не будет полезно *всему обществу.*

Наконец, только общество, обладающее правом взаимной солидарности и любви, может быть обществом, способствующим продуктивнейшему росту великих ценностей *культуры: Истины, Правды и Красоты.* Правда, или добро, здесь будет развиваться, ибо она лежит в основе организации такого общества. *Истина* для своего развития в виде науки требует той же взаимопомощи и солидарности, без которых она обречена на застой. Сокровищница знания – это плод опыта многих людей и поколений; чем большее число людей могут принять участие в научной работе, тем больше условий, благоприятных росту и накоплению знания. В таком обществе наибольшее число людей смогут посвятить себя служению *Истине.* То же следует сказать и о *Красоте.*

Говоря коротко, только право взаимной солидарности и любви является правом, осуществляющим заветы *братства, равенства и свободы.*

Таков правовой идеал человечества, и таковым должно быть право идеального общества. Этим самым дается критерий для прогресса и регресса правового состояния человечества. *Если окажется, что поступательным ходом истории право и поведение людей все более и более приближаются к очерченному идеальному обществу, построенному на праве взаимной любви и солидарности, это будет означать прогресс и улучшение правового состояния человечества. Если, наоборот, с поступательным ходом истории поведение людей и право обществ удаляются от такого состояния общества и права, это будет свидетельством правового регресса человечества.*

§ 3. Способы измерения роста и уменьшения человеческой солидарности («морально-правовой термометр»)

Указав искомый критерий, мы теперь должны были бы дать ответ на вопрос, существует ли правовой прогресс человечества. Однако предварительно мы должны решить *еще один вопрос: какими объективными мерками мы можем определить, приближается ли правовое состояние человечества с ходом истории к указанному идеальному состоянию или удаляется от него? Где и в чем могут состоять объективные измерители роста или уменьшения солидарности и любви? В чем искать необходимый нам морально-правовой термометр?*

Такого термометра в буквальном смысле нет. Но есть ряд способов, позволяющих объективно решать, приближается или удаляется правовое состояние человечества к очерченному идеалу права.

Таких способов несколько. Остановимся на главных.

Критерий интересов личности. 1) Выше мы видели, что право идеального общества – это право, отданное *на служение личности и интересам ее развития*. Верховной ценностью идеального общества является человеческая личность, ее благо и ее интересы. Отсюда следует вывод: если с поступательным ходом истории право все более и более раскрепощает личность, увеличивает ее свободу и ее основные права, все более и более ценит интересы ее развития, это будет первым доказательством правового прогресса человечества.

Критерий правового равенства личностей. 2) Из принципа «самоценности личности» следует *принцип правового и морального равенства личностей*. Только равноправные личности могут быть равноценными. Только равноценные личности могут быть самоценными. Отсюда вывод: если с поступательным ходом истории правовое и моральное равенство личностей возрастает, это будет вторым свидетельством правового прогресса человечества.

Критерий количественного роста солидарности и социально-благожелательного поведения. 3) Третьим критерием правового прогресса может быть *количественный рост альтруизма и солидарности*. Способом количественного измерения солидарно-альтруистической энергии является исчисление количества лиц, по адресу которых требуется правом альтруистически-солидарное поведение, т. е. число лиц, по адресу которых не допускается совершение злых и вредных для них поступков, с одной стороны, и интересы которых защищаются правом – с другой. Если мы имеем два одинаковых общества, из которых в первом социально-благожелательное поведение требуется только по адресу 100 человек, а во втором – по адресу 100 000 человек, то *количественно* любовь и солидарность во втором обществе будут в 1 000 раз больше, чем в первом. Отсюда следует вывод: если с поступательным ходом истории окажется, что число лиц, по адресу которых требуется социально-благожелательное поведение, все более и более растет, то при прочих равных условиях это будет третьим доказательством правового прогресса человечества.

Критерий качественного роста солидарности и социально-благожелательного поведения. 4) Наряду с количественным критерием солидарного и социально-благожелательного поведения для определения правового прогресса должен быть применен и *качественный критерий*, определяющий интенсивность и глубину социально-благожелательного поведения. Солидарность и общественно-любивое поведение по своей глубине имеют различные степени. Начинаясь от незначительных услуг вроде уступки места соседу в трамвае или в вагоне, они доходят до актов самопожертвования ради блага общества или других людей. Эта качественная сторона дела, естественно, не может быть обойдена. *В применении к праву она может быть исследована по тому минимуму социально-благожелательного поведения, который требуется правом данного общества от его членов*. Если, напр., право одного общества запрещает его членам только убийство, а не запрещает более мелких оскорблений и причинений вреда, то при прочих равных условиях мы имеем основание думать, что качественная степень социально-благожелательного поведения в таком обществе еще низка, гораздо ниже, чем в обществе, в котором право защищает не только жизнь его членов, но и другие менее важные блага: телесную невредимость, честь, неприкосновенность личности, право индивида на свободу слова, печати, союзов, собраний, на свободу религиозных верований и т. д. Общество, в котором право требует от его членов воздержания от нарушения подобных прав личности, является обществом, в котором качественная степень социально-благожелательного поведения гораздо выше, чем в первом. Точно так же, если мы имеем общество, в котором право предписывает богачам уделять 1% своих доходов на общественные нужды, и такое же общество, в котором право требует с богачей

не 1%, а 65% дохода в пользу общества, то при прочих равных условиях второе общество мы должны считать более высоким по качественной степени социальной солидарности, требуемой от его членов.

Отсюда вывод: если мы увидим, что с ходом истории все более и более повышаются требования права, предъявляемые людям в отношении взаимно-благожелательного поведения, это будет четвертым доказательством правового прогресса человечества.

Критерий падения наказаний и наград. 5) Пятым критерием изменения правового прогресса человечества может служить *падение наказаний и наград*, применяемых правом для принуждения членов общества к социально-благожелательному и общественно полезному поведению.

Этот признак может служить критерием правового прогресса по следующим соображениям.

Представим себе два одинаковых общества. Предположим, что ни в том, ни в другом члены его не убивают друг друга. Но в первом потому, что боятся наказаний – смертной казни, налагаемой на убийц, а во втором не убивают в силу чистого сознания долга: недопустимости убийства. При прочих равных условиях мы должны заключить, что социально-благожелательное поведение во втором обществе гораздо выше, чем в первом, ибо в первом люди не убивают друг друга только потому, что над ними висит угроза беспощадного наказания, тогда как во втором не убивают потому, что убийство по своей природе внушает отвращение, органически противное правовому сознанию его членов. Подобно тому, как из двух чиновников, не берущих взятки, морально выше тот, кто не берет их в силу сознания долга, а не из страха наказания, так и здесь второе общество является более близким к правовому идеалу, чем первое.

Отсюда вывод: если с поступательным ходом истории окажется, что наказания и награды постепенно падают без понижения минимума требований солидарно социально-полезного поведения, это будет пятым доказательством правового прогресса человечества.

Критерий качества тех средств, которыми добывается социально-благожелательное поведение. 6) В связи с предыдущим критерием стоит другой признак, также могущий быть показателем правового прогресса человечества. *Этот признак заключается в изучении тех средств, которыми добывалось от людей социально-полезное поведение, добросовестное исполнение общественно-полезных обязанностей в прошлом и теперь.*

С морально-правовой точки зрения далеко не безразлично, в силу чего человек благожелательно относится к людям и добросовестно исполняет свои обя-

занности. Если один делает это из-за страха наказания, другой – из-за корысти и личного эгоизма, третий – из-за чистого сознания морально-правового долга, то степень морально-правовой воспитанности их далеко не одинакова. Наказанием можно заставить и тигра не бросаться на овцу, находящуюся в одной клетке с ним. Совершенно иначе обстоит дело тогда, когда человек не вредит другому не из страха наказания, не из корысти, а из чувства долга, из органической любви и уважения к сочеловекам.

Отсюда вывод: если мы увидим, что с поступательным ходом истории те средства, которыми люди побуждаются к социально-благожелательному поведению и добросовестному исполнению общественно-полезных обязанностей, все более и более облагораживаются, становятся лучше, выше и менее грубыми, это будет шестым доказательством правового прогресса человечества.

Таковы основные объективные критерии, позволяющие судить о том, совершается ли с ходом истории правовой прогресс человечества или нет. Они в своей совокупности могут быть названы «морально-правовым термометром» человечества.

Указав их, теперь мы отвечаем на поставленный основной вопрос. Наш ответ гласит: *морально-правовая история человечества в общем и целом является в то же время морально-правовым прогрессом. В исторических изменениях права, несмотря на временные остановки и повороты назад, даны некоторые постоянные тенденции линий направления, приближающие – с ходом истории – человечество к тому идеальному обществу, построенному на идеальном праве, которое было очерчено выше.*

Доказательством тому на основании указанных критериев служат исторические законы: 1) закон освобождения личности; 2) закон роста правового равенства людей; 3) закон количественного роста солидарности и альтруизма; 4) закон качественного роста солидарного, общественно-благожелательного поведения; 5) закон падения наказаний и наград; 6) закон улучшения и облагораживания тех средств, которыми добывалось и добывается от людей социально-благожелательное поведение.

Перейдем к краткому доказательству каждого из этих законов.

§ 4. Исторический закон освобождения личности и роста ее ценности

Первым критерием правового прогресса является критерий раскрепощения и освобождения личности, роста ее неотъемлемых прав и свободы превращения ее из средства в социальную высшую ценность – в самоцель, интересы которой служат «мерой всех вещей»... Наблюдается ли с ходом истории такой прогресс раскрепощения личностей? Ответ должен быть положительный.

Бесправное положение личности в прошлом. С поступательным ходом истории общественная ценность личности, несомненно, растет, как растет и ее раскрепощение. В древности ценность личности как таковой была ничтожной. Она поистине играла «роль пальца от ноги». Все внимание права было направлено на защиту интересов группы. Во имя этих интересов личность и ее интересы постоянно приносились в жертву. О правах личности здесь не могло быть и речи: место их занимали права и интересы общества. Если во имя этих интересов нужно было пожертвовать личностью, это делалось.

Личность сама по себе здесь не имела цены: она ценилась только поскольку, постольку она была членом того или иного рода, тотема или касты.

Потеряв связь со своей группой или будучи выкинута из нее, она становилась абсолютно бесправной, беззащитной и «вне закона». Такую личность всякий совершенно безнаказанно мог убить; она в этом случае отождествлялась с голодным и хищным волком.

Во имя интересов общества – рода, тотема, касты и религии – личность здесь могли безнаказанно *убить* (убийство стариков, детей и женщин в первобытных обществах), *продать в рабство* (право родителей и старших отдавать в рабство детей и членов общества – обычный факт в древних обществах), украсть, похитить, изнасиловать, короче, лишить всех прав, вплоть до права на жизнь. Само понятие прав личности и ее интересов было чуждо первобытному правовому сознанию. Не было здесь и *самого понятия индивидуальности, личности*: члены первобытных групп по своему поведению, нравам, мировоззрению тождественны друг с другом. В силу этого здесь и речи быть не может о свободе умственного, нравственного и всякого другого развития личности. Личность здесь должна была верить так, как верят все; за иные верования она беспощадно каралась: она должна была вести себя, думать и делать то и так, что и как делали, вели себя и думали все. Уклонения от нормы карались и подавлялись.

Сообразно с этим она не имела никакой свободы и была поставлена под ряд опеки. По отношению к групповой власти она была совершенно бесправна. Власть имела право приказывать, личность обязана была повиноваться.

Короче, личность в древности была социальным нулем, рабом группы – рода, тотема, касты, церкви, власти и т. д.

С поступательным ходом истории положение постепенно меняется: личность из бесправного раба становится полноправным господином, из социальной единицы, не имеющей ценности, она становится основной и главной общественной ценностью, из безличной единицы она превращается в яркую индивидуальность, из опекаемой овцы она становится свободным гражданином и т. д. Таковы вкратце исторические судьбы личности.

Проявлением их служат: 1) *закон индивидуализации личности*; 2) *закон освобождения личности от опеки власти, от пут и опеки всяких других социаль-*

ных групп; 3) закон роста ее неотъемлемых прав; 4) превращение ее в самоцель, по отношению к которой все является средством.

Закон индивидуализации личности. Сущность этого явления заключается в том, что с ходом истории и с развитием культуры личность все более и более индивидуализируется, люди по своим воззрениям, верованиям, вкусам, талантам, образу жизни и т. д. становятся более и более отличными друг от друга. Если в первобытных обществах человеческие единицы были похожи одна на другую, как солдаты в строю, и вели себя подобно последним совершенно одинаково, то в современных обществах личности по своей индивидуальности резко отличаются друг от друга. X не похож на Y, Y – на Z. И в воззрениях, и в верованиях, и во вкусах, и в обычаях, и во всей жизни личности теперь резко индивидуальны. Эта склонность к индивидуализации доходит нередко до чудачеств и искусственного «оригинальничания». Если в прошлом каждый член общества был и стремился быть похожим на других, то теперь, напротив, общей является тенденция к «индивидуализации», к оригинальности, временами – к чудачеству.

Сообразно с этим изменилось и положение личности. Если раньше она ценилась только постольку, поскольку была членом группы, то теперь она ценится как индивидуальность, как личность, независимо от каких бы то ни было связей с группой или с государством. Больше того, в современной общественной жизни есть тенденции тем выше ценить личность, чем она индивидуальнее.

Формула эволюции Г. Спенсера. Данный закон индивидуализации личности есть частное проявление более общего закона эволюции, сформулированного Г. Спенсером. *Согласно этому закону, всякая эволюция выражается в росте дифференциации развивающегося тела, сопровождаемом ростом интеграции или сплочения дифференцировавшихся, выделившихся частей и переходом от однородного, бессвязного состояния в состояние связанное и разнородное.*

Так, эволюция мира заключалась в дифференциации бессвязной и однородной туманной материи на части – звездные системы – и в сплочении ее в планеты, звезды и в солнечные системы. Эволюция животного и растительного мира заключалась в дифференциации бессвязной и неопределенной протоплазмы на части и в интеграции этих частей в организмы. Чем выше организм, тем он дифференцированнее и тем больше сплочения и единства между его частями. То же происходит и в социальной жизни. Чем выше общество, тем оно дифференцированнее, тем члены его индивидуальнее, тем менее они похожи друг на друга. Итак, первое проявление закона освобождения и роста личности – это появление и рост ее индивидуальности.

Освобождение личности из-под опеки и уз власти и социальных групп.

Выше была очерчена абсолютная подопечность личности в древнем обществе. О свободе ее здесь не может быть и речи. Личность как личность была связана многочисленными путями опеки власти и надзора: дети были поставлены под опеку родителей, женщины – под опеку мужчин, младшие – под опеку старших, управляемые – под опеку правителей, сами правители – под опеку всей группы и божества.

Коротко говоря, личность здесь была связана множеством опеки, ее свободе и самоопределению не было места. Власть могла с ней делать все, что ей угодно. Сама по себе она не могла иметь никаких ни личных, ни имущественных прав. *Такой факт подопечного состояния личности объясняется общественной необходимостью:* подобно тому, как нельзя предоставлять полную свободу неразумным детям и сумасшедшим, ибо они могут злоупотребить ею и причинить вред себе и другим, подобно тому как дети и сумасшедшие нуждаются в надзоре и опеке, так и в прошлом, когда люди были еще недостаточно социально воспитаны, когда социально-благожелательное поведение еще не вошло в их плоть и кровь, они нуждались в опеке, в надзоре и власти, которая принудительно заставляла бы их соблюдать необходимый минимум разумного, общественно полезного поведения. Отсюда бессознательно-целесообразное появление круговой и всеобщей опеки членов древнего общества.

По мере того, как с ходом времени социально-благожелательные импульсы входят в плоть и кровь людей, как в течение десятилетий и веков в них, благодаря дрессирующему влиянию права, более и более укрепляются социально-благожелательные чувства и поступки, по мере этого *подопечное состояние личности падает, личность сбрасывает с себя все путы опеки и власти, завоевывает себе свободу и становится свободным человеком.*

Подтверждением этому служат: 1) *падение подопечности женщин;* 2) *падение подопечности детей;* 3) *падение подопечности управляемых;* 4) *освобождение личности от уз касты, сословия, класса, церкви, семьи и государства.*

1) *Падение подопечности женщин.* В древности женщины были совершенно бесправными и отданы были в полную власть и опеку мужа и старших. Последние имели над нею право жизни и смерти. Женщина не имела ни личных, ни имущественных прав.

Исторический ход событий вел к росту ее прав и освобождению личности женщин из-под опеки мужа и старших. В настоящее время права женщины в культурных странах уравниваются с правами мужчин, не исключая и прав политических. Кое-где еще есть незначительные различия, но судьба их предрешена: в ближайшее время они обречены на исчезновение. Женщина на протяжении истории превратилась из рабы в *полноправную личность и освободилась от связывавшей ее опеки.*

2) *Падение подопечности детей*. Все сказанное о женщине применимо и к детям. Как и женщины, в древности они не были субъектами прав: ни личных, ни имущественных. Родители и старшие имели над ними власть жизни и смерти.

Исторический прогресс сказался в том, что дети освободились от опеки, права их стали равными правам родителей. На сцене истории бесправных детей заменила личность полноправного гражданина, обладающего и личными, и имущественными правомочиями с первых дней своего рождения.

3) *Падение подопечности управляемых*. Сказанное применимо и к той массе, составляющей население государства, которая носит название народа, подданных, «управляемых». Раньше они были отданы под опеку и во власть управляющих. Каждая единица из этой группы в древности была отдана в полное распоряжение власти. И сама власть в отношении управляемых выступала как неограниченный господин и повелитель. В деспотических монархиях «управляемые» оцениваются как «псы». Между правителями и управляемыми – целая пропасть.

С ходом истории эта пропасть уменьшалась и в настоящее время почти исчезла. Управляемые сбросили с себя опеку управляющих. Власть из «господствующей» превратилась в *социально-служебную, в приказчика, в исполнителя воли управляемых*. Подлинным сувереном и властелином государства стал *сам народ*, а не стоящая над ним власть. *Управление заменилось самоуправлением* (земским, городским и государственным).

Короче, опека власти исчезла. Управляемые из «бесправных псов» стали самоуправляющимися полноправными личностями. Личность, таким образом, освободилась и продолжает освобождаться и из-под опеки власти.

4) *Освобождение личности от уз касты, сословия, класса, церкви, семьи и государства*.

Образно освобождение личности может быть представлено в виде человека, идущего вперед и по пути рвущего одну цепь за другой, которой он был прикреплен и связан в древности. Эти путы были в прошлом весьма многочисленны.

А) Личность была не только опекаема, но и прикреплена, прикована к ряду институтов: во-первых, к *касте*: человек, родившийся членом определенной касты, и сам, и все его потомки навеки были прикованы к ней, выйти из нее они не могли, права и обязанности касты были для них обязательны. Но с ходом истории касты пали, личность разорвала узы касты и освободила себя от ее опеки.

В) Касты заменились *сословиями*. Но человек с течением времени избавил себя и от сословного плена. Сословия пали. Опека их была сброшена.

С) На смену сословному обществу пришло *классовое* общество. В наши дни мы видим борьбу личности против классовых пут и классового подчинения. Проявлениями ее служат кровавые революции, стачки и забастовки, парламентская борьба и митинги, полемика устная и письменная. Можно ли сомневаться

в том, что и классовые цепи будут разорваны самоосвобождающейся личностью. Мы сами наблюдаем, как мало-помалу они неуклонно и неизбежно подтачиваются и слабеют. На смену *классовому человеку идет надклассовая, полноправная личность, на смену классовому праву идет надклассовое право*. Личность сбрасывает с себя и эти путы.

Д) То же следует сказать и об *опеке церкви*. Древность не допускала свободы вероисповеданий и религиозных убеждений. Человек был прикреплен к религии. Всякая попытка освободиться от принудительных форм верования и опеки церкви влекла за собой беспощадное наказание. С ходом истории такой порядок вещей заменился противоположным: нормой стала *свобода религии и религиозных убеждений*, личность сбросила с себя цепи и опеку церкви и завоевала себе *право верить как угодно, принадлежать к какой угодно религии или не принадлежать ни к какой*.

Е) Сходный процесс наблюдаем мы и в *отношениях личности к семье*. Раньше, как указано выше, личность была поставлена под опеку семьи. Выйти из-под нее она не могла. Дети опекались родителями, женщины – мужчинами, все члены – главой семейства. Связь родителей с детьми была принудительной, связь мужа с женой также, формы брака обязательны, развод недопустим.

На протяжении истории и в этой области произошли громадные изменения, сводившиеся к освобождению личности от принудительных связей семьи. Женщина освободилась из-под опеки мужа, дети также. Власть родителей над ними дошла до минимума. В совершенном государстве (в Англии и Америке) и этот минимум родительской власти остается лишь в том случае, если родительская опека стоит на высоте и удовлетворяет определенным разумным условиям. В противном случае государство и общество берут ребенка из-под родительской опеки и власти. Точно так же ослабляется и принудительная связь родителей и детей, мужа с женой. Современное семейное законодательство увеличивает свободу развода и предоставляет супругам возможность разорвать мучительную для них принудительную связь. Короче, и здесь принудительная связь заменяется добровольной. И здесь личность уничтожает те формы семьи и брака, которые связывают ее, с одной стороны, с другой – перестали быть общественно полезными. Ко многим формам самоопределения наше время присоединило добавочную: *«семейное самоопределение личности»*.

Ф) Наконец, наше время свидетельствует и о начавшемся *освобождении личности от принудительных пут государства*. Эта борьба началась уже давно, и в этой битве личность уже сделала ряд завоеваний, главным из которых является завоевание личностью свободы от опеки государственной власти и превращение самой государственной власти в право и достояние всего народа. Дальнейшими завоеваниями личности в этой среде является завоевание так называемых *неотъемлемых прав человека и гражданина*: неприкосновенности личности,

свободы слова, печати, религии и т. д., право контроля за действием власти государства и целого ряда других прав личности. Таких прав личности древность не знала. И такие неотъемлемые права личности с ходом истории все растут, но в настоящее время мы наблюдаем *большее: стремление порвать с государственным делением человечества и перейти к сверхгосударственным формам общества*, сначала в форме создания единой мировой республики. Эта тенденция является продолжением исторического закона – роста замиренных, солидарных кругов, или закона «расширения идеи ближнего». Едва ли позволительно сомневаться в наличии такой тенденции. Хотя и медленно, но человечество, несомненно, идет к созданию единой мировой федерации, где личность будет истинным гражданином мира, где не будет ни вертикальных государственных перегородок, ни горизонтальных классовых подразделений. Этот предел общественного развития человечества будет поистине слиянием в одно целое *интересов личности, интересов всего человечества*. То и другое будут неразрывно связаны и согласованы между собой. Интерес личности будет означать интерес всего человечества и обратно.

Таков тот конечный итог, который ждет человечество в результате победы личности над государством. Само собой разумеется, что он наступит не скоро. Государство теперь еще не изжито. Полное его разрушение теперь причинило бы скорее вред, чем пользу. Но по мере правового прогресса человечества государство будет отмирать и заменяться более широкими формами общественных соединений. Пусть медленно, но и в этой сфере личность освобождает себя от стесняющих ее развитие форм опеки.

Все сказанное достаточно убедительно подтверждает факты *освобождения личности и превращения ее в высшую социальную ценность. На заре истории личность была ничем, теперь она становится мерой всех вещей*.

Все для нее превращается в средство. Только та политическая организация общества, только то право, та религия, та семья, та экономическая и социальная организация общества имеют будущее, которые не противоречат интересам личности и благоприятствуют ее всестороннему развитию. Конечно, этот процесс еще не завершен и далек от своего предела. Много еще осталось пережитков прошлого, связывающих личность. Но в силу постоянства тенденции эти пережитки обречены на вымирание.

Таким образом, личность на протяжении истории вышла и выходит победительницей из борьбы со всеми своими противниками.

Таковы основные исторические факты, подтверждающие закон освобождения личности и роста ее общественной ценности.

Таково первое свидетельство правового прогресса человечества – приближения его к идеальному общественному состоянию.

§ 5. Исторический закон роста правового равенства людей

Вторым критерием правового прогресса человечества является закон роста морально-правового равенства личности. Только равноправные личности могут быть полноправными и самоценными. Вот почему процесс освобождения личности должен был сопровождаться процессом уравнивания прав личности, иначе – процессом правового равенства людей.

Проявления уравнивательной тенденции. Такая тенденция действительно дана в истории. Она проявилась и проявляется *в уравнивании прав детей с правами родителей, прав женщин с правами мужчин, прав рабов с правами господ; прав членов низших каст, сословий и классов с правами членов высших каст, сословий и классов*, т. е. в уничтожении кастового, сословного и классового деления общества. Наконец, та же тенденция уравнивания проявляется *в уничтожении национальных, религиозных и государственных привилегий*. Короче, социальная жизнь с разных сторон и разными путями с ходом истории уничтожает правовое неравенство и стремится к пределу: *к полному правовому равенству одной личности другой*. Конечно, этот предел еще не достигнут, процесс уравнивания еще не завершен, но нет сомнения в том, что многое уже в этом отношении сделано и что колесо истории продолжает вертеться именно в сторону уравнивания.

Уравнивание полов, родителей и детей очерчено выше. Здесь подробнее остановимся на уничтожении кастового, сословного и отчасти классового неравенства.

Неравенство первобытного общества. В древнем обществе неравенство достигало громадных размеров. Оно выражалось в немногочисленных, но резких формах. Прежде всего, было резкое неравенство полов. Женская половина человеческого рода там была поставлена в положение полного бесправия. Затем было неравенство по возрасту. Самыми полноправными здесь были старики, как носители опыта, как более умные. Что же касается детей, то они были абсолютно бесправны. Родитель имел над ними право жизни и смерти. Дети были вещью (res), а не персонами (persona). Полноправнее, чем дети, были зрелые, но и права их были уравнены с правами стариков. Рядом с этими видами неравенства выступали и другие его признаки: вождь был выше обыкновенного человека, чародей тоже выше других. Отсюда следует, что равенства в древнем обществе не было и не могло быть.

Кастовое неравенство. Дальше мы находим кастовое общество. Это такое общество, где неравенство бьет резко, определенно. Кастовое общество распадается на целый ряд мелкокастовых делений, освященных религией и правом. Переход из касты в касту здесь решительно недопустим. Эти кастовые деления

были многочисленны и разнообразны. Обычно на основании «Законов Ману» думают, что у индусов были только четыре касты: каста браминов, каста военная (кшатриев), каста земледельцев и торговцев и, наконец, каста бесправных шудр. Но при детальном изучении оказывается, что там не четыре касты, а бесконечное множество каст; напр., есть каста носителей воды из источника А, другая каста – носителей воды из источников В, С и т. д. Каждый человек и все его потомки навеки были прикреплены к своей касте и выйти из нее не могли. Неравенство там доходило до грандиозных размеров.

Сословное неравенство. Но кастовые общества пали, и на смену им пришли *сословные общества*. И здесь неравенство продолжает существовать, но оно более мягко, оно не так абсолютно прикрепляет человека к своему сословию. У нас, напр., с получением определенного чина или за услуги государству возможен был переход из крестьянства в дворянство. В сословном обществе перегородки не так абсолютны.

Но прошли века, пало и сословное неравенство. Ночь 4 августа 1789 г., когда французское дворянство принуждено было отказаться от своих привилегий^{22*}, была тем пограничным столбом, который впервые положил конец сословному делению общества. Сословная дифференциация исчезла. Она осталась только в отсталых государствах, как, напр., в России, а теперь исчезла и у нас. Таким образом, в истории мы видим постепенный процесс уравнивания, процесс уничтожения и ослабления общественного неравенства.

Классовое неравенство. В данный момент юридического неравенства почти нет; есть неравенство *классовое, но не юридическое, не религиозное*. В силу этого и говорят теперь, что наше общество есть общество демократическое, построенное на равенстве всех перед законом и судом.

Смена каст сословиями и сословий классами – прямое свидетельство растущего правового уравнивания. В настоящее время мы живем в периоде борьбы за уничтожение классового неравенства. Борьба с ним – основной принцип социализма. Может быть, она протянется долго, но едва ли можно сомневаться в ее успехе.

Падение национального и религиозного неравенства. Параллельно с этим происходит и уравнивание национальностей, религий и прав граждан различных государств. Неравенство, связанное с религией, в культурных государствах уже изжито. Падает и неравенство прав, связанное с национальностью. Наше время особенно резко провозгласило принцип национального равноправия и права каждой нации на самоопределение.

Так, различными путями правовое неравенство умирает и заменяется принципом равенства прав одной личности с другой.

§ 6. Исторический закон количественного роста социальной солидарности (закон расширения социально-замыренных кругов)

Третьим критерием правового прогресса человечества был указан критерий количественного роста альтруизма, т. е. увеличения числа тех лиц, по адресу коих требуется социально-благожелательное поведение.

В поступательном ходе истории такая тенденция, несомненно, наблюдается: чем ближе к нашему времени, тем большим становится число лиц, по адресу коих требуется альтруистическое поведение.

Обязательный минимум доброго поведения от дикаря требовался лишь по адресу членов своей группы. Лица же, не принадлежащие к своей группе, считались одновременно и чужими, и врагами (латинское *hostis* значит «чужеземец» и «враг»), с которыми можно было делать все, что угодно. На первых порах убийство чужаков считалось поступком не только дозволенным, но и похвальным. Число же членов первичных групп, по вычислению Сутерланда, равнялось в среднем 40 человекам. Значит, от дикаря требовалось доброе поведение лишь по адресу 40–60 человек, а по адресу остальных он мог делать все, что угодно: убивать, воровать, насиловать и т. д. Чем дальше, тем число этих «своих» все более и более растет, ибо растет объем социально-замыренных кругов. По данным того же Сутерланда, общества средних дикарей насчитывают уже около 150 человек, высших – 360; общества варваров (низших) имеют около 6 500 членов, средних варваров – 228 000, высших – 442 000, общества же цивилизованных народов, начиная с союзов в 4 200 000, кончают государствами в 30 000 000 человек и более. Рост этих цифр означает увеличение числа лиц, по адресу которых требуется альтруистически-солидарное поведение. Если прибавить к этому, что фактически, а отчасти юридически, теперь подобное поведение требуется по адресу *всех* людей, то рост количественного повышения социально-солидарного поведения становится вполне ясным и бесспорным. Область «ближних» разрослась до «бесконечности», область «чужих» упала чуть не до нуля.

Таким образом, количественный рост альтруизма и солидарности несомненен, следовательно, и этот закон подтверждает правовой прогресс человечества.

§ 7. Исторический закон качественного роста солидарности и социально-благожелательного поведения

Четвертым признаком правового прогресса человечества является качественный рост солидарности и общественно-благожелательного поведения людей друг к другу.

Наблюдается ли таковой процесс в истории? Повышается ли с ходом ее качественно минимум социально-благожелательного отношения людей друг

к другу, который требуется правом? Повышаются ли в том отношении сами требования права?

Как ни трудно измерять такие процессы, однако все же приходится ответить на эти вопросы положительно.

Уже очерченное выше количественное увеличение альтруизма является в то же время и качественным. Но и помимо его ряд явлений говорит о качественном росте солидарности. Требуемый первобытным правом минимум социально-благожелательного поведения был очень невысок: от членов общества требовалось только воздержание от нарушения основных прав личности; им запрещалось убийство, тяжкие телесные повреждения и т. д. Список уголовных преступлений первобытных обществ был невелик и не был проникнут уважением к правам личности. Больше того, даже такие злостные акты, как убийство, и те запрещались не абсолютно, а относительно: при весьма частых условиях и поводах один член мог мстить другому и убить его, его близких и т. д.

Теперь в общем и целом право гораздо требовательнее. Каждый член общества в современных государствах обязан ценить и уважать других людей гораздо больше, чем раньше: ему запрещается посягать не только на такие блага личности, как жизнь, телесная невредимость и т. д., но запрещается причинение малейшего психического и материального вреда другому; он не имеет права посягать ни на жилище и дом другого, не может ему угрожать, не имеет права вводить его в обман и в расходы путем хитрости и уловок, обязан уважать свободу слова, печати, собраний и чужие религиозные убеждения; никто теперь не имеет права лишить человека свободы, нарушить тайну его корреспонденции. Современное право запрещает далее пользоваться слабостью, темнотой, невинностью и незрелостью других; оно защищает слабых от эксплуатации сильных и т. д. С другой стороны, оно накладывает все растущие обязанности на людей и по проявлению *активного* альтруизма, оно требует от людей оказания помощи лицам в опасном или бедственном положении, принуждает богатых – в виде прогрессивно-подходного налога и различных форм обложения – отдавать все больший и больший процент доходов в пользу общества и т. д.

Короче, с ходом истории право требует от личностей проявления все большего и большего альтруизма и в пассивной, и в активной форме.

Такой процесс, несмотря на его трудную измеримость, совершается в истории и служит новым подтверждением правового прогресса человечества.

§ 8. Исторический закон падения наказаний и наград

Историческая роль наказаний. Пятым критерием правового прогресса человечества является падение наказаний и наград. Вызванные к жизни необходи-

мостью самосохранения группы, кары играли громадную роль в процессе развития человечества: подавляя путем устранения мотивы, толкающие на нарушение запретов, вызывая в других людях чувства негодования, презрения и отвращения к преступнику и тем делая более ощутимой связывающую всех членов общества солидарность, кары в то же время, действуя продолжительно на поведение человека, воспитывали его самого, искореняли в нем антисоциальные психические импульсы и постепенно приучали его к поведению, требуемому общими морально-правовыми нормами. Если к сказанному прибавить еще то действие кар, которое вело к прямому или косвенному уничтожению и удалению из группы преступников (убийство, смертная казнь и удаление нарушителей запретов), то едва ли можно будет сомневаться в той громадной социальной роли, которую они играли в истории человечества. Не будь их – сомнительной была бы возможность роста человеческой солидарности и даже возможность нравственного прогресса. Они были теми рычагами, которые создавали, поддерживали и расширяли человеческую солидарность, приучая человека к все более и более социально полезному поведению. Из сказанного само собою следует, что *чем менее человек приспособлен к социальной жизни, чем более у него импульсов к нарушению обязательных запретов и чем прочнее эти импульсы, тем больше должна быть их роль. По мере же того, как социально полезное поведение растет вглубь и вширь – по мере того их роль должна сокращаться.*

Конечно, если бы человек с самого начала своей истории был ангелом, который «по своей природе» способен был бы поступать только социально полезно, т. е. согласно обязательным нормам поведения, вырабатываемым бессознательно самой жизнью, тогда кары были бы не нужны и излишни. В этом случае они бы даже и не могли появиться. Но ясно, что такое представление о человеке, в особенности же о первобытном человеке, есть миф, нисколько не соответствующий действительности: люди начали свою историю не «ангелами», а звероподобными существами.

Выйдя из животного состояния, обладая, с одной стороны, еще чисто зверскими инстинктами, а с другой – уже неся в себе элементы сознания, человек в своем поведении не мог руководиться одними инстинктами, так как они подтачивались разумом. Их сложный и сам по себе стройный механизм, благодаря чересчур быстрому росту разума, был нарушен. Но, с другой стороны, и разум не мог встать на место бессознательно-удачного инстинктивного механизма: он был еще слишком слаб, чтобы мог сразу уничтожить многовековые инстинкты и заменить их сознательно выработанными правилами поведения. Таким образом, с самого начала своей истории человек очутился лицом к лицу с труднейшей задачей: жить в обществе себе подобных, не обладая предварительно выработанными социально полезными импульсами поведения.

Мудрено ли поэтому, что конфликты взаимного поведения появились, мудрено ли, что внутри- и внегрупповая борьба, вызываемая нарушением запретов,

вспыхнула и на первых порах приняла самые острые и кровавые формы. При таких условиях появление «кар» было неизбежно. Удаляя путем убийства нарушителей запретов, с одной стороны, устрашая самыми жестокими пытками и смертью – с другой, вызывая чувство единодушного негодования, презрения и морального осуждения среди непроступной части группы – с третьей, «кары» были тем «клеем», который склеивал и прочнее скреплял узы солидарности, углублял социально требуемые импульсы поведения и искоренял позывы антисоциального характера. Неисчислимы жертвы, самые ужасные наказания и бесконечные страдания нужны были для того, чтобы приспособить человека к общественному бытию. Пришлось одним «унавоживать» собой дорогу прогресса, чтобы другие могли пройти по этой дороге. Одним словом, нужны были беспощадные кары, чтобы в дальнейшем люди могли жить в обществе себе подобных без всяких кар. По мере того, как укреплялись в людях социально полезные импульсы поведения, – по мере того кары, необходимые сначала, должны были исчезать. Фактическое изучение истории кар вполне подтверждает этот закон. *Беспощадные вначале, кары в дальнейшем, по мере все большего и большего приспособления человечества к социальному бытию, постепенно смягчаются, становятся все более и более мягкими и гуманными.*

Наряду с этим падением *качественной* жестокости кар происходит и количественное падение их: кары начинают поражать все меньшее и меньшее количество людей. Таким образом, закон падения кар может быть понимаем как закон и *качественного*, и *количественного* падения наказаний.

Качественное падение наказаний. Кровавая месть. Подтвердим теперь сказанное фактами. Что действительно кары вначале были неограниченны и по качеству, и по количеству, это видно из рассмотрения кровавой мести как начальной стадии в развитии наказаний. Изучение этого института показывает, что никаких границ наказанию за нарушение запретов не положено. Безличный законодатель как бы говорил каждому: «Берегись, не нарушай запретов, иначе – погибнешь с великими мучениями ты сам, и весь твой род, и все твои потомки». Мало того, что индивиду самому угрожала беспощадная смерть, она же угрожала за его преступление и всем членам его рода, живым и неродившимся («коллективная кара»), безразлично – участвовали они в нарушении запрета или нет. Таким образом, неограниченное по жестокости давление кары усугублялось еще добавочным давлением – обещанием наказания всем родичам виновного. Сказанное об институте кровавой мести единогласно подтверждают почти все исследователи.

«Вначале месть совершенно неограниченна, – говорит Макаревич, – уничтожение противника есть ее цель, ее идеал, – безразлично, совершается ли она путем прямого убийства или путем непрямого исключения».

То же говорит и Штейнмец, особенно тщательно исследовавший эпоху первобытной мести. В своей книге он последовательно ставит ряд вопросов: мстительны ли дикари, продолжительна ли их месть, интенсивна ли она, направляется ли она против лиц и вещей невинных, носит ли она групповой характер, неограниченна ли она, – и на все эти вопросы он дает положительный ответ, документированный сотнями фактов и наблюдений.

Очерчиваемая безграничность жестокости кровавой мести станет еще более рельефной, если мы примем во внимание то, что на первых порах месть есть *долг*, священная обязанность, отказываться от которой никто не может. Если же почему-либо отказывается, то такой человек считается навсегда опозорившим себя, изгоняется из рода, становится в свою очередь «Friedlos» («лишенный мира»), которого каждый может убить, как «голодного и хищного волка».

Из сказанного ясна первоначальная *неограниченность жестокости* кар. Они неумолимы и беспощадны. Обычный вид кары – смерть, часто сопровождаемая пытками и истязаниями. Эта смерть – правило по отношению к чужеродцам. По отношению к членам своей группы она иногда заменяется исключением виновного из последней («исключением из группы» и «лишением мира»), а также «отдачей на поток и разграбление»; но и эти кары равносильны той же смерти, так как «лишенный мира» становится «вне защиты законов», а потому каждый мог, а иногда и должен был убить его, как «голодного и хищного волка».

Неудивительно поэтому, что древнейшим видом публичных наказаний была обычно смертная казнь.

Ограничения мести. Такова первая стадия кар, поистине не ограниченных по своей интенсивности. Дальнейшая их история показывает *постепенное ограничение этой жестокости*, смягчение или падение мотивированной неумолимости и беспощадности. Это ограничение проявляется в различных формах: напр., в форме установления убежищ, куда могли скрываться лица, которым угрожала месть; такими местами были обычно храмы или особые места, на которые распространялся «королевский мир» и т. д.

Другой формой того же ограничения является установление срока, в течение которого можно было мстить. Так, напр., у германцев можно было мстить в течение года со дня после оскорбления.

Закон талиона. Главнейшим же видом ограничения кар является *закон талиона*, установившего равенство между преступлением и наказанием. Историки права по справедливости считают закон талиона новой стадией в развитии кар. Раньше, на предыдущей стадии, убийство в качестве мести угрожало не только за убийство, но и за всякое нарушение запрета. Исав, напр., хотел убить Иакова за то, что тот обманом получил право первородства. По «Русской Правде»

мстить убийством можно было не только за убийство, но и за кражу и нанесение ран. Талион же предписывает равенство преступления и кары.

Он гласит: «Душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу. Какой кто сделает вред ближнему своему, тем должно отплатить ему»^{23*}.

Несмотря на всю свою жестокость, с нашей точки зрения, закон талиона был, однако, громадным шагом вперед в смягчении и ограничении жестокости наказаний. Благодаря этому закону безграничная месть вводится в строго определенные границы, смерть все чаще и чаще заменяется другими видами наказаний, менее ужасными и опустошительными.

Если далее взять историю самого талиона, то она наглядно показывает тоже закон падения жестокости кар. Вначале талион – долг, и осуществление его повелительно приказывается («обязательный» талион). Но потом мало-помалу «талион должный» превращается в талион *факультативный*: он уже не предписывается, а только допускается, терпится.

Композиции. Наконец, заключительным звеном всей этой догосударственной (в узком смысле) стадии развития является *система композиции*, т. е. *денежного выкупа*. «Потерпевший получал что-либо ценное вместо бесполезной мести, его гордость вместе с тем удовлетворялась признанием вины со стороны преступника, а общество выигрывало от этого в том, что беспорядкам и стычкам полагался конец». Система композиции была водой, которая заливала готовый вспыхнуть огонь борьбы и мести.

Итак, кратко очерченная выше история развития кар гласит: от неограниченной мести – к талиону, от обязательного талиона – к факультативному, от обязательной мести – к допускаемой, от разрешаемой мести – к системе композиции и прощения. Таково первое подтверждение вышеуказанного закона. Если теперь перейдем от указанных явлений к истории государственных систем наказания, то и здесь мы увидим подтверждение того же закона. Основная линия, несмотря на временные повышения (об этом см. ниже), и здесь остается той же, т. е. и она говорит о той же тенденции падения качественной интенсивности кар. Здесь нельзя не соглашаться со следующим тезисом Дюркгейма: «Наказания, лишаящие свободы и *только одной свободы* на различные периоды, в зависимости от тяжести преступления, стремятся все более и более сделаться нормальным типом репрессий»^{24*}. Древность лишение свободы не считала за наказание. Она для того времени была лишь простым средством, лишаящим преступников возможности скрыться.

В виде наказания же фигурировала смертная казнь обычно в различных квалифицированных формах: сожжения, разрывания на части, вытягивания кишок, заливания горла металлом и т. д.; другими видами кары были такие «изобретения», как отрезание уха, носа, половых органов, отсечение руки, ноги, причине-

ния ожогов, подставление голого черепа под капли холодной воды, раздробление костей, вбитие гвоздей в тело и т. д. Всего, что изобрел человеческий ум в этой области, – не перечислить.

Современные наказания. Теперь все эти виды мучительных и увечящих кар исчезли из обихода карательной практики. Только уголовные музеи хранят остатки этой человеческой изобретательности. Мысль законодателя теперь обращена не на то, чтобы причинить преступнику возможно большие страдания, как это было раньше, а на то, как бы избавить его от них. Поэтому неудивительно, что почти единственным видом кары сделалось лишение свободы. Но и сама *история тюрем* наглядно говорит о том же смягчении кар; вместо старых «ям» и «клоповников», на воротах которых, по словам И.Я. Фойницкого, можно было начертить слова отчаяния: «Оставьте всякую надежду те, кто сюда входит», мысль современного законодателя все более и более стремится превратить тюрьмы в больницы или в гостиницы «со всеми удобствами».

Мало того, такие институты, как институт *уголовного осуждения* и *досрочного освобождения*, стараются ограничить и сам период лишения свободы и довести, таким образом, кару до возможного минимума.

Если же принять во внимание те реформы, которые назревают в наше время в связи с проблемой борьбы с опасным состоянием, то не будет парадоксом положение, что кары постепенно стремятся дойти до нуля и что современная уголовная наука, а вслед за ней и право направлены не столько на борьбу с преступником, сколько на защиту преступника от тирании общества.

Резюмирую: и государственная история кар говорит о той же тенденции; она гласит: *от безгранично жестоких и зверских убийств, от мучительно увечящих кар – к бесстрадательному изолированию преступника от общества, к лишению его возможности совершать преступления и к заботе о том, чтобы преступник был избавлен от всяких душевных и физических страданий.*

Таковы в широких мазках общая история наказаний и основная тенденция падения их жестокости; жестокость является переменной, стремящейся к нулю как к своему пределу.

Количественное падение наказаний. К тому же выводу придем мы, если рассмотрим кратко *тенденцию постепенного ограничения числа караемых лиц по мере роста культуры и цивилизации.* И эта тенденция является прямым подтверждением выставленного закона падения наказаний.

Круговая ответственность и коллективное наказание. Смысл этого явления говорит о том же, о чем говорила и тенденция падения интенсивности кар, а именно: там, где социально вредные импульсы были еще сильны, где человек

еще не был существом, приспособленным к социальной жизни, там недостаточно было беспощадного по жестокости давления кар на *одного* преступника; чтобы добыть от индивида социально полезное поведение, нужно было еще добавочное давление в виде угрозы карать не только виновника, но и весь его род и все его потомство. Отсюда – институты *круговой или групповой* ответственности, которые существовали в прошлом почти у всех народов. *Кары здесь не ограничены и по количеству караемых лиц.* На первичных ступенях месть наступает всегда, независимо от того, намеренно или случайно было совершено убийство, и направляется не только против убийцы, но и против его семьи или рода (коллективная ответственность).

Круговая ответственность, коллективная кара и коллективный штраф известны и евреям, и римлянам, и грекам, и германцам, и ряду других народов.

Караются *не только современники, но наказание постигает и ряд будущих, еще не родившихся поколений.* Наказания становятся «вечными» и поражают множество лиц за одно преступление; по Библии весь род человеческий наказывается за грех одного Адама; там же мы постоянно читаем, что дети и потомки виновного наказываются до седьмого колена, а Иегова постоянно грозит «всему потомству». То же мы найдем и в других древних религиозно-правовых сводах. «Если наказание не падает на самого преступника, то падает на его сыновей», – читаем мы в «Законах Ману», «если не на сыновей, то на его внуков; но раз совершенное беззаконие никогда не останется без последствий для того, кто совершил его, он погибает со всем разветвлением и корнем». То же встречается и у других народов. В Египте, напр., пытка и кара применялись и к виновному, и к членам его семьи в случае его смерти; у древних славян (Ольга, мстящая древлянам^{25*} за смерть мужа); у древних германцев и франков и т. д. В это время совершенно неизвестна еще так называемая *субъективная сторона преступления*, нет понятия о вменяемости, не принимается во внимание злой умысел. Этим и объясняется то, что карали и виновных, и невинных, и людей, и животных, и даже неодушевленные предметы (напр., Ксеркс, высекавший море^{26*}).

В дальнейшем, однако, мало-помалу появляется это разделение виновных и невинных, возникает принцип вменяемости и караться начинают *уже не все сородичи, а только виновные.* Наказание индивидуализируется.

Количественное падение кар. Из круга наказываемых лиц исключаются мало-помалу: а) все будущие поколения как непричастные к преступлению; б) все живые сочлены как невинные; с) все невменяемые, хотя и совершившие преступление. Наказываются в итоге только «преступники вменяемые». Но и область *вменяемых* лиц все более и более изживается: все больше и больше растет число обстоятельств, ведущих к невменению, – состояние аффекта, малолетство, безумие, необходимая самооборона, крайняя необходимость, опьянение, луна-

тизм и т. д. Конечным пунктом этой эволюции является полное уничтожение категорий «вменяемых», а вместе с этим и полная трансформация карательных мер, проповедуемая в наши дни и стремящаяся уничтожить в карательных мерах все карательные черты.

В этом смысле вещими являются слова Ван Гамеля, кажущиеся с первого взгляда парадоксальными: «Три понятия, – сказал он, – страшно мешают нам в создании нового уголовного права: а именно: “вменяемость”, “наказание” и “преступление”. Когда мы, наконец, от них освободимся, тогда все пойдет лучше». Эти слова – необходимая и неизбежная точка над «i», диктуемая историческим процессом. Кратко эту тенденцию можно формулировать так: *от коллективной кары к индивидуальной и от неограниченной вменяемости к неограниченной невменяемости*, т. е. к доведению количества караемых лиц до возможного минимума.

Принимая во внимание сказанное выше о социальной роли кар, мы на основании установленных законов можем сделать теперь обратное заключение: *если жестокость кар обратно пропорциональна степени приспособленности индивида к социально полезному поведению, то из того факта, что с поступательным ходом истории жестокость кар падает, следует, что степень приспособленности человека к социально полезному поведению растет; когда кары дойдут до нуля, степень приспособленности человека к социальному дойдет до высшего предела.*

Таково пятое свидетельство в пользу правового прогресса человечества.

§ 9. Исторический закон улучшения средств, которыми добывается от людей социально-благожелательное поведение

Понятие. Этот закон является шестым доказательством правового прогресса человечества. Сущность его заключается в следующем: если взять области однородного социально необходимого поведения, то в процессе исторической эволюции обнаружится, что вначале от человека социально нужное поведение добывается путем грубых приемов, жестоких кар и обильных наград, одним словом, игрой на низменных струнах души. По мере же того, как психика, а вместе с тем и поведение человека улучшается, по мере этого средства, которыми добывается от человека социально необходимое поведение, становятся все более и более благородным, кары и награды постепенно исчезают и игра начинает вестись на более и более бескорыстных и благородных струнах человеческой души.

Улучшение средств побуждения в хозяйственной сфере поведения. Прекрасным доказательством выставленного положения в области хозяйственно-экономической жизни служит «закон трех стадий», установленный Л.И. Петра-

жицким. Согласно этому закону история в хозяйственно-экономической области поведения в зависимости от характера побудительных средств может быть разделена на три эпохи: 1) *на рабско-крепостной период*; 2) *на эпоху экономического либерализма* (свобода труда, свобода конкуренции); 3) *на эпоху социалистическую* (бескорыстно общественное поведение). В первую из указанных эпох мотивационным средством добывания от индивида надлежащего хозяйственного поведения служит прямая угроза наказанием. Рабское хозяйство есть хозяйство принудительное. Символом его служит кнут. Чтобы побудить раба к сносному исполнению его функций, необходим был надсмотрщик за его работой, который в случае лени или неисправности реагировал на это ударами кнута и другими карами. Иначе говоря, здесь средство побуждения к труду по качеству то же, которое применяется теперь к домашним животным.

Переходом от этого периода к следующему служит *крепостное хозяйство*. Средства, которыми право заставляло трудиться при крепостничестве, были двояки: с одной стороны, и здесь налицо карательно-принудительное давление, барщина, оброк, с другой – здесь уже появляется более высокий позыв – позыв хозяйственного самоопределения, работа на себя.

В дальнейшей эволюции хозяйства первичная рабски принудительная и подневольная мотивация решительно исчезает и мало-помалу заменяется более высокой по качеству мотивацией *заинтересовывания людей их же собственными интересами*. Этот период есть *период капитализма*. В эту эпоху социально полезное поведение от индивида добывается уже не системой непосредственных кар, не путем кнута, а иначе: правовой строй заставляет людей заботиться о себе и своих нуждах. Побуждением здесь являются эгоистические семейные интересы, забота о себе, своей семье, а не кнут.

Право здесь не говорит человеку: «Работай, иначе будешь наказан». А говорит: «Будешь ли ты работать или нет, это твое дело. Но знай, если ты будешь работать, ты обеспечишь себя и свою семью. Если не будешь работать, и ты, и твоя семья умрут с голоду, будут нуждаться» и т. д. Это эгоистическое средство побуждения пока достаточно грубо, но все же оно гораздо благороднее и выше, чем кнут и другие карательные средства.

Наконец, *третий период*, начинающийся осуществляться в наши дни, характеризуется еще более благородной по качеству мотивацией: в этом периоде позывом социально полезного поведения служат уже не кнут и не игра на эгоистических семейных интересах, а чисто альтруистические импульсы – *готовность бескорыстно трудиться на общую пользу*. Наиболее радикальной системой хозяйственного строя, построенного на такой системе мотивации, является *строй социалистический*.

Таков в общих чертах «закон трех стадий» хозяйственной мотивации, проливающий яркий и своеобразный свет на историю хозяйственной жизни чело-

вечества. С этой точки зрения становится ясной сложная, запутанная игра «хозяйственных» позывов человека. Из набросанных штрихов видно, что история хозяйственной жизни человечества подтверждает косвенно закон улучшения и облагорожения средств, которыми человек побуждался к социально-благожелательному поведению.

Улучшение средств в области управления и исполнения общественных обязанностей. Тот же закон подтверждается изучением и *публично-правовых* институтов или истории публично-правового поведения человечества. С точки зрения публично-правовой все население любой социальной группы можно разделить на три категории: а) на главу группы (государства); б) на лиц, помогающих ему в деле управления; с) на управляемых.

Историческое изучение средств поведения первых двух категорий опять-таки вполне подтверждает выставленный выше закон улучшения средств, которыми добывалось от человека социально-благожелательное поведение. И в этой сфере вначале мотивом, побуждающим монархов и управителей (чиновничество) добросовестно выполнять требуемые от них общественные функции, были грубые кары и не менее грубые подачки. То же применимо и по адресу управляемых, когда от них требуется добросовестное выполнение социально необходимой функции. Безличный законодатель, устанавливая такую систему мотивации, как бы говорил каждому: «Так как твоя психика еще слишком груба, так как доверять тебе, что ты добросовестно исполнишь требуемые от тебя функции, нельзя, то вот я устанавливаю систему жестких кар и больших наград; если ты добросовестно исполнишь то, что от тебя требуется – будешь награжден, если плохо будешь исполнять свои обязанности – голова с плеч».

Фактическое изучение общественной жизни отсталых народов, а равно и древних правовых сводов как нельзя лучше подтверждает сказанное. Кары вначале были чуть ли не единственным средством, путем которого добывалось от индивида как в частно-хозяйственной, так и в публично-правовой сфере социально-необходимое поведение. Они угрожали всем, начиная с монархов и кончая простыми смертными. Приведем факты.

Какими средствами в древности побуждались к социально-полезному поведению. а) Цари и начальники.

«Начальники, – пишет Пост, – часто подлежат суду своих подчиненных. Король Сеннаара^{27*}, когда этого требовало благо государства, мог быть казнен. Люди государства Берта^{28*} ежегодно подвергают своих королей суду. По свидетельству Хуарроса, в государстве хичесов^{29*} могли отрешить царя от должности за жестокость и тиранию, в таких случаях его наказывали конфискацией имущества и смертью. Цейлонские кандийцы^{30*} утверждали, что их – во всем

остальном не ограниченный – государь может быть вызван на суд последним из своих подданных... в том случае, если он нарушает основные законы государства»^{31*}. Этнография же свидетельствует нам, что низложение королей и вождей, сопровождаемое часто их убийством, в случае плохого исполнения ими своих обязанностей распространено у ряда первобытных народов. История Греции, Рима, Ассирии, Вавилонии и Персии свидетельствует нам о том же. Возведения и низложения тиранов вроде Писистратидов в Греции или преемника Сервия Туллия в Риме, Сарданапала и т. д. – явления нередкие в древности. Воспоминания о таком же карательном давлении на королей сохранились и в ряде других государств. По мнению многих историков, в Египте был обычай, согласно которому после смерти короля созывалось собрание для решения вопроса, достоин ли он правил. «Публичное обвинение было правом каждого гражданина, и, если король был признан виновным в злоупотреблении, он был лишен погребения». В удельно-вечевой период и наша история пестрит фактами убийства и изгнания князей. В Индии при воцарении раджи раджа был по обычаю подвергаем ряду ударов кнутом – обычай, достаточно красноречиво подтверждающий сказанное. Если от этих данных обратиться к древним сводам вроде «Законов Ману», Библии и т. д., то там не трудно найти ту же мотивацию в весьма ясной формулировке.

«Царь, который вследствие помрачения безрассудно притесняет своих подданных, – читаем мы в “Законах Ману”, – в скором времени вместе со своими родственниками лишается царства и жизни», или: «Царь, который не сохраняет народа... идет по смерти немедленно в ад». В Библии мы постоянно встречаем подобные же угрозы царю за его нечестие и дурное правление. Такова была мотивация поведения царей, побуждавшая их к добросовестному исполнению своих обязанностей.

б) Подчиненные и частные люди. Если так обстояло дело по отношению к начальникам и царям, то заранее можно предвидеть, что и от других лиц, стоящих на более низких ступенях общественной лестницы, социально нужное поведение добывалось путем тех же кар и наград. Приведу для примера образцы из «Закона Хаммурапи» и «Законов Ману».

Теперь, например, закон «доверяет» и докторам, и архитекторам, и правителям, и свидетелям на суде, и даже самим подсудимым; он не обещает им поштучной платы и не грозит им карами за неудачу. Современная система побуждения граждан к добросовестному исполнению их общественных обязанностей покоится на более возвышенных мотивах: на доверии к индивидам, на убеждении в том, что тот или иной индивид добросовестно выполнит свою обязанность в силу сознания своего морального долга. Поэтому она почти лишена карательных суррогатов. Царь получает строго фиксированное содержание, определенное цивильным листом. Чиновники – таксированное жалованье, как общее правило не имеющее ничего общего с поштучными наградами или с моментальными карами. Система мотивации резко изменилась и покоится на более высо-

ких мотивах, чем раньше. Иначе было в прошлом. Здесь нельзя было полагаться на «совесть», а нужно было добавочное, более грубое давление, чтобы вынудить у индивида требуемое поведение. Отсюда – ряд характерных явлений как в публично-правовой, так и в хозяйственной сферах поведения.

В последней, как уже выше было указано, кнут и удары были символами мотивации, применявшейся в этом начальном периоде. «Молодой человек имеет спину и слушает того, кто его бьет»; «Слух (послушание) молодого человека на его спине» – красноречиво формулирует указанный характер мотивации папирус Анакта^{32*}. Когда кто-нибудь ленился работать, надсмотрщик бил его и обычно говорил: «Есть некто позади тебя». То же мы видим и в других сферах поведения.

«Если доктор лечил тяжелораненого и... человек этот умер – пусть ему отрежут руку»; «Если доктор открыл бельмо... и испортил глаз – пусть ему отрежут руку»; «Если архитектор построил дом... и если построенный дом развалился и убил хозяина... этот архитектор присуждается к смерти»; «Если убит сын хозяина – пусть убьют сына архитектора». Эти статьи «Закона Хаммурапи» не требуют комментариев.

Аналогичные же статьи рассыпаны, напр., и по всему кодексу Ману. «Все врачи, – читаем мы там, – которые худо обращаются со своими пациентами, должны заплатить штраф, по отношению к животным первый, или низший, по отношению к людям – высший».

«Царь должен заставить разрезать на части бритвами золотых дел мастера, поступающего нечестно, самого вредного из всех терниев».

«Ткач, получивший десять пала нитей, должен возратить ткань по весу одной пала больше; тот, кто делает иначе, должен быть принужден выплатить штраф в двенадцать пан (единица монеты)». «Если повозка опрокидывается от неумения кучера, хозяин должен быть присужден к штрафу в 200 пан. Если кучер умелый, но небрежный, он один должен быть оштрафован» и т. д. Раскройте Библию, или Авесту, или Коран – и вы увидите всюду здесь ту же мотивацию, красной нитью проходящую через все эти кодексы. «Если не будешь слушать гласа Господня, Бога твоего, не будешь исполнять заповеди Его и постановления Его, которые я заповедую тебе сегодня, то придут на тебя все проклятия сии и постигнут тебя. Проклят ты будешь в городе, и проклят ты будешь на поле. Прокляты будут житницы твои и кладовые твои... Пошлет Господь на тебя моровую язву, доколе не истребит Он тебя с земли, в которую ты идешь, чтобы владеть ею. Поразит тебя Господь чахлостью, горячкою, лихорадкою, воспалением, засухою, палящим ветром и ржавчиною... И будут трупы твои пищею всем птицам небесным и зверям и не будет отгоняющего их»^{33*} и т. д. Такая мотивация проходит через всю Библию. То же мы видим в Ведах, в Авесте и в Коране.

Формулой, весьма ярко определяющей характер мотивации всех древних сводов, могут служить следующие стихи свода Ману: «Для царя Владыка некогда

создал своего собственного сына, *Наказание*, защитника всех творений... Страха его ради все созданные существа, движимые и недвижимые, исполняют то, что им свойственно, и не уклоняются от своих обязанностей. Только наказание правит всеми созданными существами, только наказание охраняет их, наказание бодрствует над ними, когда они спят; мудрые считают наказание (тождественным) с законом»; «Если бы царь не налагал энергично наказания на тех, которые заслуживают наказания, то сильнейшие испекли бы слабейших, как рыбу, на вертеле; ворона стала бы клевать жертвенный пирог, а собака стала бы лизать жертвенные снеди, и не осталось бы ни у кого собственности, низшие захватили бы места высших; наказанием весь мир держится в порядке, ибо трудно найти человека безвинного: из страха наказания весь мир предается свойственным ему занятиям» и т. д.

Тот же вывод дает рассмотрение религиозной мотивации поведения всех первобытных народов. И здесь все приказы и запреты, относящиеся к поведению, построены всецело на чисто карательной мотивации. Спенсер вполне прав, когда говорит, что для того, чтобы добыть от дикаря нужное поведение, к страху наказания, исходящего от живых, необходимо должно было присоединиться еще устрашение наказаниями со стороны мертвых предков или других божеств. Этим и объясняется та громадная и исключительная роль, которую играют поту- и посюсторонние кары во всех примитивных религиозных верованиях как регуляторов поведения. «Мы должны признать в страхе перед мертвыми такой общественный фактор, который вначале играет не менее важную роль, чем страх перед живыми, если только его роль на самом деле еще не важнее».

Если теперь взять отдельные виды социальных отношений, то мы увидим то же самое. Для того чтобы заставить человека, напр., выплачивать свой долг, закон теперь не применяет к нему суровых карательных мер. Он «доверяет» должнику. Иначе было в прошлом. Л.И. Петражицкий для примера указывает на долговое право XII таблиц Рима^{34*}, которое вначале угрожало неисправному должнику наказанием весьма чувствительным, а именно – рассечением должника на части.

Потом карательное давление стало мягче: оно довольствовалось угрозой личной свободе (продажа в рабство), потом имущественными наказаниями (напр., присуждением неисправного должника к уплате двойной суммы долга), и, наконец, оно довольствуется простым принуждением должника возместить убытки. Аналогичную же картину мы видим и у древних первобытных народов. У индусов, напр., кара за неплатеж долга известна под именем «дарна». «Существует несколько видов ее. В одном случае заимодавец закликает должника стоять на каком-либо одном месте, воздерживаться от пищи и питья, пока он не уплатит долгов». В другом случае должник с семьей отдается «на поток и разграбление». На Цейлоне должнику накладывали на спину большой камень, который он должен был носить до тех пор, пока не уплатит долга. Если он упор-

ствовал – тяжесть камней еще более увеличивали. У ряда народов на западном берегу Декана кредитор мог убить неисправного должника, у других – должника подвергали битью палками, у третьих – продавали в рабство.

По мере того, как поведение должника все более улучшалось, смягчалось и давление кар, и мотивация поведения переходила с низших струн на высшие. Такое же явление мы встречаем и в сфере уголовного процесса.

Раньше, чтобы добыть от свидетеля или подсудимого надлежащее поведение, безличный законодатель угрожал им суровыми пытками, истязаниями, карой Божией или карой предков. Отсюда – обычай пыток при допросах, клятвы именем Бога, ордалии, испытания огнем и водой и т. д., которым подвергались не только обвиняемые, но нередко и свидетели. Не заходя далеко вперед, для примера достаточно привести хотя бы такое положение из дополнительного указа к Судебнику Ивана Грозного от 21 августа 1556 г.: «А которые люди в обысках в одном деле двои речи говорят, и из тех людей, из ста человек, выбрав лутчих, людей, приказчиков и крестьян пяти или шести бити кнутьем, а игуменов, и попов, и дьяконов отсылати к святителю». За ложь боярам и дьякам грозит «великая государева опала, а людям их и крестьянам быти казненными, как и в разбойных делах»; если старосты будут поступать «не по Государеву указу», «ино старост казнити без милости».

Вообще говоря, какую бы сферу поведения мы ни взяли, всюду в древности способы добывания социально нужного поведения покоятся на беспощадной карательной мотивации. По мере того, как психика людей улучшается и социально полезные акты начинают выполнять все легче и лучше, по мере этого изменяется и система мотивации, переходя с низших струн на высшие и сопровождаясь постепенным исчезновением карательного давления.

Таков в общих чертах шестой закон прогрессивной эволюции права, находящий подтверждение в области истории и хозяйственного и публичного поведения.

§ 10. Закон частичного колебания постоянных исторических тенденций

В предыдущем мы старались очерчивать те постоянные исторические тенденции, которые являются наиболее важными в истории развития права. Хотя эти тенденции и постоянны, отсюда, однако, не следует, что они прямолинейны и прогресс непрерывен. Если уже графически их изображать, то всего более верной линией будет ломаная линия, либо непрерывно нисходящая (в применении к закону падения наказаний), либо непрерывно восходящая (по отношению к закону облагораживания средств побуждения). Это значит, что эти постоянные тенденции испытывают временные колебания, понижения и повышения. Та-

кой факт может с первого взгляда вызвать известное недоверие и к самим тенденциям; поэтому, раз исследователь настаивает на их постоянстве, он должен объяснить и эти колебания, показав, что и они, в свою очередь, подчиняются известной закономерности, своего рода закону, не отрицающему, но, напротив, подтверждающему выставленные эволюционные законы. Можно дать общую формулу подобных колебаний. Эта формула будет гласить: *всякий раз, когда в единой социальной группе при прочих равных условиях в силу тех или иных причин увеличивается морально-правовой антагонизм (морально-правовые противоречия) между различными частями группы, должно замечаться временное отступление от очерченных исторических тенденций: освобождение и уравнение личности временно задерживается, кары повышаются, облагораживание средств останавливается; когда этот антагонизм (противоречие) уменьшается, отступление от тенденций прекращается: освобождение и уравнение личностей растет, кары падают, и средства побуждения продолжают улучшаться.* Проиллюстрируем этот закон на частном законе колебания кар.

Закон колебания кар. Кары, как мы видели, одно из средств добывания от индивида социально полезного поведения, иначе говоря, их роль заключается в поддержании обязательных норм поведения, диктуемых моральной совестью группы, в целях ее самосохранения. Это значит, что наказание есть средство установления и поддержания социальной солидарности. Если эта солидарность идеальная, если в группе нет никаких нарушений норм поведения, т. е. если моральное сознание и соответствующее ему поведение во всей группе одинаковы, то карам нет места. Если же, наоборот, один считает «долгом» защищать собственность, а другой считает собственность кражей, если один считает «долгом» убивать других, а другой всякое убийство считает преступлением, если один считает предпринимательскую прибыль капиталиста безнравственной, а другой (капиталист) считает требования рабочих о повышении заработной платы злом, т. е. если моральное сознание группы разнородно, антагонистично, то ясно, что здесь «мирного согласия» ждать не приходится. Неизбежны конфликт (столкновение) поведений, взаимная борьба, а тем самым и наказание. И чем глубже и острее будет антагонизм, тем острее и жестче будут наказания как средства предохранения группы от распада и гибели. Этим именно и объясняются эпизодические, временные колебания количественной и качественной жестокости кар.

Фактов, подтверждающих это обобщение, слишком много. Приведу некоторые. Прямым подтверждением сказанного служит всем известный факт повышения кривой кар во время общественных переломов и революций. Всякая революция, по существу, есть не что иное, как острый период морального антагонизма двух миров: старого и нового режима. Отсюда чрезвычайные и военные поло-

жения, отмена гарантий свободы, приостановка Habeas Corpus'a (хартии вольностей)^{35*} и военные суды, скоро и щедро расточающие смертные приговоры. Меч кар становится острее. Работа палача растет. Тюремны переполняются. Люди с той и другой стороны расстреливаются группами и поодиночке, начинают грохотать всю залпы карательных отрядов и баррикадных дружин и т. д. Линия кар с той и другой стороны делает резкий прыжок вверх. Этот факт всем известен. Для большей убедительности приведу пару цифровых иллюстраций. Проф. Гарсон заметил, что во Франции число смертных приговоров при каждом новом политическом режиме больше в первые годы, нежели позднее. Консульство де-бютирует с 605 смертными приговорами (1803 г.), а в 1813 г. их 325, т. е. меньше вдвое; реставрация начинается в 1816 г. с 514 приговоров и кончается 91, июльская монархия начинается в 1831 г. со 108 приговорами и кончается в 1847 г. с 65; в период империи в 1854 г. было 79 приговоров, в 1870 г. – 11. Второй пример. В России за конец XIX в. и начало XX цифры показывают такое число казненных:

В пятилетие с 1875 по 1880 г. всего казнено 119		
81	85	71
86	90	76
91	96	47
96	1900	78
1901	1905	93.

Далее цифры делают громадный скачок вверх; в течение одного 1906 г. казнено 547, 1907 г. – 1 139, 1908 г. – 1 340.

Затем снова идет падение: 1909 г. – 717
 1910 г. – 129
 1911 г. – 73
 1912 г. – 126

Еще более яркое доказательство дает русская революция 1917 г. Громадный морально-правовой антагонизм двух миров: большевиков и их приспешников, с одной стороны, и их противников – с другой, – залил кровью всю Россию. Гражданская война, индивидуальные и массовые расстрелы и другие кары возросли до небывалого множества. Таково первое подтверждение указанного закона. В силу тех же причин мы должны ожидать подъема кривой кар и тогда, когда, напр., какое-нибудь государство быстро расширяется (путем завоеваний), включая в себя ряд союзов народностей с различными обычаями, правом и бытом; чтобы не дать рассыпаться этой наскоро сколоченной государственной хранине, рычаг кары должен сильнее работать и «склеивать» рассыпающиеся и взаимно отталкивающиеся части государства. Этим именно и объясняется факт подъема жесткости кар в Риме в конце императорского периода, когда Рим включал в себя множество народностей с различной культурой и моралью, с одной стороны, и когда внутри его особенно резко проявился моральный антагонизм между раз-

личными классами и религиями – с другой. Чаше и чаще совершались восстания отдельных покоренных народов, извне все сильнее и сильнее угрожали варвары, внутри христианство завязало острую борьбу с язычеством, число мятежных групп вроде «багаудов» все более и более росло – в итоге немудрено, что рычаг кар принужден был давить сильнее и сильнее. То же должно было быть и в начале средних веков, в эпоху переселения и взаимостолкновения множества различных народностей, соединявшихся в общие политические тела и сразу же распадавшихся вновь. Эти быстрые, наскоро «сшитые» империи и королевства вроде меровинго-каролингской империи^{36*} могли существовать лишь при давлении кар, отсюда их рост в эту и последующие эпохи. И в нашей истории процесс «собираения русской земли» и поддержания единства «объединенной» Руси сопровождался тем же подъемом кривой кар (покорение и усмирение Новгорода, Пскова и других городов при Иване III и IV, опричнина, массовые казни, жестокость «Судебников» и т. д.).

По мере того, как установление однородности моральных норм и поведения растет, кривая кар постепенно падает. Другими словами, временные повышения кривой кар вызываются неуклонной динамикой социальной жизни, самопроизвольно ведущей человечество на большие высоты социально-солидарного общения. Внешним выражением этого прогресса служит очерченный выше закон расширения области «ближних». Поэтому в моменты, когда это расширение области «ближних» совершается особенно интенсивно, когда к индивиду предъявляются новые и высшие требования социально необходимого поведения, рычаг наказаний должен временно усилить свое давление, чтобы добыть от индивида повышенный минимум солидарного поведения. По мере того, как индивиды приспособляются к новым условиям, жестокость кар постепенно падает.

Все сказанное о законе колебания наказаний с соответствующими изменениями применимо и к другим историческим законам, очерченным здесь. Таковы основные эмпирические законы, обнаруживающиеся в развитии права и подтверждающие правовой прогресс человечества.

§ 11. Будущее права

В предыдущем мы очертили основные исторические законы развития права. Эти законы подтверждали существование правового прогресса человечества.

Спрашивается: *каков же конечный предел развития права?* Таким пределом мы должны считать *уничтожение самого права*, преодоление его и превращение его из «обязательно принудительной» нормы в норму свободную, органически присущую самому человеку. Право, как мы видели, вызвано было неспособностью человека к солидарно-благожелательному поведению.

Эта неприспособленность, с одной стороны, и необходимость жить в обществе – с другой, сделали неизбежным появление обязательных норм поведения со всеми их принудительно-карательными принадлежностями, чтобы возможна была совместная жизнь людей. Право, иными словами, появилось благодаря социальному несовершенству людей, благодаря отсутствию у них необходимых для общественной жизни солидарности и взаимного благожелательства. Оно было той принудительной силой, которая создавала, поддерживала и укрепляла общественный порядок, удерживала людей от проявления злостных и враждебных стремлений по отношению друг к другу и приучала их к взаимной солидарности и взаимопомощи.

Подобно тому, как дрессировщик хищных зверей путем принуждения и наказаний заставляет последних воздерживаться от хищных нападений на себя, на других людей и животных, так и право на протяжении всей истории человечества дрессировало людей, искореняя в них зверские, хищно эгоистические привычки и склонности, с одной стороны, вкореняя и укрепляя чувства солидарности, взаимного альтруизма и благожелательности – с другой.

Эта правовая дрессировка тянулась веками, продолжается она и по сей день. Чем грубее были люди, чем они менее приспособлены были к социальной жизни, тем грубее было и право, тем беспощаднее были его принудительно-карательные меры. История говорит нам, что эта дрессировка дорого обошлась человечеству. За нее оно заплатило миллионами жертв и платит до сих пор.

По мере того, как люди становились лучше, делались более социально воспитанными, менее хищными и более солидарными, смягчалось и право: оно становилось более благородным, и его принудительные меры – более мягкими.

Очерченные выше законы развития наказаний единогласно говорят нам, что продолжительная правовая дрессировка достигла и достигает своей цели: человечество становится лучшим, более солидарным, более альтруистичным и более приспособленным к гармоничной общественной жизни. Мы видели, что на этом пути оно прошло уже длинную дорогу и достигло громадных успехов. Постоянство исторических тенденций делает вероятным, что и в будущем правовой прогресс человечества будет продолжаться.

Концом или пределом его должна быть *полная приспособленность человека к общественной жизни*, т. е. полная солидарность людей друг с другом, максимум взаимной любви и благожелательности в их взаимных отношениях, иначе – общественное состояние, в котором «человек для человека будет богом».

При таких условиях всякое принудительное начало права будет излишним. Ненужным и даже вредным будет всякий «долг», внешне навязываемый, раз солидарность и взаимная любовь войдут в плоть и кровь человека, раз они будут органически свойственными ему. Для того чтобы голодный ел, не нужно никакого принуждения: он сам будет есть здоровую пищу с удовольствием.

Точно так же и человек, которому органически свойственны будут любовь к другим и солидарность, не будет нуждаться ни в каком внешнем «долге», ни в каком «обязывании», ни в каком принуждении, чтобы поступать солидарно со всеми и никому не вредить.

Следовательно, для такого человека право как «обязывающая» сила, с одной стороны, как принудительная – с другой, будет излишним. Сделавшись излишним, оно должно будет исчезнуть.

Вот почему *пределом развития права является упразднение права.*

Вот почему верно положение: *право нужно было для того, чтобы уничтожить право и сделать его излишним.*

Сверхчеловек, стоящий выше современного добра и зла, стоящий выше права, не знающий извне навязываемого «долга» и «обязанности», полный действенной любви к сочеловекам, – таков предел, к которому ведет история человечества^{37*}.

Мы еще далеки от этого предела. Право для современного человечества еще не изжито. Его воспитательная роль еще необходима. Задача каждого – содействовать приближению указанного предела истории человечества.

Краткий список пособий по общей теории права (на русском языке)

- Л.И. Петражицкий: «Введение в изучение теории права и нравственности» и «Теория права и нравственности в связи с теорией государства» (т. I и II).
Виноградов: «Очерки по теории права».
Е. Трубецкой: «Энциклопедия права».
Иеринг: «Борьба за право».
Б. Кистяковский: «Социальные науки и право».
Тарановский: «Энциклопедия права».
Шершеневич: «Общая теория права».
Штаммлер: «Хозяйство и право».
Новгородцев: «Об общественном идеале».
И. Покровский: «Основные проблемы гражданского права».
Коркунов: «Общая теория права».
Сорокин: «Преступление и кара, подвиг и награда».
Дюги: «Конституционное право».
Н. Лазаревский: «Русское государственное право».
М.М. Ковалевский: «Социология» (т. I, ч. II), «Современные социологии» и «Современный обычай и древний закон».

**ОБЩЕДОСТУПНЫЙ
УЧЕБНИК СОЦИОЛОГИИ**

ПОСОБИЯ ДЛЯ КООПЕРАТИВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ШКОЛЫ И КУРСОВ
под редакцией В. А. Нильчевского.

№ 9.

ПИТИРИМ СОРОКИН.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ УЧЕБНИК СОЦИОЛОГИИ.

ЯРОСЛАВЛЬ,

1920.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писать не только общедоступный, но и непопулярный систематический курс социологии – задача очень трудная. Большинство таких систематических курсов как в нашей, так и в иностранной литературе представляют скорее сборники статей по отдельным вопросам социологии, а не систему социологии.

Трудности, стоящие перед всяким автором систематического курса социологии, становятся несравненно большими перед автором «общедоступного учебника социологии». Не все можно излагать в популярном курсе: ряд проблем приходится обойти молчанием, другие задеть мельком, третьи изложить догматически. Результатом такого упрощения часто является такая «общедоступность», что вместо популярного курса социологии под этим именем читателю преподносится книжка, в которой от социологии остается только ее название. Такова «Сцилла» популяризации этой дисциплины. Ее «Харибдой» служит противоположная опасность. Стремясь дать научнообразную популяризацию социологии, часто дают учебники совершенно непопулярные, недоступные широким кругам читателей. Стремясь избежать этих опасностей в данном учебнике, по примеру некоторых американских социологов я попытался избрать среднюю линию. В учебнике затронуты не все вопросы социологии, но все основные. Стремясь к возможно более доступному изложению, в ряде вопросов я принужден был прибегать к упрощению, но не в такой мере, чтобы упрощение вредило научности. Ряд проблем очерчены слишком кратко, но суть дела при всей краткости указана. Дело преподавателей – разъяснить и развить эти вопросы. Более подробное знакомство со всеми развиваемыми положениями учащийся и читатель найдут в литературе, указываемой в конце каждой главы. Этот указатель литературы краток. За двумя-тремя исключениями в нем приведены работы, имеющиеся только на русском языке. Иностранная литература не указана ввиду ее недоступности.

В расположении материала я руководствовался как своим педагогическим опытом, так и опытом социологов-педагогов других стран. Читая курсы социологии в ряде учебных заведений, начиная с Петроградского университета и кончая рабочей аудиторией общеобразовательных курсов и школ, я убедился, что гораздо целесообразнее дать систематическое изложение социологии, чем формальное знакомство с ней путем изложения истории социологии и множества социологических теорий, вселяющих в итоге один сумбур в головы слушателей.

Этим объясняется, почему истории социологии и характеристике ее направлений я отвел не много места и то в конце, а не в начале учебника. Этими же соображениями, плюс требованиями самой науки, вызвано то обстоятельство, что генетическая социология у меня занимает второстепенное место. На первом плане стоит учение о строении и жизни общества. То, что обычно понимается под генетической социологией, представляет мешанину и обрывки знаний по истории отдельных общественных институтов («история культуры», «история семьи», религии, собственности и т. д.). Социология, в частности генетическая, не может и не должна быть обрывочным и плохим конспектом множества историй. Развитие этих институтов – предмет изучения истории и ее соответствующих ветвей. Задача генетической социологии дать основные исторические тенденции в развитии общественной жизни людей. Краткой характеристикой главнейших из них исчерпывается задача генетической части популярного учебника. Это мной сделано.

Социология – наука живая. Популярный курс должен показать «вечную злободневность» вопросов, ею изучаемых. Он должен ввести читателя в лабораторию социальных явлений. Всем своим построением он должен говорить читателю: *de te fabula narratur* («это о тебе идет речь») ^{1*} – и помогать ему ориентироваться в окружающих его явлениях. Неважно, если он не будет знать $n + 1$ имеющихся социологических теорий. Но важно, чтобы учебник открыл ему глаза на прочитанную связь и закономерность общественной жизни; важно, чтобы общие теоретические положения он сразу же позволял применять в текущей общественной жизни. Это задание также руководило автором в способе изложения и расположения материала. Им вызвано, в частности, то обстоятельство, что ряд положений я иллюстрирую на фактах сегодняшнего дня, а не на фактах глубокой древности.

К этим выводам привел меня собственный педагогический опыт; о том же говорит и опыт социологов других стран, в частности С.-Американских Соединенных Штатов. Те же черты и задания мы находим и в их популярных учебниках.

В нашей стране социология как учебный предмет вводится впервые. Наша потребность в социологических познаниях – огромна. В ряду многих причин, вызывающих наши нестроения и плохую общественную жизнь, немалую роль играло и играет наше социологическое невежество. Если нам суждено быть гражданами великой культурной страны, если нам суждено быть настоящими общественниками, а я в это продолжаю верить, то одним из средств, ведущих к этой цели, является распространение знаний вообще и социологических знаний в частности. Посильно помочь достижению этой великой задачи, содействовать превращению русского в гражданина-общественника – такова практическая цель учебника. Но эта цель достигается в нем не апологией того или иного строя, не акафистом ^{2*} той или иной конституции (как делают многие, преподнося вме-

Предисловие

сто социологии свои аппетиты, вкусы и симпатии), а просто сообщением знаний. Дело социологии давать знания, а не раздавать «монтионовские премии»^{3*}. Если знания будут даны – остальное само приложится. Если знаний не будет, то никакие акафисты или апологии этих знаний не заменят, нестроений и неурядиц не уменьшат, плохое не сделают хорошим, антисоциальное – социальным.

За все указания недостатков учебника, неизбежных по существу дела, автор заранее приносит благодарность всем тем, кто такие указания сделает.

Петроград. 1919 г. Август

Питирим Сорокин

Введение

Глава I. Предмет и задачи социологии

§ 1. Рост человеческих знаний

С давних пор пытливая человеческая мысль старалась и старается познать явления, окружающие человека. Из поколения в поколение она стремилась проникнуть в тайны мира. И не напрасно. Многие явления, бывшие когда-то загадками, теперь понятны и объяснены. Мы знаем теперь состав и строение *материальных тел*. Мы знаем многие законы, согласно которым совершаются изменения «мертвой природы». Эти знания дают нам физика и химия. Мы многое поняли и в явлениях жизни – в области «живой природы». Мы знаем теперь строение организмов, начиная с простой клетки и кончая многоклеточными организмами. Мы изучили, как рождаются, растут, живут и умирают живые организмы. Мы в основных чертах можем встретить теперь, как возникла и развивалась жизнь на земле, как образовались многочисленные растения и животные, словом, мы знаем теперь многое из того, что носит название жизни. Эти познания нам дают биологические науки или науки о жизни.

Мысль человеческая, однако, на этом не успокоилась. Стараясь познать мир мертвой природы и мир жизненных явлений, она пыталась и пытается познать самого человека и самое себя. Что представляет собою человек? Как он явился на земле? Как произошел? Каким образом он оказался наделенным мыслью-разумом? Почему жизнь и судьба различных людей не одинакова? Одни люди счастливы, другие – несчастны, одни – умные, другие – глупые, одни – богаты, другие – бедны, одни – властвуют, другие – подчиняются. Как и почему возникли явления, сопровождающие жизнь и деятельность людей: понятия добра и зла, правды и неправды, религия, искусство, хозяйственная жизнь и т. д.

Все эти вопросы и тысячи других возникли уже давно. Пытливый человеческий ум не раз пытался решить их. Теперь над изучением человека и человеческой жизни работает ряд наук. Одной из них, и едва ли не главной, является та наука, которая носит название *социологии*. Вот с этой-то наукой и намерены мы познакомить читателя в этой книжке.

Что же изучает социология и какие задачи она ставит себе?

§ 2. Что такое социология и что она изучает

Определение социологии

Социология представляет науку, которая изучает жизнь и деятельность людей, живущих в обществе себе подобных, и результаты такой совместной деятельности, – таково общее определение социологии.

Остановимся на этом определении.

Социология изучает жизнь и деятельность людей.

Наблюдая свою собственную жизнь и жизнь других людей, мы видим, что она состоит в непрестанной деятельности. Мы постоянно действуем, постоянно что-то делаем. То мы делаем одну работу, то другую; то отдыхаем, то трудимся; временами мы смеемся, временами плачем; временами помогаем и любим кого-нибудь, иногда – враждуем и ненавидим. Каждый человек с момента своего рождения непрестанно действует. Одни из его действий сознательны, другие – бессознательны; одни поступки обдуманы, другие – нет; одни хороши, другие – плохи. Но, пока человек живет, он действует. Только в часы сна напряжение этого действия ослабевает. Только в эти часы шумное море человеческих действий затихает на время. В остальные же часы человеческие поступки похожи на бурный и стремительный водопад, кипящий, бурлящий, бьющий ключом. В таком непрестанном действии и состоит человеческая жизнь. Рядом с этим мы видим и другое. Видим, что *поступки или действия разных людей неодинаковы*. Крестьянин большую часть жизни трудится над землей, рабочий – на фабрике, чиновник – в канцелярии, купец – в магазине. Одни люди властвуют и правят, другие – подчиняются. Одни – богаты, другие – бедны. Одни живут хорошо, ведут себя честно, другие – совершают преступления и попадают в тюрьму.

Вот и встает вопрос: почему же деятельность людей такова, а не иная? Почему у одних жизнь сложилась одним образом, у других – иначе? Почему они действуют неодинаково? Вместе с этим мы знаем, что не только отдельные люди, но и целые группы людей, целые народы по своей жизни и истории отличаются друг от друга. Английский народ не похож на русский, оба отличны от японцев и т. д. Характер, образ жизни, религия, язык, нравы, обычаи этих народов отличны друг от друга.

Несходны также их история и исторические судьбы. И здесь снова встает тот же вопрос: чем объяснить это различие? Почему жизнь англичан сложилась одним образом, а жизнь китайцев – другим?

Социология и ставит своей главной и конечной задачей объяснить жизнь, поведение и судьбу отдельных людей и целых народов.

Какими условиями определяется поведение людей

Но ясно, что эта задача очень трудная. Для того, чтобы решить ее, нужно изучить ряд других вопросов, которые связаны с этой главной загадкой. Чтобы уметь считать миллионы, нужно предварительно знать, как складываются, вычитаются, умножаются и делятся единицы, десятки, сотни и тысячи. То же и тут.

Чтобы понять жизнь и деятельность людей, судьбу как отдельных лиц, так и целых народов, нужно знать те условия, от которых зависит эта судьба.

Каковы же эти условия?

Зависимость поведения человека от его строения

Первым из них является *строение человеческого организма и его свойства*.

Движения всякой машины ближайшим образом определяются ее строением. Самовар не может вертеться и шить материю, швейная машина не может кипятить воду, а веялка не может тащить вагоны, потому что так действовать не позволяет им их строение. Корова не может быстро бегать, свинья – доить молоко, а лошадь – летать, потому что их строение не дает им возможности так поступать. То же применимо и к человеку. *Его действия и поступки ближайшим образом зависят от его анатомического строения*. Если бы у нас было иное устройство гортани, мы не могли бы говорить; если бы у нас не было таких членов, как руки и ноги, мы не могли бы двигаться и делать тысячи постоянно выполняемых нами тонких и сложных движений. Если бы у нас не было мозга или развитой нервной системы, мы не могли бы мыслить. Если бы наши пищеварительные и питательные органы были устроены так, как они устроены у коровы или овцы, тогда мы могли бы питаться травой и пастись подобно этим животным. Но они устроены у нас иначе, потому и пища иная, и добывать ее мы должны иным способом.

Значит, *чтобы понять поведение людей и характер их деятельности, мы должны знать анатомическое строение человеческого организма и его жизненные (физиологические) свойства*. Эти знания дают нам науки о жизни, в частности анатомия и физиология человека. Социология берет их готовыми у этих наук. Отсюда следует, что успешное усвоение социологии требует хотя бы элементарного знакомства с этими науками.

Если бы, однако, поведение или деятельность людей зависели и объяснялись только их анатомическим и физиологическим строением, то дело обстояло бы сравнительно просто. Тогда не нужно было бы и социологии. Анатомия и физиология человека тогда нам объяснили бы все.

Но дело обстоит иначе. Ежедневное наблюдение показывает нам, что люди, имеющие более или менее одинаковое строение, ведут себя самым различным образом. Бедняк по своему строению не больше отличается от богача, чем

от бедняка. Между тем жизнь и деятельность богача и бедняка совершенно различны. Один и тот же человек, не меняющий своего строения, иногда в течение одного, двух месяцев или годов резко меняет свое поведение. Сегодня он – царь, окружен почетом, все перед ним преклоняются; все ему подвластно. Завтра – он ничто, пленник, который не может выйти из своего дома, которого никто не слушает, которым командует первый приставленный к нему солдат или стражник. Такова, например, была судьба Николая Романова. И обратно. Сколько мы видим людей, которые в короткое время из бедняков делались богачами, из незаметных лиц – героями, из подчиненных – начальством. Вместе с изменением их положения изменялась и вся их жизнь, все их поведение. Их анатомо-физиологическое строение оставалось тем же самым, а поведение и жизнь коренным образом менялись. Такие факты наблюдает и знает каждый. Значит, строение человека не объясняет еще его поведения. В чем же дело?

Зависимость поведения человека от других людей

Дело в том, что *жизнь и судьба человека зависит не только от него самого, но и от других людей*. В поговорке «Каждый человек кузнец своего счастья» только половина истины, а не вся. Если бы люди жили уединенно, одиночками, если бы они не встречались друг с другом, если бы они похожи были на Робинзона, попавшего на необитаемый остров, тогда, быть может, дело и обстояло бы так. Но мы знаем, что люди жили и живут не уединенно, а в среде других людей. Дома их построены рядом. Скопления таких домов образуют деревни, села, города. В последних на небольшом клочке земли бок о бок живут целые тысячи, сотни тысяч и миллионы людей. Иными словами, люди живут не уединенно, а в обществе себе подобных, ведут они не одиночную, а общественную жизнь. Постоянно встречаются друг с другом, разговаривают, совместно работают. Совместно веселятся или горюют, борются или помогают друг другу и т. д.

При такой общественной жизни поведение и деятельность человека зависят не только от него самого, но и от других людей.

Мы влияем на жизнь и судьбу других людей, и другие люди влияют на нас самих. Не все зависит от нашей воли и желаний, но многое зависит и от воли других. Часто мы ставим себе определенную цель и думаем ее достигнуть, но вмешиваются люди, встают «поперек нашей дороги», препятствуют нам, и наша цель оказывается неосуществленной. Иногда бывает и наоборот: то, что не под силу нам одним, оказывается возможным и осуществимым благодаря помощи других людей. Один крестьянин не может купить много товара и не может бороться с купцом, но много крестьян, соединившись в одно кооперативное общество, эту задачу решают успешно. Один человек не может построить громадный дворец, но много людей совместными силами строят громаднейшие дворцы, огромные города, прорывают туннели, засыпают реки и т. д.

Но влияние людей друг на друга такими фактами не исчерпывается. Оно гораздо больше и глубже. Поясним, в чем дело. Каждый человек с момента своего рождения оказывается в среде других людей. С этого же момента начинается их влияние на каждого из родившихся. Вольно или невольно, сознательно или бессознательно они начинают формировать вновь появившегося человека по своему образу и подобию. Каковы будут окружающие ребенка люди, таковым становится и он сам. Язык, на котором будет говорить этот ребенок, будет языком тех, кто его окружает. Родившийся в среде русскоговорящих людей, будет говорить по-русски, в среде немецкоговорящих – по-немецки. Религия, которую он будет исповедовать, будет религией тех, кто его окружает. Дети православных становятся обычно православными, католиков – католиками, евреев – евреями. Взгляды и убеждения ребенка определяются опять-таки взглядами и убеждениями окружающих людей. Он будет считать злом то, что считают злом его окружающие, добром – то, что называют добром последние. Его одежда, его манеры, образ жизни, занятия, нравы, привычки будут такими, какими привьют их ему окружающие. Манеры «барчука» – одни, крестьянского ребенка – другие. Занятия первого – одни, второго – другие.

От окружающих же людей будет зависеть и дальнейшее образование характера и склонностей молодого мальчика. Его семья определяет, чем он будет: поступить ли в школу или нет. Если поступить, то в какую. Школа, учитель и сотоварищи ребенка продолжают дальнейшую его перделку. От первых в значительной мере будет зависеть: что будет знать ребенок, какие черты в нем будут воспитываться, к чему он будет готовиться. Дети англичан получают в школе одно образование и воспитание, дети турок – другое. Дети русских – третье, дети дикарей не учатся совсем и выходят невеждами.

Если различна эта среда людей, окружающих и влияющих на ребенка, – различными будут и дети, различные люди из них и вырастут. И действительно, англичанин не похож на русского, тот и другой на индуса, все три – на самоеда^{4*}. И язык, и религия, и нравы, и вкусы, и понятия о добре и зле, и весь образ жизни у них – несходны. *Какова окружающая ребенка, а затем взрослого человеческая среда, такими выходят и люди.* Если она хороша, то хорошим становится и выпускаемый ею на житейский базар человеческий товар. Если она похуже – неважными оказываются и бывшие у нее в перделке люди. Сказанное объясняет, что влияние других людей на нас огромное, решающее. *Мы мыслим, чувствуем, живем, веруем, любим, ненавидим, делаем то и так, что и как «привили» нам окружающие и окружавшие нас сочеловеки.* Каждый родившийся (кроме детей совершенно больных, калек, уродов и т. п.) похож на мягкий воск; что из этого воска получится – «богу ли свечка или черту кочерга», православный или язычник, земледелец-хлебороб или чиновник, монархист или социалист, образованный или невежда, «работяга» или «лентяй», русский или американец,

честный или преступник, – все это зависит от того, каковы были окружающие человека люди, какие убеждения, верования, нравы они ему «привили», как его «формировали», как воспитывали. Дети преступников обычно становятся преступниками, русских – русскими, магометан – магометанами, крестьян – хлеборобами, чиновников – чиновниками, социалистов – социалистами, монархистов – монархистами и т. п.

Таким образом, *жизнь и деятельность каждого человека, весь его характер, весь его умственно-нравственный уклад коренным образом определяется другими людьми, тем «обществом», которое его окружало и окружает* (семья, товарищи, школа, земляки и все люди, с которыми он встречался в жизни) *с первых дней рождения и в течение всей жизни.*

Теперь легко понять, почему одно анатомо-физиологическое строение человека не может объяснить жизни и деятельности людей. Мы видим, что наряду с этим строением приходится учитывать и характер того общества, в среде которого родится и живет человек.

Таково второе основное условие, необходимое для понимания поведения и жизни как отдельных лиц, так и целых народов. Вот это-то условие и является важнейшим предметом изучения социологии. Жизнь и деятельность любого человека мы не можем понять, не изучивши жизни и деятельности других людей, их взаимных влияний, их взаимоотношений, их совместного существования.

Вот почему социологии приходится изучать жизнь и деятельность не отдельного, одиноко живущего человека, а жизнь и деятельность многих совместно живущих и совместно действующих людей, оказывающих взаимное влияние на поведение друг друга. Без такого изучения мы не можем понять ни жизни, ни поведения отдельного человека.

Понятие взаимодействия и общества

Явление, когда люди взаимно влияют на поведение друг друга, будем для краткости называть взаимодействием (взаимным действием). Так, если *A* ударил *B* и благодаря этому *B* ответил ударом, то между *A* и *B* согласно сказанному существует взаимодействие: без влияния (поступка) *A*, *B* не ударил бы его. Если *A* готов дать *B* фунт сахара за то, что *B* дает ему пять фунтов муки, то мы опять скажем: *A* и *B* взаимодействуют; их поступки взаимно обусловлены. Если при виде своего ребенка мать бросилась к нему и стала его целовать, мы опять должны сказать, что ребенок и мать находятся в состоянии взаимодействия, ибо не будь ребенка – мать не стала бы целовать и ласкать его. И обратно: между мной, напр., и китайцем, живущим в Китае, нет такого взаимодействия: он не влияет на мои поступки, я не влияю на него. Отсюда ясно, что *взаимодействие людей существует всюду, где один или одни люди влияют на поведение других или дру-*

того, и обратно: взаимодействия нет, если поведение одного или одних людей не зависит от поведения другого или других.

Всякая совокупность совместно живущих людей, которые влияют друг на друга или взаимодействуют друг с другом, называется социальной группой или обществом. Их совместная жизнь называется общественной жизнью. Их взаимные отношения – общественными или социальными отношениями. И общество, и общественную жизнь, и общественные отношения будем называть социальными явлениями.

Изучение общества (населения), общественной жизни и общественных отношений и является фактически главной задачей социологии. Изучив их, мы многое поймем в жизни и поведении каждого отдельного человека. И обратно: не зная ничего об обществе и общественной жизни, мы не сумеем объяснить и жизнь отдельных людей.

Теперь легко понять и само слово «социология». Оно означает в переводе на наш язык – «слово об обществе». В нашей науке человек рассматривается не как уединенно живущее существо, а как «сообщественник», *socius*^{5*}, живущий в среде других людей и взаимодействующий с ними, т. е. влияющий на поведение других и в свою очередь обуславливаемый в своем поведении другими людьми. Таким образом, мы пришли к следующим выводам.

*Конечной и главной задачей социологии является понимание поведения и деятельности людей. Но так как люди живут не уединенно, так как поведение и судьба любого человека зависит от поведения других людей, то для решения этой задачи нужно изучить совместную жизнь многих людей, нужно понять общество, общественные отношения и общественную жизнь: нужно рассматривать человека не как одинокое существо, а как «сообщественника», *socius*'а, живущего в среде себе подобных.*

§ 3. Основные отделы социологии

Теперь пойдём дальше и спросим себя: *как и с какой точки зрения следует изучить общество, общественную жизнь и общественные отношения?*

Подобно другим наукам, социология рассматривает их со следующих точек зрения.

Она изучает, во-первых, *строение и состав общества или населения*. Для познания любой сложной машины нужно познакомиться с ее частями и с тем, как эти части сложены. То же применимо и к любому обществу или населению. Важно знать, из каких людей оно составлено, сколько их и на какие слои или классы население распадается. *Изучение строения населения составит первую часть социологии.*

Во-вторых, она изучает главные *формы совместной человеческой деятельности и поведения, иными словами – характер взаимоотношения людей и социальные процессы*. Ниже мы увидим, что поведение людей – не случайно, а закономерно. Оно определяется рядом сил и условий, которые побуждают людей делать одно и не делать другое. В этой части социология исследует те силы, которые определяют собой наше поведение и ход общественно-исторических событий. Для познания любой машины важно знать не только ее строение, но и то, как эта машина работает, какова она в действии и какие силы толкают ее на работу. Если мы не будем знать, как работает паровоз, если нам будет неизвестно, что эта машина приводится в действие паром, то наше знание паровоза будет неполным. То же применимо и к обществу. Мало знать, из каких людей оно составляется; мало знать, на какие слои оно распадается; важно еще знать, как внутри общества люди ведут себя, какие взаимоотношения существуют между ними, как из поступков отдельных людей создаются огромные общественно-исторические процессы и какие силы управляют поведением человека, а тем самым и общественными движениями. *Таким путем мы познаем жизнь общественной группы. Изучение общественных сил и процессов составит вторую часть социологии.*

В-третьих, социология изучает *общество с точки зрения его развития*. В мире все изменяется с ходом времени. Зерно становится растением, растение созревает, живет и умирает. Дитя становится юношей, юноша – взрослым, взрослый – стариком. Одни нравы и обычаи сменяются другими, другие – третьими. Тысячу лет тому назад люди жили не так, как живут теперь, через сотни лет они будут жить иначе, чем живут в наше время. Для того чтобы хорошо знать любую вещь, важно знать не только ее действия и движения, но и то, как эта вещь возникла, как она изменилась, как она развивалась. То же применимо и к обществу. Для полного понимания общества важно знать не только его строение и жизнь, но и его историю: как оно возникло, как изменялось, как развивалось. Только в этом случае наше знание общества и общественной жизни будет полным. *Изучение развития общественной жизни составит третью часть социологии.*

Таким образом, социология изучает общество с трех главных точек зрения: 1) *с точки зрения его строения и состава*; 2) *с точки зрения данных в нем процессов или его жизнедеятельности*; 3) *с точки зрения происхождения и развития общества и общественной жизни*. *Строение, жизнь, происхождение и развитие общества – таковы основные задачи изучения социологии*. Согласно со сказанным выше познание этих фактов является тем самым познанием жизни, поведения и деятельности отдельных людей.

Таковы вкратце явления, изучаемые социологией, и ее основные задачи. Ниже мы более подробно познакомимся с ними.

§ 4. Важность изучения социологии

Из сказанного ясна важность изучения социологии. Знакомство с ней диктуется прежде всего пытливостью нашей мысли. Если человеческая мысль стремится познать строение и процессы мертвой природы, если она хочет знать явления жизни – мир растений и животных, то тем настойчивее ее желание познать самого человека, жизнь и деятельность людей и законы человеческой истории.

Но изучение социологии важно не только с этой точки зрения. Оно важно и практически. Наука и знание всегда были орудиями в борьбе за существование. Благодаря знанию и через знание человек поднялся выше всех других животных. Благодаря знанию он подчинил себе силы мертвой природы: пар и электричество, воду и воздух. Знание позволило ему плавать по воде и летать по воздуху; знание дает ему возможность проводить туннели в горах, засыпать реки и озера, опоясывать сетью мостов, железных дорог, телефонов и телеграфов всю землю, засеивать поля полезными злаками, культивировать растения и т. д.

Знание же сделало человека господином других организмов, в частности животных. По силе человек уступает многим животным, по величине и росту – тоже. И однако он властвует над ними. Полезных животных он приручил, вредных – истребляет и гонит из обитаемых мест. Благодаря знанию же он начинает успешно бороться с болезнями и явлениями, вредными для жизни. Медицина с ростом науки все более и более совершенствуется. С каждым годом она дает человеку все новые и новые средства для борьбы с болезнями.

То же нужно ждать и в области общественной жизни людей. Мы страдаем не только от сил мертвой и живой природы, но и от плохого устройства общества и плохо налаженной общественной жизни. Благодаря нашему невежеству в области социальных явлений мы до сих пор не умеем бороться с бедствиями, берущими начало в общественной жизни людей. Мы не умеем глупого делать умным, преступника – честным, лентяя – трудолюбивым. Мы не умеем так устроить нашу совместную жизнь, чтобы все были сыты и довольны, чтобы взаимные отношения людей были справедливы, чтобы человек не обижал и не угнетал другого, чтобы все были умны и трудолюбивы. Люди продолжают грызться друг с другом. Голод и холод, разврат и преступление, несправедливость и эксплуатация продолжают быть спутниками человеческого общества. Все попытки борьбы с этими бедствиями до сих пор не дали успешных результатов. Не помогают ни тюрьмы, ни виселицы, ни расстрелы, ни множество подобных мер борьбы. Только тогда, когда мы хорошо изучим общественную жизнь людей, когда познаем законы, которым она следует, только тогда можно рассчитывать на успех в борьбе с общественными бедствиями. Подобно тому как познание живой и мертвой материи дало человеку средства подчинить их силы его целям, так и познание явлений общественной жизни может указать человеку действитель-

ные лекарства против общественных бедствий. Только знание и здесь может указать, как бороться с ними, как нужно устроить совместную жизнь, чтобы все были и сыты, и счастливы, и образованны, и честны, чтобы человек был для человека не волком, как теперь, а богом.

Вот с этой – практической – точки зрения изучение социологии приобретает громадное значение. В настоящее время социология стоит еще на очень низком уровне; мы знаем еще очень мало о тех предметах, которые она пытается изучить и понять. Потому-то и практические советы социологии пока что малоценны. Но нет сомнения, что с ходом времени социология будет все более и более совершенствоваться. Соответственно с этим будет расти и ее практическое значение. Сказанного достаточно, чтобы понять, почему знакомство с социологией важно и необходимо.

Литература: П. Сорокин. Система социологии, т. I, с. 1–76; Новые идеи в социологии. Сб. № 1.

Остальная литература указана в «Системе социологии».

Часть I. УЧЕНИЕ О СТРОЕНИИ ОБЩЕСТВА

Глава II. Строение простейшего социального явления, его элементы и формы

§ 1. Простейшая модель социального явления (общества)

Прежде чем перейти к описанию строения населения или общества в том сложном виде, в каком они существуют, мы должны изучить их в их простейшем виде. Так необходимо поступать потому, что этим путем облегчается понимание сложного явления. Так же поступают и все науки. Химия в качестве простейшей модели изучаемых ею явлений берет химический элемент, биология – клетку, астрономия – отдельное небесное тело. Так же поступим и мы.

Взаимодействие двух людей как модель социальных явлений

Раз обществом как предметом изучения социологии будет группа совместно живущих и взаимодействующих (влияющих друг на друга) людей, то *простейшей моделью общества будут, очевидно, два взаимодействующих индивида*. Если бы мы взяли одного человека, то он общества не мог бы составить. Из одного человека не сделаешь многих. Если бы мы имели двух или большее число людей, но эти люди друг с другом не встречались бы, не взаимодействовали бы, а жили уединенно, наподобие сардинок, закупоренных в коробках, то и в этом случае мы не получили бы общества; этот случай свелся бы к первому: в каждом отдельном случае мы имели бы только одного человека. Значит, для того *чтобы общество могло быть, нужно по меньшей мере двое людей и чтобы эти люди были бы связаны друг с другом связью взаимодействия*. Такой случай будет простейшим видом общества или социального явления. На такие простейшие случаи разлагается вся общественная жизнь и все сложные общества. Возьмем ли мы семью, или партию, или группу верующих, или население государства – все эти группы или общества разлагаются на множество пар взаимодействующих людей. Какой бы общественный процесс мы ни взяли: будет ли то совместная

молитва верующих в церкви, или тяжба двух противников в суде, или борьба насмерть двух полков, или совместная работа ряда лиц над постройкой дома, или обучение учителем ученика и т. д. – все эти формы социальной деятельности представляют частные случаи общего явления взаимодействия; всюду здесь один или одни люди влияют на поведение другого или других людей.

§ 2. Элементы явления взаимодействия

Индивиды, действия и проводники как элементы

Остановимся подробнее на изучении строения этой простейшей модели общества. В ней мы видим, что в качестве ее составных частей даны: 1) *индивиды (по меньшей мере два)*; 2) *их действия – акты*; 3) *проводники взаимодействия*. Все эти части и элементы должны быть даны в явлении взаимодействия. Если бы не было двух или большего числа людей, то некому было бы взаимодействовать, не было бы общества. Если бы люди не совершали действий, поступков, актов, то они не могли бы влиять друг на друга или «раздражать» один другого. Они были бы похожи на недвижимые статуи, которые целые годы могут стоять рядом, не оказывая друг на друга никакого влияния. Потому именно люди и могут влиять на взаимное поведение, что они двигаются, действуют, совершают постепенно множество актов, направленных на других людей. Каждый из нас с раннего утра до ночи оказывается погруженным в море человеческих действий, которые в виде слов, прикосновений, толчков, движений направлены по нашему адресу и влияют на наше поведение, как и мы, в свою очередь, своими словами и актами влияем на поведение других людей.

Наконец, в явлении взаимодействия людей имеются *проводники взаимодействия*, передающие, подобно телеграфной проволоке, влияние или раздражение, идущее от одних людей другим. Эти проводники, как сейчас увидим, связывают, подобно проволоке, взаимодействующих людей; они дают им возможность влиять друг на друга и тогда, когда они отделены большим пространством и временем. Благодаря проводникам взаимодействия могут взаимодействовать люди, одни из которых находятся в России, а другие в Америке, одни из которых живы, а другие уже умерли.

Таковы основные элементы явления взаимодействия или общества.

Воспринимающие и раздражающие органы человека

Из сказанного видно, что взаимодействие людей похоже на взаимодействие двух телеграфных или двух радиотелеграфных станций. Один человек, подобно радиостанции, посылает «волны раздражений»; проводники взаимодействия,

подобно телеграфной проволоке или воздушной среде, эти раздражения доводят до других людей; те, подобно радиостанции, получающей радиogramму, воспринимают их и затем отвечают (реагируют) на них теми или иными действиями.

Сходство взаимодействующих людей с радиостанциями, посылающими друг другу радиogramмы и воспринимающими их, идет дальше. Как радиостанции должны иметь особые аппараты для восприятия радиogramм, идущих с другой станции, так, очевидно, и взаимодействующие люди должны иметь особые аппараты для восприятия раздражений, идущих от других людей. Такие аппараты действительно у человека имеются. Ими служат все «органы чувств» человека и все тело, покрытое разветвлениями нервной системы. Органы зрения воспринимают все движения, поступки, мимику лица других людей. Органы слуха воспринимают все звуки (слова, восклицания и т. п.), исходящие от другого человека. Органы обоняния – все запахи, испускаемые другими; органы осязания и все наше тело служат прекрасным аппаратом, воспринимающим всякое прикосновение (удар, поглаживание, пожимание, щекотание и т. п.) другого человека к нашему организму. Словом, наш организм обладает рядом прекрасных и чувствительнейших аппаратов восприятия раздражений, идущих от других людей. В этом отношении он вполне похож на радиостанции.

Но чтобы возможен был обмен радиogramмами, радиостанции должны обладать не только аппаратами, улавливающими радиogramмы, но и *аппаратами, могущими посылать радиogramмы другим станциям*. Такими аппаратами радиостанции действительно обладают. То же применимо и к взаимодействующим людям. Чтобы их общение было возможно, они должны обладать не только органами восприятия раздражений, идущих от других людей, но и органами, способными посылать такие раздражения другим. Так оно и есть. Все тело человека приспособлено к такой задаче. Оно позволяет человеку двигаться, приводить в движение все тело и его отдельные части (руки, ноги и т. д.); устройство нашей гортани дает нам возможность издавать звуки; общее устройство нашего тела и высокая степень умственного развития человека позволяют ему приводить в движение силы природы; словом, анатомическое устройство человека дает ему возможность производить множество самых разнообразных действий или актов. *Эти-то акты и служат раздражителями других людей, а органы, их выполняющие, являются аппаратами-раздражителями.*

Выходит, таким образом, что человек обладает, подобно радиостанции, не только аппаратами восприятия раздражений, но и аппаратами, посылающими волны раздражений другим людям. Наконец, чтобы телеграмма или радиogramма могла дойти от одной станции к другой, между станцией отправления и станцией получения должны быть проводники. При телеграфных сношениях таким проводником служит проволока. Для беспроводного телеграфа им является воздушная среда. То же применимо и к взаимодействию людей.

Для того чтобы раздражение, идущее от *A*, дошло до *B*, особенно когда *A* и *B* разделены друг от друга большим пространством (напр., *A* живет в России, *B* – в Америке) или временем, очевидно, между ними должны быть проводники. Без последних *A* не мог бы влиять на *B* и обратно.

Каковы же главные виды проводников человеческого взаимодействия? Что под ними следует понимать?

Проводники взаимодействия и их виды

Под проводниками взаимодействия следует понимать все те средства, при помощи которых раздражение, идущее от одних людей, доходит до других.

Таковые прежде всего *звуковые проводники*. Их главным видом является *человеческая речь*, слова. Когда кому-нибудь мы хотим передать какую-либо мысль или чувство или просим что-либо сделать, мы обращаемся к помощи звуковых проводников. Мы «говорим», т. е. приводим в движение наши голосовые связки, они приводят в движение воздушные волны, последние долетают до других людей, воспринимаются ими, в итоге вызывают тот или иной ответный акт. Звуки, как проводники, перелетая от одних людей к другим, передают переживания, мысли, чувства, хотения одного человека другому или другим. Наши слова являются настоящими «звуковыми телеграммами», проводящими раздражения одних людей другим. Этими проводниками люди пользуются на каждом шагу. Посредством их мы легко, дешево и удобно можем, подобно телефонным абонентам, соединиться без помощи телефонной барышни сразу со многими людьми, со всеми теми, кто знает наш язык и кто слышит нас. Отсюда важное значение языка и речи для общения людей друг с другом.

Вторым видом звуковых проводников может служить музыка. Когда кому-либо грустно, он может сообщить о своей грусти другим людям не только словами «мне грустно», а сесть за пианино и начать играть что-либо грустное. Аккорды музыки, порождаемые им, перелетая к другим людям, передают им грусть играющего.

Звуковые проводники выступают и в других формах. Свисток паровоза сообщает нам о его отходе или приходе, гудок фабрики – о начале или конце смены, рожок автомобиля «предупреждает» нас об опасности и т. д.

Вторым важным видом проводников взаимодействия людей являются проводники *свето-цветовые*. Главнейшими видами их являются *письменность* (книги, рукописи и т. п.) и *живопись* (рисунки, картины). Свою мысль « $2 \times 2 = 4$ » я могу передать другим не только словами (звуками), но и светоцветовыми знаками, написавши « $2 \times 2 = 4$ » или «дважды два равно четырем». Любая книга, любая рукопись, наконец, любая картина или рисунок представляют не что иное, как множество цветных значков (черных в книге) определенной формы, которые передают наши переживания другим. *A*, живущий в России, может передать по-

средством письма, т. е. клочка бумаги с черными значками, свои переживания *B*, живущему в Америке. Письмо «проводит» переживания *A* и дает ему возможность взаимодействовать с *B*, несмотря на огромное расстояние, лежащее между ними. Чтение книги заменяет беседу с ее автором. Любая библиотека с этой точки зрения похожа на громадную телеграфную станцию, где ряд людей ежедневно «соединяется» с авторами читаемых ими книг и ведет с ними неслышную беседу. Благодаря этим проводникам мертвые могут взаимодействовать с живыми. Дарвина, Ньютона, Спенсера, Маркса, Толстого, Пушкина уже давно нет в живых. Но благодаря книгам – светоцветовым проводникам – мы можем общаться с ними: знать их мысли, учения, теории. Благодаря книгам же они могут влиять на поведение живых людей: на их мысли, переживания, идеалы и поступки. Сказанное о письменности применимо к рисункам и к картинам. Последние, как и книги, служат средствами передачи переживаний от одних людей к другим.

Светоцветовые проводники выступают в сотне других форм. Они применяются в виде светящихся фонарей на пароходах, давая знать людям, что идет пароход, в виде цветных огоньков на трамваях, в виде цветных галунов и петличек на форменной одежде различных ведомств, указывая, к какому ведомству принадлежит данное лицо, и т. д.

Третьим видом проводников являются проводники *двигательные*. Они состоят в определенных движениях человека, в частности в движениях его руки и мускулов лица. Вместо слов «убирайся вон» то же хотение люди часто передают жестом руки, указывающим на дверь; вместо «да» мы часто ограничиваемся легким кивком головы вперед; вместо «нет» – движением головы слева направо и обратно; бессилие мы выражаем жестом пожимания плеч, гнев – сжиманием кулаков, любовь – поцелуем и объятиями, приветствие – снятием шапки и т. д. Особенно распространены двигательные проводники среди глухонемых людей. Они взаимодействуют и «говорят» друг с другом не путем звуковой речи, а путем «языка жестов» или «языка движений» – движений руки и ее пальцев, движением мускулов лица. Примером двигательных проводников, соединенных со светоцветовыми, может служить кинематограф. Здесь сложнейшие драмы, комедии, переживания передаются путем двигающихся цветных рисунков, изображающих различные предметы и людей, совершающих ряд действий (акты убийства, спасания, ласки, поцелуя и т. д.).

Четвертым видом проводников общения служат *предметные* проводники. Для передачи другим ряда переживаний – мыслей, чувств, волевых действий – и обусловливания их поведения люди часто пользуются определенными предметами, сигнализирующими или символизирующими эти переживания. Так, красный флаг служит символом-проводником революционных идей, чувств и настроений. Государственные флаги употребляются для обозначения достоинства государства, принадлежности судна или дома к определенному государству.

Скипетр и держава царя изображали собой мысль о его власти, о том, что царь держит в руках всю землю. Ключи города, передаваемые побежденными победителю, означали изъявление покорности первых последнему. Распространенным видом предметных проводников могут служить деньги. Посредством денег люди передают друг другу самые различные переживания: и благодарность за услугу или спасение, и переживание радости и горя, и вознаграждение за работу или преступление. Словом, деньгами передаются разнообразнейшие настроения. Путем их одни люди весьма сильно могут влиять на поведение других. К предметным проводникам в широком смысле относятся все вещи, на которых остались, запечатлелись следы деятельности или работы людей. Другие люди, соприкасаясь с ними, получают ряд впечатлений, в них возникает ряд переживаний, которые не возникли бы, если бы их не было. С этой точки зрения предметным проводником будет и здание храма (напр., Иван Великий), и здание дома, и обделанный человеком камень, и утварь, и одежда, и инструменты – словом, *все, на чем отразилась деятельность людей, все, что носит печать работы и труда последних.*

Что такое «материальная культура»

Совокупность таких предметов, на которых отразилась деятельность людей или которые нарочито ими созданы, носит название «материальной культуры». Все перечисленные вещи, как и целые города и села со всеми своими зданиями, входят в состав «материальной культуры». Напротив, все то, к чему человек не прикасался, на чем не осталось следов его деятельности, все это не относится к материальной культуре. Не входят в число последней ни дерево, само собою выросшее в диком лесу, ни земля, к которой человек не прикасался, ни река, которую он не трогал, не изменял ее течения и берегов, и т. д.

Все предметы «материальной культуры», согласно сказанному, являются предметными проводниками в широком смысле. Мы со всех сторон окружены ими и находимся под постоянным их влиянием. Дороги, проложенные без нас и до нас, определяют собой пути нашего движения, направление улиц города обуславливает собой те линии, по которым мы принуждены ходить (ибо по крышам домов мы не можем путешествовать), памятники творчества предыдущих поколений воспитывают наш вкус. Подобно губке, мы с момента своего появления на свет впитываем в себя раздражения, излучаемые этими предметными проводниками, и складываемся под их влиянием. Каждое поколение людей в процессе своей жизни и взаимодействия оставляет после себя следы своей деятельности в виде множества предметных проводников. Люди подобны полипам, выделяющим из себя коралловые рифы. Такими же рифами являются и предметные проводники, образующие в своей совокупности материальную культуру. Слой за слоем выделялись они жившими людьми, слой за слоем оседали и в итоге образовали целый мир материальной культуры, в который мы погруже-

ны, который окружает нас со всех сторон, передает нам раздражения, исходившие от других поколений, и влияет на наши переживания и поведение. Сколько новых чувств и мыслей возникает в человеке, когда он с простора полей попадает в каменный город! Сколько новых переживаний появляется в нас, когда мы впервые видим кремль, старую башню или старый храм!

Словом, предметные проводники окружают нас со всех сторон и выступают в тысяче различных форм.

Далее, можно различать проводники *электрические*. В наше время они получили широкое распространение. Электричеством пользуются сейчас и для передачи телеграмм, радиogramм, для передвижений людей (трамвай, электрические жел. дороги); электричество же передает наши слова другому при телефонном разговоре; путем электричества взаимодействуют доктор и пациент при электролечении; оно употребляется для нагревания других людей путем электрических подушек и т. д.

Иными словами, электричество в ряде случаев проводит раздражения, идущие от одних людей к другим, т. е. позволяет им взаимодействовать и влиять на поведение друг друга.

В качестве особого вида проводников выступают проводники *тепловые*. Пользуясь теплом, одни люди могут обуславливать поведение других. Так, человек, поджигающий дом, может весьма сильно повлиять на поведение лиц, живущих в этом доме; машинист парохода или паровоза, регулирующий температуру кают или вагонов, может определенным образом действовать на поведение пассажиров: при чересчур жаркой температуре последние будут чувствовать и вести себя одним образом, при холоде – другим.

Упомянем, далее, про проводники *химические и механические*. Примером первых служат все формы общения людей, где один человек влияет на другого посредством химических свойств того или иного предмета. Так, доктор, заставляя больного принять лекарство, воздействует на его состояние и поведение путем химического проводника. Преступник, подсыпаящий яд в пищу жертве, определяет судьбу последней посредством того же химического проводника. Купец, продающий гнилую рыбу населению, влияет на его здоровье посредством того же проводника и т. п.

Примерами *механических проводников* могут служить: пуля, выпущенная одним солдатом в другого; камень, брошенный *A* в *B*; палка, брошенная и опущенная одним человеком на другого, и все явления механического воздействия (прикосновение, удар, рванье волос, царапанье, поглаживание, нанесение ран и т. п.) одного человека на других.

Таковы важнейшие виды проводников взаимодействия людей, т. е. тех средств, путем которых передаются раздражения, идущие от одних к другим, или путем которых одни люди влияют на поведение и переживания других.

Из сказанного мы видим, что во всяком явлении взаимодействия действительно имеются указанные три элемента: 1) люди (индивиды), 2) их действия (акты), 3) проводники взаимодействия. Мы видим также, что взаимодействующие люди действительно похожи на две радиостанции, обменивающиеся друг с другом радиogramмами и таким образом влияющие друг на друга. *Раз всякая группа взаимодействующих людей составляет общество, то, значит, и во всяком обществе или социальном явлении можно различать: 1) людей, 2) их действия и 3) проводники, составляющие материальную культуру общества.*

Таково вкратце устройство явления взаимодействия как простейшей модели социального явления.

§ 3. Основные формы взаимодействия

В зависимости от числа индивидов

Теперь рассмотрим основные формы взаимодействия. В зависимости от количества взаимодействующих индивидов можно различать социальные группы, составленные из взаимодействия: 1) двух людей друг с другом, 2) одного и многих (напр., лектор и аудитория, артист и зрители), 3) многих и многих (напр., схватка двух полков, борьба двух государств и т. п.). Сообразно с этим и общества бывают малочисленные и многочисленные.

В зависимости от качества индивидов

В зависимости от качества взаимодействующих лиц социальные группы или общества распадаются на множество форм. Они могут быть составлены из лиц одного пола (напр., женские монастыри, женские пансионы, воинские части, Запорожская сечь и т. п.) и из лиц разных полов; из лиц, сходных друг с другом (по религии, по языку, по подданству, по профессии, по расе, по образованию и т. д.), и из лиц, различных между собой в этих отношениях. *Каковы будут люди, составляющие общество, таковым будет и последнее.* Если эти люди будут темны и невежественны, отсталым будет и все общество. Если члены общества будут злыми и ленивыми людьми, весьма плохой будет и вся общественная жизнь такой группы: в ней не будет ни мира, ни спокойствия, ни богатства, ни довольства, ни свободы. Одни будут угнетать других, власть будет тиранической, свобода в таком обществе невозможна. Если же, наоборот, члены общества образованны, друг друга уважают, все трудятся, никто не пытается жить на чужой счет, в таком обществе будет и порядок, и свобода, и довольство, и хорошая власть.

Взаимодействие одностороннее и двустороннее

В зависимости от *характера* взаимоотношений взаимодействующих людей можно различать *взаимодействие одностороннее и двустороннее*. *Односторонним* будет всякое взаимодействие двух лиц, где одна сторона влияет на поведение другой, а другая не влияет на поведение первой. Так, человек, власть имеющий, определяет своими приказами поведение подвластного. Но подвластный не всегда может влиять на поведение властелина. От воли господина зависит судьба и жизнь раба; от раба же редко зависит поведение господина. *Двусторонним* будет всякое взаимодействие, где обе стороны влияют на поведение друг друга. Пример: *A* согласен доставить *B* пуд муки, если *B* доставит *A* 20 аршин материи. В таких явлениях поступки обеих сторон взаимно обусловлены.

Солидарное и антагонистическое

Рядом с односторонним и двусторонним взаимодействием можно различать взаимодействие *солидарное* (согласное) и *антагонистическое* (враждебное). *Солидарным* будет всякое взаимодействие, где стремления обеих сторон совпадают, где одна сторона не только не мешает, но, напротив, помогает достижению стремлений другой стороны. Примеры: *A* хочет есть, *B* дает ему свой кусок хлеба. *A* хочет перенести бревно, *B* помогает *A* в этом деле. Общество, в котором члены взаимодействуют солидарно, будет обществом солидарным. Примерами его могут служить: все группы, где люди помогают друг другу; все группы, где люди совокупными силами стремятся к одной цели; все кооперативные союзы, где ряд лиц добровольно соединяет свои силы для достижения общих целей и интересов.

Противоположностью солидарному взаимодействию будет взаимодействие *антагонистическое*. Под ним разумеется такое взаимодействие, где одна сторона мешает или препятствует осуществлению стремлений другой стороны. Примеры: *A* хочет есть, *B* вырывает у него кусок хлеба; *A* хочет жить, *B* стремится убить его. Общество, в котором члены взаимодействуют друг с другом антагонистично, будет обществом антагонистическим. В таком обществе неизбежны взаимная борьба людей друг с другом, начиная со смертельных войн и кончая судебной тяжбой, бранью, взаимной враждой, принуждением, угнетением и насилием одних над другими.

В солидарном обществе человек не принижен, не угнетен, здесь все равны друг другу. Здесь не нужно принуждения, не нужно деспотической власти. В антагонистическом обществе порядок приходится поддерживать силой, здесь власть неизбежно деспотична, царствует неравенство, права и достоинства человека не уважаются.

Кратковременное и длительное

По своей длительности взаимодействие бывает *кратковременным и длительным*. Сообразно и социальные группы бывают кратковременными и длительными. Примерами первых могут служить: взаимодействия двух лиц, встретившихся в трамвае или в поезде. Обменявшись несколькими словами друг с другом, проведя несколько минут или часов вместе, они расходятся в разные стороны и забывают друг о друге. Примерами длительного взаимодействия являются: взаимоотношения мужа и жены, родителей и детей, пожизненных друзей и т. п. Здесь взаимодействующие люди живут вместе и влияют на взаимное поведение в течение годов и даже в течение всей жизни. Такие социальные группы существуют годами и десятилетиями. Кратковременные же социальные группы похожи на бабочек-однодневок: не успели они возникнуть, как уже рассыпались и прекратили существование.

Организованное и неорганизованное

Далее можно различать взаимодействие организованное и неорганизованное, а сообразно с этим *общества или социальные группы организованные и неорганизованные*. Под *организованным взаимодействием и обществом* разумеется такое, где взаимное поведение людей совершается по определенному, повторяющемуся шаблону или порядку, где права и обязанности членов определены, где каждый знает, что и как он должен делать, как вести себя по отношению к другим людям. Примером таких групп может служить семья или кооперативный союз. Отношения членов этих групп определены, права и обязанности их ясны; эти отношения устойчивы и шаблонны. Дальнейшими примерами таких групп могут служить: государственная группа, политическая партия или заседание парламента. Всюду здесь мы видим организацию. Очередь выступления ораторов в парламенте, характер их речей определены наказом, порядок поддерживается председателем, отступлений от него не допускается.

Иное представляют *общества или процессы взаимодействия неорганизованные*. Здесь нет ни порядка, ни точного разграничения прав и обязанностей, ни устойчивости и шаблонности во взаимоотношениях индивидов. Здесь все случайно. Пример таких групп дает случайно собравшаяся толпа. В толпе нет ни порядка, ни организации. Здесь все шумят и «галдят». Порядок «галдящих» никем не определен. Нет ни очереди в выступлениях ораторов, ни наказа, ни председателя. Настроение толпы неустойчиво и случайно. Она легко подвержена панике. В ней постоянно скандалы. Она часто становится буйной и доходит до преступлений (разгром рынков, погром интеллигенции, убийство людей и т. п.). Неорганизованные группы похожи на бесскелетную массу, рыхлую, бесформенную, неустойчивую.

Сознательное и бессознательное

Упомянем про деление форм взаимодействия с точки зрения их *сознательности*. В этом отношении можно различать следующие четыре вида: 1) индивид *A* может действовать сознательно; *B* отвечает на его действия (реагирует) также сознательно. *A* сознательно дает *B* 10 руб. денег; *B* сознательно дает *A* за эти 10 руб. фунт мяса. 2) Обе взаимодействующие стороны действуют бессознательно. *A* бессознательно зевает. В силу бессознательного подражания зевает и *B*. Спящая мать придавливает маленького ребенка. Ребенок бессознательно кричит. 3) *A* бессознательно совершает акт; *B* сознательно реагирует. Маленький ребенок плачет. Мать подходит и дает ему грудь. 4) *A* сознательно совершает акт; *B* бессознательно реагирует. Полицейский расталкивает и поднимает мертвецки пьяного человека, лежащего под забором. Тот бессознательно мычит и отбивается.

Примеры всех этих четырех форм взаимодействия даны в сотнях других форм и случаев.

Интеллектуальное, чувственное и волевое

Наконец, отметим еще один вид взаимодействия в зависимости от того, что служит «материей» обмена в процессе общения. Если возьмем такие собрания людей, как аудитория научной лекции, то здесь материей обмена служат главным образом идеи. Лектор и его слушатели находятся в процессе идейного общения; от лектора к слушателям идут волны идей. Дальнейшими примерами такого идейного взаимодействия служат: заседания научных обществ, лекции, идущие в стенах университетов, взаимодействие учителя и учеников, кружки самообразования и т. д.

Назовем такие виды взаимодействия взаимодействием интеллектуальным (умственным), а соответствующие группы – *интеллектуальными* группами или обществами.

Теперь возьмем такие собрания людей, как публику, собравшуюся на бал, на концерт, на «танцульку», на цирковые представления, на пьяную оргию, на похороны. Здесь люди обмениваются друг с другом не идеями, а главным образом чувствами и эмоциями. Вальсирование или пляска в течение ряда часов, созерцание борьбы цирковых борцов, одурманивание в пьяной компании вином, шествие в похоронной процессии, слушание симфонического концерта знаний не дают. Не идеями здесь обмениваются люди, и не идеи они возбуждают друг в друге, а чувства и эмоции. Чувства веселья, радости, «сильных и острых переживаний», печаль и горе – вот чем обмениваются в таких собраниях люди и вот что они здесь разжигают друг в друге.

Назовем такое взаимодействие *чувственно-эмоциональным*, а соответствующие группы – *чувственно-эмоциональными* группами. Теперь посмотрим

на такие процессы взаимодействия, как взаимодействие командира, командующего «пли», и солдат, стреляющих по команде; как взаимодействие воспитателя, говорящего воспитаннику: «не смей делать того-то», «не плачь», «не тронь» или «сделай то-то»; взаимодействие комиссара, приказывающего крестьянину отдать хлеб; взаимодействие «барина» и «прислуги», где первый посылает вторую в лавку, приказывает «поставить самовар», «вычистить сапоги» и т. д. Здесь предметом обмена служат не идеи, не чувства, а волевые решения и приказы, требующие или предлагающие исполнения определенных велений. Командир, командуя солдатам «пли», «равняйся», «смирно», «поворот направо» и т. п., не стремится сообщить им знания, не разжигает в них определенные чувства, а сообщает им свою волю и требует ее исполнения. Это же самое применимо и к другим указанным случаям, как и к тысяче других. Назовем такое взаимодействие волевым, а соответствующие группы – *волевыми группами*.

Все социальные группы и все общественные явления распадаются на очерченные формы взаимодействия

Таковы основные формы взаимодействия и соответствующие социальные группы. На такие процессы общения и на такие мелкие группы взаимодействующих людей распадается вся та человеческая среда, в которой мы живем и существуем и которая покрывает все население земного шара.

Если охватим умственным взором весь человеческий мир, то он покажется нам похожим на огромное человеческое море. Это море составляется из отдельных волн. Такими отдельными волнами являются отдельные процессы взаимодействия и образуемые ими социальные группы.

Все человеческое население распадается на ряд более тесных групп, образующихся из взаимодействия одного с одним, одного с многими и одной группы с другой. Какую бы социальную группу мы ни взяли – будет ли ею семья, или класс, или государство, или религиозная секта, или партия, – все это представляет или взаимодействие двух, или одного со многими, или многих людей со многими. Все бесконечное море человеческого общения составляется из процессов взаимодействия: односторонних и двусторонних, временных и длительных, организованных и неорганизованных, солидарных и антагонистических, сознательных и бессознательных, идейных, чувственно-эмоциональных и волевых. Какое бы общественное явление мы ни взяли, оно в конечном счете разложится на эти элементы. Явления войны, классовой борьбы, борьбы государств, национальностей, религии, экономическая конкуренция, состязание двух противников представляют различные формы антагонистического взаимодействия. Все явления взаимопомощи людей друг другу, кооперация в деле обучения и воспитания, достижения совокупными силами общей цели в научной, религиозной, в худо-

жественной и экономической области, создание общими силами всевозможных предметов и явлений, начиная с таких маленьких дел, как совместное перенесение бревна, и кончая такими делами, как постройка громадной железной дороги, прорытие Панамского канала или многоверстного туннеля, как создание всемирных кооперативных союзов, «Интернационала», «Лиги Народов», – все это различные формы солидарного взаимодействия. Весь обширный океан мировой истории человечества составляет из отдельных ручьев и речек, каковыми являются отдельные длительные и мгновенные процессы взаимодействия. Одни из них, а именно организованные потоки взаимодействия, имеют определенные очертания берегов, определенное русло, другие – неорганизованные процессы или группы – подобны бесформенной болотной воде, не имеющей определенного русла, ясных береговых очертаний и точно выраженного течения. Одни исторические события – результат сознательного взаимодействия людей. Таковы научные открытия и изобретения, таковы все сознательно обдуманые движения и организации. Другие события – плод бессознательных appetitов людей. Таковы стихийные восстания, массовые погромы, бессознательные подражания (явления моды, психических эпидемий, распространения нелепых верований, абсурдных учений) и т. д.

Словом, весь сложнейший мир общественной жизни людей распадается на очерченные процессы взаимодействия.

Вот почему важно было познакомиться с ними. Как море составляет из отдельных ручьев, рек и потоков, так и океан общественной жизни человечества составляет из таких отдельных процессов взаимодействия. Как море вечно, хотя отдельные его волны рождаются и исчезают, так вечен и весь мир общественной жизни человечества, хотя отдельные процессы взаимоотношений рождаются и умирают.

§ 4. Явление взаимодействия как коллективное единство

Из сказанного выше само собой вытекает, что *группа взаимодействующих людей представляет особого рода коллективное целое или коллективное единство*. Люди, взаимодействующие друг с другом, как бы связаны общей веревкой. Чем теснее взаимодействие, т. е. чем сильнее они влияют друг на друга, тем эта веревка короче. Подобно тому, как люди, связанные друг с другом веревкой, при своем движении «дергают» друг друга, двигаясь приводят в движение и других, так и люди, связанные друг с другом процессом взаимодействия, «дергают» всех взаимодействующих с ними лиц. Поступки и переживания каждого из них отражаются на поступках и переживаниях остальных. И чем взаимодействие теснее, тем это «дергание» других сильнее. Так, напр., члены одной семьи

весьма сильно обуславливают взаимное поведение. Все, что случается с одним супругом, сразу же отражается на другом; радость одного нормально становится радостью и другого; несчастье, выпавшее на долю мужа, обычно делается несчастьем и для жены, и обратно. Точно так же переживания и поведение детей (напр., хорошее учение, удачные экзамены и т. п.) радуют и родителей; неудача последних (напр., разорение) отражается и на детях. Члены семьи, как видим, действительно связаны веревкой взаимодействия: поведение одного из них сразу же «дергает», отражается на поведении и переживаниях других членов семьи. Если взаимодействующие не связаны веревкой в буквальном смысле, то, как мы видим, они связаны рядом подлинных проводников.

Вот эта-то *тесная (причинная) взаимозависимость их поведения и дает основание рассматривать взаимодействующих лиц как коллективное целое, как одно существо, составленное из многих лиц*. Подобно тому, как многие доски бочки, скрепленные обручами, мы рассматриваем как одно целое, как одну бочку, или подобно тому, как множество отдельных клеток, тесно связанных друг с другом и составляющих наш организм, мы рассматриваем как одно существо, как одно «я», так и ряд взаимодействующих людей в силу связанности и зависимости их поведения мы можем рассматривать как коллективное целое, выделяющееся из массы остальных людей.

Это мы можем сделать еще и потому, что группа взаимодействующих людей совсем не похожа на простую сумму тех же людей, но не взаимодействующих друг с другом. Пятьдесят человек, взаимодействующих друг с другом, в итоге дадут группу, резко отличную от тех же пятидесяти человек, живущих уединенно, невзаимодействующих. В первом случае неизбежно появится разделение этих пятидесяти на «властвующих» и «подчиненных», одни из них будут угнетать других, появится разделение их на более способных и менее способных; соединяя свои силы, пятьдесят человек могут сделать то, чего не могут сделать пятьдесят человек, живущих уединенно и некооперирующих. Ничего подобного не может появиться при уединенно-одиночной жизни тех же пятидесяти человек. Если человек живет один, он сам – и власть, и подвластный слуга, и господин, аристократ и демократ. 50 робинзонов, живущих на 50 уединенных островах, не создадут ни правительства, ни деления на богатых и бедных, угнетателей и угнетаемых. Не могут также своими одиночными силами они создать то, что создадут 50 взаимодействующих лиц, соединяя свои силы.

Подобно тому, как кислород и водород, взаимодействуя друг с другом, образуют воду, резко отличную от простой суммы изолированных кислорода и водорода, так и совокупность взаимодействующих людей резко отлична от простой их суммы.

И с этой точки зрения группа взаимодействующих людей резко выделяется как особое целое от остальной массы людей. В силу этих условий такую группу

приходится рассматривать как коллективное единство, как особое существо, составленное из ряда отдельных людей. Так и будем мы поступать в дальнейшем. Всякую группу людей, взаимодействующих друг с другом, мы будем называть коллективным единством или, короче, – коллективом. Так как общество или социальную группу мы определили как совокупность взаимодействующих людей, то отсюда следует, что всякое общество или всякая социальная группа представляет коллективное единство или коллектив.

Резюме

Прорезюмируем сказанное.

I. *Простейшей моделью социального явления служит взаимодействие двух индивидов.*

II. *Во всяком явлении взаимодействия имеются три элемента: 1) индивиды; 2) их акты, действия; 3) проводники.*

III. Главнейшими видами проводников являются проводники звуковые, светоцветовые, двигательные, предметные, химические, тепловые, механические и электрические.

IV. Главнейшими формами взаимодействия соответствующих социальных групп являются: 1) взаимодействие двух, одного и многих, многих и многих; 2) взаимодействие сходных и несходных лиц; 3) взаимодействие одностороннее и двустороннее, длительное и мгновенное, организованное и неорганизованное, солидарное и антагонистическое, сознательное и бессознательное.

V. Весь океан общественных явлений распадается на такие отдельные формы взаимодействия.

VI. Группа взаимодействующих людей составляет особое коллективное единство или единое существо, составленное из отдельных лиц. Такая группа резко отлична от суммы невзаимодействующих индивидов.

VII. Всякое общество или всякая социальная группа является коллективным единством.

Литература: Сорокин: Система социологии, т. I, гл. IV, V, VI; «Новые идеи в социологии», сборник № 2; Элементарные учебники по анатомии и физиологии человека. Особенно главы о строении и физиологии нервной системы; Курсы по психологии человека: Джемса, Гейфдингга, Цигена; Вагнер: Биологические основания сравнит. психологии, т. I и II; Бехтерев: Общие основания рефлексологии; Петражицкий: Введение в изучение права и нравственности. Главы, посвященные психологии человека; Кропоткин: Взаимная помощь как фактор эволюции (для изучения солидарного взаимодействия); Делевский: Социальные антагонизмы (для изучения антагонист. взаимодействия).

Глава III. Условия возникновения, сохранения и распада коллективных единств

§ 1. Где, как и почему возникают социальная и общественная жизнь людей

В предыдущем мы изучили строение любой социальной группы. Мы видим, что всякая социальная группа как совокупность взаимодействующих лиц состоит из: 1) индивидов; 2) их актов; 3) проводников. Теперь спрашивается: *почему же люди вступают во взаимодействие друг с другом?* Какие условия заставляют их общаться, взаимодействовать и составлять коллективные единства?

Чтобы это было возможно, очевидно, люди должны жить рядом, вблизи друг от друга. Тогда они неизбежно будут встречаться и сталкиваться. А раз они будут встречаться, неизбежно они будут вступать во взаимодействие и образовывать общества или коллективные единства. Наш вопрос, стало быть, сводится к вопросу: *какие условия заставляют людей скопляться и жить в одном месте в близком соседстве друг к другу?* Ряд условий заставляет людей поступать так, чтобы жить; человек должен удовлетворять свои потребности. Он не может, напр., не удовлетворять голод и жажду, иначе он умер бы от голода. Он не может жить в слишком холодном или горячем месте, иначе он замерз или сварился бы. Он должен удовлетворять свои половые потребности, иначе род человеческий вымер бы. Целый ряд таких условий толкает человека в те места, которые наиболее благоприятны для его жизни. Ряд других условий заставляет его искать других людей и вступать в общение с ними. Без этого удовлетворение основных потребностей человека было бы невозможно.

Рассмотрим подробнее эти условия. Разделим их на три основные группы: 1) *на условия космические, или физико-химические*; 2) *на условия биологические*; 3) *на условия социально-психические*.

Космические условия возникновения социальных групп

Под космическими условиями я разумею ряд условий неорганического мира («мертвой природы»), среди которых приходится жить человеку. Таковы:

свет, звук, теплота, влажность, очертания воды и суши, гористость и долинность земной поверхности, минералогическое строение почвы и т. п.

Человек живет среди неорганической природы. Она со всех сторон его окружает. Она может быть благоприятной и неблагоприятной для жизни людей. «Рыба ищет, где глубже, человек стремится туда, где лучше». Ему трудно жить в местах, лишенных света. Поэтому он стремится в страны, где светло. Ему трудно, а временами и невозможно жить в стране с слишком холодной или, напротив, с слишком жаркой температурой. Он стремится в те области, где последняя наиболее благоприятна: где и не слишком холодно, и не слишком жарко (подобно тараканам, собирающимся в теплых местах, около печки, и бегущих от холода). Человек не может жить в местах безводных. Вода ему нужна для удовлетворения жажды, умывания, купания, приготовления пищи и т. д. Поэтому люди бегут из безводных мест в места, богатые водой. Далее, человек не может существовать в местах непроходимых; он предпочитает селиться там, где имеются удобные пути сообщения (дороги, река и т. п.). Не безразличен для человека и состав той почвы, где он живет. Плохая почва неплодородна. Она не может прокормить его. Далее, для изготовления разных орудий и инструментов ему нужен ряд предметов; для первобытных людей, изготавливавших каменные орудия, нужен был кремь; нужен лес, нужны металлы и т. п. Места, где почва неплодородна, где не имеется камней, леса, металлов и т. п., опять-таки неудобны для жизни. Из таких мест люди уходят. Они стремятся в места, которые были бы удобны и в этом отношении. *Если же масса людей будет стремиться в те места земного шара, которые удобны во всех этих отношениях, то, естественно, в таких местах будет скопляться население; люди окажутся в пространственной близости друг к другу и принуждены будут встречаться друг с другом и вступать во взаимодействие, т. е. образовывать общества или коллективы. Оставаясь и оседая в таких местах, они будут жить рядом друг с другом, образуют постоянные общества и будут жить постоянной общественной жизнью.*

Таков первый ряд космических условий, объясняющих нам, почему люди живут группами, а не в одиночку; почему они живут рядом друг с другом и вступают во взаимодействие.

История заселения отдельных областей земли и карта населенности земного шара вполне подтверждают наши положения. Взглянув на карту населенности земного шара, мы видим, что почти половина поверхности земли не обитаема людьми. Безлюдны места около полюсов земли, где температура слишком холодная, безлюдны пустыни (вроде Сахары), где слишком жарко, где почва бесплодна, где нет воды; безлюдны обычно непроходимые леса и болота, неприступные и бесплодные вершины гор, места, неудобные в смысле путей сообщения, и т. п. Это относится как ко всему земному шару, так и к России. Северные части России, полярные страны, северные тундры, вся северо-восточная часть Сибири

необитаемы или почти обитаемы. Необитаемы и среднеазиатские пустыни. Необитаемы бесконечные болота и тайговые леса Севера и Сибири и т. д.

И обратно: наиболее населенными оказываются такие части земной поверхности, которые наиболее благоприятны во всех этих отношениях. Таковы, напр., богатые растительностью, удобные для сообщения, плодородные, не слишком жаркие и не слишком холодные долины рек и другие области земли. Таковы долины Желтой реки, Ганга, Инда – в Азии, долины Рейна в Германии, Сены – во Франции, По – в Италии, Темзы – в Англии, долины Волги, Днепра, Днестра, Двины, Невы и других рек в России. Такие места наиболее густо населены людьми. Они притягивали и притягивают их к себе. Из истории нашей родины, а равно и других стран, мы знаем, что первые поселения людей и первые крупные города возникли именно в таких местах. Киев, главный город древней Руси, возник на Днестре, Новгород – на Волхове, Москва – на Москве-реке, в центре развития системы рек, Петербург – на Неве, у ее впадения в Балтийское море. И большинство наших крупных городов, т. е. наиболее густо населенных мест, напр. Ярославль, Архангельск, Кострома, Нижний, Казань, Симбирск, Саратов, Астрахань, Одесса, Вологда и т. д., стоят на берегах рек. Большинство наших деревень и сел тянутся полосой также по берегам рек. То же видим и в других странах. Само собой разумеется, что не только берега рек, но и ряд других мест, не лишенных воды, могут быть удобны для жилья во всех указанных отношениях. Такие места, как и долины рек, также заселены. Иногда в том или ином необитаемом прежними поколениями месте позднейшие поколения открывают ряд благоприятных условий. Тогда в эти места устремляются люди и быстро их заселяют. Ряд таких случаев был с открытиями богатых месторождений золота в Калифорнии, в Аляске, в Южной Африке. Сразу же по открытии их сотни и тысячи людей устремлялись в такие области, и в течение нескольких лет необитаемые места делались населенными, возникали села и города. Дикая область становилась культурной. История заселения земли, возникновения городов и столиц, образования первых крупных государств (Египет, Ассирия-Вавилония, Греция, Финикия, Рим и т. п.) вполне подтверждает сказанное.

Таков первый ряд условий, объясняющих нам, где и почему скоплялось население, возникала совместная жизнь людей. Скоплясь в одном месте, люди неизбежно сталкивались друг с другом, вступали во взаимодействие и образовывали общества или коллективные единства.

Биологические условия возникновения социальных групп

Второй группой условий, вызывавших и вызывающих совместную жизнь людей и взаимодействие их друг с другом, являются условия биологические. *Под ними я разумею совокупность условий живой природы, в среде которой*

приходится жить человеку. Они сводятся к явлению нуждаемости одного животного организма в других, одного человека в другом.

Животные плотоядные для удовлетворения голода должны искать других животных. Животные одного пола для спаривания и размножения нуждаются в животных другого пола. Опасность от других животных часто заставляет животных соединяться в стада и совместно обороняться. В поисках пищи животные стекаются в места, богатые добычей, для удовлетворения потребности размножения они принуждены встречаться с животными другого пола, для самозащиты – соединяться в стада, в стаи, в группы. А все это ведет к скоплению животных в определенных областях, ставит их в пространственную близость друг к другу, заставляет вступать во взаимодействие и образовывать кратковременные и длительные, солидарные и антагонистические коллективные единства. То же применимо и к человеку. В силу своих жизненных потребностей человек нуждается в другом человеке. Мужчина нуждается в женщине и обратно для удовлетворения *потребности размножения*, без чего род человеческий прекратил бы свое существование. Это ведет к ряду взаимодействий и союзов между обоими полами, начиная с союза ночного гуляки и проститутки и кончая семьей как союзом супругов. Результатом удовлетворения потребности размножения является увеличение народонаселения. Это обстоятельство снова благоприятствует возникновению взаимодействия. Чем больше размножаются люди, тем плотнее населяется страна, следовательно, тем больше и многочисленнее становятся общества, тем чаще возникают между людьми процессы взаимодействия. Если бы не было препятствий, то в течение нескольких десятков лет люди весьма плотно заселили бы весь земной шар и не могли бы, при всем желании, не встречаться друг с другом. Рождение – следствие удовлетворения половой потребности – служит главным источником увеличения населения на всем земном шаре. У большинства народов обычно ежегодное число рождающихся превышает число умирающих. Так, в Соединенных Штатах Америки в среднем на каждую тысячу жителей ежегодно приходится 26 рождений и 19 смертей. Ежегодный избыток рождаемости над смертностью на каждую тысячу равняется 7, а на все население Американских Штатов дает ежегодный прирост в несколько сот тысяч. Те же цифры для других государств таковы:

Средний обычный прирост на 1 000 жителей

для Англии дает	13 человек,
Германии	10 человек,
Австрии	7 человек,
Италии	5 человек,
Норвегии	10 человек,
Франции	2 человека,
России	14 человек.

Отсюда видно, что благодаря рождаемости из года в год население всех стран, исключая Францию, ежегодно увеличивается. В течение года на все население земли приращение выразится в несколько сот тысяч. В силу этого земля населяется плотнее и плотнее, люди принуждены жить вместе, ибо жить в одиночку не хватает места, они чаще и чаще встречаются, значит, чаще и чаще вступают во взаимодействие и образуют социальные группы.

Таково влияние биологического условия размножения. Оно притягивает людей друг к другу, заставляет их взаимодействовать и прямо, и косвенно. Но этим его роль не исчерпывается. На почве половой связи людей между ними возникает не только телесная, но и *духовная близость: симпатия, любовь, духовная потребность в близком человеке*. Такие же чувства возникают между родителями и детьми. Все они начинают чувствовать себя близкими, своими, родными; зарождается *родительский инстинкт и родительская симпатия*, а все эти чувства заставляют их жить вместе, помогать друг другу, заботиться взаимно, т. е. взаимодействовать и жить совместно, одной семьей. Иными словами, к биологической связи, прикрепляющей мужчину к женщине, родителей к детям и обратно, присоединяются новые социально-психические связи (симпатия, любовь и т. п.), которые еще сильнее связывают людей, мешают им рассыпаться и заставляют жить совместно. На этой именно почве образовались социальные группы вроде семьи, рода, союза, единокровных и родственных людей и т. п. Рядом с биологической потребностью размножения к тому же результату вели и ведут и другие биологические потребности, в частности *потребность в пище и самозащите: потребность в пище* содействует возникновению коллективных единств или взаимодействию людей тем, во-первых, что она гонит их в места, богатые пищей. Такими местами являются места, богатые дичью, рыбой, плодородные и урожайные земли у земледельческих народов, богатые лугами области у пастушеских или скотоводческих племен. В такие места люди стекаются отовсюду: они «тянут» их к себе; из мест же, бедных пищей, бегут. Плодородные места оказываются густонаселенными. При густоте населенности люди волей-неволей принуждены встречаться друг с другом, взаимодействовать и жить совместно. В итоге – общественная жизнь в таких местах становится неизбежной¹. Так было в прошлом. Так происходит дело и теперь. В таких местах возникли первые человеческие поселения – починки^{6*}, городища, села, деревни, города и первые государства. В таких местах зарождались первые социальные группы. В такие места стремится население и теперь. Отсюда густота их населения, бьющая клю-

¹ Хорошее подтверждение сказанному дают нам голодные времена. В деревнях сейчас в общем живется сытнее, чем в городах. Поэтому люди бегут из городов в деревни. Города пустеют, деревни увеличиваются в населении. Рядом с этим мы видим, что люди бегут из областей, бедных хлебом и продовольствием (напр., из Петрограда и с севера), на юг, в губернии, богатые хлебом и питательными продуктами.

чом общественная жизнь и множество коллективных единств, то длительных, то мгновенных, образуемых постоянно совместно живущими людьми.

Места, служащие пунктами удовлетворения голода, – столовые, рестораны, рынки, базары и т. п., – и теперь служат местом встречи множества людей и зарождения бесчисленных процессов взаимодействия.

Та же потребность удовлетворения голода заставляет одних людей нападать на других и отнимать их пищевые запасы, образовывать союзы для совместной добычи пищи (путем обработки земли, общей охоты, рыболовства, добывания плодов, путем закупочно-реквизиционных отрядов нашего времени и т. д.). Словом, голод заставляет людей встречаться с сочеловеками, ведет к стечению населения в плодородных местах, к созданию общих союзов для совместной добычи пищи, т. е. заставляет их взаимодействовать и образовывать коллективные единства или общества.

К тому же результату ведет и потребность в самозащите. В отдаленные времена, когда человек еще не был вооружен современными орудиями борьбы – ружьем, ножом и т. п., когда он не имел еще укрепленных и хорошо построенных жилищ, в эти времена его жизни угрожало множество опасностей от диких зверей. Многие из них по своей силе и ловкости превосходили человека. Последний едва ли бы сумел выжить и победить их, если бы он боролся с ними один на один. Спасение заключалось в том, чтобы соединить свои силы многим людям и бороться совместно. По этому пути и пошло человечество. То, что было не по силам одному человеку, то было под силу многим людям, соединившимся вместе для защиты своей жизни. Но человеку угрожали и угрожают не только звери, но и другие сочеловеки. И в прошлом, и теперь люди охотились и охотятся друг за другом: грабят, насиуют, убивают и т. д. От людей человеку угрожала бóльшая опасность, чем от животных. Необходимость бороться за жизнь с людьми-врагами заставляла и заставляет людей, которым грозит опасность, соединять силы – взаимодействовать, – совместно защищаться и нападать. Это снова делало необходимым взаимодействие людей друг с другом и их совместную жизнь. На этой почве возникли и возникает множество оборонительных и наступательных союзов людей, начиная от сговора Ивана и Петра помогать друг другу в случае нападения на них Павла, начиная с каравана путников пустыни, соединяющихся в одну группу на случай нападения разбойников и кончая оборонительными и наступательными союзами двух племен, родов, государств и т. п.

Таким образом, и эта потребность притягивала людей друг к другу, заставляла их встречаться и взаимодействовать, т. е. жить общественной жизнью.

Таковы основные биологические условия, заставлявшие и заставляющие людей составлять коллективные единства или общества.

Социально-психические условия возникновения социальных групп

Наконец, к тому же следствию приводили и приводят людей условия и потребности социально-психические. Под ними я разумею совокупность потребностей социально-психических, свойственных человеку как существу, обладающему сознанием и развитой душевной жизнью, во-первых; во-вторых, совокупность условий, вытекающих из самого факта жизни человека в обществе себе подобных. В ряду потребностей человека, наряду с потребностями в пище, размножении, в самозащите, имеются другие потребности, в частности – потребность общения с другими людьми, потребность умственной деятельности, чувственно-эмоциональных переживаний и потребность волевой деятельности.

Потребность общения с себе подобными состоит в том, что человеку трудно жить абсолютно уединенно. Его тянет к другим людям. Радость человека толкает его поделиться ею с другим человеком, горе требует утешения, уныние – ободрения, страх – защиты. Во всех подобных случаях человек ищет общения с другими людьми. Эта потребность, по форме различная у различных людей, одних влечет на улицу, потолкаться между сочеловеками, других – в кружок близких друзей, третьих – покалякать с соседями, четвертых – на бал, пятых – на митинг, шестых – в театр и т. д. Даже те, кого зовут «медведями нелюдимыми», и те не живут уединенно, а также общаются хотя бы с тесным кругом своих близких и родных. Полное одиночество оказывается невыносимым для человека. Даже относительное одиночество, в какое попадают люди в одиночном тюремном заключении, оказывается крайне тяжелым: оно быстро старит организм, вредно отзывается на здоровье, причиняет мучительные страдания и ускоряет смерть. Наблюдения над самоубийством людей в свою очередь показывают, что одной из главных причин самоубийства является рост одиночества человека. Словом, у человека есть подлинная потребность общения с себе подобными, и эта потребность повелительно толкает человека искать общества других людей, вступать с ними во взаимодействие и жить совместной, общественной жизнью.

Наряду с этой потребностью человеку как организму, обладающему развитой нервной системой, свойственна потребность умственной деятельности и умственного общения с сочеловеками. Плохо ли или хорошо люди мыслят, это другой вопрос, но несомненно одно: человек мыслит и хочет мыслить. У каждого индивида есть умственный голод. Для его удовлетворения каждый человек создает множество теорий, иногда нелепых, абсурдных, наивных, реже – теорий точных, научных. Один утоляет духовный голод суевериями, верованиями в чертей, духов, в божества, другой – теорией Дарвина или Спенсера. Благодаря именно этой потребности история духовного развития человечества привела не только к созданию и развитию наук, но и множества суеверий и несуразных верований (вроде «дьявол покупает человеческую душу», «в каждом предмете есть своя душа» и т. п.), наполняющих эту историю от ее начала до наших дней.

Словом, эта потребность в умственной деятельности присуща человеку. Когда же человек понял, что знание – могучая сила, что оно составляет главное орудие в борьбе за существование, тогда он стал сознательно стремиться к усвоению точных знаний. Для достижения этой цели человек опять нуждается в других людях. Ученик нуждается в учителе, студент – в профессоре, неграмотный – в грамотном, чтобы один мог приобрести, а другой – передать знания. Все это вело и ведет снова к взаимному общению людей и к созданию коллективных единств. Мало того, любая наука для своего совершенствования требует объединения научных сил и совместной работы над научными вопросами. Это снова ведет к взаимному общению людей друг с другом. В итоге этой потребности создались и создаются множества коллективных единств в виде школ, гимназий, университетов, научных собраний, обществ, кружков, научных лекций и т. д., где удовлетворяется взаимно потребность в умственном голоде. Она же привела людей к общению путем книг, газет, журналов и др. проводников общения.

К взаимодействию вынуждала и *потребность в чувственно-эмоциональных переживаниях*. Она заставляла людей искать «сильных ощущений» и гонит снова человека к человеку. Одних – в театр, других – на кулачные бои, третьих – на всевозможные зрелища, четвертых – в компанию собутыльников, пятых – в цирк, шестых – просто в толпу, седьмых – на бал, на концерт, на «танцульку», восьмых – на религиозное собрание верующих и т. д. Все искусство и все общение людей на почве искусства выросло из удовлетворения этой потребности. Вне людей она трудно удовлетворима. Радость в среде других радующихся людей гораздо сильнее и острее, чем радость одинокого, горе в среде других людей дает совершенно иные переживания, чем горе одиночное, и т. д. В тысяче форм эта потребность толкала и толкает людей друг к другу, заставляет их вступать во взаимодействие и образовывать коллективные единства. Влюбленный стремится к возлюбленной, человек, ненавидящий другого, – к врагу, чтобы отомстить ему, любящий и симпатизирующий людям стремится к тем, кого он любит и кому симпатизирует, и т. д.

То же может быть сказано и о *потребности в волевой деятельности*. Человеку свойственно ставить себе цели и стремиться к их осуществлению. Эти цели могут быть разными у разных людей, но несомненно одно: что в той или иной форме они ставятся всеми людьми. Большинство из них таково, что осуществление их силами одного человека невозможно, во-первых; во-вторых, часто они затрагивают других людей. Все это ведет к тому, что человек волей-неволей должен встречаться и вступать в общение с другими людьми. Своими силами один человек не может даже перенести большого бревна. Для таких же дел, как постройка дома, церкви, города, как проведение дороги, как постройка парохода и лодки, как производство ряда орудий и инструментов, не говоря уже о тысяче других, еще более сложных и трудных дел, помощь других людей необходима.

Осуществление этих целей опять требует взаимодействия с другими людьми. Хочет ли, далее, человек достигнуть власти над другими или славы, стремится ли он овладеть любимым человеком или убить врага, для достижения всех этих желаний он снова и снова вынужден искать других людей и вступать с ними во взаимодействие.

Наблюдая за своим и чужим поведением, мы постоянно убеждаемся в правильности этих положений.

Таковы основные *психические потребности*, вызывавшие вместе с космическими и биологическими условиями взаимодействие людей друг с другом и возникновение коллективных единств. В том же направлении действовали и действуют множество условий, вытекающих из факта общественной жизни людей.

Таково, например, условие разделения труда. Человек, живущий в обществе, не самодостаточен. Он не может сам делать все. Развитие общественной жизни привело к тому, что каждый человек специализировался в какой-либо одной профессии: один – в земледелии, другой – в сапожном деле, третий – в кузнечном, четвертый – в столярном, пятый – в деле обучения и т. д. Число таких профессий в современном обществе громадно, оно доходит до нескольких тысяч. При таком разделении труда, естественно, каждый из нас не может сам все выполнять для себя и постоянно принужден обращаться к другим людям. Когда нам нужна одежда, мы обращаемся к портному, в случае нужды в сапогах – к сапожнику, за хлебом мы идем к хлебнику, за мясом – к мяснику, за газетой – к газетчику, за книгой, материей и множеством других вещей – в магазин, для удовлетворения своих религиозных убеждений мы идем в церковь, для восстановления попранного права – в суд, для обучения – в школу и т. д. Словом, мы не можем удовлетворить почти ни одной потребности, не можем сделать шагу, чтобы не обращаться к посредству других людей. Разделение общественного труда (или профессий) ставит нас в постоянную зависимость от других людей, прикрепляет нитями необходимости к ним и мешает нам оторваться от других людей и жить без них.

Рядом с разделением труда людей тянет к другим людям их *сходство*. В настоящее время люди отличаются друг от друга рядом свойств: и по росту, и полу, и цвету кожи, и по убеждениям, и по религии, и партии, и профессии и т. д. Среди множества людей нас тянет к тем, кто подобен нам. Мы любим и стремимся к людям, сходным с нами в том или ином отношении. Русский стремится к русскому, православный – к православному, чиновник – к чиновнику, крестьянин – к крестьянину, коммунист – всего больше к коммунистам, монархист – к монархистам; торговец вращается главным образом среди торговцев, дети всего лучше чувствуют себя в обществе детей, белые – в обществе белых, негры – среди негров и т. д. Словом, человек идет и стремится к сходным себе

людям. Это условие снова заставляет людей вступать в тысячи взаимодействий с сходными индивидами.

Громадную роль в этом отношении играют и очерченные выше проводники общения людей. Создание языка, изобретение письменности – книг, газет, журналов, открытие телефона и телеграфа, почты и железнодорожного движения – все это привело к тому, что взаимодействие людей стало возможным через пространство и время. Благодаря этим проводникам коллективные единства рождаются ежеминутно пачками. Путем газет ежедневно тысячи и сотни тысяч людей общаются друг с другом и с редакцией газеты, узнают все то, что происходит на всей земле, это оказывает влияние на наше поведение, а наши поступки, в свою очередь, влияют на других. То же происходит путем книг, телефонов, телеграфа и т. д. Наш язык позволяет нам в любую минуту «соединиться» и взаимодействовать со всеми знающими этот язык. Благодаря проводникам могут взаимодействовать тысячи людей, незнакомых друг с другом. Если тысячи людей веруют в одного Бога, то они могут быть не знакомы друг с другом, но так как все они веруют в одного Бога и все связаны с ним, то через его посредство они оказываются связанными друг с другом. Тысячи людей могут не ведать о своем взаимном существовании. Но если каждый из них признает своим вождем одного и того же человека, например, Ленина или императора, Керенского или Колчака, Вильсона или Ллойд-Джорджа, то, будучи связанными с одним и тем же лицом, они через его посредство оказываются связанными друг с другом.

Не будем перечислять других условий. Сказанное объясняет нам, каковы те главные условия, которые толкали и толкают людей к взаимодействию друг с другом и к общественной жизни. Оно делает понятным для нас, почему одни части земной поверхности густо населены, другие – необитаемы, почему возникало и возникает постоянно множество коллективных единств, почему общественная жизнь была неизбежна для людей, почему она неизбежна и теперь. Наконец, вышесказанное делает для нас понятным отчасти (подробнее об этом ниже) и прочное зарождение общественной жизни в отдаленные времена, на заре человеческой истории.

Литература: П. Сорокин: Система социологии, т. I, гл. VII; В.О. Ключевский: Курс русской истории, т. I, лекции III и IV; Палант: Очерк социологии, 1-я часть; Майр: Статистика и обществоведение, т. II, с. 50–93. Полезно проиллюстрировать диаграммы, показывающие степень населенности различных областей земной поверхности, и познакомить с соответствующими статистическими данными; Дюркгейм: Разделение общественного труда (для влияния разделения труда); Михайловский: Что такое прогресс? и статья о Дюркгейме (в «Откликах») для значения соц. сходства.

Остальную литературу см. в «Системе социологии».

§ 2. Как сохраняются и образуются коллективные единства

В предшествующем параграфе мы видели, как возникают процессы взаимодействия и коллективные единства. Появившись, одни из них быстро распадаются. Люди, обменявшись двумя-тремя актами (например, случайный продавец и покупатель, люди, встретившиеся в трамвае, и т. п.), расходятся в разные стороны, забывают друг о друге и перестают взаимодействовать. Другие процессы взаимодействия, напротив, не исчезают быстро. Они тянутся годами. Люди, вступившие во взаимодействие, продолжают его. Продолжает свое существование и образуемое ими коллективное единство. Таковы, например, семья как коллектив супругов, пожизненная дружба ряда лиц как коллектив друзей, многолетнее взаимодействие учителя и ученика, постоянного покупателя и продавца, членов научного общества, совместно работающих в течение ряда лет, и т. п.

Встает вопрос: как это возможно? *Каковы условия, поддерживающие это длительное взаимодействие и сохраняющие соответствующее коллективное единство? Иными словами, что заставляет людей не только вступить во взаимодействие, но и продолжать его?*

Космические, биологические и социально-психические условия существования группы

Ответ на эти вопросы после сказанного не труден. *Таковыми условиями в общем и целом являются те условия, которые вызывают возникновение коллективных единств.* Так, местность, удобная для жизни, прикрепляет к себе всех, кто в ней поселился. Прикрепляя к себе, она тем самым закрепляет их друг другу, т. е. заставляет продолжать взаимодействие, а тем самым поддерживает существование коллектива взаимодействующих. То же может быть сказано и о биологических факторах. И голод, и половая потребность, и потребность самозащиты, постоянно требуя своего удовлетворения, не только сталкивают людей, но и прикрепляют их друг к другу и таким образом благоприятствуют сохранению возникшего коллективного единства. То же применимо и к социально-психическим факторам.

Почему группа из неорганизованной становится организованной

Все сказанное об условиях, вызывающих возникновение коллективных единств, с соответствующими изменениями применимо и здесь. Не будем поэтому повторять сказанное. Но обратим наше внимание на следующее обстоятельство. *Коллективное единство по мере продолжения своего существования из единства, часто не имеющего вполне определенных форм и очертаний, приобретает таковые, становится все более и более определенным; взаимоотношения*

его членов из неясных становятся ясными, из неопределенных – определенными, из неустойчиво-колеблющихся – устойчивыми и шаблонными, т. е. организованными. Короче, коллективное единство по мере продолжения своего существования кристаллизуется и организуется. Подобно тому, как насыщенный раствор какой-либо соли, испаряясь в спокойном состоянии, постепенно кристаллизуется, подобно тому, как мутная вода, оставаясь в покое, постепенно проясняется и муть оседает на дно, так и взаимодействие людей, повторяясь много раз, постепенно шаблонизируется и принимает точные очертания.

Этот процесс кристаллизации или организации отношений взаимодействующих людей обычно происходит так. Люди, поставленные в необходимость жить совместно, волей-неволей должны выработать какой-либо порядок сосуществования. Никакая продолжительная совместная жизнь их невозможна, если их отношения сегодня будут одни, завтра – другие, если каждый из людей не будет знать, что он должен делать, как должен относиться к другим людям, на что он имеет право и что он обязан делать. Возьмете ли вы семью или партию, государство или кооператив, во всех случаях продолжительное существование этих коллективов немислимо, если взаимоотношения детей и родителей в семье не будут определенными, если в государстве все одновременно будут править, судить, издавать законы, если в кооперативе все будут членами правления и все одновременно будут распоряжаться. Следствием такого положения дел будет «кавардак». Не будет никакого порядка, никто не будет знать, что он должен делать; приказы и запреты, издаваемые всеми, будут противоречить друг другу, будет царить полный хаос и путаница. Совместное существование людей окажется невозможным. Если оно и возможно, то будет сплошным адом, войной всех против всех, подобием того, что делалось в 1919 г. на Украине^{7*}. Здесь что ни деревня – то свое государство, что ни лес – то своя банда. Петлюровцы, белые, красные, ангеловцы, банды Зеленого и многие другие – все претендуют на власть, каждая банда считает себя самодержавной, в итоге – нескончаемые взаимные схватки, грабежи, сражения. Ни мира, ни порядка, ни сносной жизни нет. Жизнь становится адом. Всякий мирный труд делается невозможным. Такое положение дел долго тянуться не может. Если совместно живущие люди при таких условиях не уничтожают поголовно друг друга (такие случаи многочисленны в прошлом), то рано или поздно какой-нибудь порядок или организация должны установиться. Рано или поздно взаимодействующие люди должны приспособиться друг к другу и выработать определенный шаблон взаимоотношений.

Два пути установления организации и порядка

Этот порядок во всяком коллективе устанавливался и устанавливается двумя путями: 1) путем бессознательного приспособления и 2) путем сознательным. Первым способом возникли все организованные коллективы (племя,

род, семья, государство, цех, гильдия, каста) в прошлом. Он имеет место и теперь, но в культурной среде нашего времени чаще наблюдается второй порядок – порядок сознательного установления организации.

В первом случае дело происходит так: поставленные указанными условиями в необходимость жить совместно, люди вначале взаимодействовали без всякого порядка. Никакого шаблона не было. Но, продолжая свое сосуществование, они постепенно приспособлялись друг к другу. Определенные взаимоотношения чаще и чаще *повторялись*. Повторявшиеся взаимоотношения становились привычными. Привычные поступки становились с течением времени *обычаем*. Соблюдение обычая постепенно делалось *обязательным правилом*. От каждого члена стали требовать, чтобы он поступал по «обычаю», «как все», «как заповедали наши деды и прадеды», «по старине». Кто не соблюдал обычая, того принуждали соблюдать или наказывали. Обычай, таким образом, мало-помалу превращался в *юридическое правило*. Совокупность таких юридических правил, указывающих надлежащее поведение в определенной области взаимоотношений (например, во взаимоотношениях родителей и детей, и супругов, или в области владения, распоряжения и пользования вещами, или в области наследования, или в области суда и властвования), составляла социально-правовой *институт*, например, институт семьи, наследования, институт суда и власти. Совокупность таких институтов любой группы составляет ее *социально-правовую организацию*. Таким образом, при бессознательном возникновении организации установление последней проходит через следующие этапы: 1) *акты*, которыми обмениваются взаимодействующие индивиды; 2) *их повторение*; 3) *привычка* как следствие повторения актов; 4) *обычай* как укоренившаяся привычка всех или большинства членов группы; 5) *юридическое правило* как осознанный обычай; 6) *социально-юридический институт* как совокупность юридических правил; 7) *социальная организация группы* как совокупность институтов. Через такие этапы происходит бессознательная организация любого коллектива. Так именно устанавливался порядок (организация) во всех древних обществах. Никто сознательно не вырабатывал здесь законов; никто преднамеренно не устанавливал прав и обязанностей членов первобытных обществ. Они сложились постепенно, сами собой, согласно этой схеме. Такие явления мы наблюдаем часто и теперь. Возьмем учеников какой-либо школы. Вначале они не знакомы друг с другом. Встретившись в одной школе, они не знают еще, как относиться друг к другу, с кем дружить, кого из товарищей слушаться, что делать. По мере того, как их встречи продолжаются, определенные взаимоотношения между ними начинают чаще и чаще повторяться. После небольшой совместной жизни начинает проясняться: кто из учеников будет «застрельщиком» и «коноводом», кого будут слушаться, кто будет наиболее знающим, кому будут подражать, с кем дружить и т. д. С течением времени «коновод», в виде власти, выделяется. Он мало-

помалу привыкает «верховодить» и «властвовать», требовать послушания и исполнения своих приказов, непокорных товарищей – укрощать, покорных – одобрять. Остальные мало-помалу привыкают его слушаться, ему повиноваться. В итоге – организация взаимоотношений учеников, или организация школьного коллектива, приобретает ясность. В ней есть свой вождь и подданные. Одни берут на себя задачу подсказывать, подсовывать шпаргалки, другие – пользоваться этими услугами, одни (обычно старшие классы) становятся аристократами, имеющими право на подчинение других (новичков), другие – низшими членами, обязанными «слушать», что говорят им «старшие», и т. д. Без всяких законов, нарочитых «конституций» само собой образуется таким образом маленькое «школьное государство» со всеми признаками организации.

Таким же путем совершается организация и многих других коллективов.

Сознательный порядок установления организации группы или общества совершается быстрее и иначе. Примером его может служить открытие любого общества, например научного или акционерной компании. Лица, желающие образовать такое общество, сознательно собираются вместе, сознательно и обдуманно вырабатывают «устав» или «конституцию», делают об этом заявление власти государства, и «общество» (например, «Социологическое общество» или «Кооперативное общество» такой-то деревни) появляется на свет уже организованным; устав его точно определяет: кто может быть членом общества, каковы его права и обязанности, как выбирается правление или комитет общества, каковы права и обязанности членов комитета или правления, из скольких лиц они составляются и т. д. Словом, в этом случае общество или группа появляются на свет сразу готовыми, организованными.

Но такое явление возможно, очевидно, только в культурной среде, где люди привыкли жить совместной жизнью, где они имеют общие интересы, общие цели и симпатии.

Так или иначе, но *всякая совместная живущая и взаимодействующая друг с другом в течение продолжительного времени группа людей в конце концов из неорганизованной становится организованной, взаимные отношения членов шаблонизируются, приобретают точную форму, права и обязанности их определяются, группа оказывается упорядоченной, организованной.* В ней выделяются властвующие и подвластные, начальники и подчиненные, каждому члену отводится своя профессия, вырабатываются правила взаимного поведения каждого члена в тех или иных случаях жизни (например, как вести себя при вступлении в брак, при приобретении собственности, при исполнении своих обязанностей, при заключении договоров и т. д.).

Это относится ко всякому организованному коллективу, начиная с семьи, с кружка самообразования, с кооперативного союза, с церковного объединения верующих, с политической партии и кончая государством, союзом государств,

«Интернационалом» и «Лигой народов». В каждом из этих организованных коллективов есть властвующие (глава семьи, «коновод» школьного кружка, правление кооператива, патриарх или церковный синод, комитет партии или ее лидер, государственная власть, президиум «Интернационала», «Совет пяти» «Лиги народов») и подвластные, поведение их членов определено, права и обязанности очерчены, взаимоотношения членов группы выяснены.

Трудность установления порядка

Не следует думать, однако, что организация социальной группы совершается легко и безболезненно. Если подробно изучать процесс ее установления, то дело это представляется весьма сложным и стоящим колоссальных жертв. Эти жертвы особенно велики были в прошлом. В любой сколько-нибудь обширной группе всегда имеется некоторое число членов, которые не желают или не могут подчиняться установленному порядку. Вольно или невольно они его нарушают и стараются нарушить. Так, в государстве имеются преступники, нарушающие законы государства, лица и партии, сознательно не подчиняющиеся государственной власти и стремящиеся низвергнуть установленный порядок. В церковной группе были и остаются еретики, не разделяющие догматов веры и не подчиняющиеся органам церковной власти. В семейной группе часто имеются члены, не подчиняющиеся главе семьи и поступающие наперекор установившемуся порядку. В политической партии имеются члены, не согласные с тактикой и политикой центрального комитета, пытаются их сместить, а политику партии сделать иной.

Для того чтобы сохранить установленную организацию или установившийся порядок группы, чтобы помешать его нарушению, группа или органы групповой власти принуждены этот порядок поддерживать *принудительно*. Это принуждение может выражаться в разных формах. В союзах *добровольных*, вход и выход из которых свободен, например в современных политических партиях, непокорные члены исключаются из группы. В союзах *недобровольных*, например в государстве, принуждение может выразиться в том, что «бунтовщика» *насильственно заставляют* подчиняться установленному порядку. Так, должник, который не платит долга, принуждается уплатить его насильственно, его имущество распродается, и из вырученной суммы долг уплачивается. Свидетель, не явившийся на суд, подвергается насильственному приводу. Человек, буйнивший в публичном месте, насильственно уводится в участок. В других случаях виновный *наказывается* за нарушение порядка. Начинаясь с краткого ареста, наказание кончается полным уничтожением виновного: расстрелом, повешением, гильотинированием, в прошлом – колесованием, сожжением, зарытием живым в землю, утоплением, раздиранием на части и т. д. Число жертв – нарушителей порядка – огромно. Вся история человечества полна карами и жертвами кар.

И в прошлом, и теперь, вплоть до порядка Советской России, государственная власть сотнями и тысячами убивала нарушителей закона, лиц, стремящихся ее низвергнуть, десятки тысяч их сажали в тюрьмы, посылались на каторгу, всячески «обезвреживались», и такими же мерами власть старалась поддерживать существующую организацию государства. То же в меньших размерах происходило и происходит и в других группах. В семье некоторые члены наказываются семейной властью или изгоняются из семьи.

В древности наказание часто принимало форму убийства. В церковном коллективе в прошлом непокорные еретики сжигались, убивались, на них накладывались тяжкие епитимии, анафема и отлучение. То же, кроме смертной казни, практикуется и теперь. В партии, в кооперативе, в любом обществе – в научном, в экономическом, в профессиональном и т. д. – непокорные члены принудительно исключаются, подвергаются выговору, штрафам и др. наказаниям. Словом, *организация групп редко существует и поддерживается без принуждения. Исключение или отлучение от группы, принудительное подчинение порядку группы, наказание – таковы обычные принудительные способы поддержания организации коллективов.* И чем люди менее приспособлены к совместной жизни, чем более порядок группы для них или для части членов группы неприемлем, тем принуждение сильнее, наказание беспощаднее, террор безграничнее. Так было в прошлом, так обстоит теперь и, по-видимому, долго еще будет продолжаться так в будущем.

Таковы два основных способа – сознательный и бессознательный – установления организации группы и обычные приемы поддержания и сохранения этой организации. Кристаллизировавшись в форме определенной организации, любая группа тем самым из бесформенного социального тела превращается в социальное тело с определенным скелетом, в тело устойчивое, имеющее ясные очертания.

Литература: П. Сорокин: Система социологии, т. I, гл. VII; М. Ковалевский: Современный обычай и древний закон, т. I и II; Ross: Social Control; П. Сорокин: Преступление и кара, подвиг и награда, гл. VI и VII; Палант: Очерк социологии, 2-я часть.

§ 3. Как распадаются и изменяются коллективные единства

Распад социальных групп

Коллективные единства подобны волнам моря. Они возникают, делятся и распадаются. Одни очень быстро после своего возникновения. Другие после продолжительного существования. На место распавшихся коллективных единств, т. е. оборвавшихся процессов взаимодействия, рождаются новые и рано

или поздно снова исчезают, давая место новым процессам взаимодействия. Общественная жизнь представляет не что иное, как непрерывный поток и смену возникающих, длящихся и исчезающих коллективных единств. Они, как волны, временны, океан же общественной жизни вечен. Одна семья сменяется другой, на место одного государства приходит другое, на место одной партии – новая, одной религии – иная и т. д.

Встает вопрос: *каковы же условия разрушения коллективных единств или возникших процессов взаимодействия? Что заставляет людей обрывать взаимодействие и таким образом прекращать бытие возникшей социальной группы?*

Все то, что ведет к изолированию (к разъединению) взаимодействующих индивидов, – все это является и может быть условием, вызывающим распад образующего ими коллектива.

Таковыми условиями могут быть условия *космического, биологического и социально-психического порядка.*

В правильности этого мы можем убедиться из изучения причин смерти людей. Смерть членов группы или всей группы, очевидно, является абсолютным «разлучником» взаимодействующих людей. Со смертью человека непосредственное взаимодействие с ним невозможно. Оно прекращается.

Причинами смерти могут быть: 1) *космические условия* (смерть от удара молнии, от огня, от оборвавшегося куска скалы, от наводнения, от холода и т. п.); 2) *биологические условия* (смерть от ужаления змеи, от заражения бактериями чумы, холеры, тифа, от нападения хищных животных, от голода и т. п.); 3) *социально-психические условия* (смерть на поле брани, от отравления или кинжала другого человека, смерть «от ужасной вести», самоубийство от несчастной любви, проигрыша казенных денег, позора, смерть по приговору суда или власти и т. д.).

Отсюда видно, что причинами смерти, а следовательно и прекращения существования группы, может быть ряд явлений трех указанных порядков. Вызывая смерть членов группы, эти условия вызывают тем самым и распад группы.

Но для этого распада, т. е. прекращения взаимодействия, вовсе не нужно физической гибели взаимодействующих лиц. Достаточно, если они будут разъединены (изолированы) друг от друга. Это разъединение может быть вызвано и *космическими причинами* (например, кораблекрушением, следствием чего может быть то, что один попадает на один остров, другой – на другой, наводнением, землетрясением, высыханием почвы, в силу чего группа должна будет разделиться на части и искать «новые места», и т. д.), и *биологическими причинами* (голодом, неурожаем, заставляющим часть членов группы идти в хлебные места, болезнью, например, холерой, сифилисом, ведущей к изоляции больного от здоровых и к разрыву супружеских союзов, дряхлостью и т. п.), и *социально-психическими условиями* (закрытие общества полицией, ссылка или заключение преступника

в тюрьму, несогласия и раздоры, уничтожение телефонов, почты, телеграфа и др. средств общения и т. п.).

Таких фактов можно указать сколько угодно. Все они подтверждают правильность нашего положения.

Изменение социальных групп

От указанного понимания распада или исчезновения коллективных единств следует отличать *процессы изменения их организации*.

Коллективное единство перестает существовать только тогда, когда прекращается взаимодействие между частью или всеми его членами. Организация же его может измениться без прекращения этого взаимодействия. Так, в государстве монархия может смениться республикой или обратно. Но ни население государства, ни взаимодействие между его подданными от этого не прекращается. Организация государственной группы изменилась, но сама группа не прекратила существования. Больше того: государство может потерять свою независимость и попасть под власть другого государства. Но если его население составляло и составляет тесное взаимодействующее целое, то коллективное единство, образуемое им, не перестает существовать и после потери своей независимости. Кто-нибудь может развестись с женой и таким образом изменить порядок своих отношений к жене. Но если и после развода бывшие супруги продолжают влиять на взаимное поведение и переживания, то коллективное единство, составляемое ими, мы, согласно сказанному, должны признать существующим. Исчезла только организация образуемой ими группы, старая организация заменилась новой, но сама группа осталась.

Из этих примеров мы видим разницу между исчезновением коллективного единства и изменением или исчезновением организации.

Эти различные явления часто путают, когда говорят об «упадке государств» и «гибели нации», «крушении партии», о «падении церкви» и др. социальных групп.

Прекращение коллективного единства ведет к исчезновению его организации. Но падение одной организации и замена ее другой вовсе еще не означают исчезновения и распада коллективного единства, а означают только, что форма, порядок или организация последнего изменилась.

Таковы вкратце основные условия, вызывающие возникновение, продолжение и исчезновение коллективных единств, т. е. возникновение, продолжение и исчезновение процессов взаимодействия между двумя или большим числом индивидов.

Литература: П. Сорокин: Система социологии, гл. VII; Палант: Очерк социологии. Главы о гибели обществ.

Глава IV. Строение и расслоение населения

§ 1. Расслоение населения на множество групп

Население как совокупность множества коллективных единств

В предыдущем мы познакомились со строением простейшей модели социального явления. Кратко рассмотрели его элементы, указали, почему взаимодействующие люди образуют коллективное единство. Указали основные условия возникновения, продолжения и распада коллективных единств. Наконец, подчеркнули, что любое население распадается на множество таких коллективов или групп, а вся общественная жизнь образуется из множества таких процессов взаимодействия.

Теперь мы можем перейти к изучению строения населения любой заселенной области земной поверхности.

Из предыдущего уже ясно, что *совместно живущие люди не одинаково сильно связаны друг с другом*. Население любой территории не представляет однородной серой массы, чего-то единого целого, а оно распадается на множество коллективов или групп, члены которых сильнее обуславливают свое поведение, чем поведение лиц, принадлежащих к другим группам. Подобно тому, как частицы слюды не одинаково прочно связаны друг с другом, а образуют ряд слоев, легко отделяющихся друг от друга, так население какой-либо области распадается на ряд слоев или групп, члены каждой группы теснее и сильнее связаны друг с другом, чем с членами других групп. По линии таких групп население расслояется легче, оно все как бы составлено из множества отдельных групп или слоев, с тем отличием от слюды, что здесь расслоение сложнее; оно идет не только параллельными горизонтальными рядами, но и вертикальными, и по линиям, пересекающим друг друга. Возьмете ли вы население деревни или города, вы легко заметите в нем указываемое расслоение на ряд отдельных, более тесных групп или коллективных единств. Прежде всего мы видим, что в том населении имеется расслоение *по семьям*. И население деревни, и население города составлено из множества семейных коллективных единств. Члены каждой семьи теснее связаны друг с другом, чем с членами других семейств. Но семейным расслоением дело не ограничивается. Население города и отчасти деревни

расслаивается и по иным линиям. Так, в населении города есть люди разных религий: православные, католики, протестанты. Католики чувствуют себя более близкими друг к другу, чем к людям иной веры. То же имеет значение для православных и протестантов. Значит, наряду с семейным расслоением имеется в населении расслоение на религиозные группы. Далее, в большом городе обычно живут подданные разных государств. В Петрограде есть русские, немцы, англичане, французы и т. д. Принадлежность к одному государству сильнее связывает граждан одного государства и образует из них особое коллективное единство. В силу этого население, где совместно живут подданные разных государств, снова расслаивается по линии государственной принадлежности, не совпадающей с линиями семейного и религиозного расслоения. Далее, любое население расслаивается на слои богатых и бедных, властвующих и подвластных, лиц различных профессий и т. д. Выходит, таким образом, что *каждое население расслаивается на ряд групп, что оно составлено из множества коллективных единств, а не представляет чего-то цельного, единого, все члены которого одинаково связаны друг с другом.*

Принадлежность каждого индивида к ряду социальных групп

Обратной стороной такого положения дел является факт принадлежности каждого человека не к одному коллективному единству, а ко многим социальным группам. Каждый из нас член не одного общества, а многих обществ. Так, по семейно-родственной связи я принадлежу к одной группе – к своей семье, по связи подданства – к другой, к русскому государству, по религии – к третьей: к православной церкви, по профессии – к четвертой, скажем, к преподавателям университета, по партии – к пятой, скажем, к партии социалистов, по объему прав – к шестой, напри., к подвластным и т. д. Выходит, что я являюсь членом множества различных социальных групп. Членом множества групп является и каждый человек в наше время. Эти группы друг с другом не совпадают, ибо русское государство как группа не совпадает с группой православной церкви: не все русские граждане православные, есть русские католики, магометане и т. д., и не все православные – русские подданные: есть православные румыны, сербы, болгары. Если социальную группу, образуемую русскими подданными, обозначим кругом, кругом же обозначим группу православных, то при наложении друг на друга эти круги не совпадут, а пересекутся. Расслоение по государственной принадлежности проходит по иным линиям, чем расслоение религиозное. Не совпадают с ними и линии расслоения по семейной, партийной, имущественной, профессиональной и т. п. принадлежности. Каждое из этих расслоений или группировок людей в более тесные группы проходит по

своим линиям... Выходит, что каждый человек связан с множеством различных социальных групп; он является как бы столбом, от которого и к которому идут множество проволок, соединяющих его с теми различными группами, членом коих он является: с группой одноподданных, с партийной группой, с профессиональным союзом, с пайщиками кооператива и т. д. Каждая из этих групп не совпадает с другой. Каждую из них можно сравнить с особой электрической станцией, работающей независимо от других станций, а индивида – с абонентом множества таких станций; напр. приказ о мобилизации, он доходит до подданного государства и «дергает» его, напр. заставляет его идти на учет; пускается ток второй станции – религиозный, напр. призыв патриарха бороться с большевиками: он опять «дергает» индивида, являющегося членом православной церкви. Пускается ток третьей станции – партийной, напр. постановление партийного комитета агитировать и голосовать за такого-то кандидата, он опять «дергает» индивида, раз он является членом этой партии, и т. д. Поведение каждого из нас представляет непрерывное реагирование на такие «раздражения» или токи, исходящие из тех групп, с которыми мы связаны и членами коих состоим. То мы исполняем семейные обязанности и заняты семейными делами, то исполняем религиозные обязанности, то обязанности подданного и гражданина, то обязанности своей профессии (служебные), то обязанности партийные, то обязанности члена кооператива или любительского общества и т. д., то одна, то другая группа, с которой мы связаны, непрерывно «дергают» нас и заставляют отвечать (реагировать) на эти «дерганья». В этом и проходит большая часть нашей жизни.

Теперь легко понять, до какой степени жизнь и поведение каждого человека обусловлены поведением других людей, в частности, тех социальных групп, членами которых – по воле или против воли – мы являемся. Человек похож на звонок, которым социальные группы, связанные с ним, заставляют постоянно звонить, нажимая то одну, то другую кнопку.

Такова обратная сторона расслоения населения на множество слоев или социальных групп. Это расслоение ведет к тому, что человек оказывается членом не одной группы, а множества различных групп. Такой факт в свою очередь, как видим, весьма резко влияет на поведение человека и делает его механизмом, который заводится и приводится в движение то одной, то другой из этих групп.

Литература: Сорокин: Система социологии, т. II, гл. I, II, III; Зиммель: Социальная дифференциация; Дюркгейм: Разделение общественного труда; Делевский: Социальные антагонизмы.

§ 2. Важнейшие простые социальные группы

Критерии важности

Теперь спросим себя: каковы же важнейшие из социальных групп, на которые распадается население? Мы видим, что население расслаивается на множество разнообразных коллективов. Каждый человек оказывается членом множества групп. Но, очевидно, изучать все отдельные группы, начиная с какого-нибудь «общества любителей фотографии», нет возможности. Не все группы, далее, имеют одинаково важную историческую роль. От политики и поведения «общества любителей фотографии», насчитывающего пять человек, ничто не изменится: не будет ни революции, ни свержения государственной власти, не зависит от него и поведение населения; иное дело такая группа, как государство. От ее поведения и поведения государственной власти зависит многое: зависят и судьба церкви, и судьба семьи, и судьба партии, и судьба ряда других социальных групп. Политика государственной власти весьма сильно отражается и на поведении всего населения. Словом, влияние государственной группы бесконечно велико по сравнению с влиянием «кружка любителей музыки или фотографии».

Вот и важно выделить такие наиболее влиятельные группы, на которые расслаивается одно и то же население.

Не останавливаясь на подробностях, наиболее важными группировками населения мы должны признать те, которые при прочих равных условиях: 1) охватывают большее число членов (влияние государства, состоящего из сотни миллионов людей, больше, чем влияние какой-либо маленькой секты); 2) которые наиболее организованы (организованная сотня солдат, как мы знаем, может разбить и разогнать многотысячный митинг или неорганизованную толпу); 3) которые наиболее солидарны внутри (в группах, члены которых грызутся друг с другом, вся энергия уходит на внутреннюю борьбу; в группах солидарных, где все стремятся к общей цели, где нет внутренней борьбы, энергия не тратится даром).

Социальные группы, удовлетворяющие этим условиям, будут наиболее влиятельными социальными группами; распадение населения на такие группы даст основные линии социального расслоения.

Перечень важнейших простых социальных групп

Таковыми наиболее важными группировками населения нашего времени мы должны считать группы: 1) семейно-родственные; 2) государственные; 3) расовые; 4) языковые; 5) профессиональные; 6) имущественные; 7) религиозные; 8) объемно-правовые, привилегированно-обделенные; 9) партийные и 10) груп-

пу великих людей. Из сочетания их образуются группы сложные. Из сложных наиболее важными в наше время являются национальность и класс.

Остановимся на самой краткой характеристике каждой из этих групп.

Семейная группировка населения

Население любой культурной страны распадается на *семейные коллективы*. *Семьей* называется группа, представляющая, с одной стороны, союз супругов, с другой – союз родителей и детей. Хотя каждая семья обнимает небольшое число членов, но так как семейств множество, то в целом семейная группировка охватывает огромное число членов. Семья – организованный и обычно солидарный коллектив. Поэтому семейная группировка людей является очень важной.

Важной она является и потому, что характер семейного уклада, характер семейной организации, в значительной мере определяет собой судьбу других социальных групп и судьбу самого населения. *Какова семья народа, таковой будет и историческая судьба самого народа*. Семья является той средой, куда каждый человек попадает с момента рождения. Семья – первая мастерская, куда попадают люди для переделки сразу после своего рождения. Семья – первый скульптор, который формирует мягкую, как воск, неоформленную душу – ум, волю, характер ребенка. Влияния семьи мы (за весьма редкими исключениями) избежать не можем. Плоха будет семья – плохими из ее рук выйдут на житейский базар и ее детища. Хороша будет семья – хорошими будут и ее продукты – люди. Подтверждение этому мы находим в изучении исторических судеб отдельных народов. Можно выделить три типа современной семейной организации: 1) *тип семьи патриархальной*, 2) *тип семьи неустойчивой, ложно-индивидуалистической* и 3) *тип семьи индивидуалистической*.

Характерной чертой *патриархальной семьи* является ее коммунистическое воспитание. Здесь молодые поколения приучаются полагаться не на себя и не на свои силы, а на силы общины, рода, коммуны. Личной инициативе не дается простора. Ребенок с малых лет приучается думать так, как все думают, поступать так, как поступают, жить в общине, слушаться общины, полагаться на общину. Таковы семьи пастушеских народов (киргизов, башкир и т. п.), живущих родами-коммунами. Из лона такой семьи выходят люди неэнергичные, малоинициативные, не способные личными силами бороться за жизнь. Народы, имеющие такой тип семьи, народы ленивые, вялые, неизбежно побеждаемые при столкновении с народами индивидуалистическими. Примером таких народов служат народы Востока.

Семья *неустойчивая, ложно-индивидуалистическая*, похожа на патриархальную тем, что и она приучает молодые поколения полагаться не на свои силы. Но место общины-рода здесь занимает государство. Такая семья воспитывает

человека как будущего чиновника государства. Человек привыкает полагаться на государство, и все воспитание здесь направлено на то, чтобы получить диплом, нужный для занятия места в государственных учреждениях; отсюда – образование людей принаравливается к казенным программам; цель образования – вызубрить программу, сдать экзамен, а там можно все позабыть, раз человек добрался до казенного места. Из лона такой семьи выходят люди неустойчивые, казенные, будущие бюрократы и формалисты. Они не получают ни уважения к авторитетам, ни глубокого уважения к личности. Поведение их непринципиально, неустойчиво. Народы, имеющие такую семью, образуют государства, где царят бюрократия, государственная централизация, общественное мнение имеет малую силу и вес. Строй их – непрочен. Революции здесь постоянны или часты. Несмотря на громадную кажущуюся силу таких государств, при столкновении с народами индивидуалистическими они побеждаются последними. Примерами народов, имеющих такой тип семьи, служат почти все народы Европы (Германия, Франция, Россия, Италия и др.), кроме англосаксов и скандинавов.

Индивидуалистическая семья характеризуется тем, что здесь молодые поколения воспитываются с малых лет полагаться только на самих себя и больше ни на кого. Сообразно с этим в таких семьях с ребенком обращаются, как с взрослым, приучают его к своим обязанностям, но и к правам. Все воспитание направлено на то, чтобы он сам мог бороться за свою жизнь, не полагаясь ни на общину или коммуну, ни на государство. Поэтому знания даются настоящие, а не казенные; человек воспитывается не как будущий чиновник, а как самостоятельный гражданин общества. Отсюда – приучение к физическому труду соответственно возрасту и запросам не родителей, а будущей жизни детей, отсутствие привычки смотреть на детей как на собственность, раннее отделение их от родителей и приучение к независимой жизни и т. д. Из лона такой семьи выходят люди энергичные, знающие, полные воли, с громадной инициативой, не полагающиеся ни на кого, кроме себя, все проверяющие своим опытом. Народ, имеющий такую семью, – народ энергичный, сильный, творческий, непобедимый. Государственная власть у такого народа не может быть деспотичной, бюрократии нет, царит «общественное мнение». Личность ценится и уважается. Примерами таких народов являются народы скандинавские и в особенности англосаксы. У них как раз семья организована по такому типу. И мы видим, что англосаксы действительно управляют миром. «На всем земном шаре мы не можем сделать шагу, чтобы не встретиться с англичанами, – пишет один французский ученый. – Мы везде видим гордо развевающийся английский флаг. Из Канады и Соед. Штатов они управляют Америкой, из Египта и Капа – Африкой, из Индии диктуют свою волю Азии, из Австралии господствуют над Океанией; наконец, они же вершат дела Европы и всего мира... Англосаксы совершают нашествие на весь мир, и это нашествие представляет своего рода чудо, ибо завоеватель не распола-

гает ни большой армией, ни сильной общественной властью. Он приходит не как германец с громадными батальонами и усовершенствованным оружием, а один, с мирною сохою. Его презирают, потому что не знают, что такое соха и что значит этот человек»^{8*}. Эти слова, написанные в 90-х гг., блестяще подтвердились великой войной и современными событиями. Англосаксы победили воинствующих германцев и по-прежнему правят миром.

Эти соображения достаточно ярко подтверждают важную роль семейной группировки и ее влияние на судьбы народов и других социальных групп. Мы видим действительно: какова семья – таков и народ. Пред силой семейной группировки нередко приходится отступать таким социальным группам, как церковь и государство. Попытки церковной и государственной власти изменить основы семейной организации обречены почти всегда на неудачу, если реформа не требуется самим институтом семьи. Законы, издававшиеся государственной властью и церковью (напр., закон в Риме, пытавшийся ввести всеобщую брачную повинность, или борьба церкви против невенчаных браков), не прививались в жизни, раз они шли вразрез с интересами семейной группировки. Самые громадные революции часто проходят, не задевая основ семейного уклада. Это не значит, конечно, что при столкновении с другими социальными группами семья всегда выходит победителем и не испытывает никаких изменений. А значит только, что она – один из наиболее устойчивых и влиятельных социальных коллективов, в которые группируется население.

Государственная группировка населения

Население земного шара расслаивается не только на семейные группы, но и на государственные коллективы. Таковы коллективы, носящие названия Россия, Англия, Франция, Германия и др. *Связью лиц, составляющих членов государства, является подчиненность верховной государственной власти, одно подданство и целый ряд отношений, указываемых в «основных законах» государства. Государство является одной из самых влиятельных социальных групп. Оно обычно обнимает большое число членов. Оно является организованной сверху донизу группой. Члены одного государства чувствуют себя солидарными в силу принадлежности к одному государственному телу. Эта солидарность проявляется в том, что носит имя «патриотизма».*

Государство весьма сильно влияет на поведение своих членов. С самого рождения мы оказываемся прикрепленными к государству. Через своих агентов оно, подобно ангелу-хранителю, присутствует при нашем рождении и его «узаконяет», и через них же оно присутствует и «удостоверяет» нашу смерть. Чуть не каждый шаг мы совершаем, сталкиваясь с агентами и законами государства. Путем тех и других оно направляет наше поведение и указывает нам, если мы законы государства преступим.

Область вмешательства государства в поведение людей изменчива. Бывали времена, когда государство вмешивалось в каждый шаг индивида: указывало ему, как он должен себя вести, как думать, как верить, как одеваться, что есть, когда работать, когда гулять, какую работу делать и т. д. Такова эпоха т. н. «полицейского государства», когда государственная власть всесторонне опекала подданных, как неразумных детей, и не предоставляла им никакой свободы. Такой широкий объем государственного вмешательства обычно бывает у народов воинственных, а у одного и того же народа – в периоды и годы ведения войн. Последняя война сопровождалась увеличением государственного вмешательства у всех воюющих государств, у нас же она привела к небывалому деспотизму государства над населением (к коммунизму). Эти эпохи сменялись другими, лозунгом которых было: никакой государственной опеки. Государство не должно вмешиваться в жизнь граждан. Если последним предоставят полную свободу, они сами установят наилучшие порядки. Конечно, государство продолжало вмешиваться в жизнь подданных, но объем этого вмешательства был гораздо скромнее. Личность сама решала, как она должна думать, как верить, что говорить, что писать и печатать (свобода мысли, религии, слова, печати, собраний, союзов, неприкосновенность личности и т. д.). Она добилась свободы и не позволяла государственной власти вмешиваться в эти области своего поведения. У нас до революции 1917 г. были порядки «полицейского государства». За время войны и у нас, и в других странах область государственного вмешательства возросла. После октябрьского переворота объем государственной опеки населения достиг небывалых размеров. В Советской России, как и в древних военных государствах – в Перу, Египте и др., государство пытается регулировать всю жизнь подданных. Населению предписывается, как и чем оно должно заниматься, как думать, как верить, во что одеваться, чем питаться, какие газеты читать, какие книги писать, каких ораторов слушать и т. д. Словом, вся жизнь граждан поставлена под опеку государственного недреманного ока. Едва ли можно сомневаться в том, что в дальнейшем, с наступлением мира, это громадное вмешательство государства должно пасть или уменьшиться в своем объеме.

Из этих замечаний мы видим, что влияние государственной группы на жизнь и поведение населения громадно. Но государство весьма сильно влияет и на судьбу других социальных групп: семью, партию, профессии, церковь и т. д. От политики государственной власти весьма сильно зависят устройство и судьба этих групп. В столкновениях с государством эти коллективы нередко терпели поражение и принуждены были подчиняться велениям государственной власти. Это влияние государства столь значительно, что оно привело многих к мысли о всемогуществе государства. Государствоведы изображают нам государство чем-то вроде филаретовского бога, приписывают ему вечность, всемогущество, вездесущность, неизменяемость и т. д. Многие отождествляют госу-

дарство с обществом и думают, что, кроме государственной группировки, нет никаких других; и то, и другое, конечно, неверно. Мы видим, что государство – только один из видов социальной группы, наряду с ним существует множество других социальных групп: церковь, семья, партия и т. д. Государство влиятельно, но не всемогуще. Умная государственная власть это сама сознает и потому не пускается на опыты, обреченные на неудачу. Немудрая власть часто издает множество законов, но они остаются на бумаге. Далее мы знаем немало случаев, где государство при столкновении с другими негосударственными социальными группами терпело поражение. Так было с семьей. В средние века государство было порабощено церковной группой. В Европе католическая церковь играла судьбою государственных союзов по своему хотению. Теперь могучим соперником государства выступают внегосударственные профессиональные и классовые группы. Словом, государство влиятельно, но не всемогуще. Оно не абсолютный монарх в среде других социальных групп, а только один из членов коллегии наиболее влиятельных социальных групп, перечисленных выше.

Расовая группировка населения

Население, далее, расслаивается по расовым признакам. Расовой группой называется совокупность лиц, сходных по своему анатомо-физиологическому строению, в частности по цвету кожи (черная, белая, желтая и краснокожие расы). Люди, принадлежащие к одной расе, чувствуют себя более близкими, чем с людьми другой расы. Чернокожий негр кажется нам, белым, каким-то чужим существом, мало похожим на нас. Слова «арап», «эфиоп», «черный дьявол» или «желтолицый дьявол» у белых рас стали ругательными словами. «Белый», «бледнолицый» являются ругательствами у небелых рас. Люди одной расы взаимно притягиваются, разных рас – отталкиваются. Появление негра в наших деревнях – событие. На него будут указывать пальцами. Им будут пугать детей. Даже в самых передовых странах, как Сев.-Американские Штаты, где негры давно живут бок о бок с белыми, до сих пор существует расовая отчужденность. Она выражается в том, что имеются свои кабаки, театры, школы, рестораны и т. п. для белых, свои – для черных. Англичанин не сядет за один стол с чисто одетым негром. Даже в тюрьмах белые и черные размещаются порознь. Негр-капиталист и негр-пролетарий часто чувствуют себя более солидарными, чем белый пролетарий и рабочий-негр. Недаром же негры не допускались в англо-американские профессиональные рабочие союзы (трэд-юнионы).

Легко видеть, что это расслоение проходит по линиям, не совпадающим с линиями расслоения семейного, государственного и других. Расовая группировка очень численна. Она могла бы быть чрезвычайно влиятельной, если бы была достаточно организованной. Последнего условия часто не бывает. Поэтому действительное влияние расовых коллективов меньше, чем оно могло бы быть.

Языковая группировка населения

Дальнейшим расслоением населения является расслоение его по языковым социальным группам. Люди, говорящие на одном и том же языке, чувствуют себя более близкими, чем люди, говорящие на разных языках. Последние, согласно сказанному выше, не имеют в своем распоряжении наиболее удобного проводника – общего языка. Проявление этого расслоения мы можем наблюдать всюду. В городах, где живут разноязычные люди, русский тянется к русскому, немец – к немцу, китаец – к китайцу и т. д. Человек, попавший в чужую страну и не знающий ее языка, рад встретить лицо, говорящее на своем языке. То же мы видим и в пределах населения одного государства. Население России в зависимости от различия языка распадается на множество языковых коллективов, таковы группы великоруссов, поляков, татар, черемис, зырян, армян, грузин, башкиров, эстонцев и т. п.

Легко видеть, что языковое расслоение проходит по линиям иным, чем линии государственного и расового расслоения. Население одного государства, напр. России, состоит из множества языковых групп. И обратно: одна и та же языковая группа по государственной принадлежности часто относится к двум и к трем государствам. Так было, напр., с польской – языковой – и с украинской группами. Поляки входили в состав России, Австрии и Германии. Украинцы – в состав России и Австрии. Немцы – в состав Германии и Австрии и т. д. Не совпадает языковая группировка и с расовой. Люди одной расы, напр. белые, говорят на разных языках, и обратно: люди разных рас могут иметь один язык.

То, что называется национальностью часто представляет не что иное, как языковую группу. Языковое расслоение, особенно за XIX и XX вв., начинает играть громадную роль. Борьба за равноправие языка и языковых групп, борьба за «национальный суд», школу, за свою «национальную культуру», за «национальную автономию» – все это проявление влияния языковых социальных групп. Ряд государств, составленных из разноязычных народов, оказывается слабым и легко под напором влияния языковых групп распадается. Распадение России, Турции, Австрии – живое подтверждение этой части. Одноязыковая группа, разделенная между различными государствами, как части живого тела, стремится слиться и образовать свое государство. Это ведет к отпадению их от тех государств, куда они входили. Весь XIX и XX вв. стоят под знаком такого движения. Болгария, Сербия и Черногория выделились из Турции. Теперь выделяются из нее армяне. Италия выделилась из Австрии. Теперь присоединяются к Италии оставшиеся до последнего времени в составе Австрии области, населенные итальянцами. В 60-х и 70-х гг. XIX в. ряд отдельных государств, состоящих из одной языковой группы – немцев, слился в одно германское государство. Теперь к нему стремится присоединиться и немецкая часть Австрии. Поляки, разорванные между

Россией, Австрией и Германией, в наши дни вышли из состава последних и образовали самостоятельное государство и т. д.

Отсюда мы видим, что языковая группировка действительно играет весьма значительную роль в исторических событиях. Это влияние можно легко наблюдать и в России. В ее распадении на ряд государств, в ее национальных сепаратизмах и движениях роль языковых групп огромна и дает себя знать на каждом шагу.

Профессиональная группировка населения

Расслоение населения на профессиональные группы представляет расслоение, опять-таки не сливающееся с другими видами расслоения.

Оно идет по своим линиям. Под профессией следует понимать постоянное занятие человека, служащее ему источником средств существования. Таковы занятия врача, инженера, земледельца, фабричного рабочего и т. д. В современном населении профессий множество. Число их достигает нескольких тысяч; профессиональные занятия накладывают сильную печать на всю духовную природу человека, на его образ мышления, на его вкусы, привычки и интересы. Психология монаха – одна, врача – другая, солдата – третья, банкира – четвертая, рабочего – пятая. Сходство людей по профессии вызывает сходство их интересов, вкусов, привычек; делает однопрофессиональных лиц солидарными друг с другом. Однопрофессиональные лица взаимно притягиваются, разнопрофессиональные – отталкиваются. Проявлением этой тяги лиц, сходных по профессии, служат профессиональные объединения и Союзы, появившиеся уже давным-давно. Таковы были профессиональные коллегии в Риме (*Collegiae fabrorum, pistorum*^{9*} и др.), средневековые цехи, гильдии, братства и профессиональные союзы нового времени. В настоящее время трудно найти профессию, члены которой не были бы объединены в целях совместной защиты своих интересов в профессиональные группы. Мы имеем профессиональные объединения врачей, инженеров, учителей, адвокатов, торгово-промышленных служащих, медиков, агрономов и т. д. вплоть до профессиональных шайк воров и преступников. Из множества профессиональных объединений особенно важную роль играют профессиональные союзы рабочих и капиталистов. Те и другие сейчас переросли границы государств и стали международными. Примером профессиональных объединений рабочих служат громадные рабочие Союзы, насчитывающие сотни тысяч и миллионы членов, таковы англо-американские трэд-юнионы, французская «Конфедерация труда»^{10*}, немецкие и русские профессиональные объединения. Примером профессиональных объединений капиталистов являются тресты и синдикаты, принявшие теперь также международный характер. В силу громадного количества членов рабочих профессиональных Союзов, в силу профес-

сиональной их солидарности и организованности профессионального движения это расслоение приобрело сейчас колоссальное значение; настолько колоссальное, что оно с успехом начинает конкурировать с государственными союзами. Ни одно правительство культурных государств не может сейчас не считаться с волей профессиональных союзов. Оно должно приспособляться к их требованиям и уступать их давлению. Расслойка по государствам начинает сменяться расслойкой по профессиям: вместо «русские граждане, объединяйтесь», «германцы, объединяйтесь» начинает все сильнее и сильнее звучать: «рабочие всех стран, объединяйтесь», «капиталисты всех стран, объединяйтесь». Профессиональная расслойка на наших глазах вступила в единоборство с государственной. И сейчас мы присутствуем лично и видим различные проявления этой борьбы. Война государств закончена, ее место заступает война гражданская, представляющая в значительной мере войну профессиональных групп, в частности войну рабочих союзов с союзами капиталистическими. Мир дрожит от этой борьбы, ее влияние чувствует каждый.

Сказанного достаточно, чтобы понять громадное значение этого расслоения и соответствующих профессиональных объединений.

Имущественная группировка населения

Расслоение по степени имущества или богатства, деление населения на богатых и бедных с давних пор было и остается одним из самых важных расслоений. Борьба богатых и бедных заполняет собой историю человечества. Бедный притягивается к бедному, богатый – к богатому, но друг от друга они отталкиваются. Сходство имущественного положения, как и профессия, влечет за собой сходство интересов, взглядов, хотений и всего образа жизни. Бедный солидарен с бедным, богатый – с богатым, но богатый и бедный враждебны друг другу. Они говорят на разных языках: «сытый голодного не разумеет». Отсюда вечная борьба тех и других, борьба, которая продолжается на наших глазах. Наша революция, в частности, представляла и представляет в огромной своей части именно проявление этого имущественного расслоения. Она шла под лозунгом «объединения бедноты и беспощадной борьбы с богачами», «с буржуями», «кулаками», «с помещиками» и т. д. «Мир хижинам и война дворцам» – такова другая формулировка сути этой борьбы: «буржуем у нас считался и считается всякий богатый». Достаточно человеку иметь приличную одежду – и для многих он делается буржуем.

Нетрудно видеть, что это расслоение по имуществу отлично от всех других. Часто оно смешивается с профессиональным расслоением. Это смешение ошибочно. Крестьянин-бедняк и крестьянин-кулак (богатый) принадлежат к одной и той же профессии (оба землевладельцы и существуют обработкой земли). По имущественному же положению они стоят в разных группах. «Деревенская

беднота» в наши дни поддерживала советскую власть, «кулаки» относились к ней отрицательно. Недаром и сама эта власть поддерживала бедноту и давила богатых крестьян. Эти факты показывают, что имущественное и профессиональное расслоение далеко не всегда совпадают. То же применимо и к другим профессиям.

Как сказано, борьбу богатых с бедными мы видим на протяжении всей истории человечества. Она не исчезла и теперь. И, очевидно, не исчезнет до тех пор, пока существуют богатые и бедные, дворцы и лачуги, миллионы у одних и голодная смерть у других. Социальная группа бедных гораздо численнее, чем богатых. Но далеко не всегда она выходила победителем из борьбы. Одной из причин такого исхода борьбы была неорганизованность бедных. По мере роста последней растет и влияние бедных слоев населения. Чем выше будет эта организованность, тем больше шансов на победу бедняков в их борьбе с богачами.

Религиозная группировка населения

Расслоение населения по религиям – факт общеизвестный. Примерами религиозных социальных групп могут служить: группа лиц, в своей совокупности образующих православную церковь, церковь католическую, протестантскую, буддийскую, исламистскую или религиозные секты молокан, хлыстов, штундистов и т. п. Из них особенно влиятельными являются церкви, обнимающие большое число членов. Таковыми являются религии: буддийская, христианская и магометанская. Число их членов исчисляется десятками миллионов.

Сходство религиозных верований вызывает особую солидарность между людьми одной религии, несходство – отчужденность. Эта отчужденность в прошлом (отчасти и теперь) была столь велика, что людей инаковерующих не считали людьми. Их считали «погаными», «еретиками», «безбожниками». Не только позволялось, но считалось похвальным убивать и наказывать лиц, имевших иные религиозные убеждения. «Война с неверными», с «нехристями» поощрялась. В средние века еретиков, т. е. лиц инаковерующих, тысячами сажали в тюрьмы, преследовали, пытали и убивали, жгли на кострах, отсекали головы, вешали и т. д. Жертвы «святой инквизиции» насчитывались сотнями тысяч. Религиозные войны были обычным явлением. Война магометан с другими народами, христиан с неверными, католиков с протестантами, православных с раскольниками, преследование сектантов и т. д. – все это заполняет собой летописи прошлых столетий. Люди верили, что они делают доброе дело, угодное Богу, отправляя на тот свет людей из-за различия двуперстия или триперстия, слова «Исус» или «Иисус», из-за различия того или иного догмата. У нас до 1905 г. продолжались преследования еретиков, сектантов и др. инаковерующих. Полной религиозной свободы и равенства нет и теперь еще. В ряде государств религиозные различия и теперь еще не вполне потеряли значение.

Религиозная группа оказывала и оказывает большое влияние на поведение верующего члена. Немалое влияние она оказывает и на судьбу других коллективов. В прошлые столетия церковь как религиозная группа имела силу колоссальную; от мановения церковной власти зависела судьба государств и ряда других групп. Как организованная группа, церковь, напр. католическая во главе с папой, играла колоссальную роль. С течением времени эта роль уменьшилась. Личность, придавленная деспотизмом церкви, объявила бунт против нее и добилась свободы религиозных убеждений. Но роль и влияние религии не исчезло и до сих пор. Она продолжает оказывать свое влияние на поведение населения и служит связью между единоверцами. В периоды государственного разложения религия выступает как действенная объединяющая сила, скрепляющая в одно целое рассыпанные части государства. Так было у нас в смутное время. Так обстоит дело и теперь. В этом положительная общественная роль религии. Нет надобности доказывать, что религиозное расслоение не совпадает со всеми остальными.

Группировка населения по социальному рангу (объему права)

Совершенно особым расслоением населения является его расслоение по социальному рангу или объему прав. Оно не совпадает ни с каким другим. Возьмете ли вы государственную группу, или церковь, или партию, или профессиональное объединение, или любую социальную группу, везде вы увидите распадение членов этих групп на два слоя: на «высших» и «низших», «привилегированных» и «обделенных», «властителей» и «подвластных», «лидеров» и «последователей» и т. д. К «высшим» в государстве относится власть и близкие к власти группы, в церкви – глава ее: папа, синод, патриарх, далай-лама и высшие церковные иерархи, в партии – комитет и лидеры, в профессиональном союзе – правление и т. д. Везде здесь имеются «влиятельные» лица и слои и невлиятельная, управляемая масса. Словом, имеется социальное неравенство в том или ином отношении. Оно выступает в тысяче форм во всякой социальной группе. С этой точки зрения последняя делится на два слоя: высший и низший, с массой слоев промежуточных. Объем прав (юридически или фактически) того и другого слоя неодинаков. В итоге – наблюдается обычное явление: обделенность сближает обделенных в одну группу, привилегированность сближает привилегированных. Но это же обстоятельство разъединяет и делает врагами оба слоя. И чем резче различие между привилегированными и обделенными, тем глубже пропасть между ними, тем острее их взаимная борьба. Особенно важное значение имеет это расслоение в больших социальных группах, как, например, в государстве. Неравенство прав населения в государствах имело место с первых времен истории. Вражда господ и рабов, патрициев и плебеев, аристократии и народа, низших каст с высшими,

обделенных сословий с привилегированными, обделенных классов с классами господствующими – все эти явления, заполняющие собой историю, представляют формы и проявления очерчиваемого расслоения.

Хотя со времени французской революции и провозглашено равенство всех перед законом, однако это равенство далеко еще не осуществлено. До сих пор и юридически, и фактически объем прав властвующих лиц и групп их не равен объему прав подвластных, права мужчин не равны с правами женщин, права богатых – с правами неимущих; лица одних вероисповеданий привилегированны, других обделены, не равны права разных национальностей и т. д. Неравенство в тысяче форм продолжает существовать: одни по-прежнему обделены, другие привилегированны. В одних странах обделены трудовые слои, в других, как у нас, – буржуазия. Феодализм – не умер. Не только в государственной группе, но и во всех других группах, вплоть до партий, и партий социалистических, расслоение на руководящее властвующее меньшинство и руководимое подвластное большинство продолжает существовать. Изменились только формы. Олигархия в группах социалистов, вплоть до коммунистов, – факт бесспорный. Между объемом прав лидера или лидеров социалистической партии и объемом прав ее рядового члена разница меньше, чем между римским папой и рядовым католиком, но все же она весьма значительна. Это неравенство не удалось уничтожить и тем партиям, которые выставляют своим лозунгом равенство всех людей. Коммунизм не уничтожил неравенства в России. Он изменил только его формы.

До тех пор пока на деле неравенство и социальная табель о рангах будет существовать, громадное значение будет иметь и это расслоение. Неизбежной будет и борьба между привилегированными и обделенными.

После сказанного нетрудно видеть, что то расслоение населения не совпадает ни с одним из предыдущих. Оно идет по своим линиям.

Партийная группировка населения

Она опять является группировкой самостоятельной, не совпадающей со всеми остальными. Не совпадает она с имущественной группировкой, ибо, как показывает исследование состава современных партий, во всех партиях есть члены, принадлежащие и к богатым, и к бедным. Даже такие наиболее однородные по составу партии, как партии социалистические, включают в свой состав лиц разных имущественных положений. Не совпадает партийная группировка и с расслоением профессиональным: каждая партия включает в свой состав лиц разных профессий, с одной стороны, с другой – сами профессиональные организации, в том числе и рабочие, беспартийны.

Деление населения на партии – явление старое. Оно было в древнем Риме, в древней Греции, в древней Византии и живет до сих пор. Примерами партий-

ных социальных групп могут служить партии коммунистов, социал-революционеров и социал-демократов, кадетов и монархистов у нас, либералов, консерваторов и рабочей партии в Англии, соц.-демократов, спартаковцев, католического центра в Германии и т. д.

В новейшее время это деление на партии играет весьма значительную роль. В переходные и революционные эпохи эта роль значительно возрастает. Государственная власть нередко захватывается одной партией, и властвование превращается в диктатуру последней. В такие моменты влияние и историческая роль партий становится особенно большой. Но было бы ошибкой полагать, что партия, подобно государству, всемогуща. Ее влияние ограничено. Ограничено потому, что далеко не все население входит в партии. Даже в странах, где, как в Англии, партийная жизнь особенно развита, партии включают в свой состав не более 10–15% населения. Во-вторых, любая партия сильна лишь до тех пор, пока ее политика удовлетворяет большинство населения. Если этого удовлетворения нет – а история показывает, что любая партия может удовлетворить население лишь в течение небольшого ряда лет, в лучшем случае, – то партия теряет своих членов, на ближайших выборах проваливается; если же выборов нет и партия диктаторствует – ее диктатура свергается насильственно. Подтверждением сказанному служит насильственное свержение диктатуры Горы^{11*} и Робеспьера во время Великой французской революции, свержение диктатуры Кромвеля и его партии во время английской революции и т. д. Там же, где судьба партии решается избирательными бюллетенями, подтверждением сказанному служит колебание избирателей от партии к партии и непостоянство их партийных симпатий. Партия соц.-революционеров у нас в течение первых месяцев после революции разрослась до колоссальных размеров и на первых выборах в органы земского и городского самоуправления одержала блестящую победу. Через два-три месяца она растеряла большинство голосов и потерпела поражение. То же происходит и во всех странах, вплоть до Англии. Само собой разумеется, этот факт качания и «изменнического» перехода избирателей от партии к партии может проявиться лишь там, где имеются свободные выборы. Где таковых нет, там на выборах всегда проходят (вернее, назначаются) кандидаты правящей партии. Но тогда последнюю постигает насильственное низвержение. Вот почему, отдавая должное социальной роли партийных групп, не следует эту роль преувеличивать.

Таковы наиболее важные группы, на которые расслаивается население современных культурных стран. Само собой разумеется, что этими группами не исчерпывается расслоение населения. Оно дано в тысяче других форм. Помимо этих групп существует в населении бесконечное множество других группировок и обществ – экономических, научных, литературных, благотворительных, спортивных и т. д. Одно перечисление их заняло бы десятки и сотни страниц.

Но роль всех этих групп незначительна по сравнению с социальным влиянием групп перечисленных. Ход общественной жизни, судьба населения и исторические события определяются главным образом поведением и взаимоотношениями описанных важнейших коллективов. От их поведения, тактики, политики взаимоотношений зависит, какое направление примут общественная жизнь населения, его организация, судьба и поведение каждого члена населения. Каждая из этих групп борется за свое существование и индивидуальность. Сообразно с этой борьбой меняются их взаимные отношения. История показывает, что взаимоотношение их весьма сложно и изменчиво. Сейчас две или большее число этих групп борются друг с другом, завтра борющиеся действуют согласно и выступают против других групп, сделавшихся врагами. Солидаризация и антагонизация их исторически изменчивы. Церковь и государство то борются друг с другом, то выступают согласно против третьего врага, напр. класса. То же применимо и к другим группам. В одну эпоху на исторической сцене главным действующим лицом являются одни группы, напр. церковь в средние века, в другие эпохи – другие, напр. государство в новое время, профессиональные объединения в наше время и т. д.

Как видно отсюда, строение населения очень сложно. Эта сложность возрастает, если учесть подвижность линий расслоения и их взаимную борьбу.

Группа великих людей

Из всего вышесказанного вытекает, что историческая и общественная жизнь зависит от поведения всего населения и главных групп, на которые оно распадается, а не от воли отдельных людей. Но из этого не следует, что влияние всех людей одинаково. По силе общественного влияния люди не равны: влияние Христа, Наполеона, Дарвина или Эдисона не равно влиянию рядового человека П. В каждой социальной группе имеется небольшое число лиц, являющихся ее вожаками, выразителями и организаторами. Такие лица есть и в науке, и в искусстве, и во всех областях человеческой деятельности. Их называют гениями, талантами, великими людьми, знаменитостями и т. д. Число их невелико, но общественная роль их громадна. По вычислениям одного ученого, со времен Перикла до 1850–1870 гг. жило на земле около 46 000 000 000 людей^{12*}. А лиц, получивших известность, – гениев, талантов и знаменитостей – во всех сферах общественной жизни было всего около 1 000 000. Значит, каждый сколько-нибудь крупный человек приходится в среднем на 450 000 обыкновенных людей.

Несмотря на такую малочисленность великих людей, их роль все же велика и потому заслуживает упоминания. Им мы обязаны величайшими открытиями в области науки, часто перевертывающими всю общественную жизнь. Влияние таких изобретений, как применение пара и электричества, как изобретение теле-

графа, телефона, радио и других физических и химических открытий, громадно. Столь же громадное значение имеют открытия в других областях науки.

Великие люди являются главными творцами искусства и художественных ценностей. Великие же люди выступают как образцы человеческого поведения в области нравственности и взаимоотношения людей друг к другу. Они же являются организаторами общественных порядков. Словом, их влияние несравненно больше, чем можно судить по их численности. Их услуги человечеству громадны. Эти услуги, подобно благотворному влиянию солнца, падают благодатным дождем на всех. Они являются тем здоровым бродилом, которое приводит в движение массы рядовых людей.

Вот почему каждая страна должна беречь своих великих людей. Вот почему ничего не может быть безумнее и глупее, как уничтожение разными правительствами и народами этих редких и лучших цветов человечества. Однако это уничтожение было и продолжается в истории. Сократ был отравлен, Христос – распят, Джордано Бруно, Ян Гус и Сервет – сожжены.

Великий химик Лавуазье погиб на эшафоте во время террора французской революции и т. д. А сколько выдающихся лиц погибло в тюрьмах, в ссылках, на эшафоте, от бедности и лишений.

Их гибель – ущерб всему человечеству. Систематическое уничтожение всех сколько-нибудь выдающихся лиц в Испании испанской инквизицией повело к небывалой умственной и нравственной нищете этой страны. То же в разных размерах можно утверждать и относительно других стран. Великие люди – общечеловеческое сокровище. Уничтожая их, мы уничтожаем общую ценность. Пора бы это запомнить всем народам и правительствам. Но увы. Эта простая истина до сих пор не усвоена. Музейные вещи научились ценить и сохранять. А то, что дороже, ценней, полезнее всякой вещи – человека вообще и великих людей в особенности, – продолжают уничтожать: реакционеры уничтожают за революционность, революционеры – за контрреволюцию, атеисты уничтожают за религию, верующие – за неверие и т. д.

Безумная и слепая политика.

Критика упрощенных и односторонних теорий

Из всего сказанного о расслоении населения вытекает ошибочность односторонних теорий.

Неверны все те мнения, которые считают: 1) что человеческое общество представляет нечто единое и не имеет никаких расслоений; 2) ошибочны взгляды тех, кто полагает, что население расслаивается только по одним линиям, что оно распадается только на государства или только на религиозные группы, или только на партии, или только на расы. Дело обстоит, как видим, гораздо сложнее; 3) наконец, неверны все теории, которые весь ход общественных явле-

ний пытаются объяснить борьбой различных частей одного расслоения, напр., только борьбой рас, или только борьбой государств, или только борьбой классов и т. д. И в этом отношении дело бесконечно более сложно. Ход исторических событий определяется многосложными взаимоотношениями – соглашением и борьбой всех перечисленных групп. Свести общественные процессы к одной борьбе классов, или государств, или церквей и т. д. невозможно. Такое упрощение в корне ошибочно.

Литература: Сорокин: Система социологии, т. II, гл. II.

О семейной группировке – Демолен: Аристократическая раса; Покровский: Основные проблемы гражданского права, гл. X.

О государственной: курсы государственного права, гл. I, IV, VII, XVII и XVIII, Дюги, Эсмена, Лазаревского; Покровский: Основные проблемы гражданского права.

Спенсер: Личность против государства; Спенсер: Основы социологии, т. II, §§ 258–261; т. II, гл. о военном и промышленном типах общества.

О расовой группировке – Ж. Фино: Агония и смерть человеческих рас; Брикнер: Расы и народности человечества; Ратцель: Антропогеография; Кржи-вицкий: Антропология.

О языковой группировке см. статьи и работы по национальному вопросу. Рубакин: Среди книг, т. III, ч. II.

О профессиональной группировке – Туган-Барановский: Основы политической экономии, гл. о профессиональных организациях рабочих; Сборник: Вопросы момента, ст. Лагарделя; Чернов: Собрание сочинений: Основные вопросы пролетарского движения.

В. Ульянов: Государство и революция; Каминка: Тресты и синдикаты предпринимателей; Гильфердинг: Финансовый капитал.

Имущественная группировка: см. ниже литературу о классах.

Бернштейн: Классы и классовая борьба; Солнцев: Общественные классы.

Религиозная группировка: см. статистические данные о численности членов различных религий. – Сорокин: Э. Дюркгейм о религии, Новые идеи в социологии, сб. № 4; Кидд: Социальная эволюция; Ч. Ли: История инквизиции.

О социальных рангах: читай исторические работы о рабстве, истории каст и сословий. – Солнцев: Общественные классы.

Партийная группировка – Джефсон: Платформа, ее возникновение и развитие; Спиридович: История партии соц.-революционеров. История партии коммунистов; Ostrogorski: Le democratie et les parties politiques.

О великих людях – Михайловский: Герои и толпа. Еще о героях и толпе; Тард: Законы подражания; Карлейль: Герои и героическое в истории; Оствальд: Великие люди. Биографии великих людей в издании Павленкова.

§ 3. Сложные социальные группы и расслоение населения по линиям сложных групп

Понятие сложной группы

Очерченными группами расслоение населения не кончается. Оно сложнее. В предыдущем перечне важнейших групп мы брали группы простые. Мы предполагали, что членов каждой группы связывает только одна какая-либо связь: семейная, или государственная, или партийная и т. д. Сообразно с этим мы очерчивали основные линии простой группировки. Но подобно тому, как в химии встречаются не только простые химические тела: водород, азот, кислород, но и химические соединения, напр. H_2O , H_2O_4 и CO , так и в составе населения имеются не только простые группы, члены которых связаны одной какой-либо связью, напр. религиозной, но имеются группы составные, члены которых объединены одновременно рядом связей. Так, ряд лиц может принадлежать к одному государству и к одной религии (напр., русские подданные и православные). Такая группа – группа сложная: члены ее объединены не одной, а двумя связями – религиозной и государственной. Эти две связи похожи на два обруча, скрепляющие одни и те же доски бочки. Таких связей может быть и три. Так, ряд русских подданных, православных по вере, говорящих на черемисском языке, составит группу тройной сложности, группу государственно-религиозно-языковую. Они скрепляются уже не одним, а тремя обручами: государственным, религиозным и языковым. Может быть, далее, составная группа четвертой сложности, пятерной, шестерной и т. д.

Каждая из таких сложных групп похожа на сложное химическое тело, в котором отдельные химические элементы, простые связи неразрывно соединились в одно химическое целое.

Все такие составные группы, члены которых объединены не одной связью, а двумя или бóльшим числом «обручей», нужно отличать от вышеописанных простых групп. Условимся называть их сложными социальными группами.

Разнообразие сложных групп

В истории даны самые разнообразные виды сложных групп. Во-первых, *имеются сложные группы двойные, тройные, четверные и т. д., составленные из сочетания двух, трех, четырех простых группировок.* В этих случаях к одной линии расслоения присоединяется другая, третья, четвертая; от этого линия становится глубже, как глубже становится какая-либо черта, проведенная ножом, если ножом проводить по той же черте второй, третий и четвертый раз.

Различаются сложные группы *не только по числу простых связей, но и по их характеру.* Религиозная группировка может соединиться с государствен-

ной и дать сложную религиозно-государственную группу (напр., русские – православные); в другом случае религиозная связь может соединиться с связью языковой и дать религиозно-языковую группу (напр., группа лиц, говорящих на татарском языке и магометан по религии). В третьем случае религиозная группировка может сочетаться с расовой и дать религиозно-расовую группу (напр., желтокожие – буддисты) и т. д. Столь же различно могут соединяться друг с другом и другие простые группировки. И не только по две, как в этих примерах, но по три, по четыре и больше.

Теперь не трудно понять все возможное разнообразие сложных групп. В истории человечества мы и находим действительно самые разнообразные (и по числу соединившихся простых группировок, и по сочетанию последних) сложные группы.

Типичные и нетипичные сложные группы

Но не все из них одинаково характерны для различных времен и народов. Для одного населения определенного времени в ряду многих сложных групп характерны одни группы, для другого населения – другие. Если мы возьмем население Индии прошлых времен, а отчасти и нашего времени, то для его строения характерна наличность сложных групп, носящих название касты. Каста – это сложная группа, члены которой объединены связями: семейно-родственной (члены одной касты связаны узами крови и родства), профессиональной (члены одной касты принадлежат к одной и той же профессии), религиозной (все они одной религии), объемно-правовой (члены высших каст привилегированны, низших – бесправны), имущественной (иногда), расовой и языковой. Как видим, каста – чрезвычайно сложное тело: обручей, связывающих в одно целое членов касты, не один и не два, а по меньшей мере пять. Значит, кастовая группа сколочена крепко. Обратной стороной этого явления служит глубина расслоения между различными кастами. Раз по одной и той же черте проходят пять линий расслоения, пять трещин, слившихся в одну, понятно, что эта трещина глубока и резко отделяет одну касту от другой. В итоге карта расслоения населения Индии, кроме линий простого расслоения, имеет еще глубокие линии расслоения по кастам как сложным группам определенного состава.

Такая сложная группа типична для населения Индии. Но она нетипична, например, для современного населения Европы. Там нет сложных групп, как каста. Но зато есть сложные группы иного строения, типичные для населения современной Европы и нетипичные для Индии.

Национальность и класс как типичные сложные группы нового времени

Примером их могут служить сложные группы, во-первых, *государственно-языковая*, во-вторых, *профессионально-имущественно-объемно-правовая*.

Первую – государственно-языковую группу – можно назвать *национальностью*. Вторую – *классом*. То, что обычно называют национальностью, представляет чаще всего группу лиц, говорящих одним языком и составляющих одно государство. Такая группа стала играть особенно важную роль в XIX и XX вв. Эти столетия ознаменованы стремлением населения расслоиться, так, чтобы группы лиц, объединенных общностью языка, составляли особое государство. Сообразно с этим стремлением мы действительно видим, что государства, составленные из разноязычных народов, распадаются; обратно: население, говорящее одним языком, но разорванное по государственной принадлежности на части, соединяется в одно целое и образует свое национальное государство. Разноязычные государства: Турция, Австрия, Россия – в течение веков распадались. Из Турции выделились Греция, Болгария, Сербия, Черногория, из Австрии – Италия и польское население, из России в последние годы выделились Финляндия, Польша и др. языковые группы. Немцы, до 60–70-х гг. XIX в. образовавшие ряд государств, слились в одну Германскую империю; на наших глазах языковая группа поляков образовала самостоятельное Польское государство; то же приходится сказать о Венгрии (чехо-словаки), Финляндии; немецкая часть Австрии стремится слиться с Германией, итальянские области Австрии сливаются с Италией, югославские области присоединяются к славянским государствам; словом, идет деятельное расслоение населения Европы по языково-государственным группам. Государственная карта мира перекраивается по принципу языкового расслоения.

Такова важнейшая сложная группа, типичная для Европы XIX и XX вв. Эти столетия стоят под знаком национальных движений. Национальная группа как сложная государственно-языковая группа играла и играет громадную роль в исторических событиях этих веков.

Другой сложной группой, типичной для тех же столетий, служит класс. Класс можно определить как солидарную совокупность лиц, связанных между собою связями трех группировок: профессиональной, имущественной и объемно-правовой. Члены одного и того же класса принадлежат к одной или к близким профессиям, имеют одинаковое или сходное имущественное положение и обладают одинаковым объемом прав. Так, класс пролетариев составляется из наемных фабрично-заводских рабочих, живущих продажей своего труда; по имущественному положению они относятся к группе бедных, по объему прав – к группе обделенных, неполноправных лиц. Класс крестьян составляется из лиц, по профессии живущих обработкой земли, по имущественному положению – относительно бедных, по объему прав – обделенных. Класс землевладельцев образуется из лиц, живущих земельной рентой, т. е. доходом с земли, обрабатываемой не лично ими, а наемным трудом; по имущественному положению они принадлежат к группе богатых, по объему прав – к привилегированным. Класс капиталистов – это совокупность лиц, по правам привилегированных, по иму-

шество – богатых, по профессии – представителей промышленного, торгового или финансового капитала, живущих доходом с последнего.

Сходство членов одного и того же класса в трех указанных отношениях вызывает сходство их интересов, стремлений, желаний, верований и убеждений, т. е. делает их солидарными друг с другом. Пролетарий притягивается к пролетарию, крестьянин – к крестьянину, капиталист – к капиталисту, помещик – к помещику. Но зато класс от класса отталкивается; в особенности велика пропасть между классами землевладельцев и капиталистов, с одной стороны, и рабочих и крестьян – с другой. Между ними господствует антагонизм в виде *классовой борьбы*. В нереволюционное время эта борьба имеет глухой, скрытый характер, во времена революций, общественных потрясений она выходит наружу и принимает форму открытой классовой войны. Примером может служить наша революция, где противоположение рабоче-крестьянских классов и помещичье-капиталистических выявилося весьма резко. То же происходило и происходит и в других областях Европы и Америки.

Такова типичная сложная группа нашего времени. В течение XIX и XX столетий классовое расслоение играло и играет громадную роль. Классовое расслоение проводит в ряду других линий расслоения новую, одну из наиболее глубоких трещин, вырывающих пропасть между отдельными классами населения. Она столь глубока, что часто, особенно в революционное время, заставляет людей забывать ту истину, что члены других классов все же люди, что наряду с различиями они же обладают рядом общечеловеческих свойств и имеют право на основные блага человека, в частности право на жизнь. В пылу классовой борьбы эти положения забываются, убийство и уничтожение классовых врагов возводится в заповедь, наступает общее озверение и ожесточение с обеих сторон, и дело кончается только тогда, когда жизнь всех классов настолько расстраивается, что становится далее невозможной, невыносимой. Война, голод, болезни, колоссальная смертность, упадок промышленности, хозяйства, умственное и нравственное одичание – таковы спутники длительной классовой (как, впрочем, и всякой) войны. В конце концов обеим сторонам приходится идти на уступки; классовая борьба входит в свои рамки, принимает более мягкие формы, и наступает период гражданского мира, впредь до нового взрыва. Чем, однако, культурнее страна, тем этот взрыв носит менее ожесточенные формы, тем больше стремления путем взаимных уступок порешить спор и прийти к соглашению, не прибегая к мерам кровопролитий гражданской классовой войны.

Конечно, кастой, национальностью и классом не исчерпываются типичные сложные группы разных времен и народов. Таких типичных групп много. Но примеры касты, класса и национальности достаточно определенно говорят, что следует понимать под типичными сложными социальными группами.

Внутренне-антагонистические и внутренне-солидарные сложные группы

Укажем еще на одну черту сложных групп. Сложные группы, как мы видели, состояются из слияния двух или большего числа простых группировок. Эти сливающиеся в одно целое группировки могут быть друг другу солидарны или антагонистичны. Сообразно с этим и образованные ими сложные группы будут или внутренне-солидарными, или внутренне-антагонистическими. Возьмем, для примера, сложную государственно-религиозную группу, т. е. группу лиц, принадлежащих к одному государству и к одной церкви. Если и государственная власть, и власть церковная побуждают членов такой группы действовать в одном направлении (напр., где власти призывают членов к войне), то такая группа будет внутренне-солидарной. Здесь оба связывающих обруча толкают членов группы в одну сторону. Если же государственная власть приказывает им делать одно, а церковная власть – противоположное (напр., король в средние века призывал подданных не подчиняться папе и не слушаться его приказаний, а папа приказывал тем же лицам не признавать власти короля), то такая группа будет внутренне-антагонистической. Члены ее связаны двумя веревками, которые тянут в разные стороны и заставляют разрываться на части каждого члена.

Легко видеть значение этого факта для поведения человека и на прочность самой сложной группы. Во внутренне-антагонистической группе каждый человек похож на шар, который толкается в разные стороны различными властями простых групп, слившихся в одну сложную. Церковная власть (в данном примере) толкает его в одном направлении, государственная – в другом. Индивид должен разрываться на части, поведение его неизбежно будет неустойчивым. Он будет «хромать на оба колена» или постоянно колебаться, не зная, кого слушать: большевиков ли, объявивших войну церкви, или патриарха Тихона, призывающего к борьбе с большевиками. Иным будет поведение члена внутренне-солидарной сложной группы. Здесь все власти будут толкать его в одном направлении. Линия поведения будет последовательной. Совесть ясной. Колебаниям и хроманиям не будет места.

Снова мы видим зависимость человеческого поведения от других людей.

Не одинаковы внутренне-антагонистическая и внутренне-солидаристическая группы и *по своей прочности*. Внутреннее противоречие первой ведет к ее распаду и разрыву на части. Одни ее члены будут следовать повелениям одной власти (напр., государственной в приведенном примере), другие – другой. Первые порвут с той властью, которой повеления они преступили; вторые с соответствующей – другой. В итоге вся группа расколется на части, перестанет существовать как целое. Примером может служить судьба партий соц.-рев. и соц.-дем. за годы революции. Члены этих партий были поставлены между двух огней: с одной стороны, как русские граждане, дорожившие интересами государства,

они должны были содействовать России в ее войне с Германией. Для этого требовалось смягчать, а не раздувать внутригосударственную классовую борьбу, бороться с братанием, дезертирством, упадком дисциплины в армии и т. д. С другой стороны, как члены Интернационала, члены социалистических партий, имеющих в виду интересы «пролетариев всех стран», они должны были раздувать классовую борьбу, бороться с эксплуататорскими классами, отучивать солдат от слепой дисциплины и слепого повиновения командному составу и т. д. Словом, делать противоположное тому, что диктовалось им интересами государства. Поставленные в безвыходное положение, эти сложные (государственно-интернациональные) группы весьма резко проявили все указанные результаты такого внутреннего антагонизма. Поведение этих партий, как и 1-го Исполн[ительного] Ком[итета] Сов[вета] Раб[очих] и Кр[естьянских] Деп[утатов]^{13*}, было лишено последовательности; оно было сплошным хроманием на оба колена, постоянным качанием от государства к Интернационалу и обратно. Вместе с этим сразу же начало обнаруживаться и другое. С самого начала революции обе партии стали расслаиваться и распадаться на части; появились «правые, левые и центровики» эсэры; то же случилось и с социал-демократами («Единство», «оборонцы», «объединенцы», «новожизненцы», «интернационалисты»^{14*}).

Правые части тянули к государственности, левые – к «Интернационалу»; центр качался, как маятник. В итоге обе партии с самого же начала революции фактически перестали существовать как целое и распались на части.

Иными будут поведение и прочность сложных, внутренне-солидарных групп. Здесь нет места колебанию и разрывам. Все повеления соединившихся в одно целое простых группировок толкают в одну сторону членов таких коллективов. От этого коллектив становится крепким, нерасторжимым. Его поведение – последовательным. Примеры дают те группы нашего населения, которые признавали только интересы одного государства и не старались преследовать интересов Интернационала («государственники»), или наоборот, те группы, которые, как большевики, признавали только интересы Интернационала и не ценили интересов государства. Линия политики тех и других была последовательной. Одни говорили: все для государства – и последовательно стремились к захвату Константинополя и проливов и т. д. Другие говорили: все для мировой революции – и последовательно разжигали классовую борьбу, проповедовали братание, «войну дворцам» и т. д. При этом они не распадались и не расслаивались на части.

То же применимо и ко всякой другой сложной группе населения. Любая сложная внутренне-солидарная группа будет крепкой и устойчивой. Народы, представляющие такую группу, будут народами крепкими, прочными. Их можно разъединить на время, но они вновь будут стремиться составить одно целое. Они, несмотря ни на что, сохранят свое лицо и свою целостность. Иная судьба

ждет народы и сложные социальные группы внутренне-антагонистические. Их поведение не будет последовательным. Разьедаемые внутренней борьбой, они будут хромать на оба колена и в итоге или распадутся сами, или придут к тому же концу от малейшего внешнего толчка.

Таков очередной вывод из сказанного.

Заключительные замечания

На этом и закончим беглый очерк строения и состава населения как сложного социального тела.

Мы видим: 1) *что население не представляет однообразной серой массы, члены которой одинаково связаны друг с другом, а распадается на множество коллективов или групп. Иными словами, расслаивается на ряд слоев.*

2) *Мы видим, что каждый человек принадлежит не к одному обществу, а к множеству обществ.*

3) *Это обстоятельство весьма определенно влияет на его поведение.*

4) *Из множества групп, на которое распадается население, важнейшими простыми расслоениями последнего будут расслоения: а) по семейной принадлежности, б) по государственной, в) по расовой, г) по языковой, д) по профессиональной, е) по имущественной, ж) по религиозной, з) по объемно-правовой, и) по партийной.*

5) *Отдельно стоит группа великих людей.*

6) *Из сочетания простых расслоений (группировок) образуются сложные группы.*

7) *Последние и по числу, и по характеру простых групп, из слияния коих они составляются, чрезвычайно разнообразны.*

8) *Среди них следует различать сложные группы: типичные и нетипичные для данного населения. Из типичных в наше время важны класс и национальность.*

9) *Далее, следует различать сложные группы: внутренне-антагонистические и внутренне-солидарные. Тот или иной характер группы оказывает вполне определенное влияние на поведение ее членов и прочность самой группы.*

Таковы основные положения, очерчивающие строение любого населения как совокупности людей, живущих совместно и взаимодействующих друг с другом. Начав наше изучение с простейшей модели социального явления, мы изучили его элементы и получили понятие группы или коллективного единства. Рассмотрев условия возникновения и распада последнего, мы перешли к населению как к сложному социальному телу и теперь познакомились с его строением и расслоением.

Мы видим, что это строение весьма сложно, куда сложнее, чем изображают его ходячие представления об обществе и «общественном организме».

Сказанное говорит и за то, что ход исторических событий также сложнее, чем его рисуют нам эти ходячие мнения. Судьба любого населения и ход истории определяются не борьбой или согласованиями каких-либо одних групп, напр. классов или государств, а взаимоотношениями всех указанных простых и сложных социальных коллективов. Вот почему нельзя и невозможно объяснить исторические процессы путем таких однобоких теорий, слишком упрощенно изображающих действительность. Для такого объяснения приходится учитывать взаимоотношение и поведение всех этих групп. Только тогда можно рассчитывать на некоторый успех. Ограничимся сказанным и перейдем ко второй части социологии, изучающей не строение, а жизнь социальной группы или механику общественных процессов.

Литература: Сорокин: Система социологии, т. II (весь); о национальности сводка мнений дается у Рубакина: Среди книг, т. III; о классах – сводка мнений дается у Солнцева: Общественные классы.

Остальную литературу см. в моей «Системе социологии», т. II.

Часть II. УЧЕНИЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛЮДЕЙ, ФАКТОРАХ ПОВЕДЕНИЯ И МЕХАНИКЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРОЦЕССОВ

Глава V. Задачи второй части социологии

§ 1. Обусловленность человеческого поведения

В первой части социологии мы познакомились со строением простейшего социального явления и социального явления сложного, каковым служит население. Теперь перейдем ко второй части социологии – к изучению деятельности людей, живущих в среде сочеловеков. Здесь нас будет интересовать не строение населения, а *его деятельность*.

Из ежедневного наблюдения мы знаем, что различные люди ведут себя неодинаково. Одни богаты и живут в довольстве, другие бедны и несчастны. Одни люди имеют одни убеждения, верования, нравы, обычаи, другие люди не похожи на них во всех этих отношениях. Мало того, один и тот же человек ведет себя различно в различных условиях и в разные периоды своей жизни. Дитя ведет себя иначе, чем взрослый юноша, взрослый иначе, чем старик. Часто один и тот же человек из честного делается преступником, из верующего – неверующим, из монархиста – республиканцем, из власть имущего – подвластным. Наконец, жизнь и деятельность целых человеческих групп не похожи друг на друга. Общественная организация и вся общественная жизнь англичан не похожа на нашу, наша жизнь не похожа на устройство и социальную жизнь японцев, жизнь всех трех народов не похожа на уклад индейцев и т. д.

Теории «божеского провидения» «свободы и воли»

Все эти факты естественно вызывают вопрос: *чем же вызываются эти различия? Где же лежит причина последних?* В старину думали, что все эти явления случайны. Одни говорили, что «так бог устроил», и на этом успокаивались. Другие для объяснения ссылались на «свободную волю» человека: «Одни,

мол, народы так захотели устроиться, а другие – иначе. Один человек по своей свободной воле живет честно, а другой по своей злой воле живет дурно. Все зависит от свободной воли человека, и в ней надо искать причину всех этих различий», – так говорили сторонники свободы воли человека.

Их критика

То и другое объяснение нельзя принять. Ссылка на бога, на провидение ничего не объясняет. Земные явления надо объяснять земными же причинами, а не волей бога или дьявола. Нельзя, далее, припутывать бога к нашим делам и делать его ответственным за поступки и действия людей. Для человека неверующего, как и для науки, такие объяснения неубедительны, для верующего – оскорбительны.

Мало помогает делу и ссылка на «свободную волю» человека. Объяснить что-либо свободной волей – значит ничего не объяснить. *Объяснение любого явления заключается в установлении необходимой причинной связи этого явления с другим явлением*¹.

Если мы можем сказать, что явление *A* есть следствие *B* (напр., повышение воды в трубке – следствие увеличения атмосферного давления), что *A* всегда наступает вслед за *B* или раз дано *B*, то дано и *A* (раз дан треугольник, то дана и сумма углов треугольника, равная двум прямым углам), тогда явление *A* будет объясненным. Ибо будет указана причинная связь его с явлением *B*, связь – не допускающая никакой «свободы воли». Если же мы будем говорить, что *A* есть следствие свободной воли, что противоположное ему явление «не-*A*» тоже следствие свободной воли, это значит, мы не знаем ничего о причинах явления *A* и не-*A* и наше незнание прикрываем словами «свободная воля». Если бы физика вздумала свободной волей объяснять и повышение, и понижение воды в трубке, она была бы не наукой, а пустословием.

То же применимо и к человеку. Когда свободной волей человека объясняют и преступление человека, и его подвиг, и удачу человека, и его несчастья, и его знания, и его невежество, значит, вместо науки занимаются пустословием. Едва ли много найдется людей, которые захотели бы свободно умирать с голоду. Мы видим, однако, что массы людей голодают. Сколько людей всей душой хотят жить! И, однако, их свободная воля жить не мешает тому, что они умирают или убиваются. Немного имеется людей, свободное желание которых состоит в том, чтобы быть несчастными и терпеть нужду. И массы людей, однако, вопреки их свободной воле несчастны и живут в нужде.

¹ Правильно было бы говорить о функциональной и коррелятивной связи (в смысле проф. Пирсона)^{15*}, но, не желая усложнять изложение, я пользуюсь здесь упрощенной терминологией.

Мало того, ниже мы увидим, что поступки человека подчиняются законам необходимости, они обусловлены причинной связью, обнаруживают определенную закономерность.

Словом, всякие разговоры о свободной воле человека, освобожденной от причинной зависимости, приходится отложить в сторону. «Свободная воля» означала бы невозможность науки: сегодня свободная воля вздумала бы действовать так, завтра – иначе, послезавтра – на новый манер. При таких условиях она была бы неуловима, и наука бессильна была бы изучать цепь причин и следствий в данных явлениях.

«Свободная воля» опровергается наблюдением человека и целых групп.

Наблюдение показывает, что не случайно один человек ведет себя так, а другой иначе, не случайно жизнь одних народов сложилась одним образом, а других – другим. Не случайно совершаются общественные явления. Абсолютной свободы воли человека нет. Есть только относительная зависимость от одних условий, сменяющаяся зависимостью от других. В чем здесь дело, покажем ниже (см. гл. VIII).

Обусловленность поведения людей

Социология и ставит своей задачей вскрыть причины, определяющие собой характер поведения отдельных лиц и целых социальных групп. Она рассматривает человека как особый механизм чрезвычайно сложного устройства, действия которого подчинены законам необходимости. Иными словами, жизнь, устройство и деятельность как отдельных социальных групп, так и каждого человека социология считает не случайными, а закономерными, причинно обусловленными. *Вскрыть эти закономерности, данные в общественной деятельности людей, и является одной из ее задач.*

В данный момент эти задачи далеки еще от своего разрешения. Социология не может сейчас похвастаться, что механика общественной жизни ею раскрыта вполне. Но все же кое-что в этом направлении сделано. Во всяком случае, сделано настолько, чтобы достижение такой задачи не считать мечтой или несбыточной фантазией, а задачей осуществимой и осуществляемой.

Постановка вопроса

После этих предварительных замечаний мы можем перейти к решению поставленной задачи.

В применении к отдельным людям она гласит: 1) *от каких условий зависит поведение человека?* 2) *Какие силы (условия) влияют на это поведение и какие эффекты они в нем вызывают?* Иными словами, нельзя ли сформулировать ряд

теорем, указывающих на причинную связь между определенными поступками человека как следствиями и определенными условиями как причинами этих поступков?

Если бы достаточно глубоко и правильно удалось ответить на эти вопросы, то механизм человеческого поведения был бы раскрыт, а вместе с ним получено было бы объяснение различной судьбы различных людей.

В применении к *социальным группам* те же вопросы гласят: 1) *от каких условий зависят организация и весь уклад жизни различных социальных групп?* 2) *Чем объяснить их различие?* 3) *Какие условия (силы) влияют на организацию группы и на ход ее общественной жизни? Какие эффекты вызывает каждая из этих сил в общественной жизни?*

Теории «монистов» и «плюралистов»

Таковы основные задачи этой части социологии². Попробуем кратко ответить на поставленные вопросы.

Давно уже отдельные мыслители пытались решить их. Все ответы, которые давали они, можно разделить на две группы. Одни из социологов думали, что искомым условий немного; они хотели объяснить все поведение человека и ход общественной жизни посредством какого-либо одного условия. Другие условия они считали или совершенно неважными, или имеющими второстепенное значение. Такие теории принято называть монистическими. Так, одни из социологов (напр. Конт и Де-Роберти) в качестве такого условия выдвигали знание. Поведение человека, говорили они, зависит от его убеждений и верований. А характер последних зависит от знания. Знанием же определяется и ход общественной жизни. Каково будет знание народа, таковым будет его устройство, уклад его жизни и характер общественных процессов. Другие социологи (напр. Маркс, Энгельс и марксисты) в качестве такого основного условия выдвигали *экономику*, под которой они разумели, прежде всего, *способы добывания средств существования*, или состояние производительных сил. Каковы способы производства группы – такой будет и организация группы, так гласит их положение. Третьи, Тард

² В целях краткости в данном учебнике я ограничиваюсь изложением только I-й части «Социальной механики», исследующей силы, влияющие на поведения людей. Остальные две части «Социальной механики», изучающие: 1) характер и механизм социальных процессов, отвечающие на вопросы: как питается данная группа, какие институты в ней существуют для выполнения данной функции и почему они таковы, как размножается соц. группа, как она учится и как циркулируют в ней знания и т. д., с одной стороны, с другой – 2) изучающие механику социальных процессов *на анализе судеб личности*, показывающие, почему жизнь личности сложилась так, а не иначе, – эти две части «Социальной механики» совершенно не будут затронуты мной ввиду отсутствия места. В будущем, при лучших типографских условиях, они будут введены в учебник. Подробная трактовка всех этих вопросов будет дана в 3, 4 и 5 томах «Системы социологии», если им суждено выйти в свет^{16*}.

и др., таким основным условием считали явление *подражания*; четвертые (напр. Дюркгейм) – явление *разделения труда*; пятые (Гумплович) – *расу*; шестые (Ле Пле, Ратцель и др.) такое основное условие видели в *характере географических условий*; седьмые (Кост) – в *росте населения* и т. д.

Все эти «монистические» теории характеризуются тем, что они пытаются объяснить поведение человека и общественную жизнь с помощью какого-либо одного условия или фактора, другим условиям они придают ничтожное или второстепенное значение. Другую группу теорий составляют теории *плюралистические*. Они полагают, что поведение людей и ход общественной жизни не объяснимы с помощью одного условия. Эти явления слишком сложны; они зависят от многих условий; здесь действует не одна, а много сил. Поэтому и объяснять их следует не с помощью одного условия, а *многих условий или факторов*. Таково основное положение «плюралистов».

Критика монистических теорий

Спрашивается: которое же из этих двух течений правильное? Второе, плюралистическое. Почему? Потому, во-первых, что с помощью одного условия ни одному «монисту» не удавалось объяснить поведение людей и ход общественной жизни; во-вторых, явления гораздо более простые, чем поведение людей, напр. явление простого движения неорганических тел, и то не удается объяснить путем одного условия. Движение неорганических тел (земли, планет, камня и т. д.) и то наука принуждена объяснять с помощью, по меньшей мере, двух условий: тяготения и инерции. Тем более необъяснимо с помощью одного условия сложнейшее явление в мире – поведение людей. «Монисты», пытающиеся это сделать, похожи на доктора, который все болезни стал бы лечить одним лекарством, напр. водой; польза такого лечения сомнительна. Столь же сомнительны объяснения монистов. В-третьих, ошибка их ясна и из следующего. Так как человек представляет собой, прежде всего, материальную массу, то в силу этого он подчинен законам физики и химии или силам неорганического мира. Далее, он представляет собою организм, поэтому поведение его подчинено силам биологическим, от которых зависит жизнь и поведение всякого организма; наконец, человек живет в обществе подобных себе существ и одарен сознанием или психикой, значит, поведение его зависит от сил социально-психических. Отсюда видно, что свести все эти условия – физико-химические, биологические и социально-психические – к одному условию нельзя; невозможно поэтому и объяснять поведение и общественную жизнь людей с помощью одного условия или характера.

Этих соображений достаточно, чтобы признать монистические теории ложными.

***Основные группы сил,
влияющие на поведение и общественную жизнь людей***

Раз поведение людей и общественная жизнь социальной группы зависят от многих условий, *каковы же эти условия? Какие силы определяют собой деятельность людей?* Их много. Но они могут быть сведены к небольшому числу определенных групп. *Все силы, влияющие на поведение людей и определяющие собой характер их совместной жизни, могут быть сведены к трем основным разрядам: 1) к разряду космических (физико-химических) сил или «факторов»; 2) к разряду сил биологических; 3) к разряду сил социально-психических.*

Совокупность сил, входящих в эти разряды, определяет поведение каждого из нас, организацию любой социальной группы и ход общественных событий. Каждое из этих условий или сил, *определяющих собой поведение и жизнь людей, будем называть «раздражителем» человеческого поведения или «фактором» общественных событий.* Термины «сила», «фактор» и «раздражитель» будут употребляться нами как равнозначные. Теперь перейдем к более подробному изучению влияния различных раздражителей космического, биологического и социально-психического порядка.

Литература: «Система логики» Д.С. Милля, главы, посвященные учению о причинности; А.И. Чупров: Очерки по теории статистики; Майр: Закономерность в общественной жизни; Его же: Статистика и обществоведение, т. I и II; Кетле: Социальная физика; Сорокин: Теория факторов в социологии М.М. Ковалевского (в сборнике памяти М. Ковалевского).

«Новые идеи в экономике». Сб. № 5 (статьи Кондратьева, Туган-Барановского, Ксенополя и др.); Пирсон: Грамматика науки.

Глава VI. Влияние космических сил (раздражителей) на поведение и общественную жизнь людей

Простые и сложные космические раздражители

Первую группу раздражителей, определяющих собой поведение и жизнь людей, составляют условия *космического порядка*.

Под ними следует разуметь все силы и явления мертвой природы, изучаемые физико-химическими науками. Они могут быть простыми и сложными. Примером простых космических раздражителей поведения людей могут быть такие явления, как *свет, звук, теплота, цвет, влажность, электричество* и т. п. физико-химические явления. Сложные космические раздражители состоят из простых путем различных соединений их. Таковы *климат данного места, гористость или долинность последнего, распределение воды и суши, изрезанность данного места реками или отсутствие последних, состав и характер почвы, смена времен года, чередование дня и ночи и др. космические условия.*

Как отдельный человек, так и целая совокупность людей находятся и живут посреди множества космических условий, в своей совокупности составляющих космическую среду. Эти условия непрерывно воздействуют на нас, непрерывно нас «раздражают» и заставляют нас реагировать (отвечать) на эти раздражения. Холод вынуждает нас совершать поступки, направленные на то, чтобы согреться (напр. застегнуть пальто, истопить печку, зажечь костер, перейти из холодного помещения в теплое и т. п.). Свет и темнота, в свою очередь, вынуждают нас к ряду других поступков. То же, как увидим сейчас, приходится сказать и о других космических раздражителях. Все они служат «толчками», то и дело «дергают» нас и вызывают от нас ряд ответных актов на свои толчки.

Остановимся, для примера, на более подробном рассмотрении двух-трех простых космических раздражителей. Возьмем такие явления, как свет, температура или звук.

Влияние света и темноты

Влияют ли свет и темнота на поведение людей и обуславливают ли они ряд явлений в общественной жизни? Собственное наблюдение каждого дает поло-

жительный ответ на этот вопрос. При свете мы ведем себя иначе, чем в темноте. Свет является необходимым условием для большинства наших действий. В темноте мы не можем ни писать, ни читать, ни делать всякое сколько-нибудь сложное дело. Наше настроение при свете иное, чем в темноте; в последней многие люди чувствуют себя жутко, испытывают страх, тревогу и т. д. Свет необходим для здоровья. Без него люди хиреют. А поведение здорового и хилого резко различны друг от друга.

Из этих обыденных фактов мы видим, что *свет и темнота действительно влияют на наше поведение.*

Так как естественная смена света (дня) темнотой (ночью) зависит не от нашей воли, так как она является условием космического порядка, то отсюда следует, что космические условия не безразличны для поведения людей.

Влияя на последние, они тем самым *влияют* и на *общественную жизнь*. Наблюдая последнюю, мы видим в ней смену периода бодрствования людей периодом отдыха. Бодрствование обычно совпадает со светлыми часами суток, покой и сон – с часами ночными. Днем жизнь людей бурлит, кипит, пенится; ночью она затихает, замирает, засыпает.

Значит, *дневно-ночной ритм общественной жизни в последней основе вызван космическим процессом смены света и темноты.* Им же порожден и целый ряд других явлений общественной жизни. «Тяга людей к свету» проявляется и в *экономической жизни*: места, комнаты, квартиры и т. п. солнечные, световые ценятся обычно дороже, чем места темные и мрачные. В странах ослепительно светлых и жарких – наоборот. Проявляется эта тяга к свету и в *религии* в виде обоготворения света и солнца; дана она и в *поэзии*, в виде поэтических гимнов свету; дает она знать себя и на всем теле общественной жизни. Если бы не было искусственного света, то деятельность людей целиком зависела бы от смены дня и ночи: с наступлением последней им волей-неволей приходилось бы прекращать свою работу; от этого производительность соц. группы пала бы, предметов необходимости было бы выработано меньше, значит, они были бы дороже; раз дороже, то многие не могли бы приобрести их; нужда увеличилась бы; общее здоровье населения понизилось, смертность возросла, словом, социальная жизнь группы была бы существенно иной, чем в том случае, когда недостатка в свете не было бы. Сейчас в России, особенно в ее городах, с истощением запасов керосина и др. искусственных источников света мы видим указанное различие и зависимость общественной жизни от естественного света.

Из сказанного влияние света как фактора поведения и общественной жизни становится ясным.

В этом отношении мы были бы в полной зависимости от естественной смены света и темноты, если бы не имели в своем распоряжении *искусственных источников света* (лучина, факел, керосин, электричество и т. д.). Они искус-

ственны в том смысле, что «да будет свет» здесь зависит от человека, а не от природы. Им, а не от природы изобретены лампа, свеча, фонарь и др. виды искусственного света, позволяющие человеку освещать темноту, или наоборот – гасить свет и устраивать темноту среди естественного света. Такая возможность управлять светом и темнотой искусственно есть уже результат социально-психических условий, в частности знания. Знание позволило человеку создавать свет и темноту искусственно. Оно же, вместе с другими социально-психическими условиями или силами, делает человека менее зависимым от космического света и темноты; эти же силы позволяют ему и заставляют его день превращать в ночь, и наоборот, бодрствовать ночью и спать днем и т. д.; словом, они освобождают нас от подчинения этим космическим силам.

Основные теоремы

Итог всего сказанного можно сформулировать в виде следующих двух теорем или законов социальной механики:

1) *Космическое условие света и темноты влияет на поведение людей и вызывает целый ряд явлений в ряде областей общественной жизни: и в экономической, и в религиозной, и в поэтической, и в правовой, и в других.*

2) *Но степень зависимости поведения человека и общественной жизни от этих космических условий тем меньше, чем больше сумма социально-психических сил, находящихся в распоряжении данного человека или данной группы людей, сил, дающих возможность создавать искусственный свет и темноту.*

3) *Отсюда в качестве вывода следует третье положение: когда человек или социальная группа в своей деятельности оказываются во все большей и большей зависимости от естественного света и темноты, это значит, что они все более и более беднеют социально-психическими силами, освобождающими человека от их влияния, это значит, что они разоряются и теряют эти социально-психические богатства; и обратно: уменьшение зависимости поведения и общественной жизни людей от космического света и темноты означает постепенный рост соответствующих соц.-психических сил у данной группы людей.*

Так называемые культурные группы, имеющие в своем распоряжении различные источники искусственного света (газ, керосин, электричество и т. д.), гораздо богаче соответствующими соц.-психическими силами, чем первобытный человек, почти целиком зависящий от естественного света и темноты. Население России за последние годы беднеет в этом отношении, ибо оно становится все более и более зависимым от этих космических условий; источников искусственного света в его распоряжении делается меньше и меньше. Из властелинов света и темноты мы становимся постепенно рабами этих космических условий.

Влияние температуры

Все сказанное о свете с надлежащими изменениями применимо и к такому космическому раздражителю, как *температура, или естественная теплота и холод*. Эти космические условия также являются «раздражителями» поведения людей. Ими вызван и вызывается к жизни целый ряд явлений общественной жизни.

В силу свойств человека он может жить не во всякой температуре. Как сильный холод, так и жар одинаково неблагоприятны для жизни. Крайние температуры делают последнюю невозможной. Места, неблагоприятные по температуре, заставляют человека удаляться от них в места с подходящей температурой. Отсюда следствие – наиболее населенными частями земли оказываются области, благоприятные в температурном отношении. Значит, *естественная температура влияет прежде всего на место оседлости человека*. Это отчетливо подтверждается следующей таблицей плотности населения территории Сев.-Амер. Штатов.

Градусы температуры (по Фаренгейту)	Плотность населения на 1 кв. милю (1890 г.)
Ниже 40	4,69
40–45	12,51
45–50	28,61
50–55	31,02
55–60	22,78
60–65	17,89
65–70	14,16
70–75	7,49
Выше 75	3,59

Из этой таблицы видно, что области Америки с крайними температурами населены слабо или совсем не заселены. Места с благоприятной температурой заселены плотно. То же наблюдается и всюду.

Влияние космической температуры, однако, этим не исчерпывается. Оно сказывается на всем поведении человека и во всех областях общественной жизни. Холод и жар заставляют нас совершать тысячи разнообразных поступков. Холод вынуждает нас надевать теплую одежду и ее застегивать, жар – одеваться в легкий костюм; холод заставляет нас топить печи, разводить костер, покупать дрова, устраивать теплые помещения, приобретать теплую одежду, укрываться теплыми одеялами, стремиться от мороза в теплынь и т. п.; жар побуждает к обратным действиям: к купанью, к стремлению в тень, в прохладные места, к приобретению легкой одежды, к прекращению топки, к усиленному утолению жажды и т. д. Далеко не одинакова и наша деятельность в разных температурных условиях: при большом морозе или чрезмерной жаре мы не можем выполнять

ряда работ; они же влияют и на продуктивность работы. Они влияют и на наше здоровье, а через него – на все наше поведение и на величину смертности в населении.

Не будь этих космических раздражителей, мы не выполняли бы бесчисленное множество подобных актов, наша жизнь была бы иной; иным был бы и весь ход общественной жизни.

Влияя на поведение членов группы, космическая температура влияет и на всю общественную жизнь. Это влияние сказывается во всех областях последней. В *хозяйственно-экономической области* космическая температура дает себя знать и в смене хозяйственной деятельности населения: в зимние месяцы не пахут и не обрабатывают землю, а делают это в течение весны, лета и осени, т. е. в течение теплых времен года; температура влияет на урожай, тем самым – на цену хлеба и др. продуктов, а через это на все благосостояние населения; температуре же обязаны мы целым рядом экономических явлений; дровяным и топливным вопросам, обширной дровяной, торфяной, нефтяной и угольной промышленностью; через топливо она влияет на все производство, ибо фабричные и заводские двигатели, как и большинство других машин и двигателей, могут работать только при определенной температуре; вода превращается в пар только при 100° Цельсия, а пар – двигает станки и машины. Словом, это космическое условие вызывает сотни и тысячи явлений в экономической деятельности людей. Проявляется оно и в других областях общественной жизни, например в правовой. В *правовой области* оно вызывает многочисленный ряд законов, напр., недавний декрет о дровяной повинности населения, декрет о десятиградусной температуре, выше которой населению Петрограда запрещается отапливать свои квартиры, декрет о реквизиции дров, теплой одежды и т. д. Сказывается влияние температурных колебаний, вместе с другими космическими условиями, и в таких явлениях, как количество преступлений в разные времена года, увеличение и уменьшение самоубийств в разные месяцы, количество зачатий и рождений и т. п. Так, статистика говорит нам, что преступления против личности (изнасилования, убийства, телесные повреждения) совершаются всего меньше в декабре, январе, в феврале и в марте; начиная с марта, они начинают расти и достигают наивысшей цифры в июне и июле, с августа они начинают падать. И это повторяется из года в год. Преступления имущественные (кражи) идут иначе: их всего меньше совершается в сентябре, с октября число их растет и достигает наибольшей величины в декабре и январе, далее они начинают падать, достигая низшего предела в августе и сентябре. Это колебание кривой краж также повторяется из года в год. Самоубийств всего больше бывает в мае. Зачатий всего больше совершается в течение летних месяцев: в мае, июне, июле и августе. И это явление также повторяется из года в год.

Если не прямо, то косвенно такое чередование явлений вызывается чередованием времен года и соответствующей природной температуры.

Не будь этого космического условия, все эти явления не имели бы места; поведение и общественная жизнь людей в этом случае имели бы совершенно иной характер. Мы не будем подробно следить за всеми явлениями, которые вызывает космическая температура. Из сказанного ясна несомненность этого влияния.

Если бы раздражители человеческого поведения исчерпывались космическими условиями, то мы находились бы в полной зависимости от естественной температуры. Но так как рядом с ними наше поведение определяется раздражителями иного порядка, в частности социально-психическими раздражителями, то эта зависимость относительная. Социально-психические силы, в частности знание, дают человеку возможность создавать искусственным путем нужную ему температуру. Мы можем создавать тепло там, где царит естественный холод, и обратно. Используя огонь, дрова, уголь, нефть, торф, создавая теплые помещения, одеваясь в теплые одежды, мы по своему желанию создаем ту температуру, которая нам нужна. Это уменьшает нашу зависимость от естественного холода или тепла. И эта зависимость тем меньше, чем больше в нашем распоряжении тех социально-психических сил, которые дают нам возможность создавать искусственную температуру. Этим сил в распоряжении культурных людей имеется в несравненно большем количестве, чем в распоряжении диких людей. Последние не умеют и не могут ни строить теплых помещений, ни устраивать печи, ни использовать силы электричества, нефти, торфа, ни создавать машины, передающие тепло на далекое расстояние, не производят теплой одежды и т. д. Все их средства борьбы с космической температурой ограничиваются простым костром, звериной шкурой да простой землянкой. Этим средств в цивилизованном обществе гораздо больше, поэтому оно менее зависит от космической температуры. Поэтому и здесь применимы те же теоремы, которые мы формулировали в применении к космическому свету:

1) *Влияние космической температуры несомненно.*

2) *Степень зависимости человеческого поведения и общественной жизни людей от нее обратно пропорциональна количеству социально-психических сил, дающих возможность человеку создавать искусственную температуру.*

3) *Увеличение зависимости от космической температуры означает уменьшение этих сил, и обратно.*

Влияние других простых космических условий

Таким же путем мы могли бы, далее, проследить и убедиться в влиянии других простых космических условий: в влиянии звука, цвета, космического электричества, инерции, тяготения, жидкого, твердого и газообразного состоя-

ния тел и т. д. Каждое из этих космических условий является раздражителем нашего поведения и фактором общественной жизни. Каждое из них похоже на веревку, которая постоянно «дергает» нас, заставляет совершать одни поступки и воздерживаться от других. Каждое из них вызывает в общественной жизни ряд институтов, явлений, процессов, которые без них не могли бы иметь места. Но ввиду краткости учебника мы не будем очерчивать влияние каждого из этих факторов. Сказанное о свете и температуре с соответствующими изменениями применимо и к ним.

Влияние сложных космических условий и космической среды вообще

Перейдем прямо к характеристике влияния сложных космических условий, представляющих соединение всех простых космических раздражителей: космической температуры, света, звука, влажности и т. п. *Совокупность всех таких космических условий образует космическую среду, которая окружает как отдельного человека, так и любое население со всех сторон.* Люди погружены в такую среду. Она постоянно воздействует на нас, постоянно «раздражает» нас и заставляет нас непрерывно реагировать на эти раздражения. Иными словами, мы должны постоянно *приспосабливаться* к этой космической среде и приспособлять ее к своим потребностям.

Любой человек и любое население живет в такой космической среде. Она дана, ввиду климата данного места, в виде определенного характера обитаемой местности: ее гористости или долинности, изрезанности или неизрезанности ее реками, состава и характера почвы, богатства или бедности земли металлами и минералами и т. д. Все это вместе взятое составляет среду, которая похожа на пеленки, окутывающие нас со всех сторон. Из нее непрерывно исходят «толчки», определенным образом влияющие на нашу жизнь и заставляющие нас приспособляться к ней. *Какова будет эта среда, таковым будет наше поведение и весь уклад жизни общества.*

Постараемся сжато охарактеризовать *влияние космической среды в целом на устройство и общественную жизнь любой социальной группы.*

Космические условия в целом, во-первых, определяют место *постоянного жительства социальной группы.* Местами обитаемыми являются места, по космическим условиям удобные для жизни; необитаемыми или мало населенными служат места, неудобные для жизни по своим космическим условиям (по климату, по почве, по удобству естественных путей сообщения и т. д.). Правильность этого положения мы видели выше. История заселения земного шара и карта населенности различных областей земли делают эту истину бесспорной.

Во-вторых, определяя место постоянного пребывания группы, космические условия обуславливают *уклад и общественную организацию населения.* Это

влияние достигается ими различными путями. Место постоянного жительства группы, удобное во всех отношениях, в частности богатое пищевыми запасами, вызывает *оседлую жизнь* населения. Место, не вполне благоприятное по космическим условиям, в частности бедное пищей, заставляет людей вести *кочевой образ жизни*. Оседлая жизнь ведет, далее, к постройке *постоянных и прочных жилищ*, кочевая жизнь делает такие прочные жилища лишними и невозможными; она заставляет устраивать легкие, быстро создаваемые и быстро уничтожаемые жилища, удобные для перевозки (кибитки, шатры, палатки, чумы, юрты и т. п.), но этим цепь следствий, вызываемых космическими условиями, не ограничивается. Оседлость или кочевье, вызванное ими, определяют определенный характер жилищ; это последнее, в свою очередь, вызывает ряд дальнейших следствий. Там, где население живет оседло и имеет постоянные и прочные жилища, там создаются *длительно существующие* коллективные единства. Длительно существующие группы, как мы видели, *из неорганизованных становятся организованными, из беспорядочных – упорядоченными*; они с течением времени превращаются в государство, значит, космические условия влияют и на то, где и когда возникает государственная группа. Оставаясь на одном месте, оседлая группа размножается, количество ее членов увеличивается, от этого сила государственной группы растет, дает ей возможность *вооруженной охраны* своей территории и возможность нападения на другие группы. Это ведет к войнам, к созданию *военных вождей и войска*. Все эти условия, в свою очередь, отражаются на характере организации группы, на характере *групповой власти и правовых отношений группы* и т. д.

Стальная пружина часов приводится в движение нашей рукой. Заведенная, она приводит в движение ближайшее к ней колесо; это колесо, начиная вращаться, задевает своими зубцами следующее, это последнее – дальнейшее и т. д. Заводя часы, мы через пружину приводим в движение и весь механизм часов. Нечто подобное движениям нашей руки, заводящей часы, представляет и влияние космической среды. Определяя место жительства людей и характер их жилищ, через посредство последних космические условия определяют и весь механизм общественной жизни. Жилище и оседлость, подобно пружине часов, определяют и вызывают возникновение государства и власти; власть группы начинает определять характер ее организации; характер организации группы обуславливает собой весь уклад групповой жизни и т. д. Таков механизм причин и следствий, вызываемых космическими условиями, приводящими в движение всю общественную машину.

К тому же результату космические условия приводят и иначе. Они определяют не только место жительства населения, оседлость или кочевье и т. д., но и *способы добывания средств существования данной группы, т. е. характер хозяйственно-экономической деятельности населения*. Исключая пока влияние

других факторов, мы можем сказать, что, *каковы космические условия, таковы-ми будут и способы добывания средств существования данной группы, т. е. ее хозяйственно-экономическая деятельность*. Население, живущее вдоль берега моря, с удобными бухтами и лесами, богатого рыбой, неизбежно разовьет у себя мореплавание, рыболовство и торговлю. Подтверждением служат древняя Греция, Финикия, современная Англия, Норвегия и т. д. Население, живущее на плодородной равнине, будет населением земледельческим. Таковы Россия, Венгрия, земледельческая Америка. Население степей, богатых травой, неизбежно разовьет у себя скотоводство; население мест, богатых углем, золотом и другими ценными металлами и минералами, разовьет угольную промышленность, добычу золота, серебра и др. ценных продуктов земли. Словом, *хозяйственная деятельность населения (при прочих равных условиях) определяется характером космической среды, в которой оно живет*. Исследуя космические условия любого населенного места, мы заранее дедуктивно можем предсказать хозяйственную деятельность населения этого места. Возьмем для примера Нормандию. Изучение космических свойств Нормандии дает нам следующие данные. 1) Климат Нормандии влажен и благоприятен для роста трав и разведения льна. Отсюда предположение: в Нормандии должно быть развито скотоводство и льноводство. 2) Почва Нормандии богата рядом ископаемых минералов. Отсюда предположение: в Нормандии должна быть развита добыча и обработка этих минералов. 3) В Нормандии множество мелких водопадов и течений, которые могли бы служить дешевыми источниками энергии для мелких фабрик и заводов. Отсюда предположение: в Нормандии должна быть развита мелкая промышленность в форме множества небольших предприятий, приводимых в движение этими мелкими водопадами и течениями воды.

Таковы предположения, диктуемые изучением космических условий Нормандии. Фактическая проверка этих предположений вполне подтверждает их.

На основании изучения космических условий различных областей России мы также могли бы предсказать хозяйственную деятельность населения этих областей. Знакомство с тундрой нас привело бы к предположению, что жители тундры должны и могут заниматься только оленеводством, охотой и рыболовством; жители черноземной России должны заниматься земледелием; жители степей – скотоводством и отчасти земледелием; жители Кавказа и прикаспийских районов, богатых нефтью, должны развить богатую нефтяную промышленность; жители Донецкого бассейна, богатого углем, должны заниматься добыванием угля; в Туркестане, удобном для произрастания хлопка, должна быть развита добыча хлопка; на Урале, богатом железом, золотом и др. металлами, должна быть металлодобывающая и обрабатывающая промышленность; области, богатые лесом, должны развить лесной промысел и т. д.

Фактическое изучение хозяйственной жизни населения вполне подтверждает эти предположения. Космическая среда России положила вполне определенный отпечаток на всю нашу историю и продолжает влиять на нее и теперь. «Речная сеть русской равнины оказала сильное действие на разделение народного труда по местным естественным условиям. По большим рекам, как главным торговым путям, сгущалось население, по ним возникали торговые средоточия, древнейшие русские города... По ним же сложились потом политические области, земли, на которые долго делилась страна. Киевская земля – это область Днепра, земля черниговская – область Десны, ростовская – область верхней Волги и т. д.» «Лес сыграл крупную роль в нашей истории. Лес оказывал русскому человеку разнообразные услуги хозяйственные, политические и даже нравственные: обстраивал его сосной и дубом, отапливал березой и осиной, освещал его избу березовой лучиной, обувал его лыковыми лаптями, обзаводил его домашней посудой и мочалом. Лес питал народное хозяйство пушным зверем и лесной пчелой. Лес служил самым надежным убежищем от внешних врагов, заменяя русскому человеку горы и замки. Само государство могло укрепиться только под прикрытием лесов со стороны степи. Лес служил русскому отшельнику убежищем от соблазнов мира... По лесам свивались и гнезда разбоя». Лес наложил отпечаток и на весь душевный мир русского человека. «Сонная дремучая тишина леса пугала его, в глухом, беззвучном шуме его вековых вершин чувалось что-то зловещее. И древнерусский человек населил лес всевозможными страхами. Лес – это темное царство лешего одноглазого, злого духа-озорника». «Степь, поле, оказывала другие услуги и клала другие впечатления. Она способствовала развитию хлебопашества на открытом черноземе и развитию скотоводства на травянистых степных пастбищах. Степь же заключала в себе и важные исторические неудобства. Отсюда постоянно грозил степной азиат своими набегами. Продуктом степи явился “козак – бездомный и бездольный”, “гуляющий” человек, человек вольный, беглец от общества, удалец, мастер все разорить, но не любивший и не умевший ничего построить...» «На реке зато русский человек оживал и жил с ней душа в душу. Он любил свою реку – и было за что. При переселениях река указывала ему путь; при поселении она – его неизменная соседка. В продолжение постной части года она кормила его. Для торговца она – готовая летняя и даже зимняя дорога. Русская река приучила своих прибрежных жителей к общежитию и общительности. Река воспитывала дух предприимчивости, привычку к артельному действию, заставляла размышлять и изловчаться, сближала разбросанные части населения, приучала чувствовать себя членом общества, наблюдать нравы и интересы чужих людей, меняться товаром и опытом, знать обхождение»^{17*}. Оказала свое влияние и обширная, без конца и края, русская равнина на всю нашу историю.

Таковыми чертами характеризует В.О. Ключевский влияние русской природы на нашу историю. Это влияние она продолжает оказывать и теперь. То же влияние оказывает природа любого места на его население.

Космические условия определяют не только хозяйственную деятельность населения, но и весь уклад его жизни. Исключая различия, внесенные действием социально-психических факторов, в общем и целом *народы, живущие в сходных природных условиях, имеют и сходный уклад жизни; народы, обитающие в различных природных условиях, имеют и различный образ жизни.*

Народы, жившие и живущие в степях и пустынях, во многом сходны друг с другом. И древние скифы, и современные киргизы, жившие в одинаковых космических условиях, во многом подобны друг другу. Их главная хозяйственная деятельность – скотоводство и пастушество. Образ жизни – кочевой. Жилища – легкие и подвижные. Торговля ведется караванами. Пищей является молоко и мясо. Весьма часты столкновения, взаимные грабежи и завоевания и т. д.

Совершенно отличны от них по укладу жизни *народы горные*, живущие в горной природе. Эта природа резко отлична от степей и пустынь. Весьма отличаются от степных народов и горцы. Но зато все горные народы во многом сходны друг с другом. Удобными местами обитания в горах служат горные плоскогорья. Жилища горцев обычно находятся здесь. Занятие их – пастушество и земледелие на горных площадках. Жизнь сурова, поэтому у горцев особенно остро ведется борьба за существование. С ростом населения вся группа не может прокормиться, поэтому развивается уход части населения в другие места. Горы служат отличным убежищем гонимых, преступников и вообще независимого населения. Отсюда – независимость горцев, их смелые набеги на чужие страны, процветание грабежа и разбоя в горных странах. Горы мешают общению населения с другими народами. Всякие новшества сюда проникают с трудом. Отсюда консерватизм горцев; их жизнь меняется медленно, нравы и обычаи, иногда самые нелепые, здесь сохраняются веками. Сходны горные народы друг с другом и по темпераменту, характеру, вспыльчивости и душевному укладу. Несмотря на большие пространства, отделяющие Кавказ, Пиренеи и Сицилию друг от друга, горные жители этих стран гораздо более сходны друг с другом, чем с жителями соседних долин или мест, резко отличных от горной природы.

Природа *морского берега или морского острова* резко отлична от природы степей и гор. Иной поэтому и уклад жизни жителей морских берегов и островов. Зато уклад жизни различных народов прошлого и настоящего, живших и живущих по берегам моря и на островах, во многом сходен друг с другом. То же приходится сказать и о жителях *тундр*, и о жителях *равнин*, и т. д.

Влияние космических условий сказывается прямо или косвенно на всех сторонах жизни населения: правовые и нравственные убеждения горца весьма резко отличны от права народов, живущих в иных условиях. Такие явления, как

убийство стариков, убийство детей, или многожество, или педерастия, явления, часто встречающиеся у народов, живущих в местах, бедных пищей, – такие обычаи народами, богатыми пищей, считаются безнравственными. Поэзия жителя тундры не похожа на поэзию горных народов; их песни, сказки, поэмы, былины различны, их герои – тоже, напевы – не похожи. То же приходится сказать и о других народах. Различными будут и верования, и нравы, и обычаи населения, живущего в разных природных условиях.

Таково вкратце влияние космических условий в целом. Мы видим, что это влияние несомненно. Оно сказывается в тысяче форм. *Не учитывая его, мы не в состоянии объяснить себе многие явления в общественной жизни людей. Без учета роли космических условий мы не можем объяснить и различий в образе жизни и в занятиях разных социальных групп.* Когда же мы принимаем во внимание их влияние – многое для нас становится ясным. Мы начинаем понимать, почему мы сами и другие люди ведем себя неодинаково в разных природных условиях, почему жизнь и организация одного народа сложилась так, а в другом иначе. Раз космические раздражители меняются (они иные зимой, чем, напр., летом), то, очевидно, должно соответствующим образом изменяться и поведение людей. Раз природные условия различны в разных местах, то, очевидно, жизнь и занятия населения этих мест не могут быть одинаковыми. Самоеды, живущие в неплодородной тундре, очевидно, не могли сделаться земледельцами или заниматься добычей угля, и обратно, житель плодородных равнин или южных степей не мог, подобно самоеду, сделаться оленеводом: олени в равнинах и в южных степях не водятся.

Природные условия каждого общества накладывают могучий отпечаток на всю его жизнь. И отдельно взятые, и взятые в своей совокупности, они представляют первый разряд сил, влияющих на жизнь и поведение людей и народов.

Из сказанного уже достаточно правдоподобной становится мысль о законности общественных явлений и об обусловленности человеческого поведения причинной необходимостью. Мы видим, что «свободная воля» человека – красивая и приятная сказка, а не быль. *Поведение людей и общественные явления подчинены, как и все, законам необходимости.* Но так как эти явления весьма сложны, то нелегко распутать здесь цепь причин и следствий. Потому-то и казалось многим, что в мире человеческих явлений царствует не необходимость, а свободная воля. Теперь с этой приятной мечтой приходится расстаться.

Все предыдущее дает основание для следующей общей теоремы. *Космическая среда как совокупность природных условий является фактором, определяющим поведение человека, уклад и ход общественной жизни.* Это значит, что поведение людей, общественная организация группы, жизнь, занятия и судьбы последней зависят от природных условий.

Ограничение влияния космических факторов другими факторами

Спрашивается теперь: *абсолютна ли эта зависимость? Всегда и всюду ли она одинакова? Не имеет ли она различные степени?*

Эта зависимость была бы абсолютной в том случае, если бы силы, которые влияют на жизнь и судьбу людей, исчерпывались космическими силами. Но выше мы указали, что дело обстоит не так. Общественная жизнь людей зависит не только от космических условий; на нее влияют раздражители биологические и социально-психические. Потому-то влияние космической среды силами этих последних разрядов может быть видоизменено и уничтожено. Потому же *зависимость человека от природы может иметь различные степени, начиная с полной подчиненности природным (космическим) условиям и кончая подчинением их себе, властвованием над ними.*

Если бы космические условия имели абсолютное влияние на поведение и жизнь людей, то, очевидно, люди и группы, живущие в сходных условиях природы, должны были бы быть совершенно сходными друг с другом. Между тем обычное наблюдение говорит нам обратное. Чукчи и эскимосы, напр., живут в сходных условиях природы, но они кое в чем отличаются друг от друга: эскимосы имеют снежные дома, у чукчей их нет. Есть и другие различия между ними.

Ряд областей России по характеру природы похожи на ряд областей Северной Америки. Но население этих областей России и Америки по своей организации и укладу жизни *весьма резко* отличается друг от друга.

Если бы, далее, зависимость людей от космической среды была полной, то в одном и том же месте при неизменных космических условиях поведение людей и их общественная жизнь должны были бы быть неизменными и тождественными. Между тем мы видим обратное. Космические условия центральной России за последние два столетия мало изменились: климат остался прежний, гористость и долинность земли та же, реки текут по-старому, почва осталась той же. Словом, космическая среда осталась в общем неизменной. Неизменной должна была бы остаться и жизнь населения центральной России. Между тем она за эти два века резко изменилась. При Петре Великом поведение и жизнь этой области *были совершенно иными, чем в наше время*: иной была хозяйственная деятельность людей того времени, иной была организация власти, иными были верования и убеждения населения, иными были исторические события, короче – все было иным. Космическая среда не изменяется, а жизнь и поведение людей меняются из года в год. В 1914 г. русские жили иначе, чем в 1919 г. За несколько лет произошли громаднейшие изменения. Значит, причина этих изменений не может заключаться в космических условиях, раз они остались прежними. Значит, влияние их не решающее. Наряду с ними, выходит, работают еще иные силы, которые и вызывают эти изменения.

Если бы, далее, космические условия имели абсолютное значение, то люди должны были бы тонуть в воде, ибо они тяжелее воды; а мы видим, что они прекрасно плавают по океанам на прекрасных пароходах. Очутившись в воздухе, люди должны были бы падать вниз; мы видим, однако, что они на аэропланах поднимаются и реют в выси неба. Где была вода – там люди устраивают сушу, на месте гор делают равнины, в непроходимых утесах пробивают туннели, болота превращают в прекрасные пастбища, безводные пустыни – в плодородные поля. Словом, *люди не только зависят от космической среды, не только приспосабливаются к ней, но и сами приспосабливают ее к своим потребностям, видоизменяют ее по своему произволу, властвуют над ней, подчиняют ее своим целям.*

Это означает, что *влияние космической среды не абсолютно, что есть другие силы и условия, которые позволяют человеку видоизменять это влияние, уменьшать свою зависимость от природы, освобождаться от деспотизма космических раздражителей.*

Такими освобождающими силами являются силы биологические и в особенности – социально-психические. Они уменьшают власть природы над человеком. Они позволили и позволяют ему стать из раба природы ее господином.

Чем развитее человек или группа людей, чем выше и точнее их знания, тем больше количественно и качественно объем социально-психических, и отчасти биологических, сил, имеющихся в распоряжении человека или общества, тем зависимость их жизни и поведения от космических условий меньше, тем посредственнее влияют последние на ход исторических событий, тем дальше человек от положения раба природы и тем ближе он к положению властителя и повелителя космических сил.

Иными словами, степень зависимости поведения людей и общественной жизни группы от космической среды обратно пропорциональна количеству и качеству социально-психических сил, имеющихся в распоряжении данной группы.

Легко видеть, что зависимость населения Англии от космических сил гораздо меньшая, чем зависимость дикарей или первобытной группы. Последние – рабы природы, первые – цари космических сил.

Отсюда третья теорема: *если в какой-либо группе (напр. в русском населении сейчас) ее зависимость от одних и тех же космических условий растет, это верный признак обеднения этой группы социально-психическими силами.*

Это значит, что ее социально-психические богатства уменьшаются; чем быстрее эта зависимость растет, тем быстрее, значит, группа тратит свои социально-психические силы, тем быстрее это ужасное разорение происходит, и обратно, *если зависимость группы от космической среды уменьшается, это верный признак обогащения группы социально-психическими силами.* Чем быстрее эта зависимость падает, тем, значит, быстрее происходит накопление социально-психических сил, представляющих величайшее сокровище из всех богатств мира.

На основании этой теоремы следует признать, что население России (а отчасти и всего мира) за годы войны и революции растратило громадную долю своих соц.-психических сил. Быстрыми шагами идем к величайшему банкротству из всех мыслимых банкротств мира. За эти годы из властителей природы мы стали ее рабами. Если и впредь ход событий пойдет так же, если мир не воцарится, от этого рабства – рабства перед слепой природой – нас не спасут никакие декреты и конституции. *Абсолютное рабство человека и абсолютный деспотизм природы – вот то, что несут на острие штыка все ревнители освободительной войны, ведущейся для уничтожения угнетения человека человеком и всех войн вообще. Растрачивая силы во взаимной борьбе, люди попадают в рабство перед природой.* Таково в основных чертах влияние космической среды и основные законы, определяющие это влияние.

Литература: Ключевский: Курс русской истории, т. I, лекции III и IV; Майр: Статистика и обществоведение, т. I и II; Его же: Статистика и социология; Гернет: Преступление и борьба с ним, с. 378–384; Дюркгейм: Самоубийство; Л. Мечников: Цивилизация и великие исторические реки; Demolin: Comment la route creé le type social; Доленги: Важнейшие моменты в истории мысли, первые главы; М. Ковалевский: Современные социологи, гл. о географической школе; Хвостов: Социология (гл. об антропогеограф. школе); Барт: Философия истории как социология (гл. об антропогеограф. направлении); Ратцель: Антропогеография; Спенсер: Основания социологии, т. I, §§ 1 по 24. – Полезно также познакомиться с курсами экономической географии. – Марек: Человек и лес. «Природа», 1913, сентябрь.

Глава VII. Влияние биологических сил (раздражителей) на поведение и общественную жизнь людей

§ 1. Главнейшие биологические раздражители

Биологические потребности как раздражители

Человек является одним из организмов. Отсюда следует, что он подчинен силам и условиям, которым подчинены организмы вообще. *Таковыми условиями служат все условия, сохраняющие жизнь организма и данные вместе с последними.* Любой организм, чтобы жить, должен удовлетворять свои основные потребности. Таковы потребность в пище, в размножении, в самосохранении. Никакое живое существо не может жить, не удовлетворяя этих потребностей. Они даны вместе с организмом и от него неотделимы. Они наследственны. Они бессознательны. Они представляют не личное достояние того или иного отдельного организма, не результат личного научения или опыта, а достояние всех организмов, свойство всякой живой материи. Они получаются вместе с организмом.

Все такие потребности: а) получаемые вместе с организмом, б) наследственные, в) не зависящие от сознания и личного опыта, г) свойственные всем живым организмам, – представляют собой биологические, или жизненные, потребности. Их называют еще рефlekсами и инстинктами.

Потребности, удовлетворяющие этим признакам, составляют то, что мы называем биологическими факторами поведения и общественной жизни людей.

Легко понять, почему они могут считаться факторами. Когда любая биологическая потребность не удовлетворена (напр. голод), она повелительно требует удовлетворения, подобно пару, толкает человека к ряду действий и поступков, направленных на ее удовлетворение. В самом прямом смысле она представляет «двигатель» или «мотор», заставляющий человека действовать, и действовать в определенном направлении.

Главнейшими из таких биологических потребностей будут: 1) потребность питания; 2) потребность половая (размножения); 3) потребность индивидуальной самозащиты; 4) потребность групповой самозащиты; 5) бессознательное подражание; 6) потребность движения; 7) другие физиологические

потребности: сна и покоя, бесцельного расходования излишней энергии (игры), удаления из организма мочи и кала и т. п.

Флора и фауна как раздражители

Рядом с этими факторами к числу биологических раздражителей мы должны отнести все раздражения, исходящие от растительных и животных организмов, окружающих человека. Из обыденного опыта мы знаем, что на жизнь и поведение человека влияют не только люди, но и другие организмы, с которыми он приходит в соприкосновение. Напр., в местах, богатых хищными зверями и дичью, человек будет вести себя иначе, чем в местах, где их нет. Жизнь и поведение людей зависят не только от крупных животных организмов, но и мелких: места, богатые холерными или чумными бациллами, вызывают в мире людей эпидемии, усиленную смертность или ряд мер, направленных на борьбу с этими врагами. Влияет на поведение людей и характер окружающего их *растительного мира*, т. е. раздражения, исходящие от растительных организмов. В лесу человек принужден вести себя иначе, чем на лугу. Места, богатые фруктовыми деревьями или годными для пищи растениями, делают удовлетворение голода и поддержание жизни гораздо более легкими по сравнению с местами, бедными такими растительными организмами. Иными словами, *фауна* (мир животных организмов) и *флора* (растительный мир) оказывают влияние на поведение людей. Ряд действий человека (акты борьбы, приручения животных, явление эпидемий, болезней и т. п.) вызываются раздражителями, исходящими от окружающих его растительных и животных организмов. Все подобные раздражители приходится отнести также к группе биологических раздражителей или факторов.

Наследственность как фактор

Дальнейшим важным биологическим условием, весьма сильно влияющим на поведение людей, служит явление *биологической наследственности*.

Привычка и условные рефлексy как факторы

Из остальных биологических раздражителей упомянем еще про *биологический механизм образования условных рефлексов в связи с явлением повторения и образования привычных актов или привычек*. Что я разумею под этими словами, будет разъяснено ниже.

Таким образом, главнейшими биологическими раздражителями являются: 1) *основные перечисленные биологические потребности*; 2) *флора и фауна*; 3) *наследственность*; 4) *привычки и условные рефлексy*.

Важность биологических раздражителей

Эти раздражители представляют тот пар, который толкает людей на действия. Они же в значительной степени определяют форму человеческого поведения. Они же лежат в основе большинства общественных институтов. Биологические силы служат теми глубинными течениями, которыми обуславливается ход исторических событий и общественных процессов. Эти животные инстинкты были и остаются до сих пор главными пружинами общественных движений. Человек в этом смысле все еще является зверем. Силы цивилизации или силы социально-психические пока что все еще похожи на тонкую пелену, которая сплошь и рядом рушится под натиском этих биологических сил. «Поскребите любого цивилизованного человека, и под ним вы найдете животного». Это изречение если не вполне, то в значительной части все еще остается правильным. Правда, с поступательным ходом истории значение социально-психических сил растет. Но сейчас их роль еще не настолько значительна, чтобы вполне господствовать над биологическими силами. Последние все еще представляют главные пружины нашей деятельности, действующие часто без ведома и вопреки действию социально-психических сил. Перейдем к краткой характеристике указанных биологических сил или факторов.

Литература: Шимкевич: Общие основы биологии; В. Вагнер: Биологические основания сравнительной психологии, т. I и II; Мак-Дауголл: Основные проблемы социальной психологии; Морган: Привычка и инстинкт.

§ 2. Потребность питания как фактор

Голод и жажда являются могучими двигателями человеческого поведения. Ими вызываются множество поступков человека. Им обязан своим существованием ряд социальных институтов и общественных процессов. Проследим кратко влияние этих раздражителей. Начнем с *влияния их на отдельные стороны человеческого поведения.*

Влияние голода на отдельные стороны поведения

Это влияние сказывается *на течении мыслей и представлений.* Голод нарушает нормальную смену их, врывается в их течение, чаще и чаще вызывает представления, связанные с пищей или имеющие к ней отношение, и вытесняет все мысли и представления, не имеющие отношения к удовлетворению данной потребности. Голодный или жаждущий человек может думать и думает только о хлебе и воде. Сосредоточиться на чем-либо другом – ему трудно, а при сильном

голоде – почти невозможно. «Только бы поесть или попить», – вот что заполняет все мысли и представления голодного человека. Подтверждением сказанному служат наши времена: куда бы ни пошел теперь, о чем бы ни заговорил, в конце концов разговор обычно съезжает на тему о голоде, о карточках, о столовых, о ценах на продукты и т. д. Голодная Советская Россия больше всего говорит о голоде, о пище и т. д.

Влияют голод и жажда и на *восприятия* человека. Голодный человек становится глухим ко всему, что не относится к пище. Все его внимание направлено на предметы и явления, связанные с удовлетворением голода и жажды. Становясь глухим ко всему побочному, он делается особенно чутким (в области обоняния, слуха, зрения) к предметам и явлениям, относящимся к этой потребности. То же можно наблюдать и на животных. Возьмите кусок хлеба и покажите его голодной собаке. Этим вы «прикуете» собаку к хлебу. Глаза, поза, все внимание собаки будет устремлено на хлеб. Куда вы повернете руку с хлебом, туда устремляется и собака. Если вы будете водить руку справа налево и обратно, соответственным образом будет поворачиваться и голова собаки. Все остальное перестает интересоваться ее; она становится «глухой» – ко всему иному. То же в более сложной форме происходит и с человеком.

Голод вызывает и *множество физиологических процессов* в организме, начиная с выделения слюны («слюнки текут») и кончая превращением всего организма в пищевой аппарат: органы, схватывающие и переваривающие пищу, при удовлетворении голода проявляют усиленную деятельность, к ним происходит приток крови и т. д. Словом, влияние голода на ряд отдельных сторон поведения человека проявляется во множестве форм и видов.

Влияние голода на все поведение в целом

Легко убедиться в огромном влиянии этого раздражителя и *на все поведение человека, взятое в целом*. Он поистине похож на пар, толкающий людей на одни поступки и направляющий их поведение в вполне определенную сторону – в сторону удовлетворения этой потребности. Под влиянием голода и жажды все усилия, вся энергия человека направляются на то, чтобы удовлетворить эту потребность. Для достижения этой задачи организм пытается преодолеть все препятствия и разрушить все препоны. *Под влиянием этого раздражителя обессиливаются и побеждаются все другие двигатели человеческого поведения.*

а) Нередко обессиливается *инстинкт самозащиты*. Ради того чтобы поесть, люди нередко рискуют жизнью. Примерами таких фактов могут служить вылазки людей из осажденного лагеря с целью добыть пищу или питье. В наше время такие примеры дают люди, воруящие овощи с огородов, рискуя подвергнуться

расстрелу; люди, подвергающиеся множеству опасностей в целях добыть и провезти хлеб, мясо, масло и т. п. по железным дорогам не для спекуляции, а для своих нужд и т. д.

б) Голод и жажда преодолевают *половой инстинкт*. При продолжительной голодовке половая потребность ослабляется и падает. Люди, при отсутствии голода чувствующие эту потребность и стремящиеся ее удовлетворить, при голоде таких актов не совершают. И обратно: из-за голода, «из-за куска хлеба» многие женщины отдаются, не чувствуя никакого полового импульса. История падения проституток говорит о том, что от 30 до 58% проституток начали заниматься этим ремеслом под влиянием нужды, в частности «из-за куска хлеба» (данные Обозненко, Дюшатле и Пилера).

с) *Сильный голод и жажда могут преодолеть и социально-психические раздражители поведения*. Они часто толкают человека к нарушению религиозных правил поведения (религиозного фактора). Под их влиянием люди верующие нередко едят запрещенную религией пищу: православные – скоромную пищу в пост, магометане – свинину, ряд диких людей – запретное (тотемическое) животное. Если бы не было голода, не произошло бы и таких нарушений заповедей религии. Голод и жажда преодолевают влияние *правовых и нравственных факторов*. Под их действием честные люди становятся преступниками, совершают кражи, разгромы, грабежи. Честный Жан Вальжан в романе В. Гюго крадет хлеб, чтобы накормить голодных детей. То же происходит и в массовом размере. Статистика краж показывает, что число их стоит в связи с колебанием цены на хлеб. В годы, когда цена пуда хлеба высока – краж много; когда хлеб дешев – кражи уменьшаются. Голод толкает мирных людей на разгромы. Мирные бабы и жители под влиянием голода часто начинают громить рынки, лавки, магазины. Больше того: голод заставляет иногда совершать чудовищные, необычные поступки. Летописи судов говорят нам, что при кораблекрушениях бывали случаи, когда культурные люди, голодавшие ряд дней в шлюпках, доходили до того, что убивали и съедали друг друга. Голод доводит нелюдоедов до людоедства!

Вообще говоря, под влиянием голода от человека можно добыть ряд необычных для него поступков, и обратно – удержать его от совершения поступков обычных. Исав в «Библии» продал право своего первородства за чечевичную похлебку. Сколько таких продаж совершается ежедневно! Сколько людей ежедневно «из-за куска хлеба» продают свои права, честь и совесть! В наше время не видим ли мы, как из-за добавочного полуфунта хлеба недовольные властью становятся «тихими», забастовщики успокаиваются, граждане продают свои неотъемлемые права, Исав, продавший свое первородство за чечевичную похлебку, – символ тысяч и десятков тысяч людей. Все сказанное делает громадное влияние голода и жажды на поведение человека несомненным.

Влияние голода на социальную жизнь

Раз голод и жажда представляют столь могучие раздражители поведения, естественно, влияние их должно проявляться и во всей социальной жизни. Любая группа людей, чтобы существовать, должна иметь учреждения, предназначенные для удовлетворения этой потребности. В любом обществе должны быть институты и явления, обязанные своим существованием этой потребности. Так оно и есть. *То, что называется хозяйственными и экономическими учреждениями группы, или короче – народным хозяйством, представляет в огромной своей части учреждения, вызванные к жизни потребностью питания и существующие благодаря ей. Таковы институты производства питательных благ: рыболовство, охота, земледелие, скотоводство, плодоводство; всевозможные фабрики, заводы, приготовляющие и обрабатывающие пищу: консервные, конфектные, фруктовые фабрики и заведения, булочные, хлебопекарни и т. д. Все эти и тысячи связанных с ними явлений и учреждений существуют и появились в обществе на почве потребности питания. Таковы далее институты обмена, предназначенные для обмена пищевых продуктов: хлебные, овощные и гастрономические лавки и магазины, хлебные, яичные, мясные и т. п. рынки, биржи, ярмарки и т. д.*

Таковы, далее, *институты потребления пищи: харчевни, трактиры, столовые, рестораны, кондитерские, закусочные, пивные и т. д. Таковы, наконец, многочисленные институты распределения пищи: комиссариаты и комиссии продовольствия, снабжения, пищевого обеспечения, всевозможные закупочные и реквизиционные комиссии, комиссии и группы, распределяющие и развозящие питательные продукты, и т. д.*

Словом, огромная часть явлений, изучаемых политической экономией, представляет социальные явления, вызванные к жизни изучаемой потребностью.

Влияние ее легко наблюдать и в других областях общественной жизни. Значительная часть *законов или правовых норм* представляет нормы, регулирующие питание и распределение между членами группы пищевых продуктов. «Хлеб наш насущный даждь нам днесь»^{18*} было и остается основным мотивом большинства *религиозных молитв, обрядов и заповедей*, начиная с основного обряда причащения, символизирующего питание человека. Голод и сытость – распространенная тема произведений искусства: литературы, живописи, скульптуры и т. д.

Словом, куда ни повернись, всюду можно видеть множество общественных явлений и учреждений, «выдавленных» на поверхность социальной жизни данным фактором.

Отсюда следует, что он должен проявлять себя и *в социальных процессах, т. е. быть постоянным и могучим фактором исторических событий.* Так оно

и есть. «Хлеба и зрелищ!»^{19*} было вечным лозунгом истории. Лозунг «Хлеба!» был и остается могущественным двигателем, «мотором» человеческих масс. Пока массы сыты – они спокойны. Как только наступает голод, массы начинают волноваться, социальный мир начинает трещать, разражаются волнения, иногда незначительные, иногда грандиозные, выливающиеся в великие революции. *Не случайно великие революции совпадают с голодными эпохами.* И наша революция началась с того же разгрома лавок и «голодного бунта». Так было во Франции, так было и в Англии. Масса терпит порядок и власть, пока она сыта или не вполне голодна. Как только голод своими костлявыми руками берет за горло народные массы – порядок и власть, мир и тишина падают. И чем сильнее голод – тем острее волнения, тем беспощаднее становится борьба за долю питания между отдельными лицами и группами населения. В этих случаях забываются право, мораль, религия и все «узды» социально-психического порядка. Человек, подобно голодному волку, начинает щелкать зубами и вырывать кусок хлеба из рук другого. Вечная борьба истории, борьба отдельных людей и слоев населения друг с другом была и остается в значительной мере борьбой за хлеб, за долю питательных благ. Голод – великая пружина, приводящая в движение механизм общественной жизни и придающая этому движению определенное направление и формы.

При большем объеме учебника можно было бы указать тысячи социальных процессов, из года в год повторяющихся, вызванных и вызываемых голодом. Но ограничимся сказанным. Из него могучее влияние потребности питания на поведение людей и ход общественных событий несомненно.

Ограничение фактора питания другими

Влияние потребности питания было бы абсолютным, если бы человеческое поведение зависело только от него, если бы не было других сил, определяющих жизнь и поведение людей. Мы уже знаем, что такие силы есть, что голод – только один из раздражителей.

Отсюда следует, что степень влияния этого раздражителя может быть различная. Это различие зависит: а) *от силы (интенсивности) самого голода и жажды;* б) *от силы и направления других раздражителей человеческого поведения.*

а) Если силу совокупного влияния последних предположим равной, то влияние потребности питания будет зависеть от интенсивности и напряженности последней. *Чем сильнее будет голод или жажда, тем (при прочих равных условиях) влияние их будет непреодолимее, более властное.*

б) Если предположим интенсивность голода и жажды одинаковой, то степень их влияния будет зависеть от силы и влияния других раздражителей.

Чем сильнее будут последние и чем противоположнее они будут действовать, тем (при прочих равных условиях) влияние потребности питания будет меньше. В этом случае оно может быть совершенно уничтожено давлением других факторов, действующих в противоположном направлении.

с) Оба эти закона можно объединить в один, который гласит: *степень влияния потребности питания как фактора при прочих равных условиях обратно пропорциональна влиянию других факторов, действующих в обратном направлении.*

Сказанное объясняет, почему в обычной жизни мы встречаем разные случаи влияния этого фактора, начиная с влияния абсолютного и кончая случаями ослабления или полного уничтожения этого влияния.

Случаи последнего рода дают примеры *аскетизма, сознательного голодания по разным мотивам и случай добровольной голодной смерти.* Мы знаем, что ряд аскетов под влиянием религии сознательно голодает, голодает днями, неделями, истощая организм и мужественно подавляя импульсы голода. Мы знаем, что ряд лиц в тюрьмах объявляет голодовки и голодает до смерти. Мы знаем, что многие люди сознательно отказываются от вкусной и питательной пищи, не желая нарушить религиозных заповедей, и т. д. *Все эти факты означают преодоление и полное подавление фактора голода действием других факторов.*

Рядом с ними даны *факты изменения и преобразования этого раздражителя действием других раздражителей.*

Так, в силу требований моды и нравов люди часто удовлетворяют голод пищей нездоровой и даже вредной и отказываются от продуктов здоровых и питательных. Таковы случаи употребления гнилого сыра (рокфора) аристократами, малопитательной пищи – верующими, случаи отказа от хорошей пищи (запретного религией мяса или молока, неупотребления магометанами свинины, рядом народов – зайца, уток, налимов и др. рыб и т. п.). Животные не обжираются. Они едят в меру. Эту меру указывает им сам инстинкт голода. Иное мы видим у людей. Обжорство, ведущее к ряду болезней, у них обычное явление. Это значит, что под влиянием других раздражителей механизм инстинкта питания у людей испорчен и разрушен. Все эти факты – а их множество – говорят о том, что под влиянием других факторов биологический импульс голода извращен и преобразован.

Те же факторы начинают изменять его влияние и иначе. Животные едят, когда они хотят есть. У них нет точных часов еды. Порядок и способы приема пищи у них регулируются самим инстинктом голода. Иное мы видим у человека. *Время и часы обеда, ужина, завтрака у человека определяются главным образом влиянием других факторов.* У каждого человека они распределяются в зависимо-

сти от его занятий, часов службы и т. д. Не служба и занятия приспособляются к голоду, а, напротив, голод-аппетит приурочивается к определенным часам, определяемым совокупностью соц.-психических факторов.

Не останавливаясь на других факторах, все сказанное о голоде и жажде как факторах мы можем прорезюмировать в следующих теоремах:

1) *Потребность питания действительно является фактором человеческого поведения и явлений общественной жизни.*

2) *Она толкает людей на одни поступки, удерживает их от других, вызывает и вызывает к жизни ряд социальных институтов, явлений и общественных движений.*

3) *Сила ее влияния зависит: а) от ее интенсивности, б) от силы влияния других факторов, действующих в противоположном направлении. Поэтому в одних случаях она может: а) парализовать и победить их, в других может быть парализована и побеждена ими, б) в третьих – ограничена и видоизменена в своем влиянии и в его формах. В зависимости от соотношения этих сил соответствующий характер приобретает и поведение людей.*

4) *Рост культуры, знания, вообще рост социально-психических сил ведет к разрушению инстинктивного механизма питания, к замене этого инстинктивного механизма правилами точной науки, т. е. к удовлетворению потребности питания согласно способам, устанавливаемым знанием. Так как сейчас биологический инстинктивный механизм полуразрушен, а соответствующих знаний и средств у людей – у масс – недостаточно, то неизбежным следствием такого положения дел служат вредные и болезненные извращения этого инстинкта: обжорство, неправильное питание, вкусовые извращения и т. д.*

Задача будущего – скорее пройти этот переходный период, и раз уж инстинктивный механизм питания разрушен, то необходимо на его место поставить правила здорового питания, вырабатываемые точной наукой. Дело последней – удовлетворительно разрешить эту задачу, дело людей – воспользоваться научными указаниями.

Литература: Петражицкий: Введение в изучение теории права и нравственности, ч. II; Акад. Павлов: Лекции о работе главных пищеварительных желез; – Курсы физиологии: главы о пищеварении; Гернет: Преступление и борьба с ним, с. 386–390; Гамсун: Голод; Мопассан: Бродяга; Четьи-Минеи в ряде «житий святых» дают много материала, изображающего борьбу с голодом аскетов. – Читай курсы истории отдельных народов: эпохи революций и эпохи голода. См., напр., Кропоткин: Великая французская революция; Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства, т. I и II (сборник, включающий статьи ряда авторов).

§ 3. Потребность размножения как фактор

Что половой инстинкт является раздражителем человеческого поведения – это не подлежит сомнению. Еще Будда характеризовал его как силу, «которая острее железа, укрощающего слонов, и горячее огня; он подобен стреле, вонзенной в человеческий мозг». Гете говорит, что вокруг голода и любви вертится вся история человечества. Древнее сказание гласило: разгневанное божество рассекло цельного человека на две половины. Из этих половин создались мужчина и женщина, и с тех пор они вечно стремятся друг к другу.

Подобно потребности питания, инстинкт размножения дан вместе с организмом. Его удовлетворение является необходимым условием существования рода человеческого. Этим объясняется его влияние и роль. Он подобен паре, толкающему людей на ряд действий; он служит могучим подводным течением, вызывающим на поверхность общественной жизни множество явлений, институтов и процессов.

Охарактеризуем кратко его влияние.

Влияние полового инстинкта на отдельные стороны поведения

Напряженное состояние полового инстинкта вызывает ряд *физиологических процессов* в организме, сводящихся к усиленной деятельности органов воспроизводительной системы. Весь организм человека (и животных) под влиянием этой потребности превращается в аппарат, направленный на удовлетворение половой потребности. Меняются движения человека, его поступки, внешний вид и т. д.

В мире *представлений и идей* влияние его сказывается в нарушении нормального течения психики путем вытеснения всех представлений и мыслей, не относящихся к этой потребности. Весь мир представлений человека заполняется «сладострастными» образами и представлениями. Сосредоточиться на чем-либо ином в такие моменты человек не может или может с большим трудом.

При сильной напряженности данного инстинкта нередко дело доходит до галлюцинаций и до «полового сумасшествия». Жизнеописания аскетов дают немало примеров подобного рода. Флобер в «Искушении св. Антония» и Толстой в «Отце Сергии» художественно изобразили нам психологию людей, находящихся под влиянием полового инстинкта. Недаром большинство аскетов падали на этой почве. Недаром сладострастные образы и видения преследуют их постоянно. Недаром «Жития святых» считают половое искушение излюбленным приемом сатаны для соращения праведников, а женщину – источником зла.

В области *восприимчивости* влияние полового инстинкта проявляется в усилении внимания и чуткости к предметам и явлениям, имеющим отношение к половой потребности, и в ослаблении внимания ко всему остальному. Человек, на-

ходящийся в возбужденном половом состоянии, «глух» ко всему постороннему к этой потребности.

Влияние его на поведение в целом

Побуждаемые этим «мотором» поведения, люди совершают множество самых разнообразных актов; он побуждает их влюбляться, искать встреч и свиданий с любимым, домогаться ответной любви рядом различных действий, он гонит развратника в дом терпимости; он заставляет заводить «романы», «интриги», он приводит в восторг одних, в отчаяние других; вызывает в людях самые разнородные переживания, начиная с «блаженного» состояния влюбленного и кончая сладострастным переживанием садиста. Он толкает людей на подвиги и прекрасные поступки (рыцарские турниры, искание славы для завоевания любви и т. д.); он же толкает их на убийства (на почве ревности) и на самоубийства (на почве несчастной любви). Словом, множество самых разнородных поступков человек выполняет под давлением данной силы.

Когда напряженность полового импульса очень велика, а другие силы, влияющие на поведение в обратном направлении, почему-либо не столь значительны, половой инстинкт может преодолеть их сопротивление; он может заставить человека действовать в соответствующем направлении, несмотря на противодействие других раздражителей.

а) Так, нередко он преодолевает сопротивление *инстинкта самосохранения*. Ряд лиц, толкаемые половым двигателем, ради одного взгляда, поцелуя, улыбки или обладания любимым человеком жертвовали жизнью или рисковали ею. В разных формах это проявляется и теперь.

В древности за недозволенные половые сношения полагалась смерть в виде наказания. Невзирая на это, люди совершали это «преступление» и платили за это жизнью.

Косвенно половой инстинкт весьма часто побеждает инстинкт самосохранения. Таковы все факты истощения организма на почве половых излишеств, пользования услугами проституции с риском заразиться тяжелыми болезнями и т. д.

б) Преодолевается им нередко и *влияние социально-психических факторов поведения*. Многие аскеты, монахи, священники и верующие люди, несмотря на религиозные запреты, несмотря на погибель души и прочие религиозные угрозы, в которые они верили, не имели сил победить этот инстинкт и впадали в «плотский грех». История гетевской Маргариты – символ тысячи историй, совершавшихся и совершающихся ежедневно.

Целые века начиная с XIV и XV столетий церковь боролась с незаконной половой жизнью, с невенчанными браками, и – увы! – ее усилия остались в зна-

чительной степени бесплодными. Люди грешили и грешат в этом отношении, невзирая на все угрозы адом, погибелью души и земными наказаниями.

Точно так же весьма часто преодолевает половой инстинкт и влияние *нравственно-правовых раздражителей*. И право, и нравственность культурных людей осуждали и осуждают недозволенную половую жизнь вне узаконенного брака. И, однако, в прошлом, как и теперь, люди грешили и грешат в этом отношении. Многие мужчины и женщины начинают жить половой жизнью до брака; мужья и жены изменяли и изменяют друг другу, часто не желая этого делать. В таких фактах – а их сотни и тысячи – всего яснее сказывается огромное влияние полового импульса. Подталкиваемые им, люди часто теряют честь, совесть, разоряются, «пускают в трубу» свои и чужие состояния, честные делаются преступниками, неубийцы – убийцами, друзья – врагами и т. д.

Играя на этом инстинкте, от человека добывается ряд поступков, которые без его влияния он не совершил бы. Всем известны случаи рабства влюбленных, могущества любовниц над любовниками. Имена Клеопатры и г-жи Помпадур, как и ряда других любовниц, игравших коронованными любовниками, всем известны. Экземпляры лиц, разорившихся на почве любовной страсти, сделавшихся человеконенавистниками от неудачной любви, или напротив, благодаря положительному влиянию любимого человека «остепенившихся», совершивших ряд крупных дел, такие экземпляры нередки и встречаются всюду.

Влияние его на социальную жизнь

Отсюда само собой следует громадное влияние этого инстинкта на социальную жизнь. Это влияние проявляется как в ряде социальных институтов, так и в ряде социальных процессов.

Институт брака и семьи – краеугольный камень всякой общественной группы – вызван к жизни этим инстинктом. Не будь его – не было бы и этих социальных учреждений.

Проявляется его влияние и во всех областях общественной жизни. В праве ему обязаны существованием множество норм, регулирующих отношения родителей и детей, супругов и родственников. Все так называемое *семейственное и наследственное право* плюс значительная часть *норм вещного, уголовного и публичного права* представляют социальное отражение этого инстинкта.

В религии он проявлялся и проявляется в обоготворении детородных органов (культ fallos'a, у нас – Ярилы), в появлении богов и богинь плодородия, в культе «Мадонны», в «Таинстве брака», во множестве молитв и обрядов.

В области *искусства* его роль громадна. «Любовь» служила всегда любимой и главной темой стихов, лирики, поэм, романов, повестей, драм, трагедий и комедий. Любовь – тема живописи и ваяния. Музыка – дитя любви и сама направлена на возбуждение или смягчение любовных иллюзий. Пляски, танцы, балы и т. п. –

детища того же инстинкта. Больше того: сама любовь, как правильно указывает один социолог, Де-Роберти, есть самый популярный, самый доступный и самый распространенный вид искусства. Художник слеп и видит только нужные для его типа черты. Так же слеп и влюбленный. Он видит, как и художник, в любимом человеке только то, что ему нравится. Художник преобразует действительность. Преобразует ее и влюбленный: для него нет прозаической девицы из Тобосо, а есть прекрасная Дульсинея Тобосская.

Словом, влияние этого инстинкта на общественную жизнь огромно.

Проявляется оно и в сотне социальных процессов: он вызывал факты похищения женщин одной группы другою (похищение сабинянок, похищение и увоз женщин, практикуемый у ряда народов); через это – порождались войны и нападения. Им же вызван обычай перехода жениха в группу невесты для ее отработки (Иаков, отрабатывающий Рахиль и Лию у Лавана), им же вызываются половые преступления, благодаря ему существует институт проституции и т. п.

Влияние полового инстинкта через размножение

Сказанным, однако, социальная роль полового инстинкта не исчерпывается. Он оказывает колоссальное влияние через *размножение* людей. *Увеличение народонаселения* – таково естественное следствие удовлетворения половой потребности. Этот факт сам по себе имеет громадное значение. Это значение столь велико, что оно в конце XVIII в. вызвало к жизни теорию *Мальтуса*, нашедшую множество сторонников. Мальтус, изучая рост населения, пришел к выводу, что население каждые 25 лет удваивается. Сравнивая его рост с увеличением питательных продуктов, он вывел заключение, что население растет в геометрической прогрессии, а запас питательных продуктов – только в арифметической. Это означало, что все появляющиеся на свет не могут существовать, ибо на всех пищи не хватит. Значит, значительная часть людей обречена на голод, нужду, смерть. И ничто от этой участи не может их избавить. «На великом пиру природы для них нет места: она повелевает им удалиться и не замедлит привести это повеление в исполнение». Согласно этой теории выходит, что нужда неизбежна для людей. Голод, эпидемии, войны неизбежны; путем их излишек населения удаляется со сцены жизни. Более безнадежной теории трудно выдумать. Только одно средство может помочь в этой беде, по мнению Мальтуса, это – прекращение размножения, достигаемое путем нравственного обуздания полового инстинкта. Такова сущность этой теории, имевшей громадное влияние на множество мыслителей. Ниже мы увидим ее ошибочность. Но она отчетливо показывает всю важность размножения людей на ход исторических событий и судьбы человечества.

В более новое время ряд социологов, в частности *М. Ковалевский* и *Кост*, отчетливо обрисовали нам влияние роста населения на ход социального развития и общественной жизни. Рост населения, говорят они, является одним из глав-

ных (а по Косту – главным и единственным) факторов социальной эволюции. *От роста и количества населения зависят сила и могущество группы, характер ее организации и быстрота прогресса.* Доказательством тому служит множество фактов. Цивилизация могла зародиться только в местах населенных, каковыми были долины Нила, Тигра и Евфрата. Рост населения ведет к возвышению социальной группы.

Возвышение Рима, Ниневии, Суз вызвано было именно количеством и плотностью населения этих городов. *Рост населения оказывает сильнейшее влияние на всю экономическую жизнь группы.* Он вызывает и развивает торговлю (примеры: Тир, Сидон, Афины). Он заставляет от менее продуктивных форм хозяйственного производства переходить к более высоким и совершенным способам добывания средств существования. Не чем иным, как ростом населения, был вызван переход от рыболовства и охоты к скотоводству и земледелию, от первобытных способов обработки земли к более высоким способам: от подсечной системы к трехпольной, от трехпольной – к многопольной. Рост же населения заставил человечество перейти от грубых форм промышленности к мануфактурным, от мануфактуры – к фабрично-заводскому производству. *Рост населения вызвал разделение труда, образование и увеличение профессий, а через это повлиял на всю социально-правовую организацию общества.* *Рост населения и его состав определяют формы семьи:* в группах, где женщин мало, устанавливается многоженство, где мужчин мало – многоженство. *Рост населения влияет и на быстроту умственного развития народа.* Чем больше и плотнее население, тем чаще люди встречаются друг с другом, тем сильнее круговорот и обмен идей, тем богаче массовый опыт, поэтому – тем быстрее накапливаются знания и происходит умственный и нравственный прогресс. В городах население плотнее, чем в деревнях. Поэтому умственный уровень города выше, чем деревни. Духовная жизнь здесь бьет ключом. Люди живут будущим, их взгляды устремлены на новое. Царствует «мода». В деревне наоборот. Духовная жизнь течет вяло. Мысль работает лениво. Люди живут не по моде, а по «старине», «как заповедали отцы и деды». Царствует «обычай», старина, консерватизм.

Косвенным подтверждением того же служит тот факт, что западноевропейские государства населены плотнее, чем Россия. В них и умственный уровень выше. Бугле показал, что от роста и плотности населения зависит рост и распространение равенства людей.

Ограничение влияния полового инстинкта другими факторами

Очертив громадную роль этого фактора, теперь снова укажем, что эта роль не абсолютна: так как рядом с ним на поведение людей влияют другие раздражители, *под действием их половой раздражитель может быть или совсем по-*

давлен, или уменьшен в силу влияния, или видоизменен. Победа или поражение полового раздражителя зависит от его силы, с одной стороны, от силы и влияния других факторов, побуждающих человека действовать в обратном направлении, – с другой.

Так, в ряде случаев *инстинкт самосохранения* уничтожает влияние полового инстинкта: человек, находящийся в опасности, не испытывает половых вожделений; если они были – то обычно исчезают. Когда вопрос идет о жизни, тут не до удовлетворения половых инстинктов.

Часто линия полового фактора подавляется *голодом*, организм, длительное время недоедавший и истощенный, перестает чувствовать данную потребность, или напряженность последней ослабляется.

То же приходится сказать и о влиянии *социально-психических факторов*. Под влиянием *религии* аскеты и ряд сектантов, напр. скопцы, эту потребность подавляли. Влияет и *право с нравственностью*. Многие люди имеют эту потребность, но не удовлетворяют ее ввиду правовых и нравственных запретов. Таковы многие девушки, которые до брака сохраняют целомудрие, несмотря на наличность половых хотений. Таковы все люди, воздерживающиеся от недозволенного полового общения.

Влияние права и нравственности проявляется и в *формах брака*. Магометане, религия и право которых допускают многоженство, имеют многих жен, христиане, право которых предписывает иметь одну жену, имеют одну жену. Влияют, далее, и *экономические условия*. Многие люди вступают в брак только тогда, когда в достаточной мере обеспечили будущую семью. Этим фактом вызывается постепенное опаздывание брака: чем культурнее страна, тем браки совершаются позднее. Многие люди из-за экономической неизбежности принуждены отказываться от брака, другие женятся, наоборот, из-за денег – богатого приданого или богатого мужа. Влиянием *социальных условий* объясняется и тот факт, что *у людей разрушен чисто биологический механизм*, определявший и определяющий время и способы удовлетворения половой потребности у животных. Животные удовлетворяют половую потребность тогда, когда этого требует «природа». Время удовлетворения у них регулируется самим инстинктом. Для созревших организмов таким временем служат периоды спаривания или «течки», наступающие в определенные сезоны года. Иное мы видим у человека. У него теперь нет периодов течки (Вестермарк приводит факты, говорящие о том, что у первобытных людей такие периоды были). Далее, в силу социально-психических условий люди принуждены накладывать на себя узду воздержания. Потребность просыпается у них раньше, чем возможно ее безнаказанное удовлетворение в законных формах брака. На этой почве возникает немало трагедий, физических и психических недомоганий. Одни люди в конце концов не могут противиться «искушению» и впадают в грех: девушки и вдовы теряют «честь», мужчины

прибегают к помощи проституции или к другим формам недозволенной любви. Но другие люди побеждают искушение и сохраняют половую чистоту, иногда пожизненно, чаще – до брака. Такие факты означают преодоление полового импульса действием других факторов поведения.

Все эти явления говорят о том, что степень влияния половой потребности на поведение людей не абсолютна, а зависит от степени и характера действия других факторов поведения.

То же применимо и к самому *факту размножения*. Ошибка Мальтуса и Коста состояла в том, что они не учли влияние других факторов и возвели явление размножения на степень единственного фактора, независимого от других. Г. Спенсер показал, что в самих биологических условиях уже даны силы, ограничивающие величину размножения организма. Такими силами являются *интересы самосохранения вида и индивида*. Выживание любого вида может быть достигнуто двумя путями: или тем, что этот вид будет в громадном количестве размножаться, или тем, что размножение его будет ограничено, но зато немногочисленное потомство будет хорошо приспособлено к борьбе за существование. В первом случае отдельные организмы плохо развиты, и потому масса их гибнет. Но так как их множество, то есть шансы, что из этого множества некоторые выживут. Во втором случае потомство немногочисленно, зато каждая особь индивидуализирована, хорошо вооружена к борьбе за жизнь.

Отсюда понятно будет положение Спенсера, гласящее: *чем выше организм по своему строению, тем потомство его малочисленнее*.

Исследования ряда лиц подтвердили правильность этого положения. По вычислениям Сутерланда, рыба мечет в среднем до 646 000 яиц, амфибии – 441 яйцо, рептилии уже только 17, птицы дают по 5 яиц в год, млекопитающие – 3,2 детенышей, высшие животные – 1,3 детеныша; для обезьяны и людей те же цифры не превосходят 1 на два года.

Это постепенное уменьшение размножения проявляется в человеческом роде. *Чем выше по духовному развитию страны, тем % рождаемости ее ниже*. По мере роста культуры и цивилизации одного и того же населения прирост его постепенно замедляется. Это видно, напр., из следующей таблицы, показывающей, сколько рождений на каждый брак приходилось во Франции в различные годы.

Годы	Рождений на каждый брак	Годы	Рождений на каждый брак
1800–1805	4,24	1856–1860	3,04
1816–1820	4,08	1881–1885	3,03
1836–1840	3,26	1886–1889	2,06

Из этой таблицы видно постепенное падение рождаемости. То же, за небольшими исключениями, мы видим за последнее время и в других странах.

Это видно из следующей таблицы:

Число рождений на 10 000 населения

Годы	Англия	Франция	Германия
1881	339	249	370
1886	328	239	370
1891	314	226	370
1896	296	225	363
1901	285	220	357
1906	272	206	331
1907	265	197	232
1908	267	202	321
1909	258	196	311
1910	251	197	298

За годы войны рождаемость пала еще больше.

Это говорит о том, что в самих условиях жизни уже заложены причины, с совершенствованием организма ведущие к уменьшению плодовитости. В том же направлении действуют и соц.-психические условия. Отсюда следует, что страхи Мальтуса были необоснованны. Его вычисления неверны и по существу. Если бы его теория о росте населения в геометрической прогрессии была верна, то к 1-му веку по Р. Х. на земле должен был бы быть один человек только, и обратно, если бы мы предположили, что за 4 000 лет до Мальтуса на земле было всего 1 000 человек, то к его времени население земли должно было бы состоять из 1 400 миллиардов людей, т. е. в тысячу раз больше, чем их было фактически во времена Мальтуса (и теперь все население земли не достигает 2 миллиардов). Сейчас приходится опасаться не избытка рождаемости, а напротив, чрезмерного ее падения. Если это падение и впредь пойдет так же, то рост населения в культурных странах может совсем остановиться. В таком случае грозит опасность поглощения культурных народов некультурными, плодовитость которых значительно выше первых. Помимо сказанного, влияние других биологических, и в особенности соц.-психических, раздражителей на увеличение и густоту населения их можно наблюдать на сотнях других фактов. От характера последних зависит не только величина рождаемости, но и смертности. Народ, живущий в условиях антигигиенических, будет давать процент смертности высокий; народ, у которого жизнь, питание, медицина, санитария, жилище и т. п. сносны и хороши, дает процент смертности низкий. В России рождаемость высока, но зато огромна и смертность. В более культурных странах смертность ниже. А этот факт вполне определенно влияет на рост населения и размножаемость.

То же влияние оказывает и ряд других условий, каковы *характер соц.-правовой организации группы, характер религии, литературы, характер промышленности и экономического благосостояния страны и т. д.*

Так, с ростом экономического благосостояния страны рождаемость падает. В странах, где население лучше обеспечено, рождаемость ниже, чем в странах с менее обеспеченным населением; в высших обеспеченных слоях она ниже, чем в менее обеспеченных. В государствах, где правовая организация позволяет человеку «низов» подниматься на верхи общественной лестницы, где нет кастовых перегородок между соц. слоями (таковы демократические общества), там рождаемость низкая. Здесь все силы индивида уходят на то, чтобы «карабкаться» на верхи общественной лестницы, здесь люди не хотят обременять себя грузом семьи. Иначе обстоит дело там, где между социальными слоями лежит пропасть, где, как в Индии, человек низшей касты не может попасть в состав высшей. Там индивиды не взбираются на «верхи»; силы их не уходят на борьбу за возвышение, на делание карьеры; избыток сил уходит на размножение. Это объясняет, почему рождаемость передовых демократий Европы низка, а рождаемость отсталых и кастовых стран, вроде Индии и России, высока. Влияние религии видно из следующей таблицы, цифры которой показывают сравнительное число рождений в странах различных религий.

Страны православной религии:

Россия	448 рождений	(1905 г.)
Румыния	408	(1909 г.)
Болгария	407	(1909 г.)
Сербия	397	(1909 г.)

Страны католические с религиозным населением:

Австрия	345 рождений	(1908 г.)
Венгрия	346	(1909 г.)
Италия	343	(1910 г.)
Испания	339	(1910 г.)
Португалия	314	(1907 г.)

Страны чисто протестантские:

Англия	251 рождений	(1910 г.)
Исландия	262	(1910 г.)
Норвегия	267	(1910 г.)
Швеция	254	(1910 г.)
Дания	282	(1910 г.)

Страны вне религиозных верований:

Франция	206 рождений	(1910 г.)
---------	--------------	-----------

Отсюда видно, что православная религия наиболее благоприятствует высокой рождаемости, за ней идут католическая, протестантская, а полное отпадение от религии и распространение атеистически-рациональных воззрений (такой страной по существу и является Франция, хотя формально она представляет католич. страну) ведет к резкому падению рождаемости.

Сказанного достаточно, чтобы признать обусловленность влияния других факторов, в частности соц.-психических, на половой инстинкт и размножение.

Резюмируем сказанное. 1) *Половой инстинкт прямо и через размножение является одним из могучих факторов человеческого поведения и социальной жизни.*

2) *Так как это фактор не единственный, а один из многих, то его влияние может быть уничтожено, ослаблено или видоизменено другими биологическими и соц.-психическими факторами, действующими в противоположном направлении.*

3) *При прочих равных условиях чем сильнее влияние последних, тем слабее влияние полового раздражителя.*

4) *С ростом цивилизации и культуры половой фактор, оставаясь раздражителем поведения, в области времени, способов и форм своего удовлетворения теряет инстинктивный механизм и все более и более подпадает под влияние соц.-психических раздражителей.* Сейчас мы находимся в переходном периоде, когда механизм инстинкта разрушен, а сознательный и рациональный механизм не вполне еще выработан. Отсюда – трагедии на этой почве.

5) *От соц. условий зависит быстрота размножения, величина смертности и роста населения.*

Литература: Мальтус: Опыт закона о народонаселении; Ф. Нитти: Народонаселение и общественный строй; Кондратьев: Рост населения как фактор (в сборнике памяти М.М. Ковалевского); Бугле: Эгалитаризм; Ковалевский: Экономический рост Европы, т. III; Его же: Современные социологи, главы о Косте, Бугле и Дюркгейме. – Указанные работы Майра, Майо-Смита; – Г. Спенсер: Основы биологии, ч. VI, Законы размножения; Coste: Les Principes d'une Sociologie objective; – Сборник: Народонаселение и учение о народонаселении; Новые идеи в экономике. Сб. № 2: Теория народонаселения и мальтузианство (статьи Туган-Барановского, Эльстера, Вольфа); Каутский: Размножение и развитие в природе и обществе; Pareto: Trattato di Sociologia generale, т. I, гл. о Residue sessuale; Tonelli: Il problema della procreazione; Gini: Contributi statistici ai problemi dell'eugenica. Rivista ital. di sociologia. 1912. с. 317–425; Вестермарк: История челоуеч. брака; Харузин: Этнография. Род и семья; Ковалевский: Социология, т. II. Гл. о семье и браке.

§ 4. Инстинкт индивидуального самосохранения как фактор

Понятие инстинкта индивидуального самосохранения

Все вышеочерченные двигатели человеческого поведения если не прямо, то косвенно способствуют сохранению и поддержанию жизни. Удовлетворить потребность голода и размножения – значит поддерживать жизнь индивида или рода. Но рядом с ними существует, в качестве особого раздражителя, *инстинкт самосохранения в более узком смысле. Его роль состоит в том, чтобы побуждать человека на такие действия, которые предотвращают опасность, непосредственно грозящую жизни организма.*

Он дан в двух различных формах: *в форме инстинкта индивидуального самосохранения и в форме инстинкта группового или родового самосохранения.* Эти инстинкты, часто смешиваемые, отличны друг от друга и иногда действуют в противоположных направлениях. Их следует различать и рассматривать отдельно. Остановимся сначала на инстинкте индивидуального самосохранения.

Он играет весьма большую роль в поведении животных. Из личного наблюдения мы знаем разнообразные действия, вызываемые этим мотором поведения. Улетание птиц при виде или приближении человека, удаление их при звуке выстрела или другом шуме, инстинктивное удаление мелких рыб при приближении щуки, прикидывание ряда животных мертвыми при наступлении опасности для их жизни, отчаянная защита жизни при нападении на животное его врагов – все эти акты, как и сотни других, представляют действия, вызванные инстинктом индивидуального самосохранения. Все вообще действия животных, удаляющие их от предметов и явлений вредных и опасных для жизни, представляют результат влияния данного раздражителя. Улетая при приближении человека, птицы не удовлетворяют ни потребность голода, ни потребность размножения, ни какую-нибудь иную потребность, а повинуются действию инстинкта самосохранения.

Сказанное о животных применимо и к человеку.

Две его формы

У человека инстинкт индивидуального самосохранения выступает в двух формах: в форме чисто биологического инстинкта – в форме бессознательных актов и в форме инстинкта осознанного, завуалированного соображения пользы, удовольствия и т. д.

Примерами актов, представляющих проявление инстинкта индивидуального самосохранения в его чисто биологической форме, могут служить такие действия: когда на улице рядом с нами неожиданно раздастся рожок автомобиля или звонок трамвая, мы моментально отскакиваем. Когда кто-либо неожиданно замахивается, чтобы ударить нас, мы моментально принимаем позу обороняю-

щегося человека. При поднесении чужой руки к нашему глазу мы рефлексивно закрываем глаза. Попадая в воду, мы начинаем барахтаться. При нападении на нас мы инстинктивно начинаем защищаться. Все эти действия большею частью совершаются бессознательно; при звуке рожка мы отскакиваем раньше, чем успеем обдумать, что делать, куда отскочить, как отскочить и т. д. Если бы такие действия совершались всегда обдуманно, то автомобили или трамваи постоянно давили бы людей: пока мы решали бы, что нам делать, и обдумывали бы, куда отскочить, автомобиль успел бы десять раз сшибить нас и проехать по нашему телу. *Целесообразность инстинкта самосохранения в том именно и состоит, что он побуждает нас действовать моментально, без всякого обдумывания и обсуждения.*

Все бессознательные акты человека, направленные на удаление посредственной или непосредственной опасности для жизни (космического, биологического и социально-психического порядка), все эти акты представляют проявление действия инстинкта индивидуального самосохранения. Паническое бегство человека от зверя или страшного явления, бегство, где «ноги сами несут», ряд действий, где иногда человек проявляет неестественную энергию и т. п., – все эти и сотни других действий говорят о влиянии этого инстинкта. Вообще бессознательное удаление человека от предметов и явлений *страдательных* говорит о том же инстинкте самосохранения. Биологическая роль страдания и боли заключается в том, что они служат *сигналами*, говорящими человеку о том, что с ним обстоит неблагоприятно; что явления, причиняющие боль, подрывают здоровье и жизнь организма. Они «предупреждают», «сигнализируют» опасность. Посему удаление человека от таких страдательно-болевых предметов и явлений, все попытки, направленные на уничтожение боли и страдания, – все они являются результатом влияния того же инстинкта индивидуального самосохранения. Ниже, однако, мы увидим, что благодаря влиянию социально-психических раздражителей целесообразный инстинкт, механизм этого инстинкта, в значительной мере уже разрушен и испорчен. Страдание и удовольствие в силу этого часто сигнализируют неверно, подобно стрелкам испорченных часов, неверно показывающим время.

Более часто, однако, инстинкт индивидуального самосохранения в мире людей выступает в *осознанном виде*. Обычно опасность осознается, и сознательно, под контролем разума, люди совершают ряд действий, направленных на спасение. Такие действия, совершаемые под давлением потребности спасения жизни, весьма разнообразны. Приведу один пример. Марк Твен в своей книге «Пережитое» рассказывает о том, как он и его товарищи собирали тарантулов (ядовитых пауков) и заключали их в коробки. Но однажды ночью, когда они легли спать, один из товарищей Твена вдруг закричал: «Товарищи! Тарантулы убежали!» Этот возглас равносителен был взрыву бомбы. Моментально все вскочили и начали устраиваться, кто на кровати, кто на ящиках. Воцарилась мучительная

тишина. Дыхание всех замерло. Все застыли от ужаса и ожидания, что вот-вот (в темноте) тарантул подползет и ужалит. Иногда раздавалось болезненное «Ой», «Он меня поймал», вызываемое прикосновением шерстинки одеяла, ошибочно принимаемого за прикосновение тарантула. И такое состояние продолжалось до тех пор, пока не принесли огня. Все эти сложные действия совершены были под влиянием инстинкта самосохранения, а не какого-либо другого раздражителя. Этот пример показывает, какие сложные и разнообразные действия выполняются нами под давлением этого фактора. Он толкает нас на ряд поступков самых разнородных и самых сложных.

Теперь очертим его влияние на поведение людей и общественную жизнь.

Влияние его на поведение и общественную жизнь

Когда наступает опасность для жизни, т. е. когда этот инстинкт начинает работать, его влияние сказывается прежде всего на ходе физиологических процессов и в области течения мыслей и представлений. Сердце людей в таких случаях начинает биться неправильно, дыхание прерывается, развивается необычная чуткость ко всему и т. д. Из поля сознания вытесняются все посторонние мысли и представления. Оно заполняется страхом или ужасом, все сосредоточивается здесь вокруг одной мысли: «спастись!», «сохранить жизнь!»

В таких случаях инстинкт самосохранения может «опрокинуть», преодолеть влияние других пружин человеческого поведения. Подталкиваемый этим «двигателем», человек совершает ряд поступков, которые без него не были бы совершены им, и наоборот, воздерживается от ряда действий, каковое воздержание без него не имело бы места.

Стремясь спасти жизнь, люди нередко *голодают* по два, по три дня. Печатающиеся ныне рассказы беглецов от белых или от красных дают немало примеров такого рода. Беглецы, спасающие жизнь, по несколько суток без пищи скрываются в лесах и болотах, лишь бы не попасть в руки врагов.

Преодолевается *потребность половая*. Людям, находящимся в опасности, не до этой потребности: она падает и выветривается в минуты опасности.

Преодолевается влияние ряда *физических лишений*. Спасая жизнь, люди готовы не есть, не пить, блуждают ряд дней в лесах и болотах, переносят холод, дождь; застывают и остаются недвижимыми в течение часов и суток в самой неудобной позе, в самых тяжелых условиях (напр., лежание в болоте, в воде, в канаве и т. д.).

Преодолевается часто влияние *инстинкта группового самосохранения*. Ради спасения жизни люди нередко жертвуют жизнью других: преступники выдают своих сотоварищей, схваченные выдают друзей, близких, членов по партии, по делу, наговаривают часто на совершенно невинных лиц и т. д.

Преодолевается нередко влияние *религиозного раздражителя*. Спасая жизнь, люди нередко отрекались от веры и переходили в другую, нарушали религиозные заповеди, из христиан становились язычниками, из «еретиков» – католиками и т. д.

Нередко «опрокидывается» инстинктом самосохранения и влияние *нравственно-правовых факторов*. Ради сохранения жизни многие, вопреки своим убеждениям, отказываются от своих несомненных прав, от долга, от чести, от совести. Передача грабителю кошелек, на который он не имеет никакого права, при возгласе «Кошелек или жизнь!», когда нож или револьвер приставлен к виску жертв, измена своим убеждениям (напр. политическим), пожертвование долгом, честью ради сохранения жизни, удовлетворение половых вожделений насильника ради той же цели – все это факты, которыми полна история человечества, которых немало и в наше время, все это факты, свидетельствующие о громадной силе данного раздражителя. Всякий *террор* как метод управления поведением других людей, начиная от террора грабителя над жертвой и кончая террором государственной власти, представляет систему управления, основанную на влиянии инстинкта самосохранения. Если бы этот «мотор» поведения был бездейственен, никакого влияния не имел бы и террор. Если он оказывает влияние, – а в этом нельзя сомневаться, – то этим он обязан инстинкту индивидуального самосохранения, побуждающему людей делать то, чего они не хотят, повиноваться тому, кого они не признают законной властью, исполнять то, что противоречит их убеждениям.

Раз инстинкт индивидуального самосохранения оказывает столь громадное влияние на поведение людей, естественно, что он проявляется и в социальной жизни. Целый ряд общественных институтов обязаны ему (вместе с инстинктом групповой самозащиты) своим существованием. Таков институт власти. Власть группы, задачей которой служит охрана порядка и безопасности членов группы, возникла на почве этого инстинкта. Таков институт войска и полиции: задачей их служит защита жизни и безопасности граждан от внешних и внутренних врагов. Само явление права, указывающего дозволенное и недозволенное поведение, представляет институт, во многом обязанный тому же инстинкту индивидуального самосохранения. Что же касается таких правовых явлений, как «необходимая оборона», «крайняя необходимость», как «личные и неотъемлемые права», главными из которых служат «право на жизнь», «неприкосновенность личности» и свободы, – все это отражения на поверхности общественного моря, созданные этим раздражителем. Процессы в форме войн, борьбы за неприкосновенность личности, борьбы против смертной казни, массовый террор как система правления и т. д. – все это процессы, обязанные своим богатым бытием тому же инстинкту. Нетрудно было бы показать, что и такие явления, как постройка жилищ, как почти вся медицина, санитария и гигиена, как борьба за здоровое жилище, борьба

с эпидемиями холеры, чумы, тифа и т. д., – все эти процессы и явления ближайшим образом связаны с инстинктом индивидуального самосохранения.

Из всего сказанного влияние последнего несомненно.

Ограниченное его влияние

Но так как он является не единственным «мотором» человеческого поведения, а только одним из факторов, то существенно, что его влияние зависит не только от его собственной силы, но от силы и направления работы других «моторов». Если последние толкают человека в направлении, противоположном тому, в каком толкает инстинкт инд. самосохранения, то влияние последнего может быть ослаблено, видоизменено и даже совершенно уничтожено. Мы раньше видели, что его влияние часто преодолевается инстинктом питания и размножения. Ради удовлетворения голода или любви люди временами рискуют жизнью. Ниже мы увидим, что часто он подавляется инстинктом группового самосохранения. Ряд лиц предпочитали и предпочитают погибнуть сами, чем «выдать» или подвергнуть опасности своих «близких», друзей, товарищей по государству, партии, религии, заговору и т. д. Нередко этот инстинкт побеждается и социально-психическими факторами, напр. религией. История любой религии сообщает нам о множестве мучеников, которые смело шли на смерть – на виселицу, на костер, на отсечение головы и т. д. – во имя своей религии и своего блага. Ряд лиц предпочитали погибнуть, чем отказаться от своих политических убеждений, от своего долга, чести, совести. Эти факты, а их множество, говорят о преодолении инстинкта индив. самосохранения другими факторами, в частности нравственно-правовыми.

Подтверждение того же влияния на инстинкт самосохранения соц.-психических условий дают факты самоубийства. Явление самоубийства означает полное подавление инстинкта жизни другими факторами. Причины самоубийств тем самым являются и причинами, подрывающими инстинкт жизни. Изучение их показывает: 1) что самоубийство, т. е. отказ от жизни как от тяжелой ноши, известно только людям и не имеет места среди животных; 2) что чем выше культура народа, тем выше число самоубийств. С ростом соц.-психической жизни, с ее усложнением и развитием растет и число самоубийств. Поэтому дикие народы дают самоубийств меньше, чем культурные. С ростом культуры растут и самоубийства. Так, в Европе с 1821 по 1880 г. ежегодное число самоубийств увеличилось втрое. В силу того же города дают больший процент самоубийств, чем деревни, высшие классы больший, чем низшие, мужчины, в общем стоящие по духовному развитию выше женщин, более склонны к самоубийству, чем женщины, и т. д.

Все это говорит о том, что социально-психические условия имеют громадное влияние на самый инстинкт жизни, на ее источник, что они могут его

иссушить или подавить. Влияние их на инстинкт самосохранения сказывается и в том, что они «испортили» механизм инстинкта самосохранения. Выше я указал на то, что страдание и удовлетворение с биологической точки зрения играют роль «сигналов» переживания боли, страдание «предупреждает» человека о вредных для жизни и здоровья явлениях, переживание удовольствия и наслаждения сигнализирует о явлениях и процессах, полезных для жизни и здоровья. Таково их биологическое назначение. Однако в силу влияния соц.-психических факторов этот биологический механизм испортился; поэтому, подобно стрелкам испорченных часов, страдание и удовольствие часто сигнализируют человеку неверно: современный человек часто испытывает удовольствие от таких явлений и процессов, которые биологически вредны для жизни и здоровья (напр., удовольствие от вредного «общества», от табака, вина, опиума, половых излишеств и т. д.), и обратно, часто испытывает страдание от явлений и процессов, биологически полезных. Это расстройство в свое время целесообразного инстинктивного механизма – «часов жизни», стрелками которых служат страдание и удовольствие, – вызвано также действием соц.-психических раздражителей. Ими произведена эта разрушительная работа. Инстинктивный механизм в значительной мере разрушен, а нового, сознательного механизма, который мог бы заменить старый, еще нет. Он вырабатывается, но еще далек от завершения. Отсюда – трагедии переходного времени, отсюда – жертвы, ряд несчастий и т. д.

Резюмирую: 1) *В ряду факторов человеческого поведения имеется особый раздражитель в виде инстинкта индивидуального самосохранения.*

2) *В мире людей он дан: в виде чистого (бессознательного) инстинкта и инстинкта осознанного.*

3) *Влияние его на поведение людей и ход общественной жизни тем больше, чем при прочих равных условиях более гармонично действует он вместе с другими факторами.*

4) *При столкновении с другими «моторами» поведения влияние его зависит от: а) силы его самого, б) силы солидарных с ним раздражителей, в) силы раздражителей, действующих в противоположном направлении. Чем больше сила последних, тем слабее его влияние, и обратно.*

5) *С ростом социально-психических сил степень и формы влияния инстинкта индивидуального самосохранения все более и более определяются первыми.*

Литература: Дюркгейм: Самоубийство; Дарвин: Происхождение видов путем естественного отбора; В. Фаусек: Автономия и болевая чувствительность у животных, в «Этюдах по вопросам биологической эволюции». Там же его статья: «Раздражимость низших организмов»; Вагнер: Биопсихология, т. 2; Мак-Дауголл: Основные проблемы социальной психологии; Вольтманн: Теория Дарвина и социализм.

§ 5. Инстинкт группового самосохранения как фактор

Рядом с инстинктом индивидуального самосохранения в качестве особого раздражителя человеческого поведения и фактора социальной жизни выступает *инстинкт группового самосохранения*. Иногда он действует согласно с инстинктом индивидуального самосохранения, иногда – вопреки ему.

Подобно тому, как первый направлен на сохранение жизни индивида, так инстинкт группового самосохранения направлен на сохранение жизни не отдельного члена группы, а *всей группы*. Для развития жизни важно было сохранение целостности не только индивида, но целого рода или вида животных. На этой почве и возник этот инстинкт.

Проявлений его действия в мире животных немало. Когда мать-обезьяна, преследуемая охотником, подставляет свое тело под выстрелы последнего, чтобы спасти детеныша, когда одни животные «жертвуют» собой для спасения других, во всех подобных случаях такие акты вызваны и вызываются именно этим раздражителем. Все факты «самопожертвования» животных в пользу других свидетельствуют о существовании и влиянии на их поведение инстинкта группового самосохранения.

Частной его формой является так называемый *«родительский инстинкт»*. Родительский или материнский инстинкт заставляет мать заботиться о своем потомстве, кормить его, ухаживать, охранять и, если нужно, жертвовать для его спасения жизнью. Его напряженность определяется как раз интересами вида животных. У тех организмов, которые размножаются в огромном числе, ежегодное потомство которых многочисленно, у таких животных родительский инстинкт (значит, и инстинкт групповой самозащиты) не развит. Не развит потому, что он излишен для выживания рода: раз число организмов помета громадно (напр., рыба выбрасывает несколько сот тысяч зерен икры), то есть шансы, что и без родительского ухода выживет некоторая часть потомства. Иначе обстоит дело у более высоких организмов. Число их детенышей немногочисленно. По своему появлению на свет они беспомощны и довольно долгое время не способны существовать самостоятельно. Если бы за ними не было родительского ухода – они погибли бы. Значит, вымер бы и весь вид животных. У таких животных мы видим развитым *родительский инстинкт*. Для сохранения рода или вида он должен был появиться. И он действительно существует. Если «родительские заботы» рыбы ограничиваются метанием и оплодотворением икры, если, выполнив эти акты, рыба даже не интересуется судьбой потомства и предоставляет его на произвол судьбы, то у высших животных мы видим иное: у птиц и млекопитающих родители, в частности мать, не бросает детенышей на произвол судьбы после рождения, а ухаживает, кормит, защищает их до тех пор, пока они не вырастут. Иными словами, инстинкт группового самосохранения, в виду роди-

тельского инстинкта, толкает их на целый и сложный ряд действий вплоть до самопожертвования.

Таково одно проявление инстинкта группового самосохранения. Вторым его проявлением служат явления *стадности или общественности*. У тех животных, которых строение было приспособлено к уединенной жизни, которым (как, напр., тиграм или львам) более выгодной была жизнь уединенная, у тех стадная или групповая жизнь не развилась. Мало развит у них и инстинкт группового самосохранения. Иначе обстоит дело у животных более слабых. Они не в состоянии бороться в одиночку с более сильными животными. Живя уединенно, они обречены были бы на гибель. Спасение для них было в стадной жизни, в соединении сил для совокупной защиты или нападения. Они могли выжить, держась правила: «Все за одного, и один за всех». В силу необходимости среди них должна была развиться стадность, жизнь группами или сообществами. А вместе с ней и инстинкт группового самосохранения. Такова связь последнего с общественностью.

Инстинкт группового самосохранения имеется и у людей. Правда, он выступает у них чаще всего в *осознанном* виде, но нередко он проявляется и в форме бессознательного инстинкта. Большинство людей любят своих детей и по мере сил заботятся о них. В основе таких актов лежит указанный инстинкт группового самосохранения. Мы знаем, что часто мать или отец защищают своего ребенка и для него жертвуют своей жизнью, своим здоровьем. Мы видим, что часто одни люди жертвуют собой для блага других людей; одни умирают за «родину», другие – за «свой род», третьи – за друзей, четвертые – за партию, пятые – за единоверцев и т. д. Нередко одни люди рискуют жизнью, спасая других при пожаре, при наводнении и т. п.

Во всех этих актах самопожертвования, во всех этих случаях «полагания души за други своя», особенно бессознательных (случаи сознательного альтруизма представляют обычно осложнение этого инстинкта альтруистическими чувствами), прямо или косвенно действует инстинкт группового самосохранения. Это он толкает мать на защиту ребенка, солдата – на поле брани; это он заставлял одних добровольно жертвовать собой для блага других; это он принуждал и принуждает группы жертвовать жизнью своих отдельных членов для блага всей группы (рода, племени, семьи, государства, церкви и т. п.).

В особенности велика была роль его в древних группах. Все их право, мораль и организация находились под сильнейшим влиянием этого фактора. Высшим заветом здесь был лозунг: *salus populi – suprema lex* (спасение народа – высший закон)^{20*}. Добром считалось то, что было полезно для группы; злом – то, что было ей вредно. Напр., убийство своего сородича было вредно для группы: оно уменьшало ее силу и грозило внутренними раздорами. Поэтому убийство сородича считалось злом, грехом, преступлением.

Иначе обстояло дело с чужеродцем. Его убийство было выгодно для группы: одним врагом становилось меньше. Отсюда заповедь: убивай чужеродцев. В ряде групп, бедных пищей, старики и слабые дети были вредным грузом: пользы они не приносили, а хлопот доставляли немало. Под влиянием инстинкта группового самосохранения в таких группах установился обычай убийства стариков и беспомощных детей. Короче говоря, весь уклад группы и поведение отдельных ее членов здесь диктовалось инстинктом группового самосохранения, индивид сам по себе здесь ценился мало. Если интересы группы требовали его смерти – он умирал или убивался. И право, и религия, и все устройство группы принимали тот характер, какой требовался интересами группового самосохранения.

Ему же обязаны своим бытием такие социальные институты, как институт войска, как явления войн между группами и т. п.

Из сказанного видно, что этот раздражитель отличен от инстинкта индивидуального самосохранения. Последний побуждает человека спасти свою жизнь; первый, наоборот, побуждает его идти на смерть (напр., умирать на войне) для блага других.

С поступательным ходом истории роль инстинкта группового самосохранения меняется. Раньше он побуждал умирать только за «своих» – членов своего рода или группы. Число их было ограничено. Все остальные люди считались чужими, врагами. С ходом истории область «своих», «ближних» расширялась. Теперь мы считаем «ближними» если не всех людей, то миллионы и десятки миллионов. Наиболее передовые люди считают «ближними» всех людей.

Сообразно с этим инстинкт группового самосохранения у различных людей проявляется различно. Те, которые считают «ближними» только своих родственников, те жертвуют собой за них. Кто считает «ближними» всех одноподданных, те умирают «за родину», за свое государство. Кто считает «ближними» всех людей, те приносят себя в жертву за «благо человечества», кто считает «своими» только лиц своей партии или класса, тех этот инстинкт часто побуждает умирать за интересы партийной группы или класса.

Словом, проявления его могут быть различны. Но под всеми различными формами самопожертвования индивида в пользу той или иной группы видна работа одного и того же двигателя – инстинкта группового самосохранения. Ряд социологов, в частности Гумплович, инстинкт группового самосохранения возвели на степень основного фактора. По Гумпловичу, чуть ли не вся история сводится к борьбе групп – рас – за свое существование. С самого момента появления на земле люди делились на различные расы, не похожие друг на друга. Каждая расовая группа стремилась расширяться, увеличить свою силу и мощь. Расширяясь, расовые группы встречались и сталкивались друг с другом. Столкновение их влекло за собою борьбу расовых групп друг с другом. К этой борьбе рас

и сводится вся история человечества. Ею вызваны все важнейшие социальные процессы. Борьба столкнувшихся рас оканчивалась или их взаимным уничтожением, или уничтожением одной стороны, или, наконец, покорением одной расы другою. Победившая раса делалась властвующим классом, побежденная – низшим, покоренным классом. Таким образом создавалось общественное расслоение и деление группы на аристократов-властителей и обделенную в правах массу. Властители принудительно побуждали покоренных подчиняться определенным правилам поведения, диктуемым ими. Эти правила в своей совокупности создали то, что носит название права группы или государства. Отсюда определение права Гумпловичем как принудительного господства или организованного насилия. А право в дальнейшем обусловило собой весь уклад группы и жизни ее членов. Такова суть теории Гумпловича, выдвигающей фактор группового самосохранения на роль основного фактора социальных явлений.

Эти мысли Гумпловича в различной форме разделялись и другими социологами. Они повели многих к созданию практических и политических рецептов. Согласно этим рецептам личность была признана нулем; высшим принципом было признано благо группы, в частности арийской расы. Ее признавали творцом всей культуры, носителем прогресса и во имя ее блага требовали, чтобы все другие расы и группы очистили для нее всю землю. В случае отказа добровольного очищения земли эти писатели признавали законным и нравственным уничтожение низших рас путем алкоголя, разврата и смертной казни и войны.

Мы не будем подробно критиковать ни теорию Гумпловича, ни только что изложенные теории. Все предыдущее говорит о том, что если инстинкт группового самосохранения и играет большую роль, то эта роль не исключительная, рядом с ним действовали и действуют другие, не менее важные факторы. Посему к борьбе расовых групп нельзя сводить всю историю. В ней наряду с борьбой имеются и явления взаимопомощи. Борьба рас, далее, не исчерпывает всех видов социальной борьбы. Что же касается теорий, рекомендующих уничтожение других рас для блага арийской расы, то они неверны и возмутительны с нравственной точки зрения.

Литература: Дарвин: Происхождение видов; Кропоткин: Взаимная помощь как фактор эволюции; Вагнер: Биопсихология, т. II; Сутерланд: Происхождение и развитие нравственного инстинкта; Гумплович: Основы социологии; Ковалевский: Современные социологи, гл. о Гумпловиче, Лапуже, Аммонне; Ж. Фино: Агония и смерть человеческих рас; Ковалевский: Обособление дозволенных и недозволенных действий (Новые идеи в социологии. Сб. № 4); Westermarck: The origine and development of the moral ideas, т. I и II; Дюркгейм: Разделение общественного труда.

§ 6. Бессознательное подражание как фактор

Из дальнейших биологических двигателей поведения отметим *бессознательное подражание*. И животные, и люди ряд действий совершают в силу бессознательного подражания действиям других животных или людей. Простейшими фактами такого рода служат общеизвестные факты заразительности зевания, смеха, ужаса и т. п. Достаточно иногда одному зевнуть, чтобы начали зевать и другие. Смех одного в компании весьма часто вызывает и смех других людей. Крик «Пожар!» и бегство одного в театре вызывает паническое бегство других. Бегство одного с поля битвы может повлечь за собой паническое бегство остальных солдат. Во всех этих случаях одни люди копируют, повторяют действия других в силу бессознательного подражания.

Эта заразительная роль подражания была подмечена рядом социологов. У нас Н.К. Михайловский, во Франции – Г. Тард, в Америке – Болдуин, Гиддингс, в Италии – Сигеле, Росси и др. весьма тщательно изучали явление подражания и придали ему громадное значение. Некоторые из этих лиц, как, напр., Тард, дошли до того, что к подражанию пытались свести всю социальную жизнь и рассматривали его как главный и чуть ли не единственный фактор поведения и социальной жизни. Очертим кратко теорию Тарда.

Повторение явлений, согласно Тарду, – мировой закон, существующий и в космическом, и в биологическом, и в социальном мире. Колебание воздушных или эфирных волн – пример повторения в области физико-химических явлений. Здесь одна волна повторяет другую. Явления наследственности – пример повторения в области жизненных явлений. Сын повторяет отца, внук – сына. Явления подражания – пример повторения в области социально-психических явлений. Подражать – значит повторять, копировать определенный образец. Подражание играет громадную роль в общественных явлениях, к нему сводится всякое социальное явление. Само общество, говорит Тард, дано только там, где существует подражание. «Общество – это подражание, а подражание – род сомнамбулизма». Человек, по Тарду, похож на загипнотизированное существо, вечно копирующее или подражающее тем или иным образцам. Все достояние человека: его убеждения, верования, идеи, его язык, его знания, его манеры – все это результат подражания, все это каждым из нас заимствовано у других, а теми в свою очередь скопировано у третьих лиц. *Всякое сходство людей в области религиозных верований, в области мифологии, права, нравственности, языка, техники и т. д. обязано своим существованием подражанию*. Если бы не было подражания, различные люди и группы людей не могли бы иметь сходные нравы, обычаи, сходные формы искусства, языка и т. д. Каждый человек в этом случае был бы резко отличен от других людей. Ничего сходного не могло бы быть и между различными народами. Подражание дано всюду: низшие слои подражают высшим, дети –

старшим, один народ – другому, одни люди – другим. Типичным проявлением подражания служит *мода*. Мода существует всюду: и в области смены костюмов и эстетических воззрений, и в области увлечения той или иной теорией, партией, религией и т. д. В явлениях моды особенно наглядно дает себя знать подражание. Подражанием же объясняются всякого рода социально-психические эпидемии и поветрия: эпидемии самоубийств, тех или иных верований и т. п. Из сказанного видно, какую громадную роль приписывал Тард подражанию.

Спрашивается, насколько приемлемы его взгляды?

Ответ гласит: *Тард преувеличивал роль подражания и приписал ему слишком большое значение. Это преувеличение объясняется прежде всего неясностью и разнородностью того содержания, которое Тард вкладывал в слово «подражание».* Для него подражанием было и бессознательное повторение чужого акта (напр. зевание), и сознательное заимствование того или иного образца в силу его пользы, удобства и т. п. осознанных мотивов (напр. заимствование новой усовершенствованной машины), и принудительное повторение под страхом наказания каких-либо действий (напр. уплата податей, исполнение ряда обязанностей и т. п.). Между тем все эти действия резко отличны друг от друга. Одно дело – бессознательное повторение чужого зевка, другое дело – заимствование, напр., более высоких способов обработки земли. В первом случае повторение бессознательно, во втором же случае мы имеем дело с сознательным заимствованием определенных способов обработки земли, диктуемых ясными соображениями пользы, удобства, большей урожайности такого способа. Такие разнообразные явления нельзя смешивать и нельзя называть их одним и тем же именем подражания. *Правильнее будет под подражанием как фактором поведения разуметь бессознательное подражание.* Все же *сознательные* заимствования или копирования различных образцов должны быть выделены из области подражательных фактов. Такие заимствования вызываются не подражанием, а другими факторами поведения: знанием и пользой, удобством и т. п. мотивами. Если бы сознательно заимствуемые образцы поведения или предметов не давали тех или иных плюсов и выгод, они не были бы заимствованы, хотя бы их постоянно демонстрировали перед нами. Тут сила подражания не играет никакой роли. Если так понимать подражание, его роль будет гораздо скромнее по сравнению с той, какую приписывал подражанию Тард.

Ошибался он и в объяснении сходств людей одним подражанием. Многие народы, совершенно не встречавшиеся друг с другом, следовательно, не имевшие возможности подражать друг другу, имеют ряд сходных черт в области права, искусства, верований и хозяйственного устройства. Такие сходства вызваны не подражанием, а сходством самой человеческой природы и окружающих общество условий. Благодаря им (а не подражанию) возник и существует ряд сходства различных лиц и социальных групп.

Словом, теорию Тарда во многих отношениях приходится признать неверной и роль подражания в его оценке преувеличенной.

Но это не значит, что бессознательное подражание не играет никакой роли в поведении людей и в социальной жизни. Если эта роль не столь велика, как полагал Тард и другие, *то все же она значительна*. Ряд явлений и социальных процессов говорит о влиянии этого фактора. Примеры заразительности зевания, скуки, смеха и т. п. были приведены выше. Они общеизвестны. А вот более сложные факты. В 1813 г. на одном дереве повесилась одна женщина. Вслед за ней на том же дереве повесилось несколько других. В 1772 г. в доме инвалидов на одном крючке повесился один из инвалидов; в короткое время на том же крючке повесилось 15 других лиц. Достаточно было крючок убрать, чтобы самоубийства прекратились. Подобных фактов немало. В эпидемиях самоубийств, как, напр., у нас в 1908–1910 гг., немалую роль играло и играет подражание.

То же применимо и к другим психическим эпидемиям. Продолжительное пребывание в среде психически ненормальных людей оказывает сильное влияние на здоровых людей (напр. на врачей) и вызывает в силу бессознательного подражания ряд ненормальностей в их психике, вплоть до сумасшествия (см. «Палата номер шесть» Чехова). Человек, вращающийся в том или ином обществе, помимо его воли и желания бессознательно заимствует ряд черт из окружающей его среды. Вот почему в массовом распространении той или иной моды, напр. танго, революционного коммунистического движения, увлечения футуризмом, теософией, сектантством и т. д., бессознательное подражание играло и играет немалую роль. Под его влиянием складываются нравственные, эстетические и политические воззрения людей. Эстетические вкусы и нравственные убеждения в каждом из нас формируются с малых лет. Все мы с детства слышим, что Шекспир – великий писатель, что Венера Милосская – прекрасна, что Кант – великий философ и т. п. Эти положения мы бессознательно впитываем в себя вместе с «молоком матери». В итоге у нас получаются готовые шаблоны вкусов и оценок; не будь бессознательного внушения и подражания – иными были бы и наши оценки. В этом случае весьма вероятно, что в музее мы прошли бы мимо статуи Венеры, Шекспир нам не показался бы великим писателем, а Пушкин – великим поэтом. Так и обстоит дело с теми, кто (напр. крестьяне) не находился под влиянием рассматриваемого фактора.

Еще резче влияние подражания выступает в тех случаях, когда человек, подталкиваемый им, совершает ряд необычных для него поступков. Известен ряд случаев, когда тихие и кроткие люди под влиянием подражания делались убийцами, трусы – храбрецами, настроенные одним образом переменяли настроение на противоположное и т. п.

Такие факты обычно происходят в толпе. Настроение толпы заражает человека, попавшего в толпу; оно подавляет личное настроение последнего и настра-

ивает его, помимо его воли и сознания, в унисон господствующему в толпе настроению. В таких условиях десница человека часто совершает то, что противно его шуйце, и обратно^{21*}.

Не всегда, конечно, подражание имеет одинаковое влияние и заразительность. Для действия внушения-подражания нужны особые благоприятные условия. Спрашивается, каковы же эти условия?

Они сходны с условиями, необходимыми для гипнотического усыпления человека. *Такими условиями будут все обстоятельства, ведущие к усыплению или оглушению высших центров сознания.* Пока высшие центры сознания (разум) бодрствуют, человек не может быть загипнотизированным. Пока они бодрствуют, бессознательное подражание бессильно над человеком. Оно становится могучим и неотразимым, когда разум – сознание человека – перестает работать, перестает контролировать раздражение и ответные поступки человека, иначе – когда оно засыпает, или, как у ребенка и дикаря, не развито.

Этому засыпанию высших центров сознания благоприятствуют *бедность и монотонность впечатлений.* Они действуют «усыпляюще», они ослабляют деятельность и бодрствование высших форм нашей умственной деятельности. Они делают человека «сомнамбулой». Монотонные удары дождя о крышу способствуют засыпанию. Для погружения человека в гипнотический сон нужны те же условия монотонности и однообразия: тишина, сосредоточение внимания пациента на какой-либо точке, напр. на шарике молоточка, монотонные пассы и повторения фраз вроде «вы засыпаете», «вы уже спите» и т. п. Однообразие среды и ее раздражений влекут ослабление работы высших центров сознания, следовательно, способствуют росту подражательности. Отсюда понятно, почему дети, разум которых еще не развит, и дикари, жизнь которых беднее и монотоннее, чем жизнь культурных людей, сильнее последних, а дети – сильнее взрослых склонны к подражанию, почему в средние века, когда обстановка жизни каждого члена гильдии или цеха была очень однообразна и монотонна, подражание играло громадную роль: ураганом по Европе проносились психические эпидемии (пляска св. Витта^{22*}, увлечение крестовыми походами, распространение сект и суеверий и т. п.), распространявшиеся путем подражания. Сказанное делает понятным, почему человек, умственно развитый, менее склонен к подражанию, чем человек, имеющий «слабые мозги». Это условие нашло применение и в области военной дисциплины. Для успеха битвы нужно, чтобы солдаты «слепо» повиновались команде, чтобы они были единой машиной, выполняющей приказы начальников. Поэтому сознательно или бессознательно воинская муштровка солдат направлена на развитие в солдатах внушаемости и подражания путем однообразной маршировки, монотонного битья барабана, мерного, массового такта или ритма и т. п. Сознание таким путем

усыпляется, солдаты, однообразно выполняющие приказы, заражают друг друга, получается круговое подражание; в итоге – вся масса солдат превращается в одну машину, слепо исполняющую приказы команды.

Словом, *при монотонности, однообразии и бедноте впечатлений человек становится подражательным автоматом*, исполняющим беспрекословно, подобно загипнотизированному, любой приказ; при бездействии высших центров сознания он слепо копирует всякий образец, автоматически подчиняется всякому подражанию.

Тот же результат получается, когда на человека действует слишком много раздражений. Они оглушают сознание, притупляют его; оно не успевает справиться с ними и переварить их. В результате – и здесь получается ослабление работы высших форм сознания и превращение человека в пассивного автомата, бессознательно подчиняющегося внушению.

Эти условия даны в толпе. Долговременное пребывание людей в одном месте, в духоте, в тесной близости друг к другу способствует усталости центров сознания, влечет их «усыпление». «Я» человека, его разум, оглушается шумом, галдежом, волнением и беспорядком толпы. Два-три часа, проведенные в таком месте, истощают энергию высших центров сознания и превращают людей в автоматов, умных – в глупцов. Такое собрание в итоге превращается в стадо, где получается круговая подражательность. Опытный агитатор или вожак может подстрекнуть это стадо на любое дело, начиная с высокого подвига и кончая преступлением.

Оттого-то толпа опасна. За ее действия никогда нельзя поручиться. Она способна на все. Ее настроение неустойчиво. Сейчас она идет за одним вожаком, через час может пойти за противоположным.

Вывод из сказанного таков: *бессознательное подражание является фактором человеческого поведения и социальных явлений. Условиями, благоприятствующими его влиянию, служат все обстоятельства, ослабляющие и усыпляющие высшие центры сознания. Такими условиями, в частности, служат: однообразие, бедность и монотонность впечатлений, с одной стороны, с другой – чрезмерное богатство раздражений, притупляющих и оглушающих эти высшие центры сознания, ослабляющих их контрольную работу.*

Литература: Н.К. Михайловский: Герои и толпа. Еще о героях и толпе; Патологическая магия; Тард: Законы подражания; Социальные законы; Сигеле: Преступления толпы; Вигуру и Жукелье: Психическая зараза; Бехтерев: Гипнотизм; Ковалевский: Современные социологи, гл. о Тарде; Болдуин: Духовное развитие детского индивидуума и челов. рода, т. I; Вагнер: Психология животных; Морган: Привычка и инстинкт; Ross: Foundations of sociology. Гл. Mob. mind.

§ 7. Другие биологические условия как факторы

В предыдущем мы рассмотрели ряд биологических раздражителей поведения и факторов социальных событий. Ими, однако, не исчерпываются биологические «моторы» поведения. Помимо их имеются другие биологические раздражители, обуславливающие поведение людей и вызывающие в нем определенные эффекты; не характеризуя их подробно, просто упомянем про них. Такова, напр., потребность *движения*. Движение является характерным свойством всякого животного организма вообще. Тем более оно свойственно человеку. Двигаться, делать что-либо составляет для него абсолютную потребность. Эта потребность удовлетворяется частью в сознательно-целевых движениях, частью – в движениях и действиях бесцельных, совершаемых в силу самой потребности движения. Ее удовлетворение является раздражителем, толкающим людей на ряд поступков, на ряд действий, начиная с бесцельных движений отдельных частей тела (при боли, при избытке сил и т. д.) и кончая рядом сложных поступков (беганье, прыганье, бесцельная прогулка, игры и т. д.). Что такой биологический раздражитель имеется, это всего яснее видно тогда, когда животное, напр. собака, или человек лишается или ограничивается в свободе движений. Известно, что лишение человека свободы движений, напр. связывание по рукам и ногам, вызывает мучительное состояние и сравнительно в короткое время становится нестерпимым. Мучительным оказывается и простое ограничение свободы движений, напр. пределами определенного помещения (тюрьмы, камеры) или даже пределами определенной территории (запреты въезда и выезда, свободы передвижения и т. д.). Эта мучительность и те протесты, которые вызываются такими ограничительными мерами, прекрасно подтверждают наличие потребности движения, стало быть, и наличие рассматриваемого раздражителя поведения. Социальных явлений, вызываемых им, достаточно много.

На его почве возникли такие общественные институты и процессы, как наказание людей путем лишения или ограничения их свободы движения (тюремное заключение, заковывание в кандалы, приковывание к стене, связывание по рукам и ногам и т. п.), ограничение права передвижения (черта оседлости, запреты въезда, выезда, свободного переселения) шлагбаумами и т. п.; борьба против таких мер: борьба за свободу движения и передвижения, борьба с запретами въезда и выезда, с паспортной системой и т. п.

В качестве других биологических раздражителей, влияющих на поведение человека и общественную жизнь, упомянем *биологическую потребность отдыха и сна, потребность удаления из организма ненужных, отработанных веществ (мочи и кала), потребность дыхания и т. д.*

Эти «раздражители», подобно предыдущим, заставляют человека совершать ряд действий и вызывают ряд явлений в общественной жизни. Человек

не может непрерывно работать или непрерывно бодрствовать. В силу свойств организма он нуждается в отдыхе и сне. Соответствующие «моторы» поведения заставляют его бросать работу или сменять бодрствование сном. Ими вызывается ритм жизни каждого из нас, состоящий в чередовании бодрствования, сна, работы и отдыха. В общественной жизни они себя дают знать во множестве явлений, начиная с суточного ритма человеческой деятельности и кончая такими явлениями, как длина рабочего дня, как борьба за восьмичасовой рабочий день, как явления рабочих смен, как регулировка труда и т. п. То же применимо и к такому раздражителю, как *потребность удаления из организма ненужных веществ*. Не говоря уже про влияние ее на наше поведение, эта потребность в общественной жизни вызывает ряд институтов и процессов, начиная с устройства «уборных» в частных и публичных зданиях и кончая множеством явлений, связанных с социальной гигиеной и санитарией. К числу биологических же раздражителей принадлежит *флора и фауна*.

Не очерчивая подробно их роли, ограничимся простым упоминанием этих факторов.

Из остальных биологических факторов остановимся кратко на явлении наследственности и условных рефлексах.

Литература: См. курсы физиологии человека.

§ 8. Влияние наследственности на поведение людей и социальную жизнь

Под наследственностью разумеется явление передачи ряда свойств родителей потомству не путем воспитания, научения и т. п., а путем чисто биологическим, т. е. через посредство половой или зародышевой клетки. Наследственно полученными свойствами будут только те, которые заложены были в самой зародышевой клетке родителей, из которой развивается организм потомка.

Все же свойства, которые дети получают от родителей путем научения, воспитания, сознательного подражания, путем не биологической, а социально-психической передачи, не будут наследственными свойствами и соответствующие явления не относятся к явлениям наследственности.

Нет необходимости доказывать существование явлений наследственности. Она была замечена и доказана как в мире животных, так и в мире человека. Не чем иным, как наследственностью, объясняется тот факт, что потомство любого организма по своим основным свойствам представляет повторение свойств родительских организмов. Из половых клеток растения получается растение, животное производит на свет животное, яблоня производит яблони, волк – волка,

человек – человека, словом, каждый организм производит потомство, подобное себе по основным свойствам. Строение организма, его основные свойства, его жизненные процессы, его поведение оказываются заранее predetermined наследственностью.

Это значит, что ее влияние на поведение людей и социальную жизнь несомненно. Доказывать это не приходится.

Речь здесь может идти лишь о том, *насколько велико влияние наследственности в мире людей? Является ли она решающим или второстепенным фактором? Какие свойства людей, какие стороны их поведения и какие явления общественной жизни обязаны своим существованием наследственности?* Таковы вопросы, которые мы хотя бы кратко должны очертить.

Всякий человек со всеми своими свойствами, характером и чертами может быть рассматриваем как результат, как произведение двух основных условий: 1) наследственности; 2) влияния среды. Если обозначим человека значком x , наследственность – a , влияние среды (космической и социальной) – b , результат – f , то мы можем эту мысль выразить уравнением: $x = f(a + b)$, т. е. человек представляет производную величину наследственности и среды. Теперь и спрашивается: *которое из этих основных условий (a и b) имеет большее значение?* Обязаны ли своими свойствами человек больше наследственности или той – космической, биологической и социально-психической – среде, которая влияла на него со времени его появления на свет и которая окружала и окружает его со дня рождения до смерти?

Этот вопрос имеет не только теоретическое, но и громадное практическое значение. Очевидно, что раз человек представляет главным образом продукт наследственности, то все меры, направленные на исправление и улучшение людей путем воспитания, обучения, путем изменения среды вообще, тогда теряют свое значение или получают значение ничтожное. То же приходится сказать и о всех попытках улучшить общественную жизнь людей и их поведение путем социальных реформ, изменяющих внешний уклад жизни. В этом случае на реформы не приходилось бы возлагать больших надежд, ибо раз свойства человека предопределяются наследственностью, а не средой, то изменение среды не может существенно изменить человека. Человек с плохой наследственностью останется плохим человеком, несмотря на все воспитание, обучение и вообще влияние среды.

Скверно устроенная общественная жизнь останется такой, несмотря на все реформы.

Иначе обстоит дело в том случае, если окажется, что в формировании человека, его свойств, его поведения главное значение принадлежит не наследственности, а среде. Тогда громадное значение получают воспитание, обучение, изменение среды путем социальных реформ. Тогда большие надежды можно

возлагать на все меры, стремящиеся путем изменения среды изменить в желательном направлении свойства, поведение и жизнь людей.

И сами реформы, и сама политика улучшения человека и общественной жизни в том и в другом случае будут различными. Если влияние наследственности решающее и если по наследству передаются потомству все основные свойства родителей, напр. болезни тела, сумасшествие, алкоголизм, преступность, умственные способности и т. д., то здоровая политика улучшения человеческой природы заключалась бы в том, чтобы не допускать размножения людей с теми или иными недостатками и способствовать размножению людей, здоровых телесно и духовно. В этом случае необходимо было бы запретить преступникам, алкоголикам, людям больным, слабым, умственно отсталым и т. п. иметь детей. Слабых и старых, калек и людей опустившихся следовало бы в этом случае не содержать в приютах, не лечить, не помогать им, а, напротив, способствовать их вымиранию: чем меньше их будет, чем скорее они исчезнут, тем лучше, тем меньше шансов на то, что они оставят скверное, слабое, преступное или алкоголическое потомство, тем скорее будет улучшаться человеческая природа. Ряд лиц, стоявших на этой точке зрения, советовали людям отказаться от «вредной сентиментальности» и рекомендовали прямое уничтожение больных, преступных и алкогольных людей, запрещение вступать им в брак, оскопление их с целью лишить их возможности иметь детей и т. д. «Производителями людей», с их точки зрения, должны быть только здоровые – умственно и телесно – люди. Выживать и жить должны только сильные люди, слабым, больным и преступным людям не должно быть места на пиру жизни – таков лозунг этой политики.

Иной будет она, если признать решающим фактором не наследственность, а влияние среды. В этом случае, очевидно, главное внимание должно быть обращено на улучшение этой среды, на воспитание людей, на хорошую организацию общественной жизни и т. д. В этом случае совершенно бессмысленными будут запреты иметь детей лицам с теми или иными недостатками, ибо не от наследственных свойств родителей, а от среды будут зависеть свойства потомства.

Как видим, поставленный вопрос действительно имеет громадное не только теоретическое, но и практическое значение.

Как же решается он современной наукой? Многое здесь до сих пор остается спорным. Наиболее вероятное решение гласит следующее. *В деле образования человека, в формировании его свойств, характера, склонностей, способностей и т. д. имеют значение и наследственность, и влияние среды.* Бесспорным положением науки является взгляд, что все так. наз. родовые свойства организма, которые «заложены» были в половой или зародышевой клетке, передаются по наследству. Это значит, что все основные, родовые свойства человеческого организма наследственно передаваемы. К таким свойствам нужно отнести прежде всего *анатомическую и физиологическую организацию человека.* К этим же

свойствам, как мы видим, нужно отнести рассмотренные выше *биологические* инстинкты человека: инстинкты питания, половой, самосохранения (индивидуального и группового), подражания; *рефлексы*: движения, дыхания, обмена веществ и др. Они, как я не раз подчеркивал, даются вместе с организмом и от него неотъемлемы. Они не зависят от научения, личного опыта, они наследственны.

Иначе обстоит дело *не с родовыми, а с индивидуально приобретенными человеком свойствами*, т. е. с теми, которые под влиянием среды человек приобрел в течение своей *личной* жизни, которые представляют результат его личного опыта, научения, словом, являются лично приобретенным, а не наследственно полученным достоянием. Передаются ли по наследству, напр., такие свойства, как склонность к пьянству или преступности, приобретенные данным человеком в течение его личной жизни, как та или иная болезнь (напр. чахотка, психическое расстройство), лично приобретенная, как те или иные умственные и нравственные способности: гениальность, талантливость или искалеченность (напр. безрукость), лично приобретенные, и т. п.?

Этот вопрос о передаче индивидуально приобретенных свойств спорен. Одни (напр. Ламарк, Спенсер, Рибо и др.) утверждают, что такие свойства могут передаваться по наследству. Другие (во главе с Вейсманом) утверждают обратное: по их мнению, индивидуально приобретенные свойства по наследству не передаются. Спор этот не закончен до сих пор. Решительный ответ на него пока что дать трудно. Всякий ответ может быть лишь более или менее вероятным. Наиболее вероятным ответом представляется следующий. Оба крайние течения ошибочны. *В отличие от взглядов Вейсмана, можно думать, что при определенных условиях многие индивидуально приобретенные свойства могут передаваться по наследству: ряд опытов делает это несомненным. В отличие от первого течения, следует полагать, что не все индивидуально приобретенные свойства передаваемы, а только некоторые и при наличности определенных условий.*

Каковы же те свойства, приобретение которых отражается, оставляет «след» или оказывает влияние на половые клетки человека (зародышевую плазму)? Если лично приобретенное свойство (напр., сифилис или чахотка) отражается на половых клетках, оно может перейти к потомству¹; если этого влияния нет, оно не делается свойством наследственным. Таков общий ответ.

Теперь спрашивается: *при каких же условиях индивидуально приобретенные свойства оказывают влияние на состояние половых клеток?* Таких условий, вероятно, много. Здесь укажем лишь на одно: на полезность этого признака с точки зрения *выживания при условии постоянства и устойчивости среды.*

¹ Ряд в высшей степени важных положений о законах этой передачи дают законы Менделя, но ввиду их сложности мы не будем касаться и излагать их здесь и просто отошлем к ряду указываемых ниже работ.

Индивидуально приобретенные свойства появляются как у других организмов, так и у человека *в силу влияния изменившейся среды*. Так, путем влияния искусственной температуры на куколок бабочки можно вызвать изменения их окраски и ряд других свойств. Такие же опыты были произведены над голубями и др. животными. Путем искусственной пищи можно вызывать изменения в строении и в поведении животных. Ряд новых свойств в организме можно получить путем изменения влажности среды, путем воздействия среды и др. ее раздражителей. Раз почему-либо среда изменяется, организм, чтобы выжить, должен приспособиться к изменившейся среде. Если это изменение среды очень резко, то организмы обречены на гибель. Так погибло множество животных при смене геологических периодов на земле. История земной коры рассказывает нам о множестве животных видов, которые погибли, не сумев приспособиться к изменению окружившей их среды, т. е. не сумели надлежащим образом измениться и приобрести новые свойства, требовавшиеся для жизни в новой изменившейся среде. Раз последняя изменяется, то организм должен «переломить» себя, кое-что из полученных свойств потерять и кое-что приобрести новое.

Теперь предположим, что организм *A*, очутившийся в изменившейся среде, напр. в пониженной температуре, обозначим ее буквой *B*, приобрел новое индивидуальное свойство *X* (напр. обрастание шерстью), дающее ему возможность жить и в новых условиях. Благодаря свойству *X* организм приспособился к среде; изменение последней (*B*) вызвало появление в организме признака *X*. Если теперь *B* будет явлением постоянным, которое будет существовать десятки и сотни лет, то для всего потомства *A* будет полезно приобретенное *A* новое свойство *X*. В силу закона борьбы за существование и выживание приспособленных весьма вероятно, что *X* или у *A*, или у его потомства постепенно станет признаком, передаваемым по наследству; иными словами, превратится из индивидуально-приобретенного в наследственный признак.

Для этого, как видим, необходимо, чтобы новое свойство было целесообразно и, во-вторых, чтобы среда была устойчива и постоянна. Если бы в нашем примере *B*, т. е. новое условие среды, через год исчезло, то организм *A* через год снова должен был бы потерять новое свойство *X*, ибо оно больше не нужно. Его же потомкам это *X* было бы совершенно бесполезным и излишним. Посему едва ли *X* в этих условиях может превратиться в наследственный признак, а если бы даже и превратился, то в новых поколениях он скоро исчез бы как ненужный и вредный.

Теперь будет понятным, если я скажу, что *постоянная и малоизменяющаяся среда благоприятствует превращению индивидуально приобретенных свойств в наследственные; среда же текучая, постоянно меняющаяся препятствует такому превращению*. Препятствует потому, что, раз она постоянно меняется, никакое новое приобретенное свойство не успеет «застыть», его «отвердение»

было бы нецелесообразно и бесполезно. Если оно было благоприятно при изменении среды, выражающемся в явлении *B*, то, раз *B* через малый промежуток времени сменилось *C*, *C* сменилось *A* и т. д., то организм, чтобы выжить, должен непрерывно изменять свои свойства, а не делать их наследственными. Приобретенное им свойство *X* было целесообразно для нового условия среды *B*, но оно бесполезно для изменения среды, состоящей в явлениях *C*, *A*, *E*, *X* и т. д. Раз среда текуча и изменчива, текучими, легко изменяемыми должны быть и индивидуально приобретенные свойства. Превращение их в наследственные не благоприятствует выживанию, а скорее мешает ему. При текучей среде твердые, заостреннейшие наследственные свойства являются обременительным грузом. Организм, живущий в такой среде, должен быть гибким, эластичным, легко изменяющимся в различных направлениях, легко приобретающим новые свойства, но и легко расстающимся с ними.

Больше того, *непостоянная и быстро меняющаяся среда не только препятствует превращению индивидуально приобретенных свойств в наследственные, но она ведет к разрушению ряда наследственно передаваемых признаков и свойств, она ослабляет само явление наследственности*. Почему? Потому что новые условия среды могут быть такими, при которых наследственно полученные свойства не только не полезны, а вредны для выживания организма. Такая среда предъявляет последнему ультиматум: или он изменит свои свойства, или погибнет. И если организм не погибает, он должен потерять в ряде поколений вредные при новых условиях наследственные черты. В силу влияния среды часть наследственно приобретенных свойств должна будет постепенно выветриваться и разрушаться.

Теперь, после сказанного, мы можем перейти к человеку. *Могут ли у него сделаться наследственными индивидуально-приобретенные свойства? Только в виде исключения. В общем и целом это маловероятно*. Почему? Потому что среда, в которой он живет, именно социальная среда, здесь чрезвычайно сложна, текуча и изменчива. Социальная жизнь, в которую каждый из нас погружен, постоянно меняется. Раздражения из нее исходят непрерывно, они разнообразны, неустойчивы и подвижны.

Эта среда похожа на бурный водопад, не стоящий на одном месте, а несущийся со стремительной быстротой, и чем дальше от истоков, т. е. от древних первобытных времен, тем быстрее. Вчерашняя среда не похожа на сегодняшнюю, последняя – на завтрашнюю. Меняется все: люди, нравы, обычаи, формы хозяйства, мир верований и убеждений. И *чем цивилизованнее социальная группа, тем изменения происходят быстрее*. С этой точки зрения *среда города* более изменчива, чем *среда деревни*; среда европейских народов более неустойчива, чем среда диких племен. Там, как и в деревне, жизнь течет медленно, царствует

старый обычай, новшества редки. В городе жизнь бьет шумным потоком, царствует мода, быстрота изменений поразительна².

При таких условиях нет времени для того, чтобы индивидуально приобретенное свойство успело «закостенеть» и сделаться наследственным. Нет никакой пользы от такого закаливания: пока индивидуально приобретенное свойство затвердевает в наследственный признак, среда может измениться и сделать последний не полезным, а вредным для жизни. Мало того: в такой вечно текучей среде организм должен быть гибким, эластичным, легко изменяющимся, легко приобретающим новые свойства и легко теряющим их. Иначе здесь нельзя жить. Организм же с твердыми наследственными свойствами здесь похож был бы на нечто неуклюжее, громоздкое, неприспособленное. Такой человек был бы побежден другими более эластичными организмами. Вот почему мало оснований для превращения индивидуально приобретенных свойств человека в наследственные.

Больше того. На основании сказанного понятно будет, что *под влиянием сложной и неустанно несущейся социальной среды у человека должны постепенно выветриваться и разрушаться многие наследственно передаваемые признаки и свойства.*

Наблюдение подтверждает полученные выводы. 1) *Кроме анатомо-физиологических родовых свойств и инстинктов, индивидуально приобретенные признаки у людей, как общее правило, не передаются по наследству.* Раньше думали, что наследственно передаются и знания, и убеждения, и вкусы, и преступность, и склонность к пьянству, и стремление к самоубийству, и все психические болезни, и т. д. Теперь правильнее будет иной взгляд: ни знания, ни убеждения, ни вкусы, ни склонность к преступности, к самоубийству и к ряду психических болезней и т. д., как общее правило, наследственно не передаются. Обратные случаи – исключения. Если мы видим, что дети преступника, алкоголика, мыслителя, поэта и т. д. становятся часто преступниками же, алкоголиками, учеными, поэтами и т. д., то причиной этого явления служит не наследственность, а среда – та среда, которая окружила этих детей с момента появления их на свет. Дети преступников или алкоголиков с малых лет дышат воздухом преступления и пьянства, с малых лет они впитывают в себя эту ядовитую атмосферу, кроме того, с малых лет они обречены на нужду, их сторонятся другие люди, отцы «приучают» их к своему ремеслу, иногда под страхом угроз и кар. Словом, жизненная среда дает им уроки преступления, пьянства и разврата.

Мудрено ли, что люди, выросшие в таких условиях, становятся тем же, чем были их отцы. Виной тому не наследственность, а среда. Измените ее, и иными будут люди.

² См. сборник «Большие города». Изд. «Просвещение».

2) *Выше, при характеристике роли инстинктов, мы видели, что инстинкты под влиянием социально-психических факторов видоизменяются, сила их уменьшается, механизм их у человека уже испорчен и постепенно разрушается. Это говорит о том, что социальная среда разрушает у человека и в значительной мере уже разрушила многие родовые, наследственно передаваемые свойства.*

Механизм инстинктов постепенно выветривается. Сложная социальная среда заставляет человека делаться гибким, лишенным большого груза наследственных, негибких свойств. И это можно сказать не только об инстинктах, но и о всей анатомо-физиологической природе человека. В процессе истории под влиянием социальной среды строение человеческого организма претерпело ряд существенных изменений. Между первыми людьми и людьми нашего века немалая разница и в этом отношении.

3) *А все это говорит о том, что относительная степень влияния наследственности и среды в человеческом мире не есть величина постоянная, а исторически изменчивая. На заре истории или в первобытных группах роль наследственности больше, чем в группах культурных людей XX в.; больше потому, что там среда менее сложна, не так текуча, не так быстро изменчива, как в современном городе и в культурных странах. А это означает, что с ростом культуры, с усложнением и ускорением темпа общественной жизни влияние и роль наследственности все более и более падает, все большее и большее значение приобретает влияние среды, в частности среды социальной. Такова историческая тенденция. Это не значит, что наследственность сейчас перестала играть роль. Нет! Ее роль еще громадна. Но эта роль постепенно падает. Процесс этот очень медленный, но, по-видимому, несомненный.*

Отсюда вывод: нельзя говорить, что изменение среды, окружающей человека или народ, бесполезно для улучшения последних. Мы видим, что дело обстоит не так. И теперь уже едва ли не среде, за некоторыми исключениями, принадлежит главное значение в формировании человека. Среда делает честного преступным, и обратно; среда делает безграмотного ученым, и обратно; угашает и подавляет гениев и таланты. Измените среду человека и среду народа – вы можете достигнуть многих изменений в их жизни, свойствах и в поведении.

Литература: Р. Гольдшмидт: Основы учения о наследственности; Донкастер: Наследственность; Гюйо: Воспитание и наследственность; Новые идеи в биологии. Сб. № 4: Наследственность; Бордажа: Наследственность и теория мутаций. «Природа». 1913. Май; Ламарк: Философия зоологии; Вейсман: Эволюционная теория; Корренс: Новые законы наследственности; Баур: Введение в экспериментальное изучение наследственности; Draghicesco: Du rôle de l'individu dans le déterminisme sociale; сборник «Большие города».

§ 9. Условные рефлексы и их роль в поведении человека

В предыдущем параграфе мы видели, что с ростом культуры природа человека должна становиться все более и более гибкой, что наследственно передаваемые свойства под влиянием усложняющейся и все быстрее изменяющейся социальной среды должны разрушаться и заменяться легко прививаемыми, но и легко отбрасываемыми свойствами и актами поведения. Эти последние являются свойствами и актами не наследственными, а индивидуально приобретенными – результатом влияния среды.

Назовем такие акты *условными актами, или рефлексами. Под ними, следовательно, нужно разуметь все действия человека, представляющие не наследственную, а индивидуально приобретенную реакцию (ответный акт) на то или иное раздражение среды.*

Такие акты резко различаются от наследственных актов реакции, или безусловных рефлексов.

Пример уяснит суть дела. Если возьмем кусок мяса и поднесем его ко рту собаки или вложим его в ее рот, то такой раздражитель вызывает у нее акт выделения слюны. Этот акт реакции на данный раздражитель (мясо) представляет *наследственный акт, или безусловный рефлекс.* Связь между раздражителем в виде мяса и ответным актом собаки в виде выделения слюны здесь безусловна, наследственна. Раздражитель в виде мяса безусловен: он неизбежно вызывает у собаки слюноотделение. Если возьмем теперь такой, напр., раздражитель, как звонок или свет, то ни тот, ни другой из них не вызывают у собаки реакции слюноотделения. Наследственной связи между этими раздражителями и реакцией слюноотделения нет. Первые не действуют подобно мясу и не заставляют собаку выделять слюну, они являются раздражителями безразличными, индифферентными. Но при известных условиях и они могут сделаться *условными раздражителями и вызывать у собаки слюноотделение.* При каких же? Для этого достаточно пускать их в ход *одновременно с безусловным раздражителем.* Если мы в момент, когда даем собаке мясо (раздражаем ее безусловным раздражителем), будем звонить в колокольчик или зажигать электрическую лампочку, то после нескольких повторений такого действия достаточно будет звонить в колокольчик или зажигать лампочку (не раздражая собаку мясом), чтобы вызывать у нее реакцию слюноотделения. Свет и звонок мы можем заменить и другими индифферентными раздражителями, эти раздражители при таких условиях начинают вызывать у собаки слюноотделение, они делаются условными раздражителями. Устанавливается условная связь между ними и реакцией слюноотделения, связь, которая не наследственна, а искусственно установлена. Мы собаке как бы «привили» привычку отвечать на звонок или свет слюноотделением. Эта прививка, как видим, совершается легко: для этого достаточно повторить несколько раз

совместное раздражение собаки безусловным и индифферентным раздражителями.

Если такая прививка условных «рефлексов» совершается легко, то так же легко и «отучить» собаку от условного рефлекса, так сказать, совершить «отвивку» последнего. Для этого достаточно несколько раз раздражать собаку одним звонком или светом (или другим индифферентным раздражителем), не давая ей в то же время мяса. С каждым разом слюны будет выделяться меньше, и в конце концов собака перестанет отвечать слюноотделением на эти раздражители. Ее органы, выделяющие слюну, как бы убеждаются в «обмане» и перестают действовать на эти раздражения. Условный рефлекс исчезает.

Из этого примера ясно отличие условных (индивидуально приобретенных) актов или привычек от актов, безусловных или наследственных. Отсюда же видна «твердость», заостренность последних и гибкость первых. Условные рефлексы легко привить и легко отвить. Наследственные же акты или рефлексы не прививаются и не отвиваются: они даются вместе с организмом, и от них отстать отучить трудно, а временами невозможно.

Теперь легко понять, что в поведении человека условные рефлексы играют громадную роль и занимают огромное место. Большинство наших актов представляя условные рефлексы. Все наши индивидуально приобретенные поступки, «привычки», манеры представляют в конце концов условные рефлексы и образуются согласно описанному механизму их установления. Колокольный звон, вызывающий рефлекс крестного знамения у верующего, телефонный звонок, заставляющий нас подходить к аппарату, звонок в классе, вызывающий у детей ряд действий (занятие места за партами и т. п.), вставание солдата «во фронт» при виде генерала, рефлексы снятия шапки или пожимания руки при виде знакомого и тысячи других раздражителей и ответных актов (все акты «вежливости», «приличия», «манеры» и т. д.) – все они представляют собой условные раздражители, вызывающие условные рефлексы. Ни акты вежливости, ни акты религиозного обряда, «приличий», «хороших манер», «дисциплины», «чинопочитания», ни вообще акты, обозначаемые словами «обычай», «привычки», «мода» и т. д., не являются актами наследственности, а представляют условные рефлексы. Они были «привиты» нам социальной средой. Часть из них была «воспитана» сознательно (родителями, учителями, друзьями, властью и окружающими людьми вообще), часть привилась бессознательно. *Задача воспитания и педагогики, собственно говоря, и заключается в том, чтобы «привить», «воспитать» у ученика желательные условные рефлексы, «научить» его на определенные условные раздражители отвечать определенными ответными актами* (условными рефлексами). Напр., при виде знакомого человека (раздражитель) снимать шапку или делать реверанс (условный рефлекс), при виде генерала – вставать во фронт, при услуге – отвечать «благодарю», при восприятии факта преступления – отвечать

актами борьбы с преступником, при определенной совокупности раздражителей в виде церковной службы – держать себя согласно определенным правилам, при другой обстановке – держать себя иначе и т. д.

Такая прививка и отвивка условных рефлексов совершается в социальной жизни постоянно. Если человек усваивает новые манеры, новый образ поведения, новые обычаи, это значит совершается прививка ряда условных рефлексов. Если он «отвыкает» от ряда обычных поступков (напр., отвыкает от матерной брани, от кражи чужих вещей, от обычая сморкаться в кулак, от обычая курения и т. д.), это значит совершается «отвивка» ряда условных рефлексов.

Их прививка и отвивка может происходить под воздействием различных факторов (наказания, награды, ущерба, вреда, пользы, совета и т. д.).

Отсюда понятно, что *наша жизнь и поведение полны условными рефлексами*. Понятно также, почему они должны появляться. Раз социальная среда – среда сложная и текучая, безусловные рефлексы представляли бы огромное препятствие для приспособления к ней. Человек, обладающий только последними, похож был бы на твердый предмет, неспособный гнуться. Его можно уложить только в одну, определенную форму. Если же эта форма постоянно меняется, то, чтобы уложиться в ней, приспособиться к среде, такой твердый предмет должен ломаться и гибнуть. Иначе обстоит дело с гибким, сгибающимся предметом. Подобно мягкому воску, его можно согнуть всяко; он гибок, он легко приспособим ко всякой форме, его легко вдавить с одной стороны и выдавить с другой. Нечто подобное напоминает организм человека, богатый условными, гибкими рефлексами. К нему легко прививаются самые разнообразные рефлексы; так же легко их и отвить от него.

Эта гибкость требуется изменчивой и сложной социальной средой, и она развилась и развивается у человека. *И чем сложнее и изменчивее становится общественная жизнь, тем прививка и отвивка условных рефлексов становится легче, тем организм человека становится гибче, эластичнее, тем более и более способен он к прививке и отвивке любых актов, диктуемых необходимостью приспособления к социальной жизни.*

И сейчас уже эта гибкость огромна. И теперь уже достаточно нередко одного «опыта» однократного воздействия на человека, однократного «урока» для того, чтобы привить ему условный рефлекс.

Можно было бы привести немало фактов такого рода.

В дальнейшем эта эластичность с усложнением и ускорением темпа общественной жизни должна расти.

Человек все более и более становится «чистой доской», на которой социальная среда выводит свои письмены: если эта среда хороша – и человек-книга будет хорошей книгой, если первая плоха, то и человек-книга будет книгой бессодержательной или дрянной.

Таковы вкратце сущность, значение и механизм образования условных рефлексов, играющих громадную роль в нашем поведении и в судьбах народа. Хотя характер их зависит, как видим, от среды, и в частности среды социальной, но так как почва или ствол, на котором прививаются и отвиваются условные рефлексы, имеет общебиологическую основу – способность организма реагировать на условные раздражители, то это дает основание рассматривать их в классе биологических раздражителей поведения и факторов социальной жизни.

Литература: *Акад. Павлов:* Настоящая физиология головного мозга. Природа, 1917, № 1; *Зеленый:* Современная биология и психология. Новые идеи в философии. Сб. № 9; *Зеленый:* Психические реакции животных как объект естествознания. Природа, 1913, октябрь; *Бехтерев:* Общие основания рефлексологии; *Вагнер:* статьи в «Новых идеях в биологии», сб. № 6.

§ 10. Общее заключение о биологических факторах

Мы рассмотрели важнейшие биологические раздражители поведения людей и факторы общественных процессов. Мы видим, что их влияние, взятое в целом, огромно. Они являются теми силами, которые управляют поведением людей и народов, тем паром, который приводит их в действие. Они «толкают», «двигают» человеческие массы на тысячи поступков. Они лежат в основе всех социальных событий, начиная с ничтожных и кончая событиями мировыми. Мы часто их не видим. Скрытые вуалью социальных и психических явлений, они не всегда учитываются нами. Нам часто кажется, что в ряде случаев биологические аппетиты и силы ни при чем, что вся суть – в психике и в общественности человека.

Это проистекает оттого, что человек – существо, дающее сознательную мотивировку большинству своих поступков. Последние выступают обычно в осознанном виде. Любому акту человек готов дать «сознательное оправдание», «мотивировку», объяснить его «резоны», «поводы и причины». С поверхностной точки зрения человек кажется существом «логическим», руководствующимся в своем поведении «логикой», «моралью», «справедливостью», «знанием», «убеждениями» и т. п.

Не будем отрицать этого: эти факторы играют роль, и с ростом культуры (ниже увидим) роль их растет. Но все же пока она не столь значительна, как кажется при поверхностном наблюдении. Сами и знания, и мораль, и религия, и права, и убеждения, и вообще логика человека являются в значительной степени игралищем биологических сил. Сами они, подобно флюгеру, повертываются туда, куда их гонит ветер биологических импульсов. Они (исключая точное знание) часто похожи на наемных льстецов, которые под влиянием биологических

раздражителей готовы сейчас доказывать, «мотивировать», «оправдывать» одно, а через час – противоположное, если таковы будут требования биологических импульсов.

Это значит, что в своем поведении человек далек еще от логичности и последовательности, что его «логика действия» совершенно не похожа на «логику разума», что она совершенно противоречива в силу влияния биологических факторов. *Часто под красивыми, благородными и великими словами, которыми человек «объясняет», «мотивирует», «оправдывает» свое поведение, находятся в качестве подлинных сил рассмотренные биологические раздражители:* «урчание голодного брюха», половое вожделение или эгоистическое самосохранение и т. п.; красивые слова – только пленка, обман, которым «мотивирующий» убаюкивает себя и других. Под ними чаще всего лежат эти не столь благородные и поэтические инстинкты и рефлексы. Они толкают, а идеал – верования и логика, подобно продажным льстецам, только «оправдывают», «мотивируют», прикрывают пудрой хороших слов эти животные вожделения.

Простым примером этой нелогичности человеческого поведения и лакейства верований-идей перед темными биологическими вожделениями может служить поведение людей при занятии места в переполненном трамвае или вагоне. Это поведение обычно представляет комедию в двух действиях. Действие 1-е. Человек лезет в наполненный вагон. «Подвиньтесь, господа! Дайте место! Потеснитесь! Есть же место! Свинство: сами заняли, а до других нет дела», и далее начинается доказывание, что место есть, что один человек вполне может уместиться и т. д. в этом роде. Здесь под влиянием биологических appetitов логический аппарат нашего героя всеми силами стремится доказать, что устроиться можно, что в вагоне место есть, что там свободно и т. д. Действие 2-е. Человек всеми правдами и неправдами занял место. Лезут другие. Логика того же человека под влиянием биологическим импульсов моментально делает поворот на 180 градусов, и герой с негодованием и возмущением начинает доказывать обратное: «Да куда вы лезете? Видите, что места нет! Куда подвинуться, не сесть же на головы. Нахальство!» и т. п.

Примеры такой «логичности» можно наблюдать ежедневно. Они прекрасно иллюстрируют «продажность» человеческого сознания, его лакейство перед биологическими appetitami, его готовность служить «Мамоне»^{23*}. Они же показывают цену «высоких слов» и «благородных мотивов». Подобные факты постоянно совершаются тысячами и десятками тысяч. Ими полно поведение людей. Их можно наблюдать в большом и малом масштабе. Возьмем недавний пример – войну. Солдаты в 1917 г., толкаемые биологическими импульсами голода, усталости, инстинкта самосохранения и т. д., чуть ли не все стали «противниками войны», социалистами, большевиками, сторонниками лозунга «Долой войну!». В основе этого поведения лежали прозаические биологические раздражители.

Слова же, которыми мотивировали они свой мир, приводились иные: высокие, благородные. Чего тут не было! И революция, и социализм, и справедливость, и интересы труда, и человечество и т. п. «возвышающий обман»! «Новая» идеология потому и привилась легко, что она «золотила, украшала» пудрой прекрасных слов урчание живота и др. биологические импульсы.

Или возьмите сотни и тысячи тех «примазавшихся» «коммунистов», которые под покровом «высоких слов и святых мотивов» («война дворцам – и мир хижинам», «углубление революции», «защита трудового народа» etc.) попросту грабили у всех и все, что было ценно – деньги, вещи, белье, квартиры и т. п., «реквизировали», «секвестрировали», «социализировали», следуя лозунгу «Что твое – мое, что мое – мое». В этих и в тысяче других факторов под высокими словами кроются «низкие истины» биологических appetitов.

Из сказанного ясна страшная сила биологических раздражителей.

Но выше, при рассмотрении каждого из них, мы видели, что эта сила все же не абсолютная, что свой удельный вес имеют и раздражители иные, в частности те же социально-психические факторы. Если последние, как общее правило, не могут уничтожить силу первых, то от них в значительной мере зависит направление действия биологических сил.

Последние похожи на пар, приводящий в движение машину. Но по каким трубам пойдет этот пар, что он будет приводить в движение – смертоносное ли орудие истребления или паровой плуг, взрыхляющий землю, это зависит не от самого пара, а от механика и машиниста, создающего машину. То же в известной степени применимо и к биологическим силам.

Поскольку у человека биологический механизм инстинктов испорчен, постольку (мы видели это выше) направление работы биологических сил зависит от факторов социально-психического порядка. Они взяли инстинкты под контроль и указывают тот путь, те трубы, по которым пар инстинктов должен идти, и те способы, какими они должны удовлетворяться.

Социально-психические силы, выросшие на почве биологических сил, вышедшие из их лона, выступают как *силы, направляющие, регулирующие, контролирующие работу биологических «моторов» поведения*. Они похожи на машиниста или штурвального, пользующегося силой пара, с одной стороны, с другой – управляющего действием этой силы сообразно со своими желаниями.

Такого же штурвального представляют и силы социально-психического порядка. Правда, биологические силы не вполне еще подчинены ими. Часто они «не подчиняются» велениям сил социально-психических.

Но все же и теперь последние являются не мнимыми, а реальными повелителями первых. Если они по адресу биологических раздражителей не выступают в роли абсолютных деспотов, если инстинкты часто «не слушаются» их, то все же они похожи на конституционную власть, которая не только царствует,

но и управляет. И в то время, как монархи с ходом истории теряют свои права, свергаются с тронов своими подданными, из деспотов становятся конституционными королями, из королей – простыми смертными, социально-психические силы с ходом истории, напротив, не теряют, а увеличивают свои права и свою власть по отношению к подданным – к космическим и биологическим силам. Из ничтожных и бессильных, на заре истории целиком подчиненных инстинктам, они с ходом истории поднялись на высоту правителя последних, из правителя стали конституционным монархом и совершенно недвусмысленно готовятся стать деспотами в будущем. Это значит – их роль с ростом культуры увеличивается. Ниже мы убедимся в этом. На этом и кончим краткую характеристику биологических факторов.

Литература: Уорд: Психические факторы цивилизации; Его же: Очерки социологии; Ланге: Душевные движения; Ламетри: Человек-машина; Pareto: Trattato di Sociologia generale, т. I и II; Бергсон: Творческая эволюция.

Глава VIII. Влияние социально-психических раздражителей на поведение людей и общественную жизнь

§ 1. Общая характеристика социально-психических раздражителей

Психические факторы

Человек не только биологический организм, но организм, имеющий развитую нервную систему, одаренный в силу этого сознанием, психикой, чрезвычайно богатой и качественно, и количественно. Нам свойственно мыслить, чувствовать и хотеть. Ни одно из животных не имеет столь богатой и развитой психической жизни, как человек. Эти свойства неотъемлемы от человека. Они столь же естественны для него, как потребность питания, размножения и самосохранения.

Отсюда следует, что *поведение людей зависит не только от космических или биологических раздражителей, но и от психических, присущих человеку*. Не приняв во внимание последних, мы не сможем объяснить поведение людей.

Социальная среда и социальные факторы

Рядом с этим выступает и другой факт. Если бы человек жил уединенно, вел одинокую жизнь, то поведение его могло бы быть объяснено космическими, биологическими и психическими силами. Но мы знаем, что человек никогда не жил один, вне общества других людей. Он всегда жил в среде себе подобных, бок о бок с ними, жил группами и вел общественную жизнь. Как мы видели выше (см. гл. I), этот факт чрезвычайно сильно влиял и влияет на поведение людей. *Наша жизнь и судьба зависят не только от нас самих, но и от других людей, в среде которых мы живем и действуем*. И не только от живых людей, но и от тех, которые жили раньше нас. Каждое предшествующее поколение оставило после себя памятники своей деятельности в виде материальной культуры, в виде языка, убеждений, верований, искусства, религии, права, нравов, обычаев. Все добытое одним поколением передается путем обучения и воспитания и т. д. следующему, этим – дальнейшему и так из поколения в поколение передается наследство всех предыдущих поколений. Оно воспринимается более молодыми поколениями и неизбежно влияет на их жизнь, судьбу и поведение.

Все поколения, живя группами, сознательно и бессознательно устанавливали шаблон взаимоотношений своих членов; эти взаимоотношения кристаллизовались, оседали и в итоге получалось то, что носит название организации данной группы.

Каждый вновь рождающийся человек, таким образом, оказывается в определенной социальной среде, состоящей из других людей и из определенной материальной обстановки (домов, зданий, церквей, фабрик, железных дорог, орудий производства, предметов домашнего обихода, одежды, утвари, инструментов, предметов искусства, машин, книг, театров и т. д.) и из определенной духовной среды, данной в виде знаний, религиозных верований, языка, эстетических вкусов, правовых и нравственных воззрений, обычаев и нравов окружающих человека людей. Эта социальная среда оказывается данной, существующей при появлении каждого человека на свет. С момента рождения человека она охватывает его, как воздух. С первым вздохом жизни он вдыхает и «пары» этой социальной среды. Избегнуть ее влияния он не может. Раскрывая глаза, он видит других людей и материальную культуру. Первыми звуками, раздражающими его слух, являются слова других людей. Первыми и постоянно встающими перед ним картинами служат картины поведения сочеловеков. Первыми прикосновениями к нему являются прикосновения других людей. С молоком матери он впитывает в себя эту атмосферу. Его языком будет язык окружающих его сообщественников. Его вкус формируется соприкосновением с предметами искусства. Его знания будут такими, какие дадут ему окружающие его родители, члены семьи, товарищи, школа и книги. И религия, и нравы, и обычаи, и правовые убеждения его определяются характером духовной среды. Незаметно, исподволь она проникает в него и творит его по своему образу и подобию. Даже собственное его положение оказывается уже определенным организацией общества: сын короля оказывается, помимо его воли, сыном короля, сын богача – богачом, бедняка – бедняком. Эта организация предопределяет его права и обязанности, его профессию, его судьбу и жизнь. Если сын бедняка делается потом богачом, сын пастуха – президентом, то такие превращения опять-таки обусловлены характером социальной организации, созданной до него и без него. Словом, эта социальная среда охватывает человека с момента его рождения и с тех пор непрерывно влияет на него, не выпуская его ни на минуту из-под этого влияния. Никто избежать последнего не может, как не может не дышать тем воздухом, который его окружает. Наше поведение обуславливается и поступками других людей, и организацией их взаимоотношений, и той материальной культурой, которую находим при своем появлении на свет, и той духовной средой, которая охватывает нас с момента рождения до смерти. Совокупность таких условий составляет социальную среду. Каждое из них является социальным раздражителем или фактором поведения и общественной жизни.

Для объяснения поведения людей и истории человечества мы должны учитывать и эти раздражители.

Для краткости изложения мы можем объединить их в одну группу с психическими раздражителями и рассматривать их влияние совместно с последними.

Будем называть группу объединенных – психических и социальных – раздражителей социально-психическими раздражителями или факторами.

Классификация социально-психических факторов

Из сказанного следует, что конкретно таких социально-психических раздражителей, влияющих на поведение человека, много. Рассматривать их роль поодиночке здесь мы не можем.

Для краткости выделим важнейшие из них и объединим их в небольшое число групп. Изучив влияние каждой группы факторов, мы тем самым познакомимся с влиянием и ролью социально-психических факторов вообще, прежде всего будем различать социально-психические раздражители поведения – простые и сложные. *Простыми факторами будут те, которые не разложимы на еще более простые. Сложными факторами – те, которые представляют комбинацию ряда простых факторов.*

Простыми социально-психическими «моторами» поведения являются: 1) *идеи* (представления, понятия и теории), имеющиеся у каждого человека, из совокупности которых составляются знания и верования последнего; 2) *чувства-эмоции*, свойственные человеку и состоящие в переживаниях боли или удовольствия, в переживаниях любви, ненависти, гнева, ярости, обожания, преклонения, почитания, страха и т. д.; 3) *воления людей*, состоящие в сознательной постановке определенных целей, связанных с самыми дорогими сторонами нашего «я», и в стремлении осуществить эти цели.

Все другие социально-психические факторы будем считать сложными. Таковыми будут: материальная культура, окружающая человека, духовная атмосфера социальной среды, общественно-политическая организация группы, явление власти, богатство и деньги, разделение труда и т. д. Все они представляют собой или сочетание ряда простых социально-психических факторов, или сочетание факторов космических, биологических и социально-психических. Мы рассмотрим их суммарно, под рубрикой *социальной среды как фактора*. Таково вкратце наиболее целесообразное разделение социально-психических раздражителей, вызываемое необходимостью быть кратким.

Освобождающая роль социально-психических раздражителей

Выше было указано, что человек, как и все явления мира, не изъят из-под действия законов необходимости, что «абсолютной свободы воли» нет (см. гл. V).

*Но не всякая обусловленность или зависимость переживается человеком одинаково. Зависимость от внешних – космических и биологических – условий воспринимается и переживается нами как отсутствие свободы. Эти условия кажутся нам препятствиями, мешающими нашему свободному поведению. Когда камень преграждает нам путь, когда болезнь приковывает нас к постели, мы «чувствуем» себя несвободными, наша «воля» чувствует себя связанной, иначе переживается нами зависимость от социально-психических условий. Когда мы говорим: «Мы поступаем свободно», – то под этим выражением мы разумеем *поведение, согласное с нашими идеями (знаниями и верованиями), чувствами и волевыми убеждениями, совестью, «долгом», осознанными симпатиями и стремлениями. Поступать свободно и чувствовать себя свободным – значит жить согласно с тем, к чему побуждают каждого его социально-психические раздражители.* Это означает, что зависимость нашего поведения от последних воспринимается нами как отсутствие зависимости, как «свобода воли» и поведения. Она переживается нами совсем иначе, чем зависимость от космических и биологических факторов. Влияние последних переживается нами как стеснение нашей свободы, влияние соц.-психических факторов – как проявление нашей свободы, как обнаружение стремлений нашего «я», представляющего фокус пересечения наших идей, волеи и чувств, т. е. фокус социально-психических сил. Отсюда следует, что рост влияния последних на наше поведение будет восприниматься нами как рост нашей свободы, как уменьшение нашей зависимости от условий, посторонних и чуждых нашему «я». Вот почему социально-психические раздражители поведения кажутся нам освобождающими. Этот субъективно-неизбежный факт и послужил поводом для появления теорий «свободы воли».*

Единственный смысл, который может иметь «свобода воли», означает объективно уменьшение зависимости нашего поведения от условий космических и биологических и рост нашей зависимости от условий социально-психических – зависимости, субъективно переживаемой нами как свобода, как отсутствие стеснения.

Таков единственно приемлемый смысл теории «свободы воли». Как видно отсюда, это не означает вовсе «абсолютной свободы воли» в смысле полной необусловленности наших поступков, а означает только, что и в таких кажущихся нам свободными случаях подчиненность нашего поведения причинной необходимости дана, зависимость от тех или иных условий имеется; но зависимость не от космических и биологических условий, а от условий социально-психических. Вся разница «свободного» и «несвободного» поведения объективно сводится к указанному различию тех условий, от которых зависит наше поведение.

Из круга необходимости человек не может вырваться, но площадь этого круга может быть заполнена зависимостями разного рода. Когда все пространство круга занято условиями космобиологическими и наше поведение зависит толь-

ко от них, ничуть не завися от социально-психических условий (наших идей, чувств, волений, убеждений и т. д.), нам кажется, что мы абсолютно несвободны (рис. 1). Когда часть его занята космобиологическими условиями, а часть – социально-психическими, нам кажется наше поведение более свободным (рис. 2). Если же весь круг необходимости был бы занят только социально-психическими условиями и только от них бы зависело наше поведение, нам казалось бы, что мы «абсолютно свободны» (рис. 3).

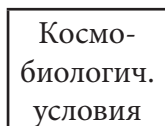

Рис. 1

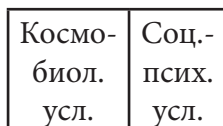

Рис. 2

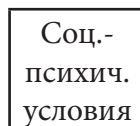

Рис. 3

Фактически 1-го и 3-го случая не бывало и нет. Но черта круга второго (рис. 2) может передвигаться для разных людей, групп и народов. Одни стоят в круге необходимости, большая часть которого занята космобиологическими зависимостями, другие – в круге, большая часть которого занимается соц.-психическими зависимостями. Чем большее пространство занимают последние, тем большей будет наша «свобода». И обратно.

С ходом истории влияние соц.-психических сил растет, поэтому растет и наша «свобода». Так кажется нам субъективно, и таково единственно приемлемое понятие свободы воли. Объективно это означает только замену зависимости от одних условий зависимостью от других. Необходимость тут и там остается.

Литература: Курсы психологии Джемса, Геффдинга, Цигена, Вундта, Лазурского; *Петражицкий:* Введение в изучение права и нравственности; *Бехтерев:* Объективная психология; *Мак-Дауголл:* Основные проблемы коллективной психологии; *Дюркгейм:* Метод социологии; *А. Буржуа:* Солидарность; *Draghicesco:* Du rôle de l'individu dans le déterminisme sociale; *Palant:* Les antinomies entre l'individu et société.

§ 2. Идеи (представления, понятия и теории) как факторы

Знания и верования

Всякий человек имеет и не может не иметь тех или иных идей в форме представлений и понятий, эти идеи он комбинирует и составляет из них множество суждений. Таковы суждения: *A* есть *B* или *A* не есть *B*. Напр., «снег бел», «человек имеет две ноги», «тела притягиваются прямо пропорционально массе», «собаки не могут говорить», «дьявол имеет рога на лбу», «крестное знамение

отгоняет нечистую силу» и т. д. Словом, суждения и комбинации идей в той или иной форме имеет каждый человек. Из совокупности их составляется «теория», из совокупности правильных теорий – научная дисциплина. Мы знаем, что *одни идеи и суждения правильные, истинные, другие – ложные*; так, напр., суждение «снег бел» истинное; суждение «черти имеют длинные хвосты» неверное, ибо нет ни чертей, ни тем более длинных хвостов у них.

Истинные идеи и суждения те, которые проверены множеством лиц, проверить и убедиться в которых может всякий, которые выдерживают всякую критику; так, всякий может проверить, что «снег бел, а не красен». След., это суждение истинно. Точно так же всякий может убедиться на опыте, что «вода представляет химическое соединение водорода и кислорода», что «объем газа обратно пропорционален давлению» и т. д. Как эти, так и все суждения и идеи, проверенные множеством лиц, в истинности которых может убедиться каждый, представляют истинные идеи, суждения и теории.

Будем называть их *знаниями*, совокупность таких знаний или истинных идей, суждений и теорий образует *науку*. *Наука и означает совокупность точных знаний о каком-либо разряде явлений*. Ложные идеи и суждения – это те, которые не проверены множеством людей, проверить которые нельзя или которые при проверке оказываются неверными. Они не выдерживают испытания критики. Они не проверены на опыте, а если проверяются, то оказываются изображающими дело не так, как оно обстоит в действительности. Напр., ложными идеями будут идеи, что «черти покупают человеческие души» или что «люди имеют пять ног», ложными потому, что при проверке у людей оказываются две, а не пять ног, потому, что каждый убедиться не может в том, что есть дьяволы, не может их ни увидеть, ни услышать, ни ощупать, ни тем более – продать им душу и получить от них деньги. Если идеи и суждения правильны, то человек, излагающий их, может сказать: «Они правильные не потому, что я так думаю, а потому, что так обстоит дело в действительности. Вы можете мне не верить; испытайте и проверьте их сами, и вы убедитесь, правильно ли я говорю или нет». Знания, научные положения могут быть проверены каждым, и каждый придет к тем же суждениям, которые излагаются наукой. Не то со сложными идеями. Тому или иному человеку они кажутся истинными. Но при проверке другими оказываются неверными.

Будем называть такие объективно неверные, хотя тому или иному человеку и кажущиеся правильными, идеи и суждения *верованиями*. В них можно верить, но убедиться в их истинности нельзя, напротив, проверка их выясняет их ложность. У каждого человека имеются как истинные, так и ложные идеи и суждения. Чем научно развитее человек, чем более дисциплинирована его мысль, чем меньше идей он воспринимает на веру, тем больше шансов на то, что его мысли и идеи правильны.

Нужно, однако, заметить, что *едва ли не бо́льшая часть наших идей* (теорий, представлений, убеждений, мыслей) *состоит из верований, т. е. идей непроверенных или ложных, а не из точных знаний*. У большинства людей процент верований гораздо больше, чем процент точных знаний. Последние образуют у них лишь небольшую часть их умственного багажа. Ниже мы убедимся в этом. Теперь спросим себя: *влияют ли идеи на поведение людей? Являются ли они факторами поведения и общественной жизни?* Зависит ли от их характера ход исторических событий?

Для ясности рассмотрим отдельно влияние *знаний*, т. е. объективно истинных идей, и влияние *верований*, т. е. идей ложных объективно, хотя и кажущихся истинными верующему в них человеку.

Литература: Милль: Система логики; Введенский: Логика; Зигварт: Логика; Лосский: Введение в философию; Сборники: «Новые идеи в философии», №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10; Петражицкий: Введение в изучение права и нравственности; А. Рей: К абсолютному позитивизму; Мах: Познание и заблуждение; Мах: Анализ ощущений; Пирсон: Грамматика науки; Лапшин: Законы мышления и формы познания; Новые идеи в социологии. Сб. № 2 (статья Дюркгейма); Де-Роберти: Новая постановка основных вопросов социологии.

§ 3. Знание (наука) как фактор

Знание как субъективная сила

Влияют ли знания на поведение людей? Ответ может быть только *положительным*. Они влияют и субъективно, определяя прямо поведение людей, и объективно, давая знающим людям силу управлять явлениями и видоизменять их сообразно с поставленными целями.

Наше поведение будет совершенно различным, когда мы *знаем* результат своих действий и когда этого *знания нет*. Мы голодны. Перед нами груша. Если мы не знаем, что в ней имеются холерные вибрионы, мы съедем ее, если знаем – мы не будем есть. Знание в виде незримой силы обуславливает наше поведение. Присутствие его дает эффект иной, чем тот, который имел бы место при его отсутствии. Нам нужно ехать. Если мы не знаем, что уже опоздали на поезд, мы двинемся и отправимся на вокзал. Если знаем, что к поезду мы не поспеем, мы не двинемся туда и отложим отправление до следующего поезда. Подобно этому элементарные знания в виде положений «выбросившийся из пятого этажа разбивается», «опустивший руку в расплавленный свинец обжигается», «вышедший вспотевшим на сорокаградусный мороз без теплой одежды простужа-

ется» совершенно определенно влияют на наше поведение. Зная эти результаты, большинство людей (в отличие, напр., от малых детей) не кидается с пятого этажа, не сует руку в кипяток, в расплавленный свинец, в огонь, не выбегает босиком или не одевшись на сорокаградусный мороз и т. д.

Я нарочно взял самые простые, обыденные примеры. А сколько таких примеров совершается ежедневно и ежечасно. Знания, сами по себе ничего не запрещающая и ничего не приказывая прямо, тем не менее имеют громадное влияние на наше поведение. Они являются настоящей силой, повелительно побуждающей действовать нас таким, а не иным образом. Сколько людей вели бы себя совершенно иначе, если бы они знали печальные результаты своих действий (напр. смерть, разорение, болезнь).

Сколько людей трусливых стало бы смельчаками и бросилось бы в самую рискованную авантюру, если бы они знали, как в сказке, что выйдут из всех опасностей невредимыми, приобретут славу, почести и богатство!

Знание – сила. Само обладание им уже толкает человека к ряду поступков. Идея похожа на пар. Она «подзуживает», «подталкивает» человека на соответствующие акты. Мысль о свободе или идея свободы, родившаяся у человека, побуждает его стремиться к свободе и делает нетерпимым деспотизм и рабство. Один характер имеет наше поведение, когда мы знаем, напр., дорогу, по которой нужно идти нам; совсем другим оно становится, когда этого знания нет. Одним образом мы ведем себя, когда принимаемся за дело, с которым мы знакомы, другим – когда этого дела мы не знаем. *Знание – свет.* Оно как бы освещает нам путь нашего действия и указывает нам нашу дорогу. Оно влияет на постановку нами целей и указывает средства для достижения их. Поведение одного и того же человека будет различным, когда он знает, как всего легче эти цели достигнуть, и когда этого знания нет.

Подобные наблюдения над собой и другими людьми приводят к выводу, что знание бесспорно является фактором нашего поведения и через него фактором общественной жизни.

К тому же результату мы придем и с другой стороны.

Знание влияет на все стороны нашего поведения. Каково будет наше знание, таковыми будут и наши религиозные верования. Человек знающий, что нет дьяволов, привидений и чертей, не будет в них веровать и приносить им жертвы. Для человека, знакомого с современными естественными науками, невозможны религиозные верования, подобные религии первобытных людей. Кто знает, что никакого действия не может иметь жертвоприношение идолу, что крестное знамение ничуть не помогает избежать несчастий, что ношение «ладанки» не гарантирует от бедствий, что никакой особой благодати человек не получает от «благословения» папы, такой человек не будет приносить жертвоприношений, не будет креститься или носить «ладанки» для избежания несчастий, не будет

подходить под благословение папы. Короче, наши знания определяют нашу религию. Каковы будут первые, таковой будет и вторая. Если какой-либо народ невежествен и «необразован» – грубой и нелепой будет и его религия. Если его знания высоки – более высокими и тонкими будут и религиозные воззрения.

Влияет знание и на наши эстетические вкусы, на то, что мы считаем прекрасным, на искусство народа. Люди, стоящие на различных ступенях умственного развития, имеют и разные эстетические вкусы. Одно и то же редко нравится дикарю и культурному человеку. Что для одного прекрасно, то большей частью для другого безобразно, и наоборот. Идеал красоты того и другого – и красоты женской, и красоты в области живописи, музыки, архитектуры и в области поэзии – различны. То же можно наблюдать и на различии эстетических вкусов ребенка и взрослого.

Влияет знание и на наши правовые и моральные убеждения. Человек, знающий бесполезность заклания жен на могилах мужей, не может считать «нравственным» и «обязательным» правило, требовавшее заклания жен после смерти мужа. Человек, знающий, что свинина не вредна, а, напротив, полезна, не может считать «священным» правило, запрещающее есть свинину. Кто знает, что «монархия» не есть совершеннейшая форма правления, не может добровольно жертвовать собой за монархическое устройство. Кто знает, что признание брака церковью ни на йоту не прибавляет к браку святости, тот не будет считать «обязательным» церковный брак. Словом, каково знание человека, таковыми будут его нравственные и правовые убеждения. Если нравственность первобытных людей часто кажется нам нелепой и низкой, то одной из причин этого явления служит невежественность последних.

Влияет знание и на биологические моторы поведения. Мы видели это выше. Мы видели, что последние с ростом знания попали под его контроль, что оно способно их видоизменить, ослабить и даже подавить. Как бы мы ни были голодны, если мы знаем, что пища отравлена, мы не будем ее есть. Биологический фактор голода толкает к тому, чтобы утолить голод, знание – препятствует и подавляет его.

Как бы человек ни был «распален» сладострастием, но, если он знает, что при удовлетворении половой потребности он неминуемо заразится сифилисом или умрет, этого знания часто бывает достаточно, чтобы подавить половой импульс и воздержаться от полового акта. Такие факты знаменуют подавление знанием полового фактора.

То же применимо и к другим биологическим факторам. Мы видели, что под давлением социально-психических условий, где одно из первых мест занимает знание, биологические импульсы могут видоизменяться, ослабляться и подавляться.

Влияет знание и на космические факторы. Благодаря тому, что здесь наши знания о космических процессах (физико-химических явлений) особенно богаты, мы теперь в состоянии управлять ими, подчинять их своим желанием, обращать на службу своим целям. Мы теперь не столько приспосабливаемся к космическим условиям, сколько приспособляем, переделываем, видоизменяем их сообразно с своими потребностями. Такую власть над ними – над природой – человечество получило благодаря *знаниям* об этих явлениях. Не будь этих знаний, мы, подобно первобытным людям и животным, были бы «рабами природы», а не ее властителями.

Это мы видели выше и увидим еще яснее сейчас.

Мнимая бездейственность знания

Правда, бывают и обратные случаи. Бывает так, что человек знает вредные результаты своего поступка и тем не менее совершает его. Напр., сколько людей знают, что курить вредно, и тем не менее курят! Сколько лиц прекрасно изучили обширные и мудрые трактаты по нравственности и тем не менее ведут себя отвратительно, мерзко, подло.

Сколько людей *знало*, что «обжорство» и пьянство разрушают здоровье, и тем не менее обжирались и пьянствовали.

Эти и подобные случаи, казалось бы, противоречат сказанному выше. На основании их ряд лиц пришел к выводу, что знание бездейственно, что оно не имеет влияния на поведение людей. Такие факты как будто подтверждают подобные положения.

Но так кажется с первого взгляда. На самом же деле все подобные факты говорят не о бездейственности знания, а о том, что *сила знания здесь столкнулась с другими силами, действующими в обратном направлении, и была побеждена ими.*

Если человек, свободно поднимающий 10-пудовую гирию, пытается и не может поднять 1 000-пудовый камень, то это не значит, что данный человек не имеет никакой силы, а значит только, что вес камня, действующий в обратном направлении, оказался силой, о которую разбилась сила человека.

То же представляют собой и случаи «бессилия» знания. Они говорят не о бессилии знания, а о том, что сила и влияние его разбились о другие силы.

Я все время напоминал, что человек управляется многими силами, что его поведение представляет равнодействующую многих раздражителей. Если бы поведение людей зависело только от знания, то мы имели бы перед собой всемогущество последнего. Но мы видели, что наше поведение зависит и от космических и биологических сил. Часто последние толкают нас не туда, куда толкает знание. Последнему часто приходится сталкиваться и с фактором голода, и с половым раздражителем, и с инстинктом самозащиты, приходится преодолевать

груз привычки, условных рефлексов, бремя наследственности и т. д. Мудрено ли, что иногда в этой схватке знание оказывается недостаточно сильным и выходит из нее побежденным.

Отсюда следует ошибка тех, кто думает, что знание бездейственно. Но *отсюда же вытекает ошибочность и тех социологов, которые, подобно О. Конту, Е.В. Де-Роберти и другим «интеллектуалистам», полагали, что знание всемогуще*, что поведение людей зависит только от знания, что все «исторические события в конце концов определяются знанием», что достаточно человеку или народу отделаться от суеверий и познать истину, чтобы сразу изменить свою жизнь, свои порядки, стать «передовым» народом и т. д.

Сказанное вскрывает ошибку этих апостолов знания. Увы, недостаточно человеку прочесть «Критику практического разума» Канта, чтобы стать нравственным. Недостаточно узнать, что «курение – вредно», чтобы бросить курить. Недостаточно вызубрить «Нагорную проповедь» Христа, чтобы подставлять правую щеку, когда бьют по левой, мало узнать «коммунистическую или социалистическую программу», чтобы стать (не на словах, а на деле) «коммунистом» или «социалистом», относящимся ко всем как к братьям, никого не обирающим, никого не обижающим, ничего не загибающим в свою собственность.

Груз и давление других факторов мешают таким чудесам и часто обессиливают знание. Мало народу отделаться от суеверий и заменить их высокими идеями, чтобы изменить свою жизнь, нужно еще переделать, видоизменить влияние других факторов. Знание – сила, но рядом с ним действуют другие силы.

Таково разъяснение мнимого противоречия.

Итак, знание в качестве точных идей, имеющихся у человека, является силой, как бы «изнутри» управляющей поведением последнего. Оно похоже на штурвального, хорошо знающего русло реки и уверенно направляющего движение парохода.

Знание как объективная сила

Но этим роль знания не исчерпывается. Оно влияет не только в качестве субъективной, заложенной как бы «внутри» человека силы, но оно *влияет на общественную жизнь и в качестве объективной силы*. Чем точнее наше знание, чем количественно и качественно оно больше, тем его действительная роль значительнее. *Оно и только оно дает в наши руки средство подчинять себе силы природы и властвовать над ними*.

Поясним эту мысль на частном примере использования человеком источников энергии.

До развития физико-химических знаний люди прошлых времен в качестве источников энергии могли использовать лишь: а) силу ветра, б) силу воды и в) живую силу человека. Сила воды использовалась ими в весьма ограничен-

ных размерах: ею пользовались лишь для передвижения лодок и судов по течению рек. И только. То же применимо и к силе ветра: она утилизировалась почти исключительно при парусных передвижениях. *Основным источником энергии до развития физико-химических знаний была почти исключительно живая энергия людей, главным образом рабов.*

Человек в качестве источника энергии должен был употреблять человека же. Использование сил природы при отсутствии знаний для него было недопустимо.

«Какую же энергию может дать человек-машина? Свободный человек в 10-часовой рабочий день может произвести работу в 290 000 кг/м, что соответствует 8 кг/м в 1 сек. или мощности в $\frac{1}{10}$ лошадиных сил.

Вот та наибольшая энергия, которую может дать здоровый свободный человек в 10-часовой рабочий день не за страх, а за совесть. Таков единственный источник энергии, доступный мало знающим людям. Теперь сравним с этим то, что сделалось возможным благодаря росту физико-химических наук».

Корабль «Император» имеет машины в 75 000 лошадиных сил. «Если бы пар мы захотели заменить рабами, численность последних здесь должна простираться до 700 000 человек». Паровоз, развивающий 3–4 тысячи лошадиных сил, для древности был бы машиной, которую должны были бы приводить в движение 30 000 людей, несущихся с быстротой скорого поезда.

Электрическая передача энергии в 250 000 лошадиных сил от водопадов Замбези на расстоянии 1 100 км в мины Наталя и Трансвааля током в 150 000 вольт равносильна работе $2\frac{1}{2}$ млн людей, моментально переносящихся на 1 000 верст.

Механическая энергия, используемая сейчас на фабриках, заводах и путях сообщения, равна приблизительно энергии в 225 млн лошадиных сил, т. е. энергии $2\frac{1}{4}$ млрд людей, трудящихся на совесть.

Обратив все население земли в рабов, прекратив все другие виды деятельности, мы не получим той мощности, которая дается техникой, созданной физико-химическими знаниями (ибо все население земли равняется только $1\frac{1}{2}$ млрд людей).

Но, по подсчетам авторитетных техников, *вся энергия, данная в руки человечества физико-химическими науками, равняется энергии не $2\frac{1}{4}$ млрд людей, а энергии 200 млрд. Таким образом, физико-химическое знание дало человечеству 2 000 млрд бесплатных рабочих. Перед такой цифрой стушевывается население земли. «В течение миллиона веков природа довела население земли до $1\frac{1}{2}$ млрд человек, а буйный разум физических наук в полтора столетия создал человечеству в 100 с лишним раз большее число сотрудников».*

Этот подсчет делает ненужными дальнейшие доказательства колоссальной роли знания как объективной силы. Из него мы видим, какую бесконечную силу представляет знание и как нелепы те люди, которые пытаются отрицать

действенность знания. Без знания мы были бы до сих пор рабами природы и думать не могли бы о том количестве энергии, которым распоряжаемся теперь. При таких фактах глубокий смысл приобретают древние верования, считавшие, что «ведовство» (от «ведать» – знать) управляет явлениями природы. Знание – сила, и сила огромная. Она проявляется всюду. Если работают наши фабрики и заводы, то благодаря знанию. Благодаря знанию мы путешествуем по железным дорогам, на пароходах и самолетах; знание одевает, обувает и кормит нас; знание превращает горы в равнины, море – в сушу, мороз – в тепло. Знание помогает нам сохранять жизнь и здоровье. Оно подобно солнцу: человечество им живо и без него погибло бы. Не будь знаний – не было бы у нас ни фабрик и заводов, ни пароходов и поездов, ни одежды и пищи, ни домов, музеев и дворцов; без него мы не могли бы жить в холодных странах; словом, обречены были бы на жалкую жизнь животного, целиком зависящего от природы.

Глубоко прав был тот социолог (Де-Роберти), который говорил: *«Истинная свобода – это знание»*. Не менее прав был он, утверждая, что всякий человек, увеличивающий или распространяющий знание, является в то же время и освободителем человечества. Тот, кто впервые открыл, что $2 \times 2 = 4$, был величайшим революционером. И всякое научное открытие не остается бездейственным: оно неизбежно влияет на весь ход истории. Открытие пара и электричества перевернуло всю хозяйственную жизнь людей, а через него и все их поведение. В большей или меньшей степени то же может быть сказано и о всяком открытии – ни одно из них не пропадает даром.

Благодаря развитию *физико-химических знаний* их громадная роль вне сомнения.

Знания, относящиеся к миру *жизненных явлений*, не достигли еще высоты развития физико-химических наук. Поэтому роль биологических наук в ходе истории не столь значительна. Но велика и она.

Биологические знания создали агрономию, скотоводство, садоводство, гигиену, санитарию и медицину. Благодаря им человечество сумело приручить животных, ввести лучшие формы земледелия, увеличить урожай, создать больницы, сохранять и поддерживать свое здоровье.

Не будь их, мы, подобно древним предкам, обречены были бы жить охотой и рыболовством или мотыжным земледелием, способным прокормить десятки и сотни людей, но не способным дать пищу сотням миллионов.

С ростом биологических знаний их польза и сила становятся больше и больше.

Знания, относящиеся к человеку и к общественным явлениям, увы, до сих пор *стоят очень низко*. То, что известно под именем гуманитарных и общественных наук, представляет в огромной своей части *не знания, а просто верования*. Потому-то они и недействительны. Потому-то от них, как от ложных идей, весьма часто

следует не польза, а вред. Потому-то мы до сих пор не умеем хорошо устроить нашу совместную жизнь и не способны бороться с общественными бедствиями. Мы не знаем, как всего лучше организовать общественный и политический строй, мы не умеем глупого сделать умным, преступника – честным, злого – добрым, мы не знаем, что хорошо и что плохо. Мы не умеем избегать ссор, злобы, войны и борьбы. Все бедствия и волнения «властители» лечат тюрьмой, каторгой, осадными положениями, расстрелами и виселицей. Рецепты простые, но едва ли очень умные и очень полезные. Нужно ли иных доказательств нашего невежества в области общественных явлений! Все попытки борьбы с общественными бедствиями представляют проявление глупости и сектантских верований, а не знаний. Мудрено ли поэтому, что, изыскивая выход из мира общественных бедствий, мы без толку мечемся от монархизма к большевизму, от демократии к диктатуре, от реакции к революции, тычемся, подобно слепым щенятам, то туда, то сюда, то направо, то налево, блуждаем, подобно слепым, ведомым слепцами, и вместо спасения попадаем в яму. Так было, так есть и так будет до тех пор, пока не приобретем подлинного знания (а не верований) человека, его поведения и всей общественной жизни. *Знание – не все, но оно необходимое условие для всякого практического прогресса.* Без него люди будут похожи на крыловского медведя, усердно гнувшего дуги, но без всякого толку; медведя, готового услужить пустынноку, но вместо услуги вклепавшего ему в лоб камень. Столь же часто люди, руководимые желанием оказать пользу человечеству, но не имеющие знаний (а только верования), часто вместо пользы приносят вред. «Слепец ведет слепца, и оба упадут в яму»^{24*}.

Следует, однако, думать, что с ходом истории, с ростом опыта будут расти наши знания и в области человеческих общественных явлений. С ростом их будут неизбежно увеличиваться и средства действительного улучшения общественной жизни. Неудачные опыты уступят место реформам, построенным на точном знании. Средства борьбы с нашими бедствиями будут расти и количественно, и качественно. Тогда и только тогда человечество получит в свое распоряжение силу, способную управлять самими людьми и ходом своей истории. На место *человека слепого*, руководимого слепыми страстями и инстинктами, встанет *человек знающий*, имеющий точные познания не только о физико-химических и биологических явлениях, но и о самом человеке, его поведении и его совместной жизни с сочеловеками. Тогда человек знающий возьмет под контроль себя самого, как человека слепого, и будет сознательно управлять собой и ходом своей истории.

Таковы перспективы, встающие перед нами. Для их приближения необходим рост знаний. Их еще мало. Посему ряд поколений должен работать над их увеличением. Всякий народ должен приобретать их. *Знание – лучшее богатство. Оно источник всех богатств.*

«Ищите прежде всего знания (а не верований), остальное все приложится»^{25*}.

Такова вкратце объективная сила и роль знания.

Резюмирую. 1) *Знание (наука) как совокупность точных и истинных идей является фактором нашего поведения и общественной жизни.*

2) *Оно влияет и как субъективная, находящаяся в нас сила, и как сила объективная, дающая нам средства для подчинения и использования сил природы – космических, биологических и социально-психических.*

3) *Случаи бездейственности знания говорят не о бездейственности его, а о подавлении его силы силами других факторов поведения, действующими в обратном направлении.*

4) *При прочих равных условиях роль знания как фактора тем больше, чем больше количественно и качественно само знание, которым располагает данная группа людей. Следовательно, тем более подчиненную роль играют другие факторы.*

5) *Так как с ходом истории растет опыт человечества, так как объем знаний, каким оно располагает, все более и более увеличивается, то социальная роль знания все более и более растет.*

6) *Когда человечество приобретет знания о себе самом и о своей общественной жизни, тогда оно получит в свои руки средства для улучшения своей судьбы, для использования социально-психической энергии, для управления своим поведением и ходом своей истории.*

7) *Это значит: знание – сила; знание дает свободу; знание – необходимое условие для прогресса и рационального улучшения жизни.*

8) *Это значит: знание, в отличие от всяких монархов и властителей, с ходом истории не только не теряет свою власть, а увеличивает ее. Из ничтожной силы, каковой оно было на заре истории, оно становится повелителем и готовится стать всевластным монархом, контролирующим и управляющим всеми видами энергии и всеми факторами поведения.*

Литература: Социология Конта в изложении Риголажа; *Де-Роберти:* Новая постановка основных вопросов социологии; *Лавров (Доленги):* Важнейшие моменты в истории мысли; *Умов:* Физические науки в служении человечеству. Природа, 1913 г., февраль; *Бокль:* История цивилизации в Англии; *Фулье:* Психология идей-сил (на франц. языке); *Тард:* Социальная логика и Социальные законы (гл. об изобретениях); *Draghicesco:* L'idéal createur. – «Итоги науки» (изд. «Мир»); *Даннеман:* История естествознания; *Друммонд:* Эволюция человека. Читай работы по истории наук вообще и истории практического приложения их данных (история изобретений); *Espinass:* L'origine de la technologie; *Рибо:* Эволюция общих идей.

§ 4. Верования (ложные идеи), в частности религия, как фактор

Выше было указано, что у каждого человека имеются идеи, суждения и теории не только истинные, но и ложные. Первые, т. е. знания, составляют обычно только небольшую часть всех тех идей, которые составляют умственный багаж людей. Большая часть представлений, понятий, мыслей, суждений, теорий, имеющих у каждого человека, составляет *верования, а не знания*. Эти верования кажутся истинными тому, кто их имеет, но при проверке они оказываются ложными.

Многообразие и распространенность верований

Человек до сих пор представляет не столько существо знающее, сколько верующее. В отличие от животных, не имеющих ни знаний, ни верований, человек составляет теории по поводу каждого почему-либо его интересующего явления. Но только немногие из них оказываются правильными объективно, хотя самому верующему все они кажутся истинными.

Доказательством тому служит вся история умственного развития человечества. Вся она полна заблуждениями, суевериями, нелепыми идеями, ложными теориями. В необозримом океане идей и теорий, создававшихся людьми во все времена и эпохи, подлинные знания составляют только малую часть – столь же малую и редкую, как малы и редки крупницы золота среди золотоносного песка. Каждое из этих верований казалось истинным его творцу или сторонникам, но с течением времени, при его проверке, оно оказывалось ложным, из мнимого знания превращалось в суеверие, в заблуждение. Люди легко и свободно создают «объяснения всем явлениям»: они, как существа, обладающие развитым сознанием, чувствуют потребность объяснять все, рассуждают обо всем, мотивируют каждый свой поступок, «обосновывают» каждое положение. Но очень редко эти «теории», «объяснения», «рассуждения», «мотивировки», «обоснования» оказываются истинными. Человек прежде всего хочет мыслить и рассуждать, а плохи или хороши его рассуждения – это уже другой вопрос. Ему важно лишь, чтобы было «объяснение». А правильно или ложно оно будет – это дело десятой важности. Создав первую попавшуюся комбинацию мыслей или идей, создав какую-либо «теорию», он на этом успокаивается. Мудрено ли поэтому, что вся история людей кишит верованиями, относящимися к всевозможным явлениям мира, пытающимися объяснить все и вся. Нужно было объяснить совершающиеся вокруг человека природные явления. И вот создаются сотни верований, объясняющие их то как действия «духов», то как действия единого духа–бога, то как «наказание», посылаемое богом провинившимся людям (в случаях землетрясения, неурожая, болезней и эпидемий), то как «награду» за праведную жизнь.

Нужно было объяснить рождение и смерть человека. И мы видим, как возникают теории, объясняющие рождение человека тем, что какой-либо дух вспрыгнул в женщину, а смерть – тем, что дух покинул навсегда тело, где он жил. Нужно объяснить болезнь человека – возникают сотни теорий, объясняющих ее «порчей», тем, что какой-либо колдун «сглазил» его. Человек сошел с ума. «Бес вошел в него», – гласит объяснение. Человек выздоровел. «Потому что такой-то колдун вылечил его заговором, угольками да нашептыванием», – гласит теория. Плохо живется такому-то народу. «Господь наказывает», – объясняет верование. Такой-то человек разбогател. «Продал черту душу», – говорит теория. И таких теорий, таких верований бесконечное множество. Я привел простейшие примеры. *Но не всегда «верования» принимают такую наивную форму. Весьма часто они выступают в форме весьма сложных и мудреных теорий, научных по виду и часто принимаемых за «последнее слово науки».* Почему поднимается вода по трубке? «Потому, что природа боится пустоты», – гласит такое наукообразное верование. Почему одни люди живут хорошо, другие плохо? «Потому, что такова их свободная воля». Где помещается рай? «На седьмом небе». Откуда появился мир? «Он создан богом в семь дней». Откуда появился человек? «Он создан из земли, а его жена из его ребра». Что такое бог? «Это вечная, первоначальная субстанция, дающая начало и жизнь всему, это первопотенциал». Что такое национальность? «Это существо мистическое и сверхразумное». Что является сущностью вещей? «Огонь», «вода», «дух», «материя», «воля», «субстанция», «логос», «первопотенциал», – отвечает нам хор голосов. Невозможно перечислить все формы верований. Они бесконечны по своему числу и разнородны по своим видам. Одни из них наивны, и потому легко узнать их ложность. Другие – чрезвычайно «мудры и сложны», и поэтому часто считаются за знания, за научные положения.

Создавши одно верование, человек по поводу его дальше создает десятки новых верований. Создавши идеи о душах и духах, напр., он дальше строит тысячи новых верований об их природе («духи бесплотны»), об их качествах («духи добрые – ангелы и духи злые – дьяволы»), об их местопребывании («одни духи живут на небе, другие – в аду»), об их взаимных отношениях («духи властвующие и подчиненные», «ангелы, архангелы, херувимы, серафимы, престолы, господства и власти»), вплоть до теорий, объясняющих нам, «сколько духов может уместиться на острие иглы». То же происходило и происходит во всех областях верований. Выдумавши одну нелепость, люди по поводу ее громоздят сотни и тысячи других, спорят друг с другом, пишут сотни книг и диссертаций, тысячи статей и брошюр, с «ученым видом» доказывают друг другу свою правоту и т. д.

Одно заблуждение порождает тьму других. Так было всегда, так обстоит дело и теперь. Меняются только формы верований. Если раньше спорили о том, двуедин или триедин в лицах бог, следует ли креститься двуперстием или трех-

перстием, человеко-бог или богочеловек Христос, вода или огонь являются сущностью вещей, оттого ли гремит, что Илья Пророк ездит на колеснице, или оттого, что Зевс передвигает на небе камни, то теперь спорят с тем же ожесточением о том, материя или дух являются первоначалом, разум или субстанция выше, «могут или не могут короли желать зла народу», «экономика или идеология» – первичный фактор, основана ли власть на договоре или нет, «каков абсолютный идеал добра», «что такое справедливость», «что такое прогресс», должно ли государство быть суверенным, личность или общество выше и т. д.

Во всех подобных спорах и теориях огромная часть идей и суждений представляет не знания, а верования. Они не говорят о том, что есть, а о том, что должно быть, что «лучше», «полезнее», «выше», «прогрессивнее», «революционнее» и т. д.

Представляют подобные идеи не проверенные знания, а верования их сторонников, проявления их чувств, вкусов, appetитов, склонностей, вожелений, интересов и т. д.

Подобные верования особенно распространены в области религии, в ее учениях и догмах, в области правовых и нравственных учений, в области общественных «наук» и наук «о духе» вообще. Большая часть идей, излагаемых в религиозных учениях, в метафизике и философии, в учениях и теориях юристов, историков, экономистов, социологов и вообще в дисциплинах, изучающих общественные явления, до сих пор является верованиями, а не знаниями.

Верования как проявления appetитов большинства

Помимо их непроверенности и ложности, отличительная черта верований та, что они говорят нам не о том, что есть, не изучают сущее, а говорят о том, что должно быть. Когда вы слышите идеи или суждения, гласящие «это хорошо, это плохо», «это благо», «это зло», «это прогрессивно, это регрессивно», «это нравственно, это безнравственно», «это красиво, это некрасиво», «монархия лучше, чем республика», или наоборот, «социализм выше и лучше капитализма», или наоборот, «правовое государство – идеал», «разделение властей вредно», словом, когда даются всякие рецепты, не излагающие то, что есть, а хвалящие или порицающие, одобряющие или неодобряющие, приказывающие или запрещающие что-либо, эти идеи представляют не знания, а верования. Это просто проявления appetитов и интересов их авторов; это просто голос их живота, «урчание их брюха», говоря грубо. Они не дают знания, они не говорят о сущем, а служат только «оправданием» домогательств и стремлений их сторонников. Знание истинно для всех. Истинная идея, подобно $2 \times 2 = 4$, будет истинна для пролетария и капиталиста, верующего и атеиста, эллина и иудея. Нет классовой науки. Математика и физика не могут быть ни буржуазными, ни пролетар-

скими. Их положения, как и всякое подлинно научное положение, истинны для всех. Не то с верованиями. Здесь все субъективно. Монархисту лучшей формой правления кажется монархия, коммунисту – система Советов. Первый будет доказывать свое, второй – свое. И оба ничего не докажут друг другу. Дело кончится борьбой и схваткой, которые не представляют научного доказательства.

То же применимо и к большинству верований. Отсюда понятно, *почему идеи, называемые нами верованиями, так сильно зависят от интересов, чувств и appetитов людей, почему в области верований люди, имеющие различные интересы, никогда не могут договориться друг с другом* (напр. капиталист и рабочий, монархист и коммунист, власть имеющий и подвластный), *почему верования неизбежно меняются с переменой чувств, интересов и appetитов*. Яркий пример такой зависимости верований от животных импульсов и appetитов человека я привел выше, рассмотрев верования людей при входе их в вагон и после занятия места в нем.

В первом акте верования (идеи, доказывающие необходимость дать место в вагоне) одни, во втором акте (когда уже место занято) – другие. То же происходит с верованиями постоянно. Человек бедный имеет одни верования. Тот же человек, став богатым, будет доказывать другое. Капиталист будет доказывать одно, пролетарий – другое. Раз верования суть проявления интересов, appetитов и биологических вожелений человека и раз эти интересы различны, то, естественно, различными будут и верования, естественно, что «сытый голодного не разумеет», и обратно.

Теперь, очертив верования, перейдем к рассмотрению их влияния на поведение человека и общественную жизнь.

Верования как факторы

Верование, как сказано выше, кажется самому верующему всегда истинным. Для монархиста положение «Монархия – лучшая форма правления» кажется столь же истинным, как и $2 \times 2 = 4$. Следовательно, верования как субъективная сила имеют то же влияние на поведение человека, «что и знания». От последних их влияние отличается тем, что они не являются объективной силой.

Они не подчиняют нам, подобно знанию, силы природы и различные виды энергии. Сколь угодно раз верующий в «заклинание и заговоры» может произносить их, от этого ничего в мире не изменится, ни на йоту опасности, угрожающие ему, не уменьшатся. Сколько бы ни пил человек настой из «приворотного зелья» для того, чтобы влюбить в себя красавицу, от этого питья дело ничуть не улучшится. Сколько бы молебнов ни служили люди от засухи, от таких верований и молебнов засуха не прекратится. Сухость и дождь не зависят от молебнов. То же можно сказать и о всех верованиях. *Они влияют на поведение только как*

субъективная, заложенная внутри нас сила, но и только. Сверх этого действия иного влияния, названного нами объективным, подобно знанию, они не имеют.

Зато их субъективное влияние таково же, что и влияние знаний.

Убедиться в этом можно на каждом шагу. Верование в силу крестного знамения заставляет верующего ходить в церковь, креститься, молиться, носить крест. Человек неверующий этих действий не совершает. Верование в истинность своей религии и в греховность чужой заставляло и заставляет людей соблюдать религиозные обряды, строить церкви, поститься, жертвовать на колокола, на содержание духовенства, ходить в церковь, иногда идти на мученическую смерть, иногда – убивать «неверных» и т. д.; ничего подобного не стал бы делать человек, не имеющий такой веры. Верующий в амулеты, в талисманы, в идолов, в иконы, в духов почитает их, покупает, носит с собой, приносит им жертвы, падает пред ними на колени, т. е. совершает множество действий, вызванных его верованиями. Не будь последних – не было бы и подобных актов. Верующий в религию «коммунизма» часто идет в тюрьму, в заключение, у него поднимается рука на убийство других, т. е. совершает ряд актов, возможных только при таком веровании в святость своей религии. То же применимо и к любому верованию. *Каждое из них, подобно правильной идее, является внутренней силой, повелительно толкающей на одни поступки и удерживающей от других.*

Убедиться в таком влиянии можно на каждом шагу. *Идея, хоть и ложная объективно, но кажущаяся правильной верующему, – сила, оказывающая определенное влияние на поведение и через него на всю общественную жизнь. Эта сила тем значительнее, что верование, как сказано, ближайшим образом связано с животными аппетитами человека, с его чувствами, интересами и вожделениями.*

«Озолачивающая» роль верований

Будучи их проявлением, их «сознательным» обнаружением, *верование, раз появившись, в свою очередь воздействует на эти чувства, аппетиты и вожделения, дает им «оправдание», «нравственное обоснование», «мотивировку», освещает их своим светом, служит их идеологией. Благодаря верованию «голос брюха» превращается в «право», в нравственный идеал, вуалируется в прекрасные цвета, одевается в пышные одежды «добра», «справедливости», «идеала», «блага», «права». Благодаря такой вуалировке вожделения обычно выступают не в голем прозаическом виде, а принаряженные, прифранченные, окруженные пышными словами... «добра, красоты и правды». Любой аппетит, любой инстинкт, любое животное побуждение, любую подлость человек готов «мотивировать» благородными словами, придать им «оправдание», выставить их в качестве «бесспорного требования права, справедливости, прогресса, интересов человечества, революции» и т. д.*

Так обычно и бывает. Немного найдется людей, которые не поступали бы так. Под «высокими словами» верований чаще всего кроются весьма прозаические и животные побуждения. Каждый из нас всегда готов оправдать себя в чем угодно, придать своему низменному желанию самый бескорыстный и священный вид.

И при том каждый из нас весьма часто сам верит в подобную ложь. Когда вы слышите, что капиталист или рабочий «высокими словами» доказывают справедливость своих прав, когда вы слышите, что монархист или коммунист ссылаются на интересы прогресса, человечества, народа, пролетариата, когда читаете трактаты по нравственности или праву, доказывающие справедливость смертной казни или ее недопустимость, «кроме таких-то случаев», святость войны или ее отрицание, конечно, «во имя интересов народа или гуманности», необходимость или ненужность таких-то привилегий, податей, реформ (опять-таки со ссылкой на «высокие слова»), когда вы слышите голос патриарха, папы или Магомета, призывающий верующих «во имя интересов религии, во имя очищения от грехов» жечь и грабить еретиков, иноверных, когда вожди социалистических и консервативных партий, монархических и советских правительств для оправдания своих действий ссылаются на «волю народа», на «интересы демократии или пролетариата», на «естественное право», когда собственник доказывает «святость собственности», а противник последней называет ее «кражей», – в этих и в тысяче подобных случаев под высокими словами ищите биологические импульсы, слепые аппетиты и чувства. В них суть. Высокие же слова верований – сусальное золото, покрывающее сверху заржавленные железные стропила. В девяти таких случаях из десяти верования – простая идеология, тонкая вуаль, скрывающая прозаические лица аппетитов и интересов. *Будучи проявлением последних, верования, облагораживая эти чувства, инстинкты, аппетиты, покрывая их пудрой благородных слов, в свою очередь влияют на них, укрепляют, усиливают их, дают им святость и благородство.*

Не приходится поэтому удивляться тому, что их влияние на поведение людей и ход истории сказывается весьма ясно.

Влияние так называемых религиозных верований

Достаточно для этого взять влияние религии. *Большинство идей, образующих собою религиозное учение* (догматы веры, учение церкви, предания, заповеди и т. д.), *представляли и представляют не знания, а верования.* И, однако, это не мешало и не мешает религии оказывать значительное влияние на поведение человека. Пусть каждый человек, принадлежащий к той или иной религии, проследит свою жизнь и поведение. Сколько поступков совершено или совершается им благодаря влиянию религиозных верований. Родился он – его несли

в церковь. Женится он – идет в церковь. Умирает – и тут не обходится без церкви. Акты хождения в церковь, акты обрядов – крещения, покаяния, причащения, акты молитв, жертвоприношений и т. д. – все это свидетельство влияния верований на поведение людей. О том же говорят здания храмов и мечетей, церковное имущество, институт жрецов и священников, крестные ходы и процессии, церковная иерархия и т. д. А религиозные войны? А роль католичества или ислама? А инквизиция? Преследования, сожжение и убийство людей за ересь? И т. д. и т. д. Что все это, как не «вещественное доказательство» влияния религиозных верований на поведение людей и общественную жизнь! Вычеркните эти верования у верующего – и он перестанет совершать указанные поступки. Вычеркните религиозные верования из истории – и многое в ней будет непонятно.

Влияние религиозных верований проявляется и иначе. Возьмете ли вы явления самоубийства, или разводов, или браков и плодовитости – и в этих явлениях дают себя знать верования: та или иная частота этих явлений зависит от религии; православные, напр., более плодовиты, чем католики, католики – более, чем протестанты. Протестанты чаще кончают самоубийством, чем католики; вторые дают меньший процент разводов, чем первые, и т. д.

Иные формы верований и их влияние

*То же можно сказать и о всех верованиях, называются ли они религиозными или нет. Такими же верованиями является большинство теорий и идей, носящих название «социализма» и «коммунизма», «атеизма», «нигилизма», «анархизма», «солидаризма», демократизма, монархизма, капитализма, идеологии «прогресса», нравственности, естественного права и правового государства и т. д. Большинство идей и суждений, образующих учения, носящие эти названия, суть верования, а не знания. Они такие же религии, как католицизм, буддизм и исламуизм. Различны только верования. Один верует в Магомета или Будду, другой – в Маркса или Лассала, третий – в Иегову или в «безличный разум». Один всю премудрость видит в Библии, другой – в Коране, третий – в «Коммунистическом манифесте». Один в доказательство своей правоты ссылается на Евангелие, творения отцов церкви и постановления вселенских соборов, другой – на Коран, третий – на «Капитал» Маркса, работы Энгельса и резолюции Интернационала, четвертый – на *Corpus juris civilis*^{26*}, такие-то статьи кодекса законов.*

Верования разные, но суть одна и та же: никто из верующих не ссылается на опыт, на наблюдение, на факт, а предпочитает ссылаться на своих пророков и их откровения. Для каждого из них истина открыта и вся заключена в соответствующих работах своих божков. «Так сказал Бог», «так сказал Магомет», «так говорит папа», «так говорит Маркс», «так говорит Руссо, Цицерон или Уль-

пиан» – вот излюбленные способы их доказательства. Возьми раскрой такой-то стих или страницу соответствующей скрижали заветов, и истина будет в кармане – вот что говорят они нам.

Все эти учения (хотя и не в одинаковой пропорции) представляют в большей своей части верования, а не знания. Поэтому все сказанное о т. н. религиозных верованиях применимо с соответствующими изменениями и к ним. Влияние верований, в частности религиозных верований, можно проследить и иначе.

Во-первых, *верования, как и знания, влияют на биологические факторы поведения*. Мы видели выше, что под влиянием религиозных верований (как и других) люди часто подавляют раздражители – половой, питания и самосохранения. Аскет постится и изнуряет тело, хотя фактор голода и побуждает его есть. Аскет подавляет половое вожделение. Верующие – будут ли они христиане или язычники, последователи религии социализма или капитализма – часто идут на страдания, заключение в тюрьму, на смерть (подавляют инстинкт самосохранения) во имя своих верований. Они предпочитают погибнуть, чем отказаться от своих убеждений. Все подобные факты – а их немало – говорят о подавлении биологических факторов верованиями.

Влияют верования и на знание. Ум верующего, который принимает свое верование за истину, становится нечувствительным к истинным идеям. Всякий верующий – сектант. Он мнит себя обладателем полной истины и знать ничего не хочет, кроме своей догмы. Это относится в одинаковой мере к последователям всех верований: религии христианства, язычества, коммунизма, национализма, гуманизма, патриотизма и т. д. Все они похожи на начетчиков-сектантов, которые знать ничего не хотят, кроме своих догм. Ум верующего как бы закрыт верованием для всякой иной идеи. *Credo quia absurdum* Августина (верю, потому что это абсурд)^{27*} является не исключением, а общим правилом. «Хоть кол на голове их теши», все равно не поможет. Правда, в конце концов верования гибнут, а знания остаются, но эта победа знаний дается не без труда и не сразу. Новой научной идее приходится предварительно выдержать суровую борьбу. Верования и верующие объявляют ей войну. И не только ей, но и носителям знаний. Вспомним, какое гонение всевозможные верования открыли против теории Дарвина. Вспомним, как Сервета сожгли на костре, как Галилея под страхом смерти заставили отречься от теории круговращения Земли вокруг Солнца. Такими фактами полна история человеческой мысли. Они продолжают и теперь. В стране «буржуазной» открывают гонение на все новые научные идеи, которые почему-либо противоречат установившимся верованиям. В стране «коммунистической» объявляют вне закона все теории, почему-либо не согласные с учением коммунизма. Для тех и других верований не важно, истинна ли новая идея или нет, а важно, подрывает ли она «символ веры» капитализма и коммунизма. Отсюда – борьба

знаний с верованиями. Отсюда – консервативная роль верований и подавление (хотя и временное) ими знаний и научного развития.

Учитывая этот факт, следует снова и снова напомнить всем заботящимся о развитии знаний и умственном прогрессе народа, что *необходимым условием для этого служит свобода мысли и свободная борьба идей*. Всякое гонение против тех или иных идей и их носителей может оказаться преследованием знаний со стороны неверных верований. Ведь и инквизиторы, сжегшие ряд ученых, и все палачи свободной мысли тоже были убеждены, что их жертвы ошибаются, а они правы. В большинстве случаев оказывалось наоборот. Это следует помнить всем, кто не желает вольно или невольно стать палачом знаний и свободной научной мысли. Если идея кажется неверной, докажи и покажи это, но не хватай за шиворот ее автора и не посылай его на костер или виселицу. Тюрьма, виселица и костер – не доказательство истины, а проявление насилия и... только.

Все равно в конце концов с ростом опыта знания одержат победу над верованиями, несмотря на все гонения и виселицы. *Влияют верования и на наши эстетические вкусы и на формы искусства*. Не изучив религиозных верований египтян (их учение о боге Амоне-Ра, о перевоплощении душ и т. д.), мы не поймем их искусства, не поймем, почему оно проявилось в форме пирамид, обелисков, сфинксов и т. д. Иными были религиозные верования греков – иные формы принимает и их искусство. Греки представляли богов похожими на людей, живущими на Олимпе, пьющими нектар и т. д. Отсюда классическое греческое искусство: статуи Аполлона и Зевса, Афины и Венеры и др. божеств. Отсюда «Одиссея» и «Илиада». Отсюда – греческая трагедия, ее зарождение и развитие и т. д.

Совсем иными были верования средневековой Европы. Совсем иные формы принимает и средневековое искусство, начиная с готических соборов, идя через множество картин и статуй, изображающих Христа, Мадонну, священные события, и кончая «Божественной комедией» Данте. Отличны верования нашего времени. Место религий: католицизма, православия и протестантизма – сейчас занимают религии демократизма, социализма, гуманизма, патриотизма, национализма и т. д. Соответствующие формы принимает и искусство, начиная с «пролетарского искусства», воплощающего в себе верования пролетарских слоев, и кончая искусством буржуазным, отвечающим верованиям обеспеченных лиц... Ту же связь верований и эстетических форм мы можем проследить и на самих художниках. «Братьев Карамазовых» мог написать только человек с теми верованиями, какие были у Достоевского. Их не мог написать Чехов или Мопассан. И обратно, при тех верованиях, какие были у Достоевского, он не мог написать «легкомысленные» рассказы Мопассана.

Все это говорит о влиянии верований на формы искусства. *Влияют верования и на хозяйственный быт страны, на социальную и политическую органи-*

зацию группы. В населении, не имеющем рабских верований, долго удержаться рабство не может. И обратно, в населении с холопскими верованиями неизбежно в той или иной форме возникнет рабство, крепостничество, командование и притеснение одних другими. Создайте для такой страны идеальнейшие конституции, они не спасут такое население от рабства. Ряд историков (Фюстель де-Куланж, Бугле и др.) показали нам связь древнегреческой хозяйственной и политической организации с их верованиями, с одной стороны, влияние кастовых верований на кастовый строй – с другой. И торговля, и производство, и распределение, и вся хозяйственная жизнь страны испытывает на себе влияние верований. Свежим доказательством того же влияния служит наша страна теперь: кто может отрицать тот факт, что современное хозяйственное положение России во многом обязано религии коммунизма – его отрицательному отношению к частной инициативе, к капиталистическому способу производства, к частной собственности и его вере в спасительную силу национализации, социализации, реквизиций, секвестраций и пр. «аций»!

Словом, верования дают себя знать во всех областях общественной жизни. Сбросить их со счета факторов поведения – нельзя. Объявить их умершими и отжившими – тоже нельзя. Исчезнувши в одной форме, они вновь появляются в другой, принимаются за «истины» и находят своих последователей. Огромная часть идей, имеющих у большинства людей, большая часть тех положений, которые даются в виде «научных теорий» в дисциплинах гуманитарных, представляют верования, а не знания. Человек до сих пор является не столько *Homo sapiens*, сколько *Homo credens*, «Человек верующий». Правда, знания растут: они все более и более вытесняют верования из ряда областей. Однако до полного вытеснения верований далеко. Последние, вытесненные из одной области, захватывают новые, жили, живут и долго еще будут жить. Формы верований меняются, их суть остается.

Таково вкратце влияние верований на поведение и общественную жизнь.

Литература: Pareto: Trattato di sociologia generale, т. I и II; Кеммерих: Из истории человеческой глупости (на немецком языке); Кидд: Социальная эволюция; Ковалевский: Современные социологи, гл. о Кидде; Тейлор: Первобытная культура, т. II; Фюстель де-Куланж: Гражданская община древнего мира; Сорokin: Э. Дюркгейм о религии; Кондратьев: Г. Кунов о происхождении религии (в «Новых идеях в социологии». Сб. № 4); Спенсер: Основы социологии, т. I; Ковалевский: Социология, т. II, гл. о религиозных верованиях; Харузин: Этнография, вып. IV; Тахтарев: Очерки по истории первобытной культуры; Гюйо: Безверие будущего; Джемс: Многообразие религиозного опыта; Геффдинг: Философия религии; Durkheim: Les formes élémentaires de la vie religieuse; Зиммель: Религия.

§ 5. Чувства-эмоции, в частности искусство, как фактор

Характеристика чувств-эмоций

Человек не только мыслящее существо, но и существо чувствующее, обладающее переживаниями *боли-страдания*, с одной стороны, *удовольствия-наслаждения* – с другой. Ему свойственно стремиться к удовольствию и избегать страданий. Переживания, сопровождаемые удовольствием или страданием, образуют особый вид психических переживаний, носящих название чувств или эмоций. Эти последние принимают различные формы и выступают в виде переживаний любви, гнева, ярости, симпатии, ненависти, обожания, почитания, преклонения, отвращения, страха и т. д. Все эти переживания, известные нам по личному опыту, представляют различные чувственно-эмоциональные состояния. Помимо боли или удовольствия, все чувственно-эмоциональные переживания характеризуются тем, что они представляют, с одной стороны, переживания *пассивные*, претерпевания боли или удовольствия, с другой – они носят активный характер, «подзуживают», подталкивают нас к тем или иным действиям. Они одновременно и пассивны, и активны. Чувственно-эмоциональные состояния отличны от идей; они непосредственно не дают нам познания чего-либо. С другой стороны, они отличаются и от волнений. Волевые переживания активны, а не пассивны. Хотя в конечном счете они, быть может, и представляют усложненные виды стремлений, вызываемых чувственно-эмоциональными состояниями, но это не мешает им резко отличаться от последних. Волевой акт «я хочу» резко отличен, напр., от переживания зубной боли, любви к кому-либо или переживания удовольствия от музыки, вкусной пищи и т. д.

Чувства-эмоции суть усложненные проявления биологических импульсов и инстинктов. Сами переживания и удовольствия, как указано выше, были «сигналами» вредных и полезных с биологической точки зрения изменений, происходящих в организме. Благодаря влиянию социально-психических условий, испортивших механизм инстинкта самосохранения, эту роль они стали выполнять не всегда правильно. С усложнением психической жизни человека они отделились от чисто биологических импульсов, приняли «осознанный» вид и потому могут и должны рассматриваться отдельно от биологических факторов поведения.

Их близость к биологическим инстинктам

Но свою близость к последним они сохранили. Они по-прежнему весьма тесно связаны с ними и зависят от них. Изменения в области биологических процессов прежде всего отражаются на наших чувственно-эмоциональных переживаниях, прежде всего задевают их и через их посредство уже влияют на наши идеи и воления.

Влияние их на поведение

В этом факте кроется секрет влияния чувств-эмоций на наше поведение и на всю общественную жизнь. К краткой характеристике этого влияния и перейдем теперь.

Влияют ли чувства-эмоции на наше поведение и социальные процессы?

Ответ дают обычные наблюдения. Кто может оставаться бесчувственным при виде матери, плачущей над трупом убитого сына, при виде ребенка, беззаботно улыбающегося светлой улыбкой! Горе первой вызывает отзвук горя и в нашей душе, чистая радость второго разглаживает часто морщины на лбу самых суровых людей. Приходилось ли вам наблюдать за собой и за другими, когда кто-либо попадал под трамвай, в котором вы едете? Если да, то вы знаете, что такая картина вызывает невольные крики и восклицания зрителей и особо тяжелое переживание, подобно электрическому току пронизывающее вас насквозь. Приходилось ли вам попадать в среду других людей, объятых страхом и ужасом? Если приходилось, то вы знаете, что ужас других передавался вам и охватывал вас. Самые смелые и бесстрашные люди под его влиянием превращались в трусов, проникались паническим настроением и «теряли присутствие духа». И это в той или иной степени может быть сказано о всех чувствах-эмоциях. *Они обладают большой способностью передаваться от человека к человеку* и влиять на их взаимное поведение: чувства-эмоции одного человека находят отклик в других. Переживания ярости или ненависти по нашему адресу вызывают и с нашей стороны недоброжелательные чувства к тем, кто ненавидит нас. Любовь и добрые чувства к нам возбуждают те же переживания и с нашей стороны. В среде «раздраженных» людей самые спокойные люди становятся раздражительными. В среде уравновешенных и счастливых лиц успокаиваются и неуравновешенные люди.

Словом, чувства-эмоции людей влияют на их переживания и поведение. *Они обладают большой заразительностью и передаваемостью.* Отсюда – явления подражания, рассмотренные выше. Отсюда заразительность смеха, гнева, скуки, страха, ужаса и др. чувственно-эмоциональных состояний. Эта заразительность, как мы видели выше, может достигнуть особенно ярких форм в благоприятной среде, какой является человеческая толпа (см. выше). Здесь чувства-эмоции легко перелетают от человека к человеку, охватывают всех одним настроением, взаимно накаливаются и в итоге превращают толпу в одно целое, охваченное одним порывом, одними чувствами. Поведение отдельных лиц в таких случаях изменяется до неузнаваемости. Высшие центры сознания их подавляются раскаленными чувствами. Контроль разума за действиями прекращается. Люди становятся «ошалелыми» и словно пьяные совершают такие поступки, которых в нормальном состоянии совершать не могли бы.

Все подобные факты говорят о том, что *чувства-эмоции являются факторами поведения. Человек влияет на человека не только путем идей и не только посредством волеий (см. ниже), но и посредством своих чувств-эмоций, влияющих и затрагивающих чувства-эмоции других индивидов.*

Чувства-эмоции одного человека, проявляемые им в тех или иных актах (в мимике, в жестах, в словах, в сложных поступках), *непосредственно* затрагивают чувства-эмоции других людей. Изменяя их, они изменяют и поведение этих последних. Злоба, проявляемая в слове «мерзавец», или в угрожающем жесте, или во «взгляде ненависти», будит чувство злобы в ее адресате и через это вызывает со стороны его ряд ответных актов.

То же применимо и к другим чувствам, в частности к переживаниям симпатии, благорасположения. Недаром ряд лиц, начиная с Адама Смита, главную основу человеческой нравственности видели в способности человека «сопереживать» чувства-эмоции других людей. В силу этой способности сопереживания человек не может быть счастливым в среде несчастных. Чужое горе в той или иной мере будет его горем, чужое несчастье – его несчастьем. Отсюда необходимость симпатии, взаимной помощи и благожелательности людей друг к другу. Если в этой теории много одностороннего, то ядро ее – правильное. Оно состоит в мысли, что чувства-эмоции людей влияют на их поведение и взаимоотношения.

Как эти, так и множество других наблюдений в один голос свидетельствуют нам о том, что *чувства-эмоции одних людей влияют, видоизменяют чувства-эмоции других сочеловеков.* Таков первый итог наблюдений. Из него следуют неизбежные выводы, еще резче доказывающие влияние их на поведение человека.

Раз чувственно-эмоциональные переживания одних затрагивают и видоизменяют чувственно-эмоциональные переживания других, то это изменение последних неизбежно и в весьма сильной степени отражается на всем поведении человека. Измените чувства-эмоции человека, и вы измените все его внешнее поведение. Сумейте разжечь в нем вместо пламени любви огонь ненависти, и из кроткого ягненка вы сделаете необузданного зверя, из тихого человека создадите кровожадного убийцу, из носителя любви – мстителя, безжалостного врага. Перед вами будет новый человек.

Наше поведение, наши дела и поступки сильнейшим и теснейшим образом связаны с характером наших чувств. Человек, охваченный ненавистью, не может совершать актов любви по адресу ненавидимого. Напрасно было бы ждать последнему от него поступков благожелательных, искренних выражений уважения, почитания, искренней помощи и т. д. И обратно...

Раз так обстоит дело вообще, то же должны мы видеть и в частности. То же влияние чувств должны мы наблюдать и в области отдельных сторон челове-

ского поведения, и в сфере чувственных факторов на другие моторы человеческого поведения.

И действительно, *нетрудно видеть влияние чувств на другие факторы поведения. Последние часто ослабляются или подавляются чувственно-эмоциональным фактором.*

Влияют чувства-эмоции и на силу биологических раздражителей. Немало случаев, где голодный человек, находящийся под влиянием ненависти, отказывался от пищи, которую давала ему рука врага. Он предпочитал голодать, чем пользоваться «милостью противника». Такие случаи означают подавления фактора питания чувственно-эмоциональными факторами.

Сколько людей погибло от своей злобы или иных чувств, шедших наперекор инстинкту самосохранения. Увлекаемые жадной мести или страхом, они вступали в непосильную борьбу или «терялись в паническом настроении» и... гибли.

Сколько лиц, обуреваемых глубокой любовью к близким им людям, отнимали у себя последний кусок хлеба, надрывались в работе, чтобы помочь им, рисковали собой, чтобы спасти их, и... медленно или быстро погибали. Вся история альтруистических поступков, все факты прямого и сознательного «полагания души за други своя» не суть ли свидетельство победоносной борьбы «альтруистических чувств над инстинктом индивидуального самосохранения»? Правда, в основе их лежит часто инстинкт группового самосохранения. Но в случаях сознательного бескорыстного альтруизма к этому инстинкту присоединяется влияние чувств, без которых он бездейственен в таких случаях.

Нетрудно проследить влияние чувств-эмоций на половой раздражитель. Самая раскаленная половая страсть сразу остывает, когда волна «любовных» чувств почему-либо сменяется волной взаимной ненависти. Любовники прекращают связь. Супруги разводятся. Взаимное удовлетворение половой потребности становится невозможным. Из любящих они часто становятся врагами или чужими друг другу людьми.

Влияют они и на социально-психические моторы поведения.

Зависимость идей человека от его чувств-эмоций давно засвидетельствована римской поговоркой: «Желание есть отец мысли». Эта зависимость особенно резко проявляется в области *верований*. Мы видели выше, что верования людей представляют по существу проявление их appetitов и интересов, выражение последних в форме идей, суждений и теорий. Под этими appetитами, помимо биологических импульсов, следует разуметь именно чувства-эмоции. Наши верования являются логическим, идеобразным переводом преобладающих в нас чувственно-эмоциональных состояний. «Каковы будут последние, таковы будут и первые». Люди с развитыми воинственными эмоциями никогда не примут верований религии пацифизма (мира), а прямо или косвенно создадут и будут следовать религии, восхваляющей и одобряющей войну (во имя ли бога, во имя

отечества, во имя ли революции)... По форме эти верования будут различны, по существу все они будут идеологией войны или борьбы. И обратно: люди, чувствующие отвращение к убийству, неизбежно создадут различные по форме верования, запрещающие убийство. Один будет говорить: «Убийство недопустимо, ибо его запретили боги», другой: «Убийство недопустимо, ибо это противно идеалу гуманности», третий скажет: «Ибо оно противоречит справедливости», четвертый мотивирует его тем, что «убийство несовместимо с идеалом социализма» и т. д. Мотивировки недопустимости убийства будут разные, но суть всех этих верований (идей, теорий) одна и та же: верование в недопустимость убийства. Примут такие верования только те, кто чувствует отвращение к убийству. То же применимо и ко всем верованиям вообще. Когда кто-либо искренне «доказывает» справедливость или нравственность того или иного верования, непререкаемость того или иного идеала, благодетельность той или иной реформы, святость того или иного права и т. д., во всех подобных случаях он занимается только переводом на язык верований, вуалированием в идейные вуали своих чувств-эмоций. Во всех подобных случаях повторяется картина трамвайной трагикомедии, очерченной выше.

Больше того. Так как чувства-эмоции человека чрезвычайно сложны, так как часто одни из них противоречат другим, так как они изменчивы, то результатом этого является логическая непоследовательность, противоречивость верований, переводящих эти чувства на язык идей.

*Логика чувств отлична от формальной логики разума, научных знаний. Чувства не знают ни закона тождества, ни закона противоречий. Капризно сменяясь в душе, они часто уживаются друг с другом, несмотря на противоречие. Любовь, ненависть, восхищение и отвращение часто в нас живут рядом. Мудрено ли поэтому, что и верования нелогичны и изменчивы. Примером такой нелогичности верований могут служить многие рассуждения противников смертной казни или войны... Я противник смертной казни, слышим мы часто. Но, принимая во внимание то-то, я считаю возможной смертную казнь в таких-то случаях. Подобными рассуждениями полны трактаты по праву, по нравственности; их мы слышим постоянно от монархистов и социалистов. Нужно ли искать большей нелогичности! С точки зрения логики разума такое суждение – нелепость. В ней одновременно утверждается, что *A* есть *B* (смертная казнь – зло) и что *A* не есть *B* (смертная казнь – добро), т. е. оно противоречит себе самому. С точки зрения логики чувств такое рассуждение – вещь обычная. Часто осмеивают дикаря, определившего нравственность словами: «Если я украду у другого жену – это добро; если он украдет у меня – это зло». Увы! напрасно мы думаем, что далеко ушли от него. Мы постоянно поступаем подобно ему, т. е. наши верования постоянно (хотя и в более сложной форме) выражают наши чувства-аппетиты и в силу этого постоянно противоречат себе. Когда капиталист доказывает нравственность*

обирания рабочих и безнравственность обирания его, он поступает по рецепту дикаря, и его верования столь же нелогичны, как и верования первого. Когда кто-нибудь доказывает нравственность «экспроприации экспроприаторов» и толкует социализм (на деле, а не на словах) в смысле «что твое – мое, что мое – мое», он также только переводит на язык идей свои чувства-эмоции. Противоречивость последних лишает логичности и верования. Когда «белый» журналист, апеллируя к высоким словам, доказывает обязанность вешать коммунистов и воевать с красными или когда «красный» публицист призывает делать то же с «белыми», все их доказательства, все их «мотивировки», все их соответствующие «теории» ничем не отличаются от теории нравственности дикаря. Они являются теми же верованиями, переводящими на язык идей их чувства – симпатии и антипатии, и только. То же применимо и ко всем трактатам нравственности от Платона до наших дней. То же применимо и к большинству верований каждого из нас. Сказанное показывает, как сильно влияют наши чувства-эмоции на наши верования, на нашу идеологию; значит, и на наши религиозные верования, значит, и на все наше мировоззрение. А через эти последние – и на все наше поведение. *Влияют чувства-эмоции на наши воления.* Последние стоят в теснейшей зависимости от первых. Измените чувства-эмоции человека, и вы измените волевые стремления последнего. Сделайте человека с преобладающими благожелательными чувствами человеком, полным злобы и вражды, и тем самым вы видоизмените его волевые цели. Вместо делания добра он будет сеять зло.

Через все это чувства-эмоции влияют и на все внешнее наше поведение. Каковы будут первые, таковым будет последнее. Подтверждением и в то же время выводом из сказанного служит давно усвоенное педагогами правило. Оно гласит: если вы хотите воспитать человека и видоизменить его поведение, то прежде всего нужно видоизменить его чувства-эмоции. Вне изменения последних никакое перевоспитание человека невозможно. Мало указать воспитываемому: «поступай так-то», «делай то-то», «не делай того-то», мало сообщить ему «истинные идеи», нужно еще, чтобы он все это «прочувствовал», нужно еще, чтобы наши идеи повлияли на его чувства-эмоции и видоизменили их. Вне этого он может десять раз прочесть все системы нравственности, может прекрасно изучить «Критику практического разума» Канта и ни на йоту не изменить своего поведения. Идея, чтобы влиять на человека, должна быть им прочувствована. Иначе она рискует остаться мертвой, рискует не войти в плоть и кровь человека. Даже для простого усвоения ее нужен энтузиазм чувственно-эмоциональный. Одна и та же теория одного и того же лектора оказывает совершенно различное впечатление на слушателей тогда, когда она читается холодно, без эмоционального подъема, и тогда, когда она излагается с жаром, пафосом, с энтузиазмом.

Влияя на поведение людей, чувства-эмоции оказывают громадное влияние и на всю общественную жизнь. Каковы будут преобладающие в членах обще-

ства чувства, таковой в значительной мере будет вся общественная жизнь их, все их общественное устройство. Если люди, подобно тиграм, обуреваемы хищнически-злостными чувствами друг к другу, никакие законы и конституции не помешают им воевать друг с другом и грызть друг другу горло. Под тем или иным «мотивом» (конечно, «благородным», конечно, «священным» и «идеальным»!) они возведут борьбу и грызню на степень «святого долга» и будут резать или расстреливать друг друга. Читай, не читай нравственные проповеди тиграм, этим делу не поможешь: тигры останутся тиграми. Соответствующую форму примет и вся организация такой группы: каждый человек в ней будет настороже, оружие будет для каждого необходимым предметом, жилище будет маленькой крепостью, мщение – доблестью, наиболее воинственные члены – героями и т. д. Совершенно иной будет картина общества людей, имеющих «мирные» чувства и испытывающих отвращение к убийству и войне.

Так или иначе чувства дают себя знать как в крупных чертах общественной жизни, так и в ее деталях.

Вот почему из факторов поведения их не выкинешь, вот почему нельзя понять общественной жизни любого народа, не учтя характера его чувственно-эмоциональных переживаний.

Социальная роль искусства, газет, агитации, пропаганды и т. п.

Отсюда понятной становится важная роль тех общественных явлений, которые имеют своим главным назначением воздействовать главным образом на чувства-эмоции людей. Таких средств воздействия много. Таковы, напр., газеты, устная и письменная агитация, эффектные поступки, остро затрагивающие чувственно-эмоциональную сторону человека, и таково, в особенности, искусство.

Влияние газет, агитационных листовок и пропагандистских воззваний и плакатов, зажигательных речей, демонстративных поступков или манифестаций, «скандального» поведения и т. д. основывается не на том, что они чему-то учат (в смысле знаний), что в них даются те или иные знания, что они воздействуют на разум читателей или слушателей, а на том, что они затрагивают чувства-эмоции и влияют прежде всего на них, изо дня в день повторяя одни и те же призывы, прибегая к «Долой!» или «Да здравствует!», поддразнивая одни чувства, разжигая другие, доводя до «белого каления» третьи, охлаждая четвертые и т. д.; газета, листовка, митинговая речь, эффектный поступок задевают главным образом чувства-эмоции и влияют главным образом на них. Их лозунги и призывы приводят в движение подсознательные течения чувств, заставляют их кипеть, бурлить и выливаться в ряде поступков – индивидуальных и массовых, мягких и резких. Газета, наполненная длинными рассуждениями, хотя и верными, ли-

ставка, научно доказывающая что-либо, митинговая речь, представляющая научную лекцию, будут плохой газетой, листовкой и речью. Они не смогут оказать того влияния, которое сыграет «горячая» (хотя и абсурдная с научной точки зрения) статья, полная иронии или сарказма, восхищения или энтузиазма, статья «прочувствованная», задевающая остро чувства людей, или листовка или речь, зажигательные по своему характеру. Научной газетной статьи большинство читателей не прочтет, длинного воззвания не дочитают, скучной речи не дослушают; зажигательные же речи и статьи прослушают или прочтут все; они «полоснут» по душе каждого, они опьянят людей, о них будут говорить все.

Вот почему подобные средства воздействия на общественную жизнь имеют большое влияние, вот почему всякая власть, всякая партия, всякая группа людей, желающих играть роль, прежде всего стремится обзавестись газетами, агитационной литературой, митинговыми ораторами. Это особенно ярко проявляется во время избирательных кампаний. Здесь же видны и приемы воздействия на чувство. Клевета на противника, грязные инсинуации, возбуждающие негодование читателей против того, кто инсинуируется, едкий эпитет, хлесткая брань или остроумное высмеивание, с одной стороны, с другой – восхваление своих кандидатов, возведение их на пьедестал, приписывание им сверхчеловеческих достоинств и т. п. – вот обычные методы «доказательства истины» газетных статей, агитационных листовок, митинговых речей... И мы знаем, что эти методы действуют, мы знаем, что от самой нелепой клеветы всегда что-нибудь да останется. Вздурораженные эмоции не затихают, отражаются на голосовании, на всем поведении людей и на всей общественной жизни. Таков секрет влияния этих возбудителей чувств.

То же еще в большей степени применимо к *искусству*. Его социальная роль покоится на том же факте влияния на чувственно-эмоциональные переживания человека. Музыка, стихи, интересные романы, песня, картина нас не кормят, не защищают от опасностей, не удовлетворяют половой потребности, не дают знаний, а были и остаются средством удовлетворения наших чувственно-эмоциональных потребностей, средством разжигания одних эмоций, возбуждения других, подавления третьих. Их «учительская» и «образовательная» роль состоит не столько в сообщении знаний, сколько в возбуждении и изменении наших чувственно-эмоциональных состояний. Симфония Бетховена, любовные стихи Горация, картина Рембрандта, танец знаменитой балерины или ария, пропетая Шаляпиным, нас ничему не научат, знаний не дадут. Зато перевернуть «вверх дном» душу, изменить все наше настроение, переделать все наше чувственно-эмоциональное состояние они могут без большого труда.

А через чувства-эмоции они переделывают и все наше поведение, влияют и на всю общественную жизнь. Мы видим, как музыка вальса заставляет

ноги человека пускаться в пляс. Пляшут и вальсируют по несколько часов и ничего, не устают. Заставьте тех же людей без музыки покружиться 2–3 часа, и они сочтут такое занятие за каторгу. Мы видим, как симфония Бетховена меняет настроение людей, весь тон их чувственно-эмоциональной жизни. Мы видим, как под музыку люди идут легко в бой, на смерть. То же в большей или меньшей степени применимо и к любому виду искусства. Оно «доводит до сумасшествия», «выводит из равновесия», грустных делает веселыми, веселых – печальными, возбуждает одни страсти, гасит другие – словом, затрагивает, переделывает, изменяет, культивирует наши чувства-эмоции. Изменяя их, оно изменяет и нас, и наше поведение. Зародившись на почве потребности в чувственно-эмоциональных переживаниях, с тех пор искусство во всех своих формах было и остается распространеннейшим и излюбленным средством воздействия на чувства людей, а через них – на их поведение и всю социальную жизнь.

Такова общественная функция и роль этой «веселой науки». Роль почтенная и весьма важная. Недаром лозунг «Хлеба и зрелищ!» является вечным лозунгом истории. Смотря по тому, какие чувства культивирует искусство в людях, оно может сыграть громадную – и положительную, и отрицательную – общественную службу. Если что-либо вас возмущает в народе или, напротив, восхищает, то доля вины или заслуги в этом принадлежит и искусству: тому, которым фактически питался народ.

После всего сказанного о роли чувств-эмоций как факторов не покажутся очень преувеличенными слова писателя (Ланге): «Эмоции, – говорит он, – не только играют роль важнейших факторов в жизни отдельной личности, но они вообще самые могущественные из известных нам прирожденных сил. Каждая страница в истории как целых народов, так и отдельных лиц – доказывает их непреодолимую власть. Бури страстей погубили больше человеческих жизней, опустошили больше стран, чем ураганы, их поток разрушил больше городов, чем наводнения».

Такова вкратце роль чувств-эмоций как факторов.

Литература: Дарвин: О выражении ощущений у человека и животных; Рибо: Психология чувств; Ланге: Душевные движения; Петражицкий: Введение; Уорд: Психические факторы цивилизации; Гюйо: Искусство с социологической точки зрения; Ницше: Происхождение трагедии; Шопенгауэр: Мир как воля и представление (гл. об искусстве); Спенсер: Статья о грации; Тард: К теории междуумственных воздействий (в сб. «Русская высшая вольная школа в Париже»); Westermarck: The origin and development of the moral ideas, т. I, гл. I по XIII; Verworn: Die Anfänge der Kunst.

§ 6. Воления, в частности право и нравственность, как фактор

Характеристика волений

Воления представляют особый разряд психических переживаний человека. Они носят чисто активный характер, резко отличающий их от пассивных переживаний. Они переживаются нами в качестве активных усилий, активных стремлений нашего «я», резко отделяющих их от идей и чувств. Здесь человек не только претерпевает или переживает то или иное состояние, но *сознательно ставит себе определенные цели, особенно важные с точки зрения нашего «я», затрагивающие «святая святых» последнего, и активно стремится осуществить их. Активность, сознательная целеполагательность важных целей и сознательное стремление достичь эти цели – таковы характерные черты волевых переживаний и соответствующих волевых поступков.* Все подобные стремления, обозначаемые словами «я хочу», «я должен», «я не хочу» или «не должен», удовлетворяющие этим признакам, будут волевыми актами и переживаниями.

В той или иной форме они даны у всех людей. Каждый из нас, живя в среде себе подобных, погружен в море волений. Последние в виде множества всевозможных «хочу» других людей бьют в нас ежеминутно. «Сделай то-то», «Не делай то-то», «Уйди», «Приди», «Приказываю поступить так, а не иначе», «Убий», «Люби», «Чти отца твоего и мать твою», «Поставь самовар», «Исполни свой долг», «Люди должны вести себя так-то» – все подобные акты, с которыми мы постоянно обращаемся к другим людям и другие люди – к нам, все они в большинстве случаев представляют волевые поступки. Каждый знает, что таких актов ежеминутно совершается великое множество. Мы окружены ими. Посредством их люди согласуют свое взаимное поведение и влияют друг на друга. Вырваться из-под власти волений других лиц – невозможно, как нельзя, находясь среди волн, не подвергаться их ударам. Мы сами постоянно волим, и воления других постоянно бьют об нас. В любой среде сосуществующих людей непрерывно (кроме разве часов сна) происходит циркуляция волений. Это значит: *своими волениями люди постоянно влияют друг на друга, управляют и регулируют как свое, так и чужое поведение.* Отсюда ясна роль волений как факторов поведения и процессов общественной жизни. Каждый из нас подобен кораблю, значительная часть движений которого направляется штурвальным корабля – нашей волей. Но не только от воли этого штурвального зависит движение корабля. В него постоянно ударяют волны моря, иногда слабые, иногда могучие; эти волны – волевые акты других людей. Временами они влияют незначительно и не могут изменить направление, даваемое кораблю его штурвальным. Временами они ударяют с бешеной си-

лой, бросают корабль из стороны в сторону, опрокидывают его, сносят все паруса и мачты, и тогда штурвальный – наша воля – становится бессильным: колесо ломается, корабль становится игрищем бурных волн – чужих воле-ний и стремлений. Наша воля в таких случаях побеждается волей других лиц, и мы, подобно судну «без руля и без ветрил», несемся туда, куда увлекает нас поток чужих воле-ний.

Воспользуемся этим сравнением и для другой мысли. Мы сравнивали нашу волю со штурвальным. Движение корабля зависит от штурвального, но не только от него: оно зависит от строения самого корабля, его машин, матро-сов, машинистов, кочегаров и всей команды корабля. Если последние будут плохи – самый лучший штурвальный не сможет управлять парходом. То же относится и к нашим воле-ниям. Наше поведение зависит не только от них; оно, как мы видели, зависит от множества моторов, отличных от воле-ний: от биологических инстинктов, идей, чувств, космических условий, играющих ту же роль, которую играют машины, устройство, команда пархода. Больше того. Сами воле-ния, их характер не представляют чего-то свободного, незави-симого от этих сил, а, напротив, являются следствием, конкретным выраже-нием последних. Каковы будут первые, таковыми будут и воле-ния человека. А характер предопределяется всей совокупностью космических, биологиче-ских и социально-психических условий. Если последние плохи – неважными будут и воле-ния. Если один человек ставит целью своей жизни (высшим во-лением) богато жить, сытно есть и только, а другой – прославить себя в каче-стве рыцаря, поэта, писателя, ученого, революционера, не заботясь о «хлебе насущном», то такое различие воле-ний не случайно, а обусловлено различием указанных факторов. Будучи их следствием, воле-ния, однако, представляют особую комбинацию этих сил, отличную от слепых биологических инстинк-тов, от чувств и идей, и потому их целесообразно рассматривать особо, как силы *sui generis*^{28*}.

Классификация воле-ний

Все воле-ния людей, весьма разнообразные по своему характеру, можно раз-бить на небольшое число групп. Попробуем это сделать. Когда мы обращаемся к другим людям с нашими воле-ниями (или другие – к нам), мы хотим от них или актов *делания* чего-либо («сделай то-то»), или актов *неделания* чего-либо («не делай», «не смей», «воздержись от того-то» и т. п.). Следовательно, *воле-ния одних людей по адресу других стремятся добыть от них или акты дела-ния* («убий», «люби ближнего»), *или акты неделания – воздержания и терпения* («не убий», «не укради», «не прелюбы сотвори»).

Каждое из таких волений, далее, предъявляется одними людьми другим или как *категорически-альтернативное* (обязательное требование), или как *рекомендуемое* (желательное, но необязательное, совет, пожелание). Предъявляя наше «я хочу» к другим людям, мы или требуем от них нужное нам поведение *категорически*, или только *советуем, рекомендуем* им поступить так-то, а не иначе.

Каждое из категорических и рекомендуемых волений, далее, можно разделить на чистое (немотивированное) и мотивированное, снабженное тем или иным грузом, мотивом, указывающим, почему следует поступать так, а не иначе. Если я скажу кому-либо «не убий» или «советую тебе поступить так-то» без всяких дальнейших мотивов, такое воление будет чистым. Если я скажу кому-либо «ты не должен убивать, иначе будешь расстрелян, или посажен в тюрьму, или причинишь себе вред, или лишишься рая» и т. п., то такое воление будет *мотивированным*. Здесь к волению присоединяется еще *добавочный груз наказания*, с которым должен считаться тот, к кому я обращаюсь. Помимо моего чистого воления на его поведение давит еще этот груз. Мотивировать воление можно не только наказанием, но и множеством других мотивов: *обещанием награды, соображениями пользы или вреда, согласием с теми или иными идеалами, погибелью души, вечным блаженством и т. п.* Таково различие волений.

Нижеследующая таблица волений схематически изображает сказанное.

Воления как факторы поведения побуждают людей к актам	1. Делания	1) Категорически-обязательные	{ Чистые Мотивированные	{ Наказанием, наградой, пользой, вредом, требованием того или иного идеала («во имя добра, социализма, интересов народа») и т. д.
		2) Рекомендуемо-пожелательные	{ Чистые Мотивированные	
	2. Неделания (воздержания и терпения)	1) Категорически-обязательные	{ Чистые Мотивированные	{ Наказанием, наградой и т. д.
		2) Рекомендуемо-пожелательные	{ Чистые Мотивированные	

Любое воление людей входит в одну из рубрик данной таблицы.

Воления правовые и нравственные

Воления категорически-обязательные можно назвать правовыми волениями, правовыми требованиями поведения.

Воления рекомендуемо-пожелательные можно назвать нравственными волениями или нравственными правилами поведения.

Отсюда следует, что все категорические воления, которые мы предъявляем к поведению других лиц, составляют правовые нормы поведения нашего «я». Все такие же воления, предъявляемые к нам со стороны других лиц, составляют их правовые требования.

Совокупность категорических велений, предъявляемых к поведению членов группы со стороны правительства последней и указываемых в официальном «Своде законов», составляет официальное право данной группы или кодекс ее законов.

Установив эти понятия, теперь вернемся к вопросу о *влиянии волений на поведение людей и социальную жизнь.*

Влияние волений на поведение людей и общественную жизнь

Влияние волений может быть прослежено прежде всего двумя путями: 1) решением вопроса: влияют ли наши воления на наше собственное поведение; 2) влияют ли воления одних людей на поведение других. Решение последнего вопроса сводится по существу к изучению социальной роли права и нравственности.

На эти вопросы приходится ответить положительно.

Что наши воления обуславливают наше поведение, это следует из того, что они способны изменить, усилить или ослабить другие факторы поведения и тем самым изменить последнее.

Воления способны ослабить или подавить биологические моторы поведения. Сколько людей, толкаемых голодом, не крадут, не тащат чужой хлеб потому, что против этого восстает их совесть, их сознательное воление, гласящее: «Красть – нельзя, чужую пищу есть преступно». Если в ряде случаев здесь останавливает людей боязнь наказаний, то немало есть людей, честных добровольно, во имя своей воли, во имя сознательного «не хочу». Такие случаи победоносной борьбы воли (правовых убеждений) с биологическими «искушениями» являются фактами, свидетельствующими о влиянии воли на биологические импульсы. В той или иной форме эти «искушения» приходилось переживать всем. Толкаемые моторами питания, половой страсти, самосохранения, подражания, мы часто оказываемся как бы «на краю нравственно-правовой гибели», но... в критический момент «делаем напряжение воли» и побеждаем искушение. Такие случаи победоносной борьбы воли с соблазнами, подобные искушению Хри-

ста дьяволом в пустыне, в огромном большинстве случаев означают ослабление или подавление волей биологических импульсов поведения. Простейшим примером их служит поведение привычного курильщика или пьяницы, отвыкающих от курения и пьянства. Их так и тянет выкурить папиросу или выпить рюмку водки... Но они «крепятся». Часто они не выдерживают и впадают в соблазн. Но немало случаев с иным исходом: люди с «сильной волей» побеждают соблазны и освобождаются навсегда от своей дурной привычки... Поведение их изменяется; они становятся здоровыми, работоспособными, перестают «прожигать жизнь», принимаются за дело, начинают заботиться о семье – словом, меняют и свое поведение и через него – поведение других лиц.

Тот же факт влияния волений на наше поведение доказывается и влиянием наших правовых и нравственных убеждений (категорических и рекомендуемых волений) на наше поведение. А это влияние едва ли можно оспаривать.

Множество людей не крадет, не убивает, не берет взятки, не насильничает, или наоборот, добросовестно исполняет обязанности, например, платит долги, выполняет трудную работу и т. д., не «за страх, а за совесть», не потому, что боится наказаний или желает заработать корыстную награду, а потому, что таковы их правовые и нравственные воления.

Все, что сейчас скажем мы о влиянии права и нравственности, подтвердит это положение.

Едва ли нужно доказывать далее, что *воления одних людей влияют на поведение других*. Нарисованная выше картина корабля, бросаемого волнами чужих волений в разные стороны, дает наглядную картину этого влияния. Каждый из нас – игралище чужих волений. Наше поведение зависит не только от нашей воли, но и от воли других лиц. Если кто-либо достиг великой славы, то этим он обязан не только себе и своей воле, но и воле других. Если кто-либо погиб во цвете лет, то чаще всего причиной его гибели служит не его воля, а воления других лиц. Сейчас, например, тысячи лиц – подданных РСФСР – гибнут от голода, войны, болезней и холода. Сотни тысяч страдают от этих бичей. Было бы наивно полагать, что они гибнут и страдают по своей воле. Все они проклинают эти бичи и бедствия. Но... ничего не могут сделать; не от их воли, а от воли других лиц зависит конец войны, снятие блокады и переход к нормальной человеческой жизни. Не останавливаясь на приведении других фактов, очертим влияние волений как факторов поведения на изучении *социальной роли права и нравственности*. Все сказанное о их влиянии применимо и к волениям вообще.

Влияние нравственно-правовых волений

Нравственные (рекомендуемые) и правовые (обязательные) воления влияют: 1) как мотивационная сила, 2) как дрессирующая сила, 3) как сила, произво-

*дящая социальный отбор, т. е. уничтожающая одних людей и благоприятствующая выживанию других*¹.

Мотивационное влияние нравственно-правовых волений на наше поведение состоит в том, что характер этих волений во многом предопределяет наше поведение. Каковы наши нравственно-правовые воления, таковым в значительной мере будет и наше поведение. Если мы признаем допустимыми для себя акты кражи, взяток, лжи, убийства, мы при всяком удобном случае, когда можем это сделать безнаказанно, будем красть, брать взятки, лгать, насиловать.

Так и поступают многие люди, например ряд преступников, вовсе не считающих такие поступки недопустимыми. Если же наши воления будут иными, не допускающими ни кражи, ни лжи, ни убийств, мы не будем совершать и этих актов; они нас будут отталкивать. Хотя бы никакое наказание нам ни грозило, тем не менее мы не будем делать их; наше воление, как сила, мотивирующая наше поведение, не позволяет нам поступать так. При попытке украсть эти воления, подобно силе, останавливают руку, вмешиваются, поднимают в душе бурю угрызений совести и... часто побеждают соблазны.

В той или иной форме такие факты происходят постоянно и, таким образом, влияют на наше поведение, а через него и на всю общественную жизнь. Если граждане имеют честные воления, если они не крадут, не лгут, не насилуют друг друга, то в таком обществе не нужны будут замки и запоры, контролеры и многочисленная полиция, жестокие наказания и палачи, нотариусы и бесчисленные удостоверения и т. д. Если же воления граждан иные, если они направлены на то, как бы обмануть ближнего, как бы стащить, что плохо лежит, как урвать, что можно, как бы побольнее задеть друг друга, в таком обществе замки и крепкие засовы будут необходимостью, все будут контролировать друг друга, создадутся всюду и везде бесчисленные «контрольные тройки», появятся законы, карающие смертью за взятку или кражу, появятся всевозможные трибуналы и палачи, каждый акт потребует удостоверений и доказательств, бумажные «свидетельства» наполнят все карманы и т. д. Все это будет, и все это не поможет.

Сказанное дает только общие штрихи. Если же проследить общественное влияние волений как мотивирующей силы подробно, то легко заметить его в каждом общественном явлении, начиная с экономического уклада общества и кончая его «идеологией».

Таково вкратце влияние волений как *мотивационной* силы.

Но этим их роль не ограничивается. Они влияют на поведение людей и в качестве *дрессирующей* силы. Предположим, что одни люди (напр., власть) предъявляют другим категорическое воление, запрещающее курить под страхом смертной казни или приказывающее работать под угрозой лишения хлеба

¹ Более подробное изложение этих вопросов см. в *моих* работах «Элементарный учебник общей теории права», гл. X и «Преступление и кара», гл. V, VI.

(«кто не трудится, пусть не ест»). Если сила на их стороне и если угроза не является пустым словом, то большинство курильщиков или «лентяев» волей-неволей принуждены будут бросить курение или приняться за работу. Не курят день, неделю, год. Чем дольше не курят, тем меньше хочется курить. Через год-два привычка курения исчезает. Через пять-десять лет лентяи могут привыкнуть к работе и полюбить ее. Воления таким путем могут выдрессировать людей в том или ином направлении. *Посредством их одни люди могут отучить других от ряда привычек и привить им новые, т. е. видоизменить все их поведение.*

А через изменение поведения людей они изменяют и всю общественную жизнь. Народ, в течение долгих десятилетий и столетий дрессированный в направлении рабства, народ, к которому систематически прививали привычки повиновения, беспрекословного выполнения воли начальства, в котором подавляли личный почин, свободные начинания, привычки самоуправления, такой народ после десятилетий такой дрессировки будет народом рабским. Не скоро ему удастся освободиться от тяжелого наследства, привитого ему волениями власти. Даже сбросив одну власть, он не станет свободным, а только переменит ту палку, которой его били.

Палка останется, начальство останется, останется и неумение жить без начальства; переменятся только лица и названия. Холопом он был, холопом и останется. Нужны будут многие годы, чтобы отрешиться от этих привычек и привить себе новые привычки – свободные. У такого народа будет соответствующей и вся его организация. Будет пропасть между правящими и управляемыми, беспощадное обирание первыми вторых, пренебрежение к воле большинства, неумение устроить жизнь на вольных началах и т. д. Совершенно иным будет устройство и жизнь народа, которому долгое время прививались иные привычки – привычки свободного, самоуправляющегося народа. И жизнь, и устройство – все здесь будет иным. Такой народ сумеет жить свободно, сумеет бороться за свои права; его трудно обратить в рабство. Трудно установить среди такого народа холопскую организацию.

Эти штрихи показывают, насколько значительным может быть влияние волений как дрессирующей силы на общественную жизнь. То же можно применить и к любому волению как дрессирующей силе, особенно к волениям правящих лиц, имеющих в своих руках силу, способную приводить в исполнение угрозы за нарушение их волений. Они могут привить как дурные, так и хорошие привычки управляемым. К сожалению, чаще всего прививают дурные, общественно вредные, а не полезные.

В связи с привычкой и механизмом образования условных рефлексов воления представляют силу, которой пользуются родители и учителя в воспитании детей, одни люди при переделке других и т. д.

Но и этой дрессирующей ролью не исчерпывается общественная роль воле-ний. *Они выступают еще в качестве силы, удаляющей из общества одних лиц и помогающей выживанию других.* Они выступают в качестве факторов «соци-ального отбора». Правовые воления, особенно воления правящих лиц, встречая сопротивление со стороны тех, к которым они обращены, вызывают на сцену применение физического принуждения к непокорным, не останавливающееся даже перед истреблением последних. Таковыми случаями являются все факты *смертной казни* за неповиновение воле властей, за ослушание воле закона, за неподчинение волению тех или иных лиц, начиная с разбойника, захватившего жертву, и кончая судьями, царями, парламентами, диктаторами, папой, комисса-рами и т. д., присуждающими к смерти своих жертв. Число таких жертв громад-но. Десятками и сотнями тысяч приходится считать их. Преступники, отпра-вляемые на эшафот, политические преступники, убиваемые за неподчинение воле правящих лиц, жертвы восстаний и усмиряемых бунтов, жертвы войны двух на-родов, воления которых мирно не согласуются, убитые в частных спорах из-за неподчинения волению того или иного лица и т. д. – все эти лица вычеркнуты из жизни благодаря волениям.

А сколько лиц удалено косвенно путем ссылки, каторги, тюрьмы, пыток, всевозможных лишений, укорачивавших жизнь «ослушников» и разбивавших жизнь их близких!

Если учесть все эти жертвы, убитые правовыми волениями, то число их по-истине будет громадным.

Такой отбор весьма сильно изменяет состав народонаселения, а через это, помимо прямого влияния, еще сильнее изменяет общественную жизнь.

Из жизни благодаря такому отбору удаляются наиболее энергичные и сильные люди. Чтобы быть «непокорным», чтобы не подчиняться волению дру-гого или власти, нужно также иметь сильное воление и сильную душу: слабый всегда подчинится, протестовать будут только сильные. Мудрено ли поэтому, что при таком отборе выбывают из жизни главным образом сильные, выживают же – средние, слабые люди. При острой политической борьбе двух партий (в силу противоречия их волений) гибнут главным образом лидеры и вожаки партий; рядовые же члены чаще всего выживают. Погибли Дантон, Марат, Кондорсе, Бриссо, Робеспьер, Эбер и др. вожаки жирондистов, якобинцев, гебертистов^{29*} и роялистов во время французской революции. Рядовые члены – выжили. То же и у нас. При войнах (столкновение волений двух народов) гибнут больше всего здоровые и сильные люди; негодные, слабые (немобилизуемые) и трусы выжива-ют. Из преступников на эшафот опять-таки попадают лица, исключительные по своей воле, таланту, смелости и силе. Мелкие шулера, воришки, сутенеры сохра-няют жизнь. То же применимо к жертвам религиозного преследования. На костер инквизиции или в монастырские застенки опять-таки попадали Гус, протопоп

Аввакум и др. религиозные вожди и реже – рядовые последователи той или иной ереси. Такой факт увеличивает значение волевого отбора, увеличивает и те изменения, которые он вносит в состав населения и в общественную жизнь. Самые яркие представители людей убиваются; рядовые, серенькие члены выживают.

Мудрено ли поэтому, что при продолжительной работе такого отбора страна может быть обескровлена, лишена самых энергичных людей и потому обречена на застой. Примером такого обескровления может служить Испания. Там инквизиция вырвала из населения не менее 300 000 жертв. После такого кровопускания гордая, могучая Испания захирела и хиреет до сих пор. К такому же результату ведут многие гражданские войны и войны вообще.

После сказанного *едва ли можно сомневаться в громадной социальной роли волений* (в частности правовых и нравственных) *как силы, мотивирующей поведение, как силы дрессирующей и как силы отбирающей.*

Такова в основных чертах роль волений как факторов.

Литература: Главы о воле в указанных курсах психологии; *Лосский:* Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма; *Мак-Дауголл:* Основные проблемы соц. психологии. Гл. о воле; *Петражицкий:* Введение и Общая теория права, т. I и II; *Иеринг:* Борьба за право; *Коркунов:* Общая теория права; *Тарановский:* Энциклопедия права; *Сорокин:* Элементарный учебник общей теории права; *Сорокин:* Преступление и кара, подвиг и награда; *Ковалевский:* Современные социологи (гл. о Лапуже, Аммонне и антропогеограф. школе); *Lapouge:* Les sélections sociales; *Сорель:* Размышления о насилии; *Уорд:* Психические факторы и Pure Sociology; *Vaccaro:* Les Bases sociologiques du droit et de l'Etat.

§ 7. Сложные социально-психические условия и социально-психическая среда вообще как фактор

Понятие сложных факторов

В предыдущем мы рассмотрели простые социально-экономические раздражители поведения. Для полноты исследования следовало бы далее рассмотреть по отдельности совместное действие различных соединений этих факторов. Подобно химии, изучающей не только свойства и реакции простых химических элементов, но и их соединений, нам бы следовало взять соединение различных простых раздражителей по два, по три, по четыре и т. д. и изучить их совместное действие и эффекты, т. е. перейти к изучению влияния сложных факторов, составленных из комбинации простых раздражителей как одного, напр. социально-психического или биологического, порядка, так и разных порядков (напр. слож-

ные факторы, образованные из комбинации различных космобиосоциальных). Возьмем ли мы явления, обозначаемые обычно терминами «экономика и экономический фактор», или «культура», или «политическая организация» как факторы, все они представляют не простые, а сложные факторы, составленные из того или иного соединения перечисленных выше простых факторов.

«Экономика» как сложный фактор

Остановимся для примера на так называемом *экономическом факторе*. Как известно, это понятие толкуется различно. Но какое бы из этих толкований мы ни взяли, легко убедиться в сложности этого раздражителя. Англо-американские социологи отождествляют экономику с *богатством*. Если понимать под экономическим фактором богатство, то нетрудно видеть сложность этого явления и с объективной, и с субъективной точки зрения. Объективно богатство выступает и в форме явлений космического порядка (напр., целый участок земли в форме земли, богатой минералами и металлами), и в форме явлений биологического порядка (напр., лес, стада животных, виноградники и т. д.), и в форме социально-психического порядка (напр., деньги, ценные бумаги, коллекции редких картин, книг, дома, фабрики, заводы и т. д.). Как видно отсюда, *богатство не есть нечто простое, а, напротив, представляет из себя сложнейшее явление; под этим именем объединяется различный ряд предметов, явлений и процессов космического, биологического и социально-психического порядка*. Поэтому его влияние на поведение людей и общественную жизнь – влияние громадное – не есть влияние простого, а сложного раздражителя, состоящего из совместного влияния ряда простых раздражителей. К тому же результату мы придем, рассмотревши притягательную силу богатства и его влияние на поведение людей с субъективной точки зрения. К богатству стремятся, и богатство влияет на наше поведение, потому что оно является средством удовлетворения самых разнообразных потребностей. Обладание богатством дает возможность удовлетворять и потребность питания, и потребность половую (содержать жену и семью, любовницу, покупать женщин и т. д.), и потребность самосохранения (здоровое, комфортабельное жилище, одежду, охраняющих слуг, прислугу и т. д.), и потребность знания (покупать книги, иметь учителей, платить за науку etc.), и потребности религиозного, эстетического порядка (дает возможность строить храмы, украшать их, покупать картины, посещать музеи, концерты, театры и т. д.). Богатство – средство к власти, средство к выявлению и утверждению своих волеий. Короче, *и с субъективной точки зрения фактор богатства – фактор сложный, представляющий соединение множества факторов биологического и социально-психического порядка*. Его влияние – совместное влияние многих простых раздражителей поведения. Если каждый из последних влияет, то тем

паче влияют они в своей совокупности, действуя солидарно и толкая человека в одном направлении. К тому же выводу *о сложной природе экономического фактора* мы придем, если будем под ним понимать, согласно марксизму, *средства и орудия производства* («производительные силы»). Оставляя в стороне вопрос о неточности этих терминов и их различном толковании, возьмем бесспорные явления и предметы, относимые к средствам и орудиям производства. Возьмем мотыгу, топор, машину, завод, фабрику, корову, дающую молоко, лошадь, которой пашут, виноградник, эксплуатируемый человеком.

Каждое из этих «средств и орудий производства» представляет с объективной точки зрения: 1) предмет или энергию космического порядка (дерево, мотыги, железо – топоры, машины, здания, металлы, фабрики и заводы); 2) предмет или энергию биологического порядка (хлебные злаки, лошади, овцы, коровы, виноградники); 3) предмет или энергию социально-психического порядка (идеи-знания, изобретшие топор, машину, фабрику, приручение животных и их эксплуатацию, возделывание растений; чувства-эмоции, побуждавшие извлекать удовольствия, удовлетворять потребности через «хозяйственную деятельность», и т. д.).

Но орудиями и средствами производства – производительными силами – служат не только мотыга, машина, завод, животные и растения как *предметы*, но и различные виды *энергии*, без которых никакое производство невозможно. В качестве производительных сил, производительной энергии во всяком производственном процессе выступают: 1) силы космического порядка (сила пара, электричества, ветра, воды, двигающая мельницы, машины); 2) силы биологического порядка (живая энергия растений, живая сила лошади и других животных) и 3) силы социально-психического порядка (энергия мысли – знаний, открывших способы производства и использования энергий космобиологического порядка для своих целей и др.).

Все эти виды энергии являются производительными силами. Без их соединения последние невозможны.

Значит, и с этой точки зрения «производительные силы» – явление *сложное; следовательно, сложным фактором является и экономический фактор.*

Если под ним понимать «технику», то вывод получится тот же, ибо всякая техника представляет изобретение мысли – энергии психо-социальной, – воплощающейся в определенной форме материальной (плуг, машина) или в определенных формах деятельности, подчиняющей нашей цели энергии биологическую и космическую. *Иногда экономический фактор заменяют термином хозяйственной деятельности, а последнюю определяют или как деятельность, вызванную потребностями низшего порядка, или как деятельность, состоящую в производстве «материальных благ».* Часто при этом *формы деятельности ошибочно отождествляются с мотивами, их вызвавшими.* Нетрудно видеть,

что такое отождествление неверно, это раз, во-вторых, что в том и другом толковании экономический фактор – хозяйственная деятельность – будет фактором сложным.

Что потребности (мотивы), вызывающие одну и ту же хозяйственную *деятельность*, могут быть различными, это показывает обычное наблюдение. Один может пилить дрова, побуждаемый потребностью согреть свою комнату, другой принимается за пилку дров, чтобы заработать на «кусочек хлеба», третий – чтобы заплатить за вход в театр, четвертый – из-за желанья купить книгу и т. д. – *деятельность одна и та же, мотивы, потребности, факторы, побуждающие к ней, разные*. И обратно. *Один и тот же фактор или потребность могут побуждать людей к самой различной деятельности*. Раздражитель голода заставляет черно-рабочего таскать мешки, столяра – делать мебель, священника – служить обедню, артиста – играть на сцене, писателя – строчить роман, ученого – читать лекцию и т. д. Как видим, мотивы, раздражители, толкающие к той или иной деятельности, и формы этой деятельности – две вещи и разные. Отождествлять их нельзя. Если отождествим, то дадим внутренне противоречивое определение экономической деятельности. Если будем различать, то экономическая деятельность, определяемая с точки зрения потребностей, побуждающих к той или иной работе, не совпадает с экономической деятельностью, определяемой с объективной стороны, по внешней форме деятельности как производства «материальных благ». Но, проходя мимо этих недочетов в самом понимании экономической деятельности, отметим лишь, что в том и в другом понимании экономический фактор будет сложным фактором. Под низшими потребностями понимают потребности биологического порядка: потребность питания, размножения, самосохранения и др. Если даже понимать «экономические потребности» так, то и тогда экономический фактор становится *фактором сложным*, означающим совокупность ряда биологических раздражителей поведения, по меньшей мере.

Если же под экономической деятельностью разуместь все формы деятельности, состоящие в производстве *материальных благ*, то сложность ее становится бесконечной: приготовление кирпичей для завода и храма, выделка мехов и шкур для защиты себя от холода и для украшения кабинета тигровым ковром, приготовление хлеба для утоления голода и изысканного блюда для приобретения славы известного гурмана, производство микроскопа для научных исследований и создание знаменитой картины и т. д., и т. д. – все эти разнородные явления тогда будут «экономикой». Но тогда что же не будет ею! Она превращается в подобие сарая, куда сложены всевозможные вещи!

Сложность экономического фактора в этом случае очевидна.

Из сказанного следует, что при любом понимании экономического фактора он оказывается фактором сложным, а не простым. Его влияние – это совместное влияние ряда простых факторов. Понять его природу нельзя,

не разложив его на составные элементы – простые факторы, как нельзя понять природу H_2SO_4 (серной кислоты), не зная свойств водорода (H), серы (S) и кислорода (O).

К сожалению, и сторонники, и противники экономического фактора, не различающие простых и сложных факторов, далекие в большинстве случаев от точного изучения явлений, к такому разложению не прибегают, точного понятия экономического фактора не дают и в силу этого друг друга плохо понимают. Отсюда – бесконечность и бесплодность их споров. Отсюда – преувеличенная оценка значения «экономического фактора» со стороны одних, недооценка его – со стороны других.

Чтобы покончить с этой бесплодной шумихой, необходимо: 1) точное определение «экономики» и экон. фактора, каковое до сих пор отсутствует. 2) Из этого определения ясно будет: имеем ли мы дело с простым или сложным фактором. 3) Если с простым, то он совпадает с одним из рассмотренных моторов поведения. Его влияние определится влиянием последнего, он не может претендовать на исключительность, ибо кроме него есть ряд других факторов. 4) Если сложный, то соединением каких простых факторов он является. Состав и характер этого соединения дадут и величину его веса. 5) Эта сложность не позволит тогда противопоставлять его «идеологии», или «знанию», или «психическим силам» и сводить последние «на нет», как это делается теперь, так как само влияние экономики представляет совместное влияние ряда простых факторов, из которых она состоит и которым ошибочно противопоставляется. Если бы ни один из простых факторов, входящих в ее состав, не имел влияния, то не мог бы иметь его и экономический фактор, ибо из «ничего нельзя извлечь что-нибудь». Сложение ряда нулевых сил не даст силу, большую нуля. Я не буду здесь конструировать свое понимание «экономического фактора». Остановился я на нем в целях иллюстрации моей мысли о сложных факторах. Очевидно, последних может быть много, так как из ряда очерченных простых факторов возможны многочисленные комбинации. То, что часто выделяется под названием «культурного фактора», «фактора политического», «фактора психического вообще», «фактора хозяйственного» или «бытового», «фактора социального» и т. д., – все это представляет, подобно экономике, факторы сложные – те или иные комбинации простых факторов. «Власть», «характер организации», «деньги», «разделение труда», «нравы и обычаи» и т. д., выставляемые в виде факторов, опять-таки представляют частные виды сложных факторов. Для полноты исследования следовало бы рассмотреть важнейшие из них особо, но... недостаток места не позволяет мне заняться этим исследованием здесь². Ввиду этого ограничиваюсь характеристикой самого понятия сложных факторов и их возможным разнообразием.

² Подобное изучение будет сделано мной в 4 и 5 томах «Системы социологии», если им суждено появиться в свет.

Не рассматривая отдельно различные виды их и влияние последних, после очерка простых факторов я прямо перейду к *суммарной характеристике влияния всей их совокупности, данной в виде всей социально-психической среды, окружающей каждого из нас.*

Эта социально-психическая среда дана нам в форме других людей, мертвых и живых, в форме результатов деятельности мертвых и живых поколений, застывших в виде предметов «материальной культуры» (домов, зданий, церквей, музеев, дорог, орудий, фабрик, книг, картин, предметов обихода – короче, всего того, что создано и изменено деятельностью людей), и в *форме «культуры духовной»* (определенных знаний, верований, чувств, волений и их соединения: языка, обычаев, нравов, форм труда, религиозных систем, правовых и нравственных убеждений, способов добывания средств существования, социально-политической организации, социального расслоения и т. д.).

Влияние мертвых поколений и их деятельности

Каждое человеческое поколение, живя и действуя, оставляло и оставляет после себя результаты своей деятельности, подобно полипам, оставляющим после себя рифы. Последующее поколение появляется уже среди этих рифов, среди обстановки, созданной предыдущим поколением. Оно оказывается не непосредственно среди космической обстановки, а прежде всего среди социально-психической обстановки, созданной деятельностью предыдущего поколения. Последняя окружает его со всех сторон и является как бы пеленками, окутывающими членов поколения и отделяющими их от чисто космических условий. Последующее поколение неизбежно становится наследником того, что создано предыдущим поколением. Оно наследует его жилища и здания, всю его материальную культуру, оно наследует и всю его духовную культуру. Места, измененные трудом предков, становятся местами обитания потомков; поля, возделанные первыми, переходят ко вторым; жилища, храмы, фабрики, созданные предками, становятся достоянием потомков; язык отцов становится языком детей. То же применимо к идеям, чувствам, верованиям, религии, нравам, обычаям и ко всей духовной культуре.

Каждое последующее поколение становится неизбежно наследником предыдущего. Живя и действуя, потомки в свою очередь вносят в это наследство результаты своей жизни и труда, на предыдущих слоях социальной среды они оставляют новый слой. Таким образом, социально-психическая среда утолщается, растет, оседает и видоизменяется с каждым поколением. Все толще и толще становятся стены социально-психической среды. Все сильнее и сильнее предопределяют они жизнь и деятельность новых поколений.

«Мы живем мертвыми». «Нами прежде всего управляют мертвые», все поколения, когда-то жившие раньше нас.

Жизнь, судьба и деятельность каждого поколения предопределены жизнью и деятельностью предыдущих поколений. Они определяют место жительства первого, образ его жизни, способы добывания средств существования, нравы и обычаи, верования и убеждения, жилище и дороги – словом, всю жизнь живых людей. «Каждое последующее поколение сковано нерасторжимой цепью с предыдущим». Оно может погибнуть, но разбить эту цепь бессильно. Оно может кое-что видоизменить в переходящем к нему наследстве предков, но не принять этого наследства, «отрясти его прах от ног своих» оно не в состоянии потому, что нельзя самого себя вытащить за волосы из болота, нельзя нам освободиться вполне от нас самих. В нас живут предыдущие поколения; они входят в наше «я». Как же освободиться от своего «я»? Как освободиться от языка предков, когда он давно уже стал нашим языком! Как освободиться от культуры предков, когда она стала нашей культурой! Чтобы освободиться от власти мертвых, чтобы выкинуть их наследство за борт, нужно было бы все разрушить и оставить только «голого человека на голой земле». Это невозможно. Да и то не приведет к цели, ибо и «в голом человеке на голой земле» будут жить те же мертвые, наследственно передавшие ему свои свойства!..

Таким образом, *влияние социально-психической среды, взятой в целом, на поведение живущих людей и на всю общественную жизнь сказывается прежде всего на власти мертвых, т. е. во влиянии предыдущих поколений и результатов их деятельности.* Раньше рождения поколения его жизнь и судьба оказываются уже предначертанными в книге судеб жизнью предыдущих поколений. И обратно: всякое живущее поколение закладывает своей жизнью и работой рельсы, по которым покатится жизнь последующего поколения. Если тяжело живется нашему поколению, вина этой тяжести падает не только на нас, но и на предков наших.

Влияние живых людей и их поведения

Но социально-психическая среда влияет на нас не только через мертвых, но и *через живых людей*, в среде которых мы живем. Большинство наших действий затрагивает других людей и влияет на их поведение. И обратно: большинство действий других людей влияет на нас и направляет нашу жизнь по определенным рельсам. *Мы таковы, каковы были наши предки и каковы окружающие нас люди.*

Если мы плохи – причину ищите в них. Если мы хороши – предыдущие поколения и сообщественники сделали нас такими. Наша радость, наше горе, наши идеи, наша ненависть задевают других людей и влияют на их поведение. Одни люди имеют громадный круг лиц, на которых они могут влиять, другие – малый, но все и каждый влияют на кого-либо и в свою очередь подвержены влиянию других. Поведение и жизнь людей взаимозависимы в той или иной мере.

В наше время, когда общение людей происходит вдоль и поперек всего земного шара, когда нет китайских стен, абсолютно отделяющих одних людей от других, *поведение всех людей в той или иной мере становится взаимозависимым*. Выражаясь образно, все люди стали членами одного тела – человечества. Всякое крупное событие, совершающееся в одной части человечества, так или иначе отражается на другой. Есть ли такой обитаемый кусок земли, на населении которого не отразилась бы современная война! Вплоть до жителей глухих углов Азии и Африки, Америки и Австралии, вплоть до австралийских негритосов и новозеландских туземцев все испытали на себе влияние великой бойни. То, что совершалось на полях Марны и Галиции^{30*}, влияло и влияет на жизнь туземцев Целебеса и Борнео^{31*}. Нужно ли после этого говорить о зависимости нашего поведения от поведения наших соседей, живущих на одной территории с нами! То, что делают люди на фабрике, отражается на поведении обитателей дворцов и царских палат, и обратно.

С этой точки зрения глубокая мысль скрыта в индусском сказании о «Майе», завесе, скрывающей от людей их взаимозависимость, их единство. С этой точки зрения доля истины имеется и в афоризме Паскаля, называвшего человечество *большим человеком*^{32*}, и в теории О. Конта, представлявшего все человечество в виде «единого Великого Существа»^{33*}. Отбрасывая ложные образы, дающие повод к недоразумениям, мы не можем не признать *взаимозависимости и взаимовлияния поведения людей друг от друга*. В одних случаях она тесная, в других – более слабая, но *никто не свободен от этой зависимости, никому не дано силы освободиться от нее, никто не может сказать, что «он исключительно сам – кузнец своего счастья»*, не зависел и не зависит в своем поведении от других людей. Такого человека не было (кроме разве Адама) и нет. Влияют ли на поведение и судьбу людей их родители, сестры, братья, супруг и дети? Разве не влияли и не влияют на нас товарищи, учителя, коллеги по работе, авторы прочитанных книг? Разве ненависть или любовь кого-нибудь к нам проходили бесследно? Разве та или иная услуга кого-либо не спасла нас или не поднимала нас на высшие ступени довольства и счастья? Разве злостный акт кого-либо не разбивал наших планов, а иногда и всей жизни? А кто не испытывал на себе воздействия правящих лиц, вопреки нашему желанию то требующих подати, то заставляющих идти в бой, то сажающих нас в тюрьмы, то принуждающих нас копать окопы, тушить пожар, дежурить у ворот, быть свидетелями, понятыми, присяжными и т. д.? Кого не задела, напр., современная война и гражданская распря! Кто смог остаться в стороне? Есть ли хоть один человек, мимо которого они прошли без шума и следа, не оставив в нем сердца «горестных замет»^{34*} или не лишив его друга или брата, имущества или здоровья, не бросив его с вершин к подножию общественной пирамиды или обратно, не подняв его из ничего на вершины последней?

Цепь зависимости от других людей, в среде которых мы живем, как и цепь зависимости от мертвых, мы бессильны расковать. Каждый из нас является не только тем, чем он сделал себя сам, а тем, чем сделали его люди, живые и мертвые.

Влияние материальной и духовной социальной среды

Эта истина станет еще более ясной, когда мы учтем *влияние социальной среды, производимое на нас не другими людьми непосредственно, но результатами их деятельности: материальной и духовной культуры.*

Наше «я» образуют те идеи-знания и верования, те чувства, те воления, из совокупности которых образуется вся наша психическая жизнь, все наше сознание и самосознание. Откуда мы их берем? Почему они у каждого из нас таковы, а не иные?

Ренан сказал о великих людях: «Каждый из них есть капитал, накопленный многими поколениями»; то же применимо еще в большей степени к каждому человеку. Каждый из нас – зеркало этой материальной и духовной культуры, которой мы дышали с момента своего появления. Наш язык – язык окружающей нас среды. Наши знания взяты оттуда же; наши верования впитаны нами вместе с воздухом, которым мы дышали. Наши чувства – продукт духовной среды. Она с молоком матери внедряет в нас любовь к одним людям и явлениям, ненависть – к другим, почитание – к третьим, преклонение – к четвертым. «И ненавидим мы, и любим не случайно»^{35*}, а так, как внушит нам та же среда. Ею же определяется и характер наших волений, стремлений, прав и обязанностей. С тех пор, как ребенок отделяется от матери... он не сделает ни одного шага, ни одного жеста, он не доставит себе удовлетворения какой-либо потребности, не будет упражнять ни одной из нарождающихся своих способностей, не вдыхая в себя социальную атмосферу, окружающую его. Не только его идеи, верования, чувства, воления – все то, что составляет ядро его «я», сознательно или бессознательно всасывается им из социальной среды и определяется последней, все формы его поведения, вплоть до его общественного положения, определяются этой средой. Он будет жить в домах, созданных до него и без него, ходить по тем дорогам, которые проложены были не им. Добывать средства к жизни теми способами, которые практикуются в данной среде, носить ту одежду, которая принята, есть и пить то и так, что и как пьют и едят в данной среде, пользоваться теми орудиями производства, которыми в ней пользуются, жениться так и тогда, когда и как женятся в окружающей его обстановке. Будет ли он королем или рабом, богатым или бедным, родившись в одном состоянии, сможет ли перейти в другой, более высший слой, опять-таки определяется организацией социальной среды.

Словом, наше «я» со всеми своими свойствами – продукт социальной среды. Наша жизнь и судьба, наше святая святых обуславливается ею. Какова соци-

альная среда – таковы и люди. Каковы мертвые и живые люди – такова и созданная ими среда.

Каждый из нас, рождаясь в свет, несет с собой лишь биологическую организацию, биологические импульсы и ряд наследственных черт. Багаж – небольшой, фигура – неопределенная. Что выйдет из нее, гений или невежда, папуас или европеец, католик или атеист, русский или немец, раб или господин, человеконенавистник или человеколюб, монархист или коммунист, безвольный холоп или бунтарь с железной волей, это определяется совокупностью воздействий социальной среды. Она лепит ясную социально-психическую фигуру из неопределенных очертаний биологической особи. Она проводит черты рисунка, накладывает краски, тени и полутени. Это не значит, что биологические свойства неважны. А значит, что индивидуальность человека как человека, как социально-психического существа, *socius*'а характеризуется прежде всего его социально-психическими чертами. Биологические свойства – родовые свойства. Не ими характеризуется «социальная физиономия» сообщественника, а первыми. Эти же социально-психические черты «я» определяются прежде всего и больше всего социально-психической средой, воздействию которой подвергается индивид. Биологические раздражители объясняют нам, почему всякий человек и всякая группа стремятся к удовлетворению голода, полового вожделения, самосохранения, почему люди подражают друг другу и т. д.; но как, в какой форме они будут удовлетворять эти потребности, как и что они будут есть или пить, какие формы примут половые союзы, в какие институты и акты воплотятся импульсы к самосохранению, чему люди будут подражать – все это обуславливается социальной, а не биологической средой. Раздражители последней похожи на пар, без которого не работает, не действует никакая человеческая машина. Но по каким трубам пойдет этот пар, это зависит не от них, а от социальной среды и ее раздражителей.

И новорожденный папуас, и новорожденный европеец должны есть, пить, размножаться, защищаться и т. д. Но тот и другой удовлетворяют эти потребности различно: один может утолять голод человеческим мясом, другой (напр. вегетарианец) – только растительной пищей. Один будет есть сырое мясо убитого зверя, другой – только тонко приготовленное блюдо. Одного голод заставит идти на охоту, другого – поступить на службу. Один будет удовлетворять половую потребность тогда, когда она возникнет, и с первой одновозрастной женщиной своего племени. Другой принужден бывает долгое время подавлять половой импульс. В первом обществе на почве половой потребности возникнет групповой или пуналуальный брак, во втором – моногамическая семья... и проституция. Эти различия, эти «как» определяются раздражителями социально-психической среды.

Она формирует человека как социально-психическую индивидуальность. Она, подобно скульптору, из неясного куска глины высекает определенную фи-

гуру socius'a, сообщественника, со всеми его конкретными чертами, образующими «я» последнего.

Из месяца в месяц, из года в год каждый вновь родившийся шлифуется ею по своему образу и подобию и в итоге становится сам центром определенных сил, воздействующих на эту среду, вносящих в нее изменения. И здесь, как и везде, между личностью и средой дано взаимодействие. Каждая личность – продукт социально-психической среды, и обратно: всякая среда такова, каковы были и каковы есть составляющие ее люди – живые и мертвые – и какова их деятельность. Ту же мысль можно выразить словами: *свойства социально-психической среды и социально-психические свойства составляющих ее людей функционально связаны*. Связаны потому, что *сама-то социальная среда, как мы видели, состоит из людей, их деятельности и результатов последней*.

Но, скажут мне, если социально-психическая среда творит каждого вновь родившегося по своему образу и подобию, то почему же из одной и той же среды выходят столь различные люди? Почему одни делаются гениями, другие – невеждами, одни – военачальниками, другие – священниками, одни – монархистами, другие – коммунистами, одни – преступниками, другие – подвижниками?

Ответ прост. Причины этих различий даны прежде всего в ряде биологических различий человека. Трудно найти двух новорожденных, которые были бы одинаковы по степени здоровья, по строению тела, нервной системы и черепа, по ряду наследственных свойств. Подобные биологические различия не могут не влиять на всю жизнь новорожденных. Во-вторых, и это главное, почему предполагают, что социально-психическая среда, воздействующая на лиц, родившихся и живущих в одном месте, тождественна? Такое предположение совершенно неверно. Найдите мне в одном городе или в одной деревне два дома, где социальная атмосфера была бы одинакова! Что общего между той средой, в которой рождаются и живут дети дворцов, особняков и аристократических кварталов, и средой фабрично-заводских казарм и подвалов?

Сходны ли вполне верования, взгляды, идеи, чувства, воления, характер, нравы, картины, развлечения и т. д. двух рядом живущих семейств или рядом находящихся квартир? Можно ли найти такие тождественные семьи и квартиры? Увы, нет, больше того, почему мы предполагаем, что члены одной семьи находятся под воздействием одних и тех же социально-психических раздражителей, одной и той же соц.-психической среды? На чем основано такое предположение? Разве все они служат в одном и том же месте? Разве все они читают одни и те же книги? Посещают одни и те же драмы, кинемо, кафе и столовые? Разве профессиональная деятельность их тождественна?

Даже в пределах одной семьи члены последней живут и находятся под влиянием вовсе не тождественных, а весьма различных социально-психических раздражителей.

Как же можно поэтому говорить о различии лиц, вышедших *из одной и той же среды, и делать на этом основании возражение?* Нельзя найти двух человек, которые подвергались бы воздействию тождественных раздражителей социально-психической среды. Некоторое относительное сходство может быть, но оно весьма далеко от тождества. *В той мере, в какой это сходство среды дано, сходны и люди (исключая различия, вызванные различием биологической наследственности).* Люди, выросшие в относительно сходных условиях, имеют один и тот же язык, одни и те же верования, убеждения, чувства, воления, нравы, привычки – словом, ряд сходств в поведении. Люди, выросшие среди готтентотов, неизбежно во многом будут готтентотами. Люди, выросшие в Париже, во многом будут парижанами, индивиды, родившиеся и жившие в фабрично-заводских казармах, неизбежно будут сходны с другими жителями казарм. То же применимо и к оседлым обитателям особняков и вилл. Но при всем том сходство среды каждого из них относительно и далеко от тождества. Мудрено ли поэтому, что и тут жизни их различны. Мудрено ли, что они не походят друг на друга, как два сапога одной пары.

Не представляют исключения и *великие* люди. Им удивляются, считают появление их чудом, думают, что они «падают с неба». Так кажется с первого взгляда. Но не так обстоит дело на самом деле. Если бы все удивляющиеся гениям попытались изучить их наследственные свойства, и особенно все те раздражения социальной среды, которым они подвергались, все те иногда исключительные условия, в которых они были, тогда не стали бы считать чудом появление Ньютонов и Дарвинов, Христа и Магомета, Ломоносова и Пушкина.

Больше того. Сама возможность получить надлежащую оценку современников и прослыть «великим» зависит от той же среды. Сколько открытий было сделано рядом лиц, и... увы! за эти открытия, шедшие вразрез с верованиями господствующих групп, вместо лавровых венков им подносили яд, крест, гильотину или насмешки. Вольтер своими атеистическими писаниями приобрел славу, влияние и знаменитость. Лукиан, после которого Вольтер не сказал ничего нового, не был понят современниками. Вольтера оценили, ибо его писания соответствовали верованиям и чувствам господствующих групп его современников. Лукиан, писания которого шли вразрез с господствующими верованиями среды, остался не оцененным своими современниками.

Словом, и великие люди не представляют «чуда», они тоже продукт той специальной социально-психической среды, в которой они росли и через горнило которой они прошли.

Таково в основных чертах влияние социально-психической среды, взятой в целом, на поведение каждого члена последней.

Литература: Маркс: К критике политической экономии; Бельтов: К вопросу о развитии монистического взгляда на историю; Энгельс: Анти-Дюринг; Каутский: Материалистическое понимание истории; Туган-Барановский: Теоретические основы марксизма; Рожков: Русская история, т. I; Чернов: Философские и социологические этюды; Ковалевский: Современные социологи (гл. о марксизме); Зелигман: Экономическое понимание истории; Де-Роберти: Новая постановка основных вопросов социологии; Дюркгейм: Самоубийство; Дюркгейм: Les formes élémentaires de la vie religieuse; Draghicesco: Du rôle de l'individu dans le déterminisme social; Палант: Очерк социологии; Palant: Les antinomies entre l'individu et société; Отдельные главы из указанных работ Дюркгейма, Драгическо и Паланта переведены мной и напечатаны в «Новых идеях в социологии», сб. № 2; Тард: Законы подражания; Сигеле: Преступная толпа; Михайловский: Герои и толпа. Еще о героях и толпе; Лавров: Исторические письма. Задачи понимания истории; Кареев: Теория личности Лаврова; Карлейль: Герои и героическое в истории; Буржуа: Солидарность; М. Болдуин: Духовное развитие детского индивидуума и человеческого рода, т. I и II; Baldwin: Social and ethical interpretations; Beloch: L'azione dell'individuo negli avvenimenti storici (Rivista ital. di sociologia. 1912, т. I); Coste: Principe d'une sociologie objective; Ковалевский: Современные социологи (гл. о Тарде, Косте).

§ 8. Общий взгляд на факторы человеческого поведения и общественной жизни

В предыдущем мы рассмотрели главнейшие факторы, или раздражители, определяющие собой поведение людей и ход общественных процессов. Перед нами развернулась чрезвычайно сложная картина. Первое, что бросается в глаза в этой картине, это факт обусловленности человеческого поведения. Мы видим, что *оно не случайно. Не случаен и ход исторических событий*. Пусть наши знания в этой области еще малы, пусть они не способны еще объяснить нам «загадку человека» и «загадку истории» целиком. Но все же они достаточны, чтобы исключить всякие теории «случайности и чуда». Пока мы не знаем многого, но кое-что знаем и начинаем понимать.

Второе, что вытекает из сказанного, это сложность сил, от которых зависит поведение человека. Человек и его история оказываются чрезвычайно сложными явлениями, самыми сложными в мире. Объяснить их с помощью какого-либо одного принципа – дело безнадежное. Отсюда – *ложность и безнадежность всяких монистических теорий*, пытающихся объяснить историю и деятельность людей с помощью одного фактора. После сказанного легко понять всю ошибоч-

ность таких теорий. Не учтя космических условий, в которых жили наши предки и живем мы сами, не изучив наших биологических свойств и потребностей, не исследовав факторов социально-психических и характера всей соц.-психической среды, созданной работой прежних поколений и воплощенной в других людях, в материальной и духовной культуре, не учтя все это, мы не поймем ни поведение отдельных людей, ни жизнь, уклад и организацию и судьбы отдельных групп и народов, ни ход их истории вообще. «Монистическая простота» ничего нам не объяснит и ничего не даст, кроме... верований.

Третье, что следует из вышесказанного, это *ложность обычных представлений о человеке как о существе «логическом», «рациональном», «знающем», руководствующемся в своем поведении только знанием*. Увы! Это не так. Мы видим, что знания играют роль, но рядом с ними действуют силы биологические, чувства и верования, отличные от знаний, сплошь и рядом влекущие человека в сторону, отличную от той, куда зовут знания. Может быть, в будущем когда-нибудь человек и будет существом рациональным, пока же этого нет. Пока его поведение зависит не только от знаний, даже не только от социально-психических условий, но и от биологических моторов и от космической среды.

Отмечая это, отметим и другой факт; на нем мы здесь подробно не остановимся, ибо он составляет предмет подробного рассмотрения следующих частей социологии. Этот факт состоит в следующем. *В то время как силы космического порядка и силы биологические представляют величину постоянную, малоизменяющуюся, силы социально-психические, напротив, растут*. На заре истории их роль была ничтожной. Поведение людей здесь всецело зависело от их биологических свойств и условий природы. И сами они представляли животных, мало чем отличающихся от других животных. Человек здесь был, главным образом, биологическим существом, принужденным приспособляться к космической среде. Социально-психическая среда была чрезвычайно тонка и хрупка. Человек жил здесь главным образом «на лоне природы» и зависел от него.

С ходом истории дело изменялось. Социально-психические силы в процессе совместной жизни росли. Поколение за поколением изменяли космическую среду, оставляли после себя в качестве результатов своей жизни и деятельности слой социально-психической среды; эти слои наслаивались друг на друга, росли, стенки социально-психической среды становились толще и толще, плотнее и плотнее прилегали к людям, сильнее и сильнее отделяли их от «лона природы».

В итоге *теперь мы живем не столько «на лоне природы», сколько «на лоне культуры»*. Она окружает нас отовсюду в виде социально-психической среды. Теперь же мы не столько приспособляемся к природе, сколько к культурной среде. Воздействует на нас не столько космическая среда, сколько социально-психическая. От приспособления к природе мы идем к приспособлению к культуре. Приспособляясь к последней, мы приспособляем и видоизменяем природу.

С внутренней стороны тот же процесс представляется в форме роста влияния социально-психических раздражителей на наше поведение. Если раньше человек был биологической особью по преимуществу, но теперь он не только животное, но и социально-психическая личность. *От человека-животного мы идем к человеку-личности, наделенному богатыми психическими силами, к socius 'у, к обществу, члену великой семьи человечества.* Влияние социально-психических сил на наше поведение растет. В лице человечества и через человечество растет в мире запас высших форм мировой энергии – энергии социально-психической. Возрастая, эта энергия начинает брать под свой контроль низшие формы энергии: космическую и биологическую; она начинает регулировать их действия, подчинять их своим целям. *Человек-socius, человек-сознательное существо начинает брать под свой контроль человека-животное, человека «лона природы».* Подчиняя своей воле космические силы, подчинив частично силы биологические, человек-socius стремится подчинить себе и своему социально-психическому «я» и его силам себя самого и свое поведение. Он хочет подчинить себе и ход своей истории. *Историю, которая «совершилась», он стремится заменить историей, которую он сам делает и творит по определенному плану, согласно определенным целям.* Он хочет взять в свои руки свое поведение и ход своей истории. Управляя силами природы, человек хочет управлять и самим собой. Такова тенденция, проявляющаяся в историческом обзоре поведения людей. Она выражена довольно ясно. Медленно, не без уклонений и поворотов, такой процесс совершается. Мы ближе к его осуществлению, чем люди первых веков человеческой истории. Но и мы еще очень далеки от этого предела. Мы находимся где-то на полдороге от человека-животного к человеку сознательному, обществу. Биологические силы не всецело управляют нами, но не всецело управляемся мы и силами социально-психическими.

Пройдет немало веков, сменится немало поколений, прежде чем люди более или менее приблизятся к указанному историческому пределу. Приблизятся ли, достигнут ли его когда-нибудь вполне? Не будем загадывать. Но что они приближаются (подобно приближению переменной величины в математике к пределу) – это едва ли оспоримо.

Практический вывод из сказанного: *стремись быть сознательным обществеником, развивай свои знания, контролируй свое поведение, старайся управлять им, действуй, но не под влиянием слепых сил, а на основе знаний, борись за лучшее, но не зверскими методами, а методами общественика, уважай и цени всякого человека, ибо то, чем ты гордишься, что ты имеешь, что составляет твое «я», создано не тобой, а всеми людьми, жившими до тебя и живущими с тобой. Если ты даровит, честен и счастлив, а другие бедны, бесталанны и нечестны, то это не твоя заслуга и не вина этих других, а заслуга и вина всех людей всей социальной среды.*

Будь не человеком-животным, а знающим, доброжелательным, разумно волеющим и действующим.

На этом и закончим характеристику этой части социологии¹.

¹ *Примечание-послесловие.* Первоначально автор предполагал дать в «Учебнике» не только учение о строении социального явления и населения, не только первый отдел «Социальной механики» в виде изложенного учения о факторах, но и последующие отделы «механики» и «теорию социальной эволюции» (генетическую социологию). Последующие отделы «Соц. механики» должны были на основании изложенных положений показать, какие основные процессы происходят во всяком обществе, какие учреждения обслуживают эти процессы и почему они таковы, а не иные. Напр., раздражитель питания вызывает во всякой группе процессы, удовлетворяющие эту потребность. Как группа питается? Какова организация ее питательной системы? Какие органы имеются в ней для этой цели? Почему они таковы, а не иные? Как группа размножается? Какие институты обслуживают эту потребность и почему? Как группа учится, каким образом в ней циркулируют знания, через какие органы? и т. д. Таков ряд вопросов, которые должны были составить содержание 2-го отдела «Социальной механики». Третий отдел ее должен был на судьбе отдельной личности и отдельной группы, напр. России, показать, проиллюстрировать общие положения.

«Теория социальной эволюции» должна была дать ответ на вопросы: как и почему зародилась общественная жизнь? Одинаковы ли пути и этапы развития различных социальных групп?

Каково «родословное дерево» человеческой общественности? Какие «исторические» законы или односторонние изменения даны с ходом истории в области анатомо-физиологической и психической организации человека, в области строения обществ, в области способов удовлетворения потребностей, в области влияния отдельных сил и процессов, в области поведения и взаимоотношений людей вообще? Каково грядущее общество и грядущий человек?

К сожалению, ввиду современных условий печатания от этой мысли приходится отказаться. Для сжатого изложения указанных вопросов понадобилось бы около 100–150 страниц. Увеличить объем «Учебника» на такую величину при данных условиях невозможно. Изложить же все эти вопросы на 10–15 страницах немыслимо. Приходится выпускать «Учебник» без этих отделов. Они будут внесены в него или при втором издании (если таковое понадобится), или изданы в виде второй части «Учебника».

К изложенному присоединяю только краткую характеристику истории социологии и главнейших социологических направлений.

Глава IX. Краткая история социологии и характеристика главнейших направлений в области социологической мысли

История социологии

Коснемся в двух словах истории социологии как науки. Формально она ведет свое начало со времени *Огюста Конта*. Он впервые предложил название социологии для нашей науки, ясно и определенно указал ее место в ряду других наук и набросал ее систему. Однако элементы и отдельные вопросы этой дисциплины задолго до Конта ставились и решались рядом мыслителей. Общественная жизнь людей издавна привлекала к себе внимание последних. Разработкой и изучением ее с различных точек зрения занимались и мыслители Востока, и философы древней Греции, и юристы Римской империи, и средневековые богословы и философы, и арабские ученые, и историки древнего и нового времени, и моралисты, короче, множество мыслителей, разрабатывавших в своих работах те или иные вопросы общественной жизни. Из множества этих имен следует отметить имена Платона, Аристотеля, Тита Лукреция Кара, блаженного Августина и Фомы Аквината, арабского ученого Ибн-Халдуна, имена Макиавелли и Гвичиардини, Бодена и Вико, Монтескье и Тюрго, Руссо и Кондорсе, Мальтуса и Ад. Смита, Гердера и Сен-Симона. Трудami их и ряда других писателей была подготовлена почва для появления социологии в качестве самостоятельной науки.

Согласно Ог. Конту, социология является наукой о порядке и прогрессе общества. Место, занимаемое ею в ряду других наук, определяется классификацией наук Ог. Конта. Располагая основные науки в порядке возрастающей сложности изучаемых ими объектов и в порядке убывающей общности объема последних, он дает ряд таких наук: математика, астрономия, физика, химия, физиология и социология. Каждая последующая дисциплина этого ряда изучает предметы менее общие и более сложные, чем предыдущая. Социология, следовательно, имеет своим объектом наиболее сложный и наименее общий предмет.

Определив ее место в ряду других наук, Конт дает ее основной абрис; он делит ее на две основные части: на *социальную статику*, соответствующую ана-

томии и изучающую условия равновесия или порядка человеческого общества, и на *социальную динамику* – физиологию общества, изучающую законы развития и прогресса человеческого общества.

После Конта разработка социологии продолжалась как в работах ученых, занимавшихся исследованием отдельных сторон общественной жизни, так и в работах мыслителей, посвятивших себя разработке социологии как таковой. Имена Спенсера, Кетле, Милля, Бокля и множества других лиц неразрывно связаны с историей социологии. При этом, как и следовало ожидать, обнаружилась взаимная связь между прогрессом отдельных наук и социологией: рост биологии и биологических наук способствовал усовершенствованию социологии и социальных наук, развитие этих последних имело своим результатом прогресс социологии, и обратно: прогресс этой последней оказывал благотворное влияние на развитие и научное усовершенствование первых.

Характеристика главнейших школ в области социологии

В настоящее время социология ушла далеко вперед по сравнению с тем, чем она была во времена Конта. Однако сложность изучаемого ею предмета и бесконечные трудности, встречаемые при разработке социальных вопросов, обусловили собою то, что до сих пор нет еще единой, принятой всеми системы социологии, до сих пор между социологами существуют серьезные разногласия по ряду важных вопросов; иными словами, вплоть до нашего времени в области социологической мысли существует не одно, а множество направлений, различно понимающих и задачи социологии, и вопросы, ею изучаемые, и способы объяснения социальных явлений и т. д. Смущаться этим фактом не приходится. Разногласия – вещь нормальная не только в молодых науках, начинающих свое существование, но и в науках развитых, имеющих ясные очертания и насчитывающих сотни лет своего существования. Нужно помнить, что «из столкновения мнений рождается истина». В результате в процессе борьбы различных социологических школ мало-помалу рождаются общие пункты согласия, устанавливаются общеобязательные теоремы, растет «научный корпус» социологии.

Классификация авторов в те или иные группы – вещь условная. Наиболее целесообразным я считаю нижеследующую группировку социологов в отдельные течения. В зависимости от того, какие явления признаются тем или иным социологом лежащими в основе социальных явлений, можно различать *три основные школы*: 1) *биологическую*, 2) *психическую*, 3) *автономно-социологическую*.

Биологическая школа, в лице отчасти Спенсера, а в особенности в лице Нювика, Лилиенфельда, Шеффле и др., утверждает, что социальные явления по своей природе есть явления биологические, что общество – это организм, что социальные процессы тождественны с биологическими процессами, что, наконец, первые следует объяснять принципами и законами биологии. Короче, согласно биологистам социология есть лишь глава биологии.

В отличие от этого направления *психологическая школа* в социологии выдвигает иное положение. Она, в лице Тарда, Уорда, Болдуина и множества других социологов, настаивает на *психической природе общественных явлений*. Согласно ей общество само по себе есть психическое явление; его «думую» является обмен идеями, чувствами, волевыми устремлениями, т. е. чисто психическими актами. Вне их – нет общества. Вот почему социальные законы суть законы человеческой психики; вот почему основой социологии должна быть психология, вот почему авторы этой школы пытаются все социальные явления объявлять данными индивидуальной или массовой психологии.

Наконец, *социологическая школа* расходится с обоими очерченными направлениями. В лице Дюркгейма, Леви-Брюля, Де-Роберти, Зиммеля и др. она выдвигает тезис полной автономности социологии и своеобразности социальных явлений. Да, в основе социальных явлений лежат явления биологические, говорит эта школа, но из этого не следует, что социальное явление суть простой вид явлений жизни. Ведь и в основе явлений жизни лежат процессы физико-химические. Но из этого не следует, что жизненные явления тождественны с последними. Если бы даже целиком удалось свести жизненные явления к физико-химическим, то и тогда биология продолжала бы существовать, ибо явления жизни оставались бы своеобразным видом физико-химических явлений. То же приходится сказать и об отношении социологии к биологии. Попытки свести социальные явления к биологическим до сих пор оставались тщетными. Первые резко отличаются от вторых. Поэтому нельзя социологию делать простой главой биологии. Нельзя общественные факты свести к чисто биологическим. Нельзя общество отождествлять с организмом. Бесплодны попытки объяснить общественную жизнь одними биологическими законами. Первая имеет свою закономерность, отличную от вторых. Вот почему социология имеет право на самостоятельное существование, независимое от биологии.

С другой стороны, это течение борется и против попыток свести социологию к психологии. В противоположность психологическому направлению «социологи-автономисты» говорят: хотя социальные явления и имеют по преимуществу психическую природу, но из этого не следует, что социология должна основываться на психологии, что факт общественности есть произведение психики, что общественные процессы – простое проявление процессов индивиду-

альной психики, что социальные законы тождественны с законами последней. Дело обстоит как раз наоборот, говорит социологическое направление. Не общественность есть продукт психики, а сама психика – сознание, идеи, воля, ум и т. д. – возникла из недр общественности, взаимодействия биологических особей; без общественности ни появление, ни рост сознания были бы невозможны; значит, саму психику приходится объяснять общественностью, а не наоборот. Не социология должна опираться на психологию, а напротив, вторая на первую как основную науку. Не законы индивидуальной психологии способны объяснить общественные процессы, а напротив, только законами последних можно сделать понятной явление индивидуальной психики. Такова позиция «социологов» по адресу психологического течения.

Таковы три основных направления современной социологии, выделяемые в зависимости от понимания или природы общественных явлений.

Я не буду рассматривать, какое из этих направлений наиболее правильно; скажу только, что наиболее правильной методологически является позиция «социологизма», но и она требует ряда поправок.

Такова одна классификация современных социологических течений. Рядом с нею может быть дана и другая, кладущая в основу своего деления *принцип «фактора» или той силы, которая данным социологом признается главной причиной общественных явлений, действием которой он объясняет все социальные процессы.*

С этой точки зрения все социологические теории можно разделить на две основные группы: 1) на теории, пытающиеся все общественные явления свести и объяснить действием *одного* фактора или по меньшей мере выделяющие из ряда многих факторов *один главный и основной*. Будем называть их теориями *монистическими*; 2) на теории, которые объясняют общественные явления действием *многих факторов* и не выделяют из них ни одного в качестве главного. Это будут теории *плюралистические*.

«Монисты»

Большинство социологических теорий по своему типу до последнего времени принадлежали к первой категории – *монистической*. Главнейшие из них таковы. 1) Одни, подобно Риттеру, Ратцелю, Демолону, Л. Мечникову, в качестве главного фактора считали *географические условия (географическая школа в социологии)*. По их мнению, характер общественных явлений, история того или иного народа прежде всего обуславливается характером географической среды и условиями последней. 2) Другие, подобно Гобино, Лапужу, Аммону, Гумпловичу, Вольтману и др., таким фактором считают *антропологически-*

расовые свойства человека (антропологически-расовая школа). Вся история для них есть прежде всего борьба рас; этой борьбой объясняются судьбы народов, прогресс и регресс, революции и реакции; ей обязаны своим возникновением и право, и религия, и хозяйственные институты и т. д. Короче, антропологически-расовый фактор – первый и главный для этой школы. 3) Третьи, как Маркс, Энгельс, Лориа, отчасти Де-Грееф и др., главным фактором считают *экономический фактор*: характер производства и состояние техники (*школа экономического или исторического материализма*). 4) Четвертые, подобно Конту, Де-Роберти, отчасти Боклю, и не говоря уже о многих представителях французской философии XVIII в., таким фактором считают идеи, *знание (школа социологов-интеллектуалистов)*. 5) Пятые, напр. Кидд, главным фактором признают *религию*. 6) Шестые – те или иные чисто психические явления, напр., *стремление к наслаждению и избегание страдания* (Уорд, Паттен), или же *подражание* (Тард), или же *воление* (Вундт и волюнтаристы). 7) Седьмые, вроде Коста, основным фактором считают *рост населения*. Таковы главнейшие виды *монистических* теорий в социологии.

«Плюралисты»

Рядом с ними есть немало *плюралистических* систем социологии, *объясняющих социальные явления совокупным действием многих факторов и отказывающихся проводить раз навсегда данное разделение факторов на главные и второстепенные*. К числу сторонников этого течения принадлежит немало социологов, работающих в ряде отдельных социальных дисциплин, а равно и теоретиков общей социологии. К этой категории относятся Дюркгейм, Леви-Брюль, Парето, Эллвуд, Ковалевский, Кареев, Зиммель, Петражицкий и др.

Все они смотрят на историческое явление не как на уравнение с одним неизвестным, а как на уравнение со многими неизвестными, которое невозможно решить с помощью одного фактора.

После всего сказанного выше нет надобности критиковать «монистов». Мы указали их ошибки, и все предыдущее служит сплошной их критикой.

Таковы, вкратце, основные течения современной социологии.

Очертив их, укажем тут же, что в данное время споры различных школ и направлений теряют свою былую остроту. Теряют потому, что от «философствования» социология переходит к изучению фактов, к точному наблюдению, к кропотливому анализу. В такой стадии работы место споров, часто пустых, ради того или иного «принципа», часто вдобавок неясного и неточного, занимает вопрос: правильно ли констатирована связь данных явлений? Правильно ли сделано наблюдение? Точны ли выводы автора? Если ответы будут положитель-

ными, то исследования социолога будут научным вкладом, независимо от того, психологист или биологист он, монист или плюралист. Эти клички и подразделения скорее относятся к прошлому, чем к современному состоянию социологии.

Но познакомиться с ними все же не вредно.

Литература: Ковалевский: Социология, т. I. и Современные социологи; Хвостов: Социология, т. I; Кареев: Введение в изучение социологии; Барт: Философия истории как социология.

**ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ
СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ
И ПОЛИТИКИ**

Проф. П. А. Сорокин.

Популярные очерки
соціальной педагогики
и политики

Изданіе Комитета дѣловодчиков
Народо-просвѣтительных рад в
:: Подкарпатской Руси ::

Ужгород 1923.

ВНЕШНЯЯ КОМЕРСЬ
УЖГОРОДЪ

Лекция первая

Роль наследственных импульсов и свойств в поведении людей и в истории народа

«Люди, люди – это самое главное. Люди дороже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, так как они не продаются и не покупаются, а только веками выделяются. Ну, а на века надо время».

Достоевский^{1*}

1

Из самого обыденного опыта каждый из нас знает, что поведение и жизнь отдельных лиц, с одной стороны, и отдельных народов – с другой, неодинаковы. Есть люди богатые и бедные, талантливые и бесталанные, властвующие и подвластные, преступники и высокоморальные герои, жестокие и гуманные, счастливые и несчастные... Поведение, манеры, мышление, убеждения, верования и вкусы разных людей разные.

Рядом с этим то же различие мы видим в общественной жизни и исторических судьбах целых народов. Социальный уклад и история англичан не похожи на организацию и историю японского народа; общественная жизнь и исторические судьбы русского народа отличны от английского и японского; турецкий народ отличен в этих отношениях от всех трех указанных народов и т. д.

Эти различия, естественно, вызывают вопросы: а почему это так? Почему поведение и жизнь Ивана таковы, а Петра – иные? Почему общественный строй и история английского народа такова, а индусского – другая? От каких условий это зависит? Какими причинами объясняется?

Вопросы эти естественны, вопросы громадные и волнующие. Решение их имеет не только теоретическое, но и громадное практическое значение.

Попытаемся в наших немногочисленных беседах кратко коснуться некоторых проблем, связанных с этими вопросами или – лучше – *с этим единым вопросом о факторах, обуславливающих поведение людей и исторические судьбы целого народа...*

Конечно, мы можем коснуться не всех, а лишь немногих основных сторон этого громадного вопроса, и притом не в деталях, а только в самых общих и основных чертах... Попытаемся это сделать.

Характер социальной организации и общественной жизни любого народа представляет прежде всего результат или равнодействующую поведения его членов. Каковы будут последние и каково будет их поведение – таковым будет и общественный строй данного народа. Если его члены будут людьми биологически – нездоровыми, умственно – неодаренными и неразвитыми, нетрудолюбивыми и неэнергичными, если сверх того в моральном отношении они будут дефектными – будут воровать друг у друга, насиловать, убивать и обманывать один другого, то ясно, что из таких людей нельзя создать никакого совершенного общества. Для такого народа можно написать прекрасную конституцию, издать идеальные законы, и, однако, толку от них будет не много. Они останутся на бумаге и не войдут в жизнь.

И обратно: если члены данного общества представляют настоящих людей во всех этих отношениях, они неизбежно создадут вполне удовлетворительную общественную жизнь, будут иметь более или менее здоровое общество, хотя бы и не имели «идеальных конституций» и прекрасных законов на бумаге.

В этом случае «идеальная конституция» будет написана не на бумаге, а в самой природе и в поведении членов общества, иначе говоря – в реальной жизни.

Из сказанного следует, что *анализ нашего основного вопроса мы должны начать с изучения тех условий или факторов, которые определяют поведение отдельных людей, которые придают ему такой, а не иной характер.*

Выяснив этот вопрос, мы тем самым будем в состоянии ответить и на вопрос о факторах, определяющих собой характер общественной жизни и исторических судеб целого народа.

Спрашивается: каковы же те факторы, которые определяют и обуславливают характер поведения отдельных лиц? Их очень много. Но все это конкретное множество можно свести в две основные категории.

Поведение каждого человека зависит прежде всего: 1) *от его наследственных свойств и импульсов, полученных им путем биологической наследственности от предков и той среды, в которой и под влиянием которой эти свойства и импульсы должны были проявляться;* 2) *от свойств приобретенных, воспитанных или привитых к нему в течение его индивидуальной жизни под влиянием окружающей и окружающей его среды.*

Если для краткости поведение человека обозначим X , наследственные свойства и импульсы – A , приобретенные свойства – B , среду, в которой и под влиянием которой наследственные свойства должны были выявляться, а приобретенные – прививаться, – n , то приведенное положение мы можем изобразить в виде формулы: $X = f(An + Bn)$, т. е. поведение человека представляет функцию или результат его наследственных и приобретенных свойств, проявляющихся и прививающихся в определенной среде n , под которой следует разуметь все явления и предметы, внешние по отношению к данному человеческому организму (географические условия, температуру, флору, фауну, мир сочеловеков, общественные учреждения, все предметы материальной и духовной культуры, окружающие и окружавшие данного человека).

Эта формула охватывает все многочисленные и крайне разнообразные по своей конкретной форме факторы, определяющие собой поведение (характер актов и духовного мира) и всю жизнь отдельного человека.

Обратимся теперь к рассмотрению отдельных элементов этой общей формулы. Небольшая детализация последних и небольшие комментарии их покажут нам все ее значение и ту огромную важность, которая заключена в каждом из этих элементов.

Они объяснят нам достаточно ясно основной процесс формообразования человека, с одной стороны, с другой – сделают нам понятным до известной степени характер поведения и жизненную судьбу отдельных лиц, с третьей – характер общественной жизни и исторические судьбы целого народа.

2

Начнем с наследственных свойств и импульсов. Хотя роль их известна была человечеству уже давным-давно, но до недавнего сравнительно времени в применении к людям эта роль недостаточно оценивалась общественными науками и прикладной педагогикой. Весьма распространенным было убеждение, что основное значение в деле формирования человеческого поведения и человеческой личности принадлежит не наследственным свойствам, а среде и воспитанию. Многие люди и философы, особенно в XVIII в., думали, что «люди рождаются равными» (см., напр., «Декларацию прав человека» Французской революции), что всякий родившийся человек похож на «чистую доску» (*tabula rasa*), в которую можно вписать что угодно, что «человек выходит из рук природы совершенным и добродетельным» и т. д. Сообразно с этими взглядами источник неравенства людей, их недостатки, их преступления, источник их несовершенства и общественных бедствий они видели лишь в недостатках общественной среды и воспитания.

«Измените общественные учреждения и среду, улучшите народное воспитание и образование, сделайте его одинаковым и доступным для всех – и все будет

отлично. Не будет ни неравенства, ни эксплуатации, ни преступлений, ни других общественных бедствий», – говорят они...

Увы! Эти прекрасные слова и мысли мы не можем теперь считать вполне правильными. В них есть часть истины, но только часть, а не вся истина, как увидим дальше. *Основной недостаток их заключается в вольном или невольном игнорировании фактора наследственности.*

Исследования последних десятилетий роль этого фактора сделали достаточно ясной и заставляют придавать ему громадное значение.

Для того чтобы сделать людей равными, совершенными, развитыми, талантливыми и энергичными, для того чтобы уменьшить общественные бедствия и т. д., недостаточно изменить общественное воспитание и общественные институты, нужно еще обратить внимание на их наследственные свойства и импульсы. Только приобретенные свойства людей могут быть кардинально изменены путем реконструкции общественной среды и воспитания. Наследственные свойства требуют иных методов для своего изменения или проявления в желательном направлении. Неучет их обрекает на полную или частичную неудачу все радикальные проекты улучшения общества. Таков вывод, который мы получаем на основании данных современной науки.

В чем же проявляется роль наследственных свойств и импульсов в поведении людей? Какие явления они вызывают в общественной жизни? Какую роль они играют в исторических судьбах целого народа?

Ответ на первый вопрос гласит: *основные пружины человеческого поведения заключаются в тех наследственных импульсах, рефлексках и инстинктах, которые человек получает вместе со своим организмом, которые от него неотъемлемы, пока организм живет, которые толкают человека к совершению ряда действий в том или ином направлении.* Именно эти наследственные импульсы (рефлексы и инстинкты) представляют тот «пар», который побуждает его действовать, который придает человеческим поступкам определенный характер. Из совокупности действий, вызываемых этими наследственными импульсами, составляется тот «скелет» человеческого поведения, на котором в виде узоров нарастают «приобретенные» формы поведения.

Поясним сказанное.

Каждому из вас известно, что во всей совокупности поступков человека, из которых складывается его поведение или его жизнь, главное место занимают акты, направленные на удовлетворение *голода* (пищевые поступки), *личного самосохранения* (индивидуально-защитные акции, направленные на предупреждение и устранение явлений, опасных для жизни, будут ли ими опасность вред-

ной температуры, опасность от животных, от людей и т. д.), *группового самосохранения* (своих «ближних»: членов своей семьи, друзей, своих единоверцев, своего народа и т. д.), *половых потребностей* и т. д. Выполнение таких актов составляет необходимое условие сохранения жизни индивида, с одной стороны, и выживания целой группы – с другой. Из такого рода актов состоит в огромной степени вся жизненная деятельность человека.

У огромной массы лишь на такие действия уходит чуть не вся их жизнь. «Primum vivere, deinde philosophari»^{2*}, – сказано было уже давным-давно...

Что же представляют собой эти импульсы: пищевые, индивидуально-защитные, сексуальные и ряд других? Не что иное, как импульсы (рефлексы и инстинкты) *наследственные*.

Человек испытывает голод и под его влиянием совершает ряд действий, направленных на его удовлетворение, не потому, что его *научили* время от времени испытывать голод и что он «*приобрел*» такую «привычку», а потому, что, пока он живет, он не может, помимо его воли и желания, не испытывать голод, а в силу голода не может и не совершать ряда актов, направленных на добычу пищи. «Пищевые рефлексы» или акты суть акты наследственные. Только ряд конкретных форм добывания средств пропитания (напр., зарабатывание их путем рубки дров, или писания на машинке, или работы на фабрике, или обучения детей и т. д.) определяется средой и рядом приобретенных свойств. Сами же такие действия – в той или иной форме – представляют проявление «пищевых инстинктов» и совершаются под влиянием наследственного «пищевого» импульса. Именно он является здесь «паром», толкающим человека к совершению «пищевых актов» и в значительной мере предопределяющим характер последних.

Сказанное о голоде и «пищевых актах» применимо и к другим наследственным импульсам и соответственным актам.

Кто из вас не знает, что птицы при приближении человека улетают. Ряд других животных обнаруживает множество актов (бегства, нападения и борьбы), направленных на удаление опасности и сохранение их жизни. Какой импульс заставляет их делать это? Конечно, не «сознание опасности», ибо у многих, особенно низших, животных того, что мы называем «сознанием» и «разумом», нет. Их действиями руководит наследственный импульс самосохранения.

То же и у человека.

Человек, которого укололи булавкой, рефлекторно отдергивает руку. Когда ваш сосед неожиданно замахивается и хочет вас ударить, вся ваша фигура (помимо вашей воли и сознания) приобретает определенную защитную позу. Когда под влиянием холода вы стремитесь совершить ряд актов, направленных на то, чтобы согреться (начинаете бегать, застегивать пальто, затапливаете печь и т. д.), или когда вы бежите от дикого зверя или преследующего вас с ножом в руке человека (причем ваши ноги сами несут вас), все эти акты, иногда даже их конкрет-

ные формы, опять-таки вызываются *наследственным импульсом индивидуального самосохранения*. В ряде случаев ваш «разум» не принимает здесь никакого участия. В других – он является лишь тем «агентом», который по приказу импульса самосохранения лишь выполняет его поручения и ищет наилучших технических способов удалить опасность. Приказывает совершать эти акты сей наследственный импульс, и не будь его (как это мы и видим у ряда самоубийц и лиц с ослабевшим импульсом самосохранения), никакие доводы разума и сознания не могли бы вызвать ту отчаянную борьбу за жизнь, которую мы видим у множества людей.

Кто из вас не слышал об обезьяне, подставляющей себя под выстрелы охотника, чтобы спасти своего детеныша, или о других животных, «жертвующих собой» для сохранения и выживания своего потомства.

Было бы большой ошибкой, если бы мы стали объяснять такие акты тем, что обезьяна или другое животное делают это «во имя морального сознания», в силу «требований их совести и долга»... Такое объяснение было бы чистым антропоморфизмом. Силой, заставляющей их так поступать, является *наследственный импульс группового самосохранения, отличный от других*.

Сходное мы видим и у человека. Кто из вас не наблюдал множества актов родительского самопожертвования в пользу детей и тяжелых родительских забот о последних.

Кто из вас не знает множества людей, жертвующих собой за благо своих ближних (своей семьи, церкви, народа, государства, партии и т. д.).

В основе этих высокоальтруистических поступков опять-таки лежит наследственный импульс *группового самосохранения*. Без его наличия огромное большинство таких актов не имело бы места. То же может быть сказано и о сексуальных актах со всей богатой гаммой соответственных переживаний и поступков. В основе их лежит наследственный половой инстинкт.

Из этих примеров ясна роль этих невидимых наследственных импульсов, детерминирующих наше поведение.

Не следует думать, что число их ограничивается указанными четырьмя наследственными группами инстинктов. Напротив, число последних довольно большое, особенно если давать их детальную систематику. На основании данных современной науки приходится допустить большое количество наследственных рефлексов и инстинктов, притом весьма разнообразных по своему характеру, нередко даже противоположных друг другу.

Вот одна из примерных классификаций главнейших инстинктов, помимо перечисленных. *Инстинкт творческой работы, любопытства и манипуляции, инстинкт собственности (обладания, приобретения и коллекционерства),*

инстинкт драчливости, стадности, соперничества (соревнования), лояльности и преданности, родительский инстинкт, охотничий инстинкт, устройства жилища, бродяжничества, инстинкт приключений и перемен, инстинкт лидерства и властвования, инстинкт подчинения и покорности, инстинкт свободы, инстинкт тщеславия и самовыставления.

Такова одна из классификаций инстинктов. Хотя она не может считаться общепринятой во всех своих деталях и требует ряда оговорок, тем не менее она дает представление о характере, о количестве и разнообразии наследственных импульсов поведения.

Из нее мы видим, какое разнообразие инстинктов, детерминирующих поведение, получает человек вместе со своим организмом. Отсюда же ясна вся сложность природы человека и его поведения. Наконец, отсюда же ясной становится ошибка рационалистов, полагавших, что из рук природы человек выходит лишь с «добрыми, мирными и добродетельными наклонностями». Мы видим, что дело обстоит иначе. Человек имеет не только «ангельские» инстинкты (мира, покоя, стадности, преданности, родительские и т. д.), но и инстинкты «дьявольские» (войны и драчливости, властвования и тщеславия, бродяжничества и собственности и т. д.). Те и другие совмещаются в нем.

Каждый из них требует своего удовлетворения и выявления. Каждый из них толкает человека к ряду поступков, в совокупности составляющих основную ткань его поведения. Потому-то мы и видим в поведении одного и того же человека то поступки величайшего альтруизма, то огромного эгоизма, то желание покоя, то желание бурь, то великую любовь, то великую ненависть. Такие контрасты и противоречия – следствие разнообразия и разнородности заложенных в человеке инстинктов. После сказанного не приходится удивляться таким «противоречиям».

Эта детерминирующая роль инстинктов станет еще более важной, если мы учтем, что за очень небольшими исключениями *инстинкты не могут быть уничтожены или целиком подавлены*. В отличие от множества приобретенных актов, их нельзя «снять с человека», как снимают костюм. *Можно только выдержать или ускорить, усилить или ослабить, видоизменить и иначе «канализировать» их проявление и... только*. Как бы мы ни тренировали человека, нельзя отучить его от еды. Можно лишь научить его есть чаще или реже, раньше или позже, меньше или больше, одни блюда вместо других, вилкой вместо пальцев. Но и в этом отношении есть свои границы.

Это следует помнить всем педагогам и воспитателям народа. *Вместо того, чтобы напрасну тратить усилия на искоренение нежелательного инстинкта, что часто невозможно, а в редких возможных случаях ведет вместе с его подавлением к повреждению всего человеческого организма и всей жизни данного лица, воспитатели сделают гораздо лучше, если они попытаются «канали-*

зировать» этот инстинкт в формы, социально-полезные или невредные, иными словами, постараются дать ему выход, но в иных, положительных формах (как путем труб инженеры дают выход в желательном направлении воде). То же относится и к планам реконструкции общества. Все те планы радикальных реформ общественной жизни, которые исходят из представлений о человеке как «ангеле», не учитывают этого разнообразия и сложности инстинктов человека и не предусматривают в будущем обществе способов удовлетворения их, обречены на полную или частичную неудачу.

Из сказанного выясняется огромная роль наследственных импульсов в деле детерминирования человеческого поведения. Тот же факт станет ясным и с другой точки зрения. Каждому известно, что характер поведения и свойств индивида ближайшим образом связан с *физическими свойствами нашего организма*. Уже давно было сказано Коменским: *in corpore sano mens sana*^{3*}. Те или иные органические дефекты в строении нашего организма неизбежно отражаются на его психике и поведении. И обратно: здоровый и недефектный организм, со здоровой и совершенной нервной системой – гарант здорового поведения. Физические же свойства организма, вплоть до строения нервной системы и органов внутренней секреции, – результат наследственности, а не среды. Никакая среда не может сделать вполне удовлетворительным наследственно дефектный организм, и обратно: наследственно здоровый организм будет функционировать вполне удовлетворительно в течение всей жизни индивида, кроме случаев исключительно неблагоприятных условий среды, способных подорвать его.

Все это делает бесспорной колоссальную роль наследственных факторов.

3

В предыдущем я кратко очертил общее значение фактора наследственности в поведении *любого* человека вообще.

Но этим дело не исчерпывается. Роль наследственности выступает и в иной форме: *в форме фактора дифференциации людей*. Сейчас мы вполне уверенно можем утверждать, что *люди весьма значительно различаются друг от друга по своим наследственным свойствам*. Они наследственно не равны и не одинаковы. Один рождается в мир с прекрасными наследственными свойствами, другой – с посредственными, третий – наследственно-дефектным.

Это одинаково относится как к физическим, так и к психическим свойствам человека. Рост, цвет кожи, волос и глаз, характер строения скелета, нервной системы и ряда других органов, в связи с этим степень жизнеспособности, силы и здоровья – все эти свойства наследственно различны у разных людей. То же относится и к *психическим свойствам*. Явления, обозначаемые словами

«душевный характер», «темперамент», «талант», «одаренность», «склонности» и т. д., опять-таки наследственно не равны. «Гениями рождаются, а не делаются». Посредственный по своим наследственным дарованиям человек никогда не станет Ньютоном, Наполеоном или другим гением. И обратно, наследственно одаренный человек, как общее правило, выдвинется из ряда его сообщественников. *Неодинаковы люди и по своим наследственным инстинктам, которые мы рассмотрели выше. У одних людей одни инстинкты, напр. инстинкт бродяжничества или свободы (удаления препятствий, мешающих свободе движений и действий), чрезвычайно сильно выражены, у других – слабо. Есть люди с гипертрофированным инстинктом повиновения и послушания (своего рода «наследственные рабы») и люди с исключительно развитым инстинктом властвования (своего рода «властители по природе»). У одних лиц мы встречаем резко выраженными родительские инстинкты, другие в этом отношении похожи на кукушку, мало заботящуюся о судьбе своего потомства. То же может быть сказано и о других инстинктах.*

Это означает, что люди не равны по своим *наследственным склонностям и способностям*. Заостренно выражая эту мысль, можно сказать, что одни люди рождаются со способностями «наследственных полководцев», другие – «ораторов», третьи – «изобретателей», четвертые – «земледельцев», пятые – «художников», шестые – «музыкантов» и т. д. Причем степень одаренности разных людей в каждой из этих форм деятельности опять-таки разная. Есть гениальные полководцы и посредственные, гениальные изобретатели и изобретатели меньшего масштаба и т. д.

Раз это так, то отсюда ясно, что *источник неравенства и несходства людей кроется не только и не столько в условиях среды, но прежде всего в наследственных свойствах людей*. Поэтому для установления подлинного равенства людей недостаточно уравнивать их в правах и соответственным образом изменить общественные учреждения. Это кое-что может дать, но неравенства не уничтожит, ибо источник его лежит гораздо глубже. Как ни переключайте на бильярдном столе шары разной величины, их неравенство останется. То же и тут. Наследственное неравенство, несмотря на все уравнивание в правах, дает себя знать в той или иной форме. Какие выводы отсюда следуют в деле общественных реформ, я укажу в одной из дальнейших лекций.

Пока же отмечу лишь одно практическое следствие: *целесообразная реконструкция общества должна заключаться не столько в попытках насильственно-механического уравнивания всех людей во всех отношениях, что неосуществимо, что ведет к понижению уровня Ньютона до уровня посредственности или идиота, а не наоборот, что в конце концов увеличивает, а не уменьшает сумму бедствий личности и общества, сколько в том, чтобы построить общество, удовлетворяющее принципу «каждому по его выявленным способностям, особенно наследственным», общество, в котором всякий индивид был*

бы на своем месте – на месте, удовлетворяющем его природным склонностям. От этого выиграет и общество в целом, и каждая личность в частности.

Подводя итоги сказанному о роли наследственных свойств и импульсов в поведении и жизненной судьбе индивида, мы видим, что эта роль громадна. Один американский исследователь попытался даже численно выразить сравнительную роль фактора наследственности и фактора среды и воспитания в деле поведения человека и в деле его жизненной карьеры. Роль первого фактора он выражает цифрами 60–90, роль второго 40–10.

Быть может, эти цифры не абсолютно точны, но они не так далеки от истины.

Жизненная судьба каждой личности прежде всего зависит от ее наследственных свойств. *Роль среды – подсобная, состоящая в том, что она может либо затормозить полное проявление наследственных свойств, либо может помочь их раскрытию и развитию.* Такая роль немаловажна. Поэтому-то она и делает необходимым специальное рассмотрение среды, общественной среды в частности, с точки зрения ее благоприятствующего или тормозящего влияния. Этим мы займемся ниже. А пока подчеркнем, что самая хорошая среда без хорошего «наследственного пороха» не может сделать идиота талантом, посредственность – гением, прирожденного музыканта – гениальным полководцем, прирожденного раба – прирожденным властителем. И обратно: наследственно-одаренные люди даже в неблагоприятной среде весьма часто оказываются на голову выше своих сообщественников в области своего наследственного призвания.

Отсюда следует практический вывод для педагога: *его задача заключается прежде всего в том, чтобы правильно подметить наследственные свойства каждого ученика. Подметив их, содействовать всемерному их раскрытию и развитию, способствовать тому, чтобы ученик пошел по той жизненной дороге и выбрать такой род деятельности, который соответствует его природным свойствам. Исключение составляют лишь склонности социально-опасные и вредные (напр. наследственная кровожадность и т. п.). В этом случае дело педагога заключается, во-первых, в ослаблении таких инстинктов, во-вторых, в канализировании их в формы социально-безвредной или даже социально-полезной деятельности (напр. охота, профессия мясника, солдата в эпоху войны и т. д.).*

Все сказанное о роли наследственных свойств и импульсов в поведении отдельного человека применимо и к *целому народу.*

По наследственным и расовым свойствам есть огромные различия между разными расовыми группами или разными народами, не в лингвистическом, а в расовом смысле. В применении к крупным расам это известно каждому. Кто не знает физических различий (в цвете кожи, в строении черепа, лица, костяка и т. д.) между негром, китайцем, европейцем и индейцем. То же может быть сказано и о психических различиях между ними.

Если брать, напр., степень одаренности белой и черной расы, оцениваемой хотя бы по числу гениев той и другой расы, то получается колоссальная разница. По подсчетам Гальтона, среди англичан, напр., один гений приходится на миллион рядовых англичан, у негров мы не видим ни одного гения на много миллионов существующего и предыдущих поколений.

Мало того... Теперь приходится допустить ряд не только физических, но и психических различий между различными ветвями одной и той же, например, «белой» расы. В пределах существовавших и существующих народов Европы мы видим ряд существенных расовых различий как в физическом строении их организмов, так и в ряде психических свойств. Кто не знает различий между сдержанным и холодным англосаксом и темпераментным обитателем юга Европы (испанец, итальянец, кавказец). По развитию тех или иных импульсов, с одной стороны, по одаренности – с другой, опять-таки эти различия несомненны. Так, по вычислению того же Гальтона, у древних греков 1 гений приходится примерно на 4 тысячи с небольшим граждан. У современных англичан 1 гений приходится лишь на 1 миллион, у ряда народов он встречается еще реже. Очевидно, такая одаренность одних народов и неодаренность других – результат не только различия среды, но и расовых свойств. Мы не имеем времени подробно останавливаться на выяснении различий в тех расовых инстинктах, которые являются характерными для различных народов. Можно сказать лишь, что многие из тех черт, которые считаются характерными для того или иного народа (напр., индивидуализм и свободолюбие англичан, инстинкт порядка у немцев, «широкая душа» и сентиментализм ряда славянских народов и т. д.) представляют не только приобретенные, но и расовые свойства.

Раз поведение и жизненная карьера индивида зависят прежде всего от его наследственных свойств, то то же в значительней мере может быть сказано о характере общественной организации, социальной жизни и исторических судьбах целого народа. 1) *Характер социальной и политической организации каждого народа в сильнейшей степени зависит от фонда его расовых свойств. В первом – в большей или меньшей степени – отражаются и выявляются последние.* 2) *Одну из основных причин различия разных народов в этом отношении приходится искать в различии их расовых свойств.* 3) *Ряд изменений в исторической судьбе одного и того же народа нередко представляет результат изменения «фонда» расовых (наследственных) свойств этого народа.*

Если, напр., мы спросим себя, почему у англичан ранее многих других народов установились «свободы» и «права человека и гражданина», ответ придется искать не только и не столько в характере общественной среды (ибо она создавалась лишь после введения этих свобод), сколько в ряде наследственных свойств этого народа, весьма ярко проявляющихся и по сие время (индивидуализм, любовь к самостоятельности и независимости).

Присмотритесь к истории падения ряда великих народов, напр. древнего Рима и древней Греции. Эпоха заката здесь начинается и развивается параллельно с изменением расового состава римского общества, особенно его правящих классов. Кровь древних основателей и строителей этих государств (в силу разных причин с конца IV в. до Р. Х. в Греции, с II–I вв. до Р. Х. в Риме) стала исчезать. Римское или греческое общество, особенно его верхние слои, стало состояться из лиц иной крови (варваров, рабов, пришельцев), а не потомков древних греков и римлян. Такая замена лиц с расовыми свойствами древних греков и римлян другими лицами, носителями иных расовых свойств, вела к изменению расового состава населения этих обществ, к изменению их расового фонда. Новые люди, с иными расовыми свойствами, были не в состоянии не только двигать вперед развитие этих обществ, но даже поддерживать социальные, культурные и политические достижения предыдущих поколений на той высоте, до которой они были подняты последними. Это обстоятельство явилось одной из причин декаданса древней Греции и древнего Рима.

Этот пример иллюстрирует мою мысль о зависимости расцвета или упадка того или иного народа от изменения наследственных расовых свойств последнего. Под этим изменением «расовых наследственных свойств» народа следует, однако, разуметь не только явления резкой замены одних наследственных свойств другими в пределах той же расы.

Мы уже видели выше, что не только у лиц разных рас, но и у отдельных индивидов одной и той же расы одного и того же народа наследственные свойства неодинаковы. Среди последних есть лица наследственно более и менее здоровые, более и менее талантливые в разных отношениях.

Расовый фонд народа, передаваемый из поколения в поколение, может изменяться в положительную и отрицательную стороны не только при замене лиц одной расы лицами другой, но и при разном выживании разных лиц одной и той же расы. Представьте себе на минуту, что в данном народе все здоровые лица из поколения в поколение будут систематически убиваться, а плодиться и размножаться будут только лица менее здоровые, с рядом физических недугов и болезней.

Не трудно понять, что на протяжении двух–трех поколений такой факт вызовет весьма значительное изменение расового фонда данного народа. Систематическое убийство наиболее здоровых лиц означает в то же время уничтожение их как производителей здорового потомства, как носителей расовых свойств биологического здоровья. С их гибелью уменьшаются шансы размножения здорового

потомства. Вместо него будет плодиться потомство менее здоровых лиц. «*Каковы семена – такова и жатва*». Потомство менее здоровых лиц будет в общем также менее здоровым, чем потомство убитых здоровых производителей. Действуя так из поколения в поколение, довольно быстро можно сделать здоровый биологически народ нездоровым, рослый – малорослым, сильный физически – слабым и т. д.

Фонд расовых свойств будет резко ухудшен. Обратный результат получится, если в нашем воображаемом примере будут уничтожаться или не будут допускаться к размножению все больные, нездоровые и физически дефектные лица, [а размножаться будут] максимально здоровые.

Тогда «фонд расовых свойств» народа может измениться в положительную сторону.

Сказанное о здоровье может быть сказано и о других наследственных свойствах. Действуя тем же методом и систематически уничтожая из среды данного народа всех максимально энергичных, волевых, свободолюбивых и духовно одаренных лиц или не допуская их размножение, лишая их возможности оставлять потомство, можно довольно успешно на протяжении нескольких поколений одаренный народ сделать бездарным, энергичный – вялым, свободолюбивый – рабским.

Действуя в обратном направлении, можно получить обратные результаты.

Отсюда понятно, что изменение расового фонда данного народа не может не отражаться на его истории. Любая история делается людьми. Если эти люди будут нездоровыми, безвольными, неодаренными и т. д., история народа примет одно направление. Если в нем будут абсолютно и относительно копиться «настоящие люди», она неизбежно примет другой характер.

Вот почему *одно из первых и самых основных условий расцвета и процветания любого народа состоит в том, чтобы увеличивать в его составе количество «настоящих людей», т. е. максимально здоровых, максимально энергичных, трудолюбивых и социабельных*, нужно, чтобы именно такие элементы населения оставляли потомство, чтобы их «кровь» усиленно передавалась из поколения в поколение, чтобы она вытесняла из данного народа кровь людей с плохими наследственными свойствами. Обратной стороной этого требования является, чтобы последние элементы воздерживались или не допускались к размножению.

При таких условиях фонд расовых свойств народа будет все более и более улучшаться. Число «настоящих людей» будет расти. В жилах народа будет течь все более и более лучшая кровь. Итогом этого будет физическое и психическое улучшение данного общества. Неизбежным результатом последнего будет улучшение и повышение всей социальной жизни общества, подъем его материального и духовного благосостояния. Таково одно из самых первых и основных условий прогресса любого народа или общества. Без его осуществления все социальные реформы, рассчитанные на простое изменение среды и приобретенных свойств, не могут дать очень большие и прочные результаты.

Этот факт теперь понят многими народами. На наших глазах вырастает *целая научная дисциплина – евгеника, ставящая своей задачей выработку научных методов улучшения наследственной породы людей.*

В ряде государств начинают проводиться практические меры, направленные на то, чтобы содействовать размножению наследственно «настоящих» людей и мешать или не допускать размножения потомства наследственно дефектных лиц (чахоточных, сифилитиков, психически больных, преступников и т. д.).

В тех же целях в ряде стран, напр. во многих штатах Америки, не допускаются и наказываются браки лиц белой и черной расы и т. д.

Мы не будем описывать тех конкретных мер, путем которых пытаются достичь этих целей. Заметим лишь, что слишком упрощенные и грубо-полицейские меры (напр., уголовное наказание, кастрация или другие меры обеспложения наследственно-дефектных лиц) редко дают здесь плодотворные результаты. Главное значение получают в этой области культурные меры; прежде всего углубление сознания самого населения. В интересах своих будущих поколений и своей будущей истории отдельные члены общества, особенно дефективные, должны сами добровольно выполнять основное требование евгеники – содействовать размножению «настоящих людей» и воздерживаться (дефектные) от оставления дефективного потомства. Это требование – великий долг перед будущими поколениями и перед историей самого общества. Это сознание должно быть распространено и усвоено народом. Только усвоение его и добровольное соблюдение представляет надежный и безболезненный способ осуществления этой цели.

В тех же целях улучшения «наследственного фонда» данного народа, помимо этих узко евгенических мер, требуется осуществление других, более широких чисто социальных мер. В ряду их прежде всего – *уничтожение кровавой – межгосударственной и гражданской – войны.* Антиевгеническая роль этих факторов – кровавой войны и кровавой революции – поистине ужасна в современных условиях и едва ли не превосходит все другие способы отбора «шиворот-навыворот».

Почему?

По той простой причине, что и войны, и революции, сопровождаемые гражданской войной, уносят в царство смерти как раз наилучшие во всех отношениях элементы населения. Они похожи на огородника, который выпалывает с гряды лучшие овощи и оставляет плодиться и размножаться на ней сорную траву. При таком методе отбора, естественно, на гряде будут расти последние, а не лучшие овощи.

В самом деле, современные внешние и внутренние войны убивают прежде всего и больше всего наиболее здоровые биологически и наиболее трудоспособные элементы населения; больные калеки и физически дефектные лица, старики

и дети в армию обычно не берутся; последняя составляется из лиц наиболее здоровых и трудоспособных в возрасте 18–45 лет. Поэтому сей элемент населения преимущественно гибнет в войне. В то время как за годы войны и революции общее население России ubyло на 13%, мужские возрастные слои от 18 до 45 лет потеряли 28% своего состава.

Далее, преступники и лица морально дефективные опять-таки в армию не берутся, поэтому они подвергаются меньшему риску гибели в современных войнах.

Люди с глубоким сознанием долга обычно не стараются уклоняться от опасности и риска, в то время как «шкурники» и лица аморальные стремятся всеми правдами и неправдами «окопаться в тылу», не идти на фронт, избегают рискованных и опасных мест. Такое поведение тех и других опять-таки увеличивает шансы гибели лиц первого рода.

Статистика показывает, далее, что от современных войн и революций всего сильнее гибнут люди умственно-квалифицированные. Процент гибели их на каждую тысячу таких лиц гораздо выше, чем процент гибели рядовой массы на каждую тысячу последней. В России за эти годы смертность всего населения повысилась по сравнению с довоенным временем в 2–3 раза, смертность ученых повысилась в 5–6 раз. Из этих штрихов понятна вся антиевгеническая роль современной войны. Еще более это применимо к гражданской войне. Она представляет орудие отбора, специально направленное на уничтожение наилучших, самых выдающихся лиц с той и другой стороны. В то время как рядовой роялист, жирондист или якобинец⁴, рядовой монархист или коммунист могут выжить в это время, все выдающиеся люди противоположных лагерей гибнут. Первые слишком незаметны, они остаются в тени. В их гибели не заинтересована противоположная сторона. Выдающиеся же люди представляют мишень, которую противоположная сторона стремится всячески уничтожить.

Отсюда понятно, что войны и революции уничтожают поистине лучшую кровь народа.

Убивая лучшие элементы населения, они в лице их убивают и лучших производителей хорошего потомства. Вместо последнего начинает плодиться потомство выживших людей «второго сорта».

Расовый фонд наследственных свойств народа неизбежно ухудшается. И тем сильнее, чем длительнее и опустошительнее война и революция. В итоге через одно–два поколения эти эффекты их начинают сказываться.

Мудрено ли поэтому, что они были одной из основных причин вырождения великих народов и их гибели.

Приведенные выше примеры вырождения Рима и Греции были вызваны именно кровавыми войнами и революциями. Декаданс Рима начинается вскоре после кровавых войн и революции II–I в. до Р. Х., декаданс Греции – после Греко-персидских и Пелопоннесской войн⁵. «Лучшая кровь» народов погибла на полях битвы, вместо нее стала плодиться «худшая кровь», потомки этих вто-

росортных производителей не были в состоянии поддерживать и развивать дело предыдущих поколений. Отсюда декаданс.

То же – в разных формах – мы видим и у других народов. Зоологическое строение французов после войн революции и войн Наполеона значительно ухудшилось, рост понизился, процент негодных к воинской службе лиц, обладавших недостатками всякого рода, возрос.

Или возьмите хотя бы Гуситскую революцию^{6*}. Гражданская война, огромные войны Прокопа и Жижки уничтожили все лучшие элементы чешского народа с той и другой стороны. Это и сказалось через два–три поколения. «Грозные воины Божии» исчезли, и «Белая гора»^{7*} была неизбежна.

И обратно. Мы все удивляемся чрезвычайно быстрому возрождению и прогрессу Японии. Если мы учтем, что до начала возрождения в течение почти двух столетий перед этим Япония не знала войн (период «великого мира»), мы не будем удивляться. За эти два века в этой стране отбор лучших элементов производился правильно. Они не убивались, а жили, выживали, плодились и дали возможность накопления «настоящих людей» в населении Японии. Мудрено ли поэтому, что эти «настоящие люди» оказались в состоянии сделать в течение 50 лет из дикой и маленькой Японии мировую великую державу. Из сказанного понятна опустошительно-убийственная роль войны и революций, как понятным становится насущная необходимость внешнего и внутреннего мира.

Из всех евристических мер сохранение мира является самой важной и самой серьезной мерой улучшения фонда расовых свойств народа.

Мы пробежали ряд проблем, связанных с ролью наследственного фактора в поведении людей и в исторических судьбах народа. Из сказанного ясна громадная роль этого фактора. Всякий человек, дорожающий судьбами своего народа, всякий педагог, воспитывающий молодое поколение, всякий политик, заботящийся о процветании своей группы, должен всегда помнить об этом.

Помня – делать все, что требуется задачей улучшения наследственных свойств народа. Ибо такая политика, часто внешне неэффективная, является одной из самых серьезных и плодотворных. Если будет хороший фонд расовых свойств, нетрудно путем надлежащего изменения среды эти положительные свойства выявить и достичь огромных успехов на пути улучшения материального и духовного процветания масс. Если этого «фонда» не будет – все эффективные результаты становятся непрочными, обреченными на гибель.

В дальнейших беседах я постараюсь осветить основные проблемы, связанные с ролью и значением среды и приобретенных свойств.

Лекция вторая

Социальная роль среды вообще и географической среды в частности

1

В своей лекции «О роли наследственных импульсов и свойств в поведении человека и в истории народа» я указал, что то и другое обусловливается двумя основными категориями факторов: во-первых, характером наследственных свойств, во-вторых, характером приобретенных или воспитанных форм поведения, полученных человеком в течение его индивидуальной жизни.

В этой лекции мы видели огромное значение наследственного фактора. Но там же кратко было указано важное значение среды, в которой индивид живет с первых дней своего рождения.

Остановимся теперь подробнее на рассмотрении роли этой *среды*.

Для того, чтобы из человека получился «человек настоящий», т. е. существо здоровое биологически, развитое умственно и морально, чтобы мы имели энергичную и творческую личность, с одной стороны, и стоящего на высоте гражданина – *socius'a* – с другой, для этого хороших наследственных свойств недостаточно. Нужно еще, чтобы они могли проявиться и развиваться до своего максимума, с одной стороны, с другой – нужно, чтобы социально вредные и опасные склонности индивида были в большей или меньшей степени заторможены и «канализированы» в социально безвредные формы.

Достижение этих задач зависит от той среды, в которой рождается и живет человек. Эта среда может быть благоприятной и неблагоприятной в этом отношении. Соответственно с этим она может затормозить проявление и развитие хороших наследственных свойств или, наоборот, благоприятствовать тому и другому. И обратно: она может ослабить, подавить и удачно канализировать социально вредные склонности индивида или, напротив, способствовать их развитию – иными словами, благоприятствовать деморализации и криминализации личности.

Такая роль среды понятна сама собой.

В самом деле, родись, напр., Ньютон или Дарвин в среде готтентотов или дикарей с чрезвычайно низким уровнем умственной культуры и научных знаний,

очевидно, в такой среде Ньютон не стал бы тем Ньютоном, какого мы знаем, а Дарвин – великим естествоиспытателем. Вероятно, тот и другой по своему умственному развитию были бы на голову выше других готтентотов или дикарей, но они были бы бесконечно ниже тех исторических лиц, которых мы знаем.

Почему? Потому что среда дикарей была бы неблагоприятна их умственному развитию. Уровень знаний готтентотов низок. В нем отсутствует тот огромный умственный капитал в виде соответственных знаний, научного материала и опыта, который эти лица нашли готовым в английском обществе. Здесь они могли взять его прямо. Он был дан им. Им не нужно было с самого начала самим открывать то множество истин, которые уже были открыты до них. Они просто взяли их готовыми и, пользуясь ими, продолжали работу многих поколений в форме своих великих открытий. Среди готтентотов им пришлось бы, образно говоря, начинать с «азов», самим проделывать всю ту огромную работу, которая в английской среде была уже проделана до них. Естественно, они не ушли бы так далеко в глубине этой среды, как далеко продвинулись в английском обществе.

То же может быть сказано о влиянии среды в тысяче других форм. Сколько людей рождаются с превосходными умственными способностями, но среда в виде голода, нищеты, невежества и других препятствий мешает развернуться их талантам и губит последние. Только единицы в виде Ломоносова или Линкольна могут преодолеть эти препятствия и выйти победителями.

Сколько лиц рождаются наследственно-социальными, с хорошими моральными задатками! Но среда, в которой они оказываются, напр. среда пьяниц, воров, преступников, проституции и т. д., делает и их такими же.

Недаром же дети лиц морально дефективных (преступников всякого рода) обычно становятся также преступниками.

И обратно. Человек с посредственными способностями, попав в благоприятную среду, делается личностью достаточно просвещенной и умственно развитой.

Эти примеры в суммарных чертах показывают несомненное значение среды даже в отношении наследственных свойств человека.

Что же касается *приобретенных* свойств последнего, то здесь роль среды еще более важна; больше того – роль ее является здесь решающей.

Под приобретенными свойствами и формами поведения, как было указано, нужно разуметь те, которые не наследственны, которые усвоены человеком в течение его индивидуальной жизни. В наследственных формах поведения связь между определенной реакцией и вызывающим ее стимулом среды (напр. между отдергиванием руки и уколом булавкой) дана вместе с организмом. В приобретенных формах поведения – она воспитана. Когда вы при виде знакомого снимаете шляпу и кланяетесь, при виде церкви делаете крестное знамение, когда солдат при виде генерала отдает ему честь и т. д., все эти формы поступков, являющихся реакциями на определенные стимулы среды («знакомый, церковь, генерал»),

представляют приобретенные формы поведения. Связь между ними и соответственными стимулами здесь не наследственна. Она привита индивиду средой. Будь эта среда иная – иными были бы и эти приобретенные формы поведения. Дикари приветствуют друг друга иначе, чем мы. Не-православный или не-христианин не реагирует актом крестного знамения при виде креста или церкви.

Отсюда понятно, что приобретенные формы поведения похожи в известной мере на костюм. Как последний, они могут быть привиты или «надеты» на индивида; как костюм, их можно «снять» с него, «отвить» или отучить, как костюм, их можно в той или иной мере переменить.

Чисто наследственные акты, как мы видели, такой реакции не поддаются².

Роль среды по отношению к этому «костюму» приобретенных свойств, как сказано, является решающей. *Именно среда, в частности социальная среда, является тем «портным», который определяет «фасон» костюма приобретенных форм поведения.*

С момента рождения человека она начинает «формировать» его по своему образу и подобию. Какова эта среда, таковым становится и «костюм» его приобретенных форм поведения. Язык, на котором будет говорить ребенок, будет языком этой среды: родившийся и выросший среди русских будет говорить по-русски, среди чехов – по-чешски и т. д. Религия, которую он будет исповедовать, будет религией тех, кто его окружал и окружает. Его морально-правовые взгляды и формы поведения опять-таки будут такими, каковы они у окружающих его людей. Он будет считать злом то, что они считают злом, добром то, что добром называют последние. Его эстетические вкусы будут соответственными вкусам социальной среды. Его одежда, его манеры, занятия, привычки и т. д. будут такими, какими они будут у окружающей среды.

Словом, почти весь конкретный костюм приобретенных форм поведения человека определяется той средой, в которой он родился и вырос.

Отсюда понятной становится «формирующая» и «решающая» роль среды по отношению к приобретенным формам поведения.

Из сказанного вытекает второе основное требование социальной педагогики и политики: помимо хороших наследственных свойств личности или удовлетворительного фонда расовых свойств народа, для полного и положительного развития личности, с одной стороны, процветания народа – с другой, необходимо еще, чтобы среда, в которой живет личность или среда совокупности лиц, составляющих народ, была в достаточной степени здоровой и благоприятной для их жизнедеятельности, чтобы она благоприятствовала раскрытию их

² Во избежание недоразумений отмечу, во-первых, что, конечно, приобретенные формы поведения не все одинаково легко поддаются «прививке», «отвивке» и перемене, во-вторых, возможность прививки тех или иных из них находится в огромной зависимости от характера наследственных свойств человека.

положительных задатков, с одной стороны, тормозила склонности социально вредные – с другой, и «одевала» индивидов в здоровый – биологически, умственно и морально – костюм приобретенных форм поведения – с третьей.

В нижеследующем мы конкретизируем и детализируем это требование.

Теперь мы и должны рассмотреть основные элементы этой среды, наиболее важные, во-первых, с точки зрения «формирования» и «воспитания» человеческой личности, во-вторых, с точки зрения обусловливания поведения последней, в-третьих, через это влияющие на исторически судьбы целого народа.

Перейдем к этому.

Среда, окружающая человека, состоит из комплекса самых разнородных явлений и предметов. В конкретной своей форме они бесчисленны. В целях научного удобства и экономии сил это бесконечное разнообразие предметов и явлений, образующих среду, может быть разделено на две основные группы – *на среду географическую и на среду социальную.*

Температура, сухость или влажность воздуха, очертание и конфигурация данного места, гористость или долинность, распределение суши и воды, характер почвы, характер растительного и животного мира и естественные условия данного места образуют *среду географическую.*

Мир сочеловеков, города и деревни, здания и дороги, одежда, утварь, обработанные поля и фабрики, музеи, библиотеки – словом, все то, что носит название материальной и духовной культуры, все, к чему прикасались рука и труд людей, вместе с самими людьми составляют *среду социальную.*

Та и другая имеет значение в деле обусловливания поведения людей, социального уклада и исторических судеб общества. Та и другая накладывает свою печать на физический и духовный облик человека и целого народа. Обе они играют роль в деле торможения или благоприятствования имеющихся наследственных склонностей – с одной стороны, и в прививке или воспитании приобретенных свойств – с другой.

Оставив характеристику значения социальной среды до следующей лекции, займемся здесь очерком влияния среды географической как одного из факторов, определяющих собой поведение людей и социальный уклад целого общества.

2

Для того, чтобы жить, любой организм, любой человек, наконец, любое общество должно приспособляться или приспособлять к себе ту естественно-гео-

графическую обстановку, в которой они оказываются. Без этого равновесия со средой жизнь была бы невозможна. Один и тот же человек с одними и теми же наследственными свойствами, помещенный, скажем, в полярную географическую обстановку и в обстановку тропиков, будет вести себя различно в массе отношений. Жилище, которое он себе выстроит, одежду, которую он будет носить, занятия, которыми он будет добывать себе пищу и т. д., – все это будет различным.

В тропических странах не выстроишь дом из снега или льда, и обратно: в полярных странах не найдешь бананов и маниока для прокормления.

Различие географической среды властно заставляет его изменять соответственно конкретные формы поведения.

Длительная же жизнь в определенной географической обстановке неизбежно накладывает длительную и прочную печать на душу и тело, на поведение и психику личности. То же может быть сказано и о целом народе. Возьмем ли мы отдельные элементы географической среды или всю ее целиком, мы на каждом шагу можем убедиться в детерминирующем влиянии первых и второй.

Возьмите, напр., естественную температуру. Крайние температуры делают жизнь человека трудной или почти невозможной. Места с такой температурой заставляют человека удаляться от них. Отсюда следствие: наиболее плотно населенными частями земли оказываются области, благоприятные по своим естественным температурным условиям. Это видно хотя бы из следующей статистической таблицы плотности населения в Сев. Америке. Соед. Штатах.

градусы температуры (по Фаренгейту)	плотность населения на 1 кв. милю (1890 г.):
ниже 40	7,69
40–45	12,51
45–50	28,61
50–55	30,02
55–60	22,78
60–65	17,89
65–70	14,16
70–75	7,49
свыше 75	3,59

То же видно из того, что полярные страны или места вроде пустыни Гоби или Сахары остаются незаселенными и до сих пор.

Это влияние космической температуры сказывается и в тысяче других фактов. Холод заставляет нас надевать теплую одежду, жар – легкий костюм. Холод принуждает нас устраивать теплые жилища, покупать дрова, топить печи, разводиться костер и т. д.; жар побуждает к обратным действиям: к купанью, к стремлению в тень, в прохладные места, к усиленному утолению жажды и т. п.

Совсем неодинакова наша деятельность в различных температурных условиях: при большом морозе или чрезмерной жаре мы не можем выполнять ряда работ, выполняемых в нормальной для нас температуре.

Из этих указаний ясна детерминирующая роль естественной температуры как одного из условий географической среды. То же могло бы быть сказано и о других элементах последней.

Не останавливаясь на них, перейдем прямо к очерку влияния географической среды в целом на социальный уклад и характер общественной жизни целого народа.

Влияние это сказывалось, во-первых, в том, что *она определяла места обитания человеческих обществ*. Обитаемыми были и остаются места, по своим географическим условиям удобные для жизни (в отношении климата, почвы, естественных путей сообщения, возможности добыть пищу и т. д.). Необитаемыми были и являются места противоположного характера.

Во-вторых, *географическая среда обуславливала и обуславливает в ряде отношений социальный уклад народа*. Места, благоприятные по своим условиям, были фактором, содействовавшим переходу групп от кочевого состояния в оседлое. Попав в такую географическую среду, в которой группа в древности легко могла просуществовать и прокормить себя, она, естественно, оседала здесь. Она не имела оснований покидать это место и менять его на другое. Напротив, неудобная, нездоровая или скудная среда заставляла по исчерпании ее запасов двигаться дальше.

Таким образом, географическая обстановка сыграла свою роль и в этом отношении. Ее влияние легко проследить и теперь на всех сторонах жизни общества.

Оно проявляется на экономических процессах и основных способах добывания средств существования. Население, живущее вдоль берега моря с удобными бухтами и лесами, богатого рыбой, под влиянием такой географической среды оказывается в сильной степени народом-мореплавателем, рыболовами и торговцами. Подтверждением этому служат Древняя Греция, Финикия, современная Англия, Норвегия и др. Население, живущее на плодородной равнине, становится населением земледельческим. Примеры: Россия, Венгрия и население плодородно-равнинной части Америки. Население степей и плоскогорий, богатых травой, разовьет скотоводство, мест, богатых золотом, углем и другими ценными металлами и минералами, разовьет *угольную промышленность*, добычу золота, серебра и др. ценных продуктов. *Это соответствие между характером географической среды и хозяйственной деятельностью населения, живущего в ней, мы видим почти у всех народов во всех областях обитаемой земной поверхности.*

Оно идет так далеко, что, хорошо зная географическую среду данного населения, можно довольно верно дедуктивно предсказать характер его хозяйственной деятельности. Возьмем для примера Нормандию. Изучение географической

среды Нормандии дает нам следующие данные. 1. Климат Нормандии влажен и благоприятен для роста трав и разведения льна. Отсюда – предположение: в Нормандии должно быть развито скотоводство и льноводство. 2. Почва Нормандии богата рядом ископаемых минералов. Отсюда – предположение: в Нормандии должна быть развита добыча и обработка этих минералов. 3. В Нормандии много мелких водопадов и течений, которые могли бы служить источниками энергии для мелких заводов и фабрик. Отсюда предположение: в Нормандии должна быть развита мелкая промышленность в форме небольших предприятий, извлекающих энергию из водопадов.

Таковы предположения, вытекающие из знакомства с географической средой Нормандии. Фактическая проверка вполне подтверждает их.

То же может быть сказано и о других географических районах.

Знание географических условий тундры приводит к заключению, что жители тундры могут и должны заниматься оленеводством, охотой и рыболовством; жители черноземных областей – земледелием; в районах, богатых нефтью, углем, железом и др. ископаемыми богатствами, должны быть развиты нефтяная, каменноугольная, металлургическая промышленности. В местах, благоприятных для произрастания хлопка или фруктовых садов или богатых лесом, должны быть развиты соответственные отрасли промышленности.

Сказанное применимо ко всем странам. Если с этой точки зрения вы изучите географическую среду вашей собственной страны, вы поймете, почему многие стороны хозяйственной деятельности ее населения таковы, а не иные.

Мало того, влияние географической среды на хозяйственную жизнь народа проявляется не только в соответствии основных видов хозяйственной деятельности населения этой среды, но и *в самом ритме первой*. Каждый из вас знает, что в странах земледельческих в течение года проявляется известный цикл стадий земледельческих работ. Зимой не пашут и не сеют, а делают это в другие сезоны года. То же применимо и к ряду экономико-хозяйственных работ. Влияние той же среды на область экономики дает себя знать и в тысяче других форм. Колебания температуры, осадков и света коренным образом влияют на *величину урожая*. А степень урожайности в свою очередь отражается на всей экономической жизни страны, и не только экономической, но и всякой другой. Кто из вас не слышал о тех грандиозных событиях, которые наступали в Индии или в России (напр., в 1921–1922 гг.) в итоге массового голода, вызванного неурожаем, в свою очередь, вызванным главным образом засухой? Из этих штрихов для вас понятно огромное влияние географической среды на всю экономическую деятельность не только отдельных лиц, но и целых народов.

То же может быть сказано и о других сторонах общественной жизни, начиная с явлений и *процессов «физиологического движения населения», т. е. процессов смертности, брачности и рождаемости.*

Ceteris paribus^{8*} неблагоприятная географическая среда или ее колебания в ту или иную сторону весьма серьезно отражаются на этих процессах.

В местностях, географически нездоровых, смертность при равенстве прочих условий будет выше, чем в районах здоровых.

Географическая среда скудная, дающая ограниченное количество пищи и др. средств существования, прямо или косвенно вызывает ограничение деторождения и плодовитости, или, если это не имеет места, огромную смертность детей, или, наконец, усиленную эмиграцию.

Каждый из вас, далее, знает годовые или сезонные колебания рождаемости и зачатий, стоящие в зависимости от смены времени года. Максимум зачатий обычно приходится на весенние месяцы, максимум рождаемости падает на время года спустя девять месяцев после этого времени. Многие из вас, вероятно, знают и различие во времени полового созревания лиц южных и северных народов. Как общее правило, у народов юга оно совершается раньше, чем у народов севера. Сходное замечаем мы и в области движения *самоубийств*. И здесь из года в год повторяется закономерное колебание: максимум *самоубийств* обычно приходится на месяцы (в Европе – май) с максимально длинным днем. Такая повторяемость опять-таки говорит о прямой или косвенной зависимости этих явлений от сезонного колебания географических условий¹).

Косвенная же зависимость этих колебаний смертности, рождаемости и брачности от колебаний географической среды ясна. Примером ее может служить колебание смертности, брачности и рождаемости в сельскохозяйственных странах в связи с величиной урожая. Последний же, как указано выше, зависит прежде всего от колебаний климата, величины осадков и др. условий географической среды. Как общее правило, в годы сильного неурожая в таких странах брачность падает, падает рождаемость (спустя девять месяцев после наступления недоедания) и возрастает смертность.

Довольно ярко обнаруживается влияние географической среды и ее колебаний и на других сторонах поведения людей и социальных процессов.

Казалось бы, *правовая и моральная* область поведения людей стоит очень далеко от географических условий. И, однако, не трудно указать влияние последней на первую.

Возьмите для примера *статистику преступлений*. Из года в год здесь повторяется одно и то же явление, обнаруживающееся в сезонных колебаниях числа преступлений против имущества и личности. Кривая преступлений против имущества (воровство и др.) ежегодно идет так: в европейских странах краж всего меньше совершается в августе-сентябре, с октября-ноября они повышают-

¹ То же еще рельефнее повторяется в дневно-ночном ритме деятельности человека. Как общее правило, ночью мы спим, днем – бодрствуем.

ся, достигают максимума в декабре-январе и с февраля-марта вновь начинают падать, доходя до минимума в августе-сентябре.

Кривая преступлений против личности (изнасилования, убийства, телесные повреждения) идет иначе. Их всего меньше совершается в декабре-январе, начиная с марта они растут и достигают максимума в июне-июле, с августа вновь начинают падать.

Такая сезонная повторяемость из года в год происходит не без влияния смены времен года.

В летние и осенние месяцы всего легче найти кров и пищу для бедного. Поэтому необходимость красть не столь сильна, как в холодные и голодные месяцы зимы и начала весны. Половые импульсы и страсти всего сильнее пробуждаются весной и летом, с осени они начинают падать.

Этот пример показывает причинную зависимость ряда правовых явлений от явлений географической среды. Правда, такая зависимость, конечно, этим не исчерпывается. Множество правовых и моральных убеждений народа, с одной стороны, и морально-правовых явлений – с другой, носят на себе печать той географической среды, в которой народ живет. В местностях, богатых лесом, пользование ветвями, корой, даже деревьями леса, принадлежащего государству или даже частному лицу, без их разрешения не составляет, с точки зрения убеждений народа, никакого серьезного преступления. В местностях мало- или безлесных мы видим обратное.

Это воззрение отражается даже и в правовых кодексах: в первом случае наказания за такие проступки ничтожны, во втором – несравненно серьезнее. То же может быть сказано в применении к другим естественным богатствам данного места.

Иногда эта зависимость правовых воззрений народа проявляется еще резче. В ряде мест, чрезвычайно скудных по своей географической обстановке, напр. в Тибете, мы находим ряд, с нашей точки зрения, странных правовых институтов, напр. многомужество. Ряд исследователей не без оснований указывают, что такой институт появился и считается нормальным не без косвенного влияния скудной географической среды. Скудность последней не позволяла и не позволяет прокормить большое количество населения. Как один из способов уменьшения рождаемости, бессознательно вызванный к жизни, и явился институт многомужества.

В мою задачу не входит подробная обрисовка зависимости морально-правовых явлений, убеждений и институтов от географической среды. Приведенные примеры эту зависимость иллюстрируют и дают основание утверждать, что она существует.

Не иначе обстоит дело и в области *религиозных представлений и верований*. Они также носят на себе печать географической среды, в которой жил и живет

народ. Это мы видим прежде всего на характере тех божеств, которые почитаются данным народом.

В древнем Египте был обоготворен Нил. Так как роль его в благосостоянии египтян была огромной – он был источником и основной причиной урожаев, от него зависело прямо и косвенно почти все благосостояние Египта, – то обоготворение Нила египтянами становится понятным. В силу того же условия главным божеством жителей холодных плато Центральных Анд является солнце, ибо его теплота и свет здесь особенно необходимы и ценны. В Индии с ее чрезвычайно жарким климатом и с ее частыми засухами особенно важен и благодетелен дождь. Поэтому здесь мы находим культ великого Индры – «подателя дождя». Сходное видим и у других народов.

Влияние географической среды видно не только на характере добрых божеств данного народа, но и на характере его злых богов.

В Египте Сатана олицетворялся тайфуном, ужасным ветром, в Индии Сатана – Vritra – означал «задерживателя дождя», в Норвегии дьяволы означали горы и т. д.

Печать очерчиваемых условий видна, далее, хотя бы на характере представлений о рае и аде разных народов. У народов, живущих на севере и часто страдающих от холода, туманов и недостатка света, рай обычно изображается как место теплое, полное света и солнца, ад же – как место темное, мрачное, полное туманов и холода. В религиях Палестины и Аравии, с их раскаленным климатом представления рая и ада носят скорее противоположный характер. Здесь ад изображается как вечное невыносимо жаркое пекло, «место вечного огня», в котором будут жариться грешники, рай, напротив, представляет подобие чудесного оазиса, где растут прекрасные деревья, полные фруктов, где много тени и пролады, где течет в изобилии вода. У народов, часто страдающих от нападений врагов, рай изображается как место, огражденное неприступными стенами, недоступное для неприятелей и т. д.

Если эти положения верны, то отсюда следует, что с переменой географических условий у народа должны меняться и религиозные представления. Это мы и видим в ряде случаев. У древних арийцев, напр., до их прихода в Индию главным божеством были небеса (Dyaus), а после прихода в Индию, где, как сказано выше, особенно важную роль играл дождь, главным божеством становится Индра – «податель дождя». Конечно, эта смена совершается не мгновенно, а исподволь. Посему весьма часто мы видим в существующих религиозных верованиях целый ряд наслоений разных периодов и разных географических условий, в которых протекала история данного народа. Эти примеры показывают, что даже верования народа весьма сильно зависят от места последнего на земле, от той географической среды, в обстановке которой он жил и живет. Отсюда понятно, что религиозные верования людей, живущих в лесах (напр., представ-

ления о леших, русалках и т. д.), не будут похожи на верования жителей равнины; верования народа, живущего среди туманов, бурь, ураганов, ветров и т. д., – на верования народа – обитателя тихой солнечной долины; верования общества, обитающего среди континентальных гор, – на верования жителей приморского берега.

Сказанное о религии может быть сказано и о *художественном творчестве народа*. И оно обнаруживает печать *географической среды в сотнях явлений*. В первую очередь на предметах и явлениях, служащих темой литературного творчества, – тех бытовых картинах, которые изображаются в песнях, сказках, былинах и поэмах.

Самоед поет о том, что видят его глаза: о снежных равнинах, тундре, оленях, собаках, зверях, рыбах, об охоте, о холоде и т. д. Житель южных стран не поет об этих вещах, а поет о тех, которые его окружают. То же различие выступает и в более сложных художественных произведениях. Географические и бытовые картины, которые рисуются в народных сагах и поэмах народов, живущих в разных географических условиях, совершенно различны.

Возьмите, напр., хотя бы «Тысячу и одну ночь», «Илиаду» и «Одиссею», «Эдду», саги и поэмы северных народов.

Во всех их мы видим ряд общих тем, вытекающих из сходства человеческой природы (любовь, войны и т. д.), но обстановка и быт, целый ряд тем и картин в них резко различны. В каждой из таких поэм доминируют те бытовые и географические картины, среди которых жил и живет соответственный народ. «Тысяча и одна ночь» полна жары, томительного и расслабляющего зноя, оазисов и пустынь, фруктовых садов и яркого солнца. В сагах северных народов доминирующие картины, тона, цвета, краски, флора и фауна, температура и др. – все это существенно иное.

Это сказывается и теперь на произведениях беллетристов разных стран. Доминирующие пейзажи и декорации романов и повестей, драм и поэм писателей Норвегии, Швеции и др. северных стран (Ибсен, Бьернсон, Гамсун и др.) – это пейзажи их родины; они отличны от картин, рисуемых русскими или английскими или южными (напр., испанскими, итальянскими или индусскими, вроде Р. Тагора) беллетристами.

То же может быть сказано и о *живописи разных народов, в особенности пейзажной*. Картины художников разных стран, как общее правило, вольно или невольно отражают ту географическую среду, среди которой они жили и живут. Картины Шишкина или Левитана, Борисова или Нестерова – это картины художников, живших среди русского географического пейзажа. То же наблюдается и в произведениях пейзажных художников других географических районов.

Сказанное применимо и к фауне, фигурирующей в художественных произведениях различных народов и их художественных творцов. Тигр или лев, скор-

пионы или крокодилы и др. животные южных стран весьма редко фигурируют в произведениях северных народов. И наоборот: волк или медведь, тюлень или орж, олень или лиса – в художественных произведениях южных народов.

Из этих примеров видна связь многих сторон художественного творчества отдельных народов и лиц с той географической средой, в обстановке которой они жили и живут.

Влияние географической среды проявляется и на других сторонах поведения, быта и социальной жизни разных лиц и групп.

Обратитесь, напр., к изучению *характера жилищ разных народов*. Самое поверхностное наблюдение обнаруживает здесь эту связь. Народ, живущий в местностях лесистых, имеет жилища, построенные из дерева, которым богата окружающая среда. Жители полярных стран, где отсутствует и лес, и даже удобные камни, свои жилища строят из снега, льда или шкур тех животных, которыми эта местность богата. Народы, живущие среди малолесных местностей, создают свои дома из камня или глины.

Характером материала, зависящего от географической среды, в сильной мере определяется *архитектурный тип жилища*, с одной стороны, с другой – он же обуславливается в значительной мере температурой и другими условиями географической природы. Местности с холодной температурой требуют зданий более прочных, способных лучше удерживать тепло, чем местности южные. Печки, очаг и другие приспособления для нагревания жилища опять-таки будут разными в странах с разной температурой.

Не менее ясна эта зависимость *на одежде разных лиц и народов*. Народы стран приполярных имеют одежду, состоящую из теплых шкур зверей, притом опять-таки тех, которые водятся в этой стране; жители мест с менее холодной температурой имеют частью меховые, частью – не меховые, но теплые одежды. Жители местностей, близких к экватору, имеют легкие одежды, или отсутствие всякой одежды, кроме пояса стыдливости, и то не всегда.

Это влияние географической среды проявляется часто не только на материале, но на типе и цвете одежды. Черный покров костюмов – норма для стран с холодной температурой, белый – для стран жарких. «Фасон» одежды жителей первых приспособлен к максимальному сохранению тепла, «фасон» одежды вторых – к противоположной задаче.

Эта зависимость может быть наблюдаема в одной и той же стране, взятой в различные времена года. Перемена одежды в зависимости от сезона – явление общее. Зимой обычно носят одни одеяния, летом – другие. В смене их в значительной мере обнаруживается то же, что при переходе от стран холодных к странам теплым.

Влияние географической среды проявляется и на множестве других свойств человека и его поведения.

Страны с южной расслабляющей температурой и с богатой природой не благоприятствуют развитию *энергии* человека. Страны с умеренным климатом вызывают результат обратный. В первых коренные жители более ленивы, бездеятельны, вялы и беспечны, во вторых – менее. Это обстоятельство объясняет нам до известной степени существование в истории человечества своего рода «*экваториального течения*». Суть его состоит в том, что *народы и коренные обитатели таких тропических областей обычно завоевывались более энергичными жителями более умеренных по климату стран и управлялись ими*. Так, арийцы завоевали коренных жителей Индии, монголы и Manchus – китайцев, ацтеки – мексиканцев, варвары севера Европы – Грецию и италиков, европейцы – многих азиатов, африканцев, варяги – множество более южных народов и т. д.

Завоеватели, покорив страну, оставались в ней. В течение ряда поколений в силу тех же условий географической среды они, в свою очередь, делались объектом нападения и завоевания своих более энергичных соседей – обитателей более умеренных стран.

Таков своего рода «круговорот явлений», обозначаемый именем «*экваториального течения*». Он, конечно, не представляет правила без исключений, но существует как распространенное эмпирическое явление, наблюдавшееся в истории много раз.

Умеренный климат содействовал и содействует не только большой активности вообще, но и *большой энергии ума и изобретательности*. Этим объясняется тот факт, что цивилизация зародилась в странах с умеренным климатом и отсюда уже распространялась и распространяется к странам с более резкой температурой.

Шире говоря, географические условия в сильной мере обуславливают вообще быстроту и степень умственного развития или, точнее, *темп скорости смены одних обычаев другими, одних нравов, воззрений, вкусов, манер, убеждений и всего уклада жизни – иными*. Напр., горные народы, как общее правило, гораздо более консервативны, чем народы равнин или особенно народы морского побережья, служащего местом, посещаемым и проходимым многими другими группами.

Горы мешают живому и интенсивному посещению их жителей множеством других лиц и народов. Они препятствуют интенсивным сношениям их жителей с другими жителями. Благодаря этому весь уклад жизни горных народов более прочен и неподвижен, чем народов равнин или морского побережья. Среди первых царствует «обычай», а не «мода». Раз установившийся строй жизни и обычаев здесь сохраняется веками. Это мы видим и среди горных племен Кавказа, и Карпат, и Корсики, и среди басков в Пиренеях, и среди тибетцев и других горных народов.

Сказывается влияние географической среды и на других чертах поведения. Возьмите хотя бы *походку* жителей горных мест (напр. Швейцарии) и мест долинных. Недаром жители горной Швейцарии говорят, что они по одной походке сразу отличают, местный ли житель данный человек или приезжий. Постоянная жизнь среди гор с малых лет приучает горца к походке, приспособленной к постоянным подъемам и спускам, так же, как постоянное и длительное пребывание на морском судне накладывает особый отпечаток на походку и движения настоящих моряков. Походка, движения и манеры жителя открытой равнины не похожи на горца; житель лесов отличается от того и другого, житель пустыни – от всех трех и т. д.

Наконец, географическая среда дает себя знать и в области политически-правительственной организации населения. Поясню свою мысль на следующем примере. Группа, осевшая среди плодородной равнины, не защищена от нападений других групп естественными условиями. Она открыта для последних. Удержать свою землю, на которую претендует целый ряд других групп, и быть в состоянии безопасности она может лишь путем сплоченности и хорошей военной организации. То и другое становится для такой группы жизненной необходимостью. Отсюда – неизбежность появления среди таких групп сильной военной власти, тем самым – сильного правительства и политической централизации. Появление их облегчалось и тем, что природа здесь не ставит препятствий для сношения одних жителей долины с другими. Благодаря сношениям они быстрее сближаются, перенимают друг от друга обычаи и нравы, различия между ними уменьшаются, и в итоге на протяжении ряда поколений из разных групп, населяющих такую долину, может образоваться некое более или менее социально однородное население. Эта однородность, облегчаемая возможностью завоевания непокорных частей, в свою очередь облегчает задачу политического объединения жителей таких равнин в одно целое и усиливает возможности появления сильного централизованного правительства. Так именно и происходило, напр., образование, расширение и сплочение России.

В горных областях картина другая. Здесь одни части населения отделены от других. Горы, ущелья и пропасти помогают их изоляции, мешают интенсивности их сношений и тем самым объединению населения обширных горных местностей. Вместе с тем сама горная природа представляет естественную защиту от нападений других групп, делающую не столь необходимой организацию сильного и централизованного правительства и военной централизованной силы. Рядом с этим противники этой власти и разного рода преступники и непослушные в горных условиях легко находят убежище и безопасность. Все это вместе взятое мешает политической централизации обширного и разнородного населения горных областей. Поэтому-то мы весьма редко и встречаем обширные государства среди горных народов с сильной центральной властью.

Горы – и в Корсике, и в Албании, и в Македонии, и на Кавказе, и в гористой Шотландии, и на Карпатах и т. д. – мешают слиянию и централизации; они в этом смысле раздробляют народы и децентрализуют их. К этим результатам сплочения или раздробления географические условия могут вести, конечно, и иными путями.

Не случайно обширные централизованные государства впервые появились на берегах Нила, Тигра и Евфрата. В силу характера географической среды население этих стран могло просуществовать лишь при устройстве обширных ирригационных каналов и всякого рода огромных приспособлений, которые делали бы возможным искусственное орошение полей, предохраняли бы прибрежную полосу от наводнений и т. п.

Географическая среда повелительно диктовала необходимость устройства таких приспособлений. Устройство их – при их грандиозности – было возможно только при условии объединения и политической организации населения. Это последнее делало необходимым появление неограниченно-деспотической и централизованной власти. Отсюда – обширные деспотические монархии Египта, Ассирии и Вавилонии.

Связь характера природы с политической организацией проявляется и в ряде других явлений.

Мы рассмотрели самые разные стороны поведения людей, их психологию, разнообразные области социального уклада и общественной организации и везде видели влияние географической среды, среди которой жил и живет как отдельный человек, так и целая группа.

Отсюда понятным становится, почему *люди и народы, жившие и живущие среди одинаковых природных условий, при всех различиях, вызванных различием расовых свойств и социальной среды, тем не менее должны иметь и имеют целый ряд сходств*. С этой точки зрения совершенно понятной становится попытка ряда ученых классифицировать разные народы на разные группы в зависимости от сходства географической среды, их окружающей. Они делят все население земли на *народы степей, народы пустынь, народы горные, народы плодородных равнин, народы приморские и т. д.*

И действительно, разные народы, живущие в однообразных природных условиях, обнаруживают множество сходств.

И древние скифы, и современные киргизы, и жители азиатских степей, и степные скотоводы Аргентины или Австралии, и другие обитатели степей во многом подобны друг другу. Их главная хозяйственная деятельность – скотоводство и пастушество. Образ жизни – в большей или меньшей степени –

кочевой. Жилища легкие и подвижные. Пища – молоко и мясо. Торговля имеет караванный тип. Довольно часты столкновения, грабежи и захваты.

Совершенно отличны от них по укладу *народы горные*, но зато огромное большинство последних во многом сходно друг с другом. Местами обитания для них обычно служат плоскогорья. Занятие – пастушество и земледелие на горных площадках. Жизнь сурова, поэтому остра борьба за существование. Благодаря скудости природы группа, размножаясь, не может прокормиться. Отсюда – явление эмиграции или разные меры уменьшения рождаемости и плодовитости. Горы – отличные места для скрывания преступников, контрабандистов, революционеров, гонимых и преследуемых и вообще – независимого населения. Отсюда – независимость многих горцев, их смелые набеги на другие народы, процветание здесь убийств, грабежа, разбоев и контрабанды.

Новшества с трудом проникают в горы. Отсюда – консерватизм горных народов. Сходны горцы во многом друг с другом: в характере, темпераменте, движениях, манерах, в одежде и в жилищах.

Несмотря на громадность пространства, отделяющего горцев Кавказа, Корсики, Пиренеев, Карпат, они во многом гораздо более схожи друг с другом, чем с соседними жителями равнин.

То же может быть сказано о народах *приморских, народах плодородных равнин, жителей пустынь или обитателях тундр и т. д.*

Из всего сказанного становится ясным и несомненным влияние географической среды на поведение людей, на социальный уклад и жизнь разных народов.

3

Предыдущее показывает, что при одних и тех наследственных свойствах человека или народа поведение их будет существенно разным в разных географических условиях. Различие последних заставляет в разных формах проявлять наследственные свойства, может благоприятствовать развитию одних из них и тормозить другие. Рядом с этим под их влиянием образуются и формируются многие приобретенные акты и формы поведения.

Как один и тот же расплавленный металл, налитый в разные формы, дает разные предметы, так один и тот же человек или группа людей, поставленные в разные географические условия, неизбежно во многом будут различаться. Характер природной обстановки во многом будет «формировать» их по своему образу и подобию. Он – рядом с наследственными свойствами – представляет второй основной элемент, определяющий собой поведение людей и характер социальной организации.

Не учитывая его роли, нельзя понять ни первое, ни второе...

Но, вполне признавая значение этого фактора, вместе с тем не следует думать, как делают некоторые лица, что все дело в нем, что исключительно им объясняются судьбы личности и судьбы народа.

Такое положение было бы большой ошибкой. Его ошибочность следует уже из того, что было сказано о факторе наследственности и что будет сказано – в следующих лекциях – о значении фактора социальной среды.

Эта ошибочность следует и из того, что при разных наследственных свойствах и в особенности при разной социальной среде может быть в известной мере изменена сама географическая среда – раз – и иначе использована и приспособлена к нуждам человека – два. Посадите в одни и те же природные условия дикарей и культурных народов, и вы будете иметь два разных общества, несмотря на все сходство условий.

Далее, относительность влияния географических условий проявляется и в том, что как отдельные лица, так и целые народы, живущие в одних и тех же или сходных географических условиях, далеко не во всем сходны между собою. Один и тот же народ, живущий в одной и той же природной среде, с течением времени не остается одним и тем же, а неизменно меняется.

Природа Италии или России, Чехии или Подкарпатской Руси на протяжении веков изменялась очень медленно и изменилась мало. Между тем какие громадные изменения в жизни, в укладе, в обычаях, нравах, в верованиях и умственном уровне жителей этих стран произошли за эти века! Население и старой Италии, и Чехии, России и Подкарпатской Руси сегодняшнего дня не похоже на то, что там было десять лет назад, а тем более – сто лет тому назад.

Раз географическая среда осталась в основных чертах той же, что и столетия назад, очевидно, эти изменения не могут быть объяснены ее влиянием, очевидно, приходится допустить влияние других факторов, независимых и отличных от фактора первого.

Это значит, что *географическая среда – только один из факторов, а не единственный и не всеопределяющий.*

Как полное отрицание его значения или недооценка представляет ошибку, так ошибкой является и переоценка его роли.

Человек всегда зависел, зависит и будет зависеть от этого фактора. Но формы и степень зависимости могут быть разными.

Чем более положительны наследственные свойства человека и чем более совершенна общественная среда, т. е. чем больше подлинных знаний, инициативы, энергии, трудоспособности и социабельности она развивает в людях, тем эти формы приспособления к географической среде будут более совершенными и целесообразными, тем больше возможностей человек имеет приспособляться к ней путем ее изменения и приспособления к своим целям и нуждам, тем,

следовательно, степень зависимости и рабства перед природой будет менее непосредственной и менее прямой. Иными словами, тем более свободным будет чувствовать себя человек от влияния географических условий, тем больше шансов он получает на название «повелителя природы».

Дикарь, не умеющий подняться и летать в воздухе, не умеющий заставить работать на свою пользу пар и электричество, водопады и ветер, не способный извлекать нужные ему блага из лежащих вокруг него богатых запасов природы, зависящий от любой бури и перемены температуры, находится в полной зависимости от природы.

В зависимости от нее находится и современный человек, реющий в воздухе, прорывающий туннели в горах или возводящий горы в долинах, подчинивший пар и электричество и другие силы природы. Все это он делает не вопреки, а согласно законам той же природы.

Но какая разница в той и другой зависимости! Зависимость дикаря мы называем рабством перед природой, зависимость культурного человека – свободой!

Для того, чтобы зависимость последнего типа росла за счет зависимости первого типа, нужны, как указано выше, надлежащие наследственные свойства и надлежащая социальная среда. Чем лучше будут эти условия, тем скорее и сильнее формы и степени зависимости от географических условий могут быть изменены в сторону, желательную для человека и целого народа.

Лекция третья

Социальная роль семьи

1

В первых двух лекциях мы рассмотрели роль двух основных факторов – наследственности и географической среды, определяющих собой поведение людей и социальную жизнь народов.

Перейдем теперь к характеристике влияния третьего фактора – социальной среды, в которой рождается и живет человек. *Под ней*, как указано было в предыдущей лекции, *следует разуметь мир сочеловеков, всю материальную и духовную культуру, созданную деятельностью всех мертвых и живых поколений*. Там же в основных чертах было охарактеризовано громадное детерминирующее значение этого фактора.

Легко видеть, что в конкретных своих проявлениях социальная среда представляет явление чрезвычайно сложное. Она составляется из бесчисленного количества разнородных предметов, процессов и явлений. В этих беседах для нас нет возможности заняться ее анализом и расчленением, как нет возможности и отдельно изучить роль всех ее составных элементов. Это потребовало бы много времени и места, которых мы не имеем.

Вместо этого мы поступим иначе.

Мы выделим важнейшие группы и институты, из которых составляется эта среда, и рассмотрим их значение в интересующем нас отношении. Познакомившись с их ролью, мы тем самым получим довольно отчетливое представление о значении социальной среды вообще в деле определения поведения людей и процессов социальной жизни.

Каковы же эти важнейшие группы или институты социальной среды, всего сильнее «формирующие» человека-сообщественника, определяющие его поведение и через это – ход социальных процессов и исторические судьбы народа?

Их много. Хотя у американцев на этот счет существует поговорка, говорящая, что «*семья, школа и церковь*» – таковы суть важнейшие социальные институты, воспитывающие и преобразующие человека, однако этими тремя институтами дело не ограничивается. Помимо их огромное значение в деле воспитания и формирования человека имеют многие другие социальные учреждения и груп-

пы. Таковы: *государство, в котором жил и живет человек, профессиональная группа, в среде которой он родился и к которой принадлежит, национальность и партия, в которую он входит, тот имущественный слой и слой социального ранга, в котором он оказывается, наконец, те многочисленные – научные, художественные, экономические, правовые, спортсменские и др. – кружки, ассоциации и союзы, членом которых данный человек является.*

Каждая из таких групп – хотя и не в одинаковой мере – оказывает влияние на поведение человека. Каждая из них принимает участие в «шлифовке» и «отделке» человека. Каждая из них участвует в процессе превращения человека из биологической особи в плохого или хорошего гражданина и общественника, в ту социальную личность, какой он является в действительной жизни. Любая из этих групп представляет своего рода «школу», проходимую индивидом в течение его жизни. И подчас влияние профессиональной или партийной группы на поведение людей оказывается куда более значительным, чем влияние «школы» в узком смысле этого слова.

Вот почему при попытке понять характер и поведение человека мало учитывать роль факторов наследственности и географической среды, семьи, школы и церкви, нужно учесть еще влияние этих других социальных институтов, накладывающих сильнейшую печать на физический и духовный облик человека.

Теперь для вас должен быть ясным общий процесс формирования социальной личности и основные факторы последнего. Первым определяющим условием в этом деле являются наследственные свойства человека. Они, так сказать, образуют общий основной фундамент и материал, из которого будет лепиться конкретный облик социальной личности.

Каков будет этот конкретный облик – это решается географической и социальной средой, в которой человек оказывается. Они, как мы видели, определяют конкретные формы проявления наследственных свойств, с одной стороны, с другой – «фасон» социального костюма приобретенных свойств и форм поведения. В итоге такой переработки в этих «мастерских» природы и общества и получается тот конкретный человек со всеми его положительными и отрицательными чертами, каким каждый из нас является на деле.

Роль и значение факторов наследственности и географической среды мы рассмотрели выше.

Теперь перейдем к рассмотрению влияния отдельных, указанных сейчас институтов социальной среды. Недостаток времени не позволяет нам рассмотреть отдельно все указанные институты и группы, принимающие участие в формировании, в «отделке» и «переделке» индивида. Мы отдельно рассмотрим лишь роль *семьи, школы, церкви, государства и профессиональной группы*. Другие перечисленные социальные группы мы оставим без специального анализа.

Лишь в заключительной лекции мы подведем общий итог всем этим группам при суммарной характеристике детерминирующей роли структуры общества.

Начнем изучение влияния социальной среды с *института семьи*.

2

Под семьей (применительно к современному населению) следует разумеать легальный, часто пожизненный союз супругов, с одной стороны, союз родителей и детей – с другой.

В ряду других институтов социальной среды семья занимает наиболее важное место в деле определения поведения человека и исторических судеб народа. Для многих это звучит странно. И тем не менее это так. Во всяком случае значение семьи в этом отношении ничуть не менее, а скорее даже более важно, чем значение школы, церкви и государства, порознь взятых. Почему?

Потому что *институт семьи представляет ту первую группу, куда сразу по рождению попадает родившийся индивид*. Семья – это первая «мастерская», куда он поступает для «переделки». Она – первый скульптор, который начинает лепить из родившейся особи человеческую личность. Это она намечает первые и основные контуры будущего человека. Она наносит первые и на всю жизнь неизгладимые черты будущего гражданина. Эти черты неизгладимы потому, что они первые; они наносятся тогда, когда душа и тело человека еще чисты от всех воздействий среды. Изгладить «письмена», вписываемые семьей в чистую книгу – родившегося человека, трудно, почти невозможно. Они будут давать себя знать в течение всей жизни человека, хотя бы сам он и не сознавал этого.

Сказанное имеет тем большее значение, что человек находится почти в исключительной среде семьи не день и не два, а первые три-пять лет своей жизни. Да и последующие годы он продолжает быть под непосредственным влиянием семейной группы. Пожизненность и неизгладимость первых черт, наносимых семьей ребенку, следуют прямо из того, что нашим родным языком становится тот, который является языком семьи, наша религия определяется, как общее правило, ею же, наши вкусы, материально-правовые понятия и убеждения делаются такими, какими их прививает семья; то же может быть сказано о нашей одежде, манерах, часто вплоть до нашей профессии и социального положения: сын крестьянина в большинстве случаев и до сих пор делается крестьянином, сын торговца – торговцем, сын родителей интеллигентных профессий – человеком той же профессии и т. д. Даже тогда, когда для ребенка выбирается профессия, отличная от профессии родителей, она опять-таки выбирается и намечается семьей.

Отсюда понятно все огромное значение социальной и формирующей роли семьи. *Она именно является первым – и решающим – воспитателем, учителем*

и школой. От устройства этой первой «мастерской переделки человека» зависит в сильной мере, какие люди будут выходить из нее. Если эта «мастерская» будет организована хорошо, то хорошим будет и тот «человеческий товар», который из нее будет поступать на «жизненный рынок». Если, напротив, она будет организована плохо, если первые жизненные впечатления, даваемые ею вновь появившемуся на свет существу, будут состоять в уроках ссор, брани, злобы, невежества, взаимной грызни, лени, преступности и т. д., преподносимых поведением членов семьи, то такая мастерская, как общее травило, будет выпускать на жизненное поприще человеческий материал довольно плохого качества.

От семьи в первую очередь зависит, найдут ли полную возможность развития положительные наследственные свойства личности, будут ли заторможены и «канализированы» ее отрицательные наследственные склонности, надлежащего ли качества приобретенные свойства и формы поведения будут привиты к индивиду, получит ли он достаточное количество опыта и знаний, полезных навыков и привычек, необходимых каждому дня успешного «жизненного бега», наконец, семья же в сильной степени определяет будущий род деятельности человека.

Из сказанного ясно, почему влияние семьи на характер, поведение и судьбу личности ничуть не меньше, а скорее больше влияния других социальных институтов. Не они, а семья определяет первые контуры человека. Школа, церковь, государство и другие институты социальной среды получают его в свое ведение лишь тогда, когда семья в значительной мере уже переделала человека по своему образу и подобию, когда она уже нанесла ему ряд решающих и пожизненных черт, когда она уже вылепила основные формы будущего человека. Влияние семьи – первичное, влияние других институтов – вторичное.

Поэтому *каждый из нас в сильной мере таков, каковым нас сделала семья.* Ей принадлежит заслуга во многих наших достоинствах, ее же виной являются и наши недостатки.

Но этого мало. *От характера семейного института в сильной степени зависит не только поведение, качество и жизненная судьба отдельной личности, но и социальный уклад, характер общественной жизни и историческая судьба целого общества.*

Уже довольно давно была сформулирована великим социологом Ле Пле теорема, гласящая: «Человеческие общества имеют такую организацию, такой уклад частной и публичной жизни, какие соответствуют характеру их семейной организации».

История любого народа создается руками и поступками людей. Результатом деятельности последних является также характер их социального устройства и общественной жизни. Поведение же людей, как сейчас мы видели, формируется в сильной мере под влиянием семейной среды. Отсюда понятно влияние последней на социальную жизнь и историю народа.

Эта связь семейной организации со всей социальной жизнью и историческими судьбами народа видна из нижеследующего.

Присматриваясь к существующим типам семьи у разных народов, мы видим, что семья как «мастерская воспитания личности» организована разное у разных обществ.

С этой точки зрения можно выделить *три основных типа семьи*.

1. *Семья патриархально-общинная*. Весь ее строй и вся организация воспитания в ней молодых поколений построена так, что она подготавливает их для жизни в общине или в коммуне под авторитетом главы семейства. С первых дней жизни молодые поколения приучаются к совокупно-стадной жизни, к полному подчинению и зависимости от общины или рода, к тому, чтобы в будущей жизни в качестве взрослых полагаться не на себя, а на общину, или семью, или род. Здесь индивидуальность подавляется, личной инициативе не дается никакого простора, жизнь индивидов оказывается регламентированной заранее до деталей. Молодые поколения приучаются жить так, «как жили деды и прадеды», «по старинке», «по тому, что было испокон веков». Заслуги личности делаются заслугой всей семейной группы, за проступки личности отвечает также последняя («коллективная ответственность»). Из лоно такой семьи выходят индивиды без воли, без инициативы, без знаний, рабы традиции, архиконсервативные, лишенные самостоятельности, целиком полагающиеся не на себя, а на семью, род или общину. Народы, имеющие такой тип семьи, являются вялыми, ленивыми и отсталыми кочевыми народами Азии и Востока Европы.

Сообразно с такой организацией семьи вся социальная жизнь и устройство таких народов проникнуты теми же чертами.

Индивидуальность подавлена. В общественной жизни царит консерватизм. Она вся пронизана вялостью, безличностью, стадностью. Свободы личности нет. Власть носит деспотический и абсолютный характер. В культурном отношении эти народы являются народами отсталыми. При столкновении с обществами, имеющими иной – индивидуалистический – тип семьи, они обычно побеждаются.

2. Вторым основным типом семьи является семья *неустойчивая*. Основная черта ее состоит в том, что она приучает молодые поколения в своей будущей жизни полагаться не на семейный род или общину и не на себя самого, а на государство. Все воспитание и обучение такой семьи и народов, имеющих этот тип семьи, направлено на то, чтобы приготовить из молодого поколения будущих чиновников государства, которые займут одни из многочисленных мест, которыми располагает государство. Здесь молодые поколения воспитываются без уважения к авторитету и в то же время без приучения к самостоятельности. Она, в отличие от первого типа семьи, не делает их консервативными, не приучает к повиновению, но в то же время она не приучает их к личной ответственности за свой страх и риск.

В силу этого из лона такой семьи выходят индивиды неустойчивые, неосновательные, «чиновники» в настоящем значении этого слова. К тому же ведет и характер обучения таких лиц. Начиная с семьи, их учат не тому, что индивиду действительно нужно будет в его реальной жизни, а тому, что требуется однообразными государственными программами, рассчитанными на всех и ни на кого. Задача обучения здесь состоит не столько в том, чтобы снабдить индивида опытом и знаниями, необходимыми ему для успешной жизненной борьбы, сколько в том, чтобы «сдать экзамен» и «получить диплом». В этом основная цель. Сообразно с этим детей учат по одной и той же программе в семье, они проходят одну и ту же программу в низшей, средней и высшей школе, сдают «экзамен», поступают на место чиновника... и забывают четыре пятых выученного через несколько месяцев. Забывают потому, что четыре пятых сданных по экзамену предметов оказывается ненужным и непригодным для их задач и функций. Мудрено ли поэтому, что масса лиц, кончивших даже высшие учебные заведения, по существу выходят «высокообразованными невеждами». Такое «экзаменационное просвещение» представляет по существу псевдопросвещение, усвоение знаний ради экзамена, т. е. псевдознания.

В итоге из лона семьи такого типа выходят формалисты, бюрократы, люди «формы» и «поверхностного псевдоопыта», с одной стороны, с другой – люди с неустойчивыми взглядами, не приученные ни к повиновению, ни к самостоятельному ответственному поведению.

Общество, состоящее из таких людей, представляет, во-первых, общество бюрократическое, с развитым и централизованным аппаратом государственной власти. Управляет политикой здесь не само общество, не общественное мнение, а государственно-чиновничий персонал. Самоуправление в строгом смысле слова в таких обществах носит весьма ограниченный характер.

Во-вторых, общественный строй и социальный уклад народов с таким типом семьи неустойчив. Они подвержены политическим страстям. То они бросаются в крайний радикализм и революционность, то в обратную крайность. Поэтому различного рода перевороты в таком обществе не очень редки.

Такой тип семьи имеет большинство европейских стран (Франция, Германия и др.), кроме стран англо-саксонских и скандинавских.

3. *Третьим типом семьи является семья индивидуалистического типа.* Она приучает молодые поколения полагаться не на других, не на общину и не на государство, а только на самих себя, на свои знания, энергию и волю. Индивидуальной инициативе здесь дается полный простор. На первом плане – личность. Она организатор и творец всех общественных организаций, хозяин частной и публичной жизни. Здесь каждый человек при устройстве своей личной жизни рассчитывает не на семейно-родовую общину, давно развалившуюся, не на общину государственную, располагающую в таких странах благодаря слабой

централизации небольшим числом мест, а лишь на самого себя и свою предприимчивость.

В частности: 1) Родители здесь не смотрят на детей как на собственность и стараются возможно раньше приучить их к самостоятельной жизни, отделить от себя и предоставить им независимость. 2) С детьми здесь обращаются как со взрослыми: с ранних лет признают за ними все права, но в то же время требуют от них исполнения обязанностей. 3) При воспитании дети готовятся жить не той жизнью, которой жили родители, а той, которой предстоит жить детям. 4) С ранних лет обращается внимание на развитие физических сил и физического труда молодого поколения. 5) Детей с малых лет ставят в соприкосновение с действительностью и с малых лет приучают их к мысли, что они должны жить и существовать, полагаясь на самих себя. 6) Учат детей прежде всего тем знаниям, которые им действительно понадобятся в их жизни, а не тем, которые предписаны однообразными государственными программами. Сообразно с этим дело воспитания и обучения здесь не монополизировано в руках государства, а находится в значительной степени в руках самого общества. Здесь масса частных школ – низших, средних и высших, масса частных воспитательных, просветительных и научных союзов, частных обществ и ассоциаций. 7) Отцы и дети здесь соперничают в знании хорошо проверенных фактов (отсюда «характер англо-американских газет, столь же похожих на европейские, как день на ночь. В них нет ни длинных рассуждений, ни переливания из пустого в порожнее, а только факты, факты и факты»).

Из лона такой семьи выходят энергичные, инициативные, неутомимые и творческие личности.

Народ, имеющий такую организацию семьи, – народ непобедимый, завоеватель и победитель других народов.

У него личность в общественной жизни торжествует над бюрократическим государством. Такой народ не управляется сверху последним, а самоуправляется. Свобода и права человека здесь наиболее широки и наиболее прочны. Индивиды менее склонны нарушать чужие права, но не позволяют нарушать и свои. Государство в жизни такого народа играет второстепенную роль: не оно повелевает обществом, а наоборот – исполняет волю последнего. Централизация здесь менее развита, чем у народов с семьей другого типа. Бюрократизм также носит менее развитые формы. Власть всего более демократична по существу.

Народами, имеющими такой тип семьи, являются народы скандинавские и особенно народы англосаксонские (Англия и Америка). В такой организации семьи – одна из причин и роста, силы и благоустроенности. «Если превосходство англосаксов над другими народами не провозглашается открыто, – пишет Демолен, сам француз, – то во всяком случае оно несомненно чувствуется всеми. На всем земном шаре мы не можем сделать шага, чтобы не встретиться с англи-

чанином. Мы везде видим гордо развивающийся английский флаг. Англосаксы выжили нас (французов) из Северной Америки, из Индии и Египта. Из Канады и Соединенных Штатов Америки они повелевают всей Америкой, из Египта и Капа распоряжаются Африкой, из Индии диктуют свою волю Азии, из Австралии господствуют над Океанией, наконец, вершат дела Европы и всего мира. Достаточно небольшой группе их поселиться на какой-либо точке земного шара, как здесь сейчас же начинает бить родник новой жизни. Со сказочной быстротой изменяя внешний облик страны, англосаксы формируют новые общества, столь превосходящие нас совершенством своего устройства, что они имеют право прилагать к нам полупрезрительную кличку “старого света”».

Далее, Демолен правильно указывает как один из источников такого превосходства индивидуалистический тип англосаксонской семьи.

«Итак, судите, сравнивайте, выбирайте, что нам делать, – заканчивает он. – Я сделал попытку показать вам те скрытые пружины, которые двигают народ наиболее сильный и грозный для старых и стареющих народов. Он совершает нашествие на весь мир, и он представляет своего рода чудо, так как завоеватель не располагает ни большой армией, ни сильной государственной властью. Он приходит не как германец с огромными армиями, а один с мирною сохой. Его презирают, потому что не знают, что такое соха и что значит этот человек».

Слова эти были написаны почти 30 лет тому назад. Однако они кажутся написанными сегодня. Ибо последние годы особенно ясно подтвердили их правильность: сейчас особенно ясна гегемония англосаксов над всем миром.

Те же черты семейного воспитания и формирования человека мы находим и в англосаксонской Америке. Основная черта американцев, по мнению ряда наблюдателей, в том числе и проф. Мюнстерберга, заключается «в потребности самоопределения» и в сильной индивидуальной воле. «Исходным пунктом и конечным выводом самоопределения служит правило: не ожидай, чтобы другие о тебе заботились, тебя опекали и преследовали твои интересы, полагайся на твое собственное суждение и собственные силы; ты можешь все сделать не хуже других, если постараться, и нет такой цели, которая для тебя была бы слишком высока. Этим духом проникнут всякий американец. С раннего детства это направление ему внушалось. Результатом этого является такое развитие духа инициативы, какого нет ни у одного из народов, и вместе с тем – оптимизм, вера в свои силы. Робость – этого слова нет в лексиконе американца. Все должно развиваться собственными своими силами. В каждом деревенском и городском мальчишке имеется гордое сознание, что только от него зависит, сделается ли он президентом Северо-Американских Штатов или нет. Американец рано приучает детей думать об экономической независимости: даже сыновья состоятельного человека должны начинать с маленького содержания и собственными силами добиваться большего».

Таков тип индивидуалистической семьи и ее результаты в общественной жизни и в судьбах народа.

Из сказанного, полагаю, становится ясным: 1. Огромное значение семьи в деле формирования личности. 2. Значительное влияние ее на общественный строй и исторические судьбы народа.

Отсюда дальнейший общепедагогический и социально-политический вывод: *для того, чтобы человек был «настоящим» человеком, а народ имел хорошую общественную организацию, экономическое процветание, свободу, духовное развитие и силу, мало хороших наследственных свойств, мало благоприятных условий, нужно еще, чтобы семейный институт народа был хорошо организован и воспитывал бы «настоящих» людей. Эту задачу для многих народов наилучше достигает строй семьи, соответствующий индивидуалистическому типу.*

При реформе общества слишком большое внимание обращают на «формы правления» или «программы политических партий» и слишком малое на семью.

Из сказанного следует, что всякая социальная реформа, игнорирующая строй семьи, будет не очень прочной и продуктивной. Она скорее даст бумажные результаты и перемену формы, а не существо дела. Это должен помнить всякий педагог и всякий политик.

3

В предыдущем я охарактеризовал общее значение семьи как воспитательного института.

Этим, конечно, социальная роль семьи не исчерпывается. Она выполняла и выполняет еще ряд других социальных функций.

В продолжение многих веков семья была и продолжает быть основным институтом или, грубо говоря, фабрикой производства людей. Конечно, люди производятся и вне семьи, благодаря нелегальным половым связям, дающим в итоге так называемых «внебрачных детей». Но процент их по сравнению с детьми, произведенными в легальных половых связях, был ничтожным. Нет надобности говорить о всей важности этой социальной функции семьи, а в связи с ней и института брака. Здесь, в семье, благодаря характеру браков, их времени и формам, свойствам супругов, вступающих в брак, определяются не только приобретенные свойства молодых поколений, но и их свойства наследственные. Ибо последние зависят от качеств вступающих в брак супругов. Именно семья является той лабораторией, где определяется и решается не только количество производимых индивидов, но и их качество, и притом не только качество приобретенных свойств и форм поведения, но и качество наследственных склонностей и импульсов.

Рядом с этими функциями семья выполняла и выполняет еще кое-какие *экономические функции*. В прошлом, особенно в эпоху натурального хозяйства, семья была своего рода самодовлеющим экономическим центром, где своими силами старались производить все необходимое для существования семьи. Она была одним из основных «экономических фокусов», имевших свое хозяйство, свой план и свои многочисленные экономические функции.

Учет этих троякого рода функций семьи: 1) *воспитательно-педагогической*; 2) *социально-физиологической, состоящей в производстве людей*; 3) *и экономической* – делает еще более важным значение семейного института.

Вот почему плохое или хорошее устройство этой великой «лаборатории» неизбежно отражается на поведении людей и всей социальной жизни общества. Если семья не устроена надлежаще, по крайней мере, в двух первых отношениях, то едва ли возможно вполне здоровое и процветающее общество.

Всякий дефект семьи в этих отношениях в тысячах форм дает себя знать в общественной жизни. Всякое положительное свойство вызовет ряд положительных явлений в области последней. Наконец, всякое *серьезное изменение семьи как союза супругов, союза родителей и детей, как воспитательной лаборатории и, наконец, «фабрики производства людей» не может не вызвать ряда важнейших изменений во всей общественной структуре и жизни соответственной социальной группы*.

В силу огромной важности семейного института он не может изменяться очень быстро. Если бы революции в области организации семьи происходили так же часто, как часто происходят они в области политической, в области смены монархии республикой или наоборот, то можно наверняка сказать, что в этом случае социальный порядок и устойчивая общественная жизнь были бы невозможны. Каждое потрясение семейного института как фундамента общественного здания неизбежно вызывало бы огромное потрясение всего социального здания. «Крыши», каковыми являются, напр., формы правления, можно ремонтировать и сменять без огромной опасности довольно часто. Такая смена отразится не так сильно на низших этажах. «Фундамент», каковым является семья, радикально менять куда опаснее: каждое его сотрясение отзовется и отзывается весьма живо на всех этажах социального дома.

Отсюда понятно, почему институт семьи является одним из самых устойчивых общественных институтов. Он меняется и может меняться гораздо медленнее, чем формы правления государства, строй школы, характер церкви и т. д.

Масса глубоких революций, опрокидывавших вверх дном целый ряд общественных институтов, весьма мало задевали институт семьи. Как утес среди бурь и волнующегося океана, она выдерживала натиск революций и оставалась мало измененной.

Но из сказанного следует и обратный вывод. Раз семья – фундаментальный социальный институт, то серьезное изменение в ней означает начало глубочайших изменений во всех этажах социального здания. «Семейный ледоход» бывает редко. Но раз он начался, он вызывает огромный ледоход во всех областях общественной жизни.

Таково заключение, к которому приводит изучение социальных функций семьи.

4

Я начал говорить об этом потому, что желаю обратить ваше внимание на в высшей степени важное явление последних десятилетий, имеющее место среди современных культурных народов. Это явление можно назвать *кризисом современной семьи*. Целый ряд симптомов говорит о том, что в современной семье происходят серьезные сдвиги, что этот «фундамент» общества начинает испытывать серьезнейшие изменения, что мы стоим перед началом или, вернее, среди начинающегося семейного «ледохода».

Если это так, то на основании вышесказанного нетрудно понять всю чреватость последствий этого кризиса семьи. Он означает наступление явлений и переворотов куда более важных, чем результаты политических или религиозных революций.

Каковы же эти симптомы кризиса современной семьи? В чем он выражается? И о чем он говорит?

Таких симптомов много, и в совокупности они внушают большую тревогу.

Во-первых, ряд симптомов говорит о *кризисе семьи как союза супругов*. Он состоит в том, что этот союз становится, по-видимому, менее и менее прочным. Связь супружеская, бывшая раньше пожизненной, «вечной» («что Бог соединил, того человек да не разлучает»⁹), теперь начинает чаще и чаще обрываться.

Мало того. Эти разрывы растут тем быстрее, чем сильнее и скорее индустриализируется и урбанизируется страна.

Об этом с бесспорностью говорит статистика разводов и разлучений от стола и ложа. Рост разводов означает именно ослабление этой связи. Так, напр., в С. А. Штатах число разводов на 100 000 жителей в 1867 г. было 27, в 1906 г. – уже 86.

В Бельгии с 1870 г. по 1905–1909 гг. число разводов по отношению к числу браков увеличилось в 8 раз.

Обозначая коэффициент разводов и разлучений стола и ложа первого из сравниваемых периодов цифрой 100, мы для второго сравниваемого периода получаем нижеследующие коэффициенты, указывающие этот рост разводов.

В Италии в период с 1875 по 1899 г. разлучения повысились со 100 до 176, в Австрии с 1882–1885 г. по 1896–1900 г. разводы поднялись со 100 до 182, разлучения – со 100 до 167.

В Румынии	с 1875 по 1900 г.	со 100 до 335,
во Франции	с 1885 по 1900 г.	разводы со 100 до 193,
в Бельгии	с 1875 по 1899 г.	” со 100 до 561,
в Германии	с 1885 по 1900 г.	” со 100 до 158,
в Норвегии	с 1875 по 1893 г.	” со 100 до 567,
в России	с ” по 1891 г.	” со 100 до 127,
в Англии	с ” ” ” ” ”	” со 100 до 204 и т. д.

Словом, этот рост разводов мы видим во всех культурных странах, кроме Японии. Чем ближе к нашему времени, тем он идет быстрее. Причем особенно быстро растет в городах и в странах урбанизированных. За годы войны и послевоенные этот рост продолжался с ускоренной силой. Так, напр., в Соединенных Штатах Северной Америки в 1916 г. на каждые 9 заключаемых в том же году браков приходился один развод.

В России благодаря исключительным условиям революции рост разводов достиг неслыханной величины. В 1922 г. в исследованных городах южной черноземной России один развод приходился на каждые 3–4 брака, заключаемых в том же году.

Из этих данных становится ясным, что тенденция роста разводов не случайна, а имеет уже в течение 40–50 лет постоянный характер, охватывающий все страны культурной Европы и Америки и все более и более ускоряющийся по мере приближения к нашему времени.

Это означает, что семья как союз супругов становится все менее и менее прочной, что этот краеугольный камень общества начинает чаще и чаще разваливаться. Такое колебание его, естественно, не может не вызывать потрясений и содроганий всего общественного здания.

Меняется семья как союз супругов и в других отношениях. До наступления периода кризиса семья была построена на авторитете мужа как главы семейства (*manus mariti* и *patria potestas*^{10*}). Жена, согласно словам апостола («жена да боится своего мужа»^{11*}), была отдана в опеку и под власть мужа. «Эмансипация» женщин тогда не имела места.

В современной семье картина меняется. Жена в ней начинает занимать положение, равноправное с мужем. Она «эмансипировалась» и уравнилась в правах, стала более требовательной и в силу этого сама очень часто разрывает неудачный супружеский союз. Этакое изменение, естественно, содействует той же меньшей прочности семьи.

К тому же результату ведет и падение религиозной основы брака. Раньше брак был «святым делом». Супруги сходились на всю жизнь. Ни государство,

ни церковь, как правило, разводов не допускали или затрудняли их чрезвычайно. Равным образом все наказания церкви и государства пускались в ход, чтобы помешать внебрачной половой жизни и супружеской измене. За любодеяние и прелюбодеяние большинство древних законов (Библия, Законы Ману, Законы Хаммурапи и др.) наказывали виновных смертью. Теперь дело обстоит иначе. Брак и семья из религиозных институтов превратились в вопросы простого удобства. Нравится супругам жить вместе – живут, не понравилось – разошлись. Никто им не грозит за это адом и квалифицированной смертной казнью. Все это, естественно, способствует меньшей прочности семьи.

К этим же следствиям ведут экономические условия современной жизни, отрывающие супругов на целый день друг от друга, условия городской жизни, ведущие к легкой возбудимости нервов, постоянно щекочущие половые желания, падение суровой морали долга, погоня за наслаждением, современная эротическая литература, эротические пьесы и кинематографические картины, рост бездетных браков и т. д. и т. д.

Каковы бы ни были причины ослабления семьи как союза супругов, самый факт этого ослабления несомненен. Неустойчивость семьи не может не влечь за собой неустойчивости всех общественных отношений и институтов.

Меняется семья и как *союз родителей и детей*. Опять-таки старая семья была построена на полной власти родителей над детьми. В первичных стадиях эволюции любого народа эта власть родителей была абсолютной, была властью жизни и смерти. Исподволь, однако, дети стали «эмансипироваться», их права росли, власть родителей сокращалась. Так было в древнем Риме и Греции, в истории славян, романских и германских народов.

Тем не менее до критического периода в истории современных народов Европы авторитет родителей был еще громадным. Их права над детьми – также. Общество и государство, за небольшими исключениями, носившими ярко уголовный характер, не вмешивалось во взаимоотношения родителей и детей. Семья была ограждена китайской стеной «отцовской власти».

С начала XX в. здесь наметились принципиально новые явления, далеко продвинувшие «эмансипацию детей» и принципиально отрицающие родительскую власть.

Я говорю не только и не столько о полной эмансипации детей от власти и авторитета родителей в России за последние годы – эти процессы вызваны здесь революционными, исключительными условиями. Нет, в законодательстве ряда стран до войны и революции были изданы чрезвычайно симптоматические законы. Примером их может служить «Закон о детях» (Children's Act), изданный

в Англии до войны, такие же законы, изданные в ряде Штатов Америки и в Австралии.

Основной смысл таких законов состоит в том, что они предписывают родителям ряд условий, которым должно удовлетворять воспитание детей в семье, назначают инспекторов для проверки, соблюдаются ли такие условия, и, если нет, отнимают ребенка из рук родителей и объявляют их лишенными родительской власти.

Такие законы означают нечто принципиально новое, именно: довольно редкое вмешательство государства во взаимоотношения родителей и детей, отрицание незыблемости родительской власти и дальнейшее усиление эмансипации детей.

Все эти явления, в свою очередь, содействуют «рассасыванию семьи» как союза родителей и детей, усиливают неустойчивость семейного института и ведут к тем же результатам, что и ослабление супружеских связей.

Намечаются серьезные изменения в семье как в «*мастерской воспитания*». Мы видели выше значение воспитательной роли семьи.

В прошлом, даже и в настоящем, эта роль была громадной, ибо главное воспитание состояло в «домашнем, семейном воспитании». За последние десятилетия, однако, и здесь начались изменения. Главное из них состоит в том, что ребенок начинает все раньше и раньше выходить из-под влияния семьи и подвергается влиянию внесемейных групп и институтов. Раньше он не моложе 10–15–20 лет попадал в школу или в другое внесемейное образовательное учреждение, лишь продолжавшее домашнее образование, и то не у многих лиц.

Теперь, с введением обязательности образования, все ниже и ниже опускается тот возраст, когда ребенок поступает в школу. Он достиг уже возраста 7–8 лет. Введение детских домов, площадок, детских садов понижает его еще ниже. В 3–4 года масса детей начинает уже «выходить в люди» в форме этих садов, площадок и т. д. Это значит, что дети все раньше и раньше начинают освобождаться от монопольного, исключительного влияния семьи. Рост низшего, среднего и высшего образования усиливает эту тенденцию еще более. Все это вместе взятое говорит о том как будто, что начинают сокращаться и воспитательные функции семьи, а тем самым – и ее «формирующее» человека влияние.

Что семья потеряла почти *все свои экономические функции*, особенно в индустриализированных и урбанизированных странах, не нужно доказывать. Она

больше не prepares сама почти ничего, что ей нужно для экономическо-го существования. Даже функция приготовления пищи («домашний стол») и та атрофируется мало-помалу. В городах кафе, рестораны и столовые заменяют домашнюю кухню и много раз воспетый домашний стол. Место домашнего очага или уютной домашней столовой заменяется прозаическим столиком кафе или ресторана. Место членов семьи, собирающихся вокруг обеденного или ужиного стола, замещается столованием каждого из них в различных кафе и ресторанах, в среде чуждых людей, в атмосфере неясного гула и разговоров, усиливаемых музыкой ресторанных оркестров.

Словом, экономические функции семьи почти атрофировались. Наконец, *меняется семья и как «фабрика производства людей»*. Основная суть изменений в этой области состоит в том, что «производительность этой фабрики» все более и более падает. Семьи с многочисленными детьми начинают вытесняться семьями, имеющими лишь одного или двух детей или семьями бездетными. Об этом говорит статистика рождаемости. Последняя во всех европейских странах систематически понижается в течение последних десятилетий.

Вот цифры:

Число рождений на 10 000 населения

Годы	Англия	Франция	Германия	Россия
1881	339	249	370	(1871–1880) 487
1886	328	239	370	(1881–1890) 488
1891	314	226	370	(1890–1895) 466
1896	296	225	363	(1910) 441
1901	285	220	357	(1911) 437
1906	272	206	331	–
1910	251	197	298	–
1914	238	180	–	–

Тот же процесс падения рождаемости детей наблюдается во всех без исключения странах Европы и Америки. Он продолжался за годы войны, идет и в годы послевоенные. (Повышение рождаемости в 1919–1921 гг. – случайное явление, обычное после войн, 1922 и 1923 гг., когда она снова пала, лишней раз говорят об этом.)

Опять-таки устойчивость этой тенденции понижения в течение последних 50 лет и ее обычность для всех культурных стран говорят за то, что и здесь мы имеем дело не со случайным явлением, а с тенденцией прочной, имеющей глубокие корни в жизни. При этом важно отметить, что слои и классы более богатые, более привилегированные и более интеллигентные дают более сильное понижение рождаемости, чем семьи классов бедных, принадлежащих к профессиям мускульного, а не интеллигентного труда.

Мы рассмотрели семью с разных сторон и видим, что всюду семейный институт обнаруживает весьма серьезные изменения, грозящие основательно видоизменить всю физиономию и строй современного семейного института. На лицо, действительно, начало «кризиса семьи». Чреватость последствий, которыми он грозит, указана была выше. Спрашивается: как следует расценивать эти изменения семьи? Следует им радоваться или печалиться? Приветствовать их или бороться с ними?

Весьма трудно ответить на этот вопрос решительно. Есть немало лиц, которые готовы все это приветствовать как чрезвычайно хорошие явления. Некоторые из них готовы считать вполне положительным явлением даже полное исчезновение семейного института.

Мы вряд ли можем пойти за этими крайними воззрениями в силу их чрезвычайной легковесности и необоснованной легкомысленности.

Рассматривая в целом проявления кризиса семьи, не приходится отрицать в нем наличия кое-каких как будто бы здоровых симптомов. Трудно возразить что-либо против эмансипации женщин и детей, роста их прав и даже ограничения воспитательных функций семьи, имеющих свои тени в виде усиленного роста семейного эгоизма. Все эти явления, взятые сами по себе, можно только приветствовать и, основываясь на них, давать положительную оценку и оптимистическое толкование всего этого кризиса. Но... и тут существует целый ряд «но», которые заставляют чрезвычайно тревожно смотреть на этот «кризис», которые дают не меньше, а, пожалуй, больше оснований расценивать его в целом как один из симптомов «упадка».

Почему?

Вместо подробных разъяснений, для которых у нас нет времени, я ограничусь приведением сравнения «кризиса семьи» в период упадка Греции и Рима с современным «кризисом семьи». Это сопоставление довольно красноречиво и говорит само за себя.

Что мы видим в римской или греческой семье в период упадка Рима и Греции?

Во-первых, то же ослабление семьи как союза супругов. «Развод, который когда-то был в Риме неслыханным делом, сделался теперь повседневным явлением».

Во-вторых, ту же эмансипацию женщин и рост их свободы. «Женщины почувствовали себя освобожденными не от одной экономической опеки отцов или мужей. Любовные дела всевозможных разборов постоянно занимали всех... любовные связи стали таким заурядным явлением в самых знатных семьях, что только необычайный скандал мог сделать их предметом особых толков, судебное же вмешательство казалось даже смешным» (Моммзен).

В-третьих, ту же эмансипацию детей и освобождение их из-под власти и авторитета родителей.

В-четвертых, падение рождаемости или рост бездетных браков.

Изменение семейного института довольно ярко рисуется современником Варроном.

«Бывало, – говорит он, – домохозяйка вращала рукой веретено, а в то же время не теряла из виду горшка на очаге, заботясь, как бы не подгорела каша, теперь же дочь выпрашивает себе у отца фунт драгоценных камней, а жена у мужа четверик жемчуга. Бывало, в брачную ночь мужчина был безмолвен и смущен, теперь же женщина отдается первому красивому кучеру. Прежде обильное рождение детей составляло гордость женщины, теперь же, когда мы желаем себе детей, она отвечает ему: разве ты не знаешь, что сказал Энний: “Лучше трижды подвергнуться опасности в битве, чем однажды родить”.

Если раньше, бывало, отец прощал мальчика, то теперь право этого прощения перешло к мальчику... Теперь не повинуются никакому “закону”».

В итоге в Греции и в Риме наступило обезлюдение. Рядом с этим обезлюдением семьи происходят изменения и во всей социальной жизни. Устойчивость и порядок ее слабели, волнения, бунты и революции росли, параллельно происходил упадок морали, подлинной культуры и силы самого государства. Итогом всего этого процесса был закат этих народов и созданного ими общества.

Из этих штрихов видно, что современный кризис семьи проявляется в тех же самых формах, что и в античном мире.

Вот этот-то факт чрезвычайного сходства того и другого кризиса, сопровождаемого большим сходством общего состояния общества тогда и теперь, сам по себе уже представляет чрезвычайно тревожный симптом, дающий основание для больших и серьезных опасений.

С другой стороны, многие стороны кризиса также не могут дать повода для большого оптимизма. Если рост разводов пойдет и дальше, то не грозит ли он уничтожением семьи и превращением брака в случайную половую связь? Если это будет, то не означает ли такой факт исчезновение краеугольного камня всего общественного здания? Не рухнет ли от этого все последнее? Если процесс роста бесплодных браков и бездетных семейств продолжится дальше, то не поведет ли он к постепенному вымиранию европейских народов и к замещению их народами и расами менее культурными и менее даровитыми?

Если случится так, то не означает ли это начало гибели европейской культуры, которое было бы огромным уроном для всего будущего человечества?

Если еще сильнее падет авторитет главы семьи или авторитет родителей в глазах детей, то не будет ли это означать и не повлечет ли падение авторитета вообще? Кто и как может заменить семью в этом отношении? Кто и как – при

настоящем положении воспитания – может целиком заменить роль семейного воспитания?

Из этих вопросов вырисовываются те опасности, которыми грозит дальнейшее усиление очерченного кризиса семьи.

Вывод из них гласит: этот кризис, наряду с некоторыми положительными симптомами, содержит в себе целый ряд грозных явлений. Если он пойдет дальше, он грозит усилением развала семьи. Развал семьи в современных условиях неизбежно повлечет развал всей общественной жизни и означает огромное бедствие, ибо в случае выпадении этого «краеугольного камня» из «общественного здания» ни один институт не может заменить семью. Последняя при всех своих недостатках играет столь важную политическую роль, выполняя столь серьезные социальные функции, что только по невежеству или глупости можно желать дальнейшего ее развала. Многие проекты замены ее другими институтами хорошо выглядят только на бумаге. На деле, увы, как и многие другие блестящие проекты, они грозят дать чрезвычайно печальные результаты.

Вот почему, исправляя исподволь недостатки современной семьи, в то же время всеми силами следует стремиться к ее укреплению, а не ослаблению, к ее оздоровлению, а не к развалу.

Такая педагогика и политика будет действительно разумной и здоровой. Такое поведение каждого гражданина будет действительно поведением, отвечающим интересам общества и государства. Все обратное, какими бы красивыми словами оно ни прикрывалось, будет содействовать ухудшению, а не улучшению общественного благосостояния, социального мира и прогресса.

Лекция четвертая

Социальная роль школы

1

Вторым основным социальным институтом, играющим наряду с семьей громадную роль в социальной перестройке людей, является школа. Под ней, в отличие от узкого понимания этого термина, следует понимать не только элементарную школу, но всю сеть воспитательно-образовательных учреждений данной страны. Она включает в свой состав не только низшую, среднюю и высшую школы, но и всякого рода курсы, лекции, собеседования, вплоть до музеев, библиотек, учебников, книг, научных пособий, журналов и газет, словом, всех тех средств, через которые могут распространяться знания среди членов данного общества. Все они в своей совокупности образуют, особенно в современных обществах, сложную систему, играющую огромную роль в деле социального формирования личности и хода социальных процессов.

Школа в указанном широком смысле составляет вторую по очереди «социальную мастерскую», продолжающую дело семьи, т. е. переработку поведения личности и подготовку последней к самостоятельной жизни в среде данного общества. Взятая в целом, она выполняет огромную роль в среде любого народа. Эта роль школы столь значительна, что не только поведение людей, но и уклад социальной жизни, а равно и исторические судьбы любого общества в сильной мере зависят от того, какова его школьная, воспитательно-образовательная система. Сказанное о семье может быть, хотя и в меньшей степени, [сказано и] о школе. Если эта «мастерская социальной перестройки людей» будет устроена хорошо, относительно хорошим будет и тот товар, который будет выходить отсюда на житейский базар. Иными словами, хороши будут и люди, выпускаемые из этой мастерской. А раз так, то «настоящие люди» сумеют устроить и настоящую социальную жизнь.

Это будет вполне ясно, если мы подробнее рассмотрим основные функции школы в среде любого общества.

Основные функции школы в среде любого общества сводятся к трем. *Во-первых, школа представляет механизм социального отбора людей; во-вторых, школа представляет аппарат распространения знаний и опыта в среде данного общества; в-третьих, аппарат торможения одних форм поведения и прививки других, необходимых для совместной социальной жизни.*

Иными словами, школа выполняет три функции: 1) селекционную; 2) образовательную; 3) воспитательную в узком значении этого слова.

Каждая из этих функций является чрезвычайно важной. Поэтому характер выполнения школой каждой из этих ролей весьма чувствительно проявляется во всей общественной жизни и организации.

Нижеследующее покажет это.

Начнем с характеристики селекционной роли школы.

Во всяком обществе отдельные его члены занимают, как мы знаем, не одно и то же социальное положение. Есть лица, занимающие верхи социальной пирамиды, и лица, занимающие ее «низы». Лица, занятые в одной профессии, и лица, занятые в других; одни делаются монархами и министрами, другие – духовными, третьи – инженерами, четвертые – рабочими, пятые – земледельцами и т. д.

Спрашивается: каким образом происходит это размещение различных лиц по разным группам, профессиям и слоям социальной пирамиды? Какой механизм, какая сила это производит?

Ответ на этот вопрос гласит: *во всяком обществе есть особый, чрезвычайно сложный механизм отбора и размещения индивидов в общественной пирамиде.* Он состоит из целого ряда социальных условий и учреждений, которые в своей совокупности и составляют своего рода «аппарат», который «просеивает» индивидов годных и негодных, с одной стороны, с другой – определяет их пригодность для той или иной профессии или социального слоя, с третьей – распределяет их по соответствующим местам в обществе. Этот аппарат, или «селекционно-просеивающее решето», в разных обществах бывает разным. В своей совокупности он очень сложен. Описывать его во всей его целостности здесь мы не будем.

Укажем лишь, что одной из главных составных частей этого «селекционно-распределяющего механизма» является школа.

В самом деле, не школа ли служит тем первым «социальным решето», которое определяет степень даровитости или бездарности, пригодности или непригодности различных учеников в том или ином отношении? Не на основании ли школьных успехов – в низшей, средней и высшей школе – создается «репутация» одаренности или неодаренности, пригодности или непригодности разных лиц? Что иное, как не «просеивающее решето», представляет собой вся система баллов и школьные экзамены? Хорошие баллы за успехи в учении и доброе

поведение – один из основных видов социальной рекомендации данного лица. Хороший «диплом» и «диплом» вообще, свидетельствующий об окончании такого-то учебного заведения и об успехах в ряде наук, во многих странах служит условием, необходимым для занятия того или иного места. Лица, отстающие от других в школе или не способные окончить учебное заведение, обычно считаются менее даровитыми. Для них, в силу этого условия, сразу же закрывается доступ к целому ряду общественных мест и позиций. И обратно: чем дальше человек продвигается через узкий и трудный лабиринт школьной системы – от низшей школы к средней, от средней – к высшей, от окончившего последнюю к ряду ученых степеней – магистра и доктора, – тем он считается более способным, более пригодным для занятия «высших» и «лучше оплачиваемых» мест, тем большее количество дверей, ведущих к разным должностям, открывается перед ним. Это мы видим во всех обществах. В каждом из них его школа играет роль этого «отбирающего решета». Своими отзывами, дипломами, баллами она принимает огромное участие в деле размещения индивидов в разных слоях и профессиях социального организма. Забракованные этим «решетом», как общее правило, принуждены оставаться в низших слоях социальной пирамиды; они направляются в профессии менее квалифицированные, главным образом в профессии мускульного труда. Пропущенные через ряд «сит» школьной системы, преодолевшие препятствия низшей, средней и высшей школы, успешно прошедшие через их сети, как общее правило, определяются для выполнения функций и работ более сложных и квалифицированных, лучше оплачиваемых, состоящих главным образом в выполнении «умственной», а не «мускульной» работы. Отсюда ясно то, что я разумею под «селекционной» функцией школы, часто не замечаемой большинством людей. Легко видеть, что эта роль школы имеет огромное значение, ничуть не уступающее ее «образовательной» и «воспитательной» роли.

В одной из последующих лекций я очерчу решающее значение правильного размещения индивидов в обществе согласно принципу «каждому по его способностям, в особенности наследственным». Там мы увидим, что размещение индивидов согласно этой формуле – необходимое условие процветания общества; увидим и то, что всякое серьезное и длительное нарушение этого принципа ведет к застою, к социальным кризисам, к революциям и временами даже к смерти общества. (См. лекцию «Об основном принципе распределения людей в обществе».)

Раз дело обстоит так, то нетрудно понять всю жизненную важность этой роли школы; во-первых, ту пользу, которую школа как селекционный аппарат может принести обществу при правильной постановке дела, и тот огромный вред, который она может причинить ему при неправильной организации школьного селекционного аппарата.

Остановимся подробнее на этом пункте.

Селекционная роль, выполняемая школой, еще не гарантирует положительности, полезности этой селекции для общества.

Селекция, или отбор, может иметь разный характер. Огородник, выпалывающий с гряды сорную траву и оставляющий плодиться полезные овощи, делает отбор одного рода. Огородник, поступающий наоборот, делает отбор другого рода.

То же со школой. Полезный или вредный характер ее отбора зависит от того, каких качеств и какого сорта людей она считает «хорошими учениками» и каких «плохими». Если, скажем, хорошими по поведению она считает лиц, прислуживающихся к учителю или к начальству, людей «лакейского» типа, стремящихся во всем угождать сильным мира сего, а всех детей с самостоятельным характером и образом мысли, достаточно гордых, не прислуживающихся к власти и несколько буйных она считает «плохими по поведению», то, очевидно, она будет пропускать преимущественно людей первого типа и задерживать детей второго рода. Такого сорта отбор в итоге поведет к тому, что высшие слои и квалифицированные профессии общества будут заполняться главным образом «карьеристами», людьми «лакействующими», мало индивидуальными и несамостоятельными, тогда как в низах будут копиться сильные и буйные элементы, гордые и самостоятельные. Легко видеть весь вред такого «отбора» школы. Он ведет к вырождению и ослаблению власти, с одной стороны, к бунтам и мятежам низов – с другой. Такой отбор создает социальные кризисы и общественные бедствия.

Или возьмем другой пример, часто имеющий место в школах. Среди учеников нередко бывают люди, чрезвычайно неспособные к некоторым наукам, но зато исключительно талантливые в какой-нибудь другой научной дисциплине. Невежественные педагоги часто «бракуют» таких учеников: ставят им по неуспеваемым дисциплинам исключительно низкий балл, оставляют их на второй год в одном и том же классе и затем исключают их как «неспособных».

Что получается от такой селекции? Не что иное, как бесполезная потеря обществом ряда, быть может, исключительных талантов в той или иной области, выброшенных за борт школы и тем самым не получивших возможности развернуться. Вдумчивый педагог этого не сделал бы, ибо человек вовсе не обязан быть «энциклопедистом»; неспособный к одному, он может быть чрезвычайно способен к другому.

Пушкин или Байрон имеют право быть невеждами в математике, и обратно, Дарвин или Гельмгольц имеют право ничего не смыслить в искусстве и поэзии. От этого великая ценность этих лиц для общества ничуть не уменьшается. Общество только выигрывает, если оно поможет подобным людям развернуть свои способности в области их призвания. Мало ли мы знаем великих людей, которые во время школьного учения обнаруживали исключительную неспособность к ряду предметов и даже исключались за это из школы. К счастью, ряд других

благоприятных условий позволил им выявить их прирожденные таланты. А кто знает, какое количество таких лиц погибло бесполезно, будучи выброшенными из школы за «неспособность», не имея благоприятных условий для развертывания своих дарований во внешкольных условиях!

Еще более вредные результаты мы получаем, когда селекция школы производится по чисто случайным и личным мотивам селекционеров-педагогов, когда, напр., учитель всячески задерживает или исключает всех лиц, почему-либо ему не угодивших, или всячески продвигает своих любимчиков, хотя бы они не имели для этого никаких объективных данных.

Эти примеры показывают возможную пользу или вред селекционной роли школы. Учтите все подобные условия, примите во внимание, что десятки тысяч школ производят такой отбор изо дня в день, из года в год, и вы поймете всю громадную роль этой школьной селекции. От нее в огромной мере зависит распределение индивидов в общественной пирамиде, состав и характер высших и низших слоев общества, а через это – и характер общественной жизни. Учитель, ставя балл ученику, продвигая одних и бракуя других, решает не только личную судьбу таких индивидов, но этим самым он является одним из «селекционных сит», оказывающих влияние на состав всех общественных групп и на все стороны общественной жизни. Отсюда понятна вся ответственность работы учителя или профессора, с одной стороны, с другой – необходимость максимальной внимательности при оценке успехов учащихся, необходимость руководствоваться при ней не только обычными мотивами, но и соображениями общественной пользы.

Главнейшие условия, в известной мере обеспечивающие полезность и правильность селекционной работы школы, вкратце таковы:

1. *Доступ к школе как к основному селекционному механизму должен быть обеспечен всем детям.* Раз дети, остающиеся за бортом школы и не прошедшие через нее, не допускаются, как общее правило, к занятию руководящих и общественно важных мест, то в интересах отбора наиболее талантливых лиц из всего общества все дети должны поступать в школу, а не только дети отдельных сословий или групп. Может быть, ряд наиболее талантливых лиц находится как раз в тех слоях, которым школа недоступна. Без «реактива» школы их таланты не могут четко ни проявиться, ни развиться. В таких условиях они погибнут бесполезно для общества. Чтобы этого не было, необходимо всеобщее обучение и доступность школы для всех.

2. *При самой селекции учеников или студентов, т. е. при оценке их способностей, задерживании одних и пропуски других, всего менее позволительно руководствоваться какими-либо особыми мотивами в личной симпатии и антипатии, основанными на случайных, корыстных и т. п. обстоятельствах.* В особенности вредно и недопустимо задерживать самостоятельные, инициативные и гордые характеры (кроме случаев явной антисоциальности и преступно-

сти последних). Задерживая их и пропуская «лакейские», «угоднические» типы, педагог тем самым способствует дегенерации командующих слоев общества, с одной стороны, и социальным волнениям управляемых сторон – с другой.

3. При селекции надлежит руководствоваться только личными качествами учащегося, а не заслугами его родителей или предков, не его социальным положением, не влиятельностью и богатством его родственников и т. п.

4. При селекции следует считать одаренными не только тех учеников или студентов, которые проявляют способности во всех изучаемых дисциплинах, но и тех, кто, обнаруживая известную неспособность и нелюбовь к одним предметам, выказывают в то же время исключительную талантливость в других. Социально вредно и потому недопустимо закрывать перед ними школьные двери для дальнейшего развития, задерживать их или исключать их из школы как «негодных». Такой метод, как показано выше, ведет только к ограблению общества «односторонними» талантами, нужными ему не менее, а, быть может, даже более «энциклопедистов».

Таковы важнейшие условия, необходимые для того, чтобы школа как орудие селекции и размещения индивидов в обществе давала положительные, а не искаженные результаты.

3

Второй основной функцией школы является ее *просветительно-образовательная роль*. Вся школьная система, взятая в целом, представляет социальный аппарат распространения *знаний и опыта*, накопленных веками, среди членов данного общества.

Знание и опыт были, остаются и будут основными орудиями человека в его борьбе за существование, в приспособлении последнего к его потребностям.

Говоря так, *под знанием или опытом я разумею совокупности идей и понятий, суждений и теорий истинных, т. е. не противоречащих законам логики, соответствующих действительности и могущих быть проверенными.*

Все другие идеи и понятия, суждения и теории, не соответствующие этим признакам, будут, псевдознаниями или мнимым опытом. Суждения «снег бел», «тела притягиваются прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадрату расстояния», «вода представляет соединение кислорода и водорода» и т. д. будут суждениями знания или опыта. Они не противоречат логике, и каждый проверяющий их может убедиться в их правильности.

Суждения «черти имеют хвост и покупают человеческие души» или «на кончике иглы может поместиться 300 000 дьяволов» и т. п. представляют псевдознания, ибо они не проверены и при желании нельзя проверить, так дело обстоит или не так.

Знания в указанном смысле играют роль важнейшего фактора в поведении человека и во всей жизни народа.

Из обыденного опыта каждый человек знает, что наше поведение бывает совершенно различным, когда мы знаем объективный результат наших действий и когда этого знания нет. Мы голодны, перед нами груша. Если мы не знаем, что в ней имеются холерные вибрионы, мы съедем ее; если знаем, мы не будем есть. Знание в виде невидимой силы обуславливает наше поведение. Его наличность дает иной результат в поведении, чем тот, который был бы при отсутствии знания.

Подобно этому элементарные знания в виде положений «выбросившийся из пятого этажа разбивается», «опустивший руку в расплавленный свинец обжигается», «вышедший вспотевшим на сорокаградусный мороз без теплой одежды простужается» совершенно определенно влияют на наше поведение. Зная эти результаты, большинство людей (в отличие, напр., от малых детей) не кидается с пятого этажа, не сует руку в кипяток, в расплавленный свинец, в огонь, не выбегает босиком или не одевшись на сорокаградусный мороз и т. д. и т. д.

Я нарочно взял самые простые, обыденные примеры. А сколько таких примеров совершается ежедневно и ежечасно! Знания, сами по себе ничего не запрещающая и ничего не приказывая прямо, тем не менее имеют громадное влияние на наше поведение. Они являются настоящей силой, повелительно побуждающей действовать нас таким, а не иным образом.

Знание – сила. Само обладание им уже толкает человека к ряду поступков. Идея похожа на пар, она «подзуживает», «подталкивает» человека на соответственные акты. Мысль о свободе или идея о свободе, родившаяся у человека, побуждает его стремиться к свободе и делает нетерпимым деспотизм и рабство.

Знание – свет. Оно как бы освещает нам путь нашего действия и указывает нам нашу дорогу. Оно влияет на постановку нами целей и указывает средства для достижения их.

К тому же результату мы придем и с другой стороны.

Знание влияет на все стороны нашего поведения. Каково будет наше знание, таковыми будут и наши религиозные верования. Человек, знающий, что нет дьяволов, привидений и чертей, не будет в них верить и приносить им жертвы. Для человека, знакомого с современными естественными науками, невозможны религиозные верования, подобные религии первобытных людей. Если какой-либо народ невежествен и «необразован», глупой и нелепой будет и его религия. Если его знания высоки, более высокими и тонкими будут и его религиозные верования.

Влияет знание и на наши эстетические вкусы, на то, что мы считаем прекрасным, на искусство народа. Люди, стоящие на различных ступенях умственного развития, имеют и разные эстетические вкусы. Одно и то же редко нравится дикарю и культурному человеку.

Влияет знание и на наши правовые и моральные убеждения. Человек, знающий бесполезность заклания жен на могилах мужей, не может считать «нравственным» и «обязательным» правило, требовавшее заклания жен после смерти мужа. Словом, каково знание человека, таковыми будут его нравственные и правовые убеждения. Если нравственность первобытных людей часто кажется нам нелепой и низкой, то одной из причин этого явления служит невежественность последних.

Влияет знание и на инстинктивно-наследственные импульсы поведения. Последние с ростом знания попали под его контроль; знание способно их видоизменить, ослабить и даже подавить. Как бы мы ни были голодны, если мы знаем, что пища отравлена, мы не будем ее есть. Биологический фактор голода толкает к тому, чтобы утолить голод, знание препятствует и подавляет его.

То же применимо и к другим биологическим факторам. Под влиянием соц.-психических условий, где одно из первых мест занимает знание, биологические импульсы могут видоизменяться, ослабляться и подавляться.

Влияет знание и на географические факторы. Благодаря тому, что здесь наши знания о космических процессах (физико-химических явлениях) особенно богаты, мы теперь в состоянии управлять ими, подчинять их своим желаниям, обращать на службу своим целям. Мы теперь не столько приспособляемся к географическим условиям, сколько приспособляем, переделываем, видоизменяем их сообразно со своими потребностями.

Такую власть над ними – над природой – человечество получило благодаря знаниям об этих явлениях. Не будь этих знаний, мы, подобно первобытным людям и животным, были бы «рабами природы», а не ее властителями.

Это мы видели выше и увидим еще яснее сейчас.

Правда, бывают и обратные случаи. Бывает так, что человек знает вредные результаты своего поступка и тем не менее совершает его. Напр., сколько людей знают, что курить вредно, и тем не менее курят! Сколько лиц прекрасно изучают обширные и мудрые трактаты по нравственности и тем не менее ведут себя отвратительно, мерзко, подло.

Эти и подобные случаи, казалось бы, противоречат сказанному выше.

Но так кажется с первого взгляда, на самом же деле все подобные факты говорят не о бездейственности знания, а о том, что *сила знания здесь столкнулась с другими силами, действующими в обратном направлении, и была побеждена ими.*

Если человек, свободно поднимающий 10-пудовую гирию, пытается и не может поднять 1 000-пудовый камень, то это не значит, что данный человек не имеет никакой силы, а значит только, что вес камня, действующий в обратном направлении, оказался силой, о которую разбилась сила человека.

То же представляют собой и случаи «бессилия» знания. Они говорят не о бессилии знания, а о том, что сила и влияние его разбились о другие силы.

Отсюда следует ошибка тех, кто думает, что знание бездейственно. *Но отсюда же вытекает ошибочность и тех мыслителей, которые полагали, что знание всемогуще*, что поведение людей зависит только от знания, что все «исторические» события в конце концов определяются знанием, что достаточно человеку или народу отделаться от суеверий и познать истину, чтобы сразу изменить свою жизнь, свои порядки, стать «передовым» народом и т. д.

Сказанное вскрывает ошибку этих апостолов знания. Увы, недостаточно узнать, что «курение – вредно», чтобы бросить курить; недостаточно вызубрить «Нагорную проповедь» Христа, чтобы подставлять правую щеку, когда бьют по левой; мало узнать «коммунистическую или социалистическую программу», чтобы стать (не на словах, а на деле) «коммунистом» или «социалистом», относящимся ко всем, как к братьям, никого не обирающим, никого не обижающим, ничего не загибающим в свою собственность.

Груз и давление других факторов мешают таким чудесам и часто обессиливают знание.

Таково разъяснение мнимого противоречия.

Но этим роль знания не исчерпывается. Оно влияет не только в качестве субъективной, заложенной как бы «внутри» человека силы, но *оно влияет на общественную жизнь и в качестве объективной силы*. Чем точнее наше знание, чем количественно и качественно оно больше, тем его действительная роль значительнее. *Оно прежде всего дает в наши руки средство подчинять себе силы природы и властвовать над ними*.

Поясим эту мысль на частном примере использования человеком источников энергии.

До развития физико-химических знаний люди прошлых времен в качестве источников энергии могли использовать лишь: *а) силу ветра, б) силу воды и в) живую силу человека*. Сила воды использовалась ими в весьма ограниченных размерах: ею пользовались лишь для передвижения лодок и судов по течению рек. И только. То же применимо и к силе ветра: она утилизировалась почти исключительно при парусных передвижениях; основным источником энергии до развития физико-химических знаний была почти исключительно живая энергия людей, главным образом рабов.

Человек в качестве источника энергии должен был употреблять человека же. Использование сил природы при отсутствии знаний для него было недоступно.

Какую же энергию может дать человек-машина? Свободный человек в 10-часовой рабочий день может произвести работу в 290 000 килограммометров, что соответствует 8 килограммометрам в 1 секунду или мощности в $\frac{1}{10}$ лошадиных сил.

Вот та наибольшая энергия, которую может дать здоровый свободный человек в 10-часовой рабочий день не за страх, а за совесть. Таков единственный

источник энергии, доступный мало знающим людям. Теперь сравним с этим то, что сделалось возможным благодаря росту физико-химических наук.

Корабль «Император» имеет машины в 75 000 лошадиных сил. «Если бы пар мы захотели заменить рабами, численность последних здесь должна была бы простираться до 700 000 человек». Паровоз, развивающий 3–4 тысячи лошадиных сил, для древности был бы машиной, которую должны были бы приводить в движение 30 тысяч людей, несущихся с быстротою скорого поезда.

Электрическая передача энергии в 250 000 лошадиных сил от водопадов Замбези на расстояние 110 000 километров, в мины Наталя и Трансвааля, током в 150 000 вольт равносильна работе 2½ миллионов людей, моментально переносимых на 1 000 верст.

По подсчетам авторитетных техников, вся энергия, данная в руки человечества физико-химическими науками, равняется энергии 200 миллиардов людей. Таким образом, физико-химическое знание дало человечеству 200 миллиардов бесплатных рабочих.

Перед такой цифрой стушевывается население земли. «В течение миллиона веков природа довела население земли до 1½ миллиардов человек, а буйный разум физических наук в полтора столетия создал человечеству в 100 с лишним раз большее число сотрудников».

Обратив все население земли в рабов, прекратив все другие виды деятельности, мы не получим той мощности, которая дается техникой, созданной физико-химическими знаниями.

Этот подсчет делает ненужным дальнейшие доказательства колоссальной роли знания как объективной силы. Знание – сила, и сила огромная. Она проявляется всюду. Если работают наши фабрики и заводы, то благодаря знанию. Благодаря знанию мы путешествуем по железным дорогам, на пароходах и аэропланах; знание одевает, обувает и кормит нас; знание превращает горы в равнины, море – в сушу, мороз – в тепло. Знание помогает сохранять жизнь и здоровье. Оно подобно солнцу: человечество им живо и без него погибло бы. Не будь знаний, не было бы у нас ни фабрик и заводов, ни пароходов и паровозов, ни одежды и пищи, ни домов, музеев и дворцов; без него мы не могли бы жить в холодных странах; словом, обречены были бы на жалкую жизнь животного, целиком зависящего от природы.

Глубоко прав был тот социалист, который говорил: *«Истинная свобода – это знание»*. Не менее прав был он, утверждая, что всякий человек, увеличивающий или распространяющий знание, является в то же время и освободителем человечества. Тот, кто впервые открыл, что $2 \times 2 = 4$, был величайшим революционером. И всякое научное открытие не остается бездейственным: оно неизбежно влияет на весь ход истории. Открытие пара и электричества перевернуло всю хозяйственную жизнь людей, а через это все их поведение. В большей или мень-

шей степени то же может быть сказано и о всяком открытии: ни одно из них не пропадает даром.

Подлинными освободителями человечества были прежде всего великие ученые, те, кто, подобно Фарадею или Стивенсону, Аркрайту или Пастеру, открывали истины и передавали в руки человечества тайну управления силами природы.

Благодаря развитию *физико-химических знаний* их громадная роль вне сомнения.

Знания, относящиеся к миру *жизненных явлений*, не достигли еще высоты развития физико-химических наук. Поэтому роль биологических наук в ходе истории не столь значительна, но велика и она.

Биологические знания создали агрономию, скотоводство, садоводство, гигиену, санитарию и медицину. Благодаря им человечество сумело приручить животных, ввести лучшие формы земледелия, увеличить урожай, создать больницы, сохранять и поддерживать свое здоровье.

Не будь их, мы, подобно древним предкам, обречены были бы жить охотой и рыболовством или мотыжным земледелием, способными прокормить десятки и сотни людей, но не способными дать пищу сотням миллионов.

С ростом биологических знаний их польза и сила становятся больше и больше.

Знания, относящиеся к человеку и к общественным явлениям, увы, до сих пор стоят очень низко. То, что известно под именем гуманитарных и общественных наук, представляет в огромной своей части псевдознания. Потому-то они и недействительны, потому-то от них, как от ложных идей, весьма часто следует не польза, а вред. Поэтому же мы до сих пор не умеем хорошо устроить нашу совместную жизнь и не способны бороться с общественными бедствиями. Мы не знаем, как всего лучше организовать общественный и политический строй, мы не умеем глупого сделать умным, преступника – честным, злого – добрым, мы не знаем, что хорошо и что плохо. Мы не умеем избегать ссор, злобы, войны и борьбы. Все бедствия и волнения «властители» лечат тюрьмой, каторгой, осадными положениями, расстрелами и виселицей. Рецепты простые, но едва ли очень умные и очень полезные. Нужно ли иных доказательств нашего невежества в области общественных явлений! Все попытки борьбы с общественными бедствиями представляют проявление глупости и сектантских верований, а не знаний. Мудрено ли поэтому, что, изыскивая выход из мира общественных бедствий, мы без толку мечемся от монархизма к большевизму, от демократии к диктатуре, от реакции к революции, тычемся, подобно слепым щенятам, то туда, то сюда, то направо, то налево, блуждаем, подобно слепым, ведомым слепцами, и вместо спасения попадаем в яму. Так было, так есть и так будет до тех пор, пока не приобретем подлинного знания (а не всегда – знаний) человека, его поведения и всей общественной жизни. *Знание – не все, но оно необходимое условие для всякого практического прогресса.*

Следует, однако, думать, что с ходом истории, с ростом опыта будут расти наши знания и в области человеческих общественных явлений. С ростом их будут неизбежно увеличиваться и средства действительного улучшения общественной жизни. Неудачные опыты уступят место реформам, построенным на точном знании. Средства борьбы с нашими бедствиями будут расти количественно и качественно. Тогда и только тогда человечество получит в свое распоряжение силу, способную управлять самими людьми и ходом своей истории. На место человека слепого, руководимого слепыми страстями и инстинктами, встанет человек знающий, имеющий точные познания не только о физико-химических и биологических явлениях, но и о самом человеке, его поведении и его совместной жизни с сочеловеками. Тогда человек знающий возьмет под контроль себя самого как человека слепого и будет сознательно управлять собою и ходом своей истории.

Таковы перспективы, встающие перед нами. Для их приближения необходим рост знаний. Их еще мало. Посему всякий народ должен приобретать их. Знание – лучшее богатство. Оно – источник всех богатств. «Ищите прежде всего знания – остальное все приложится»^{12*}. Такова вкратце объективная сила и роль знания.

Из очерченной роли знания ясна вся важность просветительно-образовательной роли школы. Вся школьная система, взятая в целом, представляет основной аппарат распространения и углубления знаний. Опыт, накопленный веками в течение многих поколений, она передает каждому поколению готовым и тем избавляет как отдельное лицо, так и все поколение от необходимости снова проходить длинный и мучительный путь, пройденный всем человечеством.

Отсюда же становится ясной огромная роль учителя или профессора в судьбах учеников и всего народа.

Здесь не место излагать педагогические приемы, с помощью которых школа может всего лучше выполнять эту образовательную функцию. Это дело педагогики в узком смысле.

Со своей стороны я отмечу лишь три основных условия, а именно: *школа должна давать подлинные знания и подлинный опыт, а не псевдознания и не псевдоопыт, в указанном выше значении этого слова. Во-вторых, школа должна давать те знания, которые данному человеку действительно понадобятся, а не набивать его ум и память множеством отрывочных дат и сведений, которые ему совершенно не пригодятся.* Мир человеческого знания сейчас столь обширен, что охватить его одному человеку невозможно. Волей-неволей каждый человек поставлен в необходимость избирать какой-нибудь уголок этого мира. Естественным уголком для каждого из нас будет тот, который нас влечет, и тот, который нам нужен будет практически в нашей жизненной дороге.

В-третьих, *школа должна не столько напичкивать учащихся сведениями, сколько развить и правильно поставить их умственный аппарат, сделать его*

способным самостоятельно мыслить или научить его правильно мыслить (наблюдать, пользоваться научными методами и делать правильные умозаключения). Если это условие достигнуто, то ученик при соприкосновении с любым материалом сумеет разобраться в нем. Если этого нет, не помогут никакие сведения, хотя бы они равнялись энциклопедическому словарю. Только при соблюдении этого правила школа будет тем, чем должна быть.

4

Третья основная социальная функция школы – *воспитательная в узком значении этого слова. Она заключается в том, чтобы делать из человека socius 'a – существо, приспособленное к общественной жизни, умеющее мирно уживаться и сосуществовать с себе подобными, не коверкая себя, быть в то же время полезным другим людям.*

В первой беседе я указал, что человек рождается на свет с самыми разнообразными импульсами. В ряду их имеются не только социальные, но и антисоциальные инстинкты, не только альтруистические склонности, но и склонности злого характера.

Предоставленный самому себе, не подвергнутый социальной переделке, человек вряд ли был бы вполне приспособлен к общественной жизни, вряд ли мог бы сосуществовать мирно с сочеловеками. Чтобы это было возможно, необходимо перевоспитать его в направлении усиления его социальных импульсов и ослабления, торможения и безвредной канализации инстинктов антисоциальных.

Рядом с этим сложность современной общественной жизни требует не только снабжения каждого человека знаниями, но и умения претворять эти знания в жизнь, т. е. умения действовать со знанием, осуществлять его в своем поведении и поступках. Одно голое знание, т. е. усвоение соответственных идей и теорий, – *мертвое знание. Живым оно становится лишь тогда, когда человек не только знает, как нужно варить, или строить мост, или пахать, или учить, или управлять, но и умеет действительно делать все это.*

Школа как «мастерская воспитания и переделки людей» должна приучить человека к такому умению действовать, снабдить его соответственными навыками, приемами и привычками.

Все эти функции выполняются, как мы видели, семьей. Дело семьи продолжается школой. Она должна сделать человека существом социальным, усилить в нем импульс социально-благожелательного характера, привить на их почве множество других, затормозить, ослабить и «канализировать» импульсы антисоциальные, снабдить человека умением действовать со знанием в разных условиях его жизни, развить все его положительные стороны и ослабить отрицательные.

Такова вкратце воспитательная задача школы.

Из сказанного ясна вся социальная важность этой ее функции.

Как, какими приемами и методами всего лучше достигнуть успешного воспитания, не является темой нашей беседы. Это предмет педагогики в узком смысле, которая, к сожалению, еще очень несовершенна.

Таковы основные социальные функции школы. Из этого очерка становится понятной исключительно важная роль, выполняемая школой в деле формирования людей и обусловливания исторических судеб общества.

Вместе с семьей она является той подчас скромной и незаметной «мастерской», в которой определяются судьбы всего народа.

Если эти «лаборатории» устроены хорошо, тем самым достигнуты основные условия, необходимые для здорового процветания общества, тем самым обозначена прочность фундамента и первых этажей сложного социального здания.

Если же эти «лаборатории» действуют плохо, тогда при всей совершенности государственных конституций, религиозных и др. установлений хорошее социальное здание невозможно. Нижние этажи его будут такими, что самые искусные «надстройки» и «крыши» не могут сделать всего здания ни прочным, ни гармоничным. Человеческий материал, испорченный в этих первичных «лабораториях семьи и школы», не может быть целиком исправлен в «лабораториях» профессии, церкви, государства и других социальных учреждений, продолжающих дело социального воспитания личности и определения исторических судеб общества. Вот почему вопросы правильного устройства семьи и школы суть вопросы не менее, а более важные, чем вопросы государственного или церковного устройства.

Родители и учителя в своей совокупности влияют на ход истории своего народа не меньше, а больше, чем глава государства или глава церкви, а потому и ответственность первых за судьбы общества не меньшая, чем ответственность последних. Это следует помнить всякому народу, желающему жить и процветать.

Лекция пятая

Влияние профессии на поведение людей и общественную жизнь

1

Пройдя стадию семейного и школьного воспитания, человек обычно избирает ту или иную профессию как основной вид его деятельности, дающей ему средства к жизни. Переделка людей общественной средой не кончается влиянием семьи и школы, а продолжается рядом других социальных групп и учреждений. Среди последних особенно важную роль играют профессиональная группа, церковь и государство.

Роль профессиональной группы, обычно незамечаемая, столь важна, что мы не можем не остановиться на ней. Не учтя «деформирующего» или «переделывающего» влияния профессии, мы не можем понять ни поведения и психики целых социальных групп, ни множества социальных явлений.

Профессиональная группа и среда являются продолжением школы, где изо дня в день бородатые или безбородые «ученики», часто помимо их воли и сознания, переделываются сообразно требованиям профессии.

Далеко не всегда эта «школа» бывает спасительной. Часто она коверкает людей физически и психически. Тем важнее поэтому познакомиться с громадным влиянием профессии, чтобы, зная это, быть в состоянии, где нужно, его обезвредить. Иначе социальный педагог и политик не будет знать один из важнейших пунктов, на который он должен обратить внимание в своих попытках улучшения людей и общественной жизни.

Проследим теперь кратко основные формы влияния профессии на человека. Четкости и ясности ради это влияние можно подразделить на: 1) деформацию анатомического и соматического строения человека его профессией; 2) на деформацию его внешних двигательных форм поведения в связи с деформацией его внешности (облика-аспекта); 3) на деформацию психических переживаний и всей психической личности человека; 4) наконец, на деформацию всего образа жизни человека как сообщественника, *socius*'а.

*а) Соматическая деформация человека
его профессией и «профессиональный отбор»*

Влияние профессии на физико-соматическую структуру человека сказывается прежде всего в своеобразном «*профессиональном отборе*». Это явление состоит в том, что в ряде профессий, чтобы попасть в члены профессиональной группы, индивиды должны обладать определенными соматическими признаками или быть свободными от других. Такое обстоятельство ведет к своеобразному «подбору» антрополого-соматического состава членов таких профессии. Так, для того чтобы быть профессионалом-певцом, индивид должен иметь хороший голос, т. е. определенное строение голосового аппарата. Люди с плохим голосом не могут стать профессионалами-певцами, а тем более успешно работать в этой профессии. Профессия крющника требует от его члена сильной мускулатуры и здоровья. Люди больные, слабые не могут войти и удержаться в кругу профессии крющников, а тем более быть хорошими профессионалами. Безногий человек не может быть хорошим наездником, безобразная женщина – успешной куртизанкой, толстый и разжиревший индивид – цирковым акробатом, глухой – хорошим музыкантом, слепой – художником, калека – военным и т. д. Раз дело обстоит так, то следствием его должен быть факт своеобразного антропологического состава членов ряда профессиональных групп. Как общее правило, профессионалы-крющники должны быть сильными людьми с хорошо развитой мускулатурой, профессионалы-певцы будут в общем обладать таким устройством голосового аппарата, который обеспечивает возможность хорошего голоса, группа успешных куртизанок в общем будет состоять из «красавиц», цирковые акробаты – из лиц с гибким и эластичным телом и т. д. А это значит, что состав членов резко различных профессиональных групп с соматической стороны неизбежно должен быть различным, и обратно: соматическое строение членов одной и той же профессии в ряде профессий должно быть сходным и именно в тех отношениях, которые вытекают из самого характера данной профессии. Отсюда понятна возможность существования специальной профессиональной антропологии. Отсюда же ясно, что я разумею под «профессиональным отбором».

Из сказанного ясно, что профессиональный отбор представляет явление, отличное от деформации. Специфический с соматической точки зрения состав ряда профессиональных групп вызван прежде всего отбором, который «механически» производит профессия. Без всякого деформирующего влияния профессиональной деятельности в ряде профессиональных групп в силу очерченного отбора происходит «отбор» годных для нее индивидов и исключение негодных, неподходящих. Следствием этого является специфический антропологический состав членов таких профессий.

Если предположить, что такой отбор в данной профессии совершается длительно, и если бы не было других пертурбационных факторов, то в итоге такого профессионального отбора могли бы создаться настоящие соматические вариации человека. Ограничиваюсь сказанным в характеристике «профессионального отбора» и перехожу к описанию соматической деформации человека, производимой его профессией.

Существование такой деформации не подлежит сомнению. Профессиональная работа волей-неволей заставляет человеческий организм приспособляться, «приноравливаться» к ней. Постоянное выполнение ее неизбежно вызывает атрофию ненужных для этой работы органов и гипертрофию или трансформацию органов, служащих для выполнения профессиональных актов. «Организм не перестает приспособляться различным способом к выполняемой им работе, чтобы установить такой способ функционирования, который давал бы возможность избегать или уменьшать всякую бесполезную трату энергии». Эта деформация организма, вызываемая профессиональной работой, – частный случай более общего биологического принципа, гласящего: «Функция создает орган».

Раз видоизменяются органы, раз одни из них гипертрофируются, другие – ослабляются, это значит, испытывает деформацию и весь организм профессионала. Фактов, подтверждающих сказанное, сколько угодно. Приведу некоторые. Таковы: развитие и укрепление мускулатуры пальцев и кисти руки у пианистов, огрубение кожи рук у лиц, занимающихся «черной» работой (дровосеков, столяров, землекопов и т. д.), гистологическое «изнеживание» кожи рук у лиц, занятых «белой» работой, развитие мускулатуры у крючников и лиц, занятых тяжелым физическим трудом, изменение гистологического строения кожи кочегаров, искривление позвоночника у лиц, много времени проводящих за письменным столом, появление «военной косточки» у ряда военных профессионалов, искривление ног у кавалеристов, значительная деформация всего организма у атлетов, акробатов и т. д., и т. д. Прибавьте к этому патологически-болезненные изменения организма и физиологических процессов, вызываемые той же профессией: «катаральное состояние горла» («профессиональная болезнь») у педагогов и лиц, много говорящих, геморрой у лиц, принадлежащих к сидячим профессиям, венерические болезни и деформация половых и детородных органов у проституток, близорукость у «пишущей и читающей братии», у наборщиков, часовых мастеров, чахотку и болезненное изменение дыхательных органов у профессионалов, работающих (в силу своей профессии) в сырых и антигигиенических помещениях, ожирения аббатов, монахов и священников во времена «тихого и мирного жития их», поранения и искалечения военных, падающие на их долю в силу их профессии, и т. д., и т. д., учтите бесчисленные факты такого рода, и громадная соматическая деформация, вызываемая профессией, станет ясной. Она станет еще более рельефной, если взять всю физиологию и все строение

тела членов различных профессий. Самый неопытный наблюдатель легко отмечает бросающуюся в глаза разницу между пышущим здоровьем «землеробом» или рыболовом, с одной стороны, и бледным рабочим – обитателем фабрик, чиновником, ученым или членом других «умственных» профессий, проводящих главное время не на чистом воздухе, а в прокуренных и зараженных канцеляриях, фабриках, заводах, аудиториях. Конечно, бывают исключения, но они меня сейчас не интересуют. Недаром же ряд социологов, напр. Гиддингс, Аммон и др., считают крестьянское и сельское население источником здоровья, регулярно и непрерывно доставляющим здоровые элементы городу и городским профессиям, быстро изнашивающим это здоровье и неспособным сами возобновлять его.

О том же, наконец, говорят и цифры профессиональной смертности: известно, что они довольно резко колеблются от профессии к профессии.

Эта деформирующая роль профессий в данном отношении столь значительна, что ряд авторов не без основания доказывает профессиональное происхождение различных вариаций *hominis sapientis*, многими считавшихся за особые расовые разновидности.

*в) Профессиональная деформация «бросающихся в глаза»
двигательных рефлексов и внешнего облика человека*

Следующей категорией явлений, вызванных профессиональной деятельностью, служит факт изменения «бросающихся в глаза» внешних двигательных рефлексов человека и его внешнего облика. Более или менее длительное выполнение профессиональных актов накладывает определенный штамп на внешние движения человека и на все его «обличие». Кто не знает переваливающуюся или качающуюся походку матросов и моряков, привитую им их профессией! Кому не известны плавные и величественные движения (походка, движения рук и т. д.) священников! Кто не видал «военную выправку» старых солдат, офицеров и вообще лиц, долгое время подвергавшихся военной муштровке! Она, как известно, в ряде случаев, особенно у старых «николаевских солдат», оставалась и сохраняется всю жизнь по выходе в отставку, когда она излишня и бесцельна. Больше того. «Манера держаться» человека во многих случаях ясно говорит об его профессии. Не нужно быть Шерлок-Холмсом, чтобы по этой «манере держаться» в ряде случаев совершенно правильно определять профессию человека. Понаблюдайте внимательно в наше время за «манерой держаться» многих лиц, встречаемых вами на улице. Довольно часто вы безошибочно узнаете бывшего старого бюрократа, бывшего сильного человека в субъекте, весьма скромно одетом и занимающем весьма скромное место. Я лично три раза ставил такой прогноз, и по проверке он оказался правильным. И обратно: в ряде лиц, занимающих в наше время крупные посты, одетых с большой претензией и шиком,

по их «манере держаться» вы легко узнаете недавнего парикмахера, пролетария, приказчика или лакея. Их старая профессия наложила несмываемый штамп на всю их «манеру держаться», и она выдает их бывшую профессиональную деятельность. Приглядитесь, далее, к движениям кафешантантных певиц, этуалей и шансонеток, к рефлексам поведения проституток, и вы легко усмотрите в них нечто «специфическое», что определяет их занятие без всяких слов... То же может быть сказано и о ряде других профессий...

Еще резче выступает этот факт, если иметь в виду не только бессловесные движения человека, но речь, его словесные рефлексы: способы выговаривания слов («так точно», «рад стараться» и т. п. старых солдат, «извольте-с», «что прикажете-с» и прочие слова с типичным для «человека из ресторана» или лакея прибавлением «с» чуть не к каждому слову, своеобразная дикция провинциальных купцов старозаветного уклада и т. д.), формы их связывания, конструкцию фразы и особенно терминологию. По речи человека почти каждый внимательный наблюдатель легко определит, представителем «мускульной» профессии или «интеллектуальной» является он, «интеллигент» он или нет. Терминология же человека в течение довольно недлинного разговора «выдает с головой» его профессию. Ниже, при характеристике психической деформации человека под влиянием его профессии, мы увидим, что каждая профессия имеет свою терминологию, эта терминология прививается ее членам и бессознательно применяется ими в нужных и ненужных случаях. Типографские рабочие и корректоры имеют свою терминологию («метранпаж», «нонпарель», «корпус», «ротационка», «коррекура»^{13*} и т. д.), моряки – свою, рабочие той или иной фабрики – свою, преступники – свое «арго» и т. д.

Словом, по терминологическим словесным рефлексам очень нетрудно определить профессию человека. То же применимо и к деталям. Напр., в ряде случаев вы вполне правильно определите в собрании неизвестных вам профессоров из их разговоров на обычные темы специальность каждого из них.

Наконец, профессия деформирует и «внешнее обличие» человека. Общим явлением этого рода служит прежде всего одежда людей. Многие профессии, особенно при исполнении профессиональных обязанностей, «облачают» человека в свою одежду, ясно говорящую о профессии последнего. Таковы: ряса и одежда священников, ксендзов, белый халат медицинского персонала, чепчик и фартучек горничных, белый колпак поваров, одежда трубочиста, водолаза, кучера, лакея, мундир военных, красные лампасы и отвороты генералов, «форменный мундир» чиновников разных ведомств, форменное платье и кокарды студентов университета, психоневрологов, сельскохозяйственников, путейцев, специфическая одежда «чекистов», различные нашивки, кокарды, значки лиц разных профессий и т. п.

В таких фактах (а их тысячи) штамп профессии назойливо сам бросается в глаза и говорит яснее всяких слов.

Второй категорией фактов этого рода служит профессиональный штамп, накладываемый профессией на «обличье», лицо человека в узком смысле. «Весь бритый, как артист»; длинные волосы и благообразная борода священников, выбривание макушки у лиц католического духовенства, борода, оставляемая только на шее, у моряков и рыбаков, манера чрезмерного накрашивания лица у особ «легкого поведения» и т. д. – вот примеры множества таких фактов профессионального видоизменения «обличия» человека.

Из сказанного мы видим, что профессия действительно штампует манеру поведения и «обличье» человека по своему образу и подобию. Чем дольше человек занимается своей профессией, тем резче эта печать профессии, тем она неизгладимее и рельефнее.

Перехожу к характеристике дальнейших форм профессиональной деформации.

с) Психический отбор и психическая деформация человека, производимые профессией

Профессия деформирует и весь психический уклад профессионала, как в деталях, так и в целом. Как и при физическом профессиональном отборе, влияние профессиональной дифференциации населения сказывается прежде всего в профессиональном психическом отборе людей. Как и в первом случае, происходит своеобразный психический подбор членов той или иной профессиональной группы, производимый профессией механически. Ряд профессий требуют для удовлетворительного выполнения определенных психических свойств от своих членов. Человек, не обладающий этими свойствами, не может попасть в такую профессию или, попав, «за непригодностью» исключается из нее. Примеры: человек рассеянный не может быть хорошим казначеем или бухгалтером, человек искренний и откровенный не может быть хорошим дипломатом, грубиян и развратник – хорошим педагогом, «не фанатик» – лидером религиозной секты или крайней революционной партии, лицо, пугающееся крови, – хорошим хирургом и т. д. Таков один разряд фактов. Другим, более обширным классом фактов того же рода служат явления разнообразных «психических» цензов, предъявляемые желающим попасть в члены той или иной профессии. Чтобы стать профессором, человек должен выдержать ряд экзаменов или проявить свои способности, иначе он им не сделается. То же относится к профессиям врача, инженера, военного стратега, директора фабрики, механика, наборщика, капитана судна и т. д. Словом, в ряд профессий люди могут попасть, только проявив так или иначе наличность требуемых профессией психических свойств (особых рефлексов).

Для меня сейчас не важно, будут ли эти требуемые профессией психические свойства наследственными дарами или индивидуально приобретенными; для

меня важен сейчас лишь сам факт требования наличности определенных психических свойств для того, чтобы стать членом ряда профессий. Такие барьеры, мешающие проникновению в профессию, в виде экзаменов, стажа, имущественного ценза, производства тех или иных работ (напр., диссертации, пробной работы и т. п.) существуют в большинстве профессий; они служат «реактивами», испытывающими профессиональную годность человека, и образуют механическую машину или орудия профессионального отбора. Легко понять, что в результате такого условия неизбежно должен происходить специфический подбор лиц с определенными психическими свойствами в состав ряда профессиональных групп. В силу одного этого подбора, без влияния психически деформирующей роли профессии, состав членов ряда профессий с психической стороны должен быть специфическим. Благодаря одному отбору члены одной и той же профессиональной группы психически во многом будут сходными (именно в тех свойствах, которые требуются данной профессией); и обратно: члены резко различных профессий во многом психически будут различными.

Если же учесть факт психической деформации человека его профессией, то это явление становится несомненным и неизбежным. В существовании факта такой психической деформации не приходится сомневаться. Она проявляется как в мелких фактах, так и в крупных.

Вместо подробного приведения фактов я позволю отослать читателя к «Жизни на Миссисипи» М. Твена, где шаг за шагом и весьма метко описана психическая деформация автора, поступившего на пароход и желавшего стать штурвальным. Там показано, как он должен был усвоить постепенно терминологию «моряков», направлять свое внимание на то, что проходило раньше незаметным, замечать и форму берега, и характер ряби на реке, и ряд признаков, показывающих, где мель, где фарватер, и ряд других психических навыков, необходимых для того, чтобы выполнять обязанности штурвального. Любая профессия для удовлетворительного ее выполнения требует соответственной психической аккомодации к себе. Профессия певца, музыканта требует развития «музыкального слуха» и постановки голоса, профессия художника – остроты восприятия световых и цветовых тонов и форм, профессия биржевого дельца – способности учета повышения и понижения бумаг, профессия партийного дельца – умения играть на психических струнах членов партийного стада, профессия спекулянта – тонких выкладок и расчетов, необходимых для успешной спекулятивной операции, профессия проститутки – подавления естественной репульсии спариваться с первым встречным, профессия привычного убийцы – способности хладнокровного отношения к мучениям и смерти своих жертв и т. д., и т. д. Без развития соответствующих свойств люди не могли бы долго оставаться в их профессии, а тем более удовлетворительно выполнять ее. Они были бы исключены из нее либо сами ушли бы из «абонентов» «ненавистной» профессии или «покончили

бы с собой». И мы видим ряд случаев, где люди, не приспособившиеся к своей профессии, мучаются, либо переменяют ее, либо кончают счеты с жизнью.

Все же остальные (а таковых большинство), остающиеся по долгу в своей профессии, в итоге так или иначе приспособляются к ней, т. е. подвергаются надлежащей психической деформации.

В тех случаях, когда человек имел «наследственное призвание» к профессии, эта аккомодация к ней или деформация совершается легко, без боли, мучений и страданий. Когда же человек попадает не в свою «профессиональную тарелку», эта деформация совершается труднее, с большими муками и терзаниями.

Особенно интересными с точки зрения профессиональной психической деформации являются случаи последнего рода, похожие на принуждение расти дерева в сторону, противоположную его естественной тенденции. Обратитесь для примера к биографии многих профессиональных убийц, преступников и проституток. Теперь нет надобности критиковать односторонности теории «прирожденных убийц» Ломброзо. Мы знаем, что в большинстве случаев такими профессионалами делались вполне нормальные люди. Из биографии многих «героев» преступного мира и мира проституции мы знаем, что первые акты убийства, или кражи, или проституции они совершали под влиянием исключительных условий (исключительного комплекса стимулов), совершали с отвращением, с муками, угрызениями совести. Но, попав в разряд таких профессионалов, принужденные волею судеб продолжать свое дело, чем далее, тем легче и легче они убивали, крали, проституировали, пока не входили окончательно в свою роль и не приспособлялись к ней. Трудно убить человека, трудно решиться на преступление в первые разы; стоит, однако, повторить этот профессиональный акт 10–20 раз, и перед нами будет «профессиональный вор», «проститутка», «палач», вполне приспособившийся к своей работе. Старые убеждения, отвращение, муки совести будут «смыты» профессией и могут даже замениться противоположными. Нормы «красть стыдно», «убийство не дозволено», «проституция отвратительна» в сознании таких лиц могут замениться обратными, признающими такие акты похвальными или вполне нормальными; репульсия может замениться гордой тенденцией «залихватского исполнения своего дела», тенденцией, часто выступающей у таких лиц в своеобразной похвальбе своим мастерством и в актах негодования по адресу лиц, сознательно или бессознательно унижающих данную профессию и способности к ней у данного лица.

Сказанное *mutatis mutandis*^{14*} применимо и к другим случаям профессиональной деформации психики профессионала.

То же явление может быть констатировано и на отдельных психических процессах. Беру для примера область восприятия и внимания. Наблюдения и эксперименты (частью лично произведенные мной) говорят, что профессиональная деформация восприятия и внимания выражается в «обострении» восприятия объектов

и явлений, относящихся к профессии человека, и в определенном направлении внимания профессионала к предметам и явлениям профессии. К таким объектам и явлениям человек становится особенно «чувствителен» и восприимчив, к предметам же и процессам побочным, не имеющим отношения к профессии, он становится более «тупым», «невосприимчивым», «глухим» и «слепым».

Примеры. Корректор-профессионал при чтении книг легко заметит ряд опечаток, на которые простой смертный не обратит внимания. Опытный врач при осмотре человека найдет ряд «болезненных» симптомов, которые неспециалист не заметит. Профессионал-газетчик находит в ведении и постановке газеты целый ряд дефектов, о которых простой читатель и не подумает. Хороший типографский ментранпаж в прекрасно изданной книге без особого намерения замечает ряд технических недочетов, не замечаемых неспециалистом. То же относится и ко всем специальностям. Недаром же в практической жизни давно появился институт специалистов-экспертов. Само существование его, как видим, стоит в связи с указываемой деформацией восприятия под влиянием профессии.

Еще резче эта деформация проявляется в области внимания. Многим, вероятно, приходилось наблюдать сцены вроде следующей. Один и тот же объект, напр. пейзаж, открывающийся из окна вагона или с палубы парохода, в лицах различных профессий вызывает централизацию внимания на совершенно разных своих свойствах. Внимание землероба-крестьянина фиксируется на составе почвы («чернозем», «плоха или хороша земля», удобна или нет для обработки и т. д.), внимание художника, поэта – на красоте, форме и цветовых тонах пейзажа, внимание историка (если место «историческое») – на «исторических памятниках» пейзажа, внимание геолога или «горняка» – на геологической структуре и естественных минералогических богатствах места и т. д. Словом, один и тот же внешний объект воспринимается различными профессионалами разное, привлекает их внимание на те свои стороны, которые имеют отношение к профессии человека. При надлежащих условиях это же явление может быть воспроизведено и искусственно, экспериментально. Возьмите кусок картона с нарисованными или наклеенными на нем различными предметами и продемонстрируйте его в течение одной или нескольких секунд (в зависимости от сложности, величины рисунков, степени освещения и т. д.) перед лицами разных профессий. Причем в числе предметов, нарисованных на картоне, должны быть предметы, имеющие отношение к профессии того человека, которому демонстрируется картон. Итог такого опыта показывает, что в ряду предметов, которые успел «воспринять» и «запомнить» испытуемый субъект, непременно оказывается предмет его профессии. Он почти никогда не обходится «вниманием»; при кратковременном показывании картона ряд предметов или рисунков не схватывается, не успевает зафиксироваться в сознании субъекта; профессиональный же объект почти всегда успевает привлечь к себе внимание и войти в сознание. Такие опыты

экспериментально подтверждают регулятивно-направляющую роль профессии в области внимания. Существует ряд других экспериментальных методов для изучения того же явления.

Дальнейшей формой психической деформации, производимой профессией, служит не раз отмеченный факт гипертрофической оценки важности и значения своей профессии со стороны профессионала. «Продолжительное выполнение известной профессии, – говорит Langerock, – создает в индивиду деформацию процессов мышления и деформацию здоровой оценки значения своей профессиональной работы в общем труде той группы, к которой принадлежит данный человек». Такой профессионализм представляет вид идиосинкразии, нелогичной по существу, рождающейся помимо сознания индивида в процессе медленного психического приспособления к своей профессии и вытекающей отсюда деформации. В итоге такой деформации создаются «профессиональные типы» солдата, матроса, монаха, судьи, священника, партийного дельца, банкира и т. д. В результате всей такой деформации вырабатывается в ряде профессий «корпоративный дух» (*l'esprit de corps*), выражающийся в особой профессиональной солидарности, в единстве интересов, в сходстве мировоззрения и в «профессиональной этике» (профессиональная этика врачей, священников, офицерства – «честь мундира», воров, проституток и т. д.).

Все эти явления, легко констатируемые, – результат и подтверждение психической деформации, производимой профессией. Профессия каждого человека деформирует его «душу» по своему образу и подобию. Перефразируя слова Маркса, можно сказать: «Профессиональное бытие человека определяет его сознание». От характера профессии человека в значительной мере зависит характер его идеологии, его духовного багажа, его этики, симпатий и антипатий, вкусов и привычек и всего мировоззрения. «Профессия каждого навязывает ему свою “точку зрения”, под которой он воспринимает мир явлений и реагирует на раздражения. Если аптекарь воспринимает его под углом зрения “унций”, то прокурор воспринимает его *sub specie* статей кодекса, священник – с точки зрения принципов религии; солдат – дисциплины и военного дела и т. д. То же применимо к их интересам, убеждениям, вкусам и всему миро- и жизнеощущению». Этот общий факт неоднократно отмечался рядом исследователей. Veblen видит источник различия психического уклада (форм мышления, желаний, вкусов, политических взглядов и симпатий, идеологии и т. д.) биржевого дельца и рабочего ни в чем ином, как в резком различии их профессий. Тот же факт рельефно отмечает и проф. Нохте. Механистическо-атеистическое мировоззрение рабочих, их склонность к социалистической идеологии, их убеждение, что «собственность – кража»^{15*}, – результат их профессиональной работы и обстановки. Эта работа состоит в мускульной работе и заключается в трансформации одной физической энергии в другую – физическую же. Им приходится иметь дело с «детермини-

рованными», бездушными автоматами – машинами, работать коллективно, жить коллективно. Отсюда и склонность к социализму, к механистическому детерминизму и материализму и к принципу: право на продукт труда принадлежит им как физическим трансформаторам продукта. Иная профессиональная среда окружает капиталиста, предпринимателя, банкира. Его профессиональная работа носит исключительно интеллектуальный характер. Для него она единственный творец предприятия и продукта. Рабочие для него – машина, и потому, как всякая машина или рабочий скот, не имеет никаких прав на продукт. Таким профессионалам приходится иметь дело не с машинами, а с людьми и с их изменчивой волей. Отсюда – анимистическое и индетерминистическое мировоззрение и т. д. Работы Thomas'a, Бебеля и множества криминалистов показали нам, что резкая разница между мужчиной и женщиной объясняется не только биологическими различиями, но и появившимся на этой почве профессиональным различием, вызвавшим гипертрофию «женственности» в женщинах, ограничившим их умственный кругозор и т. д. К сходным итогам относительно профессиональной деформации пришли и другие исследователи.

Из сказанного ясно громадное значение профессии в определении психического мира человека. Эти схематические штрихи показывают, что влияние профессии распространяется на всю нашу духовную жизнь, что избавиться от него мы не можем, и тем сильнее сказывается оно, чем *ceteris paribus*^{16*} человек дольше остается в пределах одной профессии. В последнем случае однобокость мировоззрения, профессиональный моноидеизм и идиосинкрязия, профессиональная нетерпимость к членам далеких профессий – неизбежное следствие влияния профессии.

d) Деформация человека как сообщественника, его образа жизни, быта и всего поведения, производимая профессией

Дополню нарисованную картину деформирующей роли профессии дальнейшими двумя-тремя «мазками», завершающими и дополняющими сказанное. После сказанного легко понять, что все поведение человека, его «уровень жизни», его быт, его социальный *habitus*^{17*} отмечены печатью профессии.

Профессия человека обуславливает квартал его жительства, характер жилища, обстановку квартиры. И сейчас в городах есть кварталы банкиров и предпринимателей, кварталы рабочих (обычно на окраинах), кварталы учащихся, научной и литературной богемы (латинский квартал, у нас сейчас – «дома ученых», «литераторов», «дом искусств», «дом советских чиновников» и т. п.).

Словом, в ряде городов мы находим географическую локализацию места жительства ряда профессиональных групп. В средние же века это явление особенно резко было выражено.

Профессия обуславливает характер и обстановку жилища. Солдаты живут в казармах, художники и фотографы должны иметь «светлое ателье», у врачей и присяжных поверенных должна быть прилично обставленная приемная, у профессоров мы найдем кабинет с полками книг, у литературной и художественной богемы – мансарду или комнату с «поэтическим беспорядком», швейцары живут в коморке под лестницей, обстановка дворницкой известна, в комнатах прислуги вы найдете карточки солдат, «пожарных» и размалеванные открытки по стенам, и т. д. и т. д.

Профессия обуславливает величину наших доходов и расходов, а через это – обстановку, степень комфорта, характер белья и одежды, характер нашей пищи, посещаемых ресторанов, трактиров и харчевен, посещаемых театров, имение или неимение прислуги, выездных лошадей, своей виллы, посещение курортов – короче, все то, что «покупается и продается за деньги».

Известно каждому, что каждая профессия имеет свой средний размер доходов. Профессия профессора раньше оплачивалась выше, чем профессия рабочего, доход министра был выше, чем курьера. Раз так, то отсюда вытекала необходимость такого образа жизни, который допускался величиной дохода.

«По профессии протягивай ножки», – так можно выразить эту мысль. Через этот факт профессия детерминирует весь образ жизни профессионала. Раз средний доход лиц одной и той же профессии более или менее близок (исключения в счет не идут), то через этот факт образ жизни однопрофессионалов неизбежно оказывается во многом сходным. Сходным, помимо предыдущих причин, потому, что, как можно предположить дедуктивно и как подтверждается эта дедукция индуктивной проверкой, сходство имущественного положения лиц во многом предопределяет сходство их «уровней жизни» (Standart of life). Индуктивная проверка этого положения в применении к имущественным слоям Англии была сделана Д'Этом и Декампом, в применении к населению Германии – Шмоллером, и она вполне подтвердила это положение. «Образ жизни» и «уровень» ее у лиц одинакового имущественного положения действительно во многом оказываются сходными. Таким образом, профессия обуславливает величину доходов, величина доходов – образ и уровень жизни. Отсюда становятся понятными дальнейшие причины громадного влияния профессии на все поведение индивида. Прямо или косвенно профессия определяет: 1) бюджет времени человека, часы вставания, часы профессиональной работы, часы еды, часы отдыха и сна; 2) его жилище и обстановку последнего; 3) его одежду; 4) его пищу; 5) его потребности и способы их удовлетворения; 6) характер его развлечений (кабак, ресторан, театр, кинема, чтение книг, музыкальные концерты, карты, выпивки для развлечения, «угощение» при заключении сделок и т. д.); 7) его семейное положение; 8) способы «поддержания знакомств» (визиты, выезды, посещение «делового общества») и сам круг знакомых (ученый вертится в кругу ученых, поэт – среди

поэтов, рабочий – среди рабочих, студент – среди студентов, чиновник – среди чиновников своего ведомства, врач – среди врачей и т. д.); 9) способы сообразного с профессией соблюдения конвенционных правил и профессиональной этики (ряд профессий требуют, чтобы у их члена была прислуга, выездные лошади, своя ложа в театре, чтобы посещались и устраивались балы – требования «респектабельности», чтобы хранились профессиональные тайны – врачебная тайна, исповеди, коммерческих сделок и т. д.).

Если примем профессию за «независимую переменную», то между ней и перечисленными сторонами поведения людей неизбежной окажется функциональная или коррелятивная связь; последние в известной мере будут функциями профессии.

А все эти стороны исчерпывают почти все поведение и весь образ жизни индивида.

Все же сказанное о физической, внешней, психической и социальной деформации индивида его профессией показывает, насколько громадно влияние профессии на поведение людей, на весь их образ жизни, на всю их психическую и физическую структуру, иными словами, как громадна деформация человека, производимая его профессиональной деятельностью, раз он занимается ею длительное время.

Поистине, каждый человек штампуется его профессией сообразно образу и подобию последней. Избавиться от этого влияния никому не дано. Ограничиваюсь приведенными штрихами в характеристике профессионального отбора и профессиональной деформации.

3

До сих пор я рассматривал влияние профессии на поведение индивида. Само собой разумеется, этим не исчерпывается ни изучение влияния профессии, ни эффекты последней. Раз профессия оказывает столь громадное влияние на поведение людей, то отсюда следует, что она имеет громадное значение в обусловливании хода социальных процессов, ибо социальные процессы в конечном счете складываются из поступков людей; следовательно, все условия, варьирующие поведение людей, являются тем самым и «факторами», или «детерминаторами», социальных процессов.

Здесь я не собираюсь очерчивать «социальную роль» профессий. Я хочу лишь указать на два-три пункта, ближайшим образом связанные с поведением профессиональных групп.

Раз профессиональная деятельность преобразует человека по своему образу и подобию, то, очевидно, члены одной и той же профессии будут неизбежно

но сходными между собой во многих отношениях: и по физической структуре, и по внешности, и особенно по психическому укладу. У них неизбежно будут во многом сходными идеология, убеждения, вкусы, симпатии и антипатии, образ и уровень жизни, интересы и стремления – словом, все поведение. И обратно: члены резко различных профессий будут резко отличаться между собой во всех этих отношениях.

Эти теоремы – простой вывод из всего предыдущего.

Из этих теорем следуют дальнейшие.

В силу сходства поведения, стремлений и интересов однопрофессиональных лиц последние будут «притягиваться» и солидаризироваться друг с другом на почве этого общего сходства и общих интересов, и обратно: члены резко различных друг от друга профессий будут взаимно чуждыми и даже будут антагонизировать друг с другом в силу резкой их гетерогенности, а часто и противоположности их стремлений и интересов. Они никогда адекватно не смогут понять друг друга, они будут жителями разных планет, говорящими на разных языках.

Отсюда дальнейшее следствие: неизбежность профессионального расслоения населения и неизбежность борьбы резко различных между собой профессиональных групп. Раз члены одной и той же профессии взаимно притягиваются, а члены разных профессий взаимно отталкиваются, то в силу такого притяжения и отталкивания со времени появления разных форм профессиональной деятельности «человеческие молекулы» должны неизбежно концентрироваться в профессиональные группы, а между разными группами должны появиться глубокие трещины расслоения. Так оно и есть. «С незапамятных времен» мы находим в человечестве распад населения на профессиональные группы (касты жрецов – браминов, касты воинов – кшатриев, *collegia fabrorum, pistorum*^{18*} и т. д. в Риме, средневековые цехи, братства, гильдии, современные профессиональные объединения лиц всех профессий, начиная с профессиональных союзов рабочих, капиталистов, ученых и кончая профессиональными союзами воров, проституток и т. п.). Оно было, и оно существует¹.

Раз члены далеких друг от друга профессий резко различны, раз их интересы не совпадают, а часто и противоречат друг другу, антагонизм и борьба между ними становятся неизбежными. Так оно было, так оно происходит и до сих пор. Так оно будет происходить и в будущем, если останется длительное приращение человека к одной профессии с вытекающими отсюда «моноидеизмом» и профессиональной идиосинক্রазией. Единственное противоядие против этого – частая перегонка людей из профессии в профессию. Она, согласно сказанному выше, может уменьшить и ослабить этот «моноидеизм» и вытекающую отсюда нетерпимость, идиосинক্রазию и т. п. В известной мере она может быть выпол-

¹ См. подробнее об этом в моей «Системе социологии», т. II. Там же указана и литература.

нена, но не вполне, ибо против чересчур частой перегонки встает другой принцип, столь же социально необходимый, – принцип специализации.

4) Из принципа профессионального расслоения и профессиональной деформации, в свою очередь, следует вывод, гласящий: в сопутствующем человеческой истории факте распада населения на касты, сословия, классы, «высших и низших», «привилегированных и обделенных», «властителей и подвластных», «аристократов и рабов» играла и продолжает играть свою роль профессиональная деформация, профессиональное расслоение и профессиональное разделение труда. Профессиональное разделение труда, появившись на почве биологической гетерогенности индивидов, само в дальнейшем было источником социального неравенства и остается им до сих пор. Чтобы уничтожить это неравенство, помимо других причин надо уничтожить деформирующую роль профессии. А это радикально выполнимо только путем уничтожения профессионального разделения труда (что является утопией) или – но только отчасти – *путем ускорения перегонки индивидов из профессии в профессию, что в известной мере достижимо.*

5) До тех же пор, пока будет более или менее длительное прикрепление человека к одной профессии, будет и неравенство и антагонизм разнопрофессиональных групп, хотя и в смягченной форме. Таков дальнейший теоретико-практический вывод из развитой теории профессиональной деформации.

Выше неоднократно подчеркивалось, что степень деформации, моноидеизма и идиосинкразии, производимой профессией, зависит от продолжительности прикрепления человека к одной профессии. Это обстоятельство побуждает обратить особое внимание на факт «закрытости» или открытости исследуемой профессиональной группы, иными словами, на длительность пребывания ее членов в пределах данной профессии, на быстроту изменения состава последней, на темп вливания в нее новых членов и выбывания из нее бывших ее абонентов.

В применении к разным профессиям эта проблема может быть названа проблемой циркуляции индивидов данного населения из одной профессиональной группы в другую.

Дедуктивно можно установить такие теоремы: 1) степень профессиональной деформации, моноидеизма, идиосинкразии и корпоративного духа, *ceteris paribus*, будут более резкими в тех профессиональных группах, в которых состав членов обновляется медленнее, где каждый член остается «пожизненным» абонентом этой профессии. В профессиях, состоящих из «потомственных и пожизненных членов», она будет максимальной. Примером таких групп могут служить касты Индии, где профессия потомственна и пожизненна, средневековые цехи и гильдии и некоторые профессии нового времени.

В профессиях, быстро обновляющих состав своих членов, степень деформации и корпоративного духа (*ceteris paribus*) будет меньшей.

2) В одной и той же профессиональной группе степень профессиональной деформации будет резче выражена (*ceteris paribus*) у членов, состоящих более продолжительно абонентами данной профессии, чем у членов-новичков.

3) В населении, где (*ceteris paribus*) межпрофессиональная циркуляция индивидов более интенсивна, где индивиды чаще меняют свою профессии, средний умственный кругозор населения будет менее односторонним, будет меньше моноидеизма, будет менее острым антагонизм различных профессиональных групп и больше взаимного понимания, чем в населении с ничтожной межпрофессиональной циркуляцией. Сравните с этой точки зрения С. А. С. Штаты, с одной стороны, кастовую Индию, средневековое население Европы и население хотя бы России Московского периода – с другой. Раз задачей политика и педагога является уменьшение борьбы и антагонизмов, то отсюда следует, что общество должно быть построено так: *1) чтобы каждый человек попал в ту профессию, к которой он имеет наследственные склонности; 2) чтобы индивиды относительно свободно могли переходить из профессии в профессию.*

Реализация этих условий, как подробнее увидим в нашей последней беседе, даст удовлетворение и довольство самим индивидам, повлечет за собой уменьшение их «однобокости», расширит их умственный кругозор, принесет ряд плюсов всему обществу и, наконец, ослабит социальные антагонизмы. Таков практический вывод, вытекающий из сказанного.

Лекция шестая

Существование и социальная роль религии

1

Помимо семьи, школы и профессии дальнейшим общественным учреждением, имеющим значительное влияние на поведение людей и играющим большую роль в судьбах общества, является *религия или церковь как объединение одинаково верующих людей*.

Влияние религии на поведение человека есть частный случай влияния верований и идей на последнее.

Нет надобности доказывать, что верования во многом определяют поступки и акты человека. Видя крест, православный крестится, неверующий или инаковерующий не совершает этого акта. Верующий ходит в церковь, соблюдает посты, религиозные обряды и т. д. Неверующий этого не делает. Огромное количество актов, совершаемых верующими, не совершалось бы, если бы у них отсутствовали или были бы иными эти верования. Существование самой религии, здания церквей и храмов, институты священников и духовенства, церковные службы и т. д. вплоть до религиозных войн – все это служит доказательством влияния религии на поведение людей.

Вычеркните эти верования у верующего – и он перестанет совершать указанные поступки. Вычеркните религию из истории – и многое в ней будет непонятно.

Эти факты, наблюдаемые каждым из нас, делают понятным значительное влияние религии каждого общества на его членов.

Каждый из нас, рождаясь в среде определенной группы, очень рано начинает подвергаться влиянию религии последней. Уже в лоне семьи нас начинают учить ее заповедям и обрядам, символу веры и религиозным предписаниям. Это религиозное воспитание и обучение очень часто производится и общей школой, а там, где церковь отделена от государства, оно производится в специальных церковных школах или в самих церквах. Рядом с этим церковь непосредственно сама производит огромную религиозно-воспитательную работу путем религиозных служб, проповедей, совершения таинств, многообразного вмешательства в общественную жизнь и т. д. В итоге всего этого воздействия религии на индивида его поведение значительно видоизменяется и оформляется в том или

ином виде. Вместе с семьей, школой и профессией религия представляет одного из скульпторов, принимающих участие в преобразовании данного человека в *socius*'а. Резцу этого скульптора каждый обязан многими чертами и свойствами. Они столь серьезны и типичны, что признак «вероисповедания» был и остается одним из основных признаков, характеризующих каждого из нас.

Раз религия играет столь серьезную воспитательно-формирующую роль в поведении каждого из нас, то отсюда уже следует ее значительная роль во всей общественной жизни и в исторических судьбах народа. Влияя на поведение членов общества, она тем самым влияет и на ход его истории. Представляя одну из «фабрик переделки людей», она тем самым принимает участие и в переделке всей общественной жизни. Если эта фабрика устроена хорошо – люди, выходящие из нее, также будут обладать рядом хороших свойств. Если плохо – будут не на высоте и люди.

Словом, то или иное влияние религии несомненно.

Но этим еще не сказано: каково оно по своему качеству? В чем состоит основная социальная роль религии? Является ли ее влияние положительным или отрицательным? В наше время раздаются немало голосов, объявляющих «религию опиумом народа»^{19*}, выдуманным попами для эксплуатации народа, религиозные верования – сплошным предрассудком, религию – вредным институтом и т. д.

Сообразно с такими взглядами эти люди, называющие себя «просвещенными», любящие ссылаться на науку, всячески стремятся уничтожить и подорвать религию. Спрашивается: *правы ли они?* Ответ на этот вопрос зависит от того, что нужно понимать под религией, во-первых, и в чем усматривать ее основную роль, во-вторых.

К этим вопросам мы и перейдем сейчас. Очертив их, мы сможем довольно легко ответить и на предыдущий вопрос.

2

Что такое религия? Каковы первоначальные ее формы? Где источник ее происхождения? Почему она так живуча? И, наконец, какова социальная роль религии? Вот вопросы, которые мы должны разрешить. Определений религии много. И работ, посвященных этим вопросам, немало. Наиболее обычными и популярными определениями религии являются два. Одни из исследователей этой проблемы (вроде Спенсера и М. Мюллера) определяют религию как систему верований в *сверхъестественные* силы; другие же, как, например, Альбер Ревилль

и отчасти Эдуард Тейлор, определяют религию как верование в связь человека с Богом или как верование в существование духов.

Ни то, ни другое определение не может быть вполне принято. Первое потому, что верование в сверхъестественные силы, очевидно, предполагает уже наличие представлений о естественных силах или о естественном порядке вещей; иными словами, оно предполагает уже дуализм естественного и неестественного. Между тем этот дуализм первобытному уму совершенно неизвестен: то, что нам кажется сверхъестественным, не могло быть таковым для первобытного человека, ибо у него отсутствовало разделение явлений на естественные и сверхъестественные. Второе определение негодно в силу того, что имеются весьма крупные религии, которым неизвестно понятие божества и духов, или, во всяком случае, они играют здесь второстепенную и незначительную роль. Примером такой религиозной системы может служить буддизм, который может быть охарактеризован как религия без божества. В силу этих оснований приходится признать эти ходячие определения неверными.

Как же в таком случае определить религию? Что является характерным признаком религиозных явлений? Какую бы религию мы ни взяли, в каждой из них мы найдем два основных элемента: это, *во-первых, совокупность тех или иных представлений (верований) и, во-вторых, совокупность тех или иных поступков, вызываемых этими верованиями и реализующих их вовне (обряды, культ)*. Таковы эти два элемента всякой религиозной системы. Теперь, чтобы окончательно определить религию, нужно, очевидно, указать характерные черты специально религиозных представлений, отличающих их от совокупности других верований. Каковы же эти искомые черты или, иначе, *какова сущность религиозных представлений? Таким искомым признаком, отличающим религиозные представления (верования) от других идей, служит наличие в них дуализма, разделяющего все вещи и явления на два мира – на мир «священного», на мир «обычно-вульгарного», нечистого*. «Подразделение мира на области, из которых одна содержит все то, что священо, а другая все то, что “вульгарно” (profane), не священо, – есть отличительная черта религиозной мысли». Всякая религия, как примитивная, так и развитая, обладает этим признаком, составляющим ее «ядро». Раз найден отличительный признак религиозных верований, то тем самым указано и то, какие внешние поступки относятся к области религиозной жизни. Это будут, очевидно, те поступки, которые реализуют вовне эти верования и вызываются ими. Совокупность их и составляет то, что называется религиозным культом. Полученное определение нуждается еще в одном отличительном признаке, необходимом для отделения религии от магии. Дело в том, что указанными же чертами обладают и магические верования. Поэтому, чтобы не смешать в одну группу религию и магию, мы должны ввести еще один признак, свойственный религии и отсутствующий в магии. Магия всегда индивиду-

алистична; ее формулы и заклинания всегда составляют достояние одного или немногих индивидов, и по существу дела они не могут быть достоянием коллектива. Собственно же религиозные верования всегда свойственны определенному *коллективу*. Именно благодаря общности верований и единству вытекающего из них культа совокупность отдельных индивидов и становится тем самодовлеющим социальным единством, которое можно назвать *церковью*. Отсюда полное определение религии будет таково: *религия есть солидарная система верований и поступков, указывающих мир священного, имеющих своей задачей приблизить к нему человека, помешать смешению его с миром мирского или нечистого или обезвредить вредные результаты такого смешения. Совокупность таких верований и поступков, соединяющих в одно религиозное и моральное целое массу лиц, называется церковью.*

Таково определение религии.

С первого взгляда такое определение религии кажется довольно абстрактным. Стоит, однако, немного вдуматься в него, чтобы оно стало вполне ясным.

В самом деле, не во всех ли религиях мы находим это деление всех явлений на две категории: на мир «священного», царство «Бога», и на мир нечистого – царство «Дьявола»? На «святое и богоугодное дело» и на «дело греховное»? Не все ли религии дают нам «символы веры», кратко резюмирующие сущность этого «священного», и то поведение, которое требуется, чтобы быть сопричастником последнего?

Разве не тот же дуализм этих двух миров и недопустимость их смешения проявляется в дележе времени на время «священное», отведенное для выполнения священных дел, и мирское, предназначенное для мирских дел? Это деление мы находим в той или иной форме во всех религиях. Все они запрещают, считают «грехом» смешение этих двух миров даже во времени. «Помни день субботний, еже святити его, шесть дней делай и сотвориши в них вся дела твоя; день же седьмый – суббота Господу Богу твоему»^{20*} – вот пример такого деления. «Праздники, субботы, дни шабаша» – время, предназначенное для религиозных дел. В эти периоды нельзя («грех») совершать обычные дела.

То же мы видим и в дележе *пространства*. Для избежания того же смешения двух миров они во всякой религии отделяются даже пространственно. В местах, предназначенных для совершения религиозных действий, считается недопустимым – «греховным» – совершение мирских дел. «Дом Мой – дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников», – сказал Христос, изгоняя торгующих из храма^{21*}. Во всех религиях вплоть до первобытных места исполнения религиозных обрядов резко отделены от других, как у нас церкви и костелы отделены от других

зданий. В таких местах совершение обычных дел не допускается. Та же черта проявляется, далее, в *запрещении касаться нечистыми руками «священных предметов»*, в запрещении даже приближаться к ним (напр., женщинам входить в алтарь) или смотреть на них (напр., на антиминс^{22*}), не очистившись от всего мирского.

Вдумайтесь, далее, в смысл *таинств и обрядов*. Их основная задача заключалась и заключается ни в чем ином, как в приближении верующего к «миру священного», с одной, стороны, с другой – очищении его от «греха», происшедшего из смешения этих двух миров.

В таинстве *причащения* мы видим эти черты воочию. Приближение верующего к «священному» здесь проявляется в актах еды верующим «священного» или его символов. «Ядый мою плоть и пияй мою кровь во мне пребывает и Аз в нем»^{23*} – вот точный смысл таинства причащения. У примитивных народов это значение проявляется в буквальной еде священного животного или растения. В более развитых религиях место последних заменили их символы.

В таинстве *покаяния*, предшествующем причащению, опять ясно обнаруживается требование несмешения этих двух миров. Прежде чем сподобиться, слиться со священным в причастии, человек должен «очиститься», снять с себя все мирское и греховное. Иначе будет великий грех.

Таинство *священства* имеет ту же задачу наибольшего приближения верующего к миру «священного» путем особых обрядов, делающих его способным «вязать и решать грехи».

Та же задача в разных формах выполняется и другими таинствами.

Она же резко проявляется в институте поста, *монашества и аскетизма*. Монах или аскет, т. е. лица, всецело посвящающие себя божеству, должны абсолютно отрешиться от всего мирского и нечистого. Иначе произойдет смешение этих двух миров, т. е. «грех».

Та же черта проявляется во всех службах и обрядах любой религии. Конкретные формы таинств, служб, обрядов в разных религиях разные, но в основе своей они одинаковы: все они или стремятся приблизить и слить верующего с миром «священного», резко отграничить последний от мира мирского, не допустить их смешения, и если оно произошло, то обезвредить его вредные результаты.

Предыдущее показывает, что приведенное определение религии далеко от абстрактности и вполне соответствует действительности. Спрашивается теперь: откуда же произошло это понятие «священного» (божества), что, какая сила в нем олицетворяется?

Этот вопрос заставляет нас кратко очертить первобытные формы религиозных верований, где положение вещей проще и потому яснее может быть схвачено. Ответ на этот вопрос даст нам ответ и на вопрос о социальной роли религии. Перейдем поэтому к сжатому анализу первобытной религии, известной под именем *тотемизма*.

Что представляет собою тотемизм?

Тотемизм представляет, с одной стороны, систему определенных верований, а с другой – систему поступков, регулируемых этими верованиями. Оставляя пока второй элемент, обратимся к характеристике тотемизма как системы верований.

Тотем есть прежде всего имя клана. Тотемизм констатирован и особенно подробно изучен у австралийцев, имеющих клановую организацию. Клан же характеризуется двумя чертами: а) индивиды, его составлявшие, соединены друг с другом связью *родства* (значит, клан есть общество индивидов, считающих себя родственниками), но *родства не кровного, а иного*; б) основанием этого родства является не единство крови (благодаря которому мы теперь считаем одних людей «родственниками», а других «чужими»), а оно покоится на том, что *члены клана считают себя родственными с определенным разрядом предметов, весь класс которых и носит название тотема.* Таким классом предметов являются те или иные животные (напр., кенгуру, ящерицы), растения (напр., травяное семечко), реже – неодушевленные, считающиеся родственными предметы. Следовательно, все индивиды (А, В, С, D и т. д.), напр. кенгуру, состоят в родстве между собою и образуют один клан, тотемом которого будет класс «кенгуру» и названием которого тоже будет имя «кенгуру». Члены же его будут называть себя (и фактически называют) «людьми-кенгуру»; точно так же члены тотема «ящерицы» называют себя «людьми-ящерицами», тотема «личинки-уптчети» – «людьми-личинками-уптчети» и т. д.

Совокупность нескольких кланов образует у австралийцев более обширную социальную группу – «фратрию». Фратрия имеет также свой тотем, а поэтому и кланы, входящие в одну фратрию, считаются родственными друг с другом. Кроме этого кланового тотема и особого тотема фратрии могут быть тотемы специально мужеской и специально женской половины группы, а равно и каждый индивид может иметь свой личный тотем.

Как клановый тотем, так и тотем индивидуальный составляет не отдельный предмет данного класса, напр. не то или иное отдельное кенгуру, а весь род кенгуру.

Но тотем не есть только имя, тотем в то же время представляет и эмблему чего-то, «подлинный герб, аналогичный геральдическому гербу», иначе говоря, тотем есть не только имя, а еще символ чего-то.

Внешним показателем тотема как эмблемы служат те или иные *знаки и рисунки*, вычерчиваемые на предметах данного клана, а равно и на телах, составляющих клан индивидов. В частности, татуировка есть не что иное, как обозначение того, что данный индивид принадлежит к такому-то тотему и поэтому

является членом такого-то клана. (Заметим в скобках: уже отсюда видно, что тотем как эмблема есть не что иное, как символ коллективности (общества), этикетка того, что данный индивид, живой или мертвый, – тотемический знак рисуется иногда и на мертвых, – принадлежит к данному клану. Внимательное изучение тотема как эмблемы и является основанием социологической теории религии.)

Прежде всего, тотемический знак или рисунок в качестве эмблемы чего-то играет в высшей степени важную роль. Именно наличность этих знаков тотема и делает тот или иной предмет «священным»; поэтому неудивительно, что тотемические знаки – неизбежный и необходимый элемент священных обрядов, при совершении которых им приписывается весьма важная «освящающая» роль; не удивительно также, что особо священными предметами почитаются именно те предметы, на которых выгравирован знак тотема (так называемые «чуринга», «нуртунья», «ванинга»^{24*} – предметы, делаемые из камня или дерева).

«Святость» этих предметов видна хотя бы из того, что потеря их считается настоящим бедствием. Можно сказать вообще, что священными будут все те предметы, которые являются материальными носителями тотема – или в качестве животного и растения того или иного класса, или же в качестве предмета, имеющего на себе тотемический знак. Поэтому скалы и утесы, на которых имеется эмблема тотема, места, в которых хранятся чуринги («ернамалунга»), и т. д. – все эти места и предметы в силу сказанного становятся священными, и обращение с ними регулируется рядом норм, носящих религиозный характер. Священный характер тотемического животного или растения виден из того, что члены клана не могут его есть, а если подобный поступок и допускается в редких случаях, то предварительно необходимо совершение целого ряда обрядов. Нельзя, далее, убивать животное-тотем или срывать тотем-растение, кое-где нельзя прикасаться к ним, одеваться в шкуру своего тотема и т. д.

К числу «священных» же предметов принадлежат и члены данного клана в силу того, что они суть одно с тотемическим животным или растением. Отсюда – признание священности крови человека, его волос, тех или иных частей тела; при этом степень священности не одинакова у всех членов: женщины менее священны, чем мужчины, из мужчин лица, прошедшие обряды посвящения, более священны, чем «непосвященные».

Но деление вещей и явлений на мир «священного» и «вульгарного» не останавливается на этом: оно идет дальше, охватывает весь мир, доступный первобытному человеку, и превращается в подлинную цельную космологическую философию. Солнце для австралийского племени Вунгароо есть подлинный член Вунгароо, луна же есть Воотароо. Члены этой группы верят, что между ними и группой существует то же родство, что и между самими членами. У других племен мы встречаем ту же универсальную философию, которая считает «священ-

ными» то луну, то гром, то зиму, то облака, то огонь, то дым, то воду, то дождь и т. д., и сообразно с этим эти племена верят в существование особой связи между ними и этими предметами.

Из сказанного видно, что анализ тотема как эмблемы показывает, во-первых, правильность приведенного определения религии – тотемизм действительно есть система верований, признающая дуализм «священного» и «вульгарного», во-вторых, из сказанного же вытекает, что *вначале «священное», особо почитаемое и уважаемое не имеет какого-нибудь индивидуального облика и не связано с природой того или иного предмета: «священным» является все то, в чем материализовался или символизировался тотем*; границы «священного» неясны и неопределенны, оно может быть всюду и нигде; предмет, не бывший священным, благодаря тем или иным обрядам может стать таковым; иначе говоря, на первичных ступенях тотем, освящавший все, безличен и вполне подобен позднейшим представлениям божества.

Иначе говоря, мы можем сказать, что *тотемизм есть религия не тех или иных животных, людей или знаков, а религия анонимной безличной силы*, которая оказывается в каждом из этих существ, не смешиваясь, однако, ни с одним из них. «Ни одно из конкретных тотемических существ не обладает всей этой силой, но все они причастны к ней. Это особенно ярко видно из того, что символы тотемического существа (чуринга, нуртунья, ванинга и т. д.) считаются более священными, чем само тотемическое растение или животное. Первые окружены большим почетом: женщины и непосвященные не могут не только касаться, но и видеть чурингу (кусок дерева с тотемическими знаками); место хранения чуринги считается настоящим храмом, где не должно быть никакого шума и близко к которому женщины и дети не могут подходить. Животные же и растения-тотемы могут быть видимы всеми, к ним можно прикасаться, живут они на обычной «вульгарной» территории и т. п. Эта безличная сила сама по себе независима от конкретных вещей, в которых она воплощается: индивиды умирают, поколения сменяются, но она остается, не умирает и вечно переходит из поколения в поколение. Она вездесуща: она и в чуринге, и в животных, и в растении, и в утесе, и в солнце, и в крови человека и т. д. Она своего рода физическая сила, приводящая все в движение и дающая всему жизнь. Но в то же время эта сила является и моральной силой: все существа, имеющие один тотем, морально связаны друг с другом, имеют общие правила поведения и жизни, составляют одно социально-солидарное единство.

Таково в кратких чертах понимание тотемизма. Мы охарактеризовали тотемизм как религию безличной силы. Спрашивается, *что же это за сила, откуда она происходит и эмблемой чего она является?* Символом чего является тотем и почему это «нечто», что материализуется в том или ином предмете, почитается священным и делает «священным» все то, к чему оно прикасается?

Стоит немного вдуматься в приведенную характеристику тотемизма, чтобы искомым ответом получился сам собою; он будет гласить: *предмет, вознесенный на высоту божества, внешним символом которого является тотем, есть клан, короче, общество. Уже из татуировки членов клана видно, что тотем как эмблема есть символ коллективности, этикетка того, что данный индивид – живой или мертвый – принадлежит к данному клану.*

«Бог клана – тотемическая сила – не может быть другой вещью, как сам клан, но клан гипостазированный и представляющийся воображению в виде чувственно воспринимаемых животных и растений, служащих тотемом».

Из этого следует, что *религия обязана своим возникновением не выдумкам попов или отдельных лиц, а только обществу.*

Подтверждением верности выставленного положения служит полный параллелизм между социальными и религиозными категориями, между отношением индивида к обществу и отношением верующего к божеству. «Общество, – говорит Дюркгейм, – то же для своих членов, что Бог для своих верных». Верующий чувствует себя в постоянной зависимости от Бога (австралиец – от тотемической силы), и индивид находится в постоянной зависимости от общества: верующий представляет себе Бога как существо высшее и более могучее; таковым же является и общество для индивида. Бог вечен, и общество вечно; божество может принудить верующего к исполнению тех или иных актов; то же принуждение свойственно и обществу. Божество, помимо физической силы, есть моральная сила, и общество является такой же моральной силой по отношению к индивиду; это ему мы обязаны нашими взглядами, различием добра и зла, сознанием долга. «Общественное мнение» – вот источник морального авторитета. Таким образом, Бог есть высший судья поведения индивида.

Но божество не только авторитет, от которого мы зависим; оно в то же время и сила, которая нам помогает. И общество не только есть сила, которая требует от нас жертв, но и сила благодетельная для его членов. Как общение с Божеством наполняет душу верующего новыми силами, так и общение с коллективом укрепляет и оживляет силы индивида. Члены группы (партий, научных обществ и т. д.), сходясь время от времени, набираются новых сил. Одного общения индивидов, объединенных на какой-либо почве, достаточно, чтобы повысить тон психики индивидов, все их жизне- и мироощущение. Как божество освящает поступки верующего, так и общество освящает поступки его членов; мудрено ли поэтому, что оно превращается в божество и мыслится символически в образе «божественно-священной» силы тотемизма.

Чувства, возбуждаемые кланом, переносятся путем проекции на конкретные предметы, обоготворение первого превращается в обоготворение тотемов; клан сам по себе непредставим, поэтому он символизируется в форме того или иного тотема, который становится видимым символом безличной и вездесущей силы клана.

Так как «божественная» сила исходит из клана, а индивид – член последнего, то немудрено, что индивид чувствует в себе присутствие этой сверхличной силы. Отсюда почитание членов своего клана и признание за ними «священного» тотемического начала; в силу аналогичных же причин вытекает и необходимость почитания растений, животных и т. д. Солидарность, связывающая членов группы на первых порах, представима лишь в форме тех или иных символов: тотемы и служат подобными символами солидарности, напоминающими о той божественной силе, которая фактически исходит из коллектива.

На этой почве возникает почитание чуринг, нуртуний, крови человека, отсюда же вытекает татуировка и вырезывание тотемических знаков на предметах обихода.

Позднее уже возникает на этой почве представление о душе, духах и божестве. Душа вначале есть лишь часть общей религиозной силы, находящаяся в человеке. Так как общество переживает индивидов, то и сила религиозная вечна; поэтому и часть этой силы, душа, бессмертна! Отсюда верование в перевоплощение душ. Так как сила божества священна, поэтому и человек, носитель ее, священен. Именно этим и объясняется то, что человек является самоцелью и самоценностью в наших глазах. Сам по себе взятый, он обычный комплекс клеток, свят он не благодаря своему биологическому составу, а потому, что в нем обитает коллективная сила. Отсюда священный характер его крови, ужас перед его трупом и т. д.

4

Теперь мы в состоянии ответить на вопрос о социальной роли религии. Из предыдущего мы видели: 1) что религия не есть выдумка попов или отдельных лиц, а институт, вызванный к жизни самой общественной жизнью; 2) что она представляла и представляет, с одной стороны, выражение социальной солидарности членов группы, с другой – *фактор, создающий, расширяющий и усиливающий эту солидарность.* В этом именно заключалась и заключается ее основная роль.

Мы видели, что субстратом «священного», его источником и прообразом было само общество. Мы видели, что все сопричастное этому «священному» становится действительно «священным», требующим уважения, почитания, поклонения, соблюдения определенных правил поведения по его адресу. Первое место в ряду таких предметов и явлений занимает *человек-сообщественник.* *Религия, делая его «священным» и требуя благожелательного поведения по его адресу («люби ближнего», «не убий», «не укради», «не лги», «чти отца твоего и мать твою» и т. д.), тем самым служила и служит великому делу замире-*

ния общества, укрепляет и расширяет солидарность его членов и тем самым способствует улучшению общественной жизни.

В первой лекции я подчеркнул, что человек приходит в мир с разнообразнейшими инстинктами, в ряду коих имеются инстинкты злобные и зверские. Если бы дана была полная свобода их развитию, то общественная жизнь была бы невозможной. Общество, где все члены убивают друг друга, крадут, насилюют и т. д., не может долго существовать. Такое общество очень скоро погибнет. Всякое общество, чтобы оно могло жить и развиваться, требует от своих членов соблюдения минимума социальности и благожелательности друг к другу, т. е. торможения и обуздания хищных и злобных импульсов и усиления импульсов и поступков альтруистических.

Кем же выполняется такая работа социальной перedelки людей? *Семьей, школой и особенно религией.* Сама она появилась как выражение этой солидарности и, раз появившись, была и остается одной из самых гениальных, самых тонких и влиятельных сил, морализирующих и социализирующих человека, перedelывающих его в том направлении, чтобы общественную солидарность сделать более устойчивой и прочной.

Она организовывала и гармонизировала чувства и волю индивида, ослабляла его дикие страсти и злостные импульсы, воспитывала в нем чувства благоговеиного и уважительного отношения к сочеловеку как к носителю «священного», заставляла считать друг друга «ближними» и «родственниками» и тем самым скрепляла в одно солидарное целое всю группу. Такова основная функция религии.

Всю эту работу она выполняет чрезвычайно тонкими и многообразными способами, одетыми очень часто в фантастические формы обряда и культа. Проповедь нравственных правил, общие службы и молитвы, обряды и процессии, целая система различных верований, догм, преданий, надлежащая внешняя часть, весьма эффектная обстановка, дела и поступки, наглядно дающие уроки альтруизма, и т. д. — все это не что иное, как бессознательно-гениальная система мер воспитания, направленная к одной и той же цели приучения людей к солидарности. У нас нет времени, но можно было бы показать, что сама «фантастичность» и с первого взгляда «суеверность» многих из этих методов и обрядов в конечном счете оказывается чрезвычайно целесообразным средством для достижения поставленных задач. Действуя своими эффектами на чувства человека и поражая его воображение, эти меры достигали того, чего нельзя было достигнуть путем холодного воздействия на неразвитый еще ум человека, особенно дикаря. В этом смысле они не были «вредными предрассудками», а чрезвычайно тонкими педагогическими мерами, приспособленными к воспитываемому ребенку-дикарю и дававшими социально полезный результат.

Только с точки зрения поверхностно-дилетантского псевдознания можно объявлять их сплошным и вредным предрассудком, как это делают многие г[оспода] «атеисты»

Не понимая сути дела и скользя по поверхности явлений, они, при их невежестве, естественно приходят к такому выводу. Для них все просто: «религия – выдумка попов», «она – опиум народа», «она не играет никакой положительной роли» и т. д. Мы уже видели, что дело обстоит иначе. Помимо всего, если бы они были правы, то совершенно было бы непонятно, почему религия так живуча? Почему при своей вредности она не исчезла в течение тысячелетий, не исчезает и сейчас? Если действительно она не выполняла и не выполняет никакой положительной функции, то, как вещь абсолютно вредная, она уже давно была бы уничтожена естественным отбором, удаляющим все негодное. Однако мы видим обратное. Один факт живучести религии говорит за то, что она выполняет какую-то важную и общественно необходимую роль. Предыдущее эту роль вскрывает.

Помимо этой основной роли углубления и расширения солидарности религия выполняет и ряд других функций. *Она помогает человеку выносить и преодолевать трудности его жизни, она – своим идеализмом – укрепляет его силы, дает ему крылья, помогающие подняться на высшие ступени, освящает его жизнь, придает ценность многим явлениям, усиливает оптимизм – словом, представляет фактор не только социального, но индивидуального приспособления, усиливающий жизнеспособность целой группы, с одной стороны, отдельного человека – с другой.*

Все сказанное о социальной роли религии подтверждается прямо историческими фактами. Раз она была выражением и фактором солидарности группы, то отсюда следует вывод: *если эта солидарность почему-либо падает, она прежде всего должна проявиться в падении религиозности среди данного общества. И обратно: падение религии без замены ее другой служит одним из симптомов разложения среди данного народа, признаком начинающегося заката его цивилизации. С другой стороны, народы живучие и долго существующие должны быть в то же время и народами религиозными.*

Так ли это?

История ряда народов говорит, что это так. Возьмите для примера историю Греции и Рима. В период их роста и развития мы видим чрезвычайную религиозность этих народов. Верования и обряды, догмы и культ здесь прочны и живы. С момента начала заката их истории, с начала разложения этих обществ намечается и религиозный кризис. Старая религия начинает падать, растет атеизм, скептицизм, безверие. Оба процесса идут параллельно и завершаются гибелью народов и гибелью религии...

Возьмите, с другой стороны, истории древнего Египта или Китая или евреев. Эти народы, существовавшие чрезвычайно долго или, как китайцы и евреи, су-

существующие и по сие время, длительностью своего существования в сильной мере обязаны прочности своей религии, тем связям и той солидарности, которую она давала и дает. Ослабление религии в Египте сопровождалось явлениями социальных кризисов. Уничтожьте религиозную связь китайцев или евреев – и тем вы уничтожите один из главных «обручей», скрепляющих членов этих народов в единое целое.

С этой точки зрения понятно также, почему эпохам социальных беспорядков и развала, в частности эпохам революций, предшествует и сопровождает их рост безверия и падение религиозности. И почему с момента оздоровления таких обществ от революционных кризисов мы видим обратное, чрезвычайно сильное религиозное возрождение. Так было, напр., во время Английской революции XVII в., во время Великой французской революции 1789 г.; то же видим и сейчас в России. Перед революцией здесь атеизм делал громадные успехи. В 1917–1919 гг. казалось, что религия погибла окончательно. Но в 1920–1921 г., с момента начала оздоровления России, мы видим громадный рост религиозных чувств и верований, продолжающийся и по сей день. Возрождению разрушенных социальных связей предшествует и его сопровождает возрождение религии. В такие эпохи роль последней особенно важна.

Все эти факты служат прямым доказательством очерченной социальной роли религии.

Из очерченной социальной роли религии следуют и другие выводы. Укажу из них два. Первый гласит, что *сущность ее заключается не столько в тех догмах и обрядах, которые она имеет, сколько в основной ее работе по перевоспитанию человека и укреплению общественной солидарности*. Догмы, верования и культ – только средства, «педагогические приемы» для достижения этой цели.

Как в педагогике эти методы меняются в зависимости от ученика, его характера, возраста и развития, так и в истории человечества эти средства религии, ее «догматически-обрядовые» формы не могут не меняться. Они одними будут среди дикарей, другими – среди развитых народов. Отсюда понятно, почему обряды и догмы религии меняются в истории людей. Пока живо человечество или отдельный народ, известная степень солидарности его членов должна быть. Поэтому *существовала, существует и будет существовать и религия как выражение и фактор этой солидарности*. Но ее «одежды», ее конкретные формы в области верований и обрядов меняются и будут меняться. Таков первый вывод.

Второй вывод говорит следующее. *Раз основная функция религии состоит в расширении и углублении человеческой солидарности, то всякая отдельная религия лишь до тех пор будет сильной и живой религией, пока она и ее*

представители эту задачу выполняют. Если же почему-либо религия перестает осуществлять эту роль, если ее представители дегенерируют и превращаются из учителей солидарности в бесполезных чиновников или паразитов, результатом такого вырождения религии становится ее падение, ослабление ее авторитета, рост безверия, словом, религиозный кризис, ведущий или к замене данной религии другой, или к распаду общества.

Таков второй вывод, который не мешает запомнить всем, особенно представителям церкви.

Сейчас мы живем в период одного из таких кризисов. Общее ослабление солидарности и недостаточная одухотворенность ряда церквей вызвала некоторое ослабление религиозности в ряде стран и социальных групп. Вместе с тем резко изменившиеся общественные и умственные условия человечества требуют, до известной степени, перемены «религиозных одежд», т. е. ее культа и верований. Целесообразные для прошлых стадий, они существенно устарели для данного времени.

Все это не могло не вызвать – вместе с глубоким кризисом всей общественной жизни – и кризис религиозный.

Выход из него диктуется всем предшествующим. Он состоит не в легкомысленном отрицании религии и церкви, с одной стороны, и не в фанатическом усилии сохранить нетронутым каждую букву религиозной догмы и культа, а в *«одухотворении» самой религии, в усилении ее великой социально-воспитательной и солидаризирующей роли, в росте самоотвержения и альтруистических усилий представителей и служителей церкви, короче, в осуществлении основной заповеди Христа: «Люби ближнего, как самого себя».*

В наши годы социального развала, одичания людей и роста грубых импульсов перед церковью и религией встает поистине великая и прекрасная задача – *задача умиротворения разбушевавшихся страстей, ослабления злобы и ненависти, укрепления любви и взаимопомощи между индивидами, классами и народами.* Та религия и та церковь, которая успешно выполнит эту задачу, окажет человечеству величайшую услугу, как они оказывали ее не раз в прошлом.

То же может быть сказано в применении к отдельному народу. В интересах его умственного, нравственного и материального процветания требуется не рост безверия, а *существование одухотворенной религии, выполняющей свое основное общественное призвание.* Народ, имеющий такую религию наравне со здоровой семьей и хорошо организованной школой тем самым представляет народ, обладающий одним из самых важных средств всестороннего процветания.

Любому народу и всему человечеству, особенно сейчас, нужны не только здоровая семья и школа, но и настоящая религия, религия любви и солидарности, отсутствие которой нельзя восполнить ничем и нельзя заменить никаким другим социальным институтом.

Лекция седьмая

Социальная роль государства

1

В данной беседе речь пойдет не обо всех социальных функциях государства, а только о той, которая ближайшим образом касается роли последнего в деле формирования и воспитания людей, с одной стороны, с другой – проблемы государственного вмешательства в эту область и ее целесообразность.

В ряду общих социальных условий, оказывающих сильнейшее влияние на поведение индивида и исторические судьбы населения, стоит и государственный строй и характер деятельности государственной власти.

В предыдущих лекциях мы видели, что поведение индивида формируется в семье, школе, в профессии и в церкви. К этим учреждениям приходится присоединить влияние государственной организации вместе со всем аппаратом государственной власти. Государство как бы завершает ту формировку человеческой личности, которую социальная среда производит через институт семьи, школы, церкви и профессиональные группы, не говоря о группах и учреждениях второстепенных.

Представляя систему, пронизывающую все общество, имея огромное число агентов, сосредоточивая в своих руках верховную власть, правительство государства через весь аппарат государственной власти может оказывать и оказывает – прямо и косвенно – огромное влияние на социальную организацию и ход истории данного народа.

Пользуясь разнообразными средствами воздействия на поведение своих членов, начиная с агитации, пропаганды и кончая тюрьмами и эшафотами, государство в лице своей власти тормозит совершение одних поступков и благоприятствует выполнению других, с одной стороны, с другой – может изменить и изменяет во многом социальный строй и ход общественных процессов.

С момента своего рождения человек помимо своей воли оказывается прикрепленным к тому или иному государству. Уйти из-под его влияния, целиком освободиться от его регламентации личность не в состоянии. С рождения до смерти государство, подобно невидимому духу, всюду следует за индивидом, ему сопутствует и оказывает давление на его поведение и жизнь. Родился чело-

век – оно тут и «санкционирует» через своих агентов наше рождение. Оно же своими законами в сильной мере сразу определяет социальное положение каждого индивида: одних делает дворянами, других – простыми смертными, одних – привилегированными, других – обделенными в правах. И в течение дальнейшей жизни каждой личности согласно своим законам, действуя руками своих агентов, оно в сильной мере определяет каждый значительный поступок: указывает, как нужно поступить в многочисленных случаях жизни, какие обязанности исполнять, какие права осуществлять, от совершения каких дел воздерживаться, если они совершаются – оно силой пытается не допустить их или наказывает виновного, словом, вводит поведение индивида в известные каналы и заставляет его течь по последним.

Токи, идущие от органов государственной власти, постоянно дергают индивида. Сказанное ясно рисует прямое воздействие государства на его членов. Человек в значительной мере формируется по «образу и подобию», предписанному государственной властью.

Еще более значительно косвенное влияние государства, проводимое им через другие социальные группы и учреждения. От государства в сильной мере зависит строй школы, семьи, церкви и других общественных институтов. Нажимая рычаги государственного аппарата, правительство в известной мере может влиять на их организацию: благоприятствовать появлению и развитию в ней одних черт, ослаблять и душить другие, в итоге – в известной мере видоизменять социальные учреждения, – а через них – поведение населения и исторические процессы – в ту или другую сторону. Такое косвенное влияние государства едва ли не более значительно, чем прямое воздействие на население.

Из этого влиятельная роль государства в интересующем нас отношении становится ясной. Каждый из нас своими недостатками или достоинствами в известной мере обязан государству, в котором мы родились и жили. С другой стороны, государственная власть может сделать много полезного или причинить серьезный вред своими действиями.

Вот почему вопросы, связанные с устройством государства и характером государственной политики, становятся вопросами, имеющими немалое педагогическое значение.

2

В ряду многих вопросов, связанных с организацией государства и ее значением для формирования личности, я остановлю ваше внимание прежде всего на одном – *на вопросе о пределах вмешательства государства в область поведения и взаимоотношений своих граждан*. С первого взгляда покажется, что это

вопрос незначительный и неосновной. Между тем стоит несколько вдуматься в него, чтобы понять, что и с общей, и с педагогически-воспитательной точки зрения этот вопрос является кардинальным. Мало того. Сейчас он является боевым, ибо человечество начинает явно делиться на два лагеря: на лиц, требующих – под разными лозунгами – чрезвычайного расширения функций государственной власти, и на лиц, отрицающих пользу и целесообразность такого расширения. Организация государства по тому или иному типу несравненно важнее различия республиканского и монархического образа правления.

Нижеследующее сделает это ясным. Перейдем сейчас к характеристике самой проблемы.

Можно представить себе два крайних типа государственной организации в интересующем нас отношении. Во-первых, тип государственного устройства, где объем вмешательства *государственной власти в жизнь населения и объем ее регулирующих функций беспределен и безграничен. Соответственно с этим в таком обществе объем свободного поведения граждан, решения ими самими их дел и взаимоотношений, объем их автономии и самоуправления будет ничтожным.*

В таком обществе все поведение населения будет регулироваться не им самим, а властью. Что индивид должен делать, какой профессией заниматься, жениться или не жениться, если да, то когда, на ком и иметь или не иметь детей, как одеваться, что есть, что пить, как веровать, как думать, что хвалить, что порицать, иметь или не иметь собственность, словом, каждый шаг индивида в таком обществе будет регулироваться не им самим, а правительством. Люди превращаются здесь в манекенов, приводимых в движение токами, идущими из центральной и единственной динамо-машины, какой является государственная власть. Она управляет всем и вся. Она регулирует все, начиная с процессов производства, распределения и потребления и кончая религией и воспитанием народа.

Таков один мыслимый тип государственной организации.

Назовем для краткости общество, имеющее такой тип государственного устройства, *обществом абсолютно принудительным или деспотическим.*

Другой тип государственной организации в его крайнем виде будет диаметрально противоположным. Это будет общество, где объем вмешательства государственной власти и ее регулирующих функций будет ничтожным. Объем же прав, свободы, автономии и самоуправления индивидов в сфере своего поведения и взаимоотношений будет безгранично широким. Здесь не власть, а сами индивиды решают и определяют свое поведение. Здесь они приводятся в движение не токами, идущими от «центральной правительственной динамо-машины», а в каждом из них как бы имеется своя «динамо-машина». Выбор профессии, образа жизни, занятий, верований, вкусов, убеждений и т. д. здесь зависит не от власти, а от самого человека.

Общество с таким типом государственной организации можно назвать *абсолютно автономным или свободным обществом*.

Из этих штрихов ясна полная полнота этих двух типов государственной организации. Само собой разумеется, что в столь крайнем виде любой из этих типов едва ли когда-либо был осуществлен. Я нарисовал их в столь резких и крайних чертах лишь для того, чтобы ярче оттенить их различие. Во всяком реально существовавшем обществе мы находим: 1) область поведения и взаимоотношений, регулируемых властью в обязательно-принудительном порядке; 2) область поведения и взаимных отношений, решение которых предоставлено усмотрению и воле индивида. Однако существовавшие и существующие общества по своей государственной организации в равной степени приближаются к тому и другому типу. Были и есть общества, более близкие к первому из них, были и есть общества, приближающиеся более ко второму типу. Наконец, один и тот же народ в разные периоды своей истории приближается то к одному, то к другому типу.

Иными словами, в одних обществах область отношений, регулируемых властью, шире, чем в других. И обратно. В одном и том же обществе в течение его истории граница между областью отношений, регулируемых властью и предоставленных усмотрению индивида, колеблется и меняется.

Приведем несколько фактов, иллюстрирующих эти типы.

Если вы возьмете деспотии Востока – государственное устройство древнего Египта или Ассирии, – или Спарты, или Римской Империи III–V вв. до Р. Х., или Персии при Кобаде, или государство Таборитов, или государство Инков (в Перу), или государство иезуитов, существовавшее в Южной Америке, или, наконец, РСФСР в период 1918–1929 гг., вы получите тип государственной организации, чрезвычайно близкой коренному принудительно-деспотическому типу. Общими чертами всех этих, казалось бы, очень разнородных обществ являются: 1) Власть здесь не ограничена и абсолютна. 2) Никаких неотъемлемых прав человека и гражданина, которых она не могла бы нарушить, нет. 3) Область ее вмешательства безгранична: она регулирует большинство сторон поведения и взаимоотношений населения. 4) Область автономии и самоуправления последнего ничтожна. Регулируется его труд, его профессия, его пища, одежда, жилище, его убеждения и взгляды (неподчиняющиеся сурово наказываются), его оценки и верования, вплоть, как было в некоторых из этих государств, до вопросов брака, количества детей и даже времени выполнения супружеских обязанностей (в государстве иезуитов). Рядом с этими основными сходствами все эти в других отношениях весьма разнородные общества имели и дальнейшие одинаковые черты. В большинстве из них того, что мы называем частной собственностью и частно-хозяйственной деятельностью, не существовало в значительных размерах. Частью юридически, частью фактически все достояние населения стояло

в полной зависимости от власти, было как бы простым объектом пользования, полученным от нее. В любой момент власть могла отнять землю, дом, другие движимые и недвижимые богатства, передать их другому или «национализировать». Равным образом она же сама выполняла через свои многочисленные органы главнейшие экономические функции: что производить, как, сколько, наконец, даже как и в каких дозах потреблять ряд производимых благ (так называемая система государственных выдач и «пайков»).

Эта система «государственно-принудительного хозяйства» была лишь частным случаем общего принудительного уклада таких обществ или частным проявлением безграничных регулирующих функций власти.

Таковы исторически существовавшие общества, близкие к очерченному принудительно-деспотическому типу государственной организации.

Англия, С. А. Соединенные Штаты, Чехословакия, Швейцария, Норвегия, Швеция, Голландия, Дания и Бельгия дают примеры обществ с государственной организацией, более близкой ко второму – автономно-свободному – типу.

Здесь, особенно в Англии и Сев.-Амер. Соед. Штатах, область вмешательства власти в жизнь и поведение граждан, с одной стороны, с другой – область ее регулирующих функций имеет ограниченный характер. Целый ряд областей поведения изъяты из сферы правительственного вмешательства и предоставлены усмотрению индивида. Религия, характер воспитания, убеждения, вкусы, оценки, выбор профессии и занятий, характер экономической деятельности, образ жизни и т. д. – все это решается самим индивидом, а не властью. Юридически и фактически установлен ряд барьеров, за пределы коих власть переходить не может и не имеет права. Это общества, не столько управляемые сверху, сколько самоуправляющиеся или демократические. Настоящее и подлинное содержание термина «демократизм» и означает прежде всего свободное, автономное самоуправление своим поведением и взаимоотношениями как со стороны каждой личности, так и со стороны целого народа.

Эта ограниченность опеки и регулировки государственной власти здесь выступает: во-первых, в зависимости самой власти от населения и общественного мнения, иначе – в выборном начале; во-вторых, в существовании неотъемлемых прав человека и гражданина и в гарантиях неприкосновенности личности (свободы слова, печати, союзов, собраний и т. д.); в-третьих, в подзаконности власти или в обязательности для нее законов.

Таковы примеры обществ, более близких ко второму типу.

Спрашивается: 1) *который из этих типов более желателен с точки зрения интересов личности и всего народа?*

Ответ на первый вопрос, казалось бы, ясен. Казалось бы, нет никакого сомнения в том, что *автономно-свободный тип предпочтительнее другого во всех отношениях*. И однако в наше время мы видим немало лиц и слышим немало

голосов, которые под флагов громких названий пытаются по существу изменить этот тип в другой – в принудительно-деспотический. Первое место среди таких лиц принадлежит коммунистам и сторонникам принудительного, «диктаторского» социализма, с одной стороны, с другой – всем ревнителям неограниченного или безмерно широкого вмешательства государственной власти в жизнь и поведение населения (апологетам абсолютной монархии). Такое положение с первого взгляда покажется несколько парадоксальным. Разве не коммунисты и сторонники «диктаторского социализма» всего больше говорят о свободе, об уничтожении деспотизма, о необходимости разрушения государственного механизма и даже о сдаче его в «музей истории»^{25*}? Да, действительно, они об этом говорят очень много. Но всякого вдумчивого наблюдателя должны интересовать не эти пышные лозунги, а те практические рецепты, которые ими указываются, и те объективные результаты, которые могут получиться и получаются из таких рецептов. Основной рецепт, выдвигаемый этими группами и составляющий квинтэссенцию коммунизма и принудительного социализма, состоит, как известно: 1) в необходимости уничтожения частной собственности на средства и орудия производства как источника экономического неравенства и эксплуатации, 2) в обобществлении (фактически в огосударствлении) этих средств и орудий производства, 3) в осуществлении этих реформ путем захвата власти пролетариатом, объявления его «диктатуры», принудительной национализации фабрик, заводов и других средств производства.

Результатом таких мер, говорят нам, будет братство, отсутствие эксплуатации, уничтожение государственного деспотизма, материальное и духовное процветание общества.

Таковы практические рецепты, выдвигаемые этими группами для введения социалистического или коммунистического строя¹.

Стоит немного вдуматься в эти рецепты и в тот строй, который с их помощью предлагается к введению, чтобы понять, что согласно или даже вопреки желанию его сторонников такой «коммунизм» или «социализм» будет ни чем иным, как новым изданием старого «принудительно-деспотического государственного устройства».

Почему?

Во-первых, потому, что уничтожение института частной собственности означает ограничение автономии населения в экономической области, его поведения и взаимоотношений. Во-вторых, национализация средств и орудий произ-

¹ Вся моя критика этих мер не относится к тем «социалистическим», кооперативным и иным течениям, которые ратуют за добровольное и вполне свободное объединение усилий и средств для достижения определенной общей цели. Такой «социализм» или, вернее говоря, «свободный кооперативизм» представляет явление, в корне отличное от диктаторского, принудительного государственного социализма и коммунизма.

водства, а по ряду теорий даже и предметов потребления, означает огромное расширение вмешательства и регулирующих функций власти за счет свободной, автономной экономической деятельности отдельных хозяйствующих субъектов. Что должно быть производимо, сколько и когда, как произведенное должно распределяться и даже потребляться, здесь будут решать не частные лица, а государственная власть в лице своих агентов и всевозможных департаментов. Такая «национализация» неизбежно должна повлечь за собой ограничение автономии населения и в целом ряде других областей поведения и взаимоотношений.

Огромное количество лиц, если не все население, должно будет превратиться в чиновников государства; их труд, профессия и занятия будут определяться не ими самими, а государственной властью. Место свободно избираемого труда займет принудительная трудовая повинность, накладываемая и определяемая той же властью и т. д.

Словом, произойдет колоссальное ограничение автономии и свободы населения, с одной стороны, с другой – огромное расширение опеки, вмешательства и регулирующих функций государственной власти.

Раз, далее, все это предполагается осуществить в порядке принудительной диктатуры, то ясно, ни о какой свободе и автономии речи быть не может.

Таким образом, налицо все черты принудительно-деспотического типа государственной организации. И тут, и там мы имеем одну и ту же систему «государственного рабства». Сказанное объясняет, почему такие ширококвотельные проекты представляют объективно не что иное, как возврат к государственному устройству древних деспотий, шаг назад, а не вперед. Опыт превращения России в коммунистическую страну, произведенный на наших глазах, лишний раз свидетельствует в пользу нашего вывода. Уничтожение частной собственности, обобществление средств и орудий производства и даже потребления и диктатура пролетариата привели здесь к неограниченному расширению деспотизма, опеки, вмешательства и регулирующих функций правительства, с одной стороны, с другой – к потере почти всякой автономии и всякой свободы населением. Гражданин РСФСР стал буквально рабом государственной власти. Его жизнь не была гарантирована. Жить он должен был там, где приказывала власть. Квартиру имел ту, которую последняя указывала или разрешала иметь, одеваться в то, что выдавалось властью, есть то, чем кормили в государственных столовых, делать ту работу, которая назначалась ему в порядке трудовой повинности; иметь то и столько, что и сколько ему оставляла власть; читать только те газеты, которые сама власть издавала (ибо другие были уничтожены); говорить, хвалить и порицать то, что опять-таки приказывалось властью (иначе – арест и расстрел) и т. д.

Таков был строй, получившийся в результате осуществления указанных рецептов. Он едва ли в чем в своем существе отличается от строя древних «принудительно-деспотических обществ».

Из сказанного вы видите, что – сознательно или бессознательно – немало лиц на практике являются сторонниками принудительного, а не автономно-свободного типа государственной организации.

Огромные массы лиц, защищающих те же принципы безмерного «национализации» все новых и новых областей производства, вытеснения частной инициативы всевозможными государственными монополиями, передачи в руки государства все новых и новых функций в области экономической жизни, воспитания, просвещения и т. д., прямо или косвенно являются в значительной своей части сторонниками того же типа общества.

Сама популярность идеального коммунизма и диктаториального социализма в обширных массах в наше время – лишний симптом того же устремления в эту сторону...

Таким образом, как бы ни казалось странным, в наше время имеется немало лиц, требующих расширения вмешательства власти, а тем самым содействующих ограничению автономии и свободы населения, по крайней мере в области экономических взаимоотношений.

Распространенность тенденций в сторону «принудительного» типа общества заставляет хотя бы кратко рассмотреть и другие следствия такой организации государства, если она станет фактом.

Ревнителю этого типа в лице тех коммунистов и диктаториальных социалистов уверяют нас, что в результате национализации или обобществления средств и орудий производства получится общая экономическая обеспеченность, уничтожение нищеты и эксплуатации, паразитизма, экономического и всякого другого неравенства, словом, всеобщее преуспеяние, духовное и материальное.

Если бы действительно такие блага получились от этих мер, то, несмотря на ограничение свободы населения, можно было бы приветствовать такой строй общества.

Но так ли это? Действительно ли эти результаты могут получиться в итоге таких «социалистических и коммунистических реформ», в итоге безмерного расширения регулирующих функций государства?

На этот вопрос приходится отвечать категорически: «Нет».

Объективно от таких мер произойдут как раз обратные следствия.

Почему? Во-первых, об этом говорит опыт всех подобных принудительного типа обществ, бывших в истории. Ни в Египте, ни в Спарте, ни в Китае в XI в., ни в Персии при Маздаке, ни в Риме III–V вв. до Р. Х., ни в государстве таборитов, инков, иезуитов, ни в одном из подобных государств вплоть до РСФСР, организовавшихся на начале неограниченного вмешательства власти в жизнь населения, с огромными экономическими функциями государственной власти – не было ни экономической обеспеченности, ни имущественного равенства, ни отсутствия нищеты, ни уничтожения эксплуатации или рабства, ни свободы, ни процветания.

Скорее наоборот. Ряд таких обществ, вроде Западной Римской Империи, очень скоро погибли, другие очень быстро впали в такую нищету (Китай XI в., Персия, табориты, РСФСР и др.), что в интересах самосохранения должны были отказаться от этой системы и уничтожить или ограничить «коммунизацию» и «национализацию» и сократить область экономических функций власти. Третьи могли кое-как существовать сравнительно долго, но только ценой... безжалостной эксплуатации огромных масс рабов и полурабов (в Египте, в Спарте) плюс – беспощадного военного грабежа других стран и народов (в Риме). Как только грабеж почему-либо становился невозможным, экономическая жизнь таких стран начинала агонизировать.

Таков результат, даваемый опытом истории, вплоть до опыта наших дней, проделанного в РСФСР и в Венгрии. Здесь, как и в других странах, напр. в Персии, у таборитов, в Китае XI в., Мюнстере и Мюльгаузене^{26*}, эти опыты были проделаны настоящими коммунистами, в России и Венгрии вдобавок по всем правилам «научного социализма» и рецептуры Маркса. И что же? Результат был везде один и тот же: расстройство всей экономической жизни, нищета, голод, эпидемии, войны, даже отсутствие равенства в нищете, громадная сверхчеловеческая эксплуатация народных масс агентами и представителями власти, разлив зверства, хищничества, рост болезней, огромная смертность, не говоря уже о потере всякой свободы.

Можем ли мы игнорировать эти опыты истории? Нет. Можем ли считать их результаты случайными? Нет, ибо они повторялись всегда при таких условиях. Раз так, то история совершенно не оправдывает оптимистических прогнозов и надежд сторонников «принудительного коммунистического» типа общества. Для всякого, кто привык считаться с фактами, а не со словами, этот приговор истории не может не быть решающим и веским.

Помимо этого опыта истории нетрудно привести ряд соображений, делающих вполне понятной всю тщету надежд ревнителей «государственного социализма».

Во-вторых, безмерное расширение регулирующих функций государства ничуть не уничтожает деления на властвующих и подвластных, ибо и в таком обществе кто-то должен управлять. Если это деление остается, тем самым остаются «привилегированные» и «обделенные» в правах, остается социальное фактическое неравенство, хотя бы на бумаге и тысячу раз равенство было провозглашено.

Разница между министром и простым смертным не исчезнет.

Больше того. Есть основания думать, что такое усиление вмешательства власти повлечет за собой усиление контраста власти и населения, деспотизма первой и несвободы второго. Власть, сконцентрировавшая в своих руках все силы для всесторонней регулировки народной жизни: армию и оружие, пути со-

общения, телеграф и почту, тысячи агентов, все средства производства – деньги, фабрики, заводы, товары, продовольствие, печать – газеты, книги и журналы, воспитание и пропаганду – словом, почти все средства воздействия на поведение людей, такая власть мало будет зависеть от желаний народа и мало склонна будет считаться с ними. Нужно настоящее чудо, чтобы такая власть осталась не-деспотической и чуткой к желаниям и запросам народа. Только ангелы, поставленные в такие условия всемогущества, не испортились бы. Люди же, как общее правило, даже при иных условиях стремящиеся стать тиранами, при этих будут ими тем более. Примеры истории, в ряду их примеры советской власти в России и Венгрии, лишний раз говорят об этом.

Поэтому поистине нужно потерять голову, чтобы от таких «реформ» ждать равенства и свободы. Во-вторых, раз разделение властвующих и управляемых, всевластных и подчиненных появилось, это означает, что тем самым дано *экономическое неравенство и прямая или явная эксплуатация власть имеющими подвластных*. Опять-таки нужно быть ангелами лицам, поставленным во главе всемогущей власти, чтобы не извлечь из этого прямых выгод для себя и не эксплуатировать масс. Пример советской России и г[оспод] коммунистов ясно говорит об этом. Слова об экономическом равенстве остались словами. В то время, как массы здесь тысячами умирали от голода и нищеты, власть имеющие, ограбив богачей, жили роскошно, не отказывали себе ни в чем и эксплуатировали население гораздо сильнее, чем это делали частные капиталисты. То же повторялось и при всех аналогичных опытах. Раз власть сосредоточивает в своих руках все средства производства и экономические функции, было бы странно, если бы она не стала извлекать отсюда выгод для себя и для своих сторонников; это неизбежно тем более, что жаловаться на нее некому, искать защиты – не у кого.

На основании ряда соображений совершенно определенно можно утверждать, что такой строй не уменьшает, а усиливает экономическое неравенство и эксплуатацию.

В-третьих, *подобный режим ведет не к улучшению экономического положения масс и не к расцвету народного хозяйства, а к нищете и голоду*. Почему? Прежде всего, потому что замена чиновником предпринимателя редко бывает удачной. Как общее правило, в свободном обществе предпринимателями, организаторами и руководителями предприятий делаются люди, имеющие к этому склонность, подготовку и способности. То же в значительной мере приходится сказать и о выборе профессии. Совсем иным является положение чиновника. Он назначается, а не отбирается самой жизнью в процессе борьбы. При этих назначениях очень часто будут назначения неудачные. Это не может не сказаться и на ведении предприятия или фабрики. Но более важно другое. Чиновник не имеет тех стимулов, которые толкают предпринимателя напрягать всю свою энергию и всю свою предприимчивость. Выгода и личный интерес в случае удачи,

риск и разорение в случае неудачи – вот те два кнута, которые толкают энергию и изобретательность предпринимателя. Чиновник не находится под их давлением. Его жалованье фиксировано. Напрягая силы, он не получает непосредственной выгоды. Относясь лениво к своим обязанностям, он не рискует разорением. Вот почему огосударствленное хозяйство, руководимое чиновниками, всегда будет позади хозяйства, руководимого частными предпринимателями. Формализм, бюрократизм и отсталость – таковы характерные черты чиновничьего хозяйства. А все это не может не задерживать государственного прогресса страны и не влечь ухудшения экономического положения масс.

Мало того. Одним из главных двигателей хозяйственного (и всякого) прогресса была конкуренция. Она не позволяет частному предпринимателю почить на лаврах. Она заставляет его улучшать ведение дела, быть инициативным и деловым. Иначе он будет обогнан другими и разбит. Государственная монополия означает уничтожение конкуренции, т. е. главного рычага всякого прогресса. Сосредоточив все в своих руках и не имея конкурентов, государственные органы, регулирующие хозяйство, постепенно будут становиться инертными, застынут и заснут на достигнутом уровне. Благодаря этому опять-таки не может не получиться хозяйственного регресса, а тем самым ухудшения экономического положения масс.

Мало этого. Государственная регулировка хозяйства повлечет за собой необходимость громадной армии чиновников. В Австрии в 1919 г. на каждых 6 человек приходился 1 чиновник, в советской России 33% населения были чиновниками. Причем из них на 1 работающего чиновника приходилось 1 или даже 2 контролера.

Этот непомерный рост чиновничества означает непомерное увеличение наименее производительной группы, которую должно будет кормить и содержать остальное население. Такой отлив массы людей от прямой работы добывать средства существования опять-таки не может не влечь ухудшения экономического положения масс.

Но и это не все. Ведение всей экономической работы государством означает централизацию и бесконечный бюрократизм. Из-за каждого пустяка надо будет испрашивать разрешения у нескольких «начальств», писать десятки «прошений, отношений, представлений и разрешений», которые здесь неизбежны. Потеря времени на все эти хлопоты, цена исписанной бумаги и затраченных усилий часто будут стоить в десять раз больше, чем сама испрашиваемая вещь. Это мы видели на каждом шагу в советской России. Из-за фунта гвоздей или десятка пуговиц здесь сплошь и рядом надо было потратить усилий и времени в десятки раз больше, чем стоили гвозди или пуговицы. Я уж не говорю о неизбежной при этом путанице, анархии и несогласованности, когда одно ведомство разрешало, другое – запрещало. В итоге гражданин в отчаянии махал рукой и бросал дело.

Не упоминаю о грандиозных злоупотреблениях, взяточничестве и т. д., при-
сущих такому строю гораздо больше, чем другому...

Не говоря о других причинах, указанные обстоятельства делают вполне по-
нятной неизбежность регресса народного хозяйства при монопольном ведении
его государством. Такой регресс означает рост общего обеднения, нередко при-
водящий к нищете и голоду. Поэтому колоссальное разрушение народного благо-
состояния в России при такой системе представляет не случайный результат,
а нечто вполне естественное и неизбежное при таком режиме.

В-четвертых, *такая система самым печальным образом отражается
и на всех сторонах жизни населения.* Она давит и душит энергию, предприим-
чивость и творчество каждой личности. Последняя, с малых лет приучаемая
не к самоуправлению и к самодеятельности, а к роли манекена, приводимого
и управляемого властью, действительно становится инертной, бездеятельной,
нетворческой. Государственная организация не стимулирует ее к полному рас-
крытию своих сил и способностей, а, напротив, тормозит и душит последние.
Раз большинство личностей не будут реализовать максимума своей энергии
и инициативы, это не может не влечь за собой упадка активности и способно-
стей всего общества, следовательно, не вести его к социальному и культурному
регрессу.

К тому же регрессу такая государственная система ведет и иначе. Монопо-
лизируя в своих руках печать и средства пропаганды и агитации, такая власть,
наподобие РСФСР или Венгрии эпохи коммунизма, будет тормозить развитие
и пропаганду идей, мнений и теорий, ей неугодных. Она будет запрещать их.
Ограничение свободы мысли и слова, собраний и союзов – неизбежный ре-
зультат такой системы. Французская пословица гласит: «Из столкновения мнений
рождается истина». Где свободы мнений и мысли нет, там неизбежно водворяет-
ся китайщина, инертность мысли, умственный и культурный застой.

То же может быть сказано о школе и церкви в таком обществе. Монополи-
зировав дело просвещения и воспитания в своих руках, государственная власть
одна будет определять их характер и программы; притом то и другое будет, ко-
нечно, таким, какое им угодно; все неприятное или опасное, хотя бы и необходи-
мое, будет выкурено из таких программ и школ. Как бы власть ни была гениаль-
на (увы! это бывает редко), она не может знать, что действительно нужно стране
и что не нужно, какая школа нужна одним и какая другим. Даже гениальная
власть не может быть гарантирована здесь от ошибок и не может заменить ини-
циативу всего общества.

Однoboкoсть воспитания и образования будет одним результатом такой
системы. Их недостаточность – другим. Их полная непригодность для многих
лиц – третьим. Их отсталость во многих отношениях – четвертым.

Все это вместе взятое опять-таки ведет к духовной отсталости и застою.

Наконец, к этому результату такая система ведет и потому, что при ней выбор профессии становится не свободным делом каждого, а попадает в зависимость от усмотрения власти. Она будет назначать каждого индивида на то или иное место, ибо все роды деятельности в таком обществе будут регулироваться ею. Уже давно было сказано, что «познать себя самого», свои способности и пригодность к такому, а не иному делу является одним из самых трудных дел. Далеко не сразу каждый из нас выясняет свое призвание и способности. Что же приходится сказать о правительстве, которое будет обязано определять пригодности миллионов лиц! Даже архигениальной власти такая задача не под силу. Естественным результатом этого будет то, что многие «сапожники сделаны будут пирожниками», битюг^{27*} назначен будет на роль Цицерона, а Цицерон – на роль крючника. Способности и жизнь людей будут исковерканы. Они не дадут своих положительных плодов. И обратно: выпавшую на их долю работу они будут исполнять бесталанно. В итоге этого получается опять-таки застой и целый ряд дефектов всей социальной жизни.

Довольно. Сказанного совершенно достаточно, чтобы понять *убийственность системы деспотически-принудительного государства, к которому, сами того не ведая, зовут многие и многие под разными заманчивыми именами. С точки зрения свободы личности и народа она ведет к рабству, с точки зрения экономической – к нищете и эксплуатации, с точки зрения справедливости – к грандиозному неравенству, с точки зрения духовного прогресса – к застою и невежеству. Она задерживает и коверкает развитие личности, губит ее способности и является не школой, а убийственной тюрьмой, мертвящей энергию, инициативу и способности народа.* Народ, желающий жить и процветать, должен это помнить и сделать отсюда практические выводы.

Как ни плоха организация современных относительно свободных капиталистически-демократических стран, она в тысячу раз совершеннее, справедливее и жизнеспособнее этой принудительно-деспотической системы «государственного социализма», доведенного до пределов. Таков ответ на вопрос, какая из двух систем государственного устройства желательнее.

3

Раз чрезмерное расширение функций государства социально вредно, то, с другой стороны, было бы ошибкой отсюда заключить, как это делают анархисты, что нужно стремиться к тому, чтобы сократить эти функции государства до минимума, свести их к нулю, т. е. уничтожить государство. С точки зрения логики и идеала это может быть и было бы хорошо. С точки зрения практических результатов это было бы не только трудно исполнимо, но и убийственно. Люди,

увы, не настолько приспособлены к общественной жизни, чтобы без всякого принуждения и власти жить друг с другом или группа с группой вполне мирно, любовно, без насилия, вражды и преступлений. При полном исчезновении власти государства, при уничтожении государственного механизма, способного не за совесть, так за страх принудительно поддерживать порядок, предупреждать его нарушение и наказывать преступников, *очень скоро наступила бы подлинная анархия, царство голой силы, убийства, грабежи, насилия, словом, все то, что мы видим в периоды безгосударственности, во время революционной анархии.* Существование государственной власти необходимо прежде всего *в интересах порядка как необходимого условия прогресса.* Функции: 1) защиты целой страны от внешней опасности и внешних нападений, сношения с другими государствами; 2) охраны внутреннего мира путем предупреждения, пресечения преступлений и наказания преступников, путем судебного разрешения конфликтов, возникающих между членами общества, смягчение внутренних антагонизмов – эти функции всего легче и всего лучше выполнялись и выполняются государственной властью.

Существование государства необходимо и в интересах упорядочения поведения членов общества, достигаемого путем издания законов как обязательных правил поведения. Здесь опять-таки государство не может быть заменено никакой другой организацией.

Третью основную категорию *функций государства составляют функции положительные, состоящие в заботе и осуществлении интересов, общих для всей страны, составляющих необходимые условия благосостояния последней и всего лучше выполняемые централизованным аппаратом государства.* Пути сообщения, почта, телеграф, забота о санитарных и гигиенических условиях населения, общая забота об экономическом процветании населения, всевозможное содействие его культурному развитию и т. д. – эти функции входили, входят и должны входить в область деятельности государственной власти.

Наконец, *четвертую сферу деятельности государственных органов должно составлять выполнение такого рода общепользных работ, которые экономически невыгодны и потому не могут интересоваться частных лиц, но которые социально необходимы.* Забота о бедных, о воспитании лиц, не имеющих возможности получить его без помощи государства, призрение калек, покинутых, беспомощных и т. д. – вот примеры функций такого рода.

Таков минимум функций государственной власти.

Она может идти и дальше, расширяя область своей деятельности, но *под непременным условием допущения начала конкуренции со стороны других негосударственных групп и частных лиц.* Государство может взять на себя выполнение ряда других экономических функций, но не иначе, как допустив право других групп и лиц конкурировать с ним. Такая постановка дела не будет душить энер-

гии и инициативы других лиц и групп, с одной стороны, с другой – не позволит самим государственным органам «почтить» за китайской стеной монополии и заставит их или быть энергичными и инициативными, или отказаться от неудачного «казенного» ведения дела. Общество в целом может только выиграть от такой конкуренции.

То же может быть сказано и о других формах деятельности государственных органов в сфере экономической, культурно-просветительной и всякой другой. Здесь мудрость власти должна проявиться в том, чтобы категорически отказаться от всякого принудительного навязывания своих шаблонов, от всех монополий, от всего, что может тормозить развитие инициативы, проявление энергии и творчества со стороны членов общества.

Выступая в качестве частного лица, государство не нарушает этих принципов, и потому, если оно окажется более удачливым, чем частные лица, от этого будет лишь общая польза.

Опыт, однако, показывает, что такая удача бывает относительно редкой, и потому при данных условиях вряд ли очень целесообразно серьезно расширять деятельность государственных органов в этом направлении.

Таковы в самых общих чертах функции, соответствующие задачам государства.

Как семья, школа и церковь, государство во всей своей деятельности должно ежечасно помнить, что *основная его задача заключается лишь в торможении социально вредных форм поведения, с одной стороны, с другой – не в подавлении, а во всемерном стимулировании энергии, инициативы и самостоятельности его членов, с третьей – в приучении их к исполнению и защите своих прав рядом со своими обязанностями.*

Государственная власть, ежедневно и ежечасно показывая пример надлежащего поведения, благодаря своим действиям и мерам может оказаться одним из великих педагогов, наглядно учащих членов общества социально желательному поведению. Та же власть, нарушая законы, проявляя деспотизм, дух нетерпимости и насилия, стесняя свободу действий и мысли населения, является источником дезорганизации и разращения членов общества. Ее уроки в том или ином направлении не проходят бесследно, они оставляют серьезный след и сказываются в истории данного народа.

Не будучи всемогущим и всесильным, как думают многие, государство тем не менее представляет один из важнейших социальных детерминаторов поведения, формирующих человеческую личность. Памятуя, что история народа зависит прежде всего от качества тех людей, из которых народ состоит, государ-

ственная власть, выполняя свои ежедневные функции, никогда не должна терять из виду этой своей педагогической роли. Красной нитью она должна проходить во всех ее действиях и поступках.

Вот почему приходится говорить о педагогическом влиянии государства; вот почему вопросы, связанные с его организацией, являются вопросами не только политическими, но и социально-педагогическими. Это объясняет, почему вопрос о государственной организации хотя бы с одной лишь стороны необходимо было задеть в наших беседах.

Лекция восьмая

Основной принцип распределения индивидов в социальной пирамиде

1

Для процветания любого общества основными необходимыми условиями являются: 1) хороший фонд наследственных свойств народа; 2) благоприятная географическая среда; 3) надлежащая социальная среда, которая в виде институтов семьи, школы, церкви, государства, профессии и всей общественной обстановки, с одной стороны, тормозила бы развитие антисоциальных склонностей человека, с другой – снабжала бы его всеми знаниями, привычками и навыками, необходимыми для успешной борьбы за жизнь, с третьей – ежеминутно и ежедневно стимулировала бы развитие индивидуальности человека, его прирожденных свойств и талантов, его энергии и инициативы.

Таковы необходимые условия материального и духовного процветания любого общества. О них у нас была речь в предыдущих беседах.

В этой заключительной лекции мы коснемся последнего из основных условий здорового развития народа.

Это условие заключается в том, *чтобы каждый индивид в общественном организме мог попасть и подал на место, соответствующее его талантам и способностям.*

Если общество построено так, что это условие невыполнимо, то польза и ценность всех предыдущих условий в значительной степени уменьшается. Что толку из того, что Иван и Петр будут одаренными и талантливыми людьми в определенной области, если они не могут в обществе занять места, соответствующего их призванию и принуждены заниматься работой, совершенно отличной от той, к которой они годны по своим способностям? Такое положение дел влечет за собой бесполезную гибель их талантов для общества и чувство глубокой неудовлетворенности, чувство исковерканной и неудачной жизни для них самих. Вместо радости талант в этом случае в тягость.

Вот почему к ряду очерченных условий процветания общества приходится добавить только что указанное условие как завершение и дополнение.

Остановимся подробнее на его значении.

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник»^{28*} – такова народная оценка всей важности этого условия.

Бетховен, принужденный заниматься извозом, Ньютон в роли полицейского, рядовой рабочий в роли Рембрандта, Бисмарк в роли поэта, прирожденный ученый в роли крючника не только не принесут никакой пользы обществу и себе, но положительно дадут вред. Их великие способности погибнут «зря», а навязанное им несоответствующее дело будет выполняться ими чрезвычайно плохо. От этого будут страдать они сами, будет страдать и все общество. Таланты индивидов, поставленных не на свои места, не только гибнут бесполезно, но сплошь и рядом проявляются еще в искаженном, социально вредном виде. «Прирожденные Наполеоны» в таких условиях могут стать отъявленными и гениальными мошенниками, «прирожденные властители» – заговорщиками и подпольными подрывателями порядка, сеятелями анархии, «рабы по природе» – бездарными, убийственно вредными правителями, «прирожденные изобретатели» – неудачными пьяницами и т. д.

В результате такого противоестественного распределения индивидов в обществе большинство дел будет исполняться из рук вон плохо. Всюду воцаряется бездарность, формализм, бюрократизм и застой. Вся общественная жизнь будет похожа на плохо пригнанную и плохо смазанную машину, где все хлябает, где одни колеса заедают и затирают другие, где работа идет с перебоями, с трением, с постоянными остановками и крушениями. Число несчастных и недовольных в таком обществе будет громадно, ибо такими будут чувствовать себя все, кто попал не на свое место и, будучи по способностям «сапожником», принужден быть «пирожником». Дух мятежа, анархии и бунтов будет реять над таким обществом постоянно. Кровавые восстания и смуты будут естественными спутниками истории такого общества, пока не приведут его к гибели.

Совсем иными будут жизнь и история общества, построенного по принципу *каждому по его способностям, в особенности прирожденным*. Иными словами, общества, где индивиды занимают места, соответствующие их прирожденным склонностям. Из личного опыта каждый человек знает, что возможность работы в той области, которая его влечет, представляет одно из самых главных условий довольства или счастья человека.

«Охота пуще неволи». Над любимой работой человек может проработать не пять и не восемь, а десять и пятнадцать часов, и от этого она ему не будет в тягость. Над нелюбимой работой трудно работать и два-три часа. Она вызывает отвращение, огромное недовольство и скуку.

При правильном размещении индивидов в обществе, прежде всего, чрезвычайно поднимется работоспособность как каждого члена, так и всего общества в целом. Это значит, общество будет производить гораздо больше благ и ценностей, следовательно, будет богаче и материально, и духовно.

Далее, повысится не только количество работы, но возрастут ее качество и продуктивность. В этом случае каждый индивид будет прирожденным артистом и специалистом своего дела. Он сделает в час то, что человек без наследственных талантов к данной деятельности не сделает и в два часа. При этом качество первого будет бесконечно выше второго.

Легко понять всю громадность той пользы, которую все общество будет получать при таком положении дела. Творчество материальных и духовных ценностей в нем будет происходить самым интенсивным образом. Прогресс общества будет подвигаться вперед семимильными шагами. Все оно будет похоже на прекрасно пригнанную и хорошо смазанную машину, где каждая гайка и винт, каждое колесо и рычаг на своем месте. Работа происходит без всяких трений, перебоев, совершенно гладко. Число несчастных и недовольных здесь будет ничтожно, ибо каждый будет доволен своей жизнью, ибо при громадной продуктивности творчества минимальные потребности членов общества будут удовлетворены. Для бунтов и кровавых конвульсий здесь нет почвы. Даже лица с кровожадными наклонностями могут найти здесь удовлетворение своим инстинктам в специально обезвреженной или даже полезной форме. Таковы вкратце основные черты такого общества и значение выставленного условия.

Отсюда вы видите, что верховным принципом распределения индивидов в обществе и принципом строения всякого здорового общества является принцип, гласящий: «Каждому по его наследственным способностям».

Только общество, в той или иной мере удовлетворяющее этому правилу, может жить и развиваться. Серьезное и длительное игнорирование его не проходит безнаказанно ни для какого народа. За такое нарушение он платится бунтами и революциями, расстройством жизни, нищетой, отсталостью, декадансом и даже смертью.

Поэтому основная задача реформирования любого общества, помимо указанных других условий, должна заключаться в максимально возможном существовании этого принципа. Он является наиболее реализуемым и в то же время наиболее действительным руководящим правилом при всех реформах.

Сделаем из этого положения некоторые выводы, позволяющие объективно оценить значение и ценность некоторых весьма популярных лозунгов.

2

Как следует из предыдущих лекций, этот принцип приходится выдвигать в силу наследственного различия людей. Он базируется на том несомненном факте, что *люди рождаются неравными по своим способностям и склонностям*. Одни из них пригодны для одних функций, другие – для других. Этого биоло-

гического неравенства не может сгладить никакая среда и никакое воспитание. Сколько бы ни учили человека, музыкально не одаренного (по наследственности), из него никогда не выйдет не только Бетховен или Глинка, но просто приличный композитор. Сколько бы ни тренировали человека, наследственно слабого по своему здоровью и силам, из него не выйдет атлета или человека исключительно здорового.

Нравится или не нравится этот факт наследственного неравенства и несходства людей – он несомненен. Поэтому при построении планов реального улучшения общества приходится его учитывать и из него исходить. Конечно, можно его и игнорировать, как сумасшедший инженер, вздумавший построить мост на Луну, может игнорировать законы физики и химии; но ясно, что в этом случае из его затеи ничего не получится, кроме того, что он сам может убится и наделать ряд хлопот другим лицам.

То же происходит и должно происходить со всякими планами перестройки общества, не считающимися с реальными условиями, в том числе и с указанным условием наследственного неравенства людей. Они могут быть очень красивы, блестящи, грандиозны, но – уввы! – они обречены на утопию или хуже того: при фактическом своем проведении сплошь и рядом могут причинить ряд бедствий.

В ряду этих планов одно из мест занимают планы, предлагающие перестройку человеческого общества не на принципе «каждому по его способностям», а на принципе *всестороннего равенства людей, равенства экономического, умственного, нравственного и социально-правового*. Ряд из этих планов исходят из мысли, что принцип такого равенства осуществим; некоторые из них указывают даже, что стоит хорошенько «поднажать» (напр., национализировать богатства, произвести имущественное уравнивание, сделать обучение и воспитание для всех одинаковым и т. д.), и такой идеал будет реализован.

Я был бы чрезвычайно рад, если бы дело обстояло так. Но – уввы! Несмотря на все мое желание, я не могу не признать возможность осуществления таких проектов абсолютно утопической; больше того, в случае подобной попытки – грозящей обществу значительными бедствиями. Почему? Да потому, что люди наследственно неравны и неодинаковы. Можно (и должно) провозгласить равенство людей, достигнуть кое-чего в этом отношении (напр., равенство перед законом), и тем не менее этим фактического неравенства не уничтожить. Ряд десятилетий и даже столетий уже провозгласили лозунг *égalité* – равенства людей перед законом, много раз делались попытки экономического уравнивания их, тысячелетия уже идет проповедь о равенстве, и что же? Видим ли мы его осуществленным? Нет. Исчезло ли неравенство богатей и бедных? Привилегированных и обделенных? Влиятельных и невлиятельных? Честных и мошенников? Гениев и идиотов? Здоровых и больных? Стариков и детей? Белых и негров? Мужчин и женщин? Лентяев и трудолюбивых? И т. д., и т. д.? Нет, нет и нет. Оно

и не может исчезнуть в силу указанного условия. Единственно о чем может идти речь – это о признании моральной равноценности людей; но такое признание не независимо от всех внешних условий и может быть при всяком строе.

Сам же строй не может быть установлен на указанном начале *всестороннего фактического равенства*. Подобные попытки, все без единого исключения, оканчивались, оканчиваются и будут оканчиваться неудачей. Мало того, они вели и ведут не к уменьшению, а к усилению неравенства, сопровождаемого тягчайшими общественными бедствиями. Быть может, это грустно, но это так.

К чему вели попытки насильственного экономического уравнивания, производившиеся многократно в истории Востока, Рима и Греции, средних веков и нового времени, вплоть до опыта РСФСР?

Неизменно к одному и тому же результату: к всеобщей бедности и к разрушению народного хозяйства. Такое уравнивание в виде равного вознаграждения всем или равной доли богатств убивает всякий стимул личной заинтересованности. Оно ведет к тому, что лентяй или бесталанный хозяин получают прямое поощрение своей лени и неспособности гарантированной им долей, равной с другими; в то время как энергичный и талантливый труженик лишается всякого стимула усиленно трудиться, ибо – трудись не трудись – ничего не получишь, кроме того, что получит и лентяй. Такая система механического уравнивания представляет систему поощрения и премирования лени и бесталанности и систему наказания трудолюбия и талантов. Отсюда понятно, что, раз она вводится, неизбежно наступает уравнивание всего населения под последнего лентяя. Трудолюбивые перестают напрягать энергию, лежебоки получают право ничего не делать. Производительность всей страны падает, хозяйство расстраивается, приходят голод и нищета. Таков был обычный результат таких мер. Он повторился и в опыте РСФСР. Когда в 1918–1919 гг. введена была почти одинаковая работа для всех рабочих (высшая ставка относилась к низшей, как 175 к 100), когда от крестьян стали даром отбирать весь хлеб, кроме количества, необходимого на семена и на скудное самопрокормление, производительность труда рабочих сразу пала в 2–3–5–10 раз, крестьяне стали сокращать свои посевы и сеять лишь столько, сколько нужно на прокормление. «Чего ради я буду зря выбиваться из сил, раз у меня все равно все лишнее отберут». В итоге – народное хозяйство России покатило под гору, пришли бедность и голод. С 1920 г. пришлось эту политику уравнивания сменить на новую, чтобы прекратить развал. Снова было введено неравенство, личный интерес и... очень быстро наметилась тенденция подъема производительности труда. Сходное происходило и при других подобных опытах. Конечно, если бы люди были ангелами, то, быть может, таких результатов и не было бы. Но люди – не ангелы, и приходится брать их такими, каковы они есть. При их современной природе всякое радикальное уравнивание, уничтожающее стимулы личной заинтересованности, ведет к нищете и к голоду.

Я уж не говорю о том, что едва ли сама идея уравниения лентяя и трудолюбивого, идея признания за ними равного права на экономические блага может считаться справедливой и действительно представляет идею равенства.

Если так дело обстоит с экономическим уравниением, то что же говорить об уравниении людей в других отношениях! Как уравниять Ньютона и идиота, честного и преступника, нездорового и здорового!

Мы не можем идиота сделать Ньютоном; неужели поэтому во имя голой абстракции нужно Ньютона сделать идиотом? Мы часто не можем нездорового человека сделать вполне здоровым. Неужели поэтому нужно последнего сделать нездоровым? Что от этого общество получит, кроме непоправимого вреда? Что от этого выиграют сами Ньютоны и здоровые? Какую, наконец, пользу получают сами идиоты и больные? Не будет ли ухудшаться положение всех бесталанных, ленивых, нездоровых, неспособных по мере уменьшения гениев, трудолюбивых, здоровых, энергичных и одаренных элементов населения?

Отсюда ясно, что, помимо утопичности, все такие планы радикального уравниения при попытках практического проведения их ничего, кроме бедствий и минусов, дать не могут.

Раз так, то волей-неволей мы должны исходить из принципа неравенства, из принципа *«каждому по его проявленным способностям, особенно прирожденным»*. Выше было указано, что его проведение в силу вызываемого им общего улучшения материальных и духовных условий общественной жизни будет иметь своим результатом улучшение и положения более слабых, бедных и несчастных элементов общества.

Рядом с этим, но лишь в качестве вспомогательно-корректирующего принципа может быть допущен принцип *«посильного уравниения»* там, где оно возможно и где не ведет к социально вредным результатам (равенство перед законом, налог на богатых, не подрывающий, однако, источника самого богатства и стимула личного интереса и т. п.).

Только в такой вспомогательной роли этот принцип, являющийся скорее принципом обязательного выполнения своих социальных обязанностей по адресу слабых членов общества более сильными, приемлем, не утопичен и социально безвреден.

3

Раз принцип *«каждому по его способностям»* составляет необходимое условие благополучного существования и развития общества, то спрашивается: *как его осуществить? Какими путями лучше всего узнать, кто к чему пригоден?* И на основании каких критериев определять одних людей к выполнению таких-то функций, других – к выполнению иных?

Самым естественным и надежным путем был бы путь научного исследования способностей личности и на основании полученного «биопсихического паспорта» – путь соответственного размещения их в обществе. К этому методу передовые общества и начинают прибегать все в большей и большей мере.

Прикладная «психотехника», разными методами исследующая способности личности, частично уже вошла в жизнь, в особенности в Америке. При найме кондукторов, механиков, рабочих и т. д. целый ряд частных и общественных предприятий подвергают кандидатов психотехническому исследованию и на основании полученных результатов принимают одних и бракуют других. В огромном масштабе этот метод был использован С.-А. С. Штатами и во время войны. Миллион с лишним людей был исследован, и на основании анализа определялись одни – в авиацию, другие – в артиллерию, третьи – в другие воинские части. Тот же метод применяется при наборе работников в ряде других профессий. Путь этот, в принципе, совершенно верный. Кое-где он и теперь уже дает полезные результаты. Обладая сейчас наука вполне надежными и точными способами определения способностей личности, вся проблема решалась бы очень просто. В этом случае этот путь сделал бы излишним почти все остальные способы определения индивидов на те или иные места, в том числе и способ избрания. Не нужно было бы ни шумихи, ни агитации, ни пропаганды, ни всей сложной процедуры, связанной с выборами или назначением того или иного лица – вплоть до президента, депутата, министра – на то или иное место. Вместо всего этого достаточно было бы заглянуть в «биопсихический паспорт» данного человека, содержащий в себе результаты научного исследования данной личности.

Он бы показал, годен или не годен данный человек для данной роли; он же дал бы указания, к какой специальности следует готовить данного ребенка, на какую профессию назначить данное лицо и т. д.

Но – увы! – современная наука еще не может претендовать на такую безгрешность. Методы «анализа личности и ее способностей» (Бине–Симона, Джеркса, Мюнстенберга и других) еще очень примитивны, а для анализа сложных форм деятельности – почти не выработаны. Сколько-нибудь серьезный ученый – специалист в этой области – не мог бы взять на себя ответственности за безгрешность анализа и вообще безапелляционно определять людей на основании такого исследования. Если же какой-нибудь невежда это и делает, то ничего, кроме огромного вреда, он не приносит. В будущем, с развитием науки, значение этого метода, несомненно, увеличится, пока же приходится прибегать к другим, косвенным путям определения способностей человека. Указанный научный метод остается лишь в качестве подсобного.

Основным принципом для определения способностей становится принцип *фактически проявленных талантов человека в данной области деятельности.* Человек, показавший себя талантливым организатором предприятия, офицер или

солдат, неоднократно выявившие свои блестящие стратегические способности, молодой юноша, написавший прекрасную научную работу, мальчик, создавший талантливую поэму, рабочий, изобретший какую-нибудь машину, и т. д. – все они самим фактом выполнения таких работ дают надежное свидетельство их способностей в соответствующих областях деятельности. Подобного рода «фактические доказательства» являются одними из самых верных и надежных способов проявления способностей и их наличия. Они дают основание для того, чтобы благоприятствовать их специализации в данной области и определять их на соответственные места, если, конечно, они сами не протестуют против такого определения.

То же с соответственными изменениями применимо и к другим людям. Сложнее вопрос обстоит с детьми. В раннем возрасте еще недостаточно ясно проявляются специфические способности ребенка. Потому-то воспитание и обучение на самых ранних ступенях и должно быть общим, таким, которое давало бы ребенку знания и навыки (читать, писать, считать, основные сведения из всех главнейших наук), необходимые для всякого рода деятельности и для всякой специализации. Но и здесь внимательный родитель, педагог, исследователь при систематическом наблюдении их поведения довольно рано сможет уловить их наклонности и способности и, уловив, стимулировать их развертывание, развитие и выявление.

Таков доступный нам косвенный путь.

Он в своем целом представляет более широкий, хотя в сравнении с идеальным научным анализом и менее точный способ определения способностей человека. Но суть его та же, что и второго. При правильных условиях всякий факт реального проявления своих способностей означает успешное преодоление тех препятствий, которые ставит сама жизнь, иными словами, успешную сдачу экзамена или ряда экзаменов, производимых великим экзаменатором, называемым жизнью. Раз человек обнаруживает и обнаружил ряд реальных достижений в такой-то области, это значит, что он сдал экзамен жизни, сумел победить ряд препятствий. Такой экзамен самой жизни, конечно, не исключает специальные экзамены или искусственные испытания, организуемые специалистами. Они лишь дополняют этот великий экзамен жизни и в конце концов преследуют ту же цель, что и первый экзамен.

То же приходится сказать о конкурсах, имеющих своей задачей определить, кто из ряда кандидатов и аспирантов является наиболее одаренным. При правильной постановке экзаменов и испытаний, с одной стороны, при учете всех проявленных данными лицами дарований и достижений – с другой, можно относительно верно поставить диагноз способности данной личности, а тем самым более или менее удачно определять их на соответственные места в обществе согласно указанному выше принципу – каждому по его способностям.

Таков в основных своих чертах метод осуществления этого принципа.

Сказанного, однако, мало. Чтобы этот метод мог дать правильные результаты, чтобы он вел не к искаженно-ошибочным следствиям, наконец, чтобы он мог быть применимым, *нужен ряд условий в самой социальной структуре общества, без наличия коих он не может быть осуществленным и не может дать вполне правильных результатов.*

Дело в следующем.

Представьте себе на минуту, что указанным путем вы определили: данное лицо, напр. сын раба, годен для занятия поста такого-то министра. Но строй общества таков, что министрами могут быть только дети аристократии и раб должен оставаться рабом. Не ясно ли отсюда, что реализация нашего принципа оказывается невозможной... Другой пример. На скачках или состязаниях людей в беге требуется, чтобы состязающиеся начинали бег с одного и того же места и преодолевали одни и те же препятствия. Только в этом случае можно правильно решить, кто из них является наилучшим. Совсем другое дело, если одна лошадь начинает бег с места, более близкого к конечной цели. При таком неравенстве исходных позиций худшая лошадь очень легко может прийти к конечной цели раньше лучшей. В этом случае, очевидно, этот факт достижения цели первой еще не может говорить о том, что данная лошадь лучше. То же и в социальной жизни. Если исходные пункты состязающихся в «жизненном беге» неодинаковы и если им приходится преодолевать неодинаковые препятствия, то, очевидно, принцип фактически проявленных способностей не всегда даст правильные результаты.

Эти примеры показывают некоторые из социальных условий, способные помешать осуществлению указанного принципа или извратить его результаты.

Вот почему осуществление его требует ряда соответственных изменений в самой структуре общества.

Остановимся подробнее на некоторых из этих условий.

1. Первое из них можно формулировать как *принцип «открытых дверей» ко всякой должности и ко всякому месту для всех лиц, обладающих соответственными способностями. Обратной стороной его служит принцип удаления из всех мест всех лиц, не способных успешно выполнять данную работу.*

До сих пор мы не имеем ни одного общества, в котором бы правило «каждому по его способностям» соблюдалось совершенно точно. Есть ряд обществ, в которых оно соблюдается очень мало. Примером может служить кастовое общество. Там человек, родившийся в низшей касте, должен оставаться в этой касте и не может перейти в высшую касту, хотя бы он был «семи пядей во лбу». И обратно: человек, родившийся в высшей касте, *eo ipso*^{29*}, остается в ней, хотя бы он совершенно не был пригоден для выполнения соответственной социальной функции. Общество построено так, что между разными кастами или сло-

ями существует ряд непроницаемых перегородок, не позволяющих индивидам переходить из касты в касту, механически прикрепляющих их к тому слою, в котором они родились, хотя бы по их способностям место их должно было быть в совершенно другом слое. Вместо принципа «открытых дверей» и «удаления негодных» господствует противоположное правило. То же может быть сказано и о всех обществах, распадающихся на замкнутые, малопроницаемые слои: патрициев, плебеев и рабов; дворян, ремесленников и крепостных и т. д.

Даже в так называемых бессловных демократиях нашего времени этот принцип «открытых дверей» проведен не вполне. Случайности рождения от бедняка-родителя или, наоборот, от родителя-богача сплошь и рядом мешают талантливым детям первого подняться выше и занять место, соответствующее их способностям, и обратно: бесталанного потомка богача автоматически оставляют на «верху» общественной пирамиды при исполнении функций, совершенно не соответствующих его способностям, в то время как по его способностям ему бы следовало «съехать вниз» и исполнять совершенно иную работу.

Правда, в этих демократиях, особенно в С. А. С. Штатах, такого рода перепонки относительно слабы, проницаемы и структура общества довольно близка к принципу «открытых дверей» и удаления негодных. Мы видим сплошь и рядом, как сын пастуха или крестьянина здесь делается сенатором, президентом, министром, как сын рабочего поднимается в высший слой богачей (Карнеги, Форд), и обратно: как неудачливый сын богатых и знатных родителей делается простым рабочим. Словом, в этом обществе «циркуляция» индивидов из слоя в слой очень сильна, перепонки между последними легко проницаемы, и потому размещение индивидов в обществе довольно близко к принципу «каждому по его способностям». Сходное мы видим и в ряде других стран «демократии». Возьмите Англию. Здесь мы видим также, что аристократами не столько рождаются, сколько делаются. Всякое лицо, выдвинувшееся на том или ином общественно полезном поприще: в науке, в искусстве, в изобретениях, в путешествиях, в войне, в общественной деятельности, в торговле и т. д., из какого бы слоя оно ни происходило, довольно заботливо отмечается, возводится на верхи пирамиды и вводится в состав «аристократии, командующих и руководящих» слоев. Потому-то последние, обновляемые постоянным притоком свежей крови и таланта, здесь не дегенерируют и на протяжении веков стоят на высоте. Но, как указано, этот принцип вполне не проведен и в таких странах.

В других же обществах, особенно в отсталых, он проведен еще меньше.

Что же из этого получается? В основных чертах следующее. Когда-то предки позднейших потомков, особенно основатели родов, заняли свои места в общественной пирамиде «по праву», т. е. наверх поднялись лица, обладавшие соответственными способностями, внизу оказались лица, опять-таки по своим способностям пригодные для «нижних этажей» социальной пирамиды. Если бы

дети родителей были вполне похожи на них, беды никакой бы не было. Временами дети отца действительно наследуют его способности и потому «по праву» занимают его место. Но не всегда так бывает. В силу неудачного «смешения крови» при браке, менделирования признаков и т. д. дети нередко рождаются непохожими на отцов по своим наследственным свойствам: сын «прирожденного властителя» временами рождается «прирожденным рабом» по своим свойствам, сын талантливого изобретателя – бездарностью, сын «раба» – «властителем», сын скопидома – мотом и т. д. Если бы в обществе был осуществлен указанный принцип «открытых дверей» и «удаления негодных», то неудачный сын властителя должен был бы сделаться простым смертным, «прирожденный властитель» – сын раба – должен был бы подняться на верхи правительственной лестницы и т. д. Но раз этот принцип не осуществлен, картина получается совершенно иная. «Закрытые двери» мешают «талантливым лицам» подняться снизу наверх, бесталанным – спуститься сверху вниз. Из поколения в поколение в каждом слое социальной пирамиды начинают копиться «неподходящие жильцы».

В слое «рабов» или «управляемых» копится число «прирожденных властителей», которым следовало бы быть наверху, и наоборот: в слое «властителей» копится число «прирожденных рабов», которым по их способностям место внизу. То же происходит и в других имущественных, профессиональных и т. д. социальных группах. В каждой группе ее функции начинают выполняться хуже и хуже. Бездарные потомки бывших даровитых властителей начинают управлять из рук вон плохо. «Властолюбивые головастики» из низов, толкаемые своими наследственными импульсами, не могут примириться с их положением и начинают стремиться «кверху». Дух мятежа, волнений, смут, заговоров, революции охватывает их сильнее и сильнее. То же происходит и во всех остальных группах. Удачное выполнение общественных и профессиональных дел всюду заменяется бездарным. От этого вся жизнь общества начинает страдать. «Общественный организм» заболевает. Происходит кризис. В итоге рано или поздно под напором накопившихся «головастиков» внизу и «гнили» наверху перепонки, разделяющие социальные слои, лопаются.

Раз «неподходящие жильцы» добровольно не желают и не могут переселиться в соответствующие этажи, история делает это в принудительном порядке. Приходит «дворник истории», называемый революцией, и своей большой шваброй в два-три приема выбрасывает дегенерировавших властителей сверху вниз и поднимает массу лиц снизу наверх. Все это происходит в обстановке кровавой борьбы, массы жертв и других бытовых черт революции. Последняя производит эту операцию не очень тонко. Вместе с выродившимися властителями она выбрасывает сверху немало и талантливых лиц, и наоборот: вместе с подлинными властителями она поднимает снизу немало и совершенно бездарных лиц. Но в позднейшую стадию революции и в годы послереволюционные эти недостатки исподволь ис-

правляются. Часть талантливых лиц, выброшенных сверху, поднимается обратно, часть бездарных лиц, поднявшихся снизу, низводится снова туда же.

В итоге, если общество не погибает в этой кровавой революции (что случается временами) и если внизу действительно были «талантливые» властители (что не всегда гарантировано), «накопившийся гной» выпускается, происходит «хирургическое» восстановление нарушенного равновесия общества и приближение его структуры к принципу «каждому по его способностям», к принципу, от которого общество уклонилось и потому должно было заплатить за это уклонение революцией и ее бедствиями.

История народа снова входит в берега. Если и дальше продолжает царствовать тот же принцип «закрытых дверей», то в обществе из поколения в поколение начинают снова копиться «неподходящие жильцы»: потомки новых властителей «по праву» снова начинают уклоняться от свойств своих родителей, потомки управляемых – от свойств своих отцов. Снова происходит «дегенерация властителей» и «дегенерация подвластных», и рано или поздно революционный взрыв снова становится необходимым. Такова «сказка про белого бычка», многократно рассказанная историей и продолжающая повторяться и в наше время.

Отсюда вы видите: 1) что длительное нарушение принципа «каждому по его способностям» не проходит безнаказанно, 2) оно делает неизбежными кровавые и революционные взрывы, 3) оно нарушает жизнь и развитие общества, 4) часто ведет его к смерти.

Отсюда же становятся ясны вся опасность и весь социальный вред принципа «закрытых дверей», с одной стороны, и жизненная необходимость принципа «открытых дверей» и «удаления негодных». Этот принцип в его конкретизации означает ряд более детальных требований:

1. Основным и единственным критерием при определении лиц на разные должности должен быть принцип личных заслуг и способностей. Заслуги родителей и предков, братьев и родственников не должны иметь значения при оценке годности того или иного лица.

2. Не должно быть никаких забронированных мест или позиций, которые были бы монополизированы тем или иным родом и были бы недоступны всем наиболее способным к занятию этого места, хотя бы эти способные происходили и из наинизших слоев.

Семейные связи, всякого рода «протекция», всякого рода покровительство тем или иным лицам по мотивам, посторонним от личных заслуг и способностей, не должны иметь места.

Не указывая других положений, из сказанного легко понять значение этого первого условия и следствия, из него вытекающие.

«Дорогу наиспособнейшим» – такова иная редакция той же мысли.

2. Второе социальное условие, необходимое для правильного осуществления принципа «каждому по его проявленным способностям», заключается

в равенстве исходных позиций и препятствий в жизненном деле отдельных членов общества.

Выше, в примере со скачками, я уже указал значение этого условия. Худшая лошадь, начинающая бег не с начала, а с середины круга или должна преодолеть меньше препятствий, чем другая, может прийти к конечному пункту раньше лучшей. Еще более это применимо к людям. Они начинают свой «жизненный бег» далеко не в одинаковых условиях и принуждены преодолевать далеко не одинаковые препятствия на своем пути. Сын богача или аристократа с несравненно меньшими природными способностями, чем сын бедняка, может при таких условиях уйти дальше последнего, проявить как будто бы больше способностей и дарований. К его услугам с самых ранних лет лучшие учителя и воспитатели, книги и пособия, досуг и полная возможность отдаться своему делу. Ему не нужно, как сыну бедняка, убивать силы, энергию и время на добывание куска хлеба. При таких условиях простая посредственность иногда может продвинуться относительно далеко и совершить кое-какие заслуги.

Совсем иным является положение бедняка. Принужденный голодать и холодать, он даже при больших способностях может испортить здоровье и способности благодаря этим лишениям. Часто он не имеет ни времени, ни средств, ни возможности научиться грамоте. Научившись и желая продвигаться дальше, он большую часть своих сил должен тратить на добывание заработка. К его услугам нет ни прекрасных учителей и воспитателей, ни нужных ему книг, ни возможности поехать в другую страну для совершенствования. То, что сын богача может получить без всякого труда, сыну бедняка приходится зарабатывать потом и кровью. Богатство, влияние и связи родителей первого открывают ему все двери, заранее настраивают в пользу его массу лиц и групп.

Иным является положение бедняка. Ему приходится всюду самому прокладывать дорогу, прорываться через запертые двери, преодолевать сотни препятствий, отсутствующих на жизненном пути первого «счастливчика».

Будучи в два-три раза талантливее последнего, при таких условиях он тем не менее может отстать от него. Огромная часть его сил может уйти на простое преодоление препятствий.

И кто может подсчитать, сколько гениев из бедняков и подобных лиц погибло зря, не успев развернуть своих талантов, даже не подозревая о них? Кто может сказать, сколько талантливых лиц останавливалось на полпути, подавленных непреодолимыми препятствиями, стоявшими на их пути, доведенных ими до изнеможения? И для общества пропадали их таланты, и для них самих эти препятствия портили их жизнь. Будь условия иными, будь эти препятствия меньше, имей они возможность с малых лет получить надлежащее обучение, воспитание и «тренировку», необходимую для успешного «жизненного бега», кто знает, какими благоухающими цветами распустились бы они на радость себе

и на пользу общества! Кто может предсказать, как далеко обогнали бы они многих и многих счастливицков!

Отсюда ясно значение этого условия. *Если нет равенства исходных позиций и равенства препятствий на пути этого жизненного состязания, то, очевидно, оценка разных лиц по проявленным ими дарованиям не может быть вполне правильной и верной.* В этом случае легко принять за более способных тех, кто на самом деле менее способен, но продвинулся дальше потому, что бег начал с менее отдаленного пункта и бежал по пути, очищенному от всяких препятствий.

И обратно.

Вот почему формула «каждому по его проявленным и в особенности наследственным способностям» требует этого равенства. Из всех форм и лозунгов последнего эта форма равенства единственно справедлива, необходима и не грозит никакими бедствиями.

Все люди имеют право начинать свой бег с одного старта и при одних условиях. Если потом одни из них уйдут дальше, а другие отстанут, то в этом не будет вины общества, не будет поводов обвинять кого-нибудь в несправедливости. Отставшие должны будут винить лишь себя самих или законы природы. Опередившие не могут упрекать себя в том, что они своими успехами обязаны каким-то побочным, несправедливым условиям. Они будут обязаны только себе самим и своим способностям.

В настоящее время полное и абсолютное осуществление этого «равенства исходных позиций» невозможно. Нельзя «по щучьему велению, по моему прошению» в единый момент сделать условия всех детей абсолютно тождественными. Для этого нужна была бы такая революция, которая вверх дном перевернула бы весь социальный порядок и, кроме анархии, ничего не дала бы.

Но постепенное приближение к этому равенству и установление его минимума вполне возможно и должно быть сделано.

Что нужно разуметь под этим минимумом равенства исходных позиций?

Такие условия, в которых каждый ребенок данного общества если не за счет родителей, то за общественный счет имел бы возможность быть сытым, одетым, обутым и получал бы воспитание, образование и всю умственно-нравственную «экипировку», необходимую для успешного жизненного бега. Это означает право каждого ребенка на элементарное образование и воспитание, право его на дальнейшее обучение в средних и даже в высших школах для развития и совершенствования своих способностей.

Таков вкратце этот минимум. Он – выполним. Чем многие миллионы разбазаривать на непроизводительные цели, общество бесконечно выгоднее и разумнее поступит, потратив их на эту цель.

Такое помещение общественного капитала «в людей» будет куда выгоднее, чем многие другие финансовые операции общества. Развитые и даровитые сот-

ни и тысячи лиц принесут проценты, – даже с чисто экономической точки зрения, – во много раз превышающие этот расход.

Таково вкратце это условие, требуемое правильным осуществлением указанного принципа.

Третьим основным условием в этом отношении является *«проницаемость» социальных перегородок, отделяющих один слой от другого, и интенсивность социальной циркуляции индивидов из слоя в слой.*

Это условие близко к первому. Но в нем я хочу отметить черту, не отмеченную там.

Выше было указано, что задача «познать себя самого», определить, к чему ты годеи и в чем твое призвание, одна из самых трудных. Не только другие люди, но и каждый из нас сам не может сразу и безошибочно решить этот вопрос. Это имеет значение в наше время, когда, как я указал, научный анализ личности еще стоит на очень низкой ступени, когда безошибочный диагноз способностей еще невозможен. В таких условиях необходимо каждому из нас фактически пробовать и испытать себя на разных поприщах и в разных профессиях. Такой экзамен будет одним из самых надежных и самых верных. Попав в профессию, объективно не соответствующую нашим способностям, мы скоро убеждаемся в этом и по субъективному чувству отвращения к ней, и отсутствию интереса, и по малоуспешности своих результатов. Переменив два-три-четыре раза профессию, в конце концов мы можем попасть в ту, которая как раз является искомой. Там, где мы будем чувствовать себя вполне в «своей тарелке», где увидим, что дело это нам по вкусу, что мы в нем делаем прогресс, там, очевидно, и является наше место.

Беды от такого «кочевья» в первые годы нашей юности или зрелости не будет: каждая профессия только расширит наш опыт и кругозор и помешает нам быть однобокими, узкими специалистами. Чтобы такая циркуляция была возможна, весь строй общества должен быть таким, чтобы переход из профессии в профессию, из слоя в слой, из группы в группу был возможен, чтобы здесь не было непреодолимых перегородок.

В таком обществе действительно больше шансов на выполнение правила «каждому по его способностям», чем в обществе, где перегородки почти непроницаемы, где индивиды «сидьмя сидят» и умирают в той позиции, в которой они родились. Последнее общество будет похоже на старческий организм, полузастывший и окостенелый, тогда как первое будет напоминать молодой организм, полный жизни и сил, с интенсивным кровообращением, питающим все органы и своим потоком смывающим отжившие или неподходящие клетки из разных мест организма.

Эту самую картину мы и видим в обществах бурно и быстро развивающихся. Примером их могут служить С.-А. С. Штаты. Здесь действительно интенсивность очерченной циркуляции огромна. Здесь не много найдется людей, которые

бы несколько раз не меняли свои профессии, прежде чем не попали на нужную, соответствующую их талантам.

«Перемена занятий, – пишет один исследователь С.-А. С. Штатов, – в Соединенных Штатах совершается гораздо чаще, чем в других странах. Проповедник, которому наскучило его дело, становится коммерсантом, купец начинает заниматься наукой, адвокат делается промышленником, фабрикант – политическим деятелем, книгопродавец берется за ведение мебельного магазина, почтальон становится хозяином пивной. У американца нет такого чувства, будто случайная внешняя экономическая деятельность составляет сущность человека. Она для него то же, что и платье, которое можно надеть и снять. Миллионерша, муж которой сегодня потерял состояние, устроит завтра без всякого смущения “домашний стол”. Наблюдателю невольно напрашивается все время мысль об актерах, меняющих свои роли. Можно думать, что частая перемена профессии, главным образом, дает американцу его прославленную многосторонность и приспособляемость». Но, раз попав в «свою тарелку», он уже прочно сидит в ней и оказывается действительно талантливым работником в этой области. Возьмите биографии почти всех выдающихся американцев: Марка Твена и Дж. Лондона, Бен. Франклина и Линкольна, Карнеги и Форда, Рузвельта и Гувера, Эдисона и Юза и т. д. Сколько самых разнообразных профессий каждый из них перепробовал, прежде чем попасть на свою дорогу!

Мудрено ли поэтому, что весь социальный организм народа живет активной и здоровой жизнью.

Такова суть этого условия.

Не останавливаясь на более детальных обстоятельствах, из сказанного мы получаем представление, во-первых, о том, когда принцип «каждому по его способностям» осуществим и дает правильные результаты, во-вторых, какие для этого нужны изменения во всей социальной структуре общества, наконец, что все предыдущее достаточно четко рисует перед вами огромное значение самого этого принципа для благосостояния и процветания общества.

Именно на этом пути, а не на утопических, при реализации вдобавок бедственных планов «механического уравнения» и «принудительного обобществления» находится возможность реального улучшения и оздоровления общества и общественной жизни. Вместе с другими указанными факторами поведения людей и истории народов он составляет условие, их завершающее и дополняющее.

В предыдущих беседах я задел не все факторы поведения людей и хода общественных процессов. Очертил я [их], но очень кратко. Но все [же] коснулся основных проблем, которые в своей совокупности дают общий абрис картины и могут послужить материалом и основной канвой для дальнейших – более детальных и глубоких – размышлений.

КОММЕНТАРИИ

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИК ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА В СВЯЗИ С УЧЕНИЕМ О ГОСУДАРСТВЕ

Печатается по тексту первого издания, выпущенного в Ярославле в 1919 г. издательством Ярославского кредитного Союза Кооператоров. Книга вышла в серии Пособий для кооперативно-общественной школы и курсов под редакцией В.А. Кильчевского (№ 7). Второе издание книги было осуществлено издательством С.-Петербургского университета в 2009 г. со вступительной статьей и примечаниями М.В. Ломоносовой. Тираж этого издания – 300 экз.

На сегодня выявлены две рецензии на «Элементарный учебник...». Первая из них была опубликована в «Вестнике литературы» (1920, № 9 (21), сентябрь, с. 11). Подписана она инициалом «А.» и принадлежит Аркадию Георгиевичу Горнфельду (1867–1941). Ниже приводится ее текст полностью:

«Книга нашего социолога П.А. Сорокина является пособием для Кооперативно-Общественной школы и курсов. В настоящее время, когда юридические науки сдаются в архив, книга, посвященная изучению права, является в некоторой степени анахронизмом. Но под пером талантливого социолога учебник о теории права в связи с теорией государства приобретает значительный интерес. Составитель книги предусматривает будущее права, когда последнее будет ликвидировано, преодолено и превращено из “обязательно принудительной нормы” в норму свободную, органически присущую самому человеку. Право появилось благодаря социальному несовершенству людей, благодаря отсутствию у них необходимых для общественной жизни солидарности и взаимного благожелательства. Оно принудительной силой удерживало от проявления злостных и враждебных стремлений по отношению друг к другу. Эта, по выражению Сорокина, правовая дрессировка тянулась веками и дорого обошлась человечеству. И дрессировка эта закончится с полным приспособлением к общественной жизни, когда восторжествует полная солидарность людей. Тогда принудительное начало права будет излишне. “Право нужно было для того, чтобы уничтожить право и сделать его излишним”, – говорит автор. Но право еще не изжито окончательно. А потому представляется отнюдь не излишним ознакомиться с понятием об общей теории права, которая до недавнего времени называлась энциклопедией права, с главнейшими определениями теории права, которые Сорокин признает неудовлетворительными, предлагая свое определение права как совокупности правил поведения, с происхождением права, с учением о государстве и его формах и т. д.

П.А. Сорокин делает, между прочим, оговорку, что книга его писалась весной 1918 г., почему некоторые приводимые им примеры покажутся устарелыми. Кто будет читать книгу, сам заметит, разумеется, что в ней несколько устарело».

Вторая рецензия (без подписи) была опубликована в 1920 г. в апрельско-майском номере «Тверского кооператора» (издание Союза потребительских обществ «Тверское Посредническое Товарищество Кооператоров») в разделе «Библиография». Ее текст приведен ниже по изданию: *Дойков Ю.* Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Том 1 (1889–1922). Архангельск, 2008, с. 244–245:

«Учебник Питирима Сорокина относится к серии “Пособий для кооперативно-общественной школы и курсов”, издаваемых Ярославским Кредитным Союзом под редакцией В. А. Кильчевского. По мысли издателей, целью данного учебника является “Проведение общих понятий о праве при посредстве школы и курсов, в среду кооперативную, и через нее в деревню. (Изв[естия] Яр[ославского] Кр[едитного] С[оюза] Кооп[ераторов] №1. 1920. с. 29)”. В условиях организации местными кооперативными союзами месячных и полуторамесячных кооперативных курсов вопросам права отводилось очень ограниченное время: обычно только несколько часов посвящались вопросам кооперативного права: причем от преподавателей этого предмета неоднократно приходилось слышать заявления о трудности поставить его на должную высоту, в силу неподготовленности аудитории.

В кооперативных журналах уже отмечалась общая тенденция в развитии курсового дела, которая заключается в постепенном удлинении продолжительности курсов и расширении их программы в области вопросов общеобразовательного характера. Несомненно, что в связи с этим расширением в программе курсов будущего, если им суждено развиваться, найдут должное место и вопросы общей теории права. Учебник П. Сорокина в таком случае явится весьма ценным пособием, как для преподавателей, так и слушателей курсов. Кроме того, написанный ясным и простым языком, логически стройный в своем изложении – он является хорошей книгой и для деревенской библиотеки. Настоящая заметка не ставит своей целью дать критический разбор данного учебника. Ее задача только отметить появление на книжном рынке работы П. Сорокина и кратко указать на ее содержание.

<...> Учебник П. Сорокина, заставляя читателя задуматься над целым рядом вопросов, сам несомненно сыграет серьезную воспитательную роль».

^{1*} В современном переводе: Кто может вместить, да вместит (Мф. 19: 12). — 33

^{2*} 1 Кор. 7: 8–9, 28, 38. — 33

^{3*} Я Господь Бог твой, да не будет у тебя никаких других богов, кроме Меня (Исх. 20, 2). — 37

^{4*} *Законы XII таблиц* – свод законов Древнего Рима, созданный коллегиями децемвиров в 451–450 гг. до н. э.; представлял собой запись обычного римского права, сделанную на двенадцати досках, выставленных на городской площади; нормы семейного права основывались на безусловном господстве главы семьи (*pater familias*). — 40

^{5*} *Законы Ликурга* (IX в. до н. э.) были установлены в Древней Спарте и сводились к следующему: во главе государства (полиса) стоял совет старейшин (герусия), в состав которого входили 28 геронтов, или старейшин, избираемых среди граждан не моложе 60 лет народным собранием, и два царя, в обязанности которых входило управление армией на войне. Чтобы не допустить богатства и бедности, Ликург ввел закон, по которому общинная земля была поделена на равные части – клеры. 9 тысяч из них было отдано во владение спартамцам,

30 тысяч – периэкам, так называемым окрестным жителям. Они не входили в спартанскую общину, а следовательно, по закону древней Спарты не имели гражданских прав. Землю, которая была выдана, запрещалось кому-либо продавать или дарить. Ее обработкой занимались рабы – илоты, а ремеслом занимались периэки. Спартанцы же, считавшие любое дело, кроме военного, позорным, занимались исключительно подготовкой к войне. Чтобы сохранить всеобщее равенство, Ликург ввел закон, запрещающий употребление внутри государства как золотых, так и серебряных монет. Вместо них были введены железные монеты, на которые можно было приобрести только продукцию, произведенную на территории Спарты. Образ жизни спартанцы должны были вести один и тот же, независимо от социального статуса. Вся жизнь каждого спартанца контролировалась от его рождения и до его смерти. Дома должны были строиться по определенным канонам. Подобные каноны существовали на ношение одежды и даже на применение пищи.

Реформы Солона, проведенные в начале VI в. до н. э., сводились к установлению в Афинах демократического строя. С этой целью Солон отменил долговое рабство, поделил все население Афин на четыре имущественных разряда, учредил высший орган государственной власти – Совет четырехсот и обязал всех граждан участвовать (в той или иной выборной должности) в управлении государством. Дальнейшая история Древней Греции сводилась, в сущности, к борьбе между демократическими Афинами и Спартой – в конечном итоге победила Спарта. — 40

^{6*} Это выражение, давно ставшее крылатым, на самом деле представляет собой цитату из письма Ж. де Местра к кавалеру Росси от 15/27 августа 1811 г.: «Меня весьма успокаивает мое правило: *Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает*. Я все более убеждаюсь, что для России не годится правительство, устроенное по нашему образцу, и что философические опыты Его Императорского Величества закончатся возвращением народа к первоначальному его состоянию – в сущности, это и не столь уж большое зло. Но ежели сия нация воспримет наши ложные новшества и будет противиться любому нарушению того, что захочет называть *своими конституционными правами*, если явится какой-нибудь университетский Пугачев и станет во главе партии, если весь народ придет в движение и вместо азиатских экспедиций начнет революцию на европейский манер, тогда я не нахожу слов, чтобы выразить все мои на сей счет опасения» (*Де Местр Ж. Петербургские письма*. СПб., 1995, с. 173). — 42

^{7*} *Дестинатор* (от лат. *destinatio* – «назначение», «предназначение») – субъект какой-либо нормы права. — 45

^{8*} *Шудра* (у Сорокина «судра») – представитель низшей из четырех древнеиндийских варн (каст); шудры были слугами, ремесленниками, подчиненными и зависимыми работниками. — 47

^{9*} Слово «тотем» на языке северо-американских индейцев племени оджибве означает «его род». Тотемические животные и растения считаются родоначальниками того или иного племени или рода; тотемом могут быть не только животные и растения, но и явления природы и даже неодушевленные предметы; тотем не может быть предметом охоты или какого бы то ни было утилитарного использования. — 58

^{10*} *Арест румынского посла* в России графа Константина Диаманди был произведен накануне нового 1918 года. Поводом для ареста послужили следующие обстоятельства. В се-

редине декабря (по ст. ст.) из Кишинева было получено сообщение о том, что румынские войска вступили в Бессарабию, оккупировали ряд населенных пунктов, расстреляв при этом революционероB. Кишиневский революционный комитет принял меры для урегулирования возникшего конфликта – направил в Яссы своих представителей. Они были задержаны румынскими военными властями, приговорены к расстрелу, и только вмешательство русских частей спасло им жизнь. 16/29 декабря Наркоминдел вручил Диаманди ноту, в которой Советское правительство потребовало прекращения этой акции, равносильной объявлению войны, и принятия соответствующих мер.

Посол был предупрежден о том, что в случае продолжения провокации будут приняты ответные меры по отношению к контрреволюционным румынским заговорщикам, независимо от того, какие посты они занимают в румынской иерархии. Диаманди не соизволил даже подтвердить получение ноты. 30 декабря/12 января было получено сообщение: румынские войска начали окружение и разоружение 49-й революционной дивизии, члены ее полковых комитетов арестованы. 31 декабря/13 января румынскому посольству была направлена еще одна нота, в которой содержалось требование немедленно освободить арестованных и дать гарантии, что подобное впредь не повторится. Текст ноты был передан по радио также в Бухарест. «Неполучение ответа на это наше требование в течение 24 часов будет рассматриваться нами как новый разрыв, и мы будем тогда принимать военные меры, вплоть до самых решительных». Но Диаманди игнорировал и это обращение и не поставил Наркоминдел в известность, сообщено ли о нем в румынскую столицу, более того, он назначил на момент истечения срока, установленного Советским правительством, прием в посольстве. Сутки истекли. В.И. Ленин направил в Наркомат по военным делам предписание «арестовать немедленно всех членов румынского посольства и румынской миссии, а равно всего состава служащих при всех учреждениях посольства, консульства и прочих официальных румынских учреждений». Прямо с приема Диаманди во фраке был доставлен в крепость. После освобождения из крепости (т. е. на следующий день) Диаманди было дано 10 часов на то, чтобы выехать из страны, а румынский золотой резерв, вывезенный ранее во время войны в Москву для сохранности, было приказано «сохранить как собственность румынского народа и не допускать к нему румынскую олигархию». Эти деньги были конфискованы в пользу России в качестве частичного восполнения потери Бессарабии, когда через несколько недель она была официально аннексирована Румынией. См. также: *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. М., 1990, с. 156–157.

Убийство германского посла графа фон Мирбаха было совершено в Москве 6 июля 1918 г. эсерами Яковом Блюмкиным и Николаем Андреевым с целью разрыва Блест-Литовского договора. Убийство послужило сигналом к началу восстания левых эсеров. Подробнее см.: *Матонин Е.* Яков Блюмкин. М., 2016, с. 92–134. — 74

^{11*} *Reichsgericht* (Reichsgericht) – имперский суд, высшая судебная инстанция в Германии. — 76

^{12*} *Ex officio* (лат.) – «по должности», «по обязанности». — 81

^{13*} *Laissez faire, laissez passer* (фр.) – букв.: «позволяйте делать» [кто что хочет]. Выражение употребляется в значении невмешательства правительства в ход развития событий (главным образом экономических), т. е. предоставления полной свободы. Выражение «laissez-faire, laissez-passer» (позволяйте делать кто что хочет, позволяйте идти кто куда хочет) принадле-

жит французскому экономисту Гурнэ (1712–1759), употребившему его впервые в сентябре 1758 г. на ассамблее физиократов. — 85

^{14*} Война всех против всех (*лат.*) – по Т. Гоббсу, гипотетическое состояние человечества в дообщественном состоянии (или при отсутствии «гражданского состояния»). См.: *Гоббс Т.* Сочинения в 2-х тт. М., 1991, т. 2, с. 95. — 91

^{15*} Определение «человек – по природе существо общественное» принадлежит Аристотелю, сформулировавшему его в «Никомаховой этике» (1097b11). См.: *Аристотель.* Сочинения. М., 1984, т. 4, с. 63. — 92

^{16*} *Вайшья* (у Сорокина «вайсия») – представитель одной из четырех каст (варн) в Древней Индии, члены которой считались полноправными соплеменниками (наряду с кшатриями и брахманами) и занимались в основном земледелием, скотоводством, торговлей и ремеслом. О *шудрах* см. прим. 8* на с. 535. — 100

^{17*} Известное высказывание Прудона о том, что «собственность есть кража», содержится в его трактате 1840 г. «Что такое собственность?». См.: *Прудон П.Ж.* Что такое собственность? М., 1998. — 102

^{18*} Цитаты из книги Ш. Монтескье «О духе законов» (кн. 11, гл. VI). Ср. современный перевод (А.Г. Горнфельда и М.М. Ковалевского, просмотренный и исправленный А.И. Рубиным): «Если власть законодательная и исполнительная будут соединены в одном лице или учреждении, то свободы не будет, так как можно опасаться, что этот монарх или сенат станет создавать тиранические законы для того, чтобы так же тиранически применять их.

Не будет свободы и в том случае, если судебная власть не отделена от власти законодательной и исполнительной. Если она соединена с законодательной властью, то жизнь и свобода граждан окажутся во власти произвола, ибо судья будет законодателем. Если судебная власть соединена с исполнительной, то судья получает возможность стать угнетателем.

Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, дворян или простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть приводить в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления или тяжбы честных лиц» (*Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955, с. 290–291). — 125

^{19*} Выражение из «Геттисбергской речи» президента США А. Линкольна, произнесенной им 19 ноября 1863 г. на национальном военном кладбище города Геттисберг (штат Пенсильвания), в районе которого 1–3 июля 1863 г. произошло решающее сражение в ходе Гражданской войны между Севером и Югом. Речь Линкольна заканчивалась словами: «...Все мы, собравшиеся здесь, должны проникнуться твердой убежденностью в том, что эти люди погибли здесь не напрасно; что народ наш по воле Бога еще узрит новое рождение свободы; что правительство из народа, волей народа и ради народа никогда не погибнет» (цит. по: «Сделать прекрасным наш день...») Публицистика американского романтизма. М., 1990, с. 464).

Эти слова А. Линкольна стали своего рода девизом республиканско-демократической формы правления. — 142

^{20*} *Суд Линча* – бессудная расправа над неграми, подозреваемыми в преступлении или нарушении общественных обычаев, совершаемая толпой, путем повешения, практиковав-

шавшая в США после Гражданской войны 1861–1865 гг. (считается, что последний случай суда Линча в США над темнокожим американцем произошел в 1981 г. в штате Алабама в отношении М. Дональда). По одной из версий, получил название в честь американского судьи Чарльза Линча, практиковавшего линчевание во время Войны за независимость, по другой – от фамилии капитана Уильяма Линча, который в 1870 г. ввел в Пенсильвании «закон Линча» о бессудных телесных наказаниях (но не смертной казни). — 147

^{21*} Цитата из пьесы В. Шекспира «Тимон Афинский» (акт IV, сцена 1, монолог Тимоны). — 159

^{22*} 4 августа 1789 г. на ночном заседании Учредительного собрания были отменены привилегии двух правящих классов, дворянства и духовенства, поэтому эта дата считается концом феодального строя во Франции. — 172

^{23*} Втор. 19, 21. — 178

^{24*} Цитата из статьи Э. Дюркгейма «Два закона эволюции наказаний» См.: *Durkheim E. Deux lois de l'évolution penale // L'annee sociologique. 4-eme annee, p. 78.* — 178

^{25*} *Древляне* – союз восточнославянских славян, живших в VI–X вв. в лесах, расположенных к югу от реки Припять и к северо-западу от Киева. — 180

^{26*} Этот эпизод рассказывается в «Истории» Геродота (VII, 35). Собираясь идти в поход на Грецию, Ксеркс приказал построить мост через Геллеспонт (Дарданеллы), но «разразившаяся сильная буря снесла и уничтожила всю эту постройку. Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков» (*Геродот. История. Л., 1972, с. 325.*) — 180

^{27*} *Сеннаар* – в египетском Судане область от Хартуиа до Фасокла между Белым и Голубым Нилом. Сеннаарское царство упоминается в Библии. — 183

^{28*} *Бертат*, Берта (Bertat) – этническая группа, живущая вдоль границы Судана и Эфиопии. — 183

^{29*} Имеется в виду одно из городов-государств индейцев майя-киче (*исп. quiché*), коренных обитателей Америки, живших в горах Гватемалы (само это имя восходит к майяским словам *qui* – «много» и *che* – «дерево», т. е. «много деревьев, лес», «лесной народ»). — 183

^{30*} *Кандийцы* – жители государства Канди, существовавшего в центральной части острова Шри-Ланка (Цейлон) с XV по XIX в. В 1815 г. Кандийское государство было оккупировано британскими войсками и включено в состав королевской колонии Цейлон. — 183

^{31*} Цитата из книги Поста «Зачатки государственных и правовых отношений» (М., 1901 с. 115–116). — 184

^{32*} *Анаст* – по-видимому, неправильное отождествление сокращенного названия папируса Anastasi (Anast.) с именем собственным. Папирус Анастаси (папирус № 10247, хранящийся в Британском музее) описывает участь воина и участь колесничего. Он призывает читателя выбрать профессию писца из всех существующих профессий, показывая при этом отрицательные стороны. Папирус представляет собой запись монолога автора, доказывающего, что профессия писца лучше других. Это монолог периода конца Нового царства. В России папирус исследовали египтологи В.И. Авдиев, Е.А. Разин, Б.А. Тураев. Сорокин, однако,

ссылается на работу бельгийского египтолога Ж. Капара «Очерк истории древнеегипетского уголовного права» (*Capart J.F.D. Esquisse d'un histoire du droit penale egyptien*. Bruxelles, 1900, p. 26–27), приводя из нее цитаты (в собственном переводе, чем и объясняется его ошибка) в статье «Законы развития наказаний с точки зрения психологической теории права Л.И. Петражицкого» и в книге «Преступление и кара, подвиг и награда». См.: *Сорокин П.А. Ранние сочинения: 1910–1914 годы*. СПб., 2014, с. 580–581; *Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда*. М., 2006, с. 390–391. — 185

^{33*} Втор. 28: 15–17, 21–22, 26 (цитируется неточно). — 185

^{34*} См. прим. 4* на с. 534. — 186

^{35*} *Habeas Corpus Act* (Хабеас корпус акт) – закон, принятый английским парламентом в 1679 г., один из основных конституционных актов Великобритании. Согласно этому закону по заявлению арестованного, в котором он под присягой перечисляет основания неправомерности своего ареста, судья обязан в установленные сроки издать приказ о его доставке в суд для проверки заявления. Заявление рассматривается судьей единолично в присутствии арестованного; судья вправе освободить его (безоговорочно или под залог) или же направить обратно в тюрьму, установив, что он арестован правомерно. Действие *Habeas Corpus Act*'а может быть приостановлено парламентом при чрезвычайных обстоятельствах (во время войны, при внутренних беспорядках и т. п.). Название закона происходит от начальной строки приказа судьи о доставке арестованного: *Habeas Corpus ad subjiciendum...* — 189

^{36*} Т. е. империя двух королевских династий во Франции: Каролингов и Меровингов.

Меровинги – первая королевская династия во Франкском государстве, получившая название от легендарного родоначальника Меровея; прекратилась в 751 г. в результате свержения последнего «ленивого короля» Хильдерика III майордомом Пипином Коротким.

Каролинги – королевская и императорская династия во Франкском государстве, получившая название по имени Карла Великого; в 751 г. сменила Меровингов, прекратила существование в X в. — 190

^{37*} Этими же словами Сорокин заканчивает свою первую книгу. См.: *Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда*. М., 2006, с. 493. — 192

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ УЧЕБНИК СОЦИОЛОГИИ

Печатается по тексту первого издания, выпущенного в Ярославле в 1920 г. издательством Ярославского сельскохозяйственного и кредитного Союза Кооператоров. Книга вышла в серии Пособий для кооперативно-общественной школы и курсов под редакцией В.А. Кильчевского (№ 9). Тираж первого издания книги – 15 000 экз. На последней странице книги имеется отметка: «(Р.В.Ц.) (Разрешено военной цензурой) гор. Ярославль».

^{1*} Цитата из Горация: «Но почему ты смеешься? Лишь имя стоит тебе изменить, не твоя ли история это?» (Сатиры. I, I, 68–73; пер. М. Дмитриева). — 196

^{2*} *Акафист* (от греч. ακαθίστος – букв.: «неседальный», указывает на то, что песнопение совершается стоя) – хвалебное песнопение в честь Иисуса Христа, Божией Матери и святых. — 196

^{3*} *Монтионовские премии* – премии за добродетельные поступки, названные по имени французского филантропа барона Антуана Монтиона (1733–1820), оставившего большую часть своего состояния для благотворительных целей. С иронией отзывался А.И. Герцен об этих премиях в книге «С того берега»: «Сердитесь, сколько хотите, но мира никак не переделаете по какой-нибудь программе; он идет своим путем, и никто не в силах его сбить с дороги. Узнавайте этот путь – и вы отбросите нравоучительную точку зрения, и вы приобретете силу. Моральная оценка событий и журьба людей принадлежат к самым начальным ступеням понимания. Оно лестно самолюбию – раздавать Монтионовские премии и читать выговоры, принимая мерилom самого себя – но бесполезно» (Герцен А.И. Сочинения в 9-ти тт. М., 1956, т. 3, с. 319). — 197

^{4*} *Самоеды* – устаревшее название лопарей и ненцев; теперь вместо него употребляется название «самодийцы» (ненцы, энцы, нганасаны и селькупы, живущие на севере Архангельской, Тюменской, Томской областей и в Красноярском крае). — 202

^{5*} *Socius* – букв.: товарищ, спутник, сообщник, союзник (лат.). Здесь – индивид как член общества. — 204

^{6*} *Починок* – так в России до XX в. называли вновь возникшие сельские поселения; когда с первоначальным двором в починке возникали один или два других, он становился деревней. — 227

^{7*} О событиях гражданской войны на Украине в 1919 г. см.: Л. Л-ой. Очерки жизни в Киеве в 1919–1920 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1922, т. III. — 234

^{8*} «Один французский ученый», которого цитирует Сорокин, – Эдмон Демолен (представитель школы Ф. Ле Пле). Цитата взята из книги: Демолен Э. Аристократическая раса. СПб., 1906, с. 4, 72. Упомянутый в цитате «Кап» – нынешний Кейптаун, в конце XIX в. столица Капской колонии, принадлежавшей Великобритании. — 247

^{9*} *Collegia fabrorum* (лат.) – коллегия (корпорация) ремесленников; *collegia pistorum* (лат.) – корпорация пекарей. — 251

^{10*} *Всеобщая конфедерация труда* – национальный профессиональный центр Франции, основанный в 1895 г.; в нач. 20-х гг. руководство Конфедерацией осуществляли анархо-синдикалисты. — 251

^{11*} *Гора* (монтаньяры) – левая демократическая группировка Конвента, представлявшая партию якобинцев и занимавшая в Конвенте верхние ряды. — 256

^{12*} Речь идет о количестве всех живших на земле людей в указанный период. Ссылка на источник находится во втором томе «Системы социологии»: это «Nouvelle Biographie Générale» Дидота (Paris, 1857–1856, vol. 1–46). vol. 1–46); на него же Сорокин ссылается и в своей книге «Общество, культура и личность», но в обоих случаях дает иное число: 45 000 000 000, т. е. 45 миллиардов (миллиардов) человек. См.: Сорокин П.А. Система социологии. М., 2008, с. 589; Sorokin P.A. Society, Culture and Personality. New York – London, 1947, p. 235. Согласно подсчетам американских демографов, по состоянию на 2015 г. общее

население Земли за всю ее историю составляет 108,2 миллиарда человек, т. е. до нас, живущих ныне на планете Земля, на ней жило и умерло чуть больше 100 млрд человек (впрочем, данные и подсчеты не бесспорные). — 257

^{13*} Имеется в виду Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов (Петросовет), созданный явочным порядком в первые дни Февральской революции и претендовавший на высшую власть не только в Петрограде, но и во всей России. Первоначально Исполком Петросовета состоял из 15 человек, 28 февраля (13 марта) 1917 г. его численность была увеличена до 20 человек. 1 (14) марта образованный из представителей Петроградского гарнизона Совет солдатских депутатов объединился с Советом рабочих депутатов. При этом количество представителей гарнизона намного превышало численность рабочих. Так образовался единый Совет рабочих и солдатских депутатов. Ко 2 (15) марта 1917 г. Исполком состоял уже из 36 членов, среди которых было 7 большевиков. Главой (председателем) Исполкома Петроградского совета стал меньшевик Н.С. Чхеидзе, товарищами (заместителями) председателя – меньшевик М.И. Скобелев и эсер А.Ф. Керенский. Первоначально Петросовет не противопоставлял себя образованному в те же дни Временному правительству, но по мере его большевизации противостояние этих двух органов власти усиливалось, в результате чего сложилась система «двоевластия». Говоря о «непоследовательности» Исполкома Петросовета, Сорокин имеет в виду его нерешительность (особенно проявившуюся в дни апрельского кризиса) в борьбе за власть. — 265

^{14*} *«Единство»* – российская социал-демократическая организация, основанная в 1914 г. Г.В. Плехановым, в которую вошли главным образом меньшевики-оборонцы. С начала 1917 г. до января 1918 г. группа издавала в Петрограде газету «Единство». Политические взгляды участников группы сводились к отрицанию возможности построения социализма в такой капиталистически неразвитой стране, как Россия; поддержке войны «до победного конца» и требованию установления твердой государственной власти. Группа распалась к лету 1918 г.

«Оборонцы» – социал-демократы, выступавшие с начала войны 1914 г. за оборону отечества (в отличие от «интернационалистов», т. е. противников войны, которых называли также «пораженцами»). К числу «оборонцев» относились Г.В. Плеханов, считавший, что, когда речь заходит о защите страны от внешнего нападения, борьба классов сменяется их сотрудничеством, А. Потресов и др. меньшевики. В 1916 г. другие меньшевики-оборонцы подготовили и выпустили сборник «Самозащита».

«Объединенцы» – левое наиболее радикальное крыло меньшевизма, представители которого пытались «помирить» большевиков с меньшевиками, объединить их в одной партии. Лидером «объединенцев» был В. Базаров (В. А. Руднев), раньше бывший большевиком, а в 1917 г. ставший одним из видных меньшевистских публицистов. «Объединенцы» высказались за восстановление Интернационала на платформе Циммервальдской и Кинтальской конференций.

«Новожизненцы» – группа социал-демократов интернационалистов, объединявшая меньшевиков – сторонников Мартова и ряд одиночек интеллигентов из числа писателей, издававших ежедневную газету «Новая жизнь».

«Интернационалисты» – левоменьшевистская группировка, возникшая в годы Первой мировой войны и требовавшая скорейшего заключения мира, но выступавшая против большевистских лозунгов поражения своего правительства и превращения империалистической войны в гражданскую. Вместе с тем группа выступала против организационного единства с меньшевиками-оборонцами. После Февральской революции 1917 г. «интернационалисты»,

называвшие себя «внефракционными социал-демократами», группировались вокруг газеты «Новая жизнь», пытались «примирить» большевиков и меньшевиков, объединить их в одной партии. Четкой программы по основным политическим вопросам не имели. — 265

^{15*} *Функциональная связь* – такой вид соотношения между двумя признаками, когда каждому значению одного из них соответствует строго определенное значение другого (площадь круга зависит от радиуса круга и т. д.). Функциональная связь характерна для физико-математических процессов.

Корреляционная связь – такая связь, при которой каждому определенному значению одного признака соответствует несколько значений другого взаимосвязанного с ним признака (связь между ростом и массой тела человека, связь между температурой тела и частотой пульса и др.). Корреляционная связь характерна для медико-биологических процессов.

Термин «корреляция» был введен в науку английским естествоиспытателем Ф. Гальтоном в 1886 г. Однако точную формулу для подсчета коэффициента корреляции разработал его ученик Карл Пирсон. Коэффициент характеризует наличие только линейной связи между признаками, обозначаемыми, как правило, символами X и Y. Формула расчета коэффициента корреляции построена таким образом, что, если связь между признаками имеет линейный характер, коэффициент Пирсона точно устанавливает тесноту этой связи. Поэтому он называется также коэффициентом линейной корреляции Пирсона. Если же связь между переменными X и Y не линейна, то Пирсон предложил для оценки тесноты этой связи так называемое корреляционное отношение. — 269

^{16*} О замысле «Системы социологии» и о его реальном осуществлении см. комментарии к «Системе социологии» (М., 1993, т. 1, с. 432–433). Схема структуры «Системы социологии» приведена там же, на с. 101. — 271

^{17*} См.: *Ключевский В.* Курс русской истории. М., 1906, ч. 1, с. 61–75. — 283

^{18*} Слова Молитвы Господней (Мф. 6: 11). — 284

^{19*} *Хлеба и зрелищ!* – лозунг римской черни времен упадка Империи. — 295

^{20*} *Salus populi – suprema lex* (лат.) – традиционный перевод: Благо народа – высший закон. — 315

^{21*} *Десница* – правая, *шуйца* – левая рука (*древнерусск.*). — 321

^{22*} *Пляска святого Витта* – нервное заболевание (судороги, напоминающие движения танца), которое в Средние века принимало характер эпидемии; название связано с преданием о том, что больные излечивались у часовни св. Витта в Цаберне (Эльзас). — 321

^{23*} *Мамона*, маммона – в Евангелии бог богатства; Иисус Христос учил: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6,24). — 336

^{24*} Мф. 14: 15. — 352

^{25*} Парафраз евангельского изречения: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6: 33). — 353

^{26*} *Corpus juris civilis* – свод римского гражданского права, составленный в 529–534 гг. при византийском императоре Юстиниане, поэтому его называют также «Кодексом Юстиниана». — 360

^{27*} Сорокин ошибается: эти слова принадлежат Тертуллиану. — 361

^{28*} *Sui generis* (лат.) – своеобразный, единственный в своем роде. — 374

^{29*} *Жирондисты* – политическая партия периода Великой французской революции, получившая свое название по департаменту Жиронда, откуда происходили многие деятели партии. Будучи представителями республиканской торгово-промышленной и земледельческой буржуазии, жирондисты находились у власти с 1792 г. до 31 мая – 2 июня 1793 г., когда они были свергнуты в результате народного восстания.

Якобинцы – в период Великой французской революции члены Якобинского клуба, сторонники полного политического равенства, наиболее радикальные деятели революции.

Гебертисты, эбертисты – политическая группировка левых якобинцев, названная так по имени одного из ее руководителей Ж.Р. Эбера. Эбертисты выступали за усиление террора, строгое соблюдение закона о максимуме цен на хлеб, борьбу со спекуляцией; кроме того, они были сторонниками политики дехристианизации и добивались изгнания из Конвента правых якобинцев, группировавшихся вокруг Ж.Ж. Дантона; 14 мая 1794 г. эбертисты, угрожавшие восстанием в случае, если их требования не будут удовлетворены, были арестованы и 24 марта по приговору Революционного трибунала гильотинированы. — 380

^{30*} *Марна и Галиция* – места важнейших военных сражений во времена Первой мировой войны.

5 сентября 1914 г. главная группировка германских армий на западном фронте вышла к реке Марна между Парижем и Верденом. Создалась реальная угроза французской столице. Наступление русских войск в Восточной Пруссии вынудило немецкое командование снять с Западного фронта два корпуса и кавалерийскую дивизию и направить их на Восточный фронт, что явилось одной из причин победы французов в битве на Марне.

Галиция – историческое название западно-украинских (Ивано-Франковская, Львовская, Тернопольская области) и польских земель (Жешувское и Краковское воеводства). Здесь в августе-сентябре русские войска Юго-Западного фронта развили успешное наступление, в результате которого был взят город Львов (21 августа). 14 июля 1915 г. город был снова занят австро-венгерскими войсками. — 388

^{31*} *Целебес* – европейское название острова Сулавеси, ныне принадлежащего Индонезии; *Борнео* – остров Калимантан, разделенный между тремя государствами: Индонезией, Малайзией и Брунеем. — 388

^{32*} Сорокин имеет в виду следующее высказывание Б. Паскаля: «Последовательная смена людей есть один человек, пребывающий вечно». Эти слова находятся в малоизвестном сочинении Паскаля «Предисловие к рассуждениям о пустоте» (*Oeuvres de B. Pascal. Paris, 1923, Vol. II, p. 127–145*); возможный источник, из которого почерпнул эту паскалевскую мысль Сорокин, – «Философические письма» П.Я. Чаадаева, где она дважды цитируется (См.: *Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. М., 1991, т. 1, с. 380–381, 416*). — 388

^{33*} Великое Существо (*Le Grand Être*) – главный объект позитивной религии, человечество в целом. «Это Существо, – излагает сущность контовской “религии” В.С. Соловьев, – обладает и внешним, и внутренним единством. Внешнее или объективное единство выражается в органической невольной солидарности живущего на земле человечества... Внутреннее, субъективное единство, или душа Великого Существа, образуется единением любви с ним

и между собой всех индивидуальных душ... Не все люди входят в состав Великого Существа; человеческие паразиты, живущие только за счет других, а не для других, исключены из него; зато облагороженные и полезные животные... имеют часть свою в Великом Существое...» (Соловьев В.С. Собрание сочинений. СПб., б/г, т. X, с. 391–392). — 388

^{34*} Заключительные строки «Посвящения» к «Евгению Онегину»:

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

(Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти тт. М., 1981, т. 4, с. 5). — 388

^{35*} Сорокин полемизирует с «Думой» (1838) М.Ю. Лермонтова:

И ненавижим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

(Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х тт. М., 1957, т. 1, с. 24). — 389

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

Печатается по тексту первого издания, выпущенному Комитетом деловодчиков Народно-просветительных рад в Подкарпатской Руси. Ужгород, 1923.

Ужгород, как и все Закарпатье, в 1919 г. по решению Сен-Жерменского мирного договора вошел в состав Чехословацкой республики.

^{1*} Не вполне точная цитата из «Дневника писателя» (1873). У Ф.М. Достоевского: «Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделяются; ну, а на века надо время» (Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л., 1980, т. 21, с. 93). — 405

^{2*} Primum vivere deinde filosofare (лат.) – прежде жить, а уж затем философствовать. — 409

^{3*} In corpore sano mens sana (лат.) – в здоровом теле – здоровый дух. — 412

^{4*} Роялист – сторонник монархической формы правления, монархист; здесь: сторонник династии Бурбонов в период Великой французской революции.

О жирондистах и якобинцах см. прим. 29* на с. 543. — 419

^{5*} Греко-персидские войны с перерывами шли в 499–449 гг. до н. э. и закончились победой Греции. События войны до 479 г. подробно описаны во второй половине «Истории».

Пелопоннесская война – серия войн за господство в Греции между демократическими Афинами и олигархической Спартой в 431–404 гг. до н. э., описанных в «Истории» Фукидида. — 419

^{6*} Гуситская революция (гуситское революционное движение) – борьба чешского народа в первой половине XV в. против католической церкви и немецкого засилья, вылившаяся в так называемые гуситские войны (1419–1437), которые велись под руководством Яна Жижки и Прокопа Великого. Подробнее см.: Рубцов Б.Т. Гуситские войны. М., 1955. — 420

^{7*} *Белая Гора* – гора западнее Праги, на которой 8 ноября 1620 г. во время Тридцатилетней войны произошло сражение между чешскими войсками (Протестантская уния) и имперско-баварской армией (Католическая лига), в ходе которого чешские войска потерпели поражение; Чехия утратила самостоятельность, попав на 300 лет под власть австрийских Габсбургов. — 420

^{8*} *Ceteris paribus* (лат.) – при прочих равных условиях. — 428

^{9*} Точнее: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19: 6). — 449

^{10*} *Manus mariti* (лат.) – власть над женой; *patria potestas* (лат.) – власть над детьми. — 450

^{11*} Еф. 5: 33. — 450

^{12*} См. прим. 25* на с. 542. — 468

^{13*} Типографские и издательские термины: *метранпаж* (фр. *metteur en pages* – «складывающий в страницы») – старший наборщик в типографии, сверстывающий набор в страницы; *нонпарель* (от фр. *nonpareil* – «несравненный», «бесподобный») – типографский шрифт, кегль которого равен 6 пунктам; применяется в изданиях, не предназначенных для сплошного чтения (справочная литература, подписи под рисунками, библиография, небольшие тексты справочного характера, таблицы); *корнус* – типографский шрифт; *ротационка* – полиграфическая печатная машина с вращающимися цилиндрами, между которыми проходит бумага; *корректурa* (от лат. *correctura* – «то, что подлежит исправлению») – совокупность корректурных исправлений и сам процесс исправления ошибок и устранения технических недочетов в корректурном оттиске набора и печатной форме, включающий чтение корректурных оттисков и корректурную правку. — 475

^{14*} *Mutatis mutandis* (лат.) – с известными оговорками. — 478

^{15*} См. прим. 17* на с. 537. — 480

^{16*} См. выше прим. 8*. — 481

^{17*} *Habitus* (лат.) – габитус, хабитус; означает «характер», «свойства». Это понятие употребляли своих работах М. Мосс и Н. Элиас; в социологии Пьера Бурдьё «габитус» стало одним из основных понятий, которое может трактоваться как «система приобретенных схем, действующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принцип распределения по классам, в то же время как организационный принцип действия» (Громов И.А., Мацкевич И.А., Семенов В.А. Западная социология. СПб., 2003, с. 531). — 481

^{18*} См. прим. 9* на с. 540. — 484

^{19*} Известный «тезис» К. Маркса, сформулированный им в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» (1843–1844): «Религия – есть опиум народа» (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 1, с. 415). — 488

^{20*} Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой – суббота Господу Богу твоему (Исх. 20: 8–10). — 490

^{21*} «Дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21; 13). — 490

^{22*} *Антиминс* (от древнегреч. *αντί* – «вместо» и лат. *mensa* – «стол», «трапеза»: «вместо-престолие») – в православии четырехугольный, из шелковой или льняной материи плат со вшитой в него частицей мощей какого-либо православного мученика, лежащий в алтаре на престоле; является необходимой принадлежностью для совершения полной литургии. Одновременно он является также и документом, разрешающим совершение литургии. — 491

^{23*} Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем (Ин. 6: 56). — 491

^{24*} *Чуринга* – в религии австралийских аборигенов мифическое существо или ритуальный предмет из дерева или камня, служащий олицетворением этого существа.

Нуртунья, нуртунджа, *le nurtunja* (у Сорокина ошибочно «муртунья») – у аборигенов Австралии (по Спенсеру и Гиллену) – длинная палка, обвитая шнурами и оклеенная пухом, считающаяся копьем тотемического предка.

Ванинга – большие сооружения в виде палок, крестов, ромбов, изготавливаемые специально для тотемических церемоний. Одна и та же форма ванинга может относиться к разным тотемам, но после того, как ванинга употреблена хоть раз в тотемическом обряде, ее прочно связывают с данным тотемом и ею уже нельзя пользоваться в обряде, посвященном другому тотему.

Все эти термины Сорокин заимствует из книги Э. Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни» (*Les Formes élémentaires de la vie religieuse*. Paris, 1912), один из параграфов которой (*livre II, ch. I, III*) носит название «*Caractère sacré de l’emblème totémique*. – *Les churinga*. – *Le nurtunja*. – *Le waninga*. – *Caractère conventionnel des emblèmes totémiques*» [Священный характер тотемической эмблемы. – Чуринга. – Нуртунья. – Ванинга. – Условный характер тотемических эмблем]. — 493

^{25*} Имеются в виду слова Ф. Энгельса из его книги «Происхождение частной собственности, семьи и государства»: «Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и бронзовым топором» (*Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд., т. 19, с. 000*). — 506

^{26*} *Табориты* – леворадикальное крыло гуситов, объединявшее крестьян, городское плебейство и ремесленников; название происходит от имени укрепленного лагеря Табора в южной Чехии на р. Лужице, основанного ок. 1420 г. Табориты отрицали обрядность, многие догматы и всю организацию католической церкви, стремились восстановить порядки раннехристианской («коммунистической») церкви, отвергали почитание святых, требовали отмены постов, заупокойных молитв, индульгенций, уничтожения икон, реликвий, мощей, церковных облачений, вводили богослужение на родном языке. Табориты составили основное ядро армии, созданной под руководством Яна Жижки; последние их отряды были окружены и уничтожены в крепости Сион 6 сентября 1437 г.

Мюнстерская коммуна (1534–1535) – революционная власть анабаптистов в г. Мюнстер (Германия, земля Северный Рейн – Вестфалия). Была установлена в результате вооруженной борьбы граждан Мюнстера и пришлых анабаптистов против сеньора города князя-епископа Франца Вальдека. 23 февраля 1534 г. анабаптисты получили большинство голосов в магистрате – все, кто отказался принять сторону и веру анабаптистов, были изгнаны из города.

Власть фактически сосредоточилась в руках «главного пророка» Яна Матиса, а после его гибели (5 апреля 1534 г.) – Иоанна Лейденского, который в апреле-мае 1534 г. распустил магистрат, заменив его советом «12 старейшин». В дальнейшем в связи с осложнением военной обстановки (город был осажден войсками епископа) и внутренними конфликтами была введена личная диктатура Иоанна Лейденского, провозглашенного царем «Нового Сиона» (Мюнстера) и будущим владыкой мира. Анабаптистские власти провели в Мюнстере ряд преобразований, носивших «уровнительно-коммунистический» характер: отменили деньги, ввели всеобщую трудовую повинность, моногамная семья была заменена полигамной, нарушения общественного порядка карались вплоть до смертной казни и т. п. 25 июня 1535 г. Мюнстер был взят войсками епископа; деятели коммуны, в том числе Иоанн Лейденский, были преданы жестоким пыткам и казнены.

Мюльгаузен (Мюльхаузен) – город в Германии, в округе Эрфурт; во время Крестьянской войны 1524–1526 гг. был центром революционного движения в Тюрингии и главным центром деятельности Томаса Мюнцера. Социально-политическая программа Т. Мюнцера, близкая к анабаптистской, предусматривала «общность имущества», которую он и пытался ввести в Мюльхаузене, поселившись здесь в конце февраля или в начале марта 1525 г. 15 мая 1525 г. отряд Мюнцера потерпел поражение в битве при Франкенхаузене от объединенных войск князей. Т. Мюнцер был взят в плен и после мучительных пыток казнен. Подробнее см.: *Смирин М.М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955. — 509

^{27*} Битюг – русская порода тяжеловозных лошадей. — 513

^{28*} «Мораль» крыловской басни «Щука и кот». — 518

^{29*} *Ео ipso* (лат.) – тем самым. — 525

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А

- Аввакум** Петрович (ок. 1610 – ок. 1681), русский церковный деятель, протопоп, идеолог церковного раскола, писатель — 381
- Августин** Аврелий (354–430), христианский теолог и философ, представитель христианской патристики — 361, 397
- Авеста**, священная книга зороастризма — 185
- Адам** (*библ.*), первый человек, созданный Богом и вместе с Евой изгнанный из Рая — 180, 388
- Александр III** Миротворец (1845–1894), российский император с 1881 г. — 133
- Алексей Михайлович** (1629–1676), русский царь с 1645 г. — 77
- Амон-Ра** – см. Ра
- Аммон** (Ammon) Отто (1842–1916), немецкий социолог, представитель социал-дарвинизма — 317, 400, 474
- Анаст**, по-видимому, неправильное отождествление сокращенного названия папируса Anastasi (Anast.) с именем собственным; papyrus Anast. содержит наставления молодежи (будущим писцам), влагаемые в уста мудреца Дауфа — 185
- Аполлон** (*миф.*), бог солнечного света, бог-прорицатель и бог-врачеватель, покровитель музыки и поэзии («Мусагет», т. е. «водитель Муз»), сын Зевса и Латоны — 362
- Аристотель** (384–322 до н.э.), древнегреческий философ — 397
- Аркрайт** (Arkwright) Ричард (1732–1792), английский предприниматель в области текстильной промышленности, изобретатель, родоначальник промышленного производства — 467
- Афина**, в греческой мифологии – вечно девственная богиня, дочь Зевса, появившаяся на свет из его головы в полном боевом снаряжении — 362

Б

- Байрон** (Byron) Джордж Ноэл Гордон (1788–1824), английский поэт — 460
- Барт** (Barth) Пауль (1858–1922), немецкий социолог и философ — 288, 402
– Философия истории как социология. СПб., 1902 — 288, 402

- Баур** (Baur) Эрвин (1875–1933), немецкий ботаник и генетик — 331
 – Введение в экспериментальное изучение наследственности. СПб., 1913 — 331
- Бebelь** (Bebel) Август (1840–1913), деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и вождей германской социал-демократии, друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса — 481
- Белох** (Beloch) Карл Юлиус (1854–1929), немецкий историк античности, сторонник теории цикличности — 393
 – L'azione dell'individuo negli avvenimenti storici [Участие человека в исторических событиях] // Rivista italiana di sociologia. 1912, т. I — 393
- Бельтов** – см. Плеханов Г.В.
- Бергсон** (Bergson) Анри (1859–1941), французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни — 338
 – Творческая эволюция. М. – СПб., 1914 — 338
- Бернштейн** (Bernstein) Эдуард (1850–1932), немецкий социал-демократ, идеолог ревизионизма — 259
 – Классы и классовая борьба. М., 1906 — 259
- Бетховен** (Beethoven) Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор — 371, 372, 518
- Бехтерев** Владимир Михайлович (1857–1927), русский психиатр и психолог, с 1903 г. – директор организованного им Психоневрологического института (где учился П.А. Сорокин), с 1918 г. возглавлял Институт по изучению мозга — 222, 322, 335, 343
 – Общие основания рефлексологии. Пг., 1918 — 222, 335
 – Гипнотизм (правильно: Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение. СПб., 1911 — 322
 – Объективная психология. СПб., 1907–1910, т. 1–3 — 343
- Библия** — 24, 37, 53, 90, 158, 180, 184, 185, 293, 360, 451
- Бине** (Binet) Альфред (1857–1911), французский психолог, основатель первой во Франции лаборатории экспериментальной психологии, составитель (совместно с Т. Симоном в 1903 г.) первого психологического теста для диагностики детей с задержкой умственного развития, называвшегося «шкалой умственного развития Бине–Симона» (аналога современного IQ-теста) — 523
- Бисмарк** (Bismarck) Отто (1815–1898), немецкий государственный деятель, в 1871–1890 гг. – рейхсканцлер Германской империи — 518
- Боден** (Bodin) Жан (1529/1530–1596), французский политик, философ, экономист и юрист, разработавший теорию «государственного суверенитета», считается основателем науки о политике — 397
- Бокль** (Buckle) Генри Томас (1821–1862), английский историк — 353, 398, 401
 – История цивилизации в Англии. СПб., 1895, т. 1–2 — 353
- Болдуин** (Baldwin) Джеймс Марк (1861–1934), американский психолог, социолог, историк — 318, 322, 393, 399
 – Духовное развитие детского индивида и человеческого рода. М., 1911–1913, т. 1–2 — 322, 393

– Social and ethical interpretations in mental development [Социальные и этические интерпретации в психическом развитии]. New York, 1897 — 393

Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. Сборник статей проф. К. Бюхера, Г. Майра, Г. Зиммеля, Г. Бентига, Т. Петермана и Д. Шефера. СПб., 1905 — 330, 331

Бордажа Э., проф. Наследственность и теория мутаций // Природа. 1913, май, с. 593–618 — 331

Борисов Александр Алексеевич (1866–1934), русский художник, первый живописец Арктики, писатель и полярный исследователь — 431

Боссюет, Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь (1627–1704), французский писатель, церковный деятель, епископ — 129

Брактон (Bracton) Генри де (ум. 1268), английский юрист, автор труда «О законах и обычаях Англии» (*De legibus et consuetudinibus Angliae*) — 53

Брикнер Ф. Расы и народности человечества. СПб., 1910 — 259

Бриссо (Brissot) Жан Пьер (1754–1793), деятель Великой французской революции, лидер жирондистов — 380

Бруно (Bruno) Джордано (1548–1600), итальянский философ и поэт — 258

Бугле (Bougle) Селестен (1870–1940), французский социолог, представитель школы Э. Дюркгейма — 302, 307, 363
– Эгалитаризм. СПб., 1904 — 307

Будда (Buddha; *санскр.* букв. «просветленный») Сиддхартха Гаутама (623–544 до н. э.), царевич из рода Готамы, по индийской традиции основатель буддизма — 298, 360

Буржуа (Bourgeois) Леон Виктор Огюст (1851–1925), французский политический деятель — 343, 393
– Солидарность. М., 1899 — 343, 393

Бьёрнсон (Bjørnson) Бьёрнстjerne Мартиниус (1832–1910), норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1903) — 431

В

Вагнер Владимир Александрович (1849–1934), русский биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России — 222, 291, 313, 317, 322, 335

– Биологические основания сравнительной психологии (Биопсихология). СПб., 1910–1913, т. I–II — 222, 313, 317

– Психология животных. М., 1902 — 322

– Физиология и биология в решении психологических проблем // Новые идеи в биологии. Сб. 6: Биопсихология. СПб., 1914 — 335

- Ваккаро** (Vaccaro) Микеланджело (1854–1937), итальянский социолог и юрист — 381
 – Les Bases sociologiques du Droit et de l’Etat [Социологические основы права и государства]. Paris, 1898 — 381
- Вальжан** (Valjean) Жан, главный герой романа В. Гюго «Отверженные» (1862) — 293
- Ван Гамель** (van Hamel) Герард Антон (1842–1917), голландский криминалист — 181
- Варрон** Марк Терренций (116–27 до н. э.), римский писатель и ученый-энциклопедист — 455
- Введенский** Александр Иванович (1856–1925), русский философ и психолог, представитель русского неокантианства — 345
 – Логика как часть теории познания. СПб., 1912 — 345
- Веблен** (Veblen) Торстейн (1857–1929), американский экономист и социолог — 480
- Веды**, древнейшие литературно-религиозные памятники Северной Индии — 185
- Вейсман** (Weismann) Август (1834–1914), немецкий зоолог и теоретик эволюционного учения — 331
 – Лекции по эволюционной теории. М., 1905 — 331
- Венера** (*миф.*), римская богиня любви и плодородия, отождествлявшаяся с греческой Афродитой — 362
- Венера Милосская** (Афродита с острова Милос), знаменитая древнегреческая скульптура, созданная приблизительно между 130 и 100 г. до н. э.; была найдена французскими моряками в 1820 г. на острове Милос (Мелос); руки ее были утрачены уже после находки, в момент конфликта между французами, которые хотели отвезти ее в свою страну, и турками (владельцами острова), стремившимися не допустить вывоза статуи за пределы империи; с 1821 г. хранится в специально подготовленной для нее галерее на первом этаже Лувра — 320
- Вестермарк** (Westermarck) Эдвард (1862–1939), финский социолог и этнограф — 303, 307, 317, 372
 – История человеческого брака [Geschichte der Menschlichen Ehe. Berlin, 1902] — 307
 – The origin and development of the moral ideas [Происхождение и развитие нравственных идей]. London, 1908, vol. I–II — 317, 372
- Вигуру** (Vigouroux) Огюст (Auguste), французский невропатолог, автор (совместно с П. Жукелье) книги «Психическая зараза» (М., 1912) — 322
- Вико** (Vico) Джамбатиста (1668–1774), итальянский философ, основоположник философии истории Нового времени — 397
- Вильсон** (Wilson) Вудро (1856–1924), американский политический и государственный деятель, президент США от демократической партии в 1913–1921 гг. — 232
- Виноградов** Павел Гаврилович (1854–1925), русский историк-медиевист и правовед, с 1903 г. – профессор Оксфордского университета, с 1918 г. британский подданный — 192
 – Очерки по теории права. Римское право в средневековой Европе. СПб., 1915 — 192
- Витт Святой**, римский мученик, убитый в 303 г.; по церковному преданию, св. Витт был мальчиком семи (или двенадцати лет), сыном римского сенатора-язычника, принявшим

христианство под влиянием своего наставника, после чего он отправился в Рим, где изгнал бесов из императора Диоклетиана; но, когда Витт отказался молиться римским богам, его арестовали и бросили ко львам, которые его не тронули, тогда Витта бросили в котел с кипящим маслом; в XVI в. в Германии существовало поверье, что можно обрести здоровье, танцую перед статуей св. Витта в день его именин, впоследствии эти пляски стали путать с хореей – нервным заболеванием, характеризующимся беспорядочными, отрывистыми, нерегулярными движениями, часто напоминающими танец, которое называли «пляской святого Витта» — 321

Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства.

Сборник статей под ред. А.И. Чупрова и А.С. Посникова. СПб., 1897, т. I–II — 297

Вольтер (Voltaire) (псевдоним Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778), французский писатель, мыслитель и публицист — 392

Вольгман (Woltmann) Людвиг (1871–1907), немецкий философ, антрополог и социолог — 313, 400

– Теория Дарвина и социализм. СПб., 1900 — 313

Вольф (Wolf) Юлиус (1862–1937), немецкий экономист, профессор в университете Бреслау — 307

– Закон народонаселения // Новые идеи в экономике. Сб. 2: Теория народонаселения и мальтузианство. СПб., 1914 — 307

Вундт (Wundt) Вильгельм (1832–1920), немецкий психолог, философ, физиолог, языковед — 343, 401

– Введение в психологию. СПб., 1908 — 343

Г

Гай (Gaius) (130–180), древнеримский юрист — 53

Галилей (Galilei) Галилео (1564–1642), итальянский физик, механик, астроном, поэт и филолог — 361

Гальтон (Galton) Фрэнсис (1822–1911), английский психолог и антрополог — 415

Гамсун (Hamsun; наст. фам. Педерсен) Кнут (1859–1952), норвежский писатель, лауреат Нобелевской премии — 297, 431

– Голод (Полное собрание сочинений. СПб., 1910, т. II — 297

Гарсон (Garçon) Эмиль (1851–1922), французский юрист, проф. университетов в Лилле и Париже, автор работ по уголовному праву — 189

Гвиччардини (Guicciardini) Франческо (1483–1540), итальянский историк, философ-гуманист и политический деятель — 397

Гельмгольц (Helmholtz) Герман (1821–1894), немецкий физик, математик, физиолог, психолог и врач — 460

Гердер (Herder) Иоганн Готфрид (1744–1803), немецкий философ-просветитель — 397

- Гернет** Михаил Николаевич (1874–1953), русский юрист, специалист в области уголовного и исправительно-трудового права — 288, 297
 – Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества. М., 1914 — 288, 297
- Гёте** (Goethe) Иоганн Вольфганг (1749–1832), немецкий поэт, философ и мыслитель — 298
- Геффдинг**, Хёфдинг (Höffding) Харальд (1843–1931), датский философ и психолог — 222, 343, 363
 – Философия религии. СПб., 1912 — 363
 – Очерки психологии, основанной на опыте. СПб., 1908 — 222, 343
- Гиддингс** (Giddings) Франклин Генри (1855–1931), американский социолог, президент Американского социологического общества (1908) — 318, 474
- Гильфердинг** (Hilferding) Рудольф (1877–1941), австрийский и немецкий марксист, один из лидеров австрийской и германской социал-демократии и II Интернационала — 259
 – Финансовый капитал. Исследование новейшей фазы в развитии капитализма. М., 1912 — 259
- Глинка** Михаил Иванович (1804–1857), русский композитор — 520
- Гоббс** (Hobbes) Томас (1588–1679), английский философ и социальный мыслитель, заложивший основы органической социологии и теории общественного договора — 90, 91
- Гобино** (Gobineau) Жозеф Артур (1816–1882), французский дипломат и ориенталист, посол в Тегеране, Афинах, Рио-де-Жанейро, автор «Опыта о неравенстве человеческих рас» и других сочинений — 400
- Гололобов** Яков Георгиевич (1855–1918), русский государственный и политический деятель, член третьей Гос. Думы от партии октябристов, в 1911 г. обвиненный с думской трибуны социал-демократом Г.С. Кузнецовым в том, что он участвовал в собрании екатеринославского отдела Союза русского народа, на котором планировалось убийство лидера трудовиков во второй Думе А.Л. Караваева; Дума признала обвинение необоснованным, а Гололобов подал жалобу на имя императора — 73
- Гольдшмидт** (Goldschmidt) Рихард (1878–1958), немецкий биолог — 331
 – Основы учения о наследственности в двадцати лекциях для естественников, медиков и сельских хозяев. СПб., 1913 — 331
- [**Гомер**, легендарный древнегреческий поэт]:
 – Илиада — 431
 – Одиссея — 431
- Гораций** (Horatius), Квинт Гораций Флакк (65–8 до н. э.), древнеримский поэт — 371
- Гувер** (Hoover) Герберт Кларк (1874–1964), американский государственный деятель, крупный промышленник, в 1919–1923 гг. возглавлявший АРА (Администрацию помощи голодающим в России), в 1929–1933 гг. – президент США от Республиканской партии — 532
- Гумплович** (Gumplowicz) Людвиг (1838–1909), польско-австрийский социолог и правовед, профессор университета в Граце, представитель социального дарвинизма — 272, 316, 317, 400
 – Основы социологии. СПб., 1899 — 317

Гус (Hus) Ян (1371–1415), национальный герой чешского народа, проповедник, мыслитель, идеолог чешской Реформации; на церковном соборе в Констанце был осужден как еретик и сожжен на костре — 258, 380

Гюго (Hugo) Виктор Мари (1802–1885), французский поэт и писатель — 293

Гюйо (Guyau) Жан Мари (1854–1888), французский философ-позитивист, поэт и драматург — 331, 363, 372

– Воспитание и наследственность. Социологическое исследование. СПб., 1899 — 331

– Иррелигиозность [безверие] будущего. М., 1909 — 363

– Искусство с социологической точки зрения. СПб., 1900 — 372

Д

Даннеман (Dannemann) Фридрих (1859–1936), немецкий физик, историк науки, почетный профессор Боннского университета — 353

– История естествознания. Одесса, 1913 — 353

Данте (Dante) Алигьери (1265–1321), итальянский поэт, философ, политический деятель — 362

– Божественная комедия — 362

Дантон (Danton) Жорж Жак (1759–1794), деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев — 380

Дарвин (Darwin) Чарльз Роберт (1809–1882), английский естествоиспытатель, основатель эволюционного учения — 157, 212, 229, 257, 313, 317, 361, 372, 392, 421, 422, 460

– О происхождении видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за существование (1859) — 313, 317

– О выражении ощущений у человека и животных. СПб., 1899 — 372

Де Грееф (De Greef) Гильом (1842–1924), бельгийский социолог — 401

Декамп (Descamps) Поль (1872–1946), французский социолог и историк — 482

Декларация прав человека и гражданина (Déclaration des droits de l’homme et du citoyen), принята Национальным собранием Франции 26 августа 1789 г.; состоит из краткого введения, в котором заявляется, что единственными причинами общественных бедствий и порчи правительств являются незнание, забвение или презрение естественных, священных и неотчуждаемых прав человека, и из 17 статей, заключающих в себе главным образом две основные идеи политической философии естественного права – идею индивидуальной свободы и идею народовластия; все люди свободны и равны в правах, цель общества – сохранение прав личности (свободы, собственности, безопасности и сопротивления угнетению); верховная власть принадлежит нации, закон есть выражение общей воли; участвовать в издании законов имеют право все граждане, лично или через представителей, все граждане равны перед законом — 53, 407

Делевский (Delevsky) Ю. (Жак) (наст. имя и фамилия: Юделевский Яков Лазаревич) (1868–1956/1957), русско-французский публицист, социолог, инженер-геолог, политический де-

атель; был тесно связан с народолюбцами и сослан; позже – член Парижской группы партии социалистов-революционеров, масон; в эмиграции занимался философией, историей науки, популяризацией научных знаний; во время Второй мировой войны уехал в США — 222, 243

– Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. СПб., 1910 — 222, 243

Демолен (Demolins) Эдмон (1852–1907), французский историк и социолог, представитель школы Ф. Ле Пле — 259, 388, 400, 445, 446

– Аристократическая раса. СПб., 1906 — 259

– [Les grandes routes des peuples.] Comment la route crée le type social [Основные пути народов. Как создается социальный тип]. Paris, 1901–1903, т. I–II — 288

Де-Роберти (Де Роберти де Кастро де ла Серда) Евгений Валентинович (1843–1915), русско-французский социолог, философ-позитивист, земский деятель — 271, 301, 345, 349, 351, 353, 393, 399, 401

– Новая постановка основных вопросов социологии. М., 1909 — 345, 353, 393

Джемс (James) Уильям (1842–1910), американский философ и психолог, один из основателей прагматизма — 222, 343, 363

– Психология. СПб., 1916 — 222, 343

– Многообразие религиозного опыта. М., 1910 — 363

Джеркс, Иеркс (Yerkes) Роберт (1876–1956), американский психолог — 523

Джефсон (Jephson) Генри Лоренцо (1844–1914), английский ученый и политик, занимавшийся политической историей Великобритании и историей развития демократических институтов; член Прогрессивной партии (1901–1910) — 259

– Платформа, ее возникновение и развитие. СПб., 1901, т. I–II — 259

Джини, Гини (Gini) Корrado (1884–1965), итальянский демограф и социолог, профессор политэкономии в Падуе — 307

– Contributi statistici ai problemi dell'eugenica [Статистический вклад в проблемы евгеники] // Rivista italiana di sociologia. 1912, № 8, s. 317–387 — 307

Доленги – см. Лавров П.Л.

Донкастер (Doncaster) Леонард (1877–1920), английский генетик — 331

– Наследственность в свете новейших исследований. М., 1913 — 331

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881), русский писатель и мыслитель — 362, 405

– Братья Карамазовы (1879–1880) — 362

Драгическо, Драгическу (Draghicesco, Drăghicescu) Думитру (1875–1945), румынско-французский социолог, философ и дипломат — 331, 343, 353, 393

– Du rôle de l'individu dans le déterminisme sociale. Paris, 1904 (частичный рус. перевод П.А. Сорокина: Роль индивида в социальном детерминизме // Новые идеи в социологии. СПб., 1913, № 2) — 331, 343, 393

– L'idéal createur [Творческий идеал]. Paris, 1914 — 353

Друммонд (Drummond) Генри (1851–1897), английский богослов-натуралист, путешественник и писатель — 353

– Эволюция и прогресс человека. М., 1897 — 353

Дульсинья Тобосская, персонаж романа М. Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605–1615) — 301

Д’Эт (D’Aeth) Фредерик Джордж (1875–1940), английский социолог, экономист и общественный деятель — 482

Дюги (Duguit) Леон (1859–1928), французский социолог и теоретик права — 192, 259
– Конституционное право. М., 1908 — 192

Дюркгейм (Durkheim) Эмиль (1858–1917), французский социолог, основатель французской социологической школы — 178, 232, 243, 272, 288, 307, 313, 317, 343, 345, 363, 393, 399, 401, 495
– О разделении общественного труда. Одесса, 1901 (новый рус. перевод: М., 1991) — 232, 243, 317
– Самоубийство. Социологический этюд. СПб., 1912 (сокращенное переиздание: М., 1994) — 288, 313, 393
– Метод социологии. Киев; Харьков, 1899 (новый перевод: М., 1991) — 343
– Социология и теория познания // Новые идеи в социологии. Сб. 2. СПб., 1914 — 345
– Les formes élémentaires de la vie religieuse [Элементарные формы религиозной жизни]. Paris, 1912 (рус. перевод: М., 2018) — 363, 393

Дюшатле – см. Паран-Дюшатле

Е

Евангелие — 37, 53

Екклесиаст, автор книги Ветхого Завета, о жизни которого ничего не известно (поэтому ее авторство приписывают иногда царю Соломону); книга изображает человека, наслаждающегося жизнью, который в конце концов спрашивает о смысле своего бытия — 158

Ж

Жижка (Žižka) Ян (ок. 1360–1424), деятель гуситского революционного движения, полководец, один из основателей и гетманов Табора (с 1420 г. – первый гетман таборитов), после размежевания между правыми и левыми таборитами в 1422 г. возглавил силы левого таборитского крыла и основал Малый Табор, умер от чумы во время осады города Пршибислава — 420

Жития святых. М., 1890 — 298

З

Законы XII таблиц, свод законов Древнего Рима, созданный коллегией децимвиров в 451–450 гг. до н. э.; представлял собой запись обычного римского права, сделанную на

двенадцати досках, выставленных на городской площади; нормы семейного права основывались на безусловном господстве главы семьи (*pater familias*) — 40, 95, 186

Законы Ману. СПб., 1913 — 53, 172, 180, 184, 185, 451

Законы Хаммурапи, вавилонского царя. М., 1914 — 184, 185, 451

Зевс (*миф.*), верховный бог греческого пантеона — 356, 362

Зеленый, атаман (наст. имя и фамилия Даниил Ильич Терпило; 1886–1919), член партии эсеров, командир повстанческого отряда, действовавшего на Украине в годы Гражданской войны; в июле 1919 г. выпустил манифест о денонсации Переяславского договора 1654 г.; погиб под Киевом в бою с Добровольческой армией — 234

Зеленый (Seliony) Георгий Петрович (1878–1951), русский биолог, ученик И.П. Павлова, доктор медицины — 335

– Современная биология и психология // Новые идеи в философии. СПб., 1913, сб. № 9 — 335

– Психологические реакции животных как объект естествознания // Природа. 1913, октябрь, № 10, с. 1191–1208 — 335

Зелигман, Селигиен (Seligman) Эдвин Роберт Андерсон (1861–1939), американский экономист и педагог, специалист в области налогообложения — 393

– Экономическое понимание истории. СПб., 1900 — 393

Зенд-Авеста, комментированный перевод Авесты на среднеперсидский язык — 53

Зигварт (Sigwart) Христоф (1830–1904), немецкий логик, близкий по своим философским воззрениям к баденской школе неокантианства — 345

– Логика. СПб., 1908, т. I–II — 345

Зиммель (Simmel) Георг (1858–1918), немецкий социолог, культуролог и философ — 243, 363, 399, 401

– О социальной дифференциации. Социологические и психологические исследования. Киев-Харьков, 1898 — 243

– Религия. М., 1909 — 363

И

Иаков (*библ.*), младший из сыновей Исаака, купивший у своего брата Исава право первородства за чечевичную похлебку, один из родоначальников еврейского народа — 177, 301

Ибн-Хальдун, Ибн-Халдун (1332–1406), арабский мусульманский философ, историк, социальный мыслитель — 397

Ибсен (Ibsen) Генрик (1828–1906), норвежский драматург — 431

Иван (Иоанн) III Васильевич (1440–1505), великий князь Московский с 1462 г., при котором завершилось образование ядра Русского централизованного государства — 190

- Иван (Иоанн) IV** Васильевич, Иван Грозный (1530–1584), великий князь с 1533 г., первый русский царь (с 1547 г.), при котором был составлен общегосударственный кодекс — 187, 190
 – Судебник — 187, 190
- Иегова** (*библ.*), одно из имен Бога в Ветхом Завете — 180, 360
- Иеринг** (Ihering) Рудольф (1819–1892), немецкий юрист, основатель социологической школы в юриспруденции — 53, 192 381
 – Борьба за право. М., 1874 — 192, 381
- Иисус Христос** — 33, 53, 159, 258, 349, 356, 362, 376–377, 392, 465, 490, 500
- Илья**, библейский пророк в Израильском царстве в IX в. до н. э.; пользовавшийся особым почитанием у восточных славян — 356
- Индра** (*миф.*), бог ведического пантеона, которому посвящено около четверти гимнов Ригведы; первоначально считался богом грозы, дождя и грома, позднее – верховным богом, покровителем царской власти — 430
- Исав** (*библ.*), сын Исаака и Ревекки, продавший своему брату Иакову право первородства за чечевичную похлебку — 177, 293

К

- Каминка** Август Исаакович (1865–1940), русский правовед, публицист, издатель и общественный деятель, специалист по торговому праву, приват-доцент Санкт-Петербургского университета — 259
 – Тресты и синдикаты предпринимателей — 259
- Кант** (Kant) Иммануил (1724–1804), немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии — 349, 369
 – Критика практического разума (1788) — 349, 369
- Кареев** Николай Иванович (1850–1931), русский историк, социолог-позитивист, публицист, один из основателей научной социологии в России — 393, 401, 402
 – Теория личности П.Л. Лаврова. СПб., 1907 — 393
 – Введение в изучение социологии. СПб., 1907 — 402
- Карл I** Стюарт (1600–1649), английский король с 1625 г., свергнутый с престола в результате Английской буржуазной революции и казненный по приговору Долгого парламента — 71
- Карлейль** (Carlyle) Томас (1795–1881), английский писатель, историк и философ — 259, 193
 – Герои и героическое в истории (1856) — 259, 393
- Карнеги** (Carnegie) Эндью (1835–1919), американский сталепромышленник; в начале своей карьеры был простым телеграфистом, затем стал одним из самых крупных миллионеров США, основал ряд фондов (фонд Карнеги по усовершенствованию преподавания (1906), фонд Карнеги по борьбе за мир (1910), Институт Карнеги в Вашингтоне (1902)), потратив при этом на благотворительность в общей сложности 350 млн долларов — 526, 532

- Каутский** (Kautsky) Карл (1854–1938), немецкий социал-демократ, один из лидеров и теоретиков II Интернационала — 307, 393
- Размножение и развитие в природе и обществе. Киев, 1919 — 307
 - Этика и материалистическое понимание истории. Опыт исследования. Одесса, 1906 — 393
- Кеммерих** (Kemmerich) Макс (1876–1932), немецкий философ и историк культуры — 363
- Из истории человеческой глупости (Aus Der Geschichte Der Menschlichen Dummheit. München, 1912) — 363
- Керенский** Александр Федорович (1881–1970), русский политический и государственный деятель, глава Временного правительства, с 1918 г. – эмигрант, в 1922–1932 гг. редактировал газету «Дни» (в которой печатался под инициалами А.К.), с 1940 г. жил в США — 232
- Кетле** (Quételet) Адольф (1796–1874), бельгийский статистик, математик, астроном, социолог-позитивист, один из основоположников научной статистики и пионеров применения математико-статистических методов обработки данных в социологии — 273, 398
- Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей. Киев, 1911 — 273
- Кидд** (Kidd) Бенджамин (1858–1916), английский социолог, социал-дарвинист — 259, 363, 401
- Социальная эволюция. СПб., 1899 — 259, 363
- Кистяковский** Богдан Александрович (1868–1920), русский философ, социолог и правовед — 192
- Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права М., 1916 — 192
- Клеопатра VII** (69–30 гг. до н. э.), последняя царица Египта (51–30 гг.), из династии Птолемеев — 300
- Ключевский** Василий Осипович (1841–1911), русский историк, профессор Московского университета — 232, 284, 288
- Курс русской истории. М., 1918, т. I — 232, 288
- Кобад** (Кабадес, Кавад, Гобад), персидский царь из династии Сасанидов, сын Фируза, преемник Палаша, царствовал в 488–531 гг. — 504
- Ковалевский** Максим Максимович (1851–1916), русский историк, социолог и правовед — 192, 238, 288, 301, 307, 317, 322, 363, 381, 393, 401, 402
- Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886, т. I–II — 192, 238
 - Современные социологи. СПб., 1905 — 192, 288, 307, 317, 322, 363, 381, 393, 402
 - Экономический рост Европы. М., 1903, т. III — 307
 - Социология. СПб., 1910, т. I–II — 192, 307, 363, 402
 - Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. Сб. № 4: Генетическая социология. I. СПб., 1914 — 317

- Колчак** Александр Васильевич (1873–1920), адмирал (с 1917 г.), один из главных руководителей белого движения в Сибири во время гражданской войны — 232
- Коменский** (Komenský) Ян Амос (1592–1670), чешский педагог, писатель, общественный деятель, основоположник научной педагогики — 412
- Коммунистический манифест** – см. Маркс К.
- Кондорсе** (Condorcet) Мари Жан Антуан Никола (1743–1794), французский философ-просветитель, математик, социолог, политический деятель, сотрудник «Энциклопедии» — 380, 397
- Кондратьев** Николай Дмитриевич (1892–1938), русский экономист, автор теории «длинных волн» — 273, 307, 363
- Основные учения о законах развития общественной жизни // Новые идеи в экономике. Сб. № 5: Закономерность общественного развития. СПб., 1914 — 273
 - Рост населения как фактор социально-экономического развития в учении М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин. Пг., 1917 — 307
 - Генрих Кунов о происхождении и развитии религии // Новые идеи в социологии. Сб. № 4: Генетическая социология. I. СПб., 1914 — 363
- Конституция РСФСР**. М., 1918, первая советская конституция, принятая V Всероссийским съездом Советов на заседании 10 июля 1918 г.; практически не была изменена Конституцией РСФСР 1925 г. и просуществовала до принятия Конституции СССР 1936 г. — 126
- Конт** (Comte) Огюст (1798–1857), французский философ и социолог, основоположник позитивизма — 271, 349, 388, 397, 398, 401
- Коран**, священная книга мусульман, сборник рассказов, поучений, правил, законов и т. п., сообщенных Мухаммеду Аллахом через архангела Гавриила, состоит из 114 сур, расположенных в порядке убывания их объема — 37, 53, 185, 360
- Коркунов** Николай Михайлович (1853–1904), русский правовед и социолог, специалист в области государственного и международного права — 192, 381
- Лекции по общей теории права. СПб., 1886 — 192, 381
- Корренс** (Correns) Карл Эрих (1864–1933), немецкий биолог, ботаник, миколог, пионер генетики в Германии, один из первооткрывателей законов Менделя — 331
- Новые законы наследственности. М., 1913 — 331
- Кост** (Coste) Адольф (1842–1901), французский социолог-позитивист, президент Парижского статистического общества — 272, 301, 302, 304, 307, 393, 401
- Les Principes d'une Sociologie objective [Принципы объективной социологии]. Paris, 1899 — 307, 393
- Крживицкий** (Krzywicki) Людвик (1859–1941), польский общественный деятель, социолог, экономист, этнограф и педагог — 259
- Антропология. СПб., 1896 — 259
- Кромвель** (Cromwell) Оливер (1599–1658), вождь английской буржуазной революции XVIII в., с 1653 г. – лорд-протектор Англии, Шотландии и Ирландии — 126, 256

- Кропоткин** Петр Алексеевич (1842–1921), русский революционер, теоретик анархизма, ученый-географ — 222, 297, 317
 – Взаимная помощь как фактор эволюции. М., 1919 — 222, 317
 – Великая французская революция. М., 1919 — 297
- Крылов** Иван Андреевич (1769–1844), русский писатель, баснописец и журналист — 352
 – Пустынник и медведь — 352
- Ксенополь** (Xenopol) Александру (1847–1920), румынский историк, позитивист — 273
 – Социологические законы развития // Новые идеи в экономике. Сб. № 5: Закономерность общественного развития. СПб., 1914 — 273
- Ксеркс** (ум. 465 до н.э.), древнеперсидский царь в 486–465 до н.э. из династии Ахеменидов — 180
- Кузнецов** Георгий Сергеевич (1881 – после 1939), рабочий, социал-демократ, член III Гос. Думы от Екатеринославской губернии; дело по обвинению им (якобы ложному) депутата Я.Г. Гололобова в подготовке покушения на убийство лидера трудовиков во второй Думе А.Л. Караваева рассматривалось в Сенате, который разъяснил, что «члены Государственной Думы подлежат уголовной ответственности за суждения и мнения, выраженные ими в заседаниях Государственной Думы или ее отделов, либо комиссий, хотя бы, в частности, таковые были заявлены в запросах, обращаемых к правительству, если в означенных суждениях и мнениях заключены признаки преступных деяний»; в 1913 г. дело было передано в Верховный суд, но из-за начавшейся войны так и не было завершено; при Советской власти за «активное отстаивание взглядов меньшевиков» и антисоветскую агитацию неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению — 73

Л

- Лаван** (*библ.*), арамеец (сириец), сын Вафуиля, брат Ревекки и отец Лии и Рахили (жен Иакова); см. Быт. 22; 23; 25, 24 — 301
- Лавров** Петр Лаврович (1823–1900), русский философ и социолог, теоретик революционно-народничества — 288, 353, 393
 – Исторические письма. СПб., 1870 (под псевдонимом: Миртов) — 393
 – Задачи понимания истории. СПб., 1903 (под псевдонимом: С.С. Арнольди) — 393
 – Важнейшие моменты в истории мысли. М., 1903 (под псевдонимом: А. Доленга) — 288, 353
- Лавуазье** (Lavoisier) Антуан Лоран (1743–1794), французский химик, казненный по приговору революционного трибунала — 258
- Лагардель** (Lagardelle) Юбер (1875–1914), французский экономист и общественный деятель, синдикалист; один из основателей Социалистической партии Франции, предтеча фашизма, министр труда в правительстве Виши — 259
 – Революционный синдикализм во Франции // Вопросы момента. Сборник статей. М., 1906 — 259

- Лазаревский** Николай Иванович (1868–1921), русский правовед, ректор Петроградского университета, расстрелянный в 1921 г. по «Таганцевскому делу» — 192, 259
– Русское государственное право. Пг., 1917 — 192
- Лазурский** Александр Федорович (1875–1917), русский врач и психолог, ученик В.М. Бехтерева — 343
– Общая и экспериментальная психология. СПб., 1912 — 343
- Ламарк** Жан Батист (1744–1829), французский натуралист и мыслитель — 327, 331
– Философия зоологии. М., 1911 — 331
- Ламетри** (Lametrie) Жюльен Оффре де (1709–1751), французский философ-материалист — 338
– Человек-машина. СПб., 1911 — 338
- Ланге** Николай Николаевич (1858–1921), русский психолог, проф. философии Одесского университета (с 1888 г.), где организовал одну из первых в России экспериментальных психологических лабораторий — 338, 372
– Душевные движения. Психофизиологический этюд. СПб., 1896 — 338, 372
- Лангерок** (Langerock) Юбер (Hubert) (1869–?), французский писатель, социолог, участник социалистического движения; автор статьи «Professionalism: A Study in Professional Deformation» [Профессионализм: изучение профессиональной деформации] (*American Journal of Sociology*. 1915, vol. XXI, № 1) — 480
- Лапуж** (Lapouge) Жорж Ваше де (1854–1936), французский социолог, последователь теории социального дарвинизма и один из идеологов расизма; представитель расово-антропологической школы — 317, 381, 399, 400
– Les sélections sociales [Социальный отбор]. Paris, 1896 — 381
- Лапшин** Иван Иванович (1870–1952), русский философ, в 1922 г. высланный из Советской России; умер в Праге — 345
– Законы мышления и формы познания СПб., 1906 — 345
- Лассаль** (Lassalle) Фердинанд (1825–1864), немецкий философ и социалист, деятель немецкого рабочего движения — 360
- Леви-Брюль** (Lévy-Bruhl) Люсьен (1857–1939), французский философ и психолог-позитивист, близкий к социологической школе Э. Дюркгейма; создатель теории первобытного «дологического» мышления — 399, 401
- Левитан** Исаак Ильич (1860–1900), русский живописец-пейзажист — 431
- Ленин** Владимир Ильич (1870–1924), организатор Коммунистической партии Советского Союза, основатель и глава Советского государства — 232, 259
– Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. Пг., 1918 (В. Ульянов) — 259
- Ле Пле** (Le Play) Фредерик (1806–1882), французский социолог и экономист — 272, 442
- Ли** (Lee) Генри Чарлз (1825–1909), американский историк, автор трудов по истории папства и католической церкви — 259
– История инквизиции. СПб., 1911, т. I–V — 259

- Ликург** (390–324 до н. э.), государственный деятель и оратор Древних Афин — 40, 95
- Лилиенфельд** Павел Федорович (1829–1903), русский социолог-позитивист, либеральный земский и государственный деятель — 399
- Линкольн** (Lincoln) Авраам (1809–1865), американский политический и государственный деятель, в 1860–1864 и 1864–1865 гг. – президент США — 422, 532
- Лия** (*библ.*), старшая дочь Лавана, одна из жен Иакова (Быт. 29: 16, 18–23) — 301
- Ллойд Джордж** (Lloyd George) Давид (1863–1945), английский политический деятель и дипломат — 232
- Локк** (Lock) Джон (1632–1704), английский философ-просветитель — 90
- Ломброзо** (Lombroso) Чезаре (1835–1909), итальянский судебный психиатр и антрополог, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве — 478
- Ломоносов** Михаил Васильевич (1711–1765), русский ученый-естествоиспытатель, один из основоположников физической химии, поэт, историк, первый русский ученый мирового значения — 392, 422
- Лондон** (London) Джек (наст. имя Джон Гриффит; 1876–1916), американский писатель — 532
- Лориа** (Logia) Акилле (1857–1943), итальянский экономист, историк философии — 401
- Лосский** Николай Онуфриевич (1870–1965), русский философ, основатель интуитивизма и представитель персонализма в России — 345, 381
– Основные вопросы психологии с точки зрения волюнтаризма. Пг., 1919 — 381
– Введение в философию. Пг., 1918 — 345
- Лукиан** из Самосаты (Lucian; ок. 120 – ок. 190), греческий писатель-сатирик, «Вольтер классической древности» (по определению Ф. Энгельса) — 392
- Лукреций**, Тит Лукреций Кар (ок. 99–55 до н. э.), древнеримский поэт и философ-материалист, последователь и популяризатор учения Эпикура — 397
- Людовик XVI** (1754–1793), французский король в 1774–1792 гг., свергнутый с престола в ходе Великой французской революции и казненный по приговору Конвента — 71

М

- Магомет**, Мухаммед (ок. 570–632), арабский религиозный и государственный деятель, основатель Ислама — 37, 53, 359, 360, 392
- Маздак** (ум. 529), проповедник религиозно-философского учения и руководитель крестьянского движения в Персии — 508
- Майо-Смит** (Mayo-Smith) Ричмонд (1854–1901), американский социолог, с 1877 г. – профессор Колумбийского университета — 307

- Майр** (Maug) Георг (1841–1925), немецкий статистик и государственный деятель — 232, 273, 288, 307
 – Статистика и обществоведение. СПб., 1901, т. I–II — 232, 273, 288
 – Закономерность общественной жизни. М., 1899 — 273
- Майя**, в ведийской мифологии означает способность божества к перевоплощению; в широком смысле – иллюзия — 388
- Макаревич** (Makarewicz) Юлиуш (1872–1955), польский философ, правовед и общественный деятель, профессор ряда польских университетов — 176
- Мак-Дауголл**, Мак-Даугалл (McDougall) Уильям (1871–1938), англо-американский психолог и социальный психолог, представитель инстинктивизма в социологии — 291, 313, 343, 381
 – Основные проблемы социальной психологии. М., 1916 — 291, 313, 343, 381
- Макиавелли** (Machiavelli) Никколо (1469–1527), итальянский политический мыслитель, писатель, историк, военный теоретик — 397
- Мальтус** (Malthus) Томас Роберт (1766–1834), английский экономист, священник, автор «Опыта о законе народонаселения» (1798) — 301, 304, 305, 307, 397
- Мамона**, Маммона (Mammon), в Новом Завете – обозначение осуждаемой демонической власти собственности, по-арамейски – «богатство», «бог богатства, наживы» — 336
- Ману**, в индийской традиции – мифический прародитель людей — 24, 185
 – Законы Ману (рус. перевод: СПб., 1913; М., 1960), сборник предписаний, определяющих поведение индийца в частной и общественной жизни; содержат 2 650 двустихий (шлок), разбитых на 12 глав — 24, 37
- Марат** (Marat) Жан Поль (1743–1793), деятель Великой французской революции, ученый и публицист, один из вождей якобинцев — 380
- Маргарита** (Гретхен), героиня первой части трагедии И.В. Гете «Фауст», возлюбленная Фауста — 299
- Марек** (Marek) Йозеф (1868–1952), венгерский ветеринар и ученый — 288
 – Человек и лес // Природа. 1913, сентябрь — 288
- Маркс** (Marx) Карл (1818–1883), немецкий философ и экономист, деятель германского и международного рабочего движения — 53, 212, 271, 360, 393, 401, 480, 509
 – К критике политической экономии (1859) — 393
 – Коммунистический манифест, прав.: Манифест Коммунистической партии (в соавторстве с Ф. Энгельсом). Одесса, 1905 — 360
 – Капитал (1867–1902, т. 1–4) — 360
- Мах** (Mach) Эрнст (1838–1916), австрийский физик и философ, оказавший значительное влияние на становление и развитие философии неопозитивизма — 345
 – Познание и заблуждение. М., 1909 — 345
 – Анализ ощущений. М., 1908 — 345
- Мендель** (Mendel) Грегор Иоганн (1822–1884), австрийский биолог, основоположник учения о наследственности, названного в его честь менделизмом — 327

- Мечников** Лев Ильич (1838–1888), русский географ, социолог и публицист, представитель географической школы в социологии — 288, 400
– Цивилизация и великие исторические реки. Киев-Харьков, 1899 — 288
- Милиус** (Milius) Эдвард Фредерик (1878–?), французский журналист, анархист, публично обвинивший в 1910 г. английского короля Георга V в двоеженстве (тот якобы еще в 1890 г. женился на дочери М. Сеймура и имел от нее детей; когда же умер брат Георга, герцог Кларенский, и Георг стал наследником, он был принужден жениться на его невесте, нынешней королеве, и предыдущий брак был таким образом аннулирован); суд признал обвинение Милиуса клеветническим и приговорил его к 12-месячному заключению; тем не менее эта история получила широкую огласку в европейской и российской прессе — 72
- Милль** (Mill) Джон Стюарт (1806–1873), английский философ и экономист, позитивист и утилитарист — 273, 345, 398
– Система логики силлогистической и индуктивной. М., 1900 — 273, 345
- Мирбах**, Мирбах-Харфф (Mirbach-Harff) Вильгельм фон (1871–1918), граф, германский дипломат, с апреля 1918 г. – посол Германской империи в РСФСР, убит левыми эсерами Я.Г. Блюмкиным и Н. Андреевым по решению ЦК партии левых эсеров с целью спровоцировать возобновление войны с Германией — 74
- Михайловский** Николай Константинович (1842–1904), русский публицист, социолог, литературный критик, один из идеологов народничества — 232, 259, 318, 322, 393
– Патологическая магия (1887) // Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1906, т. 1 — 322
– Герои и толпа (1882) // Там же, т. 2 (переиздано: *Михайловский Н.К. Избранные труды по социологии.* СПб., 1998, т. II) — 259, 322, 393
– Что такое прогресс? (1869) — 232
– Отклики. СПб., 1904, с. 64–99 (статьи: О Дюркгейме. Еще о Дюркгейме и его теории «общественного разделения труда». 1897) — 232
– Еще о героях и толпе (1891) — 259, 322, 393
- Моисей** (*библ.*), предводитель израильских племен, который вывел их из египетского плена, пророк и законодатель — 24, 90, 99
- Моммзен** (Mommsen) Теодор (1817–1903), немецкий правовед и историк, специалист по истории Древнего Рима и римского права — 454
- Монтескье** (Montesquieu) Шарль де (1689–1755), французский философ и социолог, впервые выдвинувший принцип разделения властей — 125, 126, 135, 139, 397
- Мопассан** (Maupassant) Ги де (1850–1893), французский писатель — 297, 362
– Полное собрание сочинений. СПб., 1909, т. XXI: Бродяга — 297
- Морган** (Morgan) Канви Ллойд (1852–1936), английский биолог, психолог и философ, представитель школы «эмерджентной эволюции» — 291, 322
– Привычка и инстинкт. СПб., 1899 — 291, 322
- Мюллер** (Müller) Макс (1823–1900), английский филолог-востоковед — 488

Мюнстерберг (Münsterberg) Гуго (1863–1916), американский психолог и философ немецкого происхождения, один из основоположников прикладной психологии, названной им психотехникой, а также автор первых работ по определению профессиональной пригодности; в 1892 г. по приглашению У. Джемса переехал в США, где стал профессором и директором психологической лаборатории Гарвардского университета — 446, 523

Н

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский полководец и государственный деятель, император (1804–1814) — 257, 413, 420, 518

Народонаселение и учение о народонаселении. Статьи из Handwörterbuch der Staatwissenschaften. М., 1897 — 307

Нестеров Михаил Васильевич (1862–1942), русский художник — 431

Николай I (1796–1855), российский император с 1825 г. — 77

Николай II; Николай Александрович Романов (1868–1918), последний российский император — 201

Нитти (Nitti) Франческо Саверио (1868–1953), итальянский политик и государственный деятель, премьер-министр Италии в 1919–1920 гг., профессор Неаполитанского университета — 307

– Народонаселение и общественный строй. СПб., 1898 — 307

Ницше (Nietzsche) Фридрих (1844–1900), немецкий философ, филолог и поэт — 372

– Рождение трагедии из духа музыки (1872) — 372

Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), русский философ, правовед и социолог, глава школы «возрожденного естественного права» в России — 192

– Об общественном идеале. М., 1917 — 192

Новиков (Novikov) Яков Александрович (Jacques) (1849–1912), русско-французский социолог и публицист; фабрикант, владелец крупнейшего в России второй половины XIX в. канатного завода — 399

Новые идеи в биологии. Сб. № 4: Наследственность. СПб., 1914 — 331

Новые идеи в социологии. Сб. № 1: Социология. Ее предмет и современное состояние. СПб., 1913 — 207

Новые идеи в социологии. Сб. 2: Социология и психология. СПб., 1914 — 222, 345, 393

Новые идеи в философии. Сб. 1–10. СПб., 1912–1914 — 345

Новые идеи в экономике. Сб. 2: Теория народонаселения и мальтузианство. СПб., 1914 — 307

Новые идеи в экономике. Сб. 5: Закономерность общественного развития. Пг., 1914 — 273

Ньютон (Newton) Исаак (1643–1727), английский физик и математик, создавший теоретические основы классической механики и астрономии — 212, 392, 413, 421, 422, 518, 522

О

- Обозненко** Петр Евграфович (1862–?), русский врач-фармаколог и социолог, автор книги «Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета и Калинкинской больницы» (СПб., 1896) — 293
- Ольга** (ок. 890–969), великая княгиня Киевская, жена князя Игоря; после убийства мужа древлянами (945 г.) жестоко подавила их восстание — 180
- Оствальд** (Ostwald) Вильгельм Фридрих (1853–1932), немецкий химик и философ, лауреат Нобелевской премии по химии (1909) — 259
– Великие люди. Вятка, 1910 — 259
- Острогорский** (Ostrogorski) Михаил Яковлевич (1854–1919), русский юрист, историк и политолог — 259
– La démocratie et les partis politiques. Paris, 1912 (рус. перевод: Демократия и политические партии. М., 1997) — 259

П

- Павел**, апостол — 33
- Павлов** Иван Петрович (1849–1936), русский физиолог, академик (с 1907 г.), создатель учения о высшей нервной деятельности — 297, 335
– Лекции о работе главных пищеварительных желез. СПб., 1897 — 297
– Настоящая физиология головного мозга // Природа. 1917, № 1 — 335
- Павленков** Флорентий Федорович (1839–1900), русский книгоиздатель и просветитель; в основанной им в 1890 г. биографической серии «Жизнь замечательных людей» было издано около 200 биографий великих людей — 259
- Палант** (Palante) Жорж (1862–1925), французский социолог, представитель индивидуалистического направления — 232, 238, 240, 343, 393
– Очерк социологии. М., 1910 — 232, 238, 240, 393
– Les antinomies entre l'individu et la société. Paris, 1913 (част. рус. перевод П.А. Сорокина: Антиномия между личностью (индивидом) и группою (обществом) в области духовной, преимущественно умственной жизни // Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. 2) — 343, 393
- Паран-Дюшатле** (Parent-Duchatelet) Алексис Жан Батист (1790–1836), французский врач, доктор медицины, президент совета оздоровления Парижа, специалист по вопросам гигиены, автор исследования «De la prostitution dans la ville de Paris [Проституция в Париже]» (1857) — 293
- Парето** (Pareto) Вильфредо (1848–1923), итальянский социолог и политэконом — 307, 338, 363, 401
– Trattato di Sociologia generale [Трактат по общей социологии]. Firenze, 1916, vol. I–II — 307, 338, 363

- Паскаль** (Pascal) Блез (1623–1662), французский философ, физик и математик — 388
- Пастер** (Pasteur) Луи (1822–1895), французский ученый, основоположник микробиологии и иммунологии — 467
- Паттен** (Patten) Саймон Нильсон (1852–1922), американский экономист и социальный философ — 401
- Петр I Великий** (1672–1725), русский царь с 1682 г., первый российский император с 1721 г. — 62, 286
- Петражицкий** Лев Иосифович (1867–1931), польско-русский социолог и правовед — 181–182, 186, 192, 222, 297, 343, 345, 372, 381, 401
 – Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1907 — 192, 222, 297, 343, 345, 381
 – Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907, т. I–II — 192, 381
- Петри-Тонелли** (Pietri-Tonelli) Альфонсо де (1883–1952), итальянский экономист и социолог — 307
 – Il problema della procreazione. Inchiesta sul «neomalthusianesimo» [Проблема деторождения. Исследование «неомальтузианства»]. Milan, 1911 — 307
- Пилер**, Ле Пилёр (Le Pileur) Луи (1839–1921), французский врач, главный врач тюрьмы Сен-Лазар, специалист по венерическим заболеваниям, в 1911–1912 гг. – президент Французского общества истории медицины, автор исследования «Проституция в XIII–XVII вв. (La prostitution du XIIIe au XVIIe siècle. Documents tirés des archives d’Avignon, du Comtat Venaissin de la principauté d’Orange et de la ville libre impériale de Besançon. Paris, 1908); на русский язык переведена его статья «Проституция» (Русский журнал кожных и венерических болезней. 1901, № 5–6) — 293
- Пирсон** (Pearson) Карл (1857–1936), английский математик, биолог и философ, один из основоположников биометрики — 269, 273, 345
 – Грамматика науки. СПб., 1911 — 273, 345
- Писистратиды**, знатный афинский род, в более узком смысле – сыновья тирана Писистрата (ок. 602–527 до н. э.) Гиппий и Гиппарх, продолжившие политику отца, что стало причиной заговора Гармодия и Аристокитона — 184
- Платон** (427–347 до н. э.), древнегреческий философ — 369, 397
- Плеханов** Георгий Валентинович (1856–1918), русский философ и публицист, первый теоретик и пропагандист марксизма в России — 393
 – К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. 1895 (под псевдонимом: Бельтов) — 393
- Покровский** Иосиф Алексеевич (1868–1920), русский юрист, профессор римского и гражданского права — 192, 259
 – Основные проблемы гражданского права. Пг., 1917 — 192, 259
- Полное собрание законов Российской Империи** (первое собрание), вышло в 1830 г., состоит из 45 томов и включает в себя 30 920 актов, выпущенных в период с 1649 г. по 12 де-

кабря 1825 г., от Соборного уложения царя Алексея Михайловича до конца царствования Александра I — 77

Полное собрание законов Российской Империи (второе собрание), выпускалось ежегодно в 1830–1884 гг., состоит из 55 томов и содержит более 60 тысяч законодательных актов с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г., т. е. охватывает царствования Николая I и Александра II — 77

Полное собрание законов Российской Империи (третье собрание), выходило ежегодно до 1916 г., состоит из 33 томов и включает более 40 тысяч законодательных актов с 1 марта 1881 г. до конца 1913 г. (время правления Александра III и Николая II) — 77

Помпадур (Pompadour) Жанна-Антуанетта Пуассон (1721–1764), маркиза, фаворитка французского короля Людовика XV, оказывавшая большое влияние на государственные дела — 300

Пост (Post) Альберт Герман (1839–1895), немецкий антрополог и историк, исследователь первобытной культуры; специалист по сравнительному правоведению — 183

Продолжения к Своду законов, к первому изданию Свода законов (1833) вышло 6 томов Продолжений (1834, 1835, 1836, 1837, 1838 и 1840 гг.), ко второму (1842) – 19 томов; практика изданий Продолжений к Своду имела место и в XX в. — 77

Прокон, под этим именем известны два деятеля гуситского революционного движения: Прокон Большой (ок. 1380–1434), с 1426 г. – главный политический и военный руководитель таборитов, и Прокон Малый, с 1428 г. – начальник так называемых сирот (одного из революционных направлений гуситов); оба погибли в битве под Липанами — 420

Пухта (Puchta) Георг Фридрих (1798–1846), немецкий юрист, представитель исторической школы права — 92

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), русский поэт и писатель — 212, 320, 392, 460

Р

Ра (*миф.*), в древнеегипетской религии – бог солнца; впоследствии представление о нем слилось с представлением о боге Фив Амоне — 362

Ратцель (Ratzel) Фридрих (1844–1904), немецкий географ, этнограф и социолог — 259, 272, 288, 400
– Антропогеография [Anthropogeographie. Bd. 1–2, Stuttgart, 1882–1891] — 259, 288

Рахиль (*библ.*), младшая дочь Лавана, вторая жена Иакова (Быт. 29: 6, 28 и др.) — 301

Ревилль (Réville) Альбер (1826–1906), французский протестантский теолог — 488

Рей (Rey) Абель (1873–1940), французский философ и историк науки, профессор Сорбонны — 345
– К абсолютному позитивизму. СПб., 1910 — 345

- Рембрандт** Харменс ван Рейн (Rembrandt Harmensz van Rijn) (1606–1669), голландский живописец, рисовальщик и офортист — 371, 518
- Ренан** (Renan) Жозеф Эрнест (1826–1892), французский писатель, историк религии, филолог-востоковед — 389
- Рибо** (Ribot) Теодюль Арман (1839–1916), французский психолог — 327, 353, 372
 – Психология чувств. СПб., 1898 — 372
 – Эволюция общих идей. М., 1898 — 353
- Риголаж** (Rigolage) Жюль Эмиль (1840–1927), французский писатель, издатель компендиума учения О. Конта «Позитивная философия» (1880–1881, т. 1–2) — 353
 – Социология Конта в изложении Риголажа. СПб., 1898 — 353
- Ригведа**, первый из четырех сборников (самхит), входящих в состав Вед; представляет собой сборник гимнов и содержит более тысячи стихов — 53
- Риттер** (Ritter) Карл (1779–1859), немецкий географ, профессор Берлинского университета (с 1820 г.), один из создателей геополитики — 400
- Робеспьер** (Robespierre) Максимилиан (1758–1794), деятель Великой французской революции, один из лидеров якобинцев — 256, 380
- Робинзон**, главный герой романа Д. Дефо «Робинзон Крузо» — 201
- Рожков** Николай Александрович (1868–1927), русский историк — 393
 – Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Пг.-М., 1918, т. I — 393
- Романов** Николай – см. Николай II
- Росс** (Ross) Эдвард Олсворт (1866–1951), американский социолог и социальный психолог — 238, 322
 – Social Control. A Survey of the foundations of order [Социальный контроль. Исследование основ общественного порядка]. New York, 1904 — 238
 – Foundations of Sociology [Основания социологии]. New York – London, 1905 — 322
- Росси** (Rossi) Пеллегрини (1878–1948), итальянский социолог и психолог — 318
- Рубакин** Николай Александрович (1862–1946), русский книговед, библиограф и писатель, с 1907 г. в эмиграции — 259, 267
 – Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. М., 1915, т. III — 259, 267
- Рузвельт** (Roosevelt) Теодор (1858–1919), американский политик, 26-й президент США (1901–1909), представитель Республиканской партии, лауреат Нобелевской премии мира (1906) — 532
- Русская Правда**, памятник древнего русского права, открытый В.Н. Татищевым в 1738 г. в списке Новгородской летописи, написанном в конце XV в. — 54, 96, 177
- Руссо** (Rousseau) Жан-Жак (1712–1778), французский писатель, философ, публицист, композитор — 90, 91, 135, 360, 397

С

- Савиньи** (Savigny) Фридрих Карл фон (1779–1861), немецкий историк, юрист и правовед, представитель исторической школы права — 92
- Сарданапал**, Ашшурбанипал, ассирийский царь, правивший в 669 – ок. 633 гг. до н. э. (ум. в 625 г.), имя которого стало нарицательным именем любителя роскоши и изнеженности — 184
- Свод законов Российской империи**. СПб., 1906–1913, т. I–XVI — 25, 52, 77
- Сен-Симон** (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа (1760–1825), французский мыслитель, социолог, социалист-утопист — 397
- Сервет** (Servetus) Мигель (1511–1553), испанский мыслитель, теолог, естествоиспытатель и врач, сожженный на костре в Женеве 27 октября 1553 г. как еретик — 258, 361
- Сервий Туллий** (Servius Tullius), согласно античному преданию, шестой царь Древнего Рима (578–534/533 до н. э.) — 184
- Сигеле** (Sighele) Сципион (1868–1913), итальянский социолог, ученик и последователь Э. Ферри — 318, 322, 393
– Преступная толпа. Опыт коллективной психологии. СПб., 1896 (переиздано в сб.: Преступная толпа. М., 1998) — 322, 393
- Симон** (Simon) Теодор (1873–1961), французский психолог, руководитель Педагогической лаборатории в Париже, в 1920–1930-х гг. заведовал колонией для умственно отсталых; в 1905 г. совместно с А. Бине разработал первую «шкалу умственного развития Бине–Симона» — 523
- Смит** (Smith) Адам (1723–1790), английский экономист и философ — 366, 397
- Собрания узаконений и распоряжений правительства, издаваемые при Правительствующем Сенате**, официальное печатное издание государственных органов власти Российской империи и Временного правительства России, выходившее с 1 января 1863 г. в качестве приложения к «Сенатским ведомостям» — 67, 69
- Сократ** (ок. 470–399 до н. э.), древнегреческий философ — 258
- Солнцев** Сергей Иванович (1872–1936), русский экономист, до революции занимавшийся исследованием бюджетов рабочих и проблемами заработной платы; с 1929 г. входил в Совет по изучению производительных сил — 259, 267
– Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. Томск, 1917 — 259, 267
- Солон** (ок. 640–560 до н. э.), финский законодатель и поэт — 40, 95
- Сорель** (Sorel) Жорж (1847–1922), французский социальный философ, теоретик анархо-синдикализма — 381
– Размышления о насилии. М., 1907 — 381

Сорокин Питирим Александрович:

- Система социологии. Пг., 1920, т. I — 207, 222, 232, 238, 240
- Система социологии. Пг., 1920, т. II — 243, 259, 267, 484
- Система социологии, т. III (нереализованный замысел) — 271
- Система социологии, т. IV (нереализованный замысел) — 271, 385
- Система социологии, т. V (нереализованный замысел) — 271, 385
- Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1914 — 192, 238, 378, 381
- Э. Дюркгейм о религии // Новые идеи в социологии. СПб., 1914, сб. 4 — 259, 363
- Теория факторов М.М. Ковалевского // М.М. Ковалевский – ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851–1916). Сборник статей. Пг., 1917 — 273
- Элементарный учебник общей теории права. Ярославль, 1920 — 378, 381
- Социальная механика, часть задуманной Сорокиным «Системы социологии», которая не была им написана — 271, 396

Спенсер (Spenser) Герберт (1820–1903), английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма — 84–86, 166, 186, 212, 229, 259, 288, 304, 307, 327, 363, 372, 398, 399, 488

- Основания социологии. СПб., 1898, т. I–II — 259, 288, 363
- Личность против государства (The man versus the state. 1884; рус. перевод: Личность и государство. СПб., 1908) — 259
- Основания биологии, т. I // Собрание сочинений в 7-ми тт. СПб., 1867–1869, т. 6, вып. 9–10 — 307
- Опыты научные, политические и философские. 1891, т. 2: XI. Грациозность — 372

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), русский государственный деятель — 77

Спиридович Александр Иванович (1873–1952), генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, начальник императорской дворцовой охраны, автор одних из первых научных трудов по истории партий эсеров и РСДРП, с 1920 г. – в эмиграции — 259

- Революционное движение в России. Вып. 1: Российская социал-демократическая рабочая партия. СПб., 1914; вып. 2: Партия Социалистов-Революционеров и ее предшественники. Пг., 1916 г. — 259

Стивенсон, Стефенсон (Stephenson) Джордж (1781–1848), английский изобретатель, положивший начало паровому железнодорожному транспорту, в 1825 г. построил первую железную дорогу общественного пользования — 467

Судебник Ивана Грозного, Судебник 1550 (Второй судебник, Судебник Ивана IV), содержит 100 статей — 187, 190

Сутерланд, Сазерленд (Sutherland) Александр (1852–1902), австралийский натуралист, историк, журналист и литературовед — 173, 304, 317

- Происхождение и развитие нравственного инстинкта. СПб., 1900 — 317

Сцилла и Харибда, в древнегреческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам узкого пролива и губившие проплывавших между ними мореходов — 195

Т

- Тагор** Рабиндранат (1861–1941), индийский писатель, поэт и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии (1913) — 431
- Тард** (Tarde) Габриэль (1843–1904), французский социолог, один из основоположников социальной психологии и главных представителей психологического направления в социологии — 259, 271, 318–320, 322, 353, 372, 393, 399, 401
 – Законы подражания. СПб., 1892 — 322, 393
 – Социальная логика. СПб., 1901 — 353
 – Социальные законы. СПб., 1906 — 322, 353
 – Теории психических воздействий // Проблемы социологии: От теории психических воздействий до истории самоубийства. Лекции профессоров Русской Высшей школы общественных наук в Париже. Париж, 1912 — 372
- Тарановский** Федор Васильевич (1875–1936), русский государствовед и историк русского и славянского права, с 1920 г. – в эмиграции — 192, 381
 – Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917 — 192, 381
- Тахтарев** Константин Михайлович (1871–1925), историк первобытной культуры и социолог, в 1890–1900 гг. участник революционного движения, с 1897 г. – в эмиграции; ученик и последователь М.М. Ковалевского; с 1917 г. преподавал в Петроградском университете, с 1924 г. – сотрудник института К. Маркса и Ф. Энгельса — 363
 – Очерки по истории первобытной культуры. СПб., 1907 — 363
- Твен** (Twain) Марк (настоящее имя – Сэмюэл Клеменс; 1835–1910), американский писатель, журналист и общественный деятель — 309, 477, 532
 – Жизнь на Миссисипи (1883) — 477
 – Пережитое. СПб., 1911 — 309
- Тейлор**, Тайлор (Tylor) Эдуард Бернетт (1832–1917), английский этнограф, исследователь первобытной культуры, наряду с Г. Спенсером и др. создатель эволюционной школы в истории культуры и этнографии — 363, 489
 – Первобытная культура (1871) (рус. перевод: СПб., 1896; М., 1939; М., 1989) — 363
- Тимон Афинский** (V в. до н. э.), знаменитый мизантроп, который, разочаровавшись в друзьях и согражданах, стал отшельником; упоминается в сочинениях Лукиана, на основе которых были написаны трагедия Шекспира «Тимон Афинский» и «Человеконенавистник» Шиллера — 159
- Тихон** (в миру Василий Иванович Белавин) (1865–1925), патриарх Московский и всея Руси (с 1917 г.), активный борец против Советской власти, предавший ее анафеме, в мае 1922 г. привлечен к суду и заключен под домашний арест в Донском монастыре — 264
- Толстой** Лев Николаевич (1828–1910), русский писатель и мыслитель — 212, 298
 – Отец Сергей (1890, опубл. в 1911) — 298
- Томас** (Thomas) Уильям Айзек (1863–1947), американский социолог и социальный психолог — 481

- Трубецкой Евгений Николаевич** (1863–1920), князь, русский религиозный философ, правовед и общественный деятель — 192
– Энциклопедия права. М., 1908 (2-е изд. 1913) — 192
- Туган-Барановский Михаил Иванович** (1865–1919), русский экономист, историк, представитель «легального марксизма», в 1917–1918 гг. – министр финансов Центральной Рады — 259, 273, 307, 393
– Основы политической экономии. СПб., 1909 — 259
– Подчиняется ли история общества законам развития // Новые идеи в экономике. Сб. № 5: Закономерность общественного развития. СПб., 1914 — 273
– Теория народонаселения при свете новых фактов // Новые идеи в экономике. Сб. 2: Теория народонаселения и мальтузианство. СПб., 1914 — 307
– Теоретические основы марксизма. СПб., 1906 — 393
- Тысяча и одна ночь**, арабские народные сказки — 431
- Турго (Turgot) Анри Робер Жак** (1727–1781), французский государственный деятель, философ-просветитель и экономист, сотрудник «Энциклопедии» — 397

У

- Уложение царя Алексея Михайловича**, свод законов, утвержденный земским Собором 1649 г. — 77
- Ульпиан** (170–228), римский юрист, сторонник естественного права — 360–361
- Ульянов В.** – см. Ленин В.И.
- Умов Николай Алексеевич** (1846–1915), русский физик и мыслитель — 353
– Физические науки в служении человечеству // Природа. 1913, № 2 — 353
- Уорд (Ward) Лестер Франк** (1841–1913), американский социолог, палеонтолог, один из основателей палеоботаники, основоположник психологического эволюционизма в США, первый президент Американского социологического общества — 338, 372, 381, 399, 401
– Психические факторы цивилизации. М., 1897 — 338, 372, 381
– Очерки социологии. М., 1901 — 338
– Pure Sociology: A Treatise the Origin and Spontaneous Development of Society [Чистая социология. Трактат о возникновении и спонтанном развитии общества]. New-York, 1903 — 381
- Учреждения Вишну**, Вишну-смрити (VII–X вв.), сборники древнеиндийских правил и предписаний, регламентирующих личную жизнь человека и содержащих правовые, религиозные, морально-этические и другие нормы поведения — 53

Ф

- Фарадей (Faraday) Майкл** (1791–1867), английский физик и химик, основоположник учения об электромагнитном поле — 467

- Фаренгейт** (Fahrenheit) Габриэль-Даниэль (1686–1736), немецкий физик; изготовивший термометр и барометр, а также первый весовой ареометр и термобарометр — 277, 425
- Фаусек** Виктор Андреевич (1861–1910), русский зоолог и энтомолог, пропагандист женского образования, профессор Женского медицинского института и директор Высших женских (Бестужевских) курсов (1905–1910) — 313
– Этюды по вопросам биологической эволюции. СПб., 1899 (статьи: «Автономия и болевая чувствительность у животных», «Раздражимость низших организмов») — 313
- Ферворн** (Verworn) Макс (1863–1921), немецкий физиолог и философ, создатель целлюлярной физиологии нервной системы; автор ряда работ по филологическим основам памяти, поведения и характера — 372
– Die Anfänge der Kunst [Зарождение искусства]. Jena, 1909 — 372
- Филарет** (в миру Василий Михайлович Дроздов; 1782–1867), митрополит Московский и Коломенский, крупнейший православный богослов, член Императорской Российской академии, автор «Пространного Православного катехизиса», в котором дано такое определение Бога: «Бог есть Дух Вечный, Всеблагий, Всеведущий, Всеправедный, Всемогущий, Вездесущий, Неизменяемый, Вседовольный, Всеблаженный» (§ 86) — 248
- Фино** (Finot) Жан (1856–1922), французский антрополог и публицист — 259, 317
– Агония и смерть человеческих рас. М., 1913 — 259, 317
- Флобер** (Flaubert) Гюстав (1821–1880), французский писатель — 298
– Полное собрание сочинений. СПб., 1913, т. 3: Испытание святого Антония — 298
- Фойницкий** Иван Яковлевич (1847–1913), проф. Петербургского университета, специалист в области уголовного права, уголовного процесса и тюремоведения — 179
- Фома Аквинский**, Аквинат (1225/1226–1274), монах-доминиканец, философ и богослов, систематизатор ортодоксальной схоластики — 397
- Форд** (Ford) Генри (1863–1947), американский промышленник, владелец заводов по производству автомобилей, изобретатель, миллиардер и филантроп (и одновременно антисемит, симпатизирующий Гитлеру) — 526, 532
- Франклин** (Franklin) Бенджамин (1706–1790), американский просветитель, государственный деятель, ученый — 532
- Фулье** (Fouillée) Альфред (1838–1912), французский философ, социолог и психолог, представитель органической школы в социологии — 353
– La psychologie des idées-forces [Психология идей-сил]. Paris, 1890 — 353
- Фюстель де Куланж** (Fustel de Coulanges) Ньюма Дени (1830–1889), французский историк — 363
– Гражданская община древнего мира (рус. перевод: 1867) — 363

Х

- Хаммурапи** (Hammurabi), царь Вавилонии в 1792–1750 гг. до н. э., с именем которого связано ее возвышение; в конце его царствования был создан свод законов, известный под названием «Законы Хаммурапи» — 24, 184, 185, 451

- Харузин** Николай Николаевич (1865–1900), русский этнограф и историк, первым в России начавший читать курс этнографии в Московском университете и Лазаревском институте восточных языков — 307, 363
– Этнография. СПб., 1893, вып. II: Семья и род — 307
– Этнография. М., 1905, т. IV — 363
- Хвостов** Вениамин Михайлович (1868–1920), русский правовед и социолог, покончил с собой — 288
– Социология. Ч. 1: Исторический очерк учений об обществе. М., 1917 — 288
- Хокси** (Hoxie) Роберт Франклин (1868–1916), американский экономист, противник тейлоризма — 480
- Христос** – см. ИисусХристос.
- Хуаррос** (Хуаррос-и-Монтуфар; Juarros y Montúfar) Доминго (1753–1821) испанский историк и этнограф, исследовавший нравы и обычаи индейцев племени киче, автор «Компендиума истории города Гватемала» (Compendio de la Historia de la ciudad de Guatemala, 1818) — 183

Ц

- Циген** (Ziehen) Теодор (1862–1950), немецкий философ и психолог — 222, 343
– Физиологическая психология. М., 1909 — 222, 343
- Цицерон** (Cicero) Марк Туллий (106–43 до н. э.), римский оратор и политический деятель — 360, 513

Ч

- Чернов** Виктор Михайлович (1873–1953), русский философ и общественно-политический деятель, теоретик и лидер партии эсеров, в мае-августе 1917 г. – министр земледелия Временного правительства, с 1920 г. в эмиграции — 259, 393
– Основные вопросы пролетарского движения // Чернов В.М. Собрание сочинений. Пг., 1918, вып. II — 259
– Философские и социологические этюды. М., 1907 — 393
- Четьи-минеи**, произведения русской церковно-исторической и духовно-учительной литературы, в которых по порядку месяцев (отсюда их название – минеи, от греческого слова μῆν) и дней каждого месяца излагаются повествования о жизни святых православной церкви — 297
- Чехов** Антон Павлович (1860–1904), русский писатель — 320, 362
– Палата № 6 (1892) — 320
- Чупров** Александр Иванович (1842–1908), русский экономист, публицист и статистик, общественный деятель, один из создателей земской статистики — 273
– Очерки по теории статистики. СПб., 1909 — 273

Ш

- Шаляпин** Федор Иванович (1873–1938), русский певец — 371
- Шекспир** (Shakespeare) Уильям (1564–1616), английский драматург и поэт — 320
– Тимон Афинский — 159
- Шерлок-Холмс**, Шерлок Холмс (Sherlock Holmes), литературный персонаж, созданный А. Конан Дойлем, лондонский частный сыщик — 572
- Шершеневич** Габриэль Феликсович (1863–1912), русский юрист, цивилист, профессор Казанского и Московского университетов — 192
– Общая теория права. М., 1910, т. 1–2 — 192
- Шеффле** (Schäffle) Альберт Эберхард Фридрих (1831–1903), немецкий экономист, социолог и политический деятель, представитель органической школы — 399
- Шимкевич** Владимир Михайлович (1858–1923), русский зоолог, академик, в 1918–1923 гг. – ректор Петербургского университета — 291
– Биологические основы зоологии [у Сорокина ошибочно: Общие основы биологии]. СПб., 1907 — 291
- Шишкин** Иван Иванович (1832–1898), русский художник-пейзажист — 431
- Шмоллер** (Schmoller) Густав (1838–1917), немецкий экономист, историк, государственный и общественный деятель, ведущий представитель так называемой новой (молодой) исторической школы в политэкономии — 482
- Шопенгауэр** (Schopenhauer) Артур (1788–1860), немецкий философ — 372
– Мир как воля и представление (1819) — 372
- Штаммлер** Рудольф (1856–1938), немецкий теоретик права, неокантианец, близкий к немецкому катедер-социализму — 192
– Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории. СПб., 1907, т. I–II — 192
- Штейнмец** (Steinmetz) Рудольф (1862–1940), голландский историк права, этнолог и социолог, профессор антропологии и социологии в Утрехте и Амстердаме — 177

Э

- Эбер** (Hébert) Жак Рене (1755–1794), деятель французской революции — 380
- Эда**, основное произведение германо-скандинавской мифологии — 431
- Эдисон** (Edison) Томас Алва (1847–1931), американский изобретатель в области электротехники и предприниматель — 257, 532
- Эллвуд** (Ellwood) Чарлз (1873–1946), американский социолог, профессор университета в Миссури, 14-й президент Американского социологического общества (1924) — 401

- Эльстер** (Elster) Людвиг (1856–1935), немецкий экономист — 307
– Экономисты современной эпохи и Роберт Мальтус // Новые идеи в экономике. Сб. 2: Теория народонаселения и мальтузианство. СПб., 1914 — 307
- Энгельс** (Engels) Фридрих (1820–1895), немецкий философ, историк, публицист, соратник К. Маркса — 53, 271, 360, 393, 401
– Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный г-ном Евгением Дюрингом (Anti-Dühring. Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. 1878) — 393
- Энний** Квинт (239–169 до н. э.), выдающийся римский поэт архаического времени, автор «Анналов», «Сагир», басен и эпиграмм — 455
- Эсмен** (Esmein) Жан Поль (1848–1913), французский юрист, историк права, представитель исторической школы в праве, автор «Элементарного курса истории французского права» (1892) — 259
- Эспинас** (Espinas) Виктор Альфред (1844–1922), французский философ и социолог, сторонник эволюционной теории — 353
– L'origine de la technologie [Возникновение технологии]. Paris, 1897 — 353

Ю

- Юз**, Хьюз (Hughes) Джон Джеймс (1814–1889), английский промышленник, с 1869 г. жил в России; основатель «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств», основатель г. Донецка (до 1923 г. носившего в честь него название «Юзовка») — 532

Я

- Ярила**, Ярило, в славянской мифологии – бог солнца — 300

Beloch – см. Белох К.Ю.

Coste – см. Кост А.

Demolin – см. Демолен Э.

Draghicesco – см. Драгическо Д.

Espinas – см. Эспинас В.А.

Gini – см. Джини К.

Hoxie – см. Хокси Р.Ф.

Langerock – см. Лангерок Ю.

Larouge – см. Лапуж Ж.В. де

Ostrogorski – см. Острогорский М.Я.

Palant – см. Палант Ж.

Pareto – см. Парето В.

Ross – см. Росс Э.О.

Thomas – см. Томас У.А.

Tonelli – см. Пиетри-Тонелли А. де

Vaccaro – см. Ваккаро М.

Veblen – см. Веблен Т.

Verworn – см. Ферворн М.

Westermarck – см. Вестермарк Э.

Составитель – В.В. Сапов

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Сапов. Питирим Сорокин – популяризатор социального знания..... 7

ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИК ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА В СВЯЗИ С УЧЕНИЕМ О ГОСУДАРСТВЕ

Введение. Понятие об общей теории права.....	23
Глава I. Что такое право	24
§ 1. Главнейшие теории права	24
Право как правила поведения, данные божеством	24
Право как официальный закон государства	25
Право как веления или обязательные правила поведения, издаваемые или признаваемые государством	25
Право как принудительные правила поведения.....	26
Право как общая воля.....	27
Право как охрана свободы	28
Право как защита и разграничение интересов	28
§ 2. Понятие правовой нормы.....	28
Право как совокупность правил поведения	28
§ 3. Основные отличительные черты юридических норм как правил поведения.....	30
Отличие норм права от норм нравственности	32
Отличие норм права и нравственности от недозволенных и безнравственных правил поведения	35
Отличие права и нравственности от чисто технических правил поведения.....	35
Правовые и религиозные нормы поведения.....	36
Правовые нормы и правила поведения «моды» и «житейского этикета»	37
Глава II. Реальность права и основные формы его внешнего проявления	39
§ 1. Правовая норма как психическое явление (правовое убеждение).....	39
§ 2. Объективные проявления правовых убеждений.....	39
Речь как способ выявления правового убеждения.....	40
Символические акты как способ выявления и закрепления правового убеждения	40

	Письменность как способ выявления и закрепления правовой нормы.....	40
	Поведение людей как выявление правовых убеждений.....	41
	Общественные институты и организация общества как проявление правовых убеждений.....	41
	Право – сила.....	43
Глава III.	Анализ правовой нормы.....	44
§ 1.	Диспозиция и санкция правовой нормы.....	44
	Виды санкций.....	44
§ 2.	Понятие субъекта права.....	45
	Индивидуальные субъекты права.....	45
	Правоспособность.....	46
	Дееспособность.....	46
	Условия, влияющие на объем права и дееспособности.....	46
	Коллективные субъекты права.....	48
	Юридическое лицо.....	48
	Рост общественной роли юридических лиц.....	49
§ 3.	Понятие субъекта обязанности.....	50
	Его виды.....	50
	Права и обязанности в прошлом и теперь.....	50
§ 4.	Объекты права и объекты обязанности.....	51
	Виды объектов права.....	51
	Виды объектов обязанности.....	52
§ 5.	Ссылка на источник права.....	52
	Виды источников права.....	53
	Источники права современных государств.....	53
	Обычай как источник права.....	53
	Судебные решения как источник права.....	54
	Официальный закон как источник права.....	55
§ 6.	Дополнительные условия: времени, места и т. п.....	56
§ 7.	Адресат правовых действий.....	56
	Полная и сокращенная редакция правовой нормы.....	57
	Резюме.....	57
Глава IV.	Неофициальное и официальное право.....	58
§ 1.	Общая характеристика официального права.....	58
	Взаимоотношение официального и неофициального права.....	59
	Влияние неофициального права на официальное.....	61
	Влияние официального права на неофициальное.....	62
Глава V.	Учение о законном праве.....	64
§ 1.	Понятие закона.....	64
	Законы «основные» и «обыкновенные».....	65
§ 2.	Стадии образования закона.....	65
	Инициатива закона.....	65
	Обсуждение закона и установление его текста.....	66
	Утверждение закона.....	67
	Обнародование закона.....	67

§ 3. Действие закона	68
Действие закона во времени	68
Действие закона в пространстве.....	70
Действие закона в отношении лиц	71
Привилегии.....	71
§ 4. Толкование закона.....	74
Понятие	74
Виды толкований.....	74
Систематическое толкование	75
Историческое толкование	75
Судья и толкование закона	76
§ 5. Инкорпорация и кодификация законов	77
Инкорпорация и кодификация русского законодательства	77
§ 6. Деление законов по характеру регулируемых ими отношений.....	78
Государственное право и наука государственного права	78
Административное или полицейское право и наука административного права	78
Гражданское право и наука гражданского права.....	79
Торговое право и наука торгового права.....	79
Уголовное право и наука уголовного права.....	79
Судебно-процессуальное право и наука судебного права.....	79
§ 7. Деление права на публичное и частное	80
Материальный критерий различия.....	81
Формальный критерий различия.....	81
Ошибочность деления права на частное и публичное	82
Иные способы деления правоотношений	82
Централизованное и децентрализованное регулирование.....	82
Оценка обоих приемов	84
Антицентралисты и антигосударственники	84
Централисты и государственники	85
Критика	86
Условия, от которых зависит целесообразность обоих способов регуливки.....	87
Глава VI. Происхождение права	90
§ 1. Теория происхождения права	90
Теория божественного происхождения права.....	90
Договорная теория	90
Теория естественного права.....	91
Историческая школа	92
§ 2. Жизнь в обществах как основное условие происхождения права	92
Человек – общественное животное.....	92
Общество и порядок	93
Бессознательное возникновение порядка в древних обществах	93
Осознание шаблонов поведения.....	94
Рост роли сознания в установлении и изменении законов	95

Появление писаных законов	95
Возникновение права и борьба за право	96
§ 3. Какие поступки считались обязательными и дозволенными, какие недозволенными и почему?	96
Необходимые ограничения общего правила	99
Как устанавливается, поддерживается и изменяется официальное право группы?	101
Значение принуждения и признания	101
Глава VII. Социальные функции права. Закон, суд и власть как проявление этих функций	106
§ 1. Основные социальные функции права	106
§ 2. Распределительная роль права	106
Закон как проявление распределительной роли права	108
Суд как проявление распределительной роли права	109
§ 3. Организационная роль права	109
Власть и право	110
Власть как проявление организационной роли права	110
Сущность власти	110
Глава VIII. Право и основные формы общественной организации	112
§ 1. Характеристика главных исторических форм общежития	112
Тотемическое общество	112
Родовое общество	114
Территориально-племенное общество	116
Государство	117
Государство и право	117
Глава IX. Учение о государстве	118
§ 1. Понятие государства	118
Народ и государство	118
Государство и религиозный союз	119
Государство и национальность	120
Государство и класс	121
Государство и другие общества	122
Государственная власть и ее признаки	122
Государственная территория	124
§ 2. Единство государственной власти и ее основные функции	124
Теория разделения власти	125
§ 3. Формы государства	126
Различие монархии и республики	127
Монархия и ее виды	128
Неограниченная монархия	128
Конституционная монархия	129
Парламентарная монархия	132
Республика и ее виды	134
Прямая, или непосредственная, республика	135
Парламентарная республика	138

Республика, построенная на «разделении властей»	139
Республика Советская	140
Сложное государство	142
Заключение	143
Глава X. Влияние права на общественную жизнь и поведение человека	144
§ 1. Право как фактор. Влияние права как чистой мотивирующей силы	144
Поступки, вызываемые сознанием обязанности	144
Поступки, вызываемые сознанием правомочий	146
Поступки, вызываемые нарушением права	147
Борьба за право. Ее ценность	147
§ 2. Влияние права как принудительной силы	149
Поступки, вызываемые угрозой кары и обещанием награды	150
Поступки, вызываемые правовым принуждением	151
Влияние «правового отбора» на общественную жизнь	152
§ 3. Дрессирующее влияние права	153
Значение повторения в жизни людей	153
Резюме	156
Глава XI. Правовой прогресс человечества и основные законы развития права	157
§ 1. Три основные теории	157
Теория морально-правового регресса	157
Теория круговоротов	157
Теория нравственно-правового прогресса	158
§ 2. Правовой идеал и критерии правового прогресса	158
§ 3. Способы измерения роста и уменьшения человеческой солидарности («морально-правовой термометр»)	161
Критерий интересов личности	161
Критерий правового равенства личностей	161
Критерий количественного роста солидарности и социально- благожелательного поведения	162
Критерий качественного роста солидарности и социально- благожелательного поведения	162
Критерий падения наказаний и наград	163
Критерий качества тех средств, которыми добывается социально- благожелательное поведение	163
§ 4. Исторический закон освобождения личности и роста ее ценности	164
Бесправное положение личности в прошлом	165
Закон индивидуализации личности	166
Формула эволюции Г. Спенсера	166
Освобождение личности из-под опеки и уз власти и социальных групп	167
§ 5. Исторический закон роста правового равенства людей	171
Проявления уравнительной тенденции	171
Неравенство первобытного общества	171
Кастовое неравенство	171
Сословное неравенство	172
Классовое неравенство	172
Падение национального и религиозного неравенства	172

Содержание

§ 6. Исторический закон количественного роста социальной солидарности (закон расширения социально-замыренных кругов)	173
§ 7. Исторический закон качественного роста солидарности и социально-благожелательного поведения	173
§ 8. Исторический закон падения наказаний и наград	174
Историческая роль наказаний	174
Качественное падение наказаний. Кровная месть	176
Ограничения мести	177
Закон талиона	177
Композиции	178
Современные наказания	179
Количественное падение наказаний	179
Круговая ответственность и коллективное наказание	179
Количественное падение кар	180
§ 9. Исторический закон улучшения средств, которыми добывается от людей социально-благожелательное поведение	181
Понятие	181
Улучшение средств побуждения в хозяйственной сфере поведения	181
Улучшение средств в области управления и исполнения общественных обязанностей	183
Какими средствами в древности побуждались к социально-полезному поведению	183
§ 10. Закон частичного колебания постоянных исторических тенденций	187
Закон колебания кар	188
§ 11. Будущее права	190
Краткий список пособий по общей теории права (на русском языке)	192

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ УЧЕБНИК СОЦИОЛОГИИ

Предисловие	195
--------------------------	------------

Введение

Глава I. Предмет и задачи социологии	198
§ 1. Рост человеческих знаний	198
§ 2. Что такое социология и что она изучает	199
Определение социологии	199
Какими условиями определяется поведение людей	200
Зависимость поведения человека от его строения	200
Зависимость поведения человека от других людей	201
Понятие взаимодействия и общества	203
§ 3. Основные отделы социологии	204
§ 4. Важность изучения социологии	206

Часть I

Учение о строении общества

Глава II. Строение простейшего социального явления, его элементы и формы	208
§ 1. Простейшая модель социального явления (общества).....	208
Взаимодействие двух людей как модель социальных явлений	208
§ 2. Элементы явления взаимодействия	209
Индивиды, действия и проводники как элементы	209
Воспринимающие и раздражающие органы человека	209
Проводники взаимодействия и их виды	211
Что такое «материальная культура»	213
§ 3. Основные формы взаимодействия	215
В зависимости от числа индивидов	215
В зависимости от качества индивидов.....	215
Взаимодействие одностороннее и двустороннее	216
Солидарное и антагонистическое.....	216
Кратковременное и длительное	217
Организованное и неорганизованное.....	217
Сознательное и бессознательное	218
Интеллектуальное, чувственное и волевое	218
Все социальные группы и все общественные явления распадаются на очерченные формы взаимодействия.....	219
§ 4. Явление взаимодействия как коллективное единство.....	220
Резюме.....	222
Глава III. Условия возникновения, сохранения и распада коллективных единств ..	223
§ 1. Где, как и почему возникают социальная и общественная жизнь людей.....	223
Космические условия возникновения социальных групп	223
Биологические условия возникновения социальных групп	225
Социально-психические условия возникновения социальных групп	229
§ 2. Как сохраняются и образуются коллективные единства.....	233
Космические, биологические и социально-психические условия существования группы.....	233
Почему группа из неорганизованной становится организованной.....	233
Два пути установления организации и порядка.....	234
Трудность установления порядка.....	237
§ 3. Как распадаются и изменяются коллективные единства	238
Распад социальных групп	238
Изменение социальных групп	240
Глава IV. Строение и расслоение населения	241
§ 1. Расслоение населения на множество групп	241
Население как совокупность множества коллективных единств.....	241
Принадлежность каждого индивида к ряду социальных групп.....	242
§ 2. Важнейшие простые социальные группы	244
Критерии важности.....	244
Перечень важнейших простых социальных групп.....	244
Семейная группировка населения.....	245
Государственная группировка населения	247

Расовая группировка населения	249
Языковая группировка населения	250
Профессиональная группировка населения	251
Имущественная группировка населения	252
Религиозная группировка населения	253
Группировка населения по социальному рангу (объему права).....	254
Партийная группировка населения	255
Группа великих людей	257
Критика упрощенных и односторонних теорий	258
§ 3. Сложные социальные группы и расслоение населения	
по линиям сложных групп	260
Понятие сложной группы.....	260
Разнообразие сложных групп	260
Типичные и нетипичные сложные группы.....	261
Национальность и класс как типичные сложные группы нового времени	261
Внутренне-антагонистические и внутренне-солидарные сложные группы.....	264
Заключительные замечания	266

Часть II

Учение о деятельности людей, факторах поведения и механике общественных процессов

Глава V. Задачи второй части социологии	268
§ 1. Обусловленность человеческого поведения.....	268
Теории «божеского провидения» и «свободы воли»	268
Их критика	269
Обусловленность поведения людей	270
Постановка вопроса.....	270
Теории «монистов» и «плюралистов»	271
Критика монистических теорий	272
Основные группы сил, влияющие на поведение и общественную жизнь людей	273
Глава VI. Влияние космических сил (раздражителей) на поведение и общественную жизнь людей.....	274
Простые и сложные космические раздражители	274
Влияние света и темноты	274
Основные теоремы.....	276
Влияние температуры.....	277
Влияние других простых космических условий.....	279
Влияние сложных космических условий и космической среды вообще.....	280
Ограничение влияния космических факторов другими факторами	286
Глава VII. Влияние биологических сил (раздражителей) на поведение и общественную жизнь людей.....	289
§ 1. Главнейшие биологические раздражители.....	289
Биологические потребности как раздражители	289

Флора и фауна как раздражители	290
Наследственность как фактор	290
Привычка и условные рефлексы как факторы	290
Важность биологических раздражителей	291
§ 2. Потребность питания как фактор	291
Влияние голода на отдельные стороны поведения	291
Влияние голода на все поведение в целом	292
Влияние голода на социальную жизнь	294
Ограничение фактора питания другими	295
§ 3. Потребность размножения как фактор	298
Влияние полового инстинкта на отдельные стороны поведения	298
Влияние его на поведение в целом	299
Влияние его на социальную жизнь	300
Влияние полового инстинкта через размножение	301
Ограничение влияния полового инстинкта другими факторами	302
§ 4. Инстинкт индивидуального самосохранения как фактор	308
Понятие инстинкта индивидуального самосохранения	308
Две его формы	308
Влияние его на поведение и общественную жизнь	310
Ограниченное его влияние	312
§ 5. Инстинкт группового самосохранения как фактор	314
§ 6. Бессознательное подражание как фактор	318
§ 7. Другие биологические условия как факторы	323
§ 8. Влияние наследственности на поведение людей и социальную жизнь	324
§ 9. Условные рефлексы и их роль в поведении человека	332
§ 10. Общее заключение о биологических факторах	335
Глава VIII. Влияние социально-психических раздражителей	
на поведение людей и общественную жизнь	339
§ 1. Общая характеристика социально-психических раздражителей	339
Психические факторы	339
Социальная среда и социальные факторы	339
Классификация социально-психических факторов	341
Освобождающая роль социально-психических раздражителей	341
§ 2. Идеи (представления, понятия и теории) как факторы	343
Знания и верования	343
§ 3. Знание (наука) как фактор	345
Знание как субъективная сила	345
Мнимая бездейственность знания	348
Знание как объективная сила	349
§ 4. Верования (ложные идеи), в частности религия, как фактор	354
Многообразие и распространенность верований	354
Верования как проявления appetites большинства	356
Верования как факторы	357
«Озолочивающая» роль верований	358
Влияние так называемых религиозных верований	359
Иные формы верований и их влияние	360

§ 5. Чувства-эмоции, в частности искусство, как фактор	364
Характеристика чувств-эмоций	364
Их близость к биологическим инстинктам	364
Влияние их на поведение	365
Социальная роль искусства, газет, агитации, пропаганды и т. д.	370
§ 6. Воления, в частности право и нравственность, как фактор.....	373
Характеристика волений	373
Классификация волений.....	374
Воления правовые и нравственные	376
Влияние волений на поведение людей и общественную жизнь.....	376
Влияние нравственно-правовых волений	377
§ 7. Сложные социально-психические условия	
и социально-психическая среда вообще как фактор.....	381
Понятие сложных факторов.....	381
«Экономика» как сложный фактор.....	382
Влияние мертвых поколений и их деятельности	386
Влияние живых людей и их поведения.....	387
Влияние материальной и духовной социальной среды.....	389
§ 8. Общий взгляд на факторы человеческого поведения	
и общественной жизни.....	393
Глава IX. Краткая история социологии и характеристика	
главнейших направлений в области социологической мысли	397
История социологии	397
Характеристика главнейших школ в области социологии	398
«Монисты».....	400
«Плюралисты»	401

ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ПОЛИТИКИ

Лекция первая. Роль наследственных импульсов и свойств	
в поведении людей и в истории народа	405
Лекция вторая. Социальная роль среды вообще и географической среды в частности....	421
Лекция третья. Социальная роль семьи	439
Лекция четвертая. Социальная роль школы	457
Лекция пятая. Влияние профессии на поведение людей и общественную жизнь.....	471
а) Соматическая деформация человека его профессией	
и «профессиональный отбор»	472
б) Профессиональная деформация «бросающихся в глаза»	
двигательных рефлексов и внешнего облика человека	474
с) Психический отбор и психическая деформация человека,	
производимые профессией.....	476
д) Деформация человека как сообщественника, его образа жизни,	
быта и всего поведения, производимая профессией	481

Содержание

Лекция шестая. Существо и социальная роль религии	487
Лекция седьмая. Социальная роль государства	501
Лекция восьмая. Основной принцип распределения индивидов в социальной пирамиде	517
Комментарии	533
Указатель имен и цитируемой литературы	548

ПЛАН-ПРОСПЕКТ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ П.А. СОРОКИНА

- ***Том 1.** Ранние сочинения (1910–1914)
- ***Том 2.** Преступление и кара, подвиг и награда (1914)
- Том 3.** Статьи и рецензии (1915–1918)
- Том 4.** Статьи и рецензии (1919–1923)
- Том 5.** Система социологии (1920)
- ***Том 6.** Популярные очерки общей теории права,
социологии и социальной педагогики и политики (1919–1923)
- ***Том 7.** Голод как фактор (1922)
- ***Том 8.** Прачечная человеческих душ:
Художественные произведения (1907–1923)
- ***Том 9.** Листки из русского дневника. Социология революции (1924)
- Том 10.** Социальная мобильность (1927)
- Том 11.** Современные социологические теории (1928)
- Том 10.** Принципы сельской и городской социологии (1929)
- Том 11–13.** Хрестоматия по сельской социологии (1930–1932)
- Том 14–17.** Социальная и культурная динамика (1937–1941)
- Том 18.** Бюджет времени человеческого поведения (1939).
Социальная причинность, пространство, время (1943)
- ***Том 19.** Кризис нашего времени (1941).
Россия и Соединенные Штаты (1944)
- ***Том 20.** Человек и общество в условиях бедствий (1942)
- Том 21.** Общество, культура и личность (1947)
- Том 22.** Восстановление человечества (1948). SOS: Смысл нашего
кризиса (1951). Американская сексуальная революция (1956)
- Том 23.** Социальные философии в век кризиса (1950).
Причуды и недостатки современной социологии (1956)
- Том 24.** Пути и могущество любви (1954)
- Том 25.** Власть и нравственность (1959).
Основные тенденции нашего времени (1964)
- Том 26.** Дальняя дорога (1963). Автобиографические статьи и материалы
- Том 27.** Социологические теории современности (1966)
- Том 28–29.** Статьи и рецензии. (1923–1968)
- Том 30.** Письма и переписка

Томы, отмеченные звездочкой, вышли в свет

Научное издание

Сорокин Питирим Александрович

**ПОПУЛЯРНЫЕ ОЧЕРКИ ТЕОРИИ ПРАВА,
СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ
1919–1923**